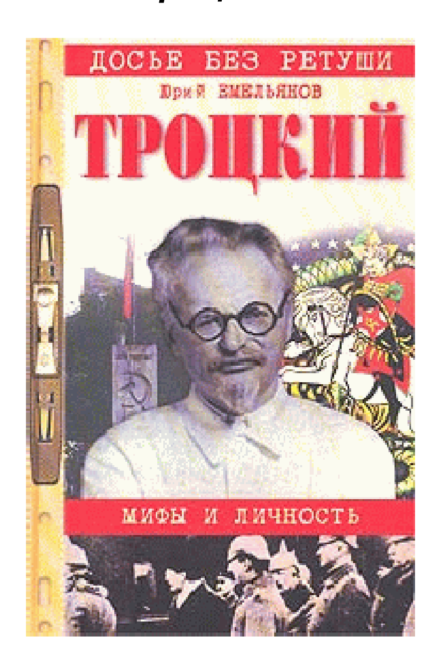
Юрий Васильевич Емельянов
Троцкий. Мифы и личность

Троцкий

Юрий Емельянов
Троцкий. Мифы и личность

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первого мая в центре Москвы возле памятника Карлу Марксу, как всегда в этот день года, было многолюдно. Множество транспарантов, красных знамен, плакатов, сделанных от руки, свидетельствовали о том, что здесь проходит митинг. Однако это собрание не было однородным. На некотором удалении от участников митинга стояли группы людей, явно не разделявших взглядов большинства, но пришедших сюда, чтобы пропагандировать свои идеи. В одной из таких групп выделялся высокий парень славянской внешности с огромным красным флагом в руках. На его белой футболке красовался профиль пышноволосого человека в очках и с бородкой. Под портретом – подпись латинскими буквами: «Leon Trotsky». Здесь собрались последователи троцкизма.

А на плакатах «национал-державной партии» были проклятия в адрес «евреев-комиссаров, захвативших Россию» в октябре 1917 года, перечислялись их имена и первым значилось имя Троцкого.

Стремясь изобразить эпохальные события мировой истории, разные во всех отношениях художники, мексиканец Диего Ривера и русский Илья Глазунов, создали композиции, заполненные огромным количеством человеческих лиц и фигур. И создатель настенной росписи во Дворце изящных искусств в Мехико Ривера и творец картины «XX век» Глазунов сошлись в одном: в их работах присутствует изображение Троцкого. Художники выразили общую мысль: без Троцкого трудно представить себе бурные и противоречивые события недавно завершившегося столетия.

Через 60 с лишним лет после смерти Троцкого и через 70 с лишним лет после его изгнания из Москвы споры вокруг его личности не прекращаются. И это говорит о том, что многие проблемы и конфликты XX века перешли в новый век и новое тысячелетие. И не

случайно фигура Троцкого и в XXI веке возбуждает острые и разноречивые суждения.

Имя Троцкого обрело всемирную известность осенью 1917 года. Описывая эти события в книге «Десять дней, которые потрясли мир», американский журналист Джон Рид оставил немало ярких зарисовок Троцкого, в которых он был изображен блистательным трибуном победившей революции. В первые годы после Октябрьской революции имя Троцкого гремело по всей России. В праздничных колоннах демонстранты несли огромные портреты Троцкого рядом с портретами Ленина, а речи на собраниях завершались здравицами в честь Ленина и Троцкого.

Однако прошло несколько лет и с середины 20-х гг. имя Троцкого стало склоняться в ходе острой полемики внутри правящей коммунистической партии в связи с обвинениями его в раскольнической деятельности. Слова «троцкизм» и «троцкист» стали синонимами идейно-политической неблагонадежности.

В середине же 30-х гг. Троцкий был обвинен в руководстве антигосударственным заговором с целью установления бонапартистской диктатуры, реставрации капитализма, расчленения СССР и передачи его территорий Германии и Японии. Карикатуристы того времени изображали «Иуду-Троцкого» с кровавым топором и в наполеоновской треуголке, пресмыкающегося перед руководителями гитлеровской Германии.

Впоследствии на протяжении всей советской истории в школах и высших учебных заведениях преподаватели рассказывали учащимся о вреде троцкизма, а те заучивали названия всевозможных оппозиционных групп, возглавлявшихся Троцким.

В это время иные оценки Троцкому высказывались лишь за пределами СССР. Историк Исаак Дейчер в своей трилогии («Вооруженный пророк», «Разоруженный пророк» и «Изгнанный пророк») попытался оправдать Троцкого. Окружив личность Троцкого ореолом пророка, Дейчер убеждал своих читателей в том, что троцкистская альтернатива развития Советской страны более отвечала социалистическому идеалу, чем восторжествовавший сталинский путь развития.

В конце 80-х – начале 90-х гг. эти идеи были подхвачены и в нашей стране. Наиболее полное выражение они нашли в трудах Вадима Роговина (например, в его книге «Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы»).

Изменили отношение к Троцкому и те, кто не разделял идеи троцкизма и не верил в продуктивность троцкистской альтернативы. Хотя в своей серии «Вожди» Д.Д. Волкогонов осудил деятельность Сталина (за измену дела Ленина), затем и Ленина (за антигуманизм), в отношении Троцкого генерал и историк был не столь однозначен. Заметив, что «Троцкий – пленник ложной утопической идеи мирового революционного пожара», Волкогонов все же согласился с Дейчером, назвав Троцкого «оракулом и пророком» революции. Однако, по мнению Волкогонова, «главная заслуга Троцкого: он первым разглядел Сталина и сталинизм изнутри и боролся с ним до конца». Видимо, это обстоятельство во многом извиняло Троцкого в глазах Волкогонова за его приверженность к «ложной утопической идее» и позволило историку сказать немало теплых слов в его адрес.

Резкие перемены в оценках Троцкого в течение XX столетия вынуждали некоторых людей объявлять, что он остается еще неразгаданной личностью. Видимо, по этой причине книга Валерия Краснова и Владимира Дайнеса о Троцком, вышедшая в 2000 году, была опубликована под заглавием «Неизвестный Троцкий». В то же время авторы старались доказать, что собранные ими материалы не только заполняют вакуум в представлениях о Троцком, но и позволяют вынести ему высокую оценку: сравнение его полководческой деятельности в годы Гражданской войны с блистательными победами Наполеона на полях сражений.

Несмотря на различия в оценках Троцкого, у многих авторов нет сомнения в значительности этой фигуры в истории. Некоторые историки ставят его в один ряд с такими руководителями Советского государства, как Ленин и Сталин. Но ведь Троцкий не был основоположником большевистской партии, а боролся против большевизма начиная с 1903 года до середины 1917 года. Троцкий не находился столь долго в руководстве Советского

государства, как Сталин, а боролся против Сталина с 1918 года до самой своей смерти в 1940 году. Видимо, высокая оценка Троцкого связана с тем, что, борясь то против Ленина, то против Сталина, он олицетворял несостоявшуюся альтернативу Ленину и Сталину. Поэтому его деятельность стала предметом самых различных гипотетических предположений о возможном троцкистском варианте развития истории нашей страны.

Следует также учесть, что Троцкий вышел на мировую авансцену в период бурных событий Октябрьской революции и Гражданской войны, а потому олицетворял страсти и иллюзии тех грозовых лет. Последствия этих эмоциональных оценок чувствуются и поныне. Все эти обстоятельства способствовали тому, что рассказ о реальной деятельности Троцкого оказался перегруженным домыслами, а сам Троцкий стал предметом мифотворчества, превратившись для некоторых в «пророка», а для других – в зловещего «демона революции».

Кем же был Троцкий? Какие силы вынесли его на гребень российских революционных волн, а затем превратили в фигуру мирового масштаба? К чему стремился Троцкий? Каковы были последствия его реальной деятельности и мифов, сложившихся вокруг него?

В настоящее время есть немало документальных свидетельств о жизни и деятельности Троцкого. Он написал автобиографию, в которой подробно описал свою жизнь. Большинство его наиболее значительных речей начиная с 1903 года были застенографированы. Его статьи, приказы и распоряжения были опубликованы еще при его жизни и изданы немалыми тиражами. Его замечания на заседаниях высших государственных органов власти были зафиксированы в протоколах. Многие люди оставили личные воспоминания о встречах с Троцким.

Но окончательная разгадка личности Троцкого еще впереди. Многое о связях Троцкого с сильными мира сего могли бы рассказать архивы главного наставника Троцкого и его соратника, одного из наиболее загадочных людей XX века Александра Парвуса (Израиля Гельфанда). Однако, когда наследники таинственного финансиста и социал-демократа России и Германии стали разбирать бумаги покойного, то оказалось, что в них почти ничего нет. Исчезли даже его личные фотографии. Видимо, покойник или его душеприказчики позаботились о том, чтобы ничто не могло раскрыть сокровенных тайн наиболее влиятельных всемирных финансовых и политических кругов.

Скрыты и документы масонских организаций, о связях Троцкого с которыми было немало сказано в печати. Неизвестно, сохранились ли еще документы в различных странах, которые могли бы осветить разнообразную международную деятельность Троцкого.

И все же на основе имеющихся свидетельств можно попытаться реконструировать подлинный портрет Троцкого, устранив ретушь, с помощью которой он и его поклонники старательно скрыли все неудобные черты его личности и компрометирующие его связи. Попытавшись понять истинную природу Троцкого, можно разгадать и природу мифов о нем, которые до сих пор прямо или косвенно влияют на современную жизнь.

СЫН ДРЕВНЕГО НАРОДА

Лев (Лейба) Давидович Троцкий (Бронштейн) родился в небольшой деревне Яновка в степях южной Украины 7 ноября 1879 года (по западноевропейскому календарю), ровно за 38 лет до начала Октябрьской революции. В своей автобиографии Троцкий напомнил, что в год его рождения в России произошли крупные теракты против царя Александра II, канцлер Германии Бисмарк добился принятия рейхстагом законов против социал-демократов и подписал договор с Австро-Венгрией, а Луи Блан и Виктор Гюго потребовали от французского парламента амнистии для парижских коммунаров. Однако, как замечал автор, «ни парламентские дебаты, ни дипломатические акты, ни даже динамитные взрывы не доносили своих отголосков до деревни Яновки, в которой я увидел свет и провел первые девять лет своей жизни».

Казалось, что судьба обрекла Лейбу Бронштейна на постоянное пребывание в изолированной от мира деревне и его жизнь могла стать такой же, как у Соломона, одного из

обитателей постоялого двора на юге Украины, в котором побывал во время своего путешествия герой чеховской повести «Степь» Егорушка. Трудно сказать, встретил ли великий русский писатель во время поездки по южноукраинской степи в 1887 году человека, который внешне походил на будущего председателя Реввоенсовета Республики, однако нельзя отделаться от впечатления, что Чехов, описывая Соломона, держал перед глазами фотографию Троцкого, которая была воспроизведена на обложке первого тома биографической трилогии, написанной Исааком Дейчером: «Теперь при свете лампочки можно было разглядеть его улыбку; она была очень сложной и выражала много чувств, но преобладающим было одно – явное презрение. Он как будто думал о чем-то смешном и глупом, кого-то терпеть не мог и презирал, чему-то радовался и ждал подходящей минуты, чтобы уязвить насмешкой и покатиться со смеху. Его длинный нос, жирные губы и хитрые выпученные глаза, казалось, были напряжены от желания расхохотаться»[1].

Именно эти черты – злая ирония, насмешливость – постоянно присутствуют в зарисовках Троцкого, сделанных под свежим впечатлением Джоном Ридом в 1917 году в его знаменитой книге: «Худое заостренное лицо Троцкого выражало мефистофельскую злобную иронию». Троцкий выступает на II Съезде Советов 26 октября: «На его губах блуждала саркастическая улыбка, почти насмешка». В тот же день: «На трибуну поднялся спокойный и ядовитый, уверенный в своей силе Троцкий». Злая ирония, ядовитый сарказм настолько были характерны для выражения лица Троцкого, что Джон Рид постоянно отмечал насмешливо-презрительную гримасу на его лице.

Казалось, что постоянная готовность делать ядовитые, презрительные заявления, закрепили на лице Троцкого соответствующую гримасу, подмеченную делегатом II съезда РСДРП Медемом: «Троцкий был похож на свою сестру (жену Каменева). Правда, она была черноглазой, а его глаза были светло-серыми, – но оба выражением лица напоминали хищную птицу. У него был сильно очерченный рот, большой, кривой, кусающий, наводящий страх… Он обладал острым языком, опережавшим его мысль. К нему подходила русская пословица о человеке, который ради красного словца не пожалеет родного отца… В последующие годы он очень изменился, стал более уравновешенным, но язык остался».

И в этом можно увидеть сходство Троцкого с чеховским Соломоном. Как и будущий трибун Гражданской войны, Соломон, казалось, заряжен резкими выходками и жестами, колючими фразами и монологами, полными страстных и злых обличений: «Егорушка сквозь полусон слышал, как Соломон голосом глухим и сиплым от душившей его ненависти, картавя и спеша, заговорил об евреях; сначала говорил он правильно, по-русски, потом же впал в тон рассказчиков из еврейского быта и стал говорить, как когда-то в балагане, с утрированным еврейским акцентом».

Но вот слегка изменяется освещение, и в Соломоне проявляются совсем не комические и балаганные черты, а нечто грозное и зловещее: «Егорушка встряхнул головой и поглядел вокруг себя; мельком он увидел лицо Соломона и как раз в тот момент, когда оно было обращено к нему в три четверти и когда тень от его длинного носа пересекла всю левую щеку; презрительная улыбка, смешанная с этой тенью, блестящие, насмешливые глаза, надменное выражение и вся его ощипанная фигурка, двоясь и мелькая в глазах Егорушки, делали его теперь похожим не на шута, а на что-то такое, что иногда снится, вероятно, на нечистого духа». Можно представить себе, как Соломон, «голосом глухим и сиплым от душившей его ненависти», обличал буржуазию на митингах 1918 года, а «его ощипанная фигурка» превратилась в устрашающего «демона революции».

Наверняка было нечто особенное в социальном типаже, уже появившемся в южноукраинских степях в конце XIX века, что заставило А.П. Чехова отметить его и тщательно описать манеры, тон речи, выражение лица обитателя степного хутора. Очевидно, художник слова видел в своем герое значительное явление, еще не замеченное обществом,

[1] Орфография и пунктуация в цитатах даны в авторской редакции.

но уже приготовившееся к выходу на первый план общественной жизни. Хотя Чехов не мог предвидеть рождение Троцкого, очевидно, что в яростном бунте Соломона против сильных мира сего, власти денег и даже против веры в Бога он описал проявления тех настроений, которые в конце XIX века можно было ощутить, оказавшись среди обитателей еврейских поселений. Рассказ Чехова о постоялом дворе, на котором жил Соломон со своим братом Моисеем Моисеевичем и его многодетной семьей, невольно знакомил читателей с теми людьми, в среде которых кипели бурные страсти, непонятные не только Егорушке, но и его взрослым спутникам. Чехову не было суждено дожить до того времени, когда эти страсти выплеснулись из мелких еврейских местечек и одиноких степных хуторов и разлились на всю великую страну в годы революционных бурь, а носители этих страстей стали играть видные роли на политической арене России.

Однако характерные черты еврейской национально-культурной среды, запечатленные Чеховым в этом эпизоде, едва заметны в рассказе Троцкого о своем детстве в степной деревни. Троцкий постарался описать свое детство в стиле известных автобиографических произведений русских писателей XIX века. Поэтому, читая первые главы воспоминаний Троцкого, можно подумать, что он повествует о семейной жизни русских землевладельцев, осваивавших просторы Новороссии. Лишь из отдельных упоминаний Троцкого о том, что его отец был родом из еврейского местечка Полтавской губернии, что его мать не ездила в город по субботам, что первые уроки, которые он получил от учителя, включали изучение Библии на древнееврейском языке, можно понять, что речь идет о детстве ребенка, выросшего в еврейской семье.

Объясняя нежелание Троцкого подчеркивать свое национальное происхождение, близкий к нему Макс Истмен утверждал: «Троцкий всегда был несколько смущен тем, что он еврей, постоянно находился под влиянием этого факта, как и все евреи, которых я знал». Комментируя это замечание, израильский ученый И. Недава сомневался в искренности «смущения» Троцкого: «Суждение это кажется нам столь же правдоподобным, сколь и поверхностным. Истмен скорее всего выражает тот взгляд на Троцкого, который был удобен самому Троцкому. Троцкий хотел, чтобы его безразличие к еврейским делам было замечено его сотрудниками, отмечено его биографами». По мнению И. Недавы, Троцкий сознательно преуменьшал степень своего знакомства с еврейской культурой и еврейским языком: «Что касается общей традиционной системы религиозно-этических знаний еврейского закона, то и здесь знания Троцкого были скорее всего далеки от выставляемого им напоказ полного невежества… Отношение к идишу, та недобросовестность, с которой в течение всей своей жизни Троцкий твердил о незнании этого языка, могут служить индикатором отношения Троцкого ко всему еврейскому». Недава замечал, что «когда незнание идиша угрожало позициям Троцкого или его репутации, он нехотя обнаруживал знакомство с этим языком».

Отмечая противоречивость отношения Троцкого к своему национальному происхождению, И. Недава писал: «Считавший себя законченным интернационалистом, Троцкий тем не менее носил в себе неизгладимую печать национальной принадлежности, фатальным образом никогда не мог вполне освободиться от своего еврейства. Отталкиваемый им иудаизм оказался его неизлечимой болезнью…» Йозеф Недава считал, что вопреки его стараниям «судьбу Троцкого можно рассматривать как типичную еврейскую судьбу».

Для многих же политических противников Троцкого он был не просто сыном своего народа, а ключевой фигурой в стремлении евреев установить свою власть над миром. В своей книге «Международное еврейство», изданной в 1920 году, известный автопромышленник Генри Форд обосновывал свое утверждение об угрозе всемирной еврейской гегемонии, не раз указывая на видное место, занимаемое Троцким в Советской России и международном коммунистическом движении. В 1920 году Уинстон Черчилль включал Троцкого в перечень лиц, которые, по его мнению, знаменовали попытки евреев установить свое господство над миром: «Начиная от «Спартака» – Вейсхаупта до Карла Маркса, вплоть до Троцкого в России, Бела Куна в Венгрии, Розы Люксембург в Германии и

Эммы Голдмэн в Соединенных Штатах, этот всемирный заговор для ниспровержения культуры и переделки общества на началах остановки прогресса, завистливой злобы и немыслимого равенства продолжал расти… Он был главной пружиной всех подрывных движений XIX столетия; и, наконец, сейчас эта шайка необычных личностей, подонков больших городов Европы и Америки, схватила за волосы и держит в своих руках русский народ, фактически став безраздельным хозяином громадной империи. Нет нужды преувеличивать роль этих интернациональных и большей частью безбожных евреев в создании большевизма и в проведении русской революции». Эти и подобные утверждения о значительной роли Троцкого в организации мировой революции, руководимой международным еврейством, затем многократно повторялись.

Однако не только политические противники Троцкого, но и его идейные единомышленники, а также патриоты-соплеменники видели в нем выдающегося деятеля еврейского народа. Автор трехтомной биографии Троцкого и активный пропагандист его деятельности Исаак Дейчер ставил его в один ряд с Барухом Спинозой, Карлом Марксом, Розой Люксембург, видя в нем пример еврея, который, порвав с иудейской религиозной традицией, остался ярким представителем еврейского народа. Постоянно подчеркивая еврейские корни Троцкого, Йозеф Недава в своей книге «Вечный комиссар», опубликованной на русском языке в Иерусалиме в 1989 году, писал: «Троцкий был одним из исполинов нашего времени». И хотя пропагандист еврейского культурного наследия Льюис Браун не пожелал включать в свой сборник «Мудрость Израиля» отрывки из произведений Троцкого, он перечислил его вместе с наиболее видными мировыми деятелями еврейского происхождения, наряду с Дизраэли, Лассалем, Либкнехтом, Бергсоном, Фрейдом и Эйнштейном.

Ни Дейчер, ни Недава, ни Браун (а также ни Форд, ни Черчилль) не считали нужным объяснять читателям, в чем проявлялась принадлежность Троцкого к еврейскому народу, видимо считая это для себя и своих читателей очевидным. При этом Недава замечал: «Троцкий был нов для России – но не для еврейства». И все же то, что очевидно для гражданина Израиля, не столь ясно для большинства граждан России. Почему Троцкого следует рассматривать как типичного и в то же время выдающегося сына еврейского народа, наряду с Эйнштейном и Спинозой? Почему Генри Форд и Уинстон Черчилль видели в Троцком представителя тех евреев, которые угрожали свободе и независимости других народов мира?

Поскольку эти полярно отличные оценки и ныне широко распространены, то ясно, что для изучения жизни и деятельности Троцкого и для того, чтобы понять, что справедливо, а что ложно во взаимоисключающих суждениях о нем, необходимо рассмотреть, с одной стороны, каким было воздействие еврейской культуры на него, а с другой стороны, хотя бы вкратце ознакомиться с культурным и историческим наследием еврейского народа.

Очевидно, что И. Недава прав и как бы ни пытался Троцкий принижать значение своего национального происхождения и подчеркивать свою принадлежность к мировой цивилизации, приобщение человека ко всемирной культуре возможно лишь на основе тех навыков национальной культуры, в которой он был воспитан с детства. Первые жизненные правила, которые усваивал Лейба Бронштейн, вытекали из кодекса поведения, определенного иудейской религией. Первые слова, которые он услыхал, были ему сказаны на родном языке его родителей. Бытовые привычки, обычаи и обряды, к которым он привык с детства, принадлежали древней культуре еврейского народа.

С помощью других авторов, описывавших типичные черты еврейского быта тех лет, можно реконструировать те важные страницы детства Троцкого, которые были пропущены им и многими его биографами. Так, генерал царской армии М. Грулев, выросший, как и Троцкий, в еврейском местечке, вспоминал: «Первый домашний обряд над еврейским мальчиком, не считая обрезания, совершается, когда ему исполняется три года – это стрижка волос, которая совершается в кругу родных и знакомых и сопровождается угощением гостей и одариванием ребенка». Вероятно, исполнение этого и других обрядов осталось в памяти

Троцкого наряду с теми сценами из раннего детства, которые он описал в «Моей жизни».

Приверженность евреев того времени к древним обычаям и тщательность в их исполнении во многом объяснялись стремлением сохранить присущие для них культурные ценности, что особенно характерно для многих этнических групп, оторванных от национального очага. Писатель Лион Фейхтвангер объяснял возникновение такого отношения к древним национальным обычаям гибелью главной святыни иудейского народа – Иерусалимского храма. В своем романе «Сыновья» он писал: «Так как дом Ягве уже не существовал, то обычаи стали для еврейства тем же, чем тело для духа; исчезнут обычаи, исчезнет и иудейство. Обрезание же, плотское закрепление союза между Ягве и его народом, являлось для евреев основным признаком их национальности и их сущности».

Обычаи, которые должны были свято соблюдаться, касались всех сторон жизни. В перечне правил, которые перечислены в книге «Мудрость Израиля» и обязательные для современного ортодоксального еврея, указаны не только правила обращения со «Священным Писанием» и платком, которым следует покрывать голову во время молитвы. Здесь также даны точные указания, каким образом следует совершать омовения после пробуждения со сна, на каком боку следует начинать спать и как надо менять положение во сне и т. д.

Само восприятие времени было особым у верующих евреев, отличавших их от других народов. С первых же лет своей жизни Лейба, как и всякий ребенок в традиционной еврейской семье, наверняка запомнил особое место субботы среди остальных дней недели. М. Грулев писал: «Евреям в субботу всё запрещено: нельзя прикоснуться к подсвечнику, нельзя тронуть монету (чтобы быть возможно дальше от всякой торговли), нельзя тронуть спичку, зажженную свечку и т. п. Выходя на улицу надо тщательно осмотреть карманы, не осталось ли чего-нибудь – даже носовой платок и тот надо вынуть и либо оставить дома, либо обернуть вокруг шеи, обратив его, так сказать, в часть туалета; носить нельзя даже излишек ногтей на пальцах; еще накануне, в пятницу, ногти должны быть обрезаны и брошены, причем не где-нибудь – в мусор, а обязательно-в печку, с присоединением тут же срезанных ножом с деревянных косяков или подоконников маленьких стружек, которые предназначаются в свидетели, что сделано всё по закону». Нет сомнения в том, что по субботам жизнь в Яновке замирала, подчиняясь древнему закону.

Как и у многих народов, выполнявших требования своей религии, евреи во времена детства Лейбы Бронштейна истово соблюдали запреты и в отношении различных видов пищи. Можно было есть мясо только тех животных, которые жуют жвачку и копыта которых расщеплены. Из птиц можно было есть лишь домашние породы, а дичь была запрещена к употреблению. Кроме того, животные, мясо которых было разрешено к употреблению, должны быть зарезаны с соблюдением определенных правил и в сопровождении особых молитв. С детства Лейба знал, что разрешенная еда называлась «кошерной», а пища, которую евреям нельзя было потреблять, именовалась «трефной».

Многие из этих запретов возникли в доисторические времена. Выдающийся этнограф Д. Фрезер без труда установил сходство иудейского запрета «варить козленка в молоке его матери» с аналогичными древними запретами в африканских племенах, считавших, что кипячение молока приведет к тому, что корова перестанет давать молоко. Этот архаический запрет отразился в обычае, принятом в прошлом у евреев, держать отдельную посуду и особые скатерти только для молочных блюд.

Религиозные праздники также связаны с различными домашними обрядами, которые без сомнения были известны Лейбе с раннего детства. Так, праздник нового года (иом-кипур) требовал приношения в жертву домашней птицы, курицы или петуха каждым членом семьи в зависимости от пола. В происходивший вскоре после иом-кипура праздник «симхасторе» (радость Торе), по словам М. Грулева, «все обязательно должны веселиться. В этот день дозволяется даже выпить рюмку вина». Другой праздник Ханука, вероятно, запомнился Лейбе игрой в карты, которая разрешалась по этому случаю. В течение восьми вечеров Хануки в доме зажигали канделябр из восьми свечей. Наверняка в праздник пурим в самом близком к Яновке селении еврейских колонистов Громоклее организовали

праздничные представления и они не могли не запомниться мальчику.

Праздник, который требовал наиболее длительных приготовлений, был «пейсах» (Пасха). Еще за месяц до этого праздника состоятельные евреи снимали новый дом, куда переселялись во время праздника. Поскольку Бронштейны обладали определенным достатком, то, возможно, у них было наготове особое помещение для этого праздника. За неделю до него члены семьи приводили это жилье в порядок, мыли полы, белили стены. Особо старались уничтожить все остатки хлеба, а в очищенный дом вносили посуду и утварь, специально приготовленные для этого случая. Эти ежегодные хлопоты и ритуалы, связанные с праздником, не могли не оставить прочного следа в памяти мальчика. Однако в своих мемуарах Троцкий ни одним словом не обмолвился по поводу многочисленных праздников и связанных с ними обрядов, составлявших важную часть жизни еврейства в дореволюционной России и отличавших евреев от остального населения страны.

Нельзя обнаружить в автобиографии Троцкого и воспоминаний о посещении синагоги. Правда, Троцкий упомянул о своей учебе в хедере в Громоклее, но он не вдавался в подробности. Между тем освоение древнееврейского языка и приобщение к священным книгам иудейской веры составляли важнейший этап в культурном развитии евреев в годы, когда рос Лейба Бронштейн. Отметив, что «первоначальное обучение грамоте, а также молитв, совершенно обязательно и неизбежно для каждого еврейского мальчика, хотя бы и для круглых сирот», М. Грулев писал, что «невозможно себе представить неграмотного в этой области еврея». Поэтому, когда Троцкий писал, что его отец был неграмотным и лишь к концу своей жизни смог прочитать по слогам имя своего сына на обложках книг и брошюр, то он скорее всего имел в виду то, что его отец не умел читать по-русски, как и многие пожилые евреи того времени. Однако нет оснований полагать, что Давид Бронштейн, человек, обладавший заметным весом в еврейской общине, не изучал древний язык и священные книги. А ведь это, в соответствии с Талмудом, следовало начинать с пяти лет.

Лейба Бронштейн был направлен в хедер в шесть лет. После овладения основами древнееврейского языка он, как и другие ученики хедеров, перешел к изучению «Торы» («Пятикнижия», то есть первых пяти книг Библии), а затем стал знакомиться с книгами пророков.

Ссылаясь на то, что он «не говорил на жаргоне» (так Троцкий называл «идиш»), и поэтому «ни с кем не сумел сблизиться», а также из-за того, что он провел в школе лишь «несколько месяцев», Троцкий заявил о «скудости» своих «школьных воспоминаний». И все же он тепло вспоминал своего первого преподавателя в хедере – Шуфера, и это также заметно отличало воспоминания Троцкого от других бывших воспитанников хедеров, которые запомнили дни учебы как тягостное время и с неприязнью вспоминали суровых учителей («меламедов»), не расстававшихся ни с маленькой заостренной указкой («тайтеле»), ни с розгами.

Вспоминая свой первый урок в хедере, Л. Инфельд писал, что помощник учителя «положил на стол помятую Библию, открыл ее на запачканной грязью странице и, ткнув деревянной указкой с острым концом в одно из древнееврейских слов, приказал: «Повтори!» Я повторил. «Повтори!». Я снова повторил. И так пять раз. Потом он произнес немецко-еврейское слово (на идише. – *Прим. авт.)* с тем же приказом «Повтори!» Я послушно повторил. После пятикратного повторения я запомнил оба слова, не понимая значения ни одного из них. Однако я догадался, что одно является переводом другого… Деревянная указка медленно двигалась от слова к слову, от строки к строке. В другой руке помощник учителя держал розгу. Но он видел по ходу урока, что розга ему не понадобится. Поэтому он осторожно положил ее на стол…»

Очевидно, что рассказчик так же, как и Лейба Бронштейн, не достаточно хорошо владел языком идиш, но также ясно, что в хедере ученики невольно совершенствовались в идише помимо изучения иврита. При этом розги могли использоваться для внедрения этих языковых познаний.

О жестких методах обучения вспоминал и Грулев: «Отношение… к ученикам было

всегда сурово, а иногда и бессмысленно жестоко: оплеухи и плетка сыпались за дело и без дела; а ученики мстили своим палачам тем, что… лупили козу меламеда, портили ему часы, стараясь вообще пакостить своему мучителю всем, чем только возможно, конечно – втихомолку».

Возможно, что конфликты между учителями и детьми усугублялись тем, что преподаватели и ученики смертельно надоедали друг другу, так как учеба продолжалась чуть ли не весь день. М. Грулев писал: «Мальчики отправлялись в хедер не позже 7-8 часов утра, и оставались там весь день до 8-9 часов вечера, т. е. около двенадцати часов с перерывом лишь на два часа, когда отпускались домой на обед». Так как Яновка отстояла далеко от Громоклеи, в которой находился хедер, то Троцкий, по его словам, оставался там на всю неделю до субботы. Обедал и жил он у родной тетки, проживавшей в Громоклее.

Даже ученики православных духовных училищ не начинали учебу в столь раннем возрасте и не тратили на нее столь много времени. Однако усилия, направленные на приобщение еврейских детей к религиозным книгам и древнему языку, были освящены многовековой традицией.

Разумеется, иудейская религия – не единственная в мире, в которой священные книги занимают важное место в формировании сознания верующих. В то же время нет сомнения в том, что евреям, рассеянным веками по всему свету и не имевшим в то время своего национального очага, священные книги служили не только религиозным целям, но и заменяли отсутствовавшие у них (или слаборазвитые) формы культуры, которые служили другим народам мощными духовными оплотами их национальной самобытности. Многочисленные разрушения городов Израиля и Иудеи завоевателями и в конечном счете, гибель иудейского государства сопровождались уничтожением многих памятников древней еврейской архитектуры. Однако еще до разрушения Иерусалима римлянами и других событий, погубивших древние творения народа Израиля, иудейская религия запрещала воспроизводить изображения людей и природы и это на долгие годы парализовало развитие еврейской живописи и скульптуры. В течение многих веков еврейская музыкальная культура сводилась лишь к синагогальным напевам, народным обрядовым песням и танцевальным мелодиям. Последние стали подвергаться обработке композиторов лишь в конце XIX века. Начало еврейского театрального искусства относится лишь к концу Средневековья, когда на иудейских религиозных праздниках стали появляться профессиональные комики (так называемые лейцим), а затем шуты (или «веселые евреи»). По мнению советских историков, рождение еврейского театра произошло лишь в середине XIX века в кружках Житомира и Бердичева. Еврейская художественная литература в средние века развилась лишь в странах ислама и в значительной степени под влиянием арабских авторов, а в христианских странах еврейская светская литература возникла лишь в новое время. Таким образом в течение многих веков значительная часть культурного наследия еврейского народа была заключена в Священном Писании и комментариях к нему.

Однако этим не исчерпывалась роль Священного Писания для евреев. Говоря о значении этой книги для евреев, Лион Фейхтвангер писал в романе «Еврей Зюсс»: «У них не было ни государства, объединяющего их, ни страны, ни земли, ни короля, ни общего жизненного уклада. И если они все же были слиты воедино, крепче слиты, чем все другие народы мира, то спаяла их Книга. Евреи, темные, светлые, черные, смуглые, большие и малые, блистательные и убогие, нечестивые и набожные, безразлично просидевшие всю жизнь взаперти или пестрым, золотым вихрем гордо проносящиеся над миром: все глубоко в душе таили речения Книги. Многолик мир, но все в нем суета и томление духа, един же велик бог Израиля, предвечный, всевидящий Иегова…С бледной, затаенной улыбкой созерцали они власть Эдома, неистовство его и нищету его суетных стремлений («Эдом», или «эдомиты», – название враждебного евреям племени, которое часто использовалось в еврейской литературе для обозначения христиан. – *Прим. авт.).* Все было преходяще; единым сущим оставалось Слово. Сквозь два тысячелетия пронесли они с собой Книгу. Она была им народом, государством, родиной, наследием и владением. Они передали ее всем

народам, и все народы склонились перед ней. Но лишь им, им одним, дано было по праву владеть ею; исповедовать и хранить ее. Шестьсот сорок семь тысяч триста девятнадцать букв насчитывала Книга. И каждая буква была исчислена и изучена, проверена и взвешена».

Священное Писание и комментарии к нему служили главными источниками мудрости и на многие века являлись единственным источником моральных оценок и правовых решений, на основе которых определялось поведение евреев в любой точке земного шара. В романе Л. Фейхтвангера «Иудейская война» священник Иоаханан бен Заккаи заявлял: «Иудейское царство погибло, …но не царство объединяет нас… Смысл нашей общности – закон. Пока существует закон и учение, наша связь нерушима, – она крепче, чем если бы шла от государства». Оценивая роль «Священного Писания» после разрушения римлянами иудейского храма, Иоаханан изрекал: «Храма больше нет. Единственное царство, которым мы владеем, – это Писание. Его книги – наши провинции, его изречения – наши города и села».

Приобщая Лейбу Бронштейна вместе с миллионами других детей к библейским текстам, меламеды превращали их в граждан невидимого иудейского государства, населенного героями, которые давно умерли или никогда не существовали. Жизнь в этой стране подчинялась законам, сложившимся в далекие времена, и логике драматичных рассказов о давнем прошлом, фантастических от начала до конца или сильно искажавших реальные исторические события.

В то же время нет сомнения в том, что благодаря мифологической форме библейские сказания производили сильное впечатление на детей и оставляли неизгладимый след в их сознании на всю жизнь. Вряд ли Лейбу оставили равнодушным рассказы про храброго и сильного Самсона, сокрушившего храм филистимлян, отважного Давида, поразившего Голиафа. Вероятно, он испытывал благоговение перед мудростью древних вождей и царей иудейского народа – Моисея, Иисуса Навина, Соломона. Усваивая смысл и логику иудейской веры, он учился восхищаться пророками, которые умели разгадать тайны грядущего и, не боясь подвергнуться осмеянию невежественной толпы, предупреждали об угрозах, нависших над Израилем, или смело бросали вызов угнетателям еврейского народа.

Неизвестно, поразил ли воображение Лейбы Бронштейна кто-либо из библейских пророков, но другой бывший ученик хедера Лазарь Каганович писал, что его любимым пророком в детские годы был Амос. Вспоминая свое далекое детство в 90-летнем возрасте, Л.М. Каганович утверждал, что этот пророк был особенно близок ему, потому что он «бичевал алчность богатеев, нарушающих справедливость, накапливающих свои богатства насилием и грабежом».

И все же логика библейских сказаний невольно подводила к мысли о том, что главным героем еврейской мифологизированной истории были не богатыри, вожди и пророки, а сам еврейский народ. Исследователь мировых религий Д. Кэмпбелл писал об иудаизме: «В отличие от всех других мифов… здесь героем является не личность – даже не Моисей, а еврейский народ… Как в языческих культах, так и в христианском происходит воскрешение Бога, в то время как в еврейской религии совершается воскрешение Избранного Народа, который получил знание и поддержку своего Бога… В то время как повсюду принцип божественной жизни воплощен в божественной личности (Адонис – Дионисий – Христос), в иудаизме он воплощен в народе Израиля, чья мифологическая история выполняет функцию, которая в других культах принадлежит воплощению или выражению Бога… В каждом поколении каждый должен рассматривать себя, как если бы он лично пришел из Египта».

Изучая Библию, Лейба, как и другие дети, учился понимать символический смысл знакомых ему с детства обрядов и одновременно представлять себя героем событий, которым были посвящены религиозные праздники. Переселение в дни Пасхи в новый дом, из которого предварительно были выметены даже малейшие крошечки хлеба, напоминало о мифологическом исходе древних евреев из Египта и о том, что в момент бегства они не смогли взять с собой хлеб, а лишь тесто, которое не успело скиснуть. Приготовление в особой печи в новом доме пресных лепешек, или мацы, помогало живо представить себе

легенду о том, как много тысячелетий назад беглецы приготовили себе опресноки. Новая посуда и новая утварь, которые верующие приносили в новый дом на Пасху, позволяли Лейбе ощутить себя древним иудеем, одним из тех, кто взял у египтян их посуду и утварь и вместе с этим добром отправился в поисках Страны Обетованной. Ежегодно в праздник пурим собравшиеся в синагоге стучали и кричали, стараясь заглушить раввина, когда он называл по имени персидского министра Амана, и эта шумная церемония позволяла мальчику представить, что этот враг евреев еще жив и может уничтожить его лично, а также его родителей и других родных. Его восхищение Эсфирь, которая сумела убедить своего мужа, персидского царя, убить Амана, а вместе с ним – 75 тысяч персов, вряд ли уменьшалось от сознания того, что описанные события происходили тысячи лет назад. Ежегодно повторявшаяся церемония зажжения на восемь вечеров восьмисвечника в дни Хануки напоминала о победе евреев под руководством Иуды Маккавея (Хасмонея) над греками, разрушении алтаря в честь Зевса, воздвигнутого греками в главном иудейском храме, и восстановлении там в 165 году до н. э. былого порядка богослужения в честь Иеговы.

Хотя религиозное предание сильно отличалось от подлинной истории, «Священное Писание» доносило до ребенка, рожденного в конце XIX века, дух древней борьбы за земли, пастбища, стада и другие средства к существованию, в ходе которой уничтожались целые народы, а выжившие – превращались в бесправных рабов. Постоянное обращение к библейским примерам сжимало историческое время и события, в которых фигурировали фараоны и вавилонские цари, филистимляне, моавитяне, эдомиты и другие, давно исчезнувшие племена. И эти сведения казались столь же актуальными, как и сведения о современных правителях и народах. В современных же событиях можно было увидеть повторение тех, что уже были описаны в «Священном Писании». Ощущение близости к легендарному прошлому сочеталось с верой в близость фантастического будущего, которое непременно должно наступить с приходом Мессии. Подчеркивая близкую возможность счастливого завершения бурной истории еврейского народа, верующие выражали надежду на скорый приход Мессии, который соединит рассеянных по всей планете евреев на земле Израиля, и приветствовали друг друга на Пасху словами: «Следующая (пасхальная) ночь – в Иерусалиме!» или «На следующий год – в Иерусалиме!»

Из библейского текста Лейба узнавал, что путь народа Израиля был тернист и евреи не раз терпели тяжелые поражения. Однако, как и многие другие воспитанники хедеров, Лейба не мог не проникнуться чувством гордости за своих соплеменников, которые одерживали многочисленные победы над малыми и великими народами. Там, где вооруженной силы недоставало, древние иудеи побеждали своих врагов хитростью, как это было во время исхода из Египта, или добившись близости к правителям страны и влияя на политику страны, как это сумели сделать Иосиф, когда он стал первым министром египетского фараона, и Эсфирь, которая была любимой женой персидского царя Артаксеркса.

Главную же поддержку народу Израиля оказывал, как это следовало из «Священного Писания», сам Бог. Знание о том, что Господь вывел иудеев из Египта, дал им заповеди праведной жизни и затем неоднократно спасал их от гибели, не могло не наполнять душу ребенка гордостью за свою принадлежность к Богоизбранному народу. Вероятно, смысл поучений наставников Лейбы был тот же, что и в словах еврейского историка С.М. Дубнова, который писал: «Бог избрал еврейский народ и дал ему заповеди правды и добра. Этих заповедей еврейский народ должен держаться и не подражать обычаям других народов. Евреи должны в своей жизни отличаться, отделяться от других народов, а также отделяться от всего нехорошего, языческого».

Лейба узнавал, что в тех случаях, когда евреи изменяли заветам Бога, поклонялись идолам других народов, принимали чужие обычаи или брали в жены иноплеменных женщин, их ждала страшная и неумолимая кара. Суровые наказания, понесенные древними иудеями за свои грехи, напоминали верующим о том, как важно в точности соблюдать предписания «Священного Писания». В невидимом государстве раввины играли роль правительства и

судей, истово следя за исполнением закона Торы. Своей строгостью иудейский кодекс поведения и система контроля за его соблюдением мало отличались от соответствующих законов и методов их воплощения в жизнь, существующих в любом традиционном обществе, включая первобытные племена. Однако в отличие от первобытных племен, в иудейском законе все эти правила были давным-давно записаны. Более того, 613 правил поведения для каждого верующего еврея, изложенные в Пятикнижии, были существенно развиты и многократно дополнены в шеститомном сочинении «Мишна» («Повторение», или «Второучение»), составленном около 200 года до н. э. и представлявшем собой около 4000 суждений по различным вопросам обыденной жизни. «Мишна» была, в свою очередь, прокомментирована в сочинении «Гемара» (это переводится и как «Учение», и как «Дополнение»), Около 500 года н. э. «Мишна» и «Гемара» были объединены в «Талмуд».

С 10 лет дети начинали изучать Талмуд, и это занятие, по словам М. Грулева, у правоверных евреев «продолжается бесконечно, до гробовой доски». Для детей же освоение Талмуда было нелегким делом.

Разбирая Талмуд, советский исследователь иудейской религии А.Б. Ранович отмечал: «По форме изложения Гемара представляет собой самую дикую сумбурную схоластику, передающую устные словопрения без всякой литературной обработки. При этом казуистика раввинов очень часто вращается вокруг совершенно беспочвенных, практически нелепых и теоретически немыслимых положений. А если к тому же учесть, что Гемара написана на варварском диалекте, со множеством искаженных греческих, латинских и персидских слов и что никаких знаков препинания (кроме точки изредка) в печатных изданиях нет, можно себе представить, какое ужасное действие должно было производить изучение Талмуда на детей». Не удивительно, что ученики хедера с трудом понимали изучавшиеся тексты, а учитель, теряя терпение, их сурово наказывал.

И все же, как ни сложны и запутаны были талмудические тексты, усилия по их освоению приносили свои плоды. Вера в особое покровительство Бога тем, кто свято выполняет его заветы, воодушевляла учеников. Поскольку рассуждения мудрецов, записанные в Талмуде, касались не только Бога и молитвенных ритуалов, но и давали многочисленные ответы на вопрос: «Что такое хорошо, а что такое – плохо», то они служили детям ключом к пониманию тех правил, которые определяли жизнь в окружавшем их обществе. Многие из этих правил помогали им впоследствии ладить с окружающими. При этом их учителя нередко ссылались на рассказ про одного из основоположников иудейской мудрости Гиллеля, который, в ответ на просьбу язычника изложить ему суть еврейской веры в двух словах, сказал: «Что тебе неприятно, того не делай другому – вот суть Закона; все остальное – лишь объяснение к этому. Ступай и учись!»

Постоянное изучение Талмуда способствовало и общему интеллектуальному развитию детей. Запоминание многочисленных текстов тренировало память и развивало навыки, необходимые для изучения любого предмета. Одновременно дети осваивали древнееврейский язык, семитская основа которого коренным образом отличалась от привычного для них идиша, сложившегося на основе немецкого языка. Таким образом у детей возникали привычки полиглотов и вырабатывались приемы, необходимые для изучения самых разных языков мира. Поскольку во многих частях Талмуда излагались различные диспуты, то ученики осваивали умение аргументировать те или иные положения и быстро ориентироваться в ученых спорах. Так как эти аргументы опирались на житейскую мудрость, выраженную в афористичной форме, и были изложены с юмором, а спорящие прибегали к ярким образам, то знакомство с талмудическими диспутами вооружало учеников мудрыми изречениями, умением выражать мысль афористично, остроумно и красноречиво.

В то же время разгадывание талмудических головоломок, в ходе которого учителя помогали своим воспитанникам находить скрытый смысл в туманных высказываниях древних раввинов, приучало учеников внимательно вчитываться в тексты, вслушиваться в речи людей, стремясь разгадать то, что зачастую скрывалось за словесной формой.

Иудаистское богословие выразило в понятии «йеш» представление о сути предмета, глубоко спрятанной за его внешними покровами. Освоение талмудистского богословия воспитывало стремление к поиску сущностного, скрываемого за поверхностным, способствовало развитию аналитического мышления. Видимо, не случайно многие выдающиеся ученые, включая Спинозу, были учениками иудейских богословских школ.

Несмотря на то что иудейское богословие и развивавшаяся на его основе еврейская философия старались сохранять самобытный характер, за тысячелетия активных международных контактов еврейская мысль испытала немалое влияние богословов и философов других стран. Это отразилось и в творчестве таких выдающихся мудрецов Израиля, как Гиллель и Маймонид. Порой эти влияния приходили издалека. Так, по мнению Л. Брауна, мистическое учение «каббалы» (по одному переводу – «принятие» или «восприятие», по другому переводу – «предание») было принесено «через третьи руки» из Индии благодаря общению евреев с исламской сектой суффииев в Персии. Впоследствии эта мистическая ветвь иудаизма повлияла на возникновение влиятельных сект Саббатая Цеви (саббатианцы) и Якова Франка (франкисты), руководители которых провозглашали себя мессиями. Отражение в иудейском духовном наследии многих идейных достижений разных стран и народов облегчало ее знатокам знакомство с философскими и богословскими учениями всего мира.

Однако погруженность в иудейское богословие имела и свои теневые стороны. Хотя раввины изображали Талмуд надежным источником универсальных знаний по всем вопросам мироздания, многие записанные в нем высказывания раввинов отражали относительно невысокий уровень развития науки античности и раннего средневековья. Приведя ряд нелепых высказываний из Талмуда относительно устройства Вселенной, М. Грулев замечал: «Подобно правоверным мусульманам в отношении Корана, благочестивые евреи были глубоко убеждены, что сокровеннейшие знания таятся только в Талмуде; что чего нет в Талмуде – то ложно и вредно знать, и, во всяком случае, всё решительно доступно пониманию и знанию талмудиста».

Высмеивая самоуверенность и высокомерие бывших питомцев хедеров, М. Грулев вспоминал: «Поучительный факт из моей юношеской жизни… Беседуют два еврея, оба научившиеся читать по-русски. Один читает другому написанную на русском языке маленькую брошюрку по физике, где часто повторялась фраза – «само собой разумеется», но оба собеседника, видимо, ничего не понимают в прочитанном и с крайним удивлением поглядывают друг на друга, взаимно спрашивая и удивляясь, что ничего не понимают… «Поняли вы что-нибудь, реб Ицхок?» «Ничего не понимаю! А вот тут все твердят «само собой разумеется»; а ведь мы, слава Богу, умеем читать по-ихнему, и всё ихнее понимаем». «А может быть тут что-нибудь такое, чего мы не знаем?» «Э, что там у них может быть такое, чего «гморе-коп» (талмудская голова. – *Прим. М. Грулева)* может не знать?»

Преувеличение значимости талмудических знаний порождало и высокомерное отношение к людям, не знакомым с Талмудом и не прошедшим учебу в хедере. Поэтому персонаж из рассказа Шолома-Алейхема, который восхищается своими сыновьями, умеющими истолковать мудреные изречения Талмуда, с величайшим презрением относится к своему неученому родственнику, занятому торговлей рыбой, за счет которого живет сам герой рассказа и его дети. Культ книжного знания порождал и презрение к мудрости традиционных культур, которые однозначно третировались как проявление архаической, языческой дикости. Чувство превосходства горожан всего мира над деревенскими хранителями традиционной культуры (а подавляющее большинство евреев в течение многих веков были потомственными горожанами) обретало религиозную окраску. При этом правоверные иудеи зачастую не замечали, что их собственные обычаи (как, например, запреты и ограничения, связанные с потреблением молочных продуктов) нередко были рождены в крестьянских традиционных общинах в доисторические языческие времена.

В своем высокомерном отношении к людям, не причастным к их книжной традиции, иудеи не были исключением. Такое же высокомерие проявляли и проявляют последователи

многих других религий, а также многих идейных течений и философских школ. Подобные же отношения можно обнаружить и среди других народов мира, поверивших в превосходство своего культурного наследия. В то же время, в отличие от народов, притязания которых на моральное и интеллектуальное превосходство не всегда можно было доказать свидетельствами со стороны, сыны Израиля уже в течение многих веков могли указать на то, что наиболее значительные положения их веры были признаны краеугольными в религиях большинства народов планеты. Единобожие иудаизма было воспринято христианством и исламом. Коран считал Моисея одним из высокочтимых пророков. Христиане же признали «Священное Писание», как Ветхий Завет, своей «Библиией» и во время церковных служб повторяли псалмы царя Давида. На ветхозаветных сказаниях воспитывались дети разных народов и верований. Миллионы христиан привыкали с детства переживать драматические перипетии Авраама и Сарры и их потомков, невольно сочувствуя народу Израиля в его бедствиях и принимая его сторону в борьбе против других народов. Лучшие художники и скульпторы мира создавали на полотнах и в камне образы Адама и Евы, Иосифа, Моисея и Давида. Все это убеждало верующих иудеев, в том числе и самых юных, во всемирном признании правоты иудейского закона и Священного Писания, величия самого еврейского народа.

Эти свидетельства подкрепляли мысль о духовном лидерстве еврейства в мире, которая настойчиво внедрялась проповедниками иудаизма. Излагая учение Иегуды Галеви (1086—1142), С. Дубнов писал: «Бог открылся прежде всего израильтянам, потому что они раньше других народов проявили способность к богопознанию. От них истина должна распространиться на весь род человеческий, подобно тому как кровь от сердца разливается по всему телу и дает ему жизнь».

Однако, как и все люди, свято верящие в непогрешимость своего учения, многие евреи, отмечая с удовлетворением уважение других народов к «Священному Писанию», зачастую видели в этом лишь поверхностное приближение к великим истинам недоучек, не постигших всей их глубины. Комментируя существенное влияние идей Ветхого Завета на жизнь протестантских народов, поэт Генрих Гейне с удовольствием констатировал их «палестинизацию». В то же время поэт высмеивал «педантичное обезьянничанье», с которым, по его мнению, была воспроизведена в Шотландии, Дании, Северной Германии и США «жизнь Ветхого Завета». Высмеивая протестантскую религию как «иудаизм со свиноедением» поэт сравнивал подражание протестантов иудейской вере с «дагеротипным изображением, в котором контуры скрупулезно правильно воспроизведены, но все – серое на сером, а солнечный блеск Земли Обетованной отсутствует». Правда, Г. Гейне не терял надежды на то, что «когда-нибудь карикатура исчезнет; подлинная, непобедимая и истинная мораль древнего иудаизма расцветет в этих странах, как это было некогда на берегах Иордана и горах Ливана».

Известно, что убеждение в неполноценности людей, не освоивших определенный свод знаний или правил поведения, будь то профессиональных или социокультурных, усиливается по мере усложненности этих знаний и строгости этих правил. Представители многих профессий, требующих больших знаний и неукоснительного соблюдения жестких правил, а также члены любых замкнутых социальных групп (от высших сословий до первобытных племен), объединенных «сокровенным преданием» о своей исключительности, а также сложными ритуалами и обычаями, склонны рассматривать всех, находящихся за пределами их круга, как неполноценных. Когда же свод этих заветных знаний и правил освящен авторитетом религии, то отторжение чужаков может представляться делом Богоугодным.

Можно предположить, что масса усилий, которые затрачивались иудеем на освоение священных книг и соблюдение многочисленных положений талмудического закона, поневоле заставляла его презирать тех, кто пренебрег такими учеными занятиями и выполнением предписаний, казавшихся ему священными. Кроме того, иудейское общество рассматривало лиц, не заучивших хотя бы одно из многочисленных положений закона или

нарушивших хотя бы одно из его правил, как людей нерадивых и ненадежных. Даже нарушение правил омовения рук выглядело в глазах ортодоксов вопиющим свидетельством грехопадения. В хронических же нарушителях закона видели людей глубоко порочных или ущербных в моральном и интеллектуальном отношении. По этой же причине люди, которые не признавали весь иудейский закон, не считались ни с одним из его предписаний, не соблюдали ни одного из 613 правил и запретов Ветхого Завета, а также их многочисленных дополнений в Талмуде, считались безнадежно погрязшими в пороке, или дикарями, или моральными и интеллектуальными уродами.

Однако восприятие правоверными иудеями всех остальных людей, как неполноценных и социально опасных существ, имело зеркальное отражение в аналогичном отношении к ним многих неевреев. И это было не удивительно, так как взаимная недоброжелательность и подозрения между народами возрастают прямо пропорционально количеству различий в религиозных ритуалах, национальных обычаях, культуре, образе жизни, бытовом поведении и манерах. Если «свое» воспринимается как единственно правильное, а «чужое» рассматривается как низменное, преступное и противное человеческому естеству и Божественным законам, то создаются необходимые условия для неугасающей реакции взаимной подозрительности и неприязни.

Хотя в своих мемуарах Троцкий вспомнил лишь забавные эпизоды из своего детства, связанные с празднованием православной Пасхи и Рождества, на самом деле любой подобный праздник мог стать поводом для осознания глубоких отличий между его семьей и людьми других верований. Шолом-Алейхем привел анекдот о том, как православные люди приветствовали на Пасху еврея словами: «Христос воскресе!» Однако для правоверного еврея сказать в ответ: «Воистину воскресе!» – значит сделать заявление, противоречащее основам иудаизма. В то же время, не желая вызвать ссору, сказав, что Христос не воскресал, еврей решил схитрить и ответил: «Мне только что об этом сказал Берл-Айзик!», рассчитывая, что его собеседник истолкует эти слова как положительный ответ на его сообщение о воскрешении Спасителя. Лишь незнание православного человека о том, что Берл-Айзик – это известный враль из еврейского фольклора, не позволяло ему понять, что в святой день Пасхи еврей совершал богохульство с точки зрения христианской веры.

Опасность столкновения могла возникать не только в дни церковных праздников, но и в другие дни и по множеству поводов. В то время, когда все православные люди работали, евреи отдыхали по субботам, а в то время, когда православные люди шли на воскресную службу в церковь, евреи работали. В доме евреев не было привычных икон, что напоминало православным людям о непризнании евреями веры в Христа. Евреи брезговали пищей, вполне приемлемой для христиан, их же питание могло казаться христианам непривычным и невкусным. Если еврея приглашали на трапезу православных людей, то он мог отказаться. Люди, знакомые с пьесой Шекспира «Венецианский купец», могли в подобных случаях вспомнить ответ Шейлока на приглашение Бассанио к обеду: «Да? Чтобы свинину нюхать? Есть из сосуда, в который ваш пророк-назареянин загнал бесов заклинаниями? Я буду покупать у вас, продавать вам, ходить с вами, говорить с вами и прочее, но не стану с вами ни есть, ни пить, ни молиться». Но и те, кто не читал Шекспира, могли заметить, что евреи соблюдали множество непонятных правил, но не следовали тем, которые были обязательны для всех остальных православных людей. В условиях же консерватизма тогдашней жизни даже небольшие отличия от того, что считалось нормой, казались подозрительными и даже опасными. Поэтому множество отличий между евреями и неевреями не могло не создавать богатой почвы для взаимной неприязни. Появление же на этой почве серьезных экономических, социальных или политических противоречий провоцировало острые и даже кровавые конфликты.

Троцкий не писал, был ли он свидетелем подобных конфликтов или проявлений взаимного недоброжелательства. Однако можно понять, что уже ребенком он узнавал многие вещи, не соответствующие представлениям, сложившихся в его семье. Он писал: «В мастерской, в людской кухне, на задворках жизнь раскрывалась передо мною шире и

по-иному, чем в семье… Присутствия моего никто не стеснялся, когда я был поменьше. Языки развязывались свободно… При свете кузнечного горна или кухонного очага родители, родственники, соседи представали передо мною нередко совсем в новом освещении. Многое из тех бесед вошло в сознание навсегда. Многое, может быть, легло в основу моего отношения к современному обществу».

Троцкий умолчал о том, что говорилось «при свете кузнечного горна или кухонного очага», но не исключено, что, выражая недовольство арендаторами Яновки, работники вспоминали об их вере и национальности. Понятие «арендатор» и «еврей» на Украине были издавна почти идентичны. При этом ни то ни другое не пользовалось почетом. Как отмечал В.В. Шульгин, «малороссийские исторические песни наполнены горькими жалобами на «жидив-орендарив».

Шок от того, что самые любимые им люди – родители и родные – являются объектами насмешливых, а то и злых суждений, мог лишь усугубиться от сознания того, что эта хула исходила от людей, которые в соответствии со всеми известными мальчику с детства представлениями погрязли в невежестве и пороке. Ведь они были деревенскими жителями, которые не ходили в синагогу, не соблюдали субботы, ели свинину, не знали древнееврейского языка, не читали Талмуд, не соблюдали никаких правил в еде и гигиене, предписанные в Торе, и, стало быть, по всем признакам были грубыми и порочными дикарями. Это лишь подтверждало представления, сложившиеся в голове у мальчика, о том, что со времен Древнего Египта везде и всегда евреев преследуют люди невежественные и порочные.

Однако даже если Лейба Бронштейн не столкнулся бы в Яновке с неприязненным отношением к своим соплеменникам, то вскоре он сполна мог познакомиться с проблемой антисемитизма, которая не ограничивалась Украиной и возникла задолго до рождения украинского народа. Постоянная напряженность в отношениях еврейского народа с другими народами позволила профессору Соломону Лурье заявить: «Везде, где только ни появляются евреи, вспыхивает и антисемитизм».

В своем исследовании «Антисемитизм в древнем мире» С. Лурье обнаружил антисемитские (или юдофобские) высказывания в сочинениях многих древнегреческих и древнеримских авторов, в которых образ жизни евреев получал крайне негативную оценку, их сильные стороны получали превратное истолкование, их слабости выпячивались и им приписывались ряд отталкивающих качеств. Лурье писал: «Над ними издеваются, встречая их, они – любимый персонаж на подмостках мима».

Однако презираемый ими народ одновременно вызывал у древних греков и римлян страх своей способностью к сплочению в защите своих интересов, своим умением отстаивать и укреплять свои позиции в чужих странах. Известный римский философ Сенека говорил о «еврейской угрозе», утверждая: «Обычай этого преступнейшего племени приобрел такую силу: что он принят уже по всей земле; побежденные предписали законы победителям». Прославленный трибун Рима Цицерон говорил о всесилии еврейского влияния: «Известно, что это за сила, какое у них единодушие, как велико их значение на собраниях. Я буду говорить шёпотом, так, чтобы меня слышали только судьи: ведь найдутся (и здесь) такие, которые станут подстрекать против меня и против лучших людей; ну, так я не стану им помогать и облегчать их задачу».

Реакцией евреев на отношение греков и римлян, видевших в них опасных варваров, явились ответные утверждения о варварской природе этих народов. Так родились версии о том, что греки и римляне, а также древние египтяне, вавилоняне и другие всеми своими познаниями обязаны иудейской культуре. Профессор С. Лурье ссылался на труд анонимного еврея времен античности, который утверждал, что «Авраам пришел в Египет со всей своей семьей и научил египетского царя Фаретота астрологии… Иосиф первый поделил землю на участки, поставил пограничные знаки и большое количество, стоявшей под паром, земли сделал годной для обработки… Когда Моисей вырос, он научил египтян многим полезным вещам: кораблестроению, машинам для кладки камней, египетскому вооружению,

оросительным и военным орудиям; он же изобрел и философию».

Другим следствием растущего антагонизма между евреями и их соседями в античные времена стало установление раввинами множества запретов на общение иудеев с другими людьми. Л. Фейхтвангер писал: «Пользуясь сводом правил, они придали жизни иудеев национальную замкнутость. Они запретили им изучать наречия язычников, читать их книги, признавать их свидетельства на суде, принимать от них подарки, смешиваться с ними через половые связи. Нечистым считалось вино, которого коснулась рука неиудея, молоко, которое выдоила рука иноверца. В суровом, слепом высокомерии отделяли они все более высокими стенами народ Ягве от других народов земли».

«Холодная война» между еврейством и народами Западной Европы не прекратилась, а усилилась по мере распространения христианства и превращения его в господствующую религию. Несмотря на то что «Священное Писание» евреев стало христианским Ветхим Заветом, над еврейским народом тяготело обвинение в убийстве Христа. Враждебное отношение к евреям в католических странах Западной Европы в Средние века отразилось в содержании одной из молитв того времени, открывавшейся словами: «Помолимся за вероломных евреев». В то время как при чтении всех молитв следовало преклонять колени, данную молитву следовало выслушивать стоя и это означало, что католики никогда не намерены склоняться перед «вероломными евреями». Свидетельством взаимной недоброжелательности явилось введение в Средние века в иудейскую пасхальную молитву добавления «об истреблении христиан и еретиков и исключении их из книги жизни».

В свою очередь, многие христиане не жалели сил для того, чтобы буквально исключить евреев из «книги жизни». Массовые избиения и уничтожения евреев в христианских государствах Западной Европы особенно усилились в ходе крестовых походов. Во время и после них то один, то другой христианский король приказывал изгонять евреев из своих владений. Хотя протестантское учение открыло страницы Ветхого Завета для верующих, один из его основоположников Мартин Лютер в своих проповедях не раз обрушивался с проклятиями в адрес евреев.

Хотя историки признают, что в странах ислама евреи, как правило, не сталкивались с жестокими преследованиями, там то и дело от евреев требовали отказа от своей веры и перехода в мусульманство. Еврейский поэт XI века Соломон ибн-Габриоль жаловался: «Исмаил (мусульмане) подобен льву, а Исав (христианский мир) – коршуну; едва один нас оставляет, другой за нас принимается». Став свидетелем создания государства крестоносцев в Палестине, Иегуди Галеви сокрушался: «Как я исполню свой обет, пока Цион (земля Израиля) находится в оковах Едома (христиан), а я изнываю под игом Аравии?»

Обращаясь к многовековой истории вражды к евреям, многие историки предлагали взаимоисключающие объяснения ее причин. Соломон Лурье обратил внимание на то, что «одни видят причину антисемитизма в том, что евреи – выше окружающей их среды и потому вызывали зависть соседей… Другие, наоборот, в том, что евреи в нравственном отношении ниже окружающей их среды – они корыстолюбивы и кровожадны (Ф. Штегеллин); для одних – все дело в том, что евреи проникнуты партикуляризмом, они отделяют себя китайской стеной от окружающих (Э. Шюрер), другие, наоборот, видят историческую ошибку еврейства в том, что оно слишком охотно проникалось чужой культурой (Й. Фрейденталь); одни пытаются делить еврейство древности на два обособленных и враждующих между собой течения и считают, что только одно из этих течений – узконационалистическое – породило антисемитизм (А. Вертолет), другие, наоборот, видят в еврействе древности одну тесно сплоченную семью и объясняют антисемитизм именно этой сплоченностью (Т. Моммзен); одни видят причину антисемитизма в необыкновенном своеобразии и иррациональности еврейского национального характера, представляющего собой тесное соединение крайних противоположностей (Эд. Майер), другие, наоборот, объясняют антисемитизм более или менее случайными причинами временного характера… (Т. Рейнак)».

Суммируя эти выводы, С. Лурье писал: «Ученые не довольствуются тем, что евреи в

тех или иных отношениях разнятся от всего остального древнего мира, но еще находят нужным объяснить антисемитизм тем, что евреи либо много хуже, либо много лучше своих соседей… Если пойти по стопам этих ученых, то еврейский народ – какое-то неслыханное и непонятное исключение из истории мира».

С точки зрения антисемитских авторов получалось, что евреи являлись носителями целого ряда качеств, делающих невозможным их мирное сосуществование с другими народами. Комментируя в 1913 году антисемитские выступления ряда депутатов Государственной думы, Л.Д. Троцкий перечислил многие из традиционных обвинений в адрес евреев: «Что же в самом деле то отвлеченное «жидовство», которое эти субъекты отождествляют с известной расой? Это ни пред чем не останавливающееся корыстолюбие, социальный паразитизм, кагальная сплоченность во имя преступных целей, полное отщепенство от народа и нравственная отверженность». (Перечислив эти обвинения своих политических противников, Троцкий переадресовывал их им же.)

Если поверить антисемитским (или юдофобским) утверждениям, то евреи представляли собой воплощение вселенского зла, совращали невинные и праведные народы с пути истинного и исключительно из-за евреев в мире сохранились всевозможные пороки и творились чудовищные преступления. Получалось, что не будь евреев на свете, жизнь на Земле была бы счастливой и радостной.

В свою очередь, с точки зрения многих еврейских авторов лишь еврейский народ был предназначен Богом для духовного руководства другими народами мира. Эти авторы излагали значительную часть мировой истории как повесть о вечных и жестоких гонениях трудолюбивого, высоконравственного и умного народа Израиля со стороны порочных, ленивых и невежественных людей, стремившихся сжить евреев со свету. Эта легенда принижала достижения других народов и иных культур, а то и сводила их к нулю. Кроме того, создавалось впечатление, что во всех многочисленных конфликтах с другими народами в ходе мировой истории, еврейский народ был всегда прав.

Очевидно, что приведенные выше объяснения антисемитизма, а также контрастные характеристики евреев во многом похожи на истолкования причин этнических или межконфессиональных конфликтов их участниками и на те характеристики, которые дают друг другу представители соперничающих народов и верований. Как правило, в ходе подобных конфликтов представители одной этнической или религиозной общины склонны обнаруживать у иноверцев или иноплеменников наиболее отвратительные черты, редко встречающиеся у людей и сближающие их с наиболее неприятными особями животного мира. При этом критикуемые не отстают в обнаружении столь же омерзительных качеств у своих критиков. Знаменательно, что наиболее острая критика приходится в адрес наиболее близких соседей. Достаточно вспомнить хотя бы современные примеры затяжной взаимной ненависти друг к другу протестантов и католиков Ольстера, основных этнических групп Руанды и Бурунди, мусульман и индуистов стран Индостана. Эта взаимная неприязнь не раз порождала столкновения, унесшие миллионы жертв.

Подробные рассказы еврейских историков о разграблениях, насилиях и убийствах, совершенных в отношении многих евреев за последние три тысячи лет в различных странах мира, не учитывают, что за это время в этих же странах произошло множество жестоких и кровавых событий, жертвами которых стали многие миллионы людей из других народов. При этом немало народов и последователей различных верований, в отличие от еврейского, за это время были либо уничтожены полностью, либо были сведены к такому жалкому существованию, что в конечном счете исчезли со страниц истории. Тяжелые испытания еврейского народа не были уникальными для мировой истории.

История этих и других подобных конфликтов свидетельствует о том, что подозрительность, неприязнь и открытая ненависть одного народа к другому порождают ответные чувства, а те, в свою очередь, усиливают существовавшие национальные и религиозные предрассудки. Восприятие евреями истории через призму своей традиционной культуры часто заставляло их видеть в окружающих народах новых египтян, ассирийцев,

персов, а также амаликитян, моавитов, эдомитов и прочих врагов еврейского народа. Порожденная таким восприятием подозрительность, презрение, неприязнь к другим народам лишь давали пищу антисемитизму, а проявления последнего лишь усиливали убежденность евреев в правоте своей неприязни к окружающим. Так легенда о превосходстве еврейского народа над другими народами мира и постоянных гонениях евреев невежественными и порочными народами питала легенду антисемитизма об уникально порочном еврейском народе, а антисемитская версия давала пищу мифу о еврейском превосходстве и вселенской вражде к евреям. Симбиоз двух легенд, каждая из которых воздействовала на мощные общественные силы, в значительной степени определил и развитие мировой истории.

Для того же, чтобы понять причины антисемитизма, надо обратиться к подлинной истории, а не к легендарным сказаниям о вечно гонимом Богоизбранном народе, на которых был воспитан Лейба Бронштейн, и не к антисемитским мифам о проклятом народе, носителе всех пороков.

Следует учесть, что антисемитизм возник прежде всего среди тех народов, которые были соседями евреев, а евреи считали именно эти народы воплощением зла. Последнее подтверждается тем, что в Библии среди наиболее порочных народов перечислены древние египтяне, коренное население Вавилона и Ассирии, значительная часть персов, а также филистимляне, амореи и многие племена, жившие по соседству с народом Израиля. В послебиблейские времена перечень врагов Израиля был существенно расширен. Это было вызвано тем, что за долгую историю своего существования евреи приобрели множество соседей. Причиной этому было то, что евреи, как и финикийцы, греки, китайцы, индийцы, сирийцы, армяне, были народом, активно вовлеченным в международную торговлю, и жили в купеческих колониях разных стран мира.

Не евреи были пионерами международной торговли, соединившей различные центры древних стран, а также цивилизованные государства с нецивилизованными племенами мира, и не они сначала первенствовали в ней. Однако, поскольку евреи поселились на важном перекрестке мировых торговых путей, соединявших страны Азии, Африки и Европы, они не могли не стать народом, значительная часть которого превратилась в международных коммерсантов или лиц, связанных с международной торговлей.

Соединяя производство различных стран мира, дельцы международной торговли удовлетворяли самые разнообразные потребности народов мира, которые не могли быть обеспечены местным хозяйством, и одновременно способствовали ускорению мирового экономического развития. В своих сделках купцы обычно не оставались внакладе и богатели с каждым успешным торговым оборотом, что неизбежно вело к разрыву в материальном положении между ними и бедными массами населения. При этом многие бедняки разорялись, попадая в кабалу от торговцев и ростовщиков. Это создавало условия для бурных выступлений обедневшего населения против разбогатевших за их счет дельцов.

Растущее же богатство международных коммерсантов вызывало недовольство не только бедного люда, но и местных торговцев, которые не могли и мечтать о баснословных прибылях «заморских гостей». Ненависть к иноземным торговым людям то и дело приводила к погромам их богатых жилищ, расправам с ними. При этом зачастую огульному уничтожению подвергались не только торговцы и ростовщики, но и другие представители этого народа. Подобное случалось постоянно в мировой истории и не прекратилось и в XX веке. Достаточно вспомнить погромы армян на Кавказе и в Турции, увенчавшиеся истреблением значительной части армянского народа в 1915 году, погромы китайских торговцев в Индонезии и Индии, индийских торговцев в ряде стран Восточной Африки.

Особое место, которое заняла Европа и Средиземноморье в мировой истории, привело к тому, что конфликты на почве торговых противоречий привлекли гораздо больше внимания к себе, чем подобные события в других регионах мира. До появления евреев на арене мировой торговли не менее острое соперничество в Средиземноморье развертывалось между финикийцами и греками. Их жестокая борьба за контроль над торговлей в Средиземноморье сменилась борьбой между Римом и Карфагеном, созданном выходцами из

Финикии. И потом в эту борьбу включились иудейские торговцы.

Хотя изначально народ Израиля, осев на земле Ханаана, состоял главным образом из землепашцев и пастухов, С.М. Дубнов в своей «Краткой истории евреев» писал, что «с течением времени… простой земледельческий строй жизни значительно изменился. С земледелием стала соперничать торговля». Развитию торговли способствовало географическое положение Ханаана, расположенного на важных торговых путях между Африкой, Азией и Европой. По словам Дубнова, «во времена Ахава и Иосафата», то есть 922—894 гг. до н. э., «торговля уже процветала в обоих царствах (Иудейском и Израильском. – *Прим. авт.).* Все это содействовало быстрому росту городов. Рядом с трудом стал капитал; появились торговые деньги, ссуды, ростовщичество».

Класс торговцев играл все более значительную роль в иудейском обществе. Еврейская диаспора (т. е. рассеяние) возникла не столько вследствие изгнания евреев из Иудеи, как это утверждает легенда о «гонимом народе», сколько в результате распространения деятельности еврейских торговцев на многие страны тогдашнего цивилизованного мира. Даже говоря о временах «вавилонского плена» в статье «Евреи», опубликованной в «Большой Советской Энциклопедии» в 1932 году, видный советский исследователь иудаизма Н. Никольский писал: «Часть изгнанников, принадлежавшая к торговой буржуазии, только выиграла от этого, так как получила возможность расширить поле своей деятельности; представители иудейской буржуазии быстро богатели, и некоторые из них скоро заняли место в первых рядах вавилонской буржуазии».

В античные времена евреи составляли значительную часть населения крупных городов Римской империи. Так в крупнейшем после Рима городе империи – Александрии евреев было свыше 400 тысяч человек. Большинство из них занималось торговлей. Именно в Александрии в середине I века н. э. произошел один из первых известных истории еврейских погромов, организованного конкурентами евреев – греками. Как утверждал Л. Фейхтвангер, в ходе него было убито около 50 тысяч евреев, живших в Александрии. По мере того как евреи стали господствующим торговым народом в обширном и быстро развивающемся регионе, включавшим в себя Западную Азию, Северную Африку и Европу, расширилась география конфронтации еврейских торговцев со своими конкурентами, а также с разорявшимися социальными низами. Именно по этой причине росло число жестоких и кровавых конфликтов.

Порой эти конфликты происходили далеко за пределами Иудейского царства и правители этой страны были лишены возможности вмешиваться в них. В этих условиях идейным, политическим и организационным центром еврейской диаспоры стала иудейская церковь, способствовавшая консолидации еврейской нации. Еще до окончательной гибели Иудейского государства в нем возрастало влияние священнического сословия, пока оно не превратилось фактически в теократическое. По словам Н. Никольского, «организация теократической общины с центром в Иерусалиме отвечала… интересам иудейской буржуазии рассеяния, которая создала под эгидой иерусалимской теократии свой деловой центр: праздничные съезды в Иерусалиме три раза в год, особенно весной и осенью, были вместе с тем и торговыми съездами иудейской буржуазии. С течением времени иерусалимское жречество также собирало в казне храма большие капиталы, которые пускались в оборот, и иерусалимский храм тоже был вовлечен в орбиту спекулятивной деятельности».

Гибель Иудейского государства и разрушение иерусалимского храма лишь способствовали расширению диаспоры, но не привели к ослаблению сплоченности еврейского народа, объединенного прочными узами религии. В то же время влияние торгового сословия в еврейской общине рассеяния возрастало. Как отмечал Т. Гейликман, «уже к концу античного мира евреи диаспоры представляли не только народ, лишенный родины, но и народ горожан по преимуществу. Случаи землевладения в среде евреев диаспоры не являлись типичными; еврейские общины знали в сущности только два класса: буржуазию, торговую и ростовщическую, и буржуазию мелкую». Хотя на территории

Палестины продолжали жить евреи, основным занятием которых оставалось земледелие, их роль в мировом еврействе ослабевала по мере укрепления позиций верхов еврейской диаспоры, занимавшихся международной торговлей и мировыми финансовыми операциями.

И даже почти через два тысячелетия после разрушения иерусалимского храма миллионы евреев в самых разных концах земного шара продолжали заниматься делами, прямо или косвенно связывавшими их с международной торговлей и мировыми финансами. Не была исключением и Яновка. Хотя Троцкий неоднократно подчеркивал удаленность своего места рождения от остального мира и то, что родителям «все остальное казалось безразличным», он делал примечательную оговорку: «Все остальное, кроме цен на мировой бирже зерна… Таинственные силы мирового рынка находили себе путь и в Яновку. Возвращаясь из Николаева, отец сумрачно говорил: «Кажуть, что… как ее звать… Аргентина много хлеба выкинула на сей год». Хотя Бронштейны могли не знать о дебатах во французском парламенте или о законах Бисмарка против социалистов и могли не найти Аргентину на карте мира, но они так же внимательно следили за мировой торговой конъюнктурой на продукцию, производимую в их хозяйстве, как и древние иудеи из диаспоры античных времен.

Как и все торговые люди в чужих странах, евреи создавали там свои поселения. Хотя евреи, как и другие иноземцы, должны были подчиняться власти чужого государства, по своей внутренней организации их поселения были подобны колониям финикийцев и греков, возникшим в бассейнах Средиземного и Черного морей в первом тысячелетии до н. э. Подобно греческим и финикийским колониям, еврейские кварталы в городах чужой страны были отгорожены прочными стенами, а в еврейских кварталах жизнь определялась талмудическим правом, а не местными законами. Государству, на территории которого находились евреи, они противопоставляли свое невидимое государство.

Жизнь еврея диаспоры, по словам С. Лурье, определялась принципом «двойного подданства», что означало: «1) Местный закон необходимо строго соблюдать, но лишь поскольку он не противоречит положениям еще живущим в народном правосознании положениям еврейского закона и поскольку его соблюдение не связано с вредом для еврейского народа. Таким образом, законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае соблюдать не следует. 2) Необходимо быть строго лояльным по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и по возможности содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям». Мировая история свидетельствует о том, что эти принципы, сформулированные Соломоном Лурье, как правило, определяли действия большинства еврейского населения в различных странах.

Соломон Лурье считал, что в любой стране еврейский народ «оставался национально-государственным организмом». В этом профессор видел «особенность еврейского народа», а в непризнании другими государствами особого статуса такого «организма» он видел постоянную причину антисемитизма.

Нежелание жителей иудейских торговых колоний безоговорочно соблюдать законы государств, на территории которых они находились, и нежелание этих государств мириться с «двойным подданством» иудеев лишь усугубляли обстановку постоянного напряжения, рожденную противостоянием между иноземными торговцами и местным населением, и создавали предпосылки для кровавых конфликтов. Балансирование на грани войны между иудейской общиной и окружавшим ее народом порождало потребность в поддержании духовной готовности евреев к яростной борьбе против возможного нападения. Именно этой теме были посвящены наиболее драматичные рассказы «Библии» из истории еврейского народа, наиболее значительные иудейские религиозные праздники. С их помощью синагога убеждала верующих в том, что нынешнее положение еврейской общины в любой стране по сути мало отличается от «вавилонского плена», «египетского рабства» или от ожидания погрома в Персии по приказу Амана. Эти легенды рождались и популяризировались по мере обострения отношений евреев с неевреями. Как отмечали исследователи иудейской религии,

книга Эсфирь была сочинена в период антигреческой борьбы евреев под руководством Маккавеев.

Мифологизированная история еврейского народа служила не только идейным орудием сплочения евреев, но являлась также психологическим средством компенсации за униженное состояние народа, который не мог дать отпора своим угнетателям. Легенды на исторические темы утешали евреев, уверяя, что они выйдут из «плена», их гонители будут уничтожены, престолы неправедных правителей падут, а великолепные столицы «стран пребывания» будут разорены. Эти легенды помогали поддерживать высокомерное презрение к «стране пребывания», ее культуре и обычаям.

В то же время за многие века своей международной торговой деятельности евреи выработали целый ряд способов мирного улаживания самых острых споров. Как отмечал Лурье, «если бы евреи стали предаваться мести по поводу каждой ежедневно испытываемой ими обиды; если бы они стали хотя бы в случае самых тяжелых гонений претворять эту жажду мести в дело, то они несомненно были бы истреблены или принуждены утратить национальность уже на заре своей истории… Евреи, обреченные постоянно жить и действовать среди иноплеменников, конечно, сами были больше всего заинтересованы в том, чтобы наладить с ними мирные и дружественные отношения… Они всегда были готовы идти на все мыслимые и немыслимые уступки, лишь бы найти какой-либо компромисс между тем и другим «патриотическим долгом».

«Двойное подданство» евреев заставляло их прибегать к различным способам приспособления к жизни в чужой стране, которые вступали в конфликт с государственным законом или общественной моралью. Оказавшись в эмиграции, В.В. Шульгин, неоднократно осуждавший неприятные ему поведенческие черты евреев, к своему удивлению обнаружил, что сходство между положением русских белых эмигрантов и евреев диаспоры привело к сходству в их поведении. Он вопрошал: «Разве сейчас мы не влачим ту же судьбу, которую имели евреи в течение тысячелетий? Разве мы не находимся сейчас «в рассеянии»? Разве сейчас мы не испытываем те же самые «ограничения в правах», которые раньше применяли к евреям?… Разве (не будучи в состоянии пробиться, из-за особого положения нашего, на службу государственную или к некоторым профессиям) мы не занимаемся всякого рода «гешефтами» (комиссионерство и прочее в этом роде)?… Разве мы не приобретаем постепенно привычки «обходить» неудобные для нас законы точь-в-точь, как это делали у нас евреи, и за что мы их ругали? И разве с каждым днем мы не приобретаем ту настойчивость и бесцеремонность, которые так нас раздражали в евреях и которые мы называли «наглостью» и «нахальством»?

Усилия всех евреев по созданию более благоприятных условий своего сосуществования в «стране пребывания» постоянно координировались и направлялись руководством общины в лице раввината. Миссионерская деятельность раввината среди неевреев имела прежде всего задачу обеспечения благожелательного отношения к евреям. С. Лурье подчеркивал: «Насколько облегчается понимание миссионерской деятельности евреев, если рассматривать их не как религиозную группу, а как национально-государственную единицу,… принужденную действовать и развиваться среди чужих народов». Как подчеркивал А.Б. Ранович, «евреи диаспоры… стали агентами пропаганды иудаизма. Что пропаганда иудаизма имела значительный успех, доказывается уже быстрым ростом численности евреев диаспоры, который нельзя объяснить только естественным приростом… Больше всего успеха пропаганда иудаизма имела среди женщин. Когда жители Дамаска задумали перебить евреев, они, по свидетельству Иосифа (Флавия. – *Прим. авт.*)… только боялись своих жен, которые за немногими исключениями, все были преданы иудейской вере».

Еврейская община стремилась особенно заручиться поддержкой власть имущих. Следуя библейским примерам Иосифа, Эсфири и Даниила, иудейская община стремилась поставить своих представителей на влиятельные посты в государствах, в которых они проживали. В истории можно найти немало примеров того, как евреи занимали видные государственные посты в христианских и мусульманских государствах. При этом, как

подчеркивал С. Лурье, такие евреи зачастую «открыто заявляли себя евреями, считали свой народ выше и лучше самих хозяев, как в отношении происхождения, так и в отношении мудрости и добрых нравов». Нежелание таких евреев ассимилироваться, признав себя лишь гражданами того государства, в котором они заняли важные посты, вызывало нескрываемое раздражение у ряда античных авторов.

Таким образом, иудейская община внутри любой страны решала те же задачи, которые решало любое другое государство в своей внешнеполитической деятельности, осуществляя мероприятия дипломатические, пропагандистские, разведывательные и насаждая своих «агентов влияния». Масштаб задач, которые решала еврейская община в деле защиты ее интересов, и постоянное состояние вооруженного мира между ней и «страной пребывания» требовали сплоченности рядов еврейства. Во имя борьбы против общей угрозы подавлялись внутренние противоречия среди еврейской общины, порождаемые социальным и классовым расслоением.

С одной стороны, религиозное руководство общины постоянно напоминало богатым о необходимости благотворительной помощи беднякам. Множество поучений Талмуда и заповедей, написанных талмудистскими толкователями, подробно рассказывали, в каких размерах и каким манером должна оказываться помощь беднякам и малоимущим. В общинах существовал твердо установленный порядок благотворительной помощи нуждавшимся. С другой стороны, бедным и малоимущим постоянно напоминали о необходимости забыть свои обиды перед лицом общей угрозы.

Утверждая, что судьба индивидуального еврея во многом зависела от отношений всей общины с окружавшим миром, религиозное руководство общины жестко диктовало свои требования каждому из ее членов. Постоянная готовность к возможному нападению помогала превращать каждого еврея в солдата-резервиста, готового выступить в защиту общих интересов. В то же время, поскольку вооруженный конфликт был, как правило, не выгоден общине, предпринимались многочисленные усилия для его предотвращения. Каждый еврей должен был действовать как надежный информатор, сообщающий все необходимые сведения о событиях во вражеском стане, как умелый пропагандист, способный нейтрализовать враждебные евреям взгляды и распространять проеврейские настроения, как полномочный представитель общины, по поведению которого могут судить о всем народе. Руководство общины требовало от каждого еврея сдержанности в поведении, чтобы не спровоцировать нападения извне.

Случаи перерастания вооруженного мира в полномасштабный конфликт лишь убеждали членов еврейской общины в необходимости всецело подчиняться диктаторской власти раввината, действующей в условиях постоянного чрезвычайного положения. Малейшие отклонения от диктуемых норм поведения немедленно замечались и сурово осуждались как измена народу и Богу.

Еврейский просветитель И. Г. Оршанский писал: «Всякому, знакомому с еврейским бытом, известно, что староеврейский строй жизни, с его средневековыми учреждениями, религиозной обрядностью и фанатизмом, держится на силе консервативного, фанатического общественного мнения еврейского населения этих городов и местечек. Личная свобода, личная мысль здесь совершенно задавлена деспотизмом общины, которая следит зорким оком за тем, чтобы никто из ее членов не отступил от завета отцов ни на один волос; и горе тому, кто будет замечен в измене вере своих предков или хоть малейшему обычаю, освященному временем!» Об этом свидетельствовали беспощадные преследования таких «вольнодумцев», как Уриэль дАкоста и Барух Спиноза.

Жесткий контроль внутри общин и стремление государств, на территории которых они находились, сдержать их рост породили институт еврейского гетто – особых городских кварталов, населенных евреями. Описывая быт евреев в германском гетто XVIII века, Лион Фейхтвангер не жалел мрачных красок: «Загоняли их в тесные пространства, загораживали и наглухо запирали на ночь ворота их гетто, сторожили все входы и выходы. Жили они в неимоверной скученности; они размножались, но отведенное им пространство не

расширялось… Мужчины и прекрасные женщины рано увядали, из десяти рожденных ими детей семеро умирали. Они были подобны мертвой застойной воде, отгороженные плотиной от бурного потока жизни, от языка, искусства, духовных интересов остальных людей. Они жили в удушающей близости, каждый знал тайну каждого, среди вечных сплетен и недоверия терлись они, вынужденные паралитики, друг о друга, до крови раздирали друг друга, один другому враг, один связанный с другим, ибо ничтожнейший промах и незадача одного могли стать несчастьем для всех».

Психологической компенсацией условий жизни в гетто с ее физическим и душевным нездоровьем служили ирония и самоирония. Не случайно в книгу «Мудрость Израиля», составленную Льюисом Брауном, наряду с отрывками из Священного Писания, Мишны и Гемары, вошло немало всевозможных анекдотов, которые давно стали характерной особенностью еврейского юмора. Объектами язвительных насмешек в этих анекдотах становились правители, порядки и обычаи различных «стран пребывания». В то же время житейские трудности евреев, их стремление добиться успеха, их нравы также становились предметом иронизирования.

Очевидно, что ни постоянная напряженность в отношениях между евреями и народами, на землях которых они жили, ни внутренний гнет общины, ни физическое и психическое нездоровье многих обитателей гетто не сломили еврейство. Многочисленные изгнания из различных королевств Западной Европы не остановили торговой деятельности, которой было занято большинство евреев этого региона. Более того, уход с исторической сцены ряда торговых народов, таких как финикийцы, древние греки, ослабление активности в Европе купцов ряда других стран Востока превратило евреев в наиболее многочисленный и хорошо организованный отряд международной торговли в этом регионе. Превращение же Европы в самый быстро развивающийся в экономическом отношении регион мира лишь способствовал укреплению мировых позиций еврейских торговцев и финансистов.

В то же время еврейские торговцы унаследовали профессиональные приемы коммерции, основанные на многовековом опыте купцов Востока с их умением подобрать товар, отвечавший потребностям людей, привлечь внимание к этому товару и убедить потенциального покупателя в выгодности предлагаемой сделки. Местные же европейские торговцы, исторически позже вступившие на стезю коммерции, явно уступали им в этом сравнительно новом для них деле.

Будучи неплохим знатоком хозяйственной истории человечества (о чем, в частности, свидетельствует замечательная экспозиция в его личном музее в Дирборне), Генри Форд красочно описал методы торговли европейских купцов, которые были еще сильно отягощены патриархально-общинными традициями: «В Старой Англии среди сословия купцов господствовало много почтенных обычаев. Так купец, пользующийся уважением, никогда не должен был начинать дело по собственному почину, а лишь тогда, когда ему оно было предложено. Точно так же украшения витрин свечами или красками, равно как и выставка товаров, рассчитанная на приманку публики, считались позорным и нечистым приемом, имеющим целью отбить клиентов у соседей. Наконец, считалось совершенно неприличным и противным купеческим обычаям торговать более, чем одним товаром. Если, например, кто-нибудь торговал чаем, то казалось, он мог бы продавать и чайные ложки? Однако, если бы кто-либо сделал такого рода объявление, то он рисковал бы погубить свое дело – до того такой прием казался общественному мнению чудовищным. Приличие требовало, чтобы купец делал вид, что он неохотно расстается со своим товаром».

«Можно себе представить, что произошло, когда в эту чащу спокойных обычаев ворвался еврейский торговец. Он просто разбил их вдребезги… Еврея неудержимо влекло продавать. Если он не мог продать покупателю определенный предмет, то под рукой у него был другой, который он и предлагал. Еврейские лавки сделались базарами, предшественниками современных универсальных магазинов, и старый английский обычай – каждая лавка только для определенного рода товаров – был уничтожен. Еврей гонялся за делом, преследовал его, выговаривал его себе. Он первым ввел «быстроту оборота при малой

прибыли», он же ввел продажу в рассрочку. Единственное, чего он не выносил, были покой и постоянство: все мысли его направлены к тому, чтобы все вокруг него находилось в движении. Он был отцом рекламы в те времена, когда даже простое объявление о том, какой товар имеется в лавке, наводило публику на мысль, что собственник переживает денежные затруднения, и что ему грозит банкротство, почему он и прибег к последнему отчаянному средству, к которому ни один уважающий себя купец прибегнуть не решится… В те времена обычай имел силу Богом установленного этического закона: поэтому еврей, благодаря своему поведению, казался великим грешником. Кто мог нарушить эти почтенные купеческие обычаи, тот не остановится ни перед чем».

Форд утверждал, что «возвышению евреев в финансовом господстве способствовало… главным образом, их особое дарование: ловкость в изобретении все новых и новых деловых методов. До появления евреев на мировой сцене оборот протекал в самых простых формах… Многие необходимые приемы в области кредита и вексельного права были изобретены еврейскими купцами… Изобретением фондовой биржи мир равным образом обязан еврейскому финансовому капиталу». И хотя Генри Форд вслед за Вальтер Скоттом не точен, сообщая, будто еврейские купцы придумали векселя, возможно, что это древнее китайское изобретение в сфере финансовых сделок было введено в Европе евреями. Форд даже утверждал: «Где бы они (евреи) не появлялись, туда как будто переносился за ними и узловой пункт делового оборота». На самом деле еврейские коммерсанты просто умели быстро разгадать, где существуют наилучшие возможности для их деловой активности.

Пережив в гетто изгнания и погромы, евреи Европы не только выжили, но и добились того, что некоторые из них заняли значительное место среди торговой и финансовой буржуазии европейских стран. Свидетельством растущего влияния еврейского торгово-финансового капитала стала деятельность южногерманского купеческого и банкирского дома Фуггеров, распространившего свое влияние на Тироль, Венгрию и Испанию, основателя колониальных банков Голландии Пинтоса, банкира Людовика XIV Самуила Бернара, фактического владельца герцогства Вюртемберг Зюсса и многих других. Характеризуя жизнь евреев, державших в своих руках значительную часть мировой торговли, Л. Фейхтвангер писал: «В городах, на побережье Средиземного моря и Атлантического океана, жили евреи вольно и богато. Они сосредоточили в своих руках обмен товарами между Востоком и Западом. Они наладили торговлю с Южной и Центральной Америкой. Открыли путь в Бразилию. Положили начало сахарной промышленности в Западном полушарии. Заложили основу для развития Нью-Йорка».

Буржуазные революции в странах Западной Европы и Северной Америки открыли новые перспективы для развития капиталистических отношений, а стало быть, и для успешной деятельности еврейской торговой и финансовой буржуазии. Многие ведущие финансовые воротилы мира были евреями, а их роль в решении главнейших политических вопросов неуклонно возрастала. Некоторые лица еврейской национальности вошли в правительства ведущих стран Европы (И.А. Кремье стал министром юстиции в правительстве Франции после революции 1848 года, а Б. Дизраэли, или лорд Биконсфильд, был министром финансов и премьер-министром Великобритании). Отмечая влияние еврейских финансистов на политическую жизнь Западной Европы, анонимный автор в статье «Евреи» в «Большой Советской Энциклопедии» 1932 года писал: «Для оценки их роли… характерно, что при установлении контрибуции с побежденной Франции германские интересы защищал еврейский банкир Блейхредер, а французские защищал французский – Ротшильд».

Как и в античные времена, значительная часть общественного мнения Западной Европы с беспокойством реагировала на усиление позиций крупных еврейских финансистов. В начале 40-х гг. XIX века французский публицист Туссенель написал книгу «Евреи – короли нашего времени». В течение XIX века известные классики западноевропейской литературы в своих произведениях создавали портреты этих «королей», галерея которых была открыта еще шекспировским Шейлоком.

В этой галерее был и образ ростовщика Гобсека, который принимал в виде закладов «все, начиная от корзинки с рыбой, преподнесенной каким-нибудь бедняком, и кончая пачками свечей – подарком людей скуповатых, брал столовое серебро от богатых людей и золотые табакерки от спекулянтов… Все доставляли ему на дом, но ничего оттуда не выносили». В отличие от Гобсека Нусинген мог позволить себе выпустить из рук даже золото, но «лишь потому, что он в это время загребал бриллианты». В образе Нусингена, который появлялся свыше чем в двадцати произведениях Бальзака, великий писатель изобразил банкира Ротшильда. Позже Ги де Мопассан создает образ финансиста Вальтера, организатора международных афер. Аморализм и преступность этих некоронованных властителей мира подчеркивались образами «королей» преступного мира _ вроде зловещего Феджина, воспитателя школы юных воришек, запечатленного Чарлзом Диккенсом в «Оливере Твисте».

Недовольство растущим влиянием евреев порой перерастало в шумные антисемитские кампании. Писатель Эмиль Золя открывал свою статью «В защиту евреев» заявлением: «Уже несколько лет я со все возрастающим удивлением и отвращением наблюдаю кампанию против евреев, которую стараются раздуть во Франции». В своем «Письме Франции» писатель обвинял католическую церковь в том, что она помогла «заразить народ бешенством антисемитизма: отравленный ядом изуверства, он мечется по улицам с воплем: «Долой евреев! Смерть евреям!» Эмиль Золя писал: «Их обвиняют в том, что они представляют собой национальность, вкрапленную в недра других национальностей, что они живут замкнутой жизнью религиозной касты, что для них не существует границ и они являются интернациональной сектой, не имеют настоящей родины и, если когда-нибудь восторжествуют, способны подчинить себе весь мир. Евреи женятся на еврейках, у них очень крепкая семья, в противоположность распущенности, царящей в современном мире, они поддерживают и ободряют друг друга, сторонятся иноплеменников, обнаруживают огромную силу сопротивления и каким-то непостижимым образом медленно завоевывают мир. Но главное, это племя проявляет редкую практичность и проницательность, у них в крови жажда наживы, любовь к деньгам, они отличаются поразительными деловыми способностями и меньше чем за столетие прибрали к рукам колоссальные состояния, которые будто бы обеспечивают им царственную власть в наши времена, когда капитал правит миром. Все это правда».

Признавая справедливость этих обвинений, Золя писал, что «евреи стали таковыми, каковы они теперь, в результате идиотских преследований, длившихся целых восемнадцать веков… Им предоставили заниматься денежными делами, презрительно отмахнувшись от таких занятий, создали им в обществе положение торговцев и ростовщиков, – и не удивительно, что, когда пришел конец господству грубой силы и стали править силы разума и труд, евреи оказались хозяевами капиталов, унаследовали от многих поколений своих предков острый, гибкий ум и созрели для господства».

Осуждая антисемитские призывы, Золя предлагал христианам бороться с евреями в сфере коммерции, то есть там, где до сих пор их побеждали евреи. Он заявлял: «Перед нами широкое поле деятельности, и если евреи на протяжении веков пристрастились к деньгам и научились их загребать, – то нам стоит лишь пойти по их стопам, приобрести те же свойства и побить их их же оружием… Довольно ругать их понапрасну! Добьемся превосходства над ними и победим их!»

Однако Золя ломился в открытую дверь. К этому времени христианские дельцы уже не уступали еврейским в жестокой битве «за металл». Не случайно те же писатели, которые создали в своих книгах отталкивающие образы еврейских торгашей, изобразили и не менее отвратительные портреты христиан, для которых жажда наживы стала главной в жизни. Достаточно вспомнить образы Растиньяка и «милого друга» Дюруа, которые добивались успехов в борьбе с потомками древних финансистов. Не случайно в романе «Наш общий друг» Ч. Диккенс создал образ ростовщика-христианина, который умело использует еврея, выдавая его за «типичного Шейлока», чтобы прикрывать собственную беспощадность в

отношении кредиторов.

Объясняя превращение многих христиан в торгашей, Карл Маркс в своей статье «К еврейскому вопросу» писал: «Еврей эмансипировал себя еврейским способом, он эмансипировал себя не только тем, что присвоил себе денежную власть, но и тем, что через него и помимо него деньги стали мировой властью, а практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов. Евреи настолько эмансипировали себя, насколько христиане стали евреями».

В отличие от писателя Э. Золя, К. Маркс не считал, что в тогдашнем мире власть грубой силы сменилась властью труда и разума. Поясняя что такое «практический дух еврейства», восторжествовавший в мире XIX века, Карл Маркс писал: «Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги… Деньги – это ревнивый бог Израиля, перед лицом которого не должно быть другого бога… То, что в еврейской религии содержится в абстрактном виде – презрении к теории, искусству, презрении к человеку, как самоцели, – это является действительной, сознательной точкой зрения делового человека, его добродетелью… Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека».

Превратившись, по словам Маркса, в евреев, денежные люди христианского мира не проявляли христианской готовности отдать хотя бы часть своих богатств ближнему. Развитие капитализма, сопровождавшееся растущим культом наживы, привело к резкому обострению противоречий как внутри стран, так и между ними. Борьба между буржуазией различных стран за рынки и источники дешевого сырья стала причиной многих войн XIX века и подготовки к мировой войне.

В то время как развитие капиталистических отношений, по словам Маркса, превращало христиан в евреев, этот же процесс ломал стены гетто и многие евреи переставали быть евреями в традиционном понимании этого слова, утрачивая свои социальные связи с еврейской общиной и иудейской культурной традицией. Знакомясь с достижениями науки и культуры XIX века, бывшие ученики хедеров ощущали неудовлетворенность культурным рационом из средневековых изречений об устройстве Вселенной, из ветхозаветных и талмудических правил и запретов, определяющих образ жизни, из религиозных праздников и синагогального пения. Быт общины с неумолимой диктатурой раввината все больше раздражал просвещенную часть еврейства. Усиливался процесс ассимиляции евреев и их интеграции в мир за пределами еврейской общины.

Суммируя свои впечатления от общения с евреями России конца XIX– начала XX века, В.В. Шульгин утверждал: «Евреи не особенно ценят «еврейскость»… Евреи очень привержены к своей религии, но только до известной степени умственного развития: перейдя ее, они очень легко впадают в едкий атеизм и яростный материализм… Евреи не проявляли особой привязанности к своему языку». Если это было так, то пренебрежение к своему родному языку и своей национальности, которое демонстрировал Троцкий, проявляли и многие другие евреи того времени.

Шульгин полагал, что «у евреев в высшей степени выражена другая особенность, которая с избытком пополняет вышеизложенный «национальный дефектизм». По мнению Шульгина, эта особенность состоит в том, что евреи «в глубине существа хранят глубокую привязанность к своим единоплеменникам». Для того чтобы объяснить причину этой «глубокой привязанности», Шульгин привел совершенно неправдоподобную историю про опыт с лошадьми некой породы. Он уверял, что даже через огромные расстояния все лошади этой породы повторяли все те движения, которые проделывала в состоянии гипноза одна из этих племенных лошадей. Из этой сомнительной информации Шульгин делал удивительный вывод: «Нечто подобное мы наблюдаем у евреев. У них, кроме душ индивидуальных, есть какая-то коллективная душа, удивительно функционирующая».

Национальная солидарность, обнаруженная Шульгиным у евреев, не была неизвестным психобиологическим явлением, а поддерживалась теми же силами, которые в то время укрепляли национальную солидарность разных народов мира – национальной буржуазией.

Буржуазные революции сопровождались подъемом патриотизма, энергичными усилиями по сплочению народов под знаменами национальной солидарности. В это время буржуазия различных стран обращалась к мифам об уникально великом прошлом своих народов и преувеличенным претензиям на их нынешнюю исключительность, чтобы доказать право своей страны на «место под солнцем», на деле – право на захваты рынков и колоний.

Эти процессы проявлялись и среди евреев. Эрозия традиционных начал не привела к полному исчезновению из сознания евреев всех тех механизмов, которые превращали их в послушных членов спаянных религией общин. Задача верхушки еврейской буржуазии состояла в том, чтобы использовать в своих интересах сложившуюся этническую сплоченность евреев на основах, отвечавших современным условиям жизни! С этой целью в современной жизни постоянно выискивались свидетельства в пользу традиционных легенд о самом талантливом и самом праведном еврейском народе и о вечном преследовании его остальными народами мира, невежественными и порочными. Всемерная популяризация достижений выходцев из еврейских общин и реклама даже скромных талантов служили доказательствами тезиса об исключительной одаренности евреев. В то же время рост националистических настроений в мире и антисемитские кампании то в одной, то в другой стране служили обоснованием для укрепления солидарности еврейства. Как и во времена средневековых гетто евреям внушали мысль о том, что они должны придерживаться «двойного подданства». Конец XIX века был отмечен появлением сионизма, отвечавшего стремлению еврейской буржуазии создать свою колонию за пределами Западной Европы, подобную тем колониям, которые в это время имела всякая крупная держава мира. Правда, первоначально не было ясно, где будет создана эта колония невидимого государства: то ли в Африке, то ли на Ближнем Востоке.

Однако в это время в мире буржуазному национализму и империалистическим войнам за рынки и колонии противостояла интернационалистическая и антибуржуазная альтернатива. Обострение социальных и классовых противоречий в буржуазных странах привело к росту массового движения, стремившегося к ликвидации капиталистического строя в результате всемирной пролетарской революции. Исходя из своего убеждения в неизбежном крушении капитализма, Маркс утверждал, что еврейство исчезнет с гибелью буржуазного строя. Он писал: «Как только обществу удастся упразднить эмпирическую сущность еврейства, торгашество и его предпосылки, еврей станет невозможным, ибо сознание его не будет иметь больше объекта… Общественная эмансипация еврея есть эмансипация общества от еврейства».

Объявление Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и их учениками войны капиталу до полного уничтожения буржуазного строя делало марксистов злейшими врагами буржуазии, в том числе и еврейской. Однако немало евреев, не согласных с идеологией коммунизма, видели в антикапиталистических идеях марксизма прежде всего призыв к уничтожению тех, кто в их глазах олицетворял современных фараонов, вавилонских царей, персидских министров.

Эти противоречивые настроения отразились в отношении к коммунистам Генриха Гейне. Поэт писал: «Я признаюсь, что коммунизм, который так враждебен всем моим интересам и склонностям, оказывает на меня магическое воздействие… Два голоса говорят внутри меня в его пользу… Во-первых, логика… во-вторых, ненависть – ненависть к так называемой Национальной партии Германии (так Г. Гейне называл сторонников существующего строя Германии. – *Прим. авт.*)… Я с ней боролся всю свою жизнь и теперь, когда меч падает из моих рук, меня успокаивает мысль о том, что коммунизм нанесет им последний удар… Коммунизм наступит на аристократию, так как наступают на мерзкую жабу… Из ненависти к сторонникам национализма я почти готов полюбить этих коммунистов». Ненависть поэта к германским националистам объяснялась в значительной степени тем, что многие из них еще за столетие до прихода Гитлера к власти были носителями яростного антисемитизма. По сути Г. Гейне следовал принципу, сформулированному Соломоном Лурье: из двух борющихся партий внутри страны он

выбирал ту, которая была менее враждебна к евреям.

Возможно, что готовность встать в ряды коммунистических революционеров для евреев, являвшихся выходцами из буржуазных слоев общества, объяснялась прежде всего их желанием нанести смертельный удар «национальным партиям» стран Западной Европы, то есть конкурентам еврейской буржуазии и носителям антисемитских настроений. В то же время переход на сторону пролетариата было нелегко сделать людям, которые в течение тысячелетий привыкли видеть в неимущей «черни» потенциальных погромщиков. Признание правоты пролетариата в его классовой борьбе за свои права требовало также согласия с тем, что неимущие, громившие дома богачей, были правы. Выбор евреем своего места в классовой борьбе на стороне пролетариата заставлял его превратиться в непримиримого врага Ротшильдов и других вождей еврейской буржуазии.

Для многих выходцев из буржуазных семей было нелегко пойти на столь решительный разрыв со всеми представлениями, в которых они были воспитаны, и они искали компромиссных решений. Типичным примером поведения в революционном движении выходца из семьи богатых еврейских купцов стала деятельность Фердинанда Лассаля. Активно участвуя в революции 1848 года и примкнув сначала к Марксу и Энгельсу, Лассаль впоследствии выступил против марксистской идеи классовой борьбы, утверждая, что рабочий класс может добиться уменьшения своей эксплуатации в условиях капитализма. Он доказывал, что антикапиталистическая революция может произойти лишь в тех странах, в которых пролетариат составит большинство населения. В то же время Лассаль исключал возможность совместных революционных действий против существующего строя городского пролетариата и крестьянства, так как он исходил из реакционности всех классов, кроме рабочего.

Идеи Лассаля и деятельность возглавляемого им Всеобщего германского рабочего союза повлияли на рабочее и социал-демократическое движение Западной Европы. Революционная теория Маркса и Энгельса постепенно предавалась забвению, и на первый план выдвигалась борьба за улучшение положения рабочих без изменения капиталистического строя.

Эта практика получила теоретическое обоснование в работах бывшего банковского служащего, а затем видного социал-демократа Германии, Эдуарда Бернштейна, в его формуле: «Движение – всё, конечная цель– ничто». Такая формула позволяла использовать политический потенциал рабочего и социал-демократического движения для осуществления любых политических задач, в том числе чрезвычайно далеких от целей рабочего класса и социалистической революции.

По мере того как антибуржуазная революционность рабочего и социал-демократического движения в Западной Европе слабела, создавались условия и для расширения сотрудничества между социал-демократией и буржуазией. В социал-демократические партии все активнее вступали выходцы из буржуазии, в том числе и еврейской.

В то же время немало евреев, принимая идеи социальной революции, не желали идти на компромисс с существующим строем, и принятие идей революции и социализма выходцами из буржуазной среды сопровождалось решительным разрывом с иудейской традицией. Подобный разрыв порой вел человека к отречению от тех единственных основ морали, духовности и культуры, которые имелись у него. А это могло вести к внутренней опустошенности, аморализму и крайнему нигилизму. Не случайно отец Христофор из «Степи» возмутился, когда узнал, что Соломон издевается над иудейской верой. Казалось бы, православный священник должен был бы радоваться отходу еврея от неправедной веры, но он стал увещевать Соломона: «Постой… Если тебе твоя вера не нравится, так ты ее перемени, а смеяться грех; тот последний человек, кто над своей верой глумится».

Подобные нигилистические настроения среди выходцев из еврейской среды вели их в ряды революционных экстремистов. Видимо, не случайно в рядах эсеров и анархистов, тяготевших к террористическим методам революционной борьбы, было немало евреев (А.Р.

Гоц, Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азеф у эсеров; Волин-Эйхенбаум, Готман, Барон у махновцев).

И все же, вступая на путь революции и отрекаясь от своей веры, своего национального и классового происхождения, евреи вне зависимости от того, какую революционную партию они избирали, не могли изменить основ своего сознания, национальной и религиозной культуры. Многие образы из библейских легенд, многие поучения Талмуда, различные стороны привычного им стиля жизни продолжали исподволь служить им психологическими опорами, подтверждающими правильность их социалистического выбора, и влиять на их способ интерпретации социалистического учения.

Обратившись «к непосредственному еврейскому окружению Троцкого», И. Недава утверждал, что «оно… способствовало формированию индивидуальности марксистского лидера, интенсифицировало его революционный пыл». «По нашему убеждению, – писал Недава, – иудаизм сыграл определяющую роль в формировании личности Троцкого. Как и в других великих религиозных системах (и, может быть, больше, чем в них), в еврейском мышлении религия далеко выходит за пределы исполнения ритуалов и церемоний. Она охватывает все стороны жизни, пронизывает традицию и мораль – и не может быть изжита в одном поколении, отброшена усилием воли одного человека, – даже такой воли, какою обладал Троцкий».

Разумеется, из этого не следует, что лишь иудаизм создавал благоприятную почву для развития революционного сознания. Аналогичным образом христиане и мусульмане, становившиеся на путь социализма, невольно воспринимали учение о классовой борьбе пролетариата и победе социалистического строя через призму внедренных с детства в их сознание религиозных представлений. Характерно, что многих выпускников духовных училищ захватывали идеи революционного социализма и Сталин был далеко не единственным учеником православных семинарий, который пошел по пути революции. Более того, как в иудаизме, так и в христианстве было немало идей, которые могли перекликаться с положениями революционного социализма.

Как и современные социалисты, Христос и ветхозаветные пророки осуждали алчность и несправедливость окружавшего их общества. И христианство, и иудаизм сулили наступление на Земле счастливой и справедливой жизни. И в той и в другой религии можно было найти призывы к активной борьбе за справедливую жизнь.

Суровость порядков в социалистических партиях напоминала строгости в поведении, на соблюдении которых настаивала любая мировая церковь. Сознание, сложившееся под воздействием религиозных догматов о беззаветном служении Божественному делу, легко воспринимало положения социалистических и коммунистических партий о беззаветном служении делу освобождения пролетариата.

В то же время наследие каждой религии, каждой национальной культуры в сознании людей проявлялось в специфике восприятия ими социалистических идей. Не исключено, что привычка к тщательному изучению Торы и Талмуда приучила выходцев из еврейской среды к постоянному поиску идейной опоры в сочинениях Маркса, Энгельса и их последователей. Марксистские произведения стали для них тем, чем прежде являлись священные книги иудаизма. Из положений марксизма выискивались ответы на все вопросы текущей жизни.

Мифологизированная история еврейского народа не могла не наложить свой отпечаток на восприятие бывшими учениками хедеров исторической теории марксизма, в соответствии с которой угнетенные классы вели вечную борьбу с угнетателями, при этом эксплуататоры были носителями всех пороков, а эксплуатируемые – олицетворением всех добродетелей. Привычка видеть в библейских рассказах застывшую навечно историю, которая лишь повторятся в наши дни, проявлялась в стремлении переносить прецеденты из истории прошлых революций на современные события. Это можно увидеть в постоянном стремлении Троцкого объяснять события в большевистской истории примерами из французской революции, обнаруживая в них проявления «якобинства», «термидора», «бонапартизма».

Свою прежнюю веру в скорый приход Мессии, который должен был установить тысячелетнее царство справедливости на земле, бывшие иудаисты возродили в вере в

партию пролетариата и ее вождей, ведущих к мировой революции. Предвкушение встречи следующего года в Иерусалиме и воссоздания храма Ягве превратилось в ожидание победы социалистического (коммунистического) строя.

Нет сомнения в том, что трудные занятия по поиску скрытых истин в изречениях Талмуда неплохо подготовили будущих социалистов и коммунистов к изучению философских основ марксизма, а знакомство с коммерцией позволяло легче усвоить положения политэкономии в «Капитале».

Тщательное изучение талмудических споров вооружило навыками, пригодившимися в полемике по различным вопросам марксистской теории. Обретенное в ходе обучения в хедере представление о том, что словесное, а не образное воплощение идеи является главным способом воздействия на сердца людей, способствовало появлению среди евреев-революционеров способных агитаторов и пропагандистов, умевших и письменным, и устным словом распространять социалистическое учение. Страстные же призывы библейских пророков, осуждавших общественные пороки, повлияли на стиль будущих пропагандистов социалистических идей.

Став революционным агитатором, Лазарь Каганович не раз использовал пламенные призывы Амоса в своих пропагандистских выступлениях. Можно предположить, что учеба в хедере не прошла бесследно и для Троцкого. Фразы в листовках, написанных им в 1905 году, открывались словами «Слушай, рабочий!» или «Слушай, крестьянин!» и этим напоминали зачины речей пророка Иеремии и традиционную иудейскую молитву, открывающуюся словами: «Слушай, Израиль!» («Шма, Исраэль!»). Традиция иудейского миссионерства и пропаганды иудаизма трансформировалась в агитацию и пропаганду за социализм.

В то же время профессиональные навыки торговли, усвоенные в родной среде, также были взяты на вооружение, но использовались теперь во имя антибуржуазной революции. Многовековой опыт торгового народа, умевшего привлекать внимание безразличных, убеждать колеблющихся, превращать зародившуюся склонность в страстное желание обладать предлагаемым предметом, позволял бывшим обитателям гетто и местечек превращаться в умелых публичных пропагандистов идей социализма в условиях легальности.

Привычка же к «двойному подданству» и служению невидимому государству позволяла евреям легче работать в условиях конспирации и нелегального положения социалистических партий. Насмешки, издевательства и преследования, которым подвергались марксисты, напоминали им традиционное отношение антисемитов к евреям.

Вековая враждебность иудеев к обществу «гоев» позволяла евреям-революционерам легче приобщиться к идее классовой борьбы против капиталистов всех стран мира. Наличие же обширных международных связей у евреев различных стран позволяло им легче усвоить идею классовой солидарности мирового пролетариата.

В то же время многовековой опыт городской жизни подавляющей части еврейского народа проявился в склонности поддержать характерное для западноевропейского социализма нигилистическое отношение к деревне и крестьянству и преувеличенную веру в революционный потенциал потомственных горожан. Привычка же учеников хедеров ставить книжное знание превыше всего порой мешала им разглядеть реальные черты «классовых врагов» и «пролетариата».

В целом же качества, рожденные многовековой конфронтацией с государственным строем «стран пребывания», а также присущие им инициативность, энергия и умение побеждать в состязательных ситуациях способствовали тому, что во многих социалистических партиях мира евреи, составляя меньшинство среди общего состава, выдвигались к руководству, занимая в нем ведущее положение.

Это обстоятельство имело двоякое воздействие. Многие евреи гордились своими соплеменниками, которые возглавляли социалистическое движение в ряде стран мира. Это отвечало древним мифологизированным представлениям о том, что евреи должны возглавить движение человечества к светлому будущему. По этой причине немало евреев из

буржуазной среды видели в руководителях социалистических партий прежде всего освободителей своего народа, а потому поддерживали эти партии и даже вступали в их ряды.

В то же время ведущее положение евреев во многих социалистических партиях и их активность заставляли недоброжелательных наблюдателей преувеличивать их удельный вес в этих организациях и даже считать эти партии чисто «еврейскими». Сочинялись легенды о том, что социалистическое и коммунистическое движение во всех странах мира является орудием установления еврейской мировой гегемонии. Эти версии, в которых антисемитизм соединялся с ненавистью к социализму и коммунизму, были взяты на вооружение ультраправыми идеологами в разных странах мира.

Жесткая конфронтация взаимоисключающих легенд привела, как и не раз на протяжении нескольких тысяч лет, к жестоким войнам и беспощадным репрессиям. Их жертвами стали не только миллионы евреев, но и десятки миллионов людей многих других национальностей.

На деле полного подчинения социалистических и коммунистических партий евреям и полного отождествления евреев с социалистическими и коммунистическими партиями мира не произошло. С одной стороны, значительная часть еврейской буржуазии сохраняла традиционное для капиталистов всех стран враждебное отношение к идеям социализма и коммунизма. С другой стороны, не все евреи, вступившие в ряды социалистических и коммунистических партий различных стран, смогли преодолеть вековые барьеры отчуждения, которые разделяли их от неевреев. Хотя многие евреи, вступая в ряды интернационального социалистического движения, решительно разрывали связи с иудейскими общинами, традиционная неприязнь к людям иной религии и культуры проявлялась в тех трудностях, которые они испытывали в общении с представителями других народов. Общность же культурных корней способствовала тому, что им было легче сближаться со своими соплеменниками. Это нередко приводило к обособлению еврейских социалистов и даже созданию особых социалистических партий для евреев. Так, в конце XIX – начале XX вв. в России было создано несколько еврейских социалистических партий: Бунд, Поалей Сион, Сионистско-социалистическая рабочая партия, Социалистическая еврейская рабочая партия и т. д. Создатели таких партий утверждали, что интересы еврейских рабочих носят столь специфический характер, что защищать их в рамках общенациональных социалистических партий невозможно.

Вековая чувствительность к обидам в отношении своего народа заставляла порой евреев-социалистов ставить национальные интересы выше задач социалистического движения. В результате некоторые евреи, являвшиеся видными деятелями социалистических партий, отбрасывали марксистские лозунги пролетарского интернационализма и становились откровенными защитниками национальных интересов. Так, в конце 80-х гг. редактор социалистического печатного органа «Асефас хахомим» М. Лилиленблюм стал автором популярной брошюры «О возрождении еврейского народа в Святой земле древних отцов», а популяризатор марксова учения Иегадел (Левин) превратился в активного агитатора переселения евреев России в Палестину.

Для ряда евреев вступление в ряды социалистических и коммунистических партий не означало их полного разрыва с теми буржуазными кругами, из которых они вышли. Жизнь друга Троцкого Александра Парвуса (Израиля Гельфанда) наглядно свидетельствует о том, что он взял на вооружение древнюю практику «двойного подданства», находясь и в рядах международной социал-демократии, и в высших кругах мировой финансовой буржуазии.

Впрочем, подобное можно видеть и на примерах социалистических партий других стран и народов. Постепенно на чисто националистические позиции перешли многие социалисты и социал-демократы Польши, Грузии, Армении, сыгравшие видную роль в руководстве вновь образованных национальных государств (например, президент Польши Пилсудский, председатель правительства Грузии Жордания, руководители Армении Каджазнуни, Хатисян, Оганджанян, Врацян). В своей политической деятельности они быстро эволюционировали от революционных лозунгов к поддержке местной буржуазии.

Очевидно, что интересы своих наций, как они их понимали, становились выше, чем марксистские принципы пролетарского интернационализма.

Парадоксальное превращение интернационалистов в воинствующих националистов, а социалистов – в сторонников буржуазии свидетельствовало о подспудной силе внедренных с детства установок. Став марксистом-революционером, Троцкий не обрел иммунитета от всех тех влияний национально-культурной среды, в которой он вырос и был воспитан. Будучи сыном своего народа, Троцкий был связан с его сложной и противоречивой исторической судьбой, а потому был открыт для самых разнообразных воздействий, во многом предопределивших его жизнь. Эти сложности и противоречия лишь усугублялись тем обстоятельством, что Лев Бронштейн был рожден в России, стране со своей непростой судьбой и в период, когда эта великая держава приближалась к глубоким общественным потрясениям.

ПОДДАННЫЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Хотя вплоть до начала XX века Россия, в отличие от своих западных соседей по европейскому континенту, сумела избежать революций, по мере ускорения ее развития в стране углублялись общественные противоречия. Те же противоречия между феодально-монархическими порядками и развивающимися капиталистическими отношениями, которые породили революции XVII—XIX веков в странах Западной Европы, проявлялись и в России как до отмены, так и после отмены крепостного права в 1861 году. По мере бурного развития промышленности, начавшегося после 1861 года, в стране стали усиливаться противоречия между рабочим классом и буржуазией. В то же время своеобразие исторического развития огромной страны, глубокие отличия культур ее народов от народов Западной Европы предопределили особый путь развития страны и не позволяли механически переносить на Россию социальные теории, рожденные на Западе.

Своеобразие условий России сказывалось и в том, каким образом складывались в ней отношения между народами, в частности отношения между евреями и другими народами империи. Между тем, с точки зрения многих евреев-революционеров, «еврейский вопрос» был чуть ли не главным противоречием российского общества, разрешение которого возможно было осуществить лишь путем революционного взрыва.

Исходя из того, что угнетенное положение евреев в России толкало их в революционное движение, израильский биограф Троцкого Й. Недава писал: «Троцкий сформировался под непосредственным влиянием черты оседлости. Возможно, поэтому его никогда не оставляла жгучая ненависть к царскому самодержавию, вообще ко всему, что исходило от русского имперского режима. Отношение к погромам было как бы частью существа Троцкого; он думал о них всегда, они раздражали его чувствительную нервную систему, постоянно подталкивали его к революционной деятельности… Даже и самое принятие Троцким принципов марксистской революции кажется порою в известной степени невольной маской (в этом он не сознавался, вероятно, даже и самому себе), личиной подлинного его восстания против ужасающих нищеты и бесправия, царивших в тысячекилометровом гетто, в пресловутой черте, где жили российские евреи».

Недава верно характеризует отношение Троцкого к царской России. В своих публикациях он уделял немало внимания «еврейскому вопросу», посвящая специальные статьи Пуришкевичу и другим депутатам Государственной думы, известным своими антисемитскими высказываниями. Троцкий решительно выступал в защиту Бейлиса и резко клеймил его обвинителей. В этих статьях, переполненных язвительным сарказмом, он не только не скрывал своей ненависти к врагам еврейского народа, но и исходил из того, что антисемитизм являлся государственной политикой России.

Но так ли было дело, как изображал Троцкий в своих статьях? Имел ли основание Троцкий, как утверждал профессор Недава, однозначно оценивать положение евреев в России, как жизнь в условиях «ужасающей нищеты и бесправия» под постоянной угрозой

людоедских погромов? Соответствовали ли реальности эти расхожие представления о России, как стране, в которой вечно гонимые евреи подвергались преследованиям, невиданным со времен Ветхого Завета и Средних веков? Для ответа на эти вопросы следует совершить еще один исторический экскурс, чтобы хотя бы вкратце осветить этот вопрос.

Прежде всего, есть причины полагать, что в отличие от многих «стран пребывания» еврейской диаспоры, куда евреи прибывали как пришельцы извне, а поэтому вызывали недовольство местного населения, предки российских евреев не прибыли на территорию России, а жили на ней задолго до принятия ими иудаизма. Долгое время принято было считать, что возникновение еврейских общин на востоке Европы было связано с бегством туда евреев из западноевропейских стран. Действительно, эмиграция евреев из Западной Европы в Речь Посполиту возросла с XV века. Польское дворянство поощряло этот процесс, исходя из традиционного для европейских феодалов корыстного желания заполучить часть финансовых средств еврейских богачей. Польский король Казимир Великий откровенно заявлял: «Евреи в качестве наших подданных должны быть готовы представить свои деньги для удовлетворения наших потребностей».

Однако задолго до этого притока еврейских торговцев и банкиров в Польшу на востоке Европы существовали еврейские общины. Ряд историков приводят убедительные доказательства того, что не потомки выходцев из Палестины, прибывшие из Западной Европы, а обитатели евразийских степей – хазары были предками так называемых ашкенази, то есть евреев, проживающих в настоящее время в Европе и Северной Америке.

Как известно, под влиянием евреев – выходцев из Палестины около 740 года иудаизм стал официальной религией Хазарского каганата, расположенного в приволжских, донских и прикаспийских степях. Походы русских князей против каганата, наказывавших «неразумных хазаров» за «буйные набеги», увенчались разгромом Хазарии войском князя Святослава в 964—965 годах. По мнению американского писателя Леона Юриса, так открылась «мрачная история преследований евреев» в России.

После падения каганата часть хазар переселилась в Крым. К этому времени в Крыму уже жили евреи, последователи учения Анана, или караимы, которые не признавали Талмуд. Иудаизированные хазары слились с ними, образовав караимскую народность. Однако, излагая мнение ряда историков в своей книге «Тринадцатое племя», известный публицист и писатель Артур Кестлер утверждал, что большая часть иудаизированных хазар в конечном счете приняла Талмуд, расселилась на территории нынешней Украины и Венгрии, и постепенно они стали считаться евреями.

В пользу того, что «хазарские евреи» давно были известны на Руси, говорит и «Повесть временных лет». По свидетельству летописца Нестора, в 986 году к великому князю Владимиру пришли «хозарские евреи», которые на его вопрос: «Что у вас за закон?» – ответили: «Обрезываться, не есть свинины и зайчатины, хранить субботу». Как гласит летопись, Владимир «спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны; если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Однако отказ Владимира принять иудаизм не остановил притока иудаизированных хазар в Киевскую Русь. Как отмечал С. Дубнов: «Спустя сто лет после Владимира Святого, евреи еще жили и торговали в Киевском княжестве. Великий князь Святополк II покровительствовал еврейским купцам и поверял некоторым собирание товарных пошлин и прочих княжеских доходов. В Киеве существовала тогда значительная еврейская община».

По версии о хазарском происхождении современных европейских евреев, расселение иудаизированных хазар не остановилось на Восточной Европе. Массовая гибель евреев в перенаселенных гетто европейских городов во время эпидемии чумы 1347—1348 годов способствовала движению потомков хазар в Западную Европу, где они восполнили ряды еврейского населения. Наличие колоний восточноевропейских евреев в городах Западной

Европы, заметно отличавшихся своим внешним обликом и стилем жизни, подтверждается свидетельством блестящего знатока истории Парижа Виктора Гюго, который в романе «Собор Парижской богоматери» упоминает квартал венгерских евреев в Париже середины XV века. Постоянная эмиграция евреев с востока Европейского континента (по гипотезе, поддержанной А. Кёстлером) постепенно привела к смешиванию выходцев из Палестины (сефардов), которые до этого составляли еврейское население Западной Европы, с иудаизированными потомками хазар. Однако большинство потомков степного народа оставалось в пределах Украины, которая после монгольского нашествия вошла в состав Литовского княжества, а затем – в Речь Посполиту.

Эта версия позволяет объяснить документальные свидетельства о наличии значительных иудейских общин на Киевской Руси уже к началу XI века, задолго до царствования Казимира Великого. Эта версия помогает объяснить также то обстоятельство, что к концу XVIII века большинство евреев мира жило в польском государстве по мере того, как в его состав вошли земли бывшей Киевской Руси. Как известно, Речь Посполита лежала в стороне от основных маршрутов и центров международной деятельности еврейских торговцев и финансистов. Польское королевство с его смутами и мощными крестьянскими восстаниями, в ходе которых происходили и уничтожение панских поместьев, и еврейские погромы, не было похожим на землю обетованную, куда могла бы устремиться большая часть евреев мира в поисках безопасности. (Доказывая, что в Европе евреи главным образом перемещались с востока на запад, а не наоборот, А. Кестлер ссылался и на то, что вторая мощная волна эмиграции восточноевропейских евреев хлынула в Западную Европу после восстания Богдана Хмельницкого 1648—1649 годов, сопровождавшегося многочисленными еврейскими погромами.)

Версия о постепенном расселении по землям Киевской Руси, а позже Речи Посполитой потомков иудаизированных хазар позволяет объяснить значительность количества евреев, находившихся в пределах польской державы. Эта версия объясняет и существенные отличия в образе жизни, характере занятий и культуре евреев, проживавших на Украине, в Белоруссии, Польше и Литве, от евреев в других районах мира.

«Трансформация хазарского еврейства в польское еврейство, – утверждает А. Кестлер, – не означала грубого разрыва с прошлым или утрату своих черт. Это был постепенный, органичный процесс перемен, в ходе которого… сохранялись живые традиции общинной жизни хазар в новой стране. Это произошло главным образом путем появления социальной структуры, или образа жизни, которого нигде нет в мировой диаспоре: еврейского городка, именуемого на идиш «штетл», а по-польски – «местечко». Кестлер, в частности, обратил внимание на одежду жителей местечек с их длиннополыми халатами восточного покроя, ермолками, напоминающими среднеазиатские тюбетейки, которые носили мужчины, и тюрбаны, которыми пользовались женщины. Он указал и на то, что многие обитатели местечек занимались извозом и это могло свидетельствовать об их кочевом прошлом. (Это было широко известно в России. Не случайно немецкого лекаря Антона из романа Лажечникова «Бусурман», посвященного царствованию Ивана III, доставляет из Литвы в Москву кучер-еврей.) Многие слова и названия, принятые в обиходе восточных евреев, включая слово «кагал», использовавшееся для обозначения понятия «община», – явно тюркского происхождения. Если А. Кестлер и другие сторонники этой гипотезы правы, то Лев Троцкий, являясь наследником еврейской культурной традиции, а потому и духовным сыном еврейского народа, скорее всего не был генетическим потомком выходцев из древней Иудеи. (Версию о хазарском происхождении евреев-ашкенази активно использовал и Дуглас Рид в своей книге «Спор о Сионе» для того, чтобы отделить «хороших евреев» палестинского происхождения, к которым он относил крупных финансистов Западной Европы и такого яростного врага России, как Дизраэли, от «плохих евреев» хазарского происхождения, которых он называл «дикой азиатчиной», «тюрко-монгольскими ашкенази» с «их славянскими связями». Большинство трагических событий мировой истории Д. Рид объяснял главным образом деятельностью этой этнической группы, в том

числе и победу советского народа над фашизмом в 1945 году, считая это самым значительным бедствием человечества XX века.)

Справедлива ли версия о хазарском происхождении ашкенази или нет, но отличия евреев, проживавших на Украине, от своих западно-европейских соплеменников были очевидны. Они были гораздо беднее, чем финансисты-евреи Западной Европы, вроде дона Иегуды из «Испанской баллады» Л. Фейхтвангера или Исаака из «Айвенго» Вальтера Скотта. Но их жизнь была здоровее физически и духовно по сравнению с бытом бедных обитателей западноевропейских гетто.

Именно такой образ жизни был характерен и для деда Троцкого, Леона Бронштейна, который в начале 50-х годов XIX в. переселился из-под Полтавы в Херсонскую губернию. Эту жизнь продолжал вести и отец Троцкого – Давид Леонтьевич. Словно характеризуя образ жизни, который вели дед и отец Троцкого, И.Г. Оршанский писал: «Живя вдали от городов, на своей аренде, мельнице, корчме и тому подобное, украинский еврей мало-помалу эмансипировался из-под влияния раввинов и общины, которые прежде держали его в ежовых рукавицах, особенно во всем, что касалось религии…» По словам И.Г. Оршанского, раввин-талмудист все менее «удовлетворял религиозным потребностям корчмаря, который нуждался уже не в ученом богослове, могущем объяснить ему темное место в Талмуде, а в религиозном руководителе и духовнике, который управлял бы его умом и сердцем, как управлял священник соседней деревни сердцами и умами крестьян, к умственному и нравственному уровню которых украинский еврей значительно приблизился… Всем этим потребностям еврейской жизни должен был удовлетворить хасидизм как новая форма религиозной и общественной организации». Если талмудизм сложился и расцвел в городской среде обитания евреев, то хасидизм отвечал потребностям тех евреев, которые избрали своим местом жительства деревню и были ближе к крестьянской жизни. В то же время хасидизм отражал тенденции к росту религиозного сектанства с присущей для него экзальтированностью поведения верующих, что проявлялось в это время и в сектах христианской церкви.

Основателем хасидизма был Израиль Баал Шем Тов (Бешт). Подобно распространившимся в это время среди евреев знахарям-каббалистам, Бешт, по словам С. Дубнова, «на 36-м году жизни… стал открыто действовать в качестве «чудотворца» или баалшема»… Вскоре он прославился в народе как святой человек».

Однако Бешт не ограничился знахарством, а создал принципиально новое религиозное учение, проникнутое духом пантеизма. Стиль его богослужений сильно отличался от церковных служб в традиционной синагоге. Как писал Т.Б. Гейликман: «Молитва, с точки зрения Бешта, есть лучшее средство общения с богом. Преданность богу должна быть страстная, восторженная. Молитву, по страстности, он сравнивает с брачным союзом. Для приведения себя в экзальтированное состояние он рекомендует искусственное возбуждение вроде резких телодвижений, вскрикивания, покачивания из стороны в сторону, вздрагивания и т. д. Чтобы преодолеть будничное настроение и посторонние мысли, необходимо возбуждать себя искусственно и силой отбросить от себя все суетное и земное… Таким образом, приверженцы Бешта, следуя его совету, во время молитвы превращались в турецких дервишей или индийских факиров».

Однако не всякий способен на такое экзальтированное состояние, и можно «спастись» молитвой праведного заступника – цадика. Последний является высшим посредником между человеком и божеством, его вдохновенная молитва всегда доходит до неба. Ему можно доверять свои душевные тайны, перед ним можно исповедоваться. По мысли Бешта, «цадик душой постоянно живет на небе, и если он часто спускается к земным обитателям, то только для того лишь, чтобы спасать их души и искуплять их грехи…» Бешт учил свято и слепо верить в цадика. Эта вера должна оставаться нерушимой, даже когда праведник будет заниматься пустяками и предаваться суете. «Простые» люди должны не осуждать его, а видеть в этом какой-то особый смысл. «Тлеющий огонь – все-таки огонь, и во всякую минуту может разгореться», – говорил Бешт.

Развивая учение Бешта, его последователь Бер проповедовал идею непогрешимости цадика. Его изречения гласили: «Цадики желают управлять миром, поэтому господь и создал мир для того, чтобы цадики имели удовольствие от управления им». «Разум сосредоточен в праведниках». «Цадик объединяет небо и землю, он есть основа мира». «Цадик абсолютно непогрешим… Само падение цадика имеет какой-то высший сокровенный смысл». «Праведник затем только спускается низко, чтобы из низменных предметов извлечь божественные искры и вознести их к небу… Возвышенная мысль цадика может часто сосредоточиться в гнусном сосуде».

По свидетельству очевидцев, Бер «умел достаточно помпезно обставлять свое явление народу. Он выходил на торжественный прием, одетый в белый атлас. Даже башмаки и табакерка его были белого цвета (у каббалистов белый цвет символ милости)».

Для верующих цадики стали живым воплощением божественной, а может быть, и другой более мощной силы. «Цадик – это идол хасида, лицо, одаренное сверхъестественной силой и располагающее всей природой по произволу. Цадик может все сделать при помощи своей всемогущей молитвы, разумеется, только для того, кто в него верует, ему поклоняется. Его молитве приписывается сила, способная изменить божеские определения. «Бог определяет, а цадик отменяет», – говорят хасиды словами Талмуда. Цадик находится в постоянном общении с сверхчувственным миром, и потому для него открыта книга судеб. Он свободно читает будущее, которое и предсказывает верующим. Он не ограничен ни пространством, ни временем, ни вообще законами природы, которые так могущественно влияют на судьбу обыкновенных смертных».

Хасидизм оставил сильное и долгосрочное воздействие на общественное сознание и поведение не только сторонников Бешта и Бера, но и широкие массы еврейского населения Украины. Такие черты, культивируемые хасидизмом, как слепое преклонение перед цадиком и мистическая вера в его способности преодолевать земные законы, театрализация церемоний появления цадика, страстность собраний хасидов, в известной степени подготовили еврейское население к атмосфере бурной общественной жизни, когда место религиозных собраний заняли политические, а на авансцену вместо цадиков выдвинулись партийные вожди.

В пределах Российской империи хасидизм был особенно распространен на Западе и Юге Украины. Поэтому семья Бронштейнов была знакома с этим религиозным течением и была наверняка вовлечена в споры о цадиках, которые не прекращались со времени появления хасидизма. В какой-то степени это противоборство двух ветвей иудаизма можно увидеть в политической деятельности Троцкого. В «пламенных» речах Троцкого, его умении доводить толпу до экстаза, его склонности театрализовать свои появления на трибуне, поощрение им неумеренных восхвалений его персоны можно увидеть сходство со страстными молитвами хасидов и поведением цадика. В то же время его стремление доказывать свою правоту ссылкой на положения из Маркса и его желание, чтобы его ценили прежде всего как теоретика и автора письменных работ, свидетельствовали о том, что книжник и талмудист в нем побеждали.

Еврейские местечки уже находились в состоянии острого конфликта между талмудистским толкованием иудаизма и хасидизмом, когда произошли разделы Речи Посполитой, оказавшие огромное влияние на положение евреев Украины. В результате ликвидации польского государства корчмари и шинкари, мелкие торговцы и ремесленники, арендаторы-земледельцы, боготворившие цадиков или проклинавшие их, оказались в составе Российской империи. 1795 год – год последнего раздела Речи Посполитой А.И. Солженицын берет за точку отсчета истории пребывания евреев в России в своей книге «Двести лет вместе».

В то же время писатель отмечает, что уже после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году в состав России перешла Белоруссия со 100-тысячным еврейским населением. В обращении к своим новым подданным Екатерина II объявила, что они, «какого бы рода и звания ни были», отныне будут сохранять право на «публичное отправление веры и на

владение собственностью», а еще будут награждены «всеми теми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древние ее подданные пользуются». Комментируя это заявление, А.И. Солженицын замечал: «Таким образом, евреи уравнивались в правах с христианами, чего в Польше они были лишены. При том было добавлено особо о евреях, что их общества «будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, какими они ныне… пользуются» – то есть ничего не отнималось и от польского».

Как подчеркивал А.И. Солженицын, «евреи получали гражданское равноправие не только в отличие от Пруссии, но раньше, чем во Франции и в германских землях. (При Фридрихе II были и сильнейшие притеснения евреев.) И что еще существенней: евреи в России от начала имели ту **личную** свободу, которой предстояло еще 80 лет не иметь российским крестьянам. И, парадоксально, евреи получили даже большую свободу, чем русские купцы и мещане: те – жили непременно в городах, а еврейское население, не в пример им, «могло проживать в уездных селениях, занимаясь, в частности, винными промыслами».

Однако еще до третьего раздела Речи Посполитой в отношениях между русскими и еврейскими купцами возникли острые противоречия. Как и торговцы «доброй, старой Англии», описанные выше Генри Фордом, российские купцы оказались не готовыми к тем методам торговли, которые принесли с собой новые подданные императрицы, и решительно воспротивились появлению на своем рынке энергичных конкурентов.

Московские купцы в своем прошении в 1790 году к Екатерине II жаловались, что «в Москве появилось из-за границы и Белоруссии жидов число весьма немалое», что многие из них записываются в московское купечество. Особо подчеркивалось, что евреи «производят розничную торговлю вывозимыми самими ими из-за границы иностранными товарами с уменьшением против настоящих цен, тем самым здешней всеобщей торговле причиняют весьма чувствительный вред и помешательство. И сия против всех российских купцов дешевая товаров продажа явно доказывает, не что иное как тайный через границы провоз и совершенную утайку пошлин». Купцы подчеркивали, что «отнюдь не из какого-либо к ним, в рассуждении их религии, отвращения и ненависти», а исключительно из-за материального ущерба они испрашивали запрещения евреям торговать, изгнания уже поселившихся и исключения записавшихся тайно в московское купечество.

Хотя есть немало свидетельств в пользу того, что Екатерина II благоволила евреям, она в декабре 1791 году удовлетворила ходатайство московских купцов, издав указ о том, что евреи не имеют права «записываться в купеческие города и порты». В Москву же они могли приезжать «лишь на известные сроки по торговым делам». Указ установил, что евреи могут записываться в купечество в пределах Белоруссии, Екатеринославского наместничества и Таврической губернии. Так было положено начало «черте оседлости». Однако, как замечал А.И. Солженицын, указ Екатерины не помешал тому, что к концу ее царствования «в Санкт-Петербурге уже образовалась небольшая еврейская колония».

Вскоре возник новый источник трений между российским обществом и еврейским населением. Дело в том, что значительную часть еврейского населения во вновь присоединенных землях составляли шинкари и корчмари. В ходе своей инспекционной поездки по Белоруссии в 1796 году генерал-прокурор и поэт Г.Р. Державин стал свидетелем того, что полуголодное население вновь присоединенного края пропивает последние сбережения в шинках и корчмах, которые содержали евреи с разрешения польских помещиков. Последние получали немалые прибыли от виноторговли.

В своей докладной записке Державин констатировал сложность существовавшей проблемы: «Трудно без погрешения и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропивают хлеб Жидам и оттого терпят недостаток в оном. Владельцы не могут воспретить пьянства для того, чтобы они от продажи вина почти весь свой доход имеют. А и Жидов в полной мере обвинять также не можно, что они для пропитания своего извлекают последний от крестьян корм». В то же время Державин предлагал ограничить число питейных заведений, пытаясь найти решение, как «без нанесения кому-либо вреда в

интересах… уменьшить (число евреев в белорусских деревнях. – *Прим. А. И. Солженицына)* и облегчить тем продовольствие коренных ее обитателей, а оставшимся из них дать лучшие и безобиднейшие для других способы к их содержанию».

Однако, видимо столкнувшись с нежеланием евреев изменить сложившееся положение, Державин советовал «ослабить их фанатизм и нечувствительным образом приближать к прямому просвещению, не отступая однако ни в чем от правил терпимости различных вер; вообще, истребив в них ненависть к иноверным народам, уничтожить коварные вымыслы к похищению чужого добра». Державин выражал надежду, что эти усилия «ежели не ныне и не вдруг, то в последующие времена, по крайней мере чрез несколько поколений» принесут свои плоды и тогда евреи станут «российского престола прямыми подданными».

Позиция Державина и его предложения по ограничению питейного дела вызвали активное сопротивление со стороны заинтересованных лиц, которые изображали поэта в виде российского Амана. В письме, перехваченном полицией, один еврей писал о Державине как «гонителе евреев», на которого было наложено проклятие раввинов. Державин узнал, что «на подарки по сему делу собрали 1 000 000 и послали в Петербург, и просят приложить всевозможное старание о смене генерал-прокурора Державина, а ежели того не можно, то хотя покуситься на его жизнь… Польза же их состояла в том, чтоб не было им воспрещено по корчмам в деревнях продавать вино… А чтоб удобнее было продолжать дело», то будут доставлять «из чужих краев от разных мест и людей мнения, каким образом лучше учредить Евреев». Как замечал Солженицын, «такие мнения, то на французском, то на немецком стали… доставлять» в комитет, специально созданный для решения еврейского вопроса. Так с первых же лет после перехода значительной части еврейского населения под власть России были предприняты попытки представить видных деятелей российского правительства как гонителей евреев. При этом из стран Запада на Россию стало оказываться давление с целью продиктовать политику в отношении ее подданных еврейской национальности.

Между тем созданный в 1802 году комитет о благоустроении евреев, в работе которого приняли участие помимо Державина ближайшие сподвижники Александра I – Сперанский, Кочубей, Чарторыйский, Потоцкий, подготовил в 1804 году «Положение о евреях», в котором подчеркивалось, что «все евреи в России обитающие, вновь поселяющиеся или по коммерческим делам из других стран прибывающие, суть свободны и состоят под точным покровительством законов наравне с другими российскими подданными».

Как замечал Солженицын, положение подтверждало «все права евреев на неприкосновенность их собственности, личную свободу, свою особенную веру и свободу общинного устройства, – то есть кагальная организация была оставлена без значительных изменений… с прежним правом собирания податей, дающим кагалам столь неограниченную власть, – но без права увеличения своих сборов; и запретом религиозных наказания и проклятия (херема), – тем была дана свобода хасидам».

Хотя из-за сопротивления кагалов «не был принят план учреждения общеобразовательных еврейских школ», положение гласило, что «все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах», причем никто из детей в тех школах не будет «ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может».

«Еврейским фабрикантам оказаны были «особые ободрения» как отводом нужной земли для фабрик, так и предоставлением денежных сумм». Евреи получили право и приобретать землю – без крепостных крестьян на ней, но с правом использования рабочих-христиан. Для фабрикантов, купцов и ремесленников были сделаны исключения из положения о черте оседлости. Им было разрешено на определенные сроки приезжать во внутренние губернии и столицы. Одновременно «считалось необходимым усвоение евреями языка окружающей местности, перемена внешнего вида и присвоение фамильных имен». «Вестник Европы» определил цель нового закона: «дать государству полезных граждан, а евреям – отечество».

Казалось бы, были приняты все возможные в те времена меры для создания благоприятных условий существования еврейского народа в границах Российской империи. Лишь 34-я статья «Положения» содержала ограничения на коммерческую деятельность евреев. Она запрещала евреям заниматься производством и продажей спиртного: «Никто из евреев начиная с 1-го генваря 1807 года в губерниях: Астраханской и Кавказской, Малороссийских и Новороссийских, а в прочих начиная с 1-го генваря 1808, ни в какой деревне и селе не может содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоялых дворов, ни под своим, ни под чужим именем, ни продавать в них вина и даже жить в них под каким бы то ни было предлогом, разве проездом. Запрещение сие распространяется также на все шинки, постоялые дворы или другие заведения, на большой дороге, состоящие, кому бы они ни принадлежали, обществам или частным лицам». Впрочем, массового выселения евреев из деревень не произошло. Более того, как подчеркивалось в «БСЭ», «богатые еврейские арендаторы легко вступали в сделки с помещиками и вкупе с ними продолжали спаивать и разорять крестьянские массы».

О том, что все эти запреты, коснувшиеся мелких предпринимателей, не затронули крупных производителей спиртного, косвенным образом свидетельствует стихотворение А.К. Толстого «Богатырь», написанное в 1849 году и запрещенное царской цензурой. Поэт утверждал, что евреи-фабриканты получили «за двести мильонов» право на производство спиртных напитков. В результате этого, сокрушался поэт:

Стучат и расходятся чарки,
Рекою бушует вино,
Уносит деревни и села
И Русь затопляет оно.

В то же время представители крупной еврейской буржуазии предпринимали усилия для того, чтобы расширить деловую активность евреев за пределами питейных заведений в деревне. Как отмечалось в «БСЭ», в 1803 году коммерсант Ноткин «выступил с планом насаждения еврейских фабрик, привлечения евреев к производительному труду и распространения среди них «казенного просвещения»… За лозунгом оздоровления экономической деятельности евреев скрывалось весьма реальное классовое устремление еврейской буржуазии внедриться в фабрично-заводскую промышленность. Этому отвечали и интересы правительства, которое оказывало «ободрение» еврейским фабрикантам как отводом земли и ссудами, так и прикреплением крестьян».

Одновременно правительство предприняло энергичные усилия для того, чтобы превратить большинство еврейского населения, состоявшее из шинкарей и корчмарей, мелких торговцев и людей без определенных занятий, в земледельческий народ. Однако, как убедительно показал в своем исследовании А.И. Солженицын, эти усилия царского правительства столкнулись с огромными трудностями. Ссылаясь на исследования «еврея В.Н. Никитина, ребенком взятого в колонисты», писатель указывал, что «цель правительства была… кроме государственной задачи освоения обширных ненаселенных земель, – расселить евреев просторнее, чем они живут, привлечь их к производительному физическому труду и удалить от «вредных промыслов», при которых они «массами волей-неволей отягощали и без того… незавидный быт крепостных крестьян»… Однако евреи далеко не спешили в земледельцы. Желающих переселяться сперва оказалось лишь три дюжины семейств».

Хотя потом приток переселенцев увеличился, «к 1812 открылось, что из вышедших уже на поселение 848 семейств осталось 538, в отлучках 88 семейств (уходили на промыслы в Херсон, Николаев, Одессу и даже в Польшу), а остальных – вовсе нет, исчезли». Правительство признало провал колонизации «по узнанному их (евреев) отвращению к земледелию, по незнанию как за него приняться и по упущениям смотрителей». Новые попытки посадить евреев на землю завершались также плачевно. Будущий декабрист П.И.

Пестель так объяснял эти неудачи: «Ожидая Мессию, считают себя евреи временными обывателями края, где находятся, и потому никак не хотят земледелием заниматься, ремесленников даже отчасти презирают и большею частью одною торговлею занимаются». Совершенно очевидно, что занятия евреев в местечках (содержание питейных заведений, мелкое предпринимательство) не подготовили их к крестьянскому труду, требующего немалой физической подготовки, а также разнообразных знаний природы и долгого опыта сельскохозяйственной деятельности.

Солженицын приводил слова Никитина, описывавшего положение евреев-колонистов в Херсонской губернии в 1845 году: «Хозяйство в весьма неудовлетворительном состоянии; большая часть этих колонистов очень бедна: чуждаясь всякой земляной работы – не многие из них порядочно обрабатывают землю, а потому и при хороших урожаях получают очень скудные результаты», «земля в огородах – не тронута», женщины и дети не заняты на земле, «30-деся-тинный участок «едва обеспечивал дневное пропитание». «Примеру немецких колонистов» следовало самое незначительное число еврейских поселенцев; большая же часть их показала явное отвращение к земледелию и старалась исполнить требования начальства для того, чтобы получить потом паспорт на отлучку»… Много земли они оставляли в залежи, возделывали землю по клочкам, где вздумается… Слишком небрежно обходились со скотиной… лошадей заганивали в езде и мало кормили, особенно в шабашные дни», нежных коров немецкой породы доили в разное время, отчего они переставали давать молоко».

О том, что и через 40 лет мало что изменилось в положении и деятельности евреев-колонистов на Херсонщине, свидетельствовали воспоминания Троцкого, описавшего жизнь колонистов Громоклеи в 80-х гг.: «Колония располагалась вдоль балки: по одну сторону – еврейская, по другую – немецкая. Они резко отличны. В немецкой части дома аккуратные, частью под черепицей, частью под камышом, крупные лошади, гладкие коровы. В еврейской части – разоренные избушки, ободранные крыши, жалкий скот». Попытки правительства России превратить евреев в крепких деревенских хозяев-землепашцев окончились неудачей.

С неменьшими трудностями столкнулось царское правительство Николая I в своих попытках заставить евреев служить в армии. По словам АИ. Солженицына, «первая энергичная мера относительно евреев, которою Николай занялся от начала царствования, – уровнять евреев с русским населением в несении всех государственных повинностей, а именно: привлечь их ко всеобщей личной рекрутской повинности, которую они не знали от самого присоединения к России». Считалось, что «рекрутская повинность уменьшит число евреев, не занимавшихся производительным трудом», а также «что оторванность рекрута от густой еврейской среды будет способствовать приобщению его к общегосударственному порядку жизни, а то и к православию». Хотя от рекрутских наборов были освобождены многие категории евреев (купцы всех гильдий, жители сельскохозяйственных колоний, цеховые мастера, механики на фабриках, раввины и все евреи, имевшие среднее и высшее образование), власти не могли добиться набора в армию требуемого числа евреев. «При введении среди евреев регулярной рекрутской повинности – подлежащие призыву мужчины стали утекать и не давались в полном числе».

Сопротивлением были встречены и учрежденные при Николае I школы для еврейских детей, в которых «только еврейские предметы преподавались педагогами еврейскими (и на иврите), а общие – русскими». Как замечает А.И. Солженицын, «еще немало лет еврейское население отвращалось от этих школ, испытывало «школобоязнь». Историк Ю. Гессен писал: «Подобно тому как население уклонялось от рекрутчины, оно спасалось от школ, боясь отдавать детей в эти рассадники «свободомыслия». «Зажиточные еврейские семьи, – пишет Солженицын, – зачастую посылали в казенные училища вместо своих детей – чужих, из бедноты… А.Г. Слиозберг вспоминает, что даже и в 70-е годы поступление в гимназию считалось предательством еврейской сущности, гимназический мундир был знаком богоотступничества».

Указ же Николая I, запретившего евреям носить традиционную одежду (тюрбаны у женщин, длинные халаты у мужчин) был встречен как посягательство на основы основ еврейского быта. Генерал Грулев с детства наслушался немало «рассказов взрослых о плаче и рыданиях, которыми сопровождалось введение в действие этого указа. В городах и местечках черты оседлости евреи толпами, стар и млад, мужчины и женщины, бросились на кладбище, где на родных могилах, неистовым воем, плачем и причитаниями молили о заступничестве предков». Многие евреи прибегали к хитростям, чтобы сохранить традиционный наряд. Женщинам, которым было запрещено носить тюрбаны, стали носить на голове повязки из «черного атласа со сборками в виде вьющихся волос и даже с пробором из белой шелковинки; так чтобы с внешней стороны было похоже на прическу из собственных волос, которые по-прежнему прятались тщательным образом или сбривались вовсе… Прошло, однако, немного лет и молодые еврейки скоро забыли свои дореформенные полуазиатские одежды и охотно стали франтить в европейских костюмах».

Видя в кагалах главные очаги сопротивления своим реформам, Николай 1в 1844 году ликвидировал кагальную организацию, передав их функции городским управам и ратушам. Так был нанесен удар по общинной организации евреев в России.

Хотя сопротивление царским реформам зачастую было вызвано консерватизмом общин, в основе растущих противоречий между еврейским населением и правительством явился конфликт интересов, который так изложил А.И. Солженицын: «Нужда евреев (и свойство их динамичной трехтысячелетней жизни): как можно шире расселиться среди иноплеменников, чтобы как можно большему числу евреев было бы доступно заниматься торговлей, посредничеством и производством (затем – и иметь простор в культуре окружающего населения). – А нужда русских, в оценке правительства, была: удержать нерв своей хозяйственной (затем – и культурной) жизни, развивать ее самим».

Этот конфликт интересов усугублялся, как справедливо подчеркивал Солженицын, быстрым ростом еврейского населения: «От первичного около миллионного населения при первых разделах Польши – до пяти млн. 175 тыс. к переписи 1897, то есть за столетие выросло больше, чем в **пять** раз. (В начале XIX в. российское еврейство составляло 30% мирового, в 1880– уже 51%.) Это– крупное историческое явление, не осмысленное привременно ни русским обществом, ни российской администрацией». Получалось, что постоянно растущая масса населения чувствовала себя ущемленной в правах и обделенной в удовлетворении своих интересов и правительство сталкивалось с глухим сопротивлением своей политике со стороны все возраставшей людской массы.

На Западе сумели оценить потенциальные возможности разжигания внутреннего конфликта между евреями и российским государством. Одним из свидетельств этого явилась миссия 1846 года сэра Мозеса Монтефиоре в Россию. Он прибыл в нашу страну с рекомендательным письмом от королевы Виктории и, как отмечал Солженицын, «с задачей добиться улучшения участи еврейского населения в России». Совершив поездку по областям, населенным евреями, М. Монтефиоре представил Николаю I «обширное письмо с предложением вообще освободить евреев от ограничительного законодательства, дать «равноправие со всеми прочими подданными» (исключая, разумеется, крепостных крестьян), «а до того возможно скорее: уничтожить ограничения в праве жительства и передвижения в пределах черты оседлости», купцам и ремесленникам дозволить поездки во внутренние губернии, «разрешить услужение христиан… восстановить кагал».

Хотя для постановки этих предложений были известные основания, совершенно очевидно, что в это время во всем мире, в том числе в Западной Европе и в России, было немало других гораздо более вопиющих случаев ограничения свобод и подавления человеческих прав. Следует заметить, что требование снятия ограничений с российских евреев лицемерно выдвигала Великобритания, которая в это время насаждала бесчеловечный колониальный режим на всех континентах планеты, подавляя права многих народов мира, в том числе и в соседней Ирландии. Очевидно, что вопрос о положении евреев в России использовался не для облегчения их положения, а для политических спекуляций в ходе

острой борьбы, которую вели ведущие державы за мировое господство. С середины XIX века этот вопрос прочно вошел в повестку дня международной жизни.

В 1860 году был создан Всемирный еврейский союз во главе с бывшим французским министром А. Кремье. Как замечал А.И. Солженицын, «Союз не раз обращался непосредственно к правительству России, заступаясь за русских евреев, хотя часто и невпопад… протестовал Кремье против переселения евреев на Кавказ или на Амур – а такого намерения у русского правительства не было; в 1869 – что евреев преследуют в Петербурге, – но этого не было и жаловался президенту США на предполагаемые им гонения на саму еврейскую веру со стороны российского правительства».

Эти заявления не оставались без внимания со стороны руководителей ведущих западных держав. Солженицын обратил внимание на новую миссию сэра Мозеса Монтефиоре в Россию в 1872 году, а также давление «Дизраэли да и Бисмарка на Горчакова на Берлинском конгрессе 1878. Стесненный Горчаков там оправдывался, что Россия нисколько же не против религиозной свободы и полностью ее дает, но «не следует смешивать религиозную свободу с предоставлением политических и гражданских прав».

Позиция Запада повлияла на многих евреев. Следуя «принципу Лурье», в столкновении двух сторон на международной арене евреи зачастую выбирали ту сторону, которая, хотя бы на словах, проявляла больше заботы о еврейском народе. Вмешательство Запада лишь способствовало росту среди евреев настроений, оппозиционных правительству.

Сталкиваясь с упорным сопротивлением своим мероприятиям по превращению евреев в подданных империи, положение которых было бы схожим с остальным населением страны, правительство Александра II прибегло к маневрам, направленным на разделение еврейских общин, поддерживая их наиболее богатые слои. В докладе Блудова, возглавившего новый «комитет по устройству быта евреев» («седьмой по счету», как подчеркивал А.И. Солженицын, «но никак не последний»), подчеркивалось, что суть «еврейской реформы» заключалась в том, чтобы «отделить от общей массы еврейского населения людей влиятельных по богатству и образованию». В 1859 году еврейским купцам, пробывшим в первой гильдии купечества не менее 5 лет в черте оседлости, разрешено было повсеместное жительство. В 1861 году то же право получили евреи, имевшие ученую степень, а в 1879 году оно было распространено и на других евреев с высшим образованием. В 1865 году было разрешено селиться вне черты оседлости евреям-ремесленникам. Солженицын отмечал: «В 1859 году был снят запрет 1835 года: евреям брать в аренду или в управление населенные помещичьи земли». В 1865 г. был отменен и запрет на использование евреями наймных рабочих-христиан».

При поддержке государства еврейский капитал активно устремился в банковское дело и сахарную промышленность. В последней господствовали евреи-заводчики – Зайцевы, Гальперины, Балаховские, Френкели, Эттингеры. Только заводы братьев Бродских в конце 90-х годов XIX века производили почти четверть всей рафинадной продукции России. До 70% всей сахарной торговли было в руках еврейских купцов. Как отмечалось в «БСЭ» в 70-е годы в России «утвердился еврей финансист, банкир, биржевик, сахарозаводчик».

По мере капитализации России снимались и запреты, ограничивавшие прежде деятельность евреев в винокурении. В 1865 году им было разрешено винокурение повсеместно в России. Как отмечал Солженицын, «треть всего еврейского населения «черты» к началу 80-х годов жила в деревне, по две-три семьи в каждой деревне, как остатки корчемства. В 1870 году в официальном правительственном сообщении говорилось, что «питейная торговля в Западном крае почти исключительно сосредоточилась в руках евреев и злоупотребления, встречающиеся в этих заведениях, выходят из всяких границ терпимости».

В 1861 году был отменен запрет евреям брать на откуп отдельные доходы с имений. «Теперь, – отмечал Солженицын, – евреи развили аренду и покупку земли». Как отмечалось в приводимой Солженицыным записке генерал-губернатора Юго-Западного края (1872 г.), «евреи арендуют землю не ради сельскохозяйственных занятий, а только в промышленных целях; арендованные земли они отдают крестьянам не за деньги, а за известные работы,

превышающие ценность обыкновенной платы за землю, устанавливая своего рода крепостную зависимость».

Процветанию богатой части евреев способствовал общий подъем экономики страны в пореформенной стране. Однако ни процветание богатых соплеменников, ни быстрый хозяйственный рост в России после 1861 года не затронули большинства обитателей еврейских местечек, вроде Касриловки, описанной в рассказах Шолом-Алейхема. Касриловка, по словам писателя, – «город маленьких людей», который «находится в самой середине благословенной «черты»… Забитый в уголок, в самую глушь, отрешенный от всего окружающего мира, сиротливо стоит этот город, заворожен, заколдован и погружен в себя, словно никакого касательства к нему не имеет весь этот тарарам с его кутерьмой, суетой, сумятицей, кипением страстей».

Стараясь отгородиться от «страны пребывания», подобно обитателям древних иудейских торговых колоний, жители таких местечек, как Касриловка, сохраняли высокомерное и отчужденное отношение к России и ее основным народам. Судя по рассказам Шолом-Алейхема, обитатели Касриловки именовали Россию не иначе как «тётя Рейзя». Как и многие их соплеменники, они не желали смешиваться с местным населением и в духе вековых традиций отвергали саму возможность брака еврея или еврейки с гоями. Правда, Тевье-молочник готов был простить свою дочь, вышедшую за русского, и навестить молодых в Киеве, но только в том случае, если Киев станет называться так, как называли его в Касриловке, – Егупец. Они презирали окружающих за их мнимую тупость, о чем свидетельствовали анекдоты местечкового производства, включенные впоследствии в антологию «Мудрость Израиля», наряду с выдержками из Торы и Талмуда. В этих анекдотах русских высмеивали за то, что те плохо и медленно понимали еврейские анекдоты.

Уверенные в своем интеллектуальном и моральном превосходстве, обитатели Касриловки все же признавали убогость и ненадежность своего материального положения. Герои рассказов Шолома-Алейхема лишь мечтали о встречах с Бродским, Ротшильдом и другими некоронованными королями делового мира. Типичному обитателю такого местечка, мелкому дельцу из рассказа Шолом-Алейхема «Родительские радости», как и другим героям его произведений, так называемым людям воздуха, хронически не везет. Если «покупает он зерно – падают цены, торгует он скотом – начинается падеж, берется он за лес – выдается теплая зима».

Правда, как и их предки, давно осевшие в этих местечках, они зачастую довольствовались своим скромным уделом. Они были рады, что их дети могут поддержать разговор «про мудреное место в Талмуде» или «о каком-нибудь библейском изречении», и тогда они могли сказать: «Что мне Бродский? Что мне Ротшильд? Я король, клянусь честью, король!»

Однако реформа 1861 года привела в движение силы, которые покончили с привычным бытом корчмарей и дельцов из еврейских местечек, погруженных в мелкое предпринимательство, изучение Талмуда и семейные радости. В России, в которой «пребывали» обитатели тысяч Касриловок, происходил не только быстрый рост промышленного производства, городов и железных дорог, но и резко обострялись социальные противоречия в различных классах и слоях российского общества. В то время как богатая часть евреев еще более обогащалась, отмена крепостного права, как отмечал Солженицын, в целом «оказалась для российских евреев весьма невыгодной, а для многих и разорительной… **социальная** перемена была в том, что переставал существовать многомиллионный, бесправный и лишенный подвижности класс крестьянства, отчего падало в сравнительном уровне значение личной свободы евреев. А **экономическая** – в том, что освобожденный от зависимости крестьянин… стал меньше нуждаться в услугах еврея, то есть освободился от строгого запрета вести и весь сбыт своих продуктов и покупку товаров – иначе чем через назначенного посредника (в западных губерниях почти всегда еврея). И в том, что помещики, лишившись дарового крестьянского труда, теперь, чтобы не разориться, были вынуждены заняться своим хозяйством, в котором ранее видная роль принадлежала

евреям, как арендаторам и посредникам в многообразных торгово-промышленных делах. Отметим, что вводившийся в те годы поземельный кредит вытеснял еврея как организатора финансовой основы помещичьего быта».

В результате в пореформенной России богатые евреи быстро богатели и успешно конкурировали с русскими купцами, материальное положение значительной части еврейской общины ухудшилось. В конце XIX века от 25 до 38% российских евреев жили за счет благотворительности наиболее состоятельной части общины.

В это время произошли события, которые затем постоянно использовались для доказательства невыносимых условий жизни евреев в России. Как отмечал С. Диманштейн в своей статье «Еврейские погромы в России», опубликованной в 24 томе «БСЭ»: «Через полтора месяца после убийства Александра II, 15 апреля 1881, возник еврейский погром в г. Елисаветграде (иногда название этого города пишут «Елизаветград». – *Прим. авт.),* продолжавшийся до 17 апреля… Скоро последовал ряд новых погромов. Самый сильный погром был тогда в Киеве; он продолжался с перерывами с 23 по 27 апреля. В 48 местностях Киевской губернии имущество евреев подверглось разграблению».

Перечислив погромы, происшедшие в Одессе, Николаеве, Александровске (впоследствии названном Запорожье), Переяславле, Нежине, Борисове, Ромнах, Лозовой и других населенных пунктах, С Диманштейн замечал, что «весной 1882 погромы повторились в части тех же мест, где они происходили годом раньше, а также в Балте, Летичеве, Каменеце и Могилеве-Подольском». Хотя погромы нанесли немалый материальный ущерб, человеческих жертв было немного: в ходе них погиб один человек (по другим сведениям, за Два года погромов погибли двое).

До 1881 года Российская империя не знала подобных событий, если не считать трех еврейских погромов в Одессе в 1821, 1859 и 1871 гг. Однако во всех этих случаях организаторами погромов были греческие торговцы, жившие в Одессе, а потому их можно рассматривать, как продолжение традиционной практики отношений между еврейскими и греческими купцами со времен погрома в Александрии в I веке н. э.

За погромы 1881—1882 годов С. Диманштейн возлагал ответственность на царское правительство: «Так как к убийству Александра II были причастны и народовольцы-евреи, то правительственная пресса усилила свою антисемитскую агитацию, и правительство взялось за организационную подготовку еврейских погромов, выставляя революционное движение, как следствие деятельности еврейских элементов… Громилы действовали безнаказанно и даже поощрялись; пока не были разгромлены средняя и мелкая еврейская масса (богачей мало тронули, так как их охраняли солдаты)».

Однако никаких доказательств ответственности правительства за погромы ни Диманштейн, ни другие авторы привести не смогли. Как писал Солженицын, «после 1917 группа исследователей – С. Дубнов, Г. Красный-Адмони и С. Лозинский – тщательно искали доказательств по всем открывшимся государственным архивам – и нашли только противоположное, начиная с того, что энергичного расследования требовал сам Александр III». Солженицын привел немало примеров того, как полиция подавляла погромы, не останавливаясь перед применением огнестрельного оружия.

Для правительства не было необходимости возбуждать народ против евреев, так как оно знало, что главные враги самодержавия находились не на периферии империи, а в ее центральных областях и столицах и для запугивания революционеров не было нужды организовывать погромы национального меньшинства на Украине. Выбор евреев в качестве главных обвиняемых в убийстве царя не мог пользоваться поддержкой в России хотя бы потому, что, как было широко известно, их роль в террористической деятельности народовольцев не была главной. В громадном большинстве участниками «Народной воли» были русские молодые интеллигенты, а не евреи. Геся Гельфман, единственная еврейка, проходившая по «процессу 1 марта» об убийстве Александра II, была и единственной подсудимой, избежавшей смертной казни. По сведениям Л. Дейча, в террористической деятельности народовольцев приняло участие не более 10—12 евреев.

Однако многое свидетельствует о том, что погромы 1881—1882 годов не были стихийными. Началу погромов в апреле 1881 года, случившихся через полтора месяца после убийства Александра II, способствовала агитация среди населения, в результате которой в южных губерниях европейской части России широко распространилось мнение, что евреи были главными виновниками убийства царя. Не исключено, что на юге России нелепые утверждения о том, что евреи несли главную ответственность за убийство царя, подхватывались, потому что падали на почву застарелых социальных, этнических и религиозных антагонизмов.

Историк Ю. Гессен обращал внимание на то, что «местные люди, которые по самым различным побуждениям желали расправы с евреями, …расклеивали призывные прокламации, организовывали основные кадры погромщиков, к которым вскоре добровольно, без всякого увещевания, примыкали сотни людей, увлекаемые общей разгульной атмосферой, легкой наживой… Однако… даже разгоряченные спиртными напитками, толпы, совершая грабежи и насилия, направляли свои удары только в одну сторону, в сторону евреев, – разнузданность сразу останавливалась у порога домов христиан».

Хотя эти события изображались как свидетельства «российской дикости» или «царского террора», подобные события разыгрывались не раз в мировой истории. При этом объектом погромов не обязательно были евреи. Нечто подобное наблюдалось почти ровно сто лет назад в Лондоне в ходе восстания 1780 года и было подробно описано в романе Ч. Диккенса «Барнеби Радж», вышедшем в свет за 40 лет до погромов 1881 года. Этим погромам предшествовала печатная агитация, возбуждавшая население. В ходе самих погромов к их активистам присоединялись много случайных прохожих, желавших то ли поживиться за счет чужого добра, то ли просто дать волю своим разрушительным наклонностям. Несмотря на разгул страстей, подогретых спиртным, лондонские громилы ограничивали свои погромы домами определенной религиозной группы. Разница была в том, что в 1780 году в Англии громили католиков, а в 1881 году на Украине громили евреев.

В то же время очевидно, что погромы в России 1881—1882 годов, как и лондонские погромы 1780 года, имели далеко идущую политическую цель. Задача погромов 1780 года в Лондоне состояла в том, чтобы дестабилизировать обстановку в стране и создать условия для разгона парламента и прихода к власти «Союза протестантов» во главе с лордом Гордоном, за которым стояли штоландские масоны.

Но кто же мог спровоцировать население Украины на еврейские погромы и какие могли быть цели у организаторов подобной провокации? Трудно поверить, что царское правительство решило возбудить массы к погромам и таким образом способствовать нарушению порядка в первые же месяцы после гибели императора Александра П. Дестабилизировать порядок в стране стремились враги правительства – народовольцы. В пользу ответственности народовольцев за организацию погромов Солженицын приводит высказывание Прайсмана: «В печати имеются сведения об участии в погромах отдельных членов партии Народной Воли, но размеров этого участия еще не выяснено… Судя по партийному органу, члены партии считали погромы соответствующими видами революционного движения: предполагалось, что погромы приучат народ к революционным выступлениям», «что движение, которое легче всего было направлено против евреев, в своем дальнейшем развитии обрушится на дворян и чиновников».

Но кроме косвенных свидетельств, говорящих об участии некоторых членов «Народной воли» в погромах, нет никаких доказательств того, что эта организация была их инициатором. Хотя народовольцы в это время буквально грезили началом революции, совершенно очевидно, что погромы на Украине не могли привести к свержению царского строя или даже мало-мальски дестабилизировать Россию Поэтому не удивительно, что погромы ни в какой степени не способствовали подъему революционного движения в стране. Таким образом последствия погромов совершенно не отвечали ни интересам царского правительства, ни задачам революционных сил России.

Перечисляя главные следствия погромов, С. Димантшейн отмечал: «Еврейские погромы вызвали небывалое обострение национального чувства среди еврейского населения. Возникло движение в пользу массового переселения в Америку или Палестину». Исходя из тоги, что в любом преступлении надо искать прежде всего тех, кто рассчитывает получить выгоду от его совершения, можно предположить, что организаторами еврейских погромов 1881 года были влиятельные международные силы, уже давно превратившие «еврейский вопрос к России» в козырную карту в сложной внешнеполитической игре и использовавшие его для решения далеко идущих задач.

Прежде всего, погромы значительно обострили «холодную войну» между правительством и еврейством, которая началась после установления «полосы отчуждения». Погромы убеждали евреев в правильности их представлений о том, что в лице царя они имеют нового фараона, в лице его министров – новых Аманов, а их пребывание в России можно уподобить «вавилонскому плену» или «египетскому рабству». Сам факт пребывания евреев в России объявлялся устами героя И. Бабеля Бени Крика ошибкой Создателя: «Ошибаются все, даже Бог… Разве со стороны Бога не было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучились, как в аду? И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы?»

Использование недовольства той или иной этнической группы для дестабилизации России не было новым для ее врагов. На протяжении значительной части XIX века Оттоманская империя умело использовала конфликты народов Северного Кавказа с российским государством для того, чтобы ослабить натиск России на турецкие владения. В течение XIX века ряд стран Запада не раз использовал «польский вопрос» для борьбы с Россией. С конца XIX века Германия, а также ряд других стран стали создавать свою агентуру среди различных национальных меньшинств России. Поскольку известно, что начиная с 40-х годов страны Запада старались поддерживать напряжение в отношениях между евреями и царским правительством, можно допустить, что агентура этих же стран могла спровоцировать погромы во имя превращения евреев в свою «пятую колонну» внутри Российской империи.

В массовой эмиграции наиболее бедной части еврейского населения была заинтересована и богатые евреи, как в России, так и за ее пределами. Известно, что еврейская община оказывала постоянное давление на богатые слои, чтобы они не забывали выполнить свой долг помощи своим бедным соплеменникам. При этом значительная часть этого бремени возлагалась и на зарубежных богатых евреев, которые должны были помогать бедным евреям России. Спровоцировав эмиграцию, богачи избавлялись от необходимости нести бремя благотворительности, содержа за свой счет от 25 до 38% быстро растущего еврейского населения России, которая не имела определенных занятий, а жила за счет пожертвований более состоятельных людей.

Наконец, провоцирование массовой эмиграции евреев позволяло некоторым западным державам и ведущим еврейским финансистам решить свои проблемы, не связанные непосредственно с делами России, в частности создать динамичную прослойку среднего класса в США или основать колонии поселенцев в Палестине. Восприятие же современности в соответствии с сюжетами древних легенд убеждало евреев в необходимости «исхода» из России. При этом Палестина или США воспринимались ими как Земля Обетованная. Нет сомнения в том, что взвинченное антироссийской агитацией еврейское население превращалось в легко управляемую массу, которую можно было использовать для реализации различных социальных и политических задач как на Ближнем Востоке, так и внутри США.

Солженицын обратил внимание на то, что «первую идею о еврейской эмиграции из России в Америку подал съезд Альянса (Всемирного Еврейского Союза) еще в 1869 – с мыслью, что первые, кто устроятся там, с помощью Альянса и местных евреев, «стали бы… притягательным центром для русских единоверцев». Совершенно очевидно, что массовая

эмиграция евреев была спровоцирована умело организованной пропагандой среди населения, которое не имело ясного представления о событиях 1881 года в Елисаветграде и других украинских городах и местечках. Многие, подобно «мальчику Моттлу» из одноименной повести Шолом-Алейхема, лишь оказавшись у берегов Атлантического океана, наконец, задавали вопрос: «А что же такое погромы?», потому что ни они сами, ни их родственники никогда не были их свидетелями.

Из книги Шолома-Алейхема создается впечатление, что за рубежами России было всё готово для начала массовой эмиграции еще до начала погромов. По всей Европе была создана цепочка эмиграционных комитетов, обеспечивавших беглецов бесплатным питанием, денежным вспомоществованием и билетами на поезда и пароходы.

И хотя по прибытии эмигранты подвергались унизительным процедурам идентификации и натурализации, многие из тех, кто был допущен в «американский рай», быстро забывали эти унижения, так как воспринимали возможность стать американцем как высшее счастье и с тем большим рвением готовы были проклинать покинутую ими страну. Свой восторг от Америки и свое презрение к России выражал герой повести Шолом-Алейхема Пиня, который «встал лицом к морю, поднял правую руку, сжал кулак и разразился целой проповедью: «Слушайте, вы, ослы, злодеи, пьянчуги, хулиганы, погромщики! Это вам мы обязаны тем, что находимся сейчас здесь, в этой стране. Если бы не ваши законы, преследования и погромы, мы не знали бы о Колумбусе, и Колумбус не знал бы о нас!» Видимо, «Колумбус» служил для Пини обозначением Америки, открытой Христофором Колумбом. Америка же стала для Пини олицетворением счастливой жизни, которую так долго обещали цадики обитателям местечек. Исход евреев из России принял массовый характер и в результате эмиграции с 1882 по 1908 год только в США выехало 1,5 миллиона евреев.

Хотя после погромов прошло немало лет, эмиграция евреев из России не ослабевала, а усиливалась и проходила в значительной степени под знаком «бегства из страны, где устраивают еврейские погромы». Таким образом, кем-то умело спровоцированные погромы 1881—1882 годов выполнили свою роль удобного предлога как для эмиграции части евреев, так и для растущей оппозиционности тех, кто оставался в России.

В то же время для правительства погромы свидетельствовали о провале всех прежних усилий по решению «еврейского вопроса». Вскоре после погромов министр внутренних дел Н.П. Игнатьев писал в докладе императору Александру III, что нынешнее антиеврейское движение «неопровержимо доказывает, что несмотря на все старания правительства, ненормальность отношений между еврейским и коренным населением… продолжает существовать по-прежнему». Игнатьев утверждал, что снятие ограничений с евреев лишь привело к тому, что они «направили все свои усилия не к увеличению производительных сил государства, а к эксплуатации преимущественно беднейших классов окружающего населения». Игнатьев предлагал «принять не менее энергичные меры к устранению нынешних ненормальных условий… между коренными жителями и евреями, и для ограждения населения от той вредной деятельности евреев».

В 80-е гг. такие меры были приняты. В мае 1882 года правительство одобрило «Временные правила», которые запрещали евреям вновь поселяться и вступать во владение или пользоваться недвижимым имуществом вне городов и местечек, то есть в селах, а также торговать по воскресеньям и христианским праздникам. Усилились строгости в отношении евреев, уклонявшихся от несения воинской службы. Таким образом были созданы предпосылки для еще большего обострения отношений между еврейским населением и российским государством, что было на руку тем, кто стремился дестабилизировать Россию.

Как эти события отразились на положении семьи, в которой рос Троцкий? Хотя Бронштейны жили в краю, где в 1881—1882 годы произошли еврейские погромы, они их не затронули. На протяжении первых глав своей автобиографии, характеризующих 80-е годы, Л.Д. Троцкий ни единым словом не упоминал о еврейских погромах, которые происходили в Одессе, Николаеве, а также в других городах, расположенных не столь далеко от Яновки.

Даже его рассказ о том, какое сильное впечатление на него произвело посещение Елисаветграда, близлежавшего уездного центра и первого города, увиденного им (неподалеку от этого города его отец снимал землю), не стал поводом для упоминания о первом еврейском погроме 1881 года, происшедшем там за несколько лет до этого. Судя по всему, положение его отца отличалось от положения тех, кто стал жертвами погромов. Бронштейнов не слишком беспокоили мысли о том, что их собственность может подвергнуться разорению бесчинствующей толпы и уж тем более, что им надо искать счастья за океаном. (Может быть, они были рады, что значительная часть бедняков, которые жили за их счет, теперь не будут их беспокоить просьбами о помощи, а станут добывать себе хлеб насущный в далекой Америке.)

Свои жизненные планы родители Лейбы явно связывали со своим дальнейшим пребыванием в России. Летом 1879 года, за два года до первых погромов и незадолго до рождения Лейбы, его отец Давид Бронштейн отчасти купил, отчасти взял в аренду Яновку у разорившегося помещика полковника Яновского. Покупка Яновки оправдала надежды Давида Бронштейна. 100 десятин купленных и 200 десятин арендованных приносили доход. На этой земле было немало построек: «Большое глиняное здание под черепицей, которое строил уже отец, заключало в себе: мастерскую, хозяйскую кухню и людскую. Затем шел «малый» деревянный амбар, за ним «большой» деревянный амбар, потом «новый» амбар – все под камышом… В амбаре, поделенном на закрома, свежая пахучая пшеница, шероховато-колючий ячмень, плоское, скользкое, почти жидко текущее льняное семя, черный с синевой бисер рапса… Конюшни, коровник, свиной хлев и птичник помещались по другую сторону дома… На пригорке у пруда стояла мельница. Дощатый барак укрывал десятисильную паровую машину и два постава… Мельница работала не только для экономии, но и на всю округу. Крестьяне привозили зерно за 10—15 верст и платили за помол десятой мерой». Как писал Троцкий, «неутомимым, жестоким, беспощадным к себе и к другим трудом первоначального накопления отец мой поднимался вверх» Хотя Троцкий постарался создать впечатление, что его отец трудился наравне с остальными работниками, очевидно, что Давид Бронштейн был энергичным хозяином сельскохозяйственного предприятия, на котором тяжелым физическим трудом были заняты нанимаемые им работники. Троцкий писал: …постоянных рабочих, не покидавших экономии круглый год, было немного. Главную массу, исчислявшуюся сотнями в годы больших посевов, составляли сроковые рабочие – киевцы, черниговцы, полтавцы, которых нанимали до Покрова, то есть до первого октября… Были косари, которые приходили в Яновку лет десять подряд… Иные являлись во главе целого семейного выводка. Шли из своих губерний пешком, целый месяц, питаясь краюхами хлеба, ночуя на базарах».

Плата за труд была мизерной, а условия жизни – жалкими; «За четыре летних месяца косари получали 40—50 рублей на хозяйских харчах, женщины 20—30 рублей. Жильем служило чистое поле, в дождливую погоду– стога. На обед– постный борщ и каша, на ужин – пшенная похлебка. Мяса не давали вовсе, жиры отпускались только растительные и в скудном количестве. На этой почве начиналось иногда брожение. Рабочие покидали жнивье, собирались во дворе, ложились в тень амбаров животами вниз, загибали вверх босые, потрескавшиеся, исколотые соломой ноги и ждали. Им давали кислого молока, или арбузов, или полмешка тарани (сушеной воблы), и они снова уходили на работу, нередко с песней».

Однако, несмотря на то что «забастовки» быстро завершались, из слов Троцкого следует, что питание, которое хозяева выдавали своим наемным труженикам, едва удовлетворяло их элементарные физиологические потребности. Об этом свидетельствует его рассказ о болезни, поразившей работников: «В одно лето пришлые рабочие повально заболевали куриной слепотой. В сумерки они медленно передвигались, вытянув вперед руки. Гостивший в деревне племянник матери написал об этом корреспонденцию, которую заметили в земстве и прислали инспектора. На «корреспондента», которого очень любили, отец и мать были в обиде. Да он и сам был не рад. Никаких неприятных последствий, однако, не было: инспекция установила, что болезнь происходила от недостатка жиров, что

распространена она почти во всей губернии, так как везде кормят одинаково, а кое-где и хуже». Из этого ясно, что Давид Бронштейн был типичным богатым землевладельцем тех лет, стремившимся максимально использовать рабочую силу, даже если для этого он содержал своих работников впроголодь.

Поэтому Троцкий имел основание описывать свое детство в стиле воспоминаний помещичьего сына. Хотя он постарался воспроизвести немало эпизодов, которые должны были свидетельствовать о добрых отношениях между отцом и его наемными работниками отца, очевидно, что между ними был непреодолимый социальный барьер. Создается впечатление, что более близкие отношения у хозяев существовали лишь с главным приказчиком – Иваном Васильевичем Гребенем, которого Бронштейны ценили за необыкновенную смекалку и техническое мастерство. Однако, рассказывая о нем, Троцкий невольно сохранил, видимо привычное с детства, слегка снисходительное, ироничное отношение к этому умельцу, который якобы мечтал создать «вечный двигатель». Большинство же работников остались в воспоминаниях безымянными жалкими существами, замученными непосильной работой, босыми и оборванными, грязными и покрытыми паразитами. (Троцкий вспоминал: «В воскресные дни девушки искали в головах парней или друг у друга паразитов».) Трудно понять по этим описаниям, какие чувства несчастные люди вызывали у Лейбы: то ли жалость, то брезгливость?

Поднявшись по социальной лестнице и став владельцами Яновки, Бронштейны старались сохранить в поместье черты тогдашнего помещичьего дома. Хотя Троцкий в своей автобиографии не раз обращал внимание на щели в потолках дома, да прорехи в обивке дивана, очевидно, что дом в Яновке был обычным помещичьим зданием, а в нем стояла типичная для него городская мебель. Бронштейны стремились поддерживать в семье стиль жизни, резко отличавщийся от быта украинских и русских крестьян или евреев-колонистов Громоклеи. Дети находились под присмотром нянь. Их обучали музыке. В доме было немало русских книг и журналов. Мать Троцкого, Анна Бронштейн, родом из Одессы, любила читать художественные произведения и привила детям любовь к чтению. Как и во многих помещичьих семьях того времени дети пробовали сами писать. Лейба писал стихи и даже попытался издать домашний журнал. Троцкий признавал: «Сын зажиточного землевладельца, я принадлежал скорее к привилегированным, чем к угнетенным».

Круг общения Бронштейнов состоял, в основном, из окрестных богатых землевладельцев. Однако многие из этих людей, бывших недавно неоспоримыми хозяевами херсонских степей, выглядели, по описанию Троцкого, убого по сравнению с Бронштейнами и вызывали у него нескрываемую брезгливость. Наиболее ярким примером упадка местного дворянства стала для Троцкого семья Гертопановых. «Когда-то вся округа принадлежала этой семье. Теперь у стариков остались 400 десятин, но они заложены и перезаложены. Мой отец снимает эту землю, а арендные деньги идут в банк. Тимофей Исаевич жил тем, что писал крестьянам прошения, жалобы и письма. Приезжая к нам, он прятал в рукав табак и сахар. Так же поступала и жена его. Брызгаясь слюною, она рассказывала о своей юности, о рабынях, роялях, шелках и духах. Два сына их выросли почти неграмотными. Младший, Виктор, был учеником у нас в мастерской». Разорившиеся помещики распродавали остатки былой роскоши. У них Бронштейны приобрели мебель и клавесины.

Запомнилась Троцкому и старая полковница Яновская, которая приезжала в Яновку «получать арендную плату и поглядеть, все ли в порядке». Старушке оказывали почтительное внимание и готовили особую еду. Она «сдирала сухонькими ноготками со стволов застывшую древесную смолу и уверяла, что это самое лучшее лакомство». Но затем она уезжала и не появлялась по году и по полугоду, целиком оставляя ведение хозяйства в руках фактического владельца – Бронштейна.

Однако Бронштейны были не самыми богатыми землевладельцами Херсонщины. С детских лет Лейба Бронштейн узнал, что «особую группу составляли немцы-колонисты. Среди них были прямо богачи… Дома у них были из кирпича под зеленой и красной железной крышей, лошади породистые, сбруя исправная, рессорные повозки так и

назывались немецкими фургонами… Над ними высилась фигура Фальцфейна, овечьего короля… Тянутся бесчисленные стада. – Чьи овцы? – Фальцфейна. Едут чумаки, везут сено, солому, полову. – Кому? Фальцфейну… Имя Фальцфейна звучало как топот десятков тысяч овечьих копыт, как блеянье бесчисленных овечьих голосов, как крик и свист степных чабанов с длинными гирлыгами за спиной, как лай бесчисленных овчарок. Сама степь выдыхала это имя в зной и в лютые морозы». Возможно, что быт немецких колонистов и богатство Фальцфейна служили Бронштейнам примерами для подражания и это повлияло на явную «германофилию» их сына, которая затем не раз проявлялась в его жизни.

Хотя Давиду Бронштейу было далеко до Фальцфейна, но его богатство быстро множилось. Троцкий замечал: «Октябрьская революция застала отца очень зажиточным человеком». Совершенно очевидно, что если бы не Октябрьская революция, то Давид Бронштейн смог бы передать свое процветающее хозяйство в наследство своим детям.

Не исключено, что у Бронштейнов были свои претензии к царской власти, и возможно, что они испытывали недовольство ограничениями в отношении своих соплеменников и сочувствовали пострадавшим от погромов, но было очевидно, что ни «полоса отчуждения», ни погромы не мешали Бронштейнам быстро улучшать свое положение в российском обществе, в том числе и по сравнению с представителями национального большинства России. Троцкий вспоминал, что хотя «после ограничительных законов 1881 г. отец мой… не мог больше покупать землю, к чему так стремился, и мог лишь под прикрытием арендовать ее», это обстоятельство не остановило роста богатства Бронштейна. Судя по всему, отец Троцкого был убежден в стабильности царского строя. Троцкий вспоминал: «В 1921 г., когда, спасшись от белых и красных опасностей, отец прибыл ко мне в Кремль, я шутя сказал ему: «А помните, вы говорили, что царских порядков еще на триста лет хватит?» Видимо, исходя из убежденности в прочности существовавшего строя, Давид Бронштейн считал необходимым достичь максимум возможного в тех условиях. Скорее всего, в детстве Лева беспрекословно разделял такие убеждения своего отца.

Поэтому, если бы Лейба Бронштейн сохранил верность отцовской убежденности в прочность царского строя и продолжил хозяйственную деятельность отца, вряд ли на него оказали влияние мысли о «черте оседлости» и погромах, которые, по мнению Й. Недавы, привели его в революцию. Скорее всего, он превратился бы в одного из многих еврейских «деловых людей», верноподданых Российской империи, вливавшихся в ряды быстро растущей российской буржуазии. В этом случае он никогда не стал бы писать пламенные статьи с осуждением Пуришкевича, Замысловского и других признанных антисемитов России, а уж тем более не стал бы изображать царя Николая II в качестве патологического ненавистника еврейского народа. Прежде чем подобные мысли стали приходить в голову Лейбе Бронштейну, ему пришлось покинуть Яновку.

ПРЕВРАЩЕНИЕ В ОДЕССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Стремясь, чтобы его дети приумножали его богатства и заняли более высокое место в обществе, Давид Бронштейн желал дать им максимально хорошее образование. Пока Лейба рос в Яновке, за ее пределами получали школьное образование его старший брат Александр и его старшая сестра Елизавета. Впоследствии такое же образование получили сам Лейба и его младшая сестра Ольга. В эти годы во многих еврейских семьях, даже более скромного достатка, чем Бронштейны, посылали детей на учебу в русские школы. В повести «Степь» Моисей Моисеевич радостно сообщал своим гостям о том, что его сына Наума через год отвезут «в ученье». Родители заранее переживали будущую разлуку с сыном, особенно ввиду его слабого здоровья. Повесть была написана в 1887 году и отражала, в частности, впечатления писателя о поездке по югу Украины весной того же года.

«Школобоязнь» среди еврейского населения сменилась активным движением еврейских детей в общеобразовательные школы. Как отмечал Солженицын, «с того самого 1874 года, воинского устава и образовательных льгот от него, – резко усилился приток

евреев в общие, средние и высшие учебные заведения. Скачок этот был очень заметен… С 1876 по 1883 год число евреев в гимназиях и прогимназиях почти удвоилось, университетских же студентов с 1878 по 1886– тоже за 8 лет, ушестерилось и достигло 14,5%».

Приток евреев в учебные заведения был столь значителен, что министерство просвещения уже в 1875 году указало правительству на «невозможность поместить всех евреев, стремящихся в общие учебные заведения, без стеснения христианского населения». По словам Солженицына, минский губернатор докладывал, что «обладая денежными средствами, евреи лучше обставляют воспитание своих детей, чем русские, что материальное положение еврейских учащихся лучше того, в котором находятся христиане, а потому чтобы еврейский элемент не взял перевеса над остальным населением, надо ввести процентную норму для приема евреев в среднюю школу». С аналогичными докладами обратились и власти Одессы, сообщавшие, что в некоторых гимназиях этого города евреи составляли 75% от общего числа учащихся.

Успешному поступлению в учебные заведения детей из еврейских семей, очевидно, способствовали не только неплохие материальные условия, в которых они росли, но и полезные привычки усвоения знаний, которые обретались ими в хедерах или с помощью частных учителей. В то же время следует учитывать, что в эти годы подавляющую часть населения России составляли люди, не имевшие материальных возможностей посылать своих детей в гимназии и протогимназии. Поэтому, когда минский губернатор говорил о более высоких материальных возможностях евреев, он вряд ли сравнивал их с возможностями русских дворян, русских купцов или представителей состоятельных средних городских слоев русского населения.

Ссылаясь на то, что многие студенты-евреи были замечены в революционных кружках, власти стали ограничивать прием их в высшие учебные заведения. Как замечает Солженицын, «первой частной ограничительной мерой стал приказ 1882 года, чтобы среди поступающих в Военно-Медицинскую Академию евреи не составляли бы более 5%. В 1883 такой же приказ последовал относительно Горного института, в 1884 – об институте Путей Сообщения. В 1885 был ограничен десятью процентами приём евреев в харьковский Технологический институт, а в 1886 – полностью прекращен их приём в харьковский Ветеринарный: так как «г. Харьков всегда был центром политической агитации, и пребывание в нём евреев в более или менее значительном числе представляется вообще нежелательным и даже опасным».

В июне 1887 года негласным циркуляром было введено распоряжение министра просвещения Делянова, ограничившего норму приёма еврейских детей в высшие и средние учебные заведения: «в черте оседлости – 10%, вне черты – 5%, а в обеих столицах – 3%». Правда, на деле эти предписания нарушались. Солженицын замечал: «В Одессе же, где евреи составляли треть населения, в 1894 в наиболее престижной ришельевской гимназии состояло 14% евреев, во 2-й гимназии– больше 20%, в 3-й– 37%, во всех женских гимназиях – 40%, в коммерческом училище – 72%, в Университете – 19%». Возможно, что отсутствие каких-либо препятствий для приема еврейских детей в Одессе определило решение семьи Бронштейнов направить Лейбе на учебу в этот город. Заботу о Лейбе в Одессе взял на себя 28-летний племянник Анны Бронштейн Моисей Филиппович Шпенцер, или Моня, как его звали в семье. По словам Троцкого, он был «умный и хороший человек, в свое время «пострадавший», как говорили тогда, и потому не попавший из гимназии в университет». В 1888 году Моисей Шпенцер прожил лето в Яновке, поправляя там свое здоровье, поскольку был предрасположен к туберкулезу. У молодого человека, по словам Троцкого, не было «определенной работы». Он зарабатывал лишь тем, что «делал переводы греческих трагедий с примечаниями, писал рассказы для детей». Вскоре он женился «на начальнице одесского казенного училища для еврейских девочек». Однако, по оценке Троцкого, несмотря на ее жалование и случайные заработки Мони «жизнь в семье Моисея Филипповича была скромной, средств хватало в обрез».

На каких условиях содержался и воспитывался Лейба в небогатой семье, Троцкий не уточнял. Неясно также, каким образом Шпенцер неожиданно разбогател и стал процветающим издателем. Троцкий лишь заметил, что позже Шпенцер «создал маленькое издательство, которое туго развивалось в первые годы, чтобы затем быстро подняться. Лет десять – двенадцать спустя он стал виднейшим издателем на юге России, владельцем большой типографии и собственного дома».

В 1888 году, когда Лейба переехал к Шпенцерам в Одессу, этому городу еще не исполнилось и ста лет. Город, основанный в 1794 году, около крепости, построенной войсками А.В. Суворова на месте турецкой крепости Ени-Дунья (Новый Свет), получил сначала тюркское название – Хаджибей. Однако через год это имя изменили на современное, так как ошибочно предполагалось, что здесь в древности находилось греческое поселение Одессос. Ошибка не была исправлена, зато в новый город вскоре прибыло большое количество греков. Одновременно в город переселялись и евреи. В книге Солженицына утверждается, что население Одессы быстро росло «благодаря массовому переселению в Одессу как русских евреев, так и иностранных, преимущественно из Германии и Галиции».

В городе вырос крупный торговый порт и появились промышленные предприятия, был создан свой университет. Гордостью Одессы стал театр оперы и балета, где регулярно выступали звезды мировой сцены. Гастроли Карузо и Шаляпина, известных актеров российского драматического театра обсуждала вся Одесса. «Черноморский порт Одесса, – писал И. Дейчер, – это Марсель России, только гораздо моложе Марселя, солнечный и веселый, многонациональный, открытый многим ветрам и влияниям, кипение, любовь к эффектному зрелищу и теплая чувственность господствовали в характере людей Одессы».

Как подчеркивает Солженицын, «вольная Одесса еще от начала XIX в. развивалась по своим особым законам, отдельным от общероссийских, – то порто-франко, то открыта турецким судам, когда с Турцией война». Солженицын привел следующую характеристику Одессы из «Краткой еврейской энциклопедии»: «Основным занятием (одесских) евреев в этот период была торговля зерном. Многие евреи были мелкими торговцами, посредниками (главным образом между помещиками и экспортерами), агентами крупных иностранных и местных, в основном– греческих, хлеботорговых компаний, маклерами… на зерновой бирже, оценщиками, кассирами, весовщиками, «грузчиками»; «евреи занимали доминирующее положение в торговле зерном: к 1870 г. в их руках находилась большая часть экспорта зерна. В 1910… 89,2% экспорта». «По сравнению с другими городами черты оседлости в Одессе проживало больше евреев – лиц свободных профессий… у которых сложились хорошие отношения с представителями русского образованного общества и которым покровительствовала высшая администрация города… Особенно покровительствовал евреям попечитель Одесского учебного округа в 1856—1858 Н. Пирогов», знаменитый русский хирург. (В 1913 году Троцкий посвятил Н.И. Пирогову большой хвалебный очерк.)

Процветанию города и его еврейской общины способствовало быстрое развитие товарного сельскохозяйственного производства на Юге Украины. Солженицын привел отрывок из воспоминаний бывшего жителя дореволюционной Одессы К. Ициковича, который писал, что «в урожайные годы половина города живет от продажи зерновых продуктов, начиная с крупного хлебного воротилы и кончая последним старьевщиком». Ицикович уверял, что «невозможно было провести черту, где в Одессе кончается «пшеничный» коммерсант или банкир и где начинается человек интеллектуальных профессий». Очевидно, не без оснований, обратив внимание на тесные связи интересов многих одесситов, Ицикович затушевал явное отличие социального положения «пшеничных королей» от остальных жителей города. Другой одессит Юрий Олеша выделил их в особую группу, перечислив некоторых из них поименно: «Одесские богачи… Бродский, Гепнер, Хари, Ашкенази, Пташников, Анатра… Это были банкиры, хлебные экспортеры, темные, преступные». От этих людей зависела судьба таких сельских предпринимателей, как Давид Бронштейн, но и могущество одесской деловой элиты во многом зависело от хлебопоставок таких хозяйств, как Яновка».

Возникшая в результате движения России на Юг, буржуазия нового города вскоре стала оказывать влияние на все российское общество. Агрессивный стиль деятельности «темных и преступных» дельцов Одессы формировал образ мысли и действий новых деловых людей России, лишенных духовной основы и подчинявших всю свою деятельность умению делать деньги. Известно, что Федор Павлович Карамазов «под конец очутился в Одессе, где и прожил сряду несколько лет. Познакомился он сначала, по его собственным словам, «со многими жидами, жилками и жиденятами», а кончил тем, что не только у жидов, но «и у евреев был принят». Надо думать, что в этот-то период своей жизни он и развил в себе особенное уменье сколачивать и выколачивать деньгу».

Изощренность дельцов Одессы в финансовых делах, которой отчасти овладел Федор Павлович, во многом объяснялась тем, что они являлись важным соединительным звеном между капитализируемой Россией и крупными капиталистами Запада. Как отмечал П. Лященко в своем исследовании «Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства», «главными частными банками, принимавшими наиболее широкое участие в хлеботорговых вообще и хлебоэкспортных операциях, были: Азовско-донской, Международный, Петербургский частный коммерческий, Северный, Русско-азиатский, – работавшие преимущественно французскими капиталами, и Русский для внешней торговли и Петербургский учетный – немецкими». По оценке С. Кара-Мурзы, «доля иностранного банкового капитала в экспорте хлеба составляла 35—40%».

Экспорт дешевого хлеба из России был золотым дном для международных финансистов. Как объясняет С. Кара-Мурза, «крестьяне, составлявшие 85% населения России… производили большое количество вполне ликвидного продукта – зерна – не только сами не получая при этом никакого прибавочного продукта, но даже отдавая часть продукта необходимого. Выколачивать из них этот продукт взялось государство с его податями и денежными налогами и арендаторы-помещики. Из этих средств они обеспечивали достаточно высокий уровень прибыли для западных акционеров. Примерно половина хлеба, произведенная крестьянами, шла на экспорт, превращаясь в твердую валюту… (при этом сами крестьяне получали от экспорта в среднем около 10 руб. в год на двор)».

Растущие связи одесских зерноторговцев с мировым рынком и присовоение ими некоторой части прибыли от зерноторговли объясняли сравнительно быстрое приобщение городского хозяйства к последним техническим достижениям мировой цивилизации. Живший в эти годы в Одессе Юрий Олеша вспоминал, как в течение нескольких лет его детства в городе появились такие «чудеса», как трамвай, электрическая лампочка, телефон, водосточные трубы из цинка, и он писал: «Великая техника возникла на моих глазах». Преодолев расстояние в несколько десятков километров, разделявшее Яновку от Одессы, Лева Бронштейн разом попал из степной глуши, в которой даже крохотная деревушка Громоклея казалась большим селением, в необычный мир, где чуть ли не каждый день совершались чудеса, о которых мечтали хасиды. Свидетельства великих научно-технических открытий могли убедить обитателя степей, что он попал в страну, где, как в рассказах о цадиках, законы при роды отменяются, а невозможное становится возможным. «Огни большого города» гипнотизировали ребенка, как и многих приезжих жителей окрестных сел.

Шпенцеры решительно взялись за «окультуривание» деревенского мальчика и превращение его в жителя крупного города: «Мне шаг за шагом объясняли, что нужно здороваться по утрам, содержать опрятно руки и ногти, не есть с ножа, никогда не опаздывать, благодарить прислугу, когда она подает, и не отзываться о людях дурно за их спиной. Я узнавал, что десятки слов, которые в деревне казались непререкаемыми, суть не русские слова, а испорченные украинские. Каждый день предо мной открывалась частица более культурной среды, чем та, в которой я провел первые девять лет своей жизни… Я становился маленьким горожанином. Но иногда деревня ярко вспыхивала в сознании и тянула к себе, как потерянный рай. Тогда я тосковал, слонялся, писал пальцем на стекле приветы матери или плакал в подушку».

Хотя усилия Шпенцеров падали на благодатную почву, супруги не сумели быстро

подготовить Лейбу к вступительным экзаменам в реальное училище св. Павла. Осенью 1888 года он получил тройку по русскому языку и четверку по арифметике. Было решено поместить мальчика в приготовительный класс, который состоял при этом училище в качестве частной школы, и откуда, по словам Троцкого, «евреев переводили в первый класс, хоть и по «норме», но с преимуществом над экстернами».

Как вспоминал Троцкий, «реальное училище св. Павла по происхождению своему было немецким учебным заведением. Оно возникло при лютеранской церковной общине и обслуживало многочисленных немцев Одессы и южного округа». Однако к тому времени, когда Лейба поступил в училище, «школьники-немцы составляли меньше половины, из школьной администрации немцы настойчиво вытеснялись». И все же, по словам Троцкого, «немецкий язык в школе до некоторой степени соперничал с русским», а потому пребывание в училище не могло не способствовать хорошему знанию немецкого языка и приобщению к немецкой культуре, тягу к которой он начал испытывать еще в Яновке.

В то же время Лейба продолжал изучать Тору и Талмуд. Занятия велись в школе. Когда православным ученикам преподавали «Закон Божий», ученики иудейского вероисповедания шли в другой класс. Там, как писал Троцкий, «добродушный человек, по фамилии Цугельман, преподавал евреям-ученикам на русском языке Библию и историю еврейского народа». Не довольствуясь этим, Давид Бронштейн нанял для сына частного преподавателя. Как писал Троцкий, «я брал в Одессе частные уроки по Библии у очень ученого старика». Таким образом приобщение к немецкой и русской культуре в школьные годы не означало для него отрыва от культуры еврейского народа.

Судя по воспоминаниям Троцкого, он был прилежным учеником, старавшимся взять максимум возможного от учебы: «Я рано вставал, торопливо пил свой утренний чай, запихивал в карман пальто завернутый в бумажку завтрак и бежал в школу, чтобы поспеть к утренней молитве. Я не опаздывал. Я спокойно сидел за партой. Я прилежно готовил дома свои уроки. Я ложился спать в положенный час, чтобы на другое утро торопливо пить свой чай и снова бежать в школу под страхом опоздать к утренней молитве. Я аккуратно переходил из класса в класс… Я совсем мало жил жизнью улицы, площади, спорта и развлечений на открытом воздухе… Многие из мальчиков катались на море в лодке, ловили с волнореза рыбу на уду. Я этих удовольствий совершенно не знал. Странным образом море в этот период вообще не занимало в моей жизни никакого места, хотя на берегу его я прожил семь лет».

Сам Троцкий объяснял такое необычное для ребенка поведение своей целеустремленностью: «Город представлялся мне созданным для занятий и чтения. Драки мальчиков на улице казались мне позором». Троцкий уверял, что отсутствие физических занятий в городе он «наверстывал на каникулах в деревне».

И все же есть основания полагать, что воздержание ребенка от обычной в его возрасте физической активности и уж особенно от игр на море объяснялось иными причинами. Из воспоминаний Троцкого следует, что в первые дни пребывания в училище он не избегал занятий на физкультурных снарядах и даже старался выполнять на них сложные приемы, требовавшие немалой силы и ловкости. Троцкий писал, что «вскоре после поступления в училище» он однажды захотел во дворе, где были установлены гимнастические снаряды, «повторить прием, проделанный на моих глазах одним из мальчиков сиротского дома. Поднявшись по вертикальной лестнице и зацепившись носками за верхнюю перекладину, я повис вниз головой и, захватив руками перекладину лестницы как можно ниже, оттолкнулся носками, чтобы описав в воздухе дугу в 180 градусов, стать на землю упругим прыжком. Но я не выпустил вовремя из рук перекладины и, описавши дугу, всем телом ударился о лестницу. Грудь сдавило клещами, сперло дыхание, я извивался на земле, как червь, хватал за ноги стоящих вокруг меня мальчиков и потерял сознание. После этого я стал осторожнее с гимнастикой».

Можно было бы предположить, что этот несчастный случай отвадил надолго Лейбу от игр и физических занятий, но есть основания считать, что причиной этому был не этот

несчастный случай, а хроническое болезненное состояние ребенка. Троцкий признавал, что он «с детских лет… болел болезнью, которую врачи в официальных свидетельствах называли хроническим катаром желудочно-кишечного тракта и которая тесно переплеталась со всей его жизнью. Ему часто приходилось глотать лекарства и соблюдать диету. Нервные толчки почти всегда сказывались на кишечнике. В четвертом классе болезнь так обострилась, что парализовала занятия. После длительного, но безуспешного лечения врачи присудили: отправить больного в деревню».

Скорее всего, этот диагноз был весьма приблизительным. Известно, что, когда Троцкий стал одним из руководителей Советской страны, лучшие врачи России и Германии вставали в тупик, пытаясь определить характер хронической болезни Троцкого и найти способы ее лечения. Нервные встряски не раз оказывали на организм Троцкого сильные и разнообразные отрицательные воздействия. Помимо упоминания в начале автобиографии о том, что «нервные толчки» вызывали заболевания кишечника, в середине своей книги Троцкий писал о том, что для него была характерна «склонность к обморокам при физической боли или недомогании», которую он «унаследовал от матери». Троцкий замечал, что «это и дало повод одному американскому врачу приписать мне падучую болезнь». Однако помимо анонимного американского врача об эпилепсии Троцкого писал в своих воспоминаниях и его сокамерник Г. Зив. Понятно, что обитатели одной тюремной камеры не могли скрывать друг от друга многие заболевания, даже те, наличие которых они не хотели признавать.

Возможно, что падение Лейбы с гимнастической лестницы было связано с обычным для него приступом эпилепсии. Так как, по его свидетельству, он потерял сознание, то скорее всего другие гимназисты рассказали ему, как он извивался на земле в судорогах, которые дети приняли за попытки схватить их за ноги. Это похоже на описание эпилептического припадка.

В своем подробном описании приступа, после которого он был вынужден временно прервать учебу в школе, Троцкий также обращает внимание прежде всего на болезненное состояние нервной системы и психики, почему-то повествуя о себе в третьем лице: «Ученик четвертого класса возвращался из училища, держа, против правил, один ремешок ранца в руках, потому что оторвался крючок. Длинное пальто ощущалось лишним, ненужным, тяжелым, от него по всему телу шла испарина. Вместе с испариной шло томление. Мальчик по-новому видел все вокруг и прежде всего себя. Весеннее солнце внушало, что есть что-то неизмеримо более могущественное, чем школа, инспектор и неправильно сидящий на спине ранец, чем учение, шахматы, обеды, даже чтение и театр, чем вся вообще повседневная жизнь. И тоска по этому неизведанному, повелительному, возвышающемуся над отдельным человеком охватила существо мальчика до самой сердцевины костей и вызвала сладкую боль изнеможения. Домой он пришел с гудящей головой, с болезненной музыкой в висках, сбросил ранец на стол, лег на кровать и незаметно для себя стал плакать в подушку. Чтобы дать оправдание слезам, он стал вспоминать жалостные сцены из книг и из собственной жизни, как бы подбрасывая свежего топлива в топку, и плакал, и плакал слезами весенней тоски».

Из этого рассказа следует, что физическое недомогание мальчика сочеталось с подавленным душевным состоянием, а мысли о ничтожности обыденной жизни соединялись с острым осознанием величия неких высших начал. Возможно, что, находясь в своем болезненном состоянии, мальчик воспринимал себя самого со стороны и это отразилось в форме рассказа Троцкого. Это описание, в котором рассказчик смотрит на себя со стороны, отчасти напоминает страницы из романа «Идиот», на которых страдавший от эпилепсии Ф.М. Достоевский детально изображал состояние князя Мышкина перед началом эпилептического припадка.

Хроническая болезнь, которая провоцировалась любыми стрессами, то сопровождаясь припадками, похожими на эпилептические, то вызывая боли в желудке и кишечнике, то бросая в жар, преследовала Троцкого всю жизнь. Это заболевание не могло не повлиять на

его характер и на его поведение еще в детстве. Со школьных лет он был вынужден ожидать внезапных приступов в случае сильных физических или нервных нагрузок, а поэтому старался избегать игр, забав и занятий, обычных в этом возрасте, и соблюдать строгий режим дня, питания и учебы. В то же время хроническая болезненность и боязнь припадков могли вносить постоянное напряжение в жизнь ребенка, сделать его раздражительным и склонным к капризности.

Косвенным образом это признал и Троцкий, хотя он и находил для своей раздражительности другие объяснения: «У меня было с детских лет немало конфликтов в жизни, выраставших, как сказал бы юрист, на почве борьбы за попранное право. Этим же мотивом определялись нередко схождения и разрывы с товарищами. Перечислять отдельные эпизоды было бы долго». Впрочем в другом месте Троцкий более критично оценивал себя: «Мальчик был, несомненно, самолюбив, вспыльчив, пожалуй, неуживчив».

Раздражительность и неуживчивость, переходящие в неврастеническое поведение, были характерны для него и когда он стал взрослым. Троцкий не раз неожиданно рвал со своими единомышленниками, сменяя былую теплоту в отношениях на оскорбительный тон. Не соглашаясь с чужим мнением, Троцкий доводил до крайности свой протест, то вызывающе хлопая дверями, отказываясь выслушать оппонента, то, напротив, отказываясь выходить из помещения, когда на этом настаивали и его приходилось выносить оттуда на руках. Подобные сцены Троцкий не раз устраивал в течение своей жизни.

По причине своей неуживчивости и раздражительности Лейба, который отлично учился по всем предметам, неприязненно относился к школе и ко всем школьным учителям. Подводя итог своему пребыванию в училище, он писал: «В общем память об училище осталась окрашенной, если не в черный, то в серый цвет… Трудно назвать хотя бы одного преподавателя, о котором я мог бы по-настоящему вспомнить с любовью». Порой эта неприязнь к школе и учителям приводила его к скандальным историям.

Как рассказывал Троцкий, «самый большой конфликт разыгрался у меня во втором классе с Бюрнандом», преподавателем французского языка. Однажды у этого учителя, страдавшего от катара желудка, случился приступ во время урока и он, по словам Троцкого, «свирепствовал, поглощая двойное количество пищеварительных конфет», и якобы поэтому поставил единицу ученику Ваккеру. Его одноклассники решили устроить учителю «кошачий концерт». Троцкий вспоминал: «Я был в их числе не на последнем месте, может быть, даже на первом».

После окончания урока учитель направился из класса, и школьники завыли, не разжимая губ. Но стоило ему повернуться к ним лицом, они делали невинные лица, как будто ничего не произошло. Измученный болезнью преподаватель «зелено-бледный, стоял лицом к лицу с врагами, меча искры, но не произнося ни слова». Но стоило ему повернуться к классу спиной, как вой возобновлялся.

После перемены началось расследование. Преподавателям были известны неисправимые шалуны и «мальчиков десять-пятнадцать» оставили без обеда на пару часов. Как писал Троцкий, «я не сделал ничего, чтоб добиться освобождения. Но и не донес на себя».

Однако наказанным стало обидно, что зачинщик «кошачьего концерта» Лейба Бронштейн не был привлечен к ответственности и на другой день Лейбу вызвали к директору. Сначала учителя не хотели верить услышанному, так как Лева Бронштейн считался первым учеником в классе. Тогда доносчики привели новые обвинения в адрес Лейбы. Оказалось, что он был организатором и других «кошачьих концертов». Выяснилось, что Лейба подбивал учеников написать анонимное письмо попечителю учебного округа против Бюрнанда, чтобы выгнать того из школы. Чтобы начальство школы не догадалось, кто писал это письмо, Лейба предложил, чтобы каждый из учеников писал в нем по одной букве.

Узнав о проделках «примерного ученика», преподаватели были поражены. Особенно возмущался Бюрнанд, повторявший: «Первый ученик второго класса – нравственный урод».

Было решено исключить Леву из школы, правда, разрешив ему вернуться в училище на следующий год.

Вероятно, наказание было слишком суровым. Разумеется, учитель не должен был называть ученика «нравственным уродом». Наконец, не исключено, что оценка, поставленная Ваккеру и вызвавшая возмущение школьников, занижала его знания. Однако в этой истории интересно прежде всего отношение к ней самого Троцкого через сорок с лишним лет. Достигнув 50 лет с лишним и обретя немалый жизненный опыт, Лев Троцкий не только полностью оправдывал свое поведение в этой истории, но к тому же изображал себя юным героем, выступившим против школьного «режима бездушия и чиновничьего формализма». Троцкому, всю жизнь страдавшему от тяжелого хронического заболевания, не пришло в голову посочувствовать больному преподавателю, ставшему жертвой злого издевательства детей. Напротив, в этой истории Троцкий увидел «первое, в своем роде политическое испытание».

И в 52 года Троцкий не мог простить своим одноклассникам, что они сообщили учителям о том, что он был подстрекателем разных проделок, но всегда оставался безнаказанным. В этом давнем школьном эпизоде Троцкий пытался увидеть те же закономерности, которые он потом не раз наблюдал в политической борьбе. Он писал: «Группировки, которые сложились вокруг этого эпизода: ябедники и завистники на одном полюсе, открытые, отважные мальчики – на другом, и нейтральная, зыбкая, неустойчивая масса – посредине, эти три группировки далеко не полностью рассосались и в течение последующих лет. В дальнейшей своей жизни я встречал их не раз в самых различных условиях».

Кажется, что на всю жизнь Троцкий был обижен тем, что ему не удалось уйти от наказания и сохранить свою репутацию «первого ученика». «Предательство» и «неустойчивость» он видел в тех, кто не пожелал, чтобы он – заводила – оказался ненаказанным. Если бы борьба против учителя, при всей ее детской незрелости, строилась на благородных принципах, то «вождь движения» должен был бы смело признаться во всем, чтобы разделить наказание со своими «соратниками». Школьник, воспитанный на идеалах рыцарства, мог даже взять чужую вину на себя, как это сделал Том Сойер, смело подставивший себя под розги, чтобы спасти от неминуемого наказания Бэкки Тэтчер.

Последствия уверенности Троцкого в справедливости такого положения, когда главарь руководит подрывными действиями преданных ему людей, а он сам сохраняет репутацию невинного человека, раскрыл советский историк М.Н. Покровский, детально проанализировавший этот эпизод из «Моей жизни»: «Когда нам придется знакомиться по Троцкому с дискуссией 1923 года, мы увидим ту же картину: главный организатор совсем в сторонке– он ни при чем, его дело вовсе даже и не касается! – «открытых», отважных мальчиков», которые за этого сидящего в кустах вождя ратоборствуют, сочиняют резолюции, собирают подписи, выступают на собраниях; наконец, «зыбкую» сначала, пока не разобрались, «неустойчивую массу», колеблющуюся, потом дружно поворачивающую к «клеветникам и завистникам», на стороне которых неожиданно оказывается вся партия, за исключением «отважных мальчиков», понемногу теряющих в такой обстановке свою отвагу и, с некоторым опозданием, двигающихся вслед за массой. Очень похожая картина – и недаром Троцкий не раз ее вспоминает».

Некритическое отношение взрослого человека к своим жестоким детским проказам и склонность видеть в этих действиях начало политической деятельности, помимо прочего, свидетельствовало о душевной неразвитости, которая, видимо, была характерна для Троцкого до конца жизни. В то же время изображение своих детских шалостей в виде справедливого протеста против «невыносимого гнета» и «вопиющих несправедливостей» было не столь уж необычным среди интеллигентов России того времени. Однозначно отрицательная оценка своей школы, которую дал Лейба Бронштейн (а Троцкий сохранил ее без поправок до конца своей жизни), была типичной для выходцев из интеллигентских семей России того времени.

По данным социологических обследований, приведенных А.С. Изгоевым в статье «Об интеллигентной молодежи», 86% опрошенных выпускников московских школ в начале XX века заявили, что «ни с кем из учебного персонала средней школы у них не было духовной близости». Характеризуя отношение выходца из интеллигентской семьи к школе, А.С. Изгоев писал: «В школе ребенок чувствует себя, как во вражеском лагере, где против него строят козни, подсиживают его и готовят ему гибель. В представлении ребенка школа – зло, но, к несчастью, неизбежное. Его нужно претерпеть с возможно меньшим для себя ущербом: надо получить наилучшие отметки, но отдать школе возможно меньше труда и глубоко спрятать от нее свою душу. Обман, хитрость, притворное унижение – все это законные орудия самообороны. Учитель – нападает, ученик – обороняется. В довершение всего в этой борьбе ученик приобретает себе дома союзников в лице родителей, взгляд которых на школу мало чем отличается от ученического».

У Лейбы таким постоянным союзником была семья Шпенцеров. Знаменательно, что после исключения Лейбы из училища, Шпенцеры сначала скрыли этот факт от его родителей, стараясь постепенно подготовить их к тяжелому удару и оправдать в их глазах поведение сына. Лейба оставался жить в их одесской квартире и приехал в Яновку лишь после начала обычных школьных каникул. Но, несмотря на «подготовку», мать Лейбы была так возмущена его поведением, что сначала отказывалась разговаривать с ним. Отец же отнесся к исключенному из школы более снисходительно. Троцкий считал, что «как он ни был огорчен, ему, очевидно, все-таки нравилась мысль, что его отпрыск, несмотря на звание первого ученика, дерзнул свистать высоким начальникам».

Видимо, этот случай укрепил привязанность Лейбы к Шпенцерам, вставшим на его защиту. Хотя формально воспитанием Лейбы занималась школа, нет сомнения в том, что его главными воспитателями в его школьные годы были Шпенцеры, являвшиеся типичными одесскими интеллигентами. Моисей Филиппович и его супруга не только приучили Лейбу к городским манерам и необходимости соблюдать режим дня, но и во многом повлияли на формирование его вкусов и взглядов. Хотя он полюбил чтение еще в Яновке, Троцкий замечал, что «в Одессе выбор книг был несравненно более широкий и было руководство, внимательное и доброжелательное… Чтение вслух по вечерам в первые годы моей жизни в Одессе составляло лучшие часы или, вернее получасы между концом домашних занятий и сном. Читал Моисей Филиппович обыкновенно Пушкина или Некрасова, чаще последнего», – вспоминал Троцкий.

Знакомство с русской классикой не ограничивалось прочтением книг. Среди знакомых Шпенцеров был Сергей Иванович Сычевский, знаток Шекспира, который однажды заставил Лейбу написать сочинение, сравнивая «Поэт и книгопродавец» Пушкина и «Поэт и гражданин» Некрасова. Сочинение тут же подверглось внимательному разбору.

Так же внимательно знакомили Лейбу и с западной литературой. Троцкий запомнил ответы Моисея Шпенцера на его пытливые вопросы по содержанию «Фауста» и «Оливера Твиста». Лейба читал и книги, которые Шпенцеры не разрешали ему читать, но которые он мог тайком взять в их богатой библиотеке. Так была прочитана запрещенная цензурой «Власть тьмы» Льва Толстого.

В доме Шпенцеров Лейба стал постоянным читателем газет. С особым удовольствием он прочитывал фельетоны Власа Дорошевича, которые постоянно публиковались в одесской печати.

Шпенцеры пристрастили Лейбу и к театру. Первый же спектакль «Назар Стодоля» произвел на него неизгладимое впечатление. Позже он «пристрастился к итальянской опере, которой очень гордилась Одесса. В шестом классе он стал давать платные уроки только для того, чтобы иметь деньги на театр».

«Любовь к слову», которую привила ему мать, Шпенцеры развили, и эта любовь, писал Троцкий, «сопровождала меня с ранних лет, то ослабевая, то нарастая, но несомненно укрепляясь. Писатели, журналисты, артисты оставались для меня самым привлекательным миром, в который доступ открыт только самым избранным». Под влиянием чтения Лейба

сам пытался писать. Еще до поступления в школу он писал стихи. Во втором классе он попытался создать литературный журнал «Капля» и его усилия были положительно оценены преподавателем литературы. Впечатления же от театра привели его к попытке поставить с приятелем «Скупого рыцаря».

Очевидно, что приобщение Лейбы к литературе принесло свои плоды. В своих статьях и выступлениях Троцкий не раз обращался к образам русской классики, особенно часто используя произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Помимо известных произведений классиков русской литературы, к которым было принято прибегать в политической риторике, Троцкий нередко использовал и не столь часто цитируемые литературные сочинения (например, пьесу А.Н. Островского «Василиса Мелентьева»). Что же касается ведущих критиков и публицистов России XIX века, то Троцкий не только перечислял их имена, но и давал развернутые оценки взглядов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Во время ссылки Троцкий написал немало очерков, посвященных различным писателям России и стран Запада. Эти и другие работы Троцкого свидетельствовали о его широком знании русской и зарубежной литературы.

В Троцком оставило свой след и возникшее еще в детстве увлечение – чтение фельетонов. Не случайно Бернард Шоу назвал Троцкого «королем фельетонистов».

Активное приобщение Лейбы к достижениям мировой, и прежде всего русской, культуры в семье Шпенцеров сопровождалось и формированием его общественно-политических взглядов. Троцкий характеризовал воззрения, господствовавшие в семье Шпенцеров, как «умеренно-либеральные на гуманитарной подкладке… тумано-социалистические симпатии,ароднически и толстовски окрашенные». Троцкий вспоминает: «На политические темы почти никогда не говорили, особенно при мне: возможно, что тут были прямые опасения, как бы я не сказал чего лишнего товарищам и как бы не накликать беды». И далее: «Среда, окружавшая меня, была аполитичной, …но безотчетные стремления мои были оппозиционными. Была глубокая неприязнь к существующему строю, к несправедливости, к произволу».

Объясняя причины появления у него оппозиционности в столь раннем возрасте и в «аполитичной среде», Троцкий писал, что она возникла от многих обстоятельств, в том числе «из гуманного духа в семье Шпенцера, из чтения стихов Некрасова и всяких других книг, изо всей вообще общественной атмосферы».

Нет сомнения в том, что, читая книги Лейбе или комментируя газетные заметки, прочтенные им, откликаясь на его рассказы о театральных спектаклях или событиях школьной жизни, Моисей Шпенцер и его супруга вольно или невольно прививали ему взгляды, принятые в их семье и типичные как для одесской, так и значительной части российской интеллигенции. К этому времени многие евреи порвали с изолированностью местечковой жизни и интегрировались в российское общество, принимая вкусы, взгляды и стиль поведения различных социальных классов и слоев. Этот процесс совершался так быстро и так явно, что Фридрих Энгельс в одном из своих писем Карлу Марксу писал о том, «как Россия умеет русифицировать немцев и евреев», иронично замечая, что «даже у евреев вырастают там славянские скулы».

Но если Бронштейны, интегрировавшиеся в слой российских землевладельцев и торговых людей, принимали привычки и ценностные ориентации русских помещиков и капиталистов, то умственный труд, который был основным занятием Шпенцеров, предопределил их место среди быстро растущей российской интеллигенции. Образ жизни и мысли, сложившиеся в местечках или торговых конторах, был неуместен в этой социальной прослойке. В центре внимания российских интеллигентов находились не состояние рынка на те или иные товары, а важнейшие вопросы мирового и российского общественного развития. Они должны были неплохо разбираться не в толковании древних религиозных книг, а в современных идейно-политических течениях. Они должны были быть в курсе последних достижений культуры Запада и России.

Порой такие требования были непосильны для людей, обремененных каждодневным

трудом по своей профессии и домашними заботами. Поэтому значительная часть российской интеллигенции всецело полагалась на мнения, высказанные ведущими специалистами в той или иной сфере общественных дел и культуры. По этой причине был так велик в России авторитет литературного критика или журналиста-обозревателя. (Впоследствии Троцкий немало преуспел на этом поприще.)

Литературные критики и авторы журнальных обзоров становились поводырями основной массы интеллигенции, навязывая ей свои вкусы и, главное, идейно-политическую ориентацию. Интеллигенция безоговорчно принимала эти оценки, проявляя крайнюю категоричность в их отстаивании. М.О. Гершензон не слишком преувеличивал, заметив: «Общественное мнение воспрещало зачитываться Фетом под страхом по крайней мере насмешки… В лице своих духовных вождей – критиков и публицистов она (интеллигенция. – *Прим. авт.)* творила партийный суд над свободной истиной творчества и выносила приговоры: Тютчеву – на невнимание, Фету – на посмеяние, Достоевского объявляла реакционным, Чехова индифферентным, и пр.». Знаменательно, что Троцкий, перечисливший немало фамилий своих любимых с детства писателей и поэтов, ни единым словом не упомянул имена, на которые, по оценке Гершензона, было наложено «табу» интеллигенции.

Слепое подчинение «общественному мнению», сформулированному в журналах и газетах, и физическая невозможность достаточно глубоко разобраться во многих вопросах, выходивших за круг компетентности специалистов умственного труда, нередко порождали их верхоглядство и вели к имитации всезнайства. Далеко не всякий российский интеллигент был способен, подобно великому ученому Ивану Павлову, признаться в своем невежестве в целом ряде вопросов, особенно тех, которые были далеки от круга его непосредственных занятий. Оказываясь в рядах российской интеллигенции, уроженцы местечек и воспитанники хедеров обнаруживали, что они присоединялись к социальному слою, для самосознания которого было характерно такое же преувеличенное представление о своем интеллектуальном и духовном превосходстве над окружающими, как и для ортодоксальных евреев.

Само понятие «интеллигенция» для обозначения лиц, профессионально занятых умственным трудом, было введено писателем П. Боборыкиным в 70-х годах XIX века. В «Толковом словаре» Владимира Даля, вышедшем в свет в 1881 году, давалось такое определение этому слову: «Разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». Это определение, предполагавшее, в частности, некоторое сомнение в «разумности» и «умственной развитости» остальной части «жителей», ко многому обязывало. Лица умственного труда составляли лишь 2,7% населения России. Многие из них воспринимали себя в качестве представителей нового самопровозглашенного сословия и единственной «умственно развитой силы», способной разумно устроить общество и играть ту же роль, которую играли руководители «третьего сословия» в годы французской революции. Многие интеллигенты подхватили народнические идеи о решающей роли «героя», который поведет за собой толпу. Эти идеи лишь усиливали самомнение интеллигенции о своем высоком историческом предназначении. В своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», написаной в 1895 году, Плеханов писал: «Как ни любит герой толпу, как ни полон он сочувствия к ее вековой нужде, к ее беспрерывным страданиям, – он не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что все дело в нем, в герое, между тем, как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится добрая, «критически мыслящая» единица». По мнению Плеханова, такие идеи были «основою страшного, можно сказать отвратительного самомнения «критически мыслящей» немецкой «интеллигенции» сороковых годов, а в настоящее время порождают «тот же недостаток и в интеллигенции России».

В то же время преувеличенные представления о своей роли в обществе и поверхностно воспринятые идеи об общественном развитии в интеллигентской среде часто не

выдерживали испытания временем. Следствием этого были постоянные идейные метания среди значительной части интеллигенции, внутренняя противоречивость их идейно-политических позиций. Представление о своем руководстве народом сочеталось с «поклонением народу», что, по оценке Н.А. Бердяева, являлось основным «моральным догматом большей части интеллигенции». Это «поклонение» заставляло многих интеллигентов заниматься просветительской и благотворительной работой, «идти в народ», поддерживать начинания, направленные на улучшение положения народа, и приветствовать те художественные и публицистические произведения, в которых обращалось внимание на острые проблемы подавляющего большинства населения страны.

Заслуги российской интеллигенции в привлечении внимания к положению большинства народа и усилия многих лиц умственного труда., по облегчению его участи были очевидны. Правда, зачастую «поклонение перед народом» превращалось в повторение стереотипизированных фраз людьми, которые не имели ясного представления о подлинной жизни народа. Это несоответствие между иконописным образом «народа» и реальностью высмеял Максим Горький в романе «Жизнь Клима Самгина»: «Чтобы легче было любить мужика, его вообразили существом исключительной духовной красоты, украсили венцом невинного страдальца, нимбом святого…» В интеллигентской семье Самгина мальчик с детства привык повторять стихи Некрасова, а поэтому, оказавшись на сельской ярмарке, он не узнал людей из народа, совершенно не похожих на сложившиеся у него представления. «Клима очень удивила огромная толпа празднично одетых баб и мужиков, удивило обилие полупьяных, очень веселых и добродушных людей. Стихами, которые отец заставлял его выучить и заставлял читать при гостях, Клим спросил дедушку: «А где же настоящий народ, который стонет по полям, по дорогам, по тюрьмам, по острогам, под телегой, ночуя в степи?» Старик засмеялся и сказал, махнув палкой на людей: «Вот это он и есть, дурачок!»

Постоянно читал Лейбе стихи Некрасова и Моисей Шпенцер. Их чтение, разборы его произведений, а также книг других авторов, которые писали о тяжкой доле народа, разговоры в семье Шпенцеров заставляли подростка по-иному взглянуть на положение тех, кто работал на его отца. Еще во время первого пребывания Моисея Шпенцера в Яновке Лейба стал свидетелем его реакции на наказание работника. «Когда приказчик отхлестал однажды длинным кнутом пастуха, который продержал до вечера лошадей у воды, Моня побледнел и сказал сквозь зубы: «Какая гадость!» И я чувствовал, что это гадость. Не знаю, почувствовал бы я это без него. Думаю, что да. Но во всяком случае он помог мне в этом, и уже это одно привязало меня к нему на всю жизнь чувством благодарности».

Возвращаясь в деревню на школьные каникулы, Лейба все чаще обращал внимание на примеры бедственного положения людей из народа. Теперь он замечал «босую женщину… мать полоумного подпаска Игнатки», которая пришла просить деньги у отца Лейбы. «Но дома никого нет и некому дать рубль. Она будет ждать до вечера».

Лейба обратил внимание и на то, как его отец забрал у мужик.) корову, которая забрела в хозяйское поле. «Отпустите, ради Бога, корову», – просил мужик и «клялся, что не пустит ее больше и хлеба. Отец отвечал: «Корова твоя съест на гривенник, а убытку сделает на десять рублей». Мужичок повторял свое, и в мольбе его звучала ненависть. Сцена эта потрясла меня всего, насквозь, до последних фибр в теле».

Впрочем, эти эпизоды не мешали Лейбе помогать отцу в исполнении хозяйских обязанностей. Троцкий вспоминал, что «во время каникул я бывал за счетовода, т. е. вперемежку со старшим братом и старшей сестрой записывал в книгу нанятых рабочих, условия найма и отдельные выдачи продуктами и деньгами… Обманов при расчете никогда не было, но условия договора истолковывались всегда жестко». Правда, Троцкий уверял, что он старался отстаивать интересы работников и «это раздражало отца».

Защита интересов народа связывалась в сознании интеллигенции не только с оказанием посильной помощи нуждающимся, но так же предполагала активную критику существующих порядков, которая перерастала в борьбу против существующего строя. Оппозиционность, которой пропитался Лейба Бронштейн в семье Шпенцеров, органично

соответствовала господствующим настроениям значительной части российской интеллигенции. В своей статье «Интеллигенция и революция», П.Б. Струве писал: «Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему».

Характеризуя воспитание молодежи в «общественной атмосфере» 90-х гг., М.О. Гершензон писал: «Юношу на пороге жизни встречало строгое общественное мнение и сразу указывало ему высокую, простую и ясную цель. Смысл жизни был заранее установлен общий для всех, без всяких индивидуальных различий… За всю грязь и неурядицу личной и общественной жизни вину несло самодержавие – личность признавалась безответственной».

Возможно, что легкость, с которой Лева подчинился этим новым установкам, объяснялась привитой с детства верой в необходимость беспрекословно соблюдать бесконечное количество правил и запретов. Теперь на смену заветам древней иудейской религии приходили правила и запреты захватывающей воображение веры самых просвещенных людей, которых он когда-либо знал.

Как и религиозная система мышления, вера многих российских интеллигентов исходила из непримиримой борьбы Добра (на стороне которого выступали они) и Зла (на стороне которого находились власть имущие). Говоря о склонности многих интеллигентов к упрощенному морализаторству, С.Л. Франк писал в статье «Этика нигилизма»: «Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые». Простота основных установок новой веры делала ее удобной для усвоения подростковым сознанием. Более того, в ту пору среди интеллигенции было распространено преклонение перед максимализмом молодежи. Это позволило С.Н. Булгакову в статье «Героизм и подвижничество» говорить о «духовной педократии» российского общества. Он писал об «уродливом» соотношении, «при котором оценки и мнения «учащейся молодежи» оказываются руководящими для старейших, перевертывает вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубно и для старших, и для младших».

Искусственное поддержание в этой среде «молодежного стиля» в мыслях, речах и поведении неизбежно способствовало созданию эмоционально взвинченной, постоянно раздраженной атмосферы. Скорее всего, М.О. Гершензон не сильно преувеличивал, описывая в своей статье «Творческое самосознание» душевное состояние большинства российской интеллигенции тех лет: «Наша интеллигенция на девять десятых поражена неврастенией; между нами почти нет здоровых людей – все желчные, угрюмые, беспокойные лица, искаженные какой-то тайной неудовлетворенностью; все недовольны, не то озлоблены, не то огорчены». Раздражительность и неуживчивость, склонность к перепадам настроения между экзальтированностью и приступами уныния и плаксивости, характерные для Лейбы Бронштейна, были в такой среде обычным явлением, а склонность к истеричности – нормой поведения.

В это время немало молодых евреев присоединялись к наиболее радикальным, революционным кругам российской интеллигенции. Солженицын приводит выдержку из книги И.О. Левина «Евреи в революции», в которой говорится: «Власти революционной стихии поддались не только низшие в социальном отношении слои еврейского населения в России», но это движение «не могло не охватить и значительных кадров полуинтеллигенции и интеллигенции в еврейском народе».

Действуя в соответствии с принципом, сформулированным С. Лурье, многие евреи-интеллигенты видели в российской интеллигенции силу, оппозиционную правительству, а потому присоединялись к ней. Вероятно, подобные взгляды прививались Лейбе в «аполитичном» доме Шпенцеров, но не напрямую, а исподволь вместе с комментариями произведений литературы. Свою лепту в политическое воспитание ребенка вносили и гости Шпенцеров. Лейба запомнил, как после чтения его сочинения о стихотворениях Пушкина и Некрасова С.И. Сычевский продекламировал стихотворение А.К.

Толстого «Сон Попова», полного злой иронии по адресу петербургских высших чиновников. Чтение же фельетонов Дорошевича, направленных против градоначальника Одессы контр-адмирала Зеленого и деятельности правоохранительных органов, вооружали мальчика дополнительными аргументами против властей.

Прочтя фельетоны Дорошевича, выслушав «неисчислимые анекдоты, которые одесситы передавали друг другу шепотом» о градоначальнике, Лейба не мог не воспринимать его иначе как в соответствии со сложившимся представлением. Поэтому ему было «вполне достаточно» увидеть Зеленого «только один раз, и то лишь со спины», чтобы запомнить его как грубияна и ругателя. Более того, воспоминание об этой короткой встрече с градоначальником Одессы служило Троцкому самым убедительным примером для оценки российских властей. Он писал: «Когда я хочу восстановить в памяти образ официальной России в годы моей ранней юности, я вижу спину градоначальника, его протянутый в пространство кулак и слышу хриплые ругательства, которые не принято печатать в словарях». Такой образ соответствовал расхожему представлению многих интеллигентов о российских властях, олицетворявших в их глазах грубую, дикую силу.

Позже Троцкий в таком же духе изображал и царя. Он утверждал, что для Николая II характерны «злость, животная мстительность», «ненасытная кровожадность», «ненависть к мысли человеческой», а сам монарх – это «дрянная фигура из мусорного ящика человечества», которая «становится единственной в своем роде по злодейству и преступности». Он именовал императора «коронованным главой православно-церковного насилия и барышничества».

Вероятно, в семье Шпенцеров и среди их друзей исподволь развивалась неприязнь к православным священникам и православной вере. Суждения, услышанные ребенком в доме, где он воспитывался, относительно священников, вероятно, способствовали тому, что Лейба выбирал из своих впечатлений те, что укладывались в шаблонные негативные представления о русском православном духовенстве, как о сословии святош, поведение которых не соответствует проповедуемым ими высоким моральным принципам. Из многих встреч с православными священниками в детстве Троцкий запомнил батюшку, который вместе с некоей барыней навещал Яновку и «вытащив из кармана полосатых брюк серебряный портсигар с монограммой, …закуривал папиросу и, ловко пуская кольца дыма, рассказывал, в отсутствие барыни, как она в романах читает одни только разговоры. Все улыбаются из вежливости, но воздерживаются от суждений, так как знают, что батюшка все передаст барыне, да еще и присочинит».

В схожем неприязненном духе был описан и священник, преподававший «Закон Божий» в училище Св. Павла. Троцкий характеризовал его так: «Поп, племянник архирея и, как говорили, любимец дам, был молодой блондин писанной красоты, под Христа, только вполне салонного, в золотых очках, при пышных золотистых волосах, вообще невыносимого благолепия. Когда его класс покидали иноверцы, священник, по словам Троцкого, «всегда делал особое лицо, глядя на выходящих с выражением презрения, чуть смягченного истинно христианской снисходительностью. «Вы куда?»– спрашивал он кого-нибудь из выходящих… «Мы – католики», – отвечал тот. «А, католики, – повторял он, покачивая головой, – так, так, так… А вы?»– «Мы– евреи…» «Еврейчики, еврейчики, так, так, так…» Троцкий писал, что он «остро ощущал… покачивание попика головой по поводу «еврейчиков». Национальное неравноправие послужило, вероятно, одним из подспудных толчков к недовольству существующим строем».

Если малозначительное свидетельство о покачивании священником головой при встрече с еврейскими детьми использовалось как бесспорное доказательство «национального неравноправия», то это означало, что в сознании мальчика прочно сформировались заведомо предвзятые и негативные представления о русской православной церкви. Характерно, что все раввины и преподаватели иудаизма, с которыми встречался Троцкий в детстве, были запечатлены в его автобиографии с большой симпатией. Отчужденное же отношение к христианской церкви, сложившееся еще на уроках в хедере, получало поддержку в

скептических и насмешливых настроениях многих русских интеллигентов относительно православной веры и священников.

Неприязненное отношение к духовной и светской власти органично перерастало в отвращение ко всей стране и идеализацию жизни за ее пределами. Эти настроения были широко распространены среди российской интеллигенции. В романе «Бесы», написанном за 6 лет до рождения Лейбы Бронштейна, Ф.М. Достоевский изобразил писателя Кармазинова, который «надменно усмехается над Россией, и ничего нет приятнее ему, как объявить банкротство России во всех отношениях перед великими умами Европы». В этом же романе он описал и «маниака», который выкрикивал в зал: «В Новгороде, напротив древней и бесполезной Софии – торжественно воздвигнут бронзовый колоссальный шар в память тысячелетию уже минувшего беспорядка и бестолковщины». Достоевский знал, что такие заявления встречали энергичную поддержку среди русской интеллигенции, а поэтому, описывая реакцию на речи Карамзинова и «маниака» общества провинциального русского города (а не собрания еврейских коммерсантов Одессы), он с горькой иронией замечал, что им «аплодировали чуть ли не половина залы; увлекались невиннейшие: бесчестилась Россия всенародно, публично, и разве можно было не реветь от восторга?» Очевидно, что Достоевский имел основания для изображения таких писателей и подобных «маниакальных» ораторов, а также восторженного восприятия интеллигентным обществом антипатриотических речей.

Если преклонение перед Западом было характерно для многих русских интеллигентов, то в космополитизированной Одессе, имевшей постоянные торговые связи с Западом, эти настроения были особенно сильны. Говоря о состоянии умов части одесской интеллигенции, Исаак Дейчер писал: «Одно чувство проявлялось очень явно: заветное стремление к Европе и ее цивилизации, к Западу вообще и его свободам. «Запад» был как видение земли обетованной – он давал компенсацию и утешение за жалкую и бедную реальность России. Для еврейской интеллигенции эта часть мира… оказывала особое очарование. Для большой части нееврейской интеллигенции Запад также был антитезисом всего, что они ненавидели дома: Священный Синод, цензура, кнут и каторга».

О популярности таких взглядов писал и Троцкий: «Параллельно с глухой враждой к политическому режиму России складывалась незаметным образом идеализация заграницы – Западной Европы и Америки. По отдельным замечаниям и обрывкам, дополненным воображением, создавалось представление о высокой, равномерной, всех без изъятия охватывающей культуре. Позже с этим связывалось представление об идеальной демократии». Троцкий признавал: «Эта идеализация, незаметно всосанная из окружающей мещански-либеральной среды, держалась и позже, когда я стал уже проникаться революционными взглядами».

Из этих слов может создаться впечатление, что Троцкий с годами избавился от «идеализации» Запада, но на деле это было не совсем так. Хотя логика идейно-политической борьбы, в которую оказался вовлечен Троцкий, превратила его в противника общественного строя западных стран, он не отказался от представлений о том, что Запад стоит в авангарде мирового развития и является примером для остального человечества. Критические же замечания Троцкого в адрес Запада в момент написания своей автобиографии были связаны с тем, что он был тогда расстроен тем, что ни одна из стран Западной Европы и Северной Америки не соглашалась предоставить ему политическое убежище. Говоря о том, что он некогда верил в западную демократию, Троцкий с раздражением писал: «Я бы, вероятно, очень удивился, если б мог услышать, – что германская республика, увенчанная социал-демократическим правительством, допускает монархистов, но отказывает революционерам в праве убежища».

Возможно, с годами Троцкий стал более критически относиться к Западу, но он сохранял верность обретенному еще в одесском детстве представлению о непроходимой культурной пропасти между «передовым Западом» и «отсталой Россией». Вскоре после написания своей автобиографии, Троцкий стал работать над книгой об истории Октябрьской

революции. В главе «Особенности развития России», написанной им в 1931 году, он выразил свои взгляды на Россию, которые сложились в его сознании еще во времена учебы в Одессе. С точки зрения Троцкого, неблагоприятное природное и международное окружение обусловило всестороннюю отсталость России: «Население гигантской и суровой равнины, открытой восточным ветрам и азиатским выходцам, было самой природой обречено на отставание… Основной, наиболее устойчивой чертой истории России является замедленный характер ее развития с вытекающими отсюда экономической отсталостью, примитивностью общественных форм, низким уровнем культуры».

Тотальная «отсталость» находила, по оценке Троцкого, проявления в самых различных сторонах российского общества. Троцкий писал о «недоношенности русского феодализма», отмечал «бесформенность классовых отношений», «скудность внутренней истории», «ленивый ум московитян». По словам Троцкого, «Восток дал» России «татарское иго, которое вошло важными элементами в строение русского государства». В результате «государство в России… приближалось к азиатской деспотии». Запад отчасти помог России освоить некоторые «материальные и идейные завоевания передовых стран», но это не изменило характера страны. «Скудность не только русского феодализма, но и всей русской истории, наиболее удручающее свое выражение находила в отсутствии настоящих средневековых городов, как ремесленно-торговых центров».

В последних строках этой книги Троцкий писал о том, что Россия смогла создать «лишь поверхностные подражания более высоких западных образцов». По его оценке, российская культура дала миру лишь «такие варварские понятия, как «царь», «погром» и «кнут». Казалось, что изучение в школе русской литературы, чтение русских поэтов в доме Шпенцеров, посещения русских спектаклей пригодились Лейбе Бронштейну лишь для успешной сдачи экзаменов. И хотя он мог к случаю процитировать русских писателей, он, очевидно, воспринимал их как примеры отсталой культуры.

Нет сомнения в том, что установки на «оппозиционность» к государственным властям, православной религии и всей России были прочно заложены в сознании Лейбы Бронштейна в годы его «окультуривания» в семье одесских интеллигентов. Заодно там он обрел навык отличать «правильные» взгляды от чуждых ему, «неправильных». Троцкий вспоминал, как это различие «сам для себя резко обнаружил в соприкосновении с двумя товарищами по классу: Родзевичем и Кологривовым». Оказавшись в семье Родзевича, отец которого был полковником, Троцкий, по его словам, «раза два натолкнулся на что-то чуждое и беспокоящее, даже враждебное: это когда вскользь коснулись религии или власти. Был в семье тон консервативного благочестия, который я почувствовал, как толчок в грудь».

Другой же одноклассник Лейбы, Кологривов, стал искренне возмущаться, когда тот «высказал какое-то критическое суждение не то о директоре, не то еще о ком-то». Для Троцкого было очевидно, что «мальчик повторял лишь то, что не раз, очевидно, слышал в своей крепостнической семье». Однако, как фактически признавал Троцкий, он сам повторял лишь то, что не раз слышал в семье Шпенцеров и круге его знакомых.

«Окультуривание» выходца из степного хутора в одесской интеллигентской среде было успешно завершено. Мальчик не только стал одним из первых учеников одесского реального училища, но вместе с фрондерскими идейно-политическими установками получил пропуск в круг «передовой интеллигенции». Как вспоминал Троцкий, в то время «я смутно верил в постепенное совершенствование, которое должно отсталую Россию приблизить к передовой Европе. Дальше этого мои политические идеи не шли».

Критика российских порядков и восприятие России как страны реакции и отсталости могла звучать в устах представителей самых разных идейных течений, которые распространялись среди российской интеллигенции. Как позже признавал Троцкий, «политические настроения мои в школе были смутно-оппозиционные. О революционных вопросах в школе при мне еще не было и речи… К первому большому перекрестку на своем пути я подошел политически малоподготовленным, даже для тогдашнего своего семнадцатилетнего возраста… Я метался».

НА ЖИЗНЕННОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Идейно-политической эволюции Лейбы Бронштейна способствовало изменение места жительства и учебы. Троцкий писал, что, поскольку реальное училище Святого Павла не предоставляло полного курса обучения, то для завершения учебы ему пришлось переехать в Николаев. Трудно понять, почему в некоронованной столице Черного моря не нашлось реального училища, в котором можно было пройти весь курс учебы. Возможно, что переезд был связан с тем, что Давид Бронштейн, к этому времени расширивший свою зерно-торговлю, имел свою контору именно в Николаеве.

Перемена места жительства резко повлияла на дальнейшую судьбу Лейбы Бронштейна. По словам Троцкого, «город был провинциальнее. Училище стояло на более низком уровне. Но год учения в Николаеве, 1896-й стал переломным годом моей юности, ибо поставил передо мной вопрос о моем месте в человеческом обществе».

В Николаеве его приятелями стали сыновья хозяина квартиры, заявившие Лейбе, что они – социалисты. Молодые люди уверенно излагали взгляды, резко отличавшиеся от привычных для бывшего одесского «реалиста». Вооруженный набором интеллигентских установок, Лейба считал себя «передовым» среди своих одесских знакомых. Однако оказалось, что в новом кругу знакомых его «смелые» оппозиционные заявления не считались достаточно «передовыми». Новые друзья Лейбы говорили о ликвидации частной собственности и эксплуататорских классов как о первейшем условии для построения общества социальной справедливости.

Что должен был испытывать 16-летний сын богатого землевладельца, воспитанник одесского книгоиздателя, столкнувшись с непримиримой критикой частной собственности, призывами к уничтожению класса капиталистов и товарно-денежных отношений? Ему было нелегко сделать выбор в пользу идей радикальных революционеров. Он был готов осуждать и высмеивать «отсталость» России, «дикость» ее порядков и нравов, но он не собирался нападать на тот строй, который представлялся ему экономической основой для процветания. Идеи его новых приятелей были вызовом тем ценностям, на которых он был воспитан в детстве.

Судя по всему, Лейба решил, что он, «первый ученик» в одесской школе и допущенный в круг одесской интеллигенции, сможет доказать николаевским провинциалам свою правоту, высмеяв несостоятельность социализма, а потому вступил с ними в спор. Как писал Троцкий, «на первых порах я давал в разговоре решительный отпор «социалистическим утопиям». Я разыгрывал из себя скептика, который через все это прошел. На политические вопросы я откликался не иначе, как тоном иронического превосходства. Хозяйка, у которой я жил, глядела на меня с удивлением и даже ставила меня в пример, правда, не совсем уверенно, своим собственным детям, которые были несколько старше меня и тянули влево. Но это была с моей стороны лишь неравная борьба за самостоятельность. Я пытался избежать личного влияния на меня тех молодых социалистов, с которыми меня столкнула судьба. Неравная борьба длилась всего несколько месяцев».

Через какое-то время новые друзья пригласили Лейбу Бронштейна на дискуссии молодежи по политическим вопросам, которые проходили в саду, который арендовал Франц Швиговский, чех по национальности. Садовод выписывал немецкие газеты, имел хорошую библиотеку и хорошо разбирался в литературе. По словам Троцкого, «через Швиговского можно было достать запрещенную книгу». Швиговский поощрял визиты в свой сад молодых людей, а порой и сам участвовал в их дискуссиях. Потом оказалось, что наемные рабочие Швиговского доносили в полицию о дискуссиях в саду и передавали жандармам некоторые образцы литературы, которую читала молодежь. Самого арендатора власти по каким-то причинам не беспокоили.

В небольшой избушке в саду Швиговского собиралась не только учащаяся молодежь. Приходили, по словам Троцкого, и «бывшие ссыльные, находившиеся под надзором

полиции. Это были второстепенные фигуры периода упадка народнического движения». Среди участников дискуссий преобладали народники. Однако постоянная участница дискуссии – Александра Соколовская выступала с марксистских позиций.

Подобные дискуссии в конце XIX века были обычным явлением среди молодой интеллигенции. Кризис народничества и растущая популярность марксистских идей заставляли многих бывших народников пересматривать свои взгляды. Все организаторы созданной в 1883 году в эмиграции первой российской группы марксистов «Освобождение труда» (Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.Н. Игнатов) были бывшими народниками с большим опытом революционной работы, давно известными не только в революционной среде. Георгий Валентинович Плеханов стал широко известен после своего выступления на первом политическом митинге в декабре 1876 года у Казанского собора в Петербурге. Впоследствии он стал создателем революционной народнической организации «Черный передел». В 1878 году прославилась на всю Россию своим выстрелом в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова Вера Ивановна Засулич. В том же году совершил дерзкий побег из Киевской тюрьмы прославленный агитатор-народник Лев Григорьевич Дейч. С середины 70-х гг. читатели революционной литературы знали статьи Павла Борисовича Аксельрода, который публиковался в бакунинском журнале «Община». Своим активным участием в «хождениях в народ» обрел свою репутацию и активный член народнической организации «Земля и воля» Василий Николаевич Игнатьев. Таким образом все они вступили в активную революционную борьбу еще до рождения Лейбы Бронштейна.

С начала 80-х годов они официально объявили о разрыве с народничеством и вели активную полемику против своих бывших единомышленников, отстаивая идеи Маркса – Энгельса и представляя Россию в созданном в 1889 году II Интернационале социалистических партий. Члены группы «Освобождение труда» стремились распространять марксистские идеи в России и для этого создали «Библиотеку современного социализма», в которой издавались переводы трудов Маркса, Энгельса, их учеников. Там же публиковались и труды членов группы, прежде всего Плеханова. Однако группе не хватало средств. Один из первых переводов в 20 рублей группа получила в 1887 году от одесских рабочих, которых тепло благодарил Плеханов. Пропаганда марксизма Плехановым и его сторонниками достигала России и приносила свои плоды.

В конце 80-х годов группа петербургских студентов из Технологического, Лесного и Горного институтов, а также из университета создала первый марксистский кружок в столице империи, во главе которого встал М.И. Бруснев. В работе этого кружка принимали участие и такие известные впоследствии большевики, как Л.Б. Красин, Г.М. Кржижановский, Н.К. Крупская.

В 1891 году В.И. Ульянов (Ленин), сдавая экстерном экзамены за университетский курс в Петербурге, познакомился с преподавателем Технологического института Л.Ю. Явейном, лично знакомым с Энгельсом и Либкнехтом. Явейн достал Володе Ульянову марксистскую литературу. Вскоре в 1892 году Ульянов создал в Самаре марксистский кружок, а после своего переезда в Петербург в 1893 году он принял участие в марксистских кружках, созданных после ареста большинства членов группы Бруснева. В ноябре 1895 года под руководством Ленина был создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Среди его членов были Н.К.Крупская, Г.М. Кржижановский, Ю.О. Мартов, М.И. Калинин.

В 1892 году в Тифлисе была создана марксистская группа, получившая через два года название «Месаме даси». Впоследствии в деятельности этой группы приняли участие и сосланные из Петербурга русские революционеры, в том числе М.И. Калинин. С 1898 года в этой группе стал активно работать Иосиф Джугашвили.

В это время подобные марксистские группы создавались по всей империи: в Казани, Нижнем Новгороде, Иваново-Вознесенске, Варшаве, Вильно. В этих организациях евреи принимали самое активное участие.

А.И. Солженицын приводит из сборника «Евреи в революции» высказывание В.С.

Манделя, который так объяснял тягу евреев к марксизму: «Русский марксизм в чистом его виде, списанный с немецкого, никогда не был русско-национальным движением, и революционно настроенной части русского еврейства, для которой воспринять социалистическое учение по немецким книжкам не составляло никакого труда, естественно было принять значительное участие при пересадке этого иностранного фрукта на русскую почву». Из этих высказываний Солженицын делал неверный вывод, что «марксистское движение в России и началось с еврейской молодежи в черте оседлости».

На деле марксистское движение началось в столице империи, а признанным лидером российского марксизма был русский Плеханов. Среди руководителей марксистских кружков преобладали русские. По подсчетам советского историка М.Н. Покровского, евреи составляли «от 1/4 до 1/3 организаторского слоя всех революционных партий». Примерно такое же соотношение наблюдалось и в руководстве марксистских организаций.

Значительная часть евреев-марксистов не считала нужным вступать в общероссийские марксистские кружки. В сентябре 1897 года в Вильно на съезде еврейских социал-демократов Вильно, Минска, Варшавы, Витебска и Белостока был создан «Всеобщий еврейский рабочий союз в России», известный затем как «Бунд». В отличие от других социал-демократических организаций, «Бунд» строился не по территориальному принципу, а по национальному. В центральном органе Бунда «Арбейтер Штимме» говорилось, что «защита специальных еврейских интересов не под силу никакой общерусской партийной организации».

Так как численность евреев-рабочих не была велика, то организаторы Бунда объявили, что еврейским пролетариатом являются не только промышленные рабочие, но также ремесленники, мелкие торговцы и даже торговые посредники. При этом руководство Бунда объявило, что «евреи – лучшие пролетарии в мире». Хотя Бунд исповедовал идею классовой борьбы, он, по сведениям Солженицына, «стал получать крупную денежную помощь от состоятельных еврейских кругов из-за границы». В дальнейшем Бунд добился вступления в РСДРП на правах автономной организации, хотя его самостийность вызывала решительное осуждение руководителя партии Плеханова.

На юге России большинство евреев вступали в марксистские кружки, не разделенные по национальному признаку. В середине 90-х гг. марксистские кружки были созданы и на юге России: в Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Одессе. Их организаторами были революционеры, имевшие опыт борьбы в рядах народнического движения.

До своего вступления в кружок Швиговского Лейба Бронштейн не имел ясного представления ни о марксистах, ни о народниках. Дейчер замечал: «Он очень мало знал и о той, и о другой доктрине. Он только что взял взаймы у Швиговского несколько устаревших брошюр, которые читал впервые, и некоторые подшивки радикальных изданий, нервно просмотрел их, с нетерпением стараясь с ходу понять суть их аргументов».

Судя по воспоминаниям Троцкого, он стремился как можно быстрее найти в книгах исчерпывающие ответы на те сложные вопросы, с которыми он столкнулся в кругу новых друзей. По словам Троцкого, он «набрасывался на книги в страхе, что всей жизни не хватит на подготовку к действию. Чтение было нервное, нетерпеливое. От нелегальных брошюрок предшествующей эпохи я переходил к «Логике» Джона Стюарта Милля, потом садился за «Первобытную культуру» Липперта, не дочитав «Логики» и до половины… Не покончив с Липпертом, я перебрасывался на «Историю французской революции» Минье». В выбранных им книгах преобладали произведения западных авторов.

Идеализируя Запад, подобно многим представителям молодой российской интеллигенции, Лейба Бронштейн проявлял распространенное в этой среде некритическое и зачастую поверхностное отношение к самым различным общественно-политическим идеям, пришедшим с Запада. С.Н. Булгаков утверждал: «Наша интеллигенция в своем западничестве не пошла дальше внешнего усвоения новейших политических и социальных идей Запада, причем приняла их в связи с наиболее крайними и резкими формами

философии просветительства».

По словам Дейчера, «на какое-то время Бронштейн с гордостью провозгласил себя бентамистом». Троцкий вспоминал: «Утилитаризм Бентама казался мне последним словом человеческой мысли. В течение нескольких месяцев я чувствовал себя несокрушимым бентамистом».

Выбор Бронштейном И. Бентама в качестве своего идейного наставника был естествен для выходца из буржуазной среды. Еще в начале XIX века Иеремия Бентам видел свой общественный идеал в капиталистическом строе Англии и объявлял «разумным человеком» английского предпринимателя. Философ считал, что капитализму предшествовал век невежества и заблуждений и лишь буржуазный строй является «естественным». Бентам был апологетом эволюционного развития капиталистического общества, считая, что личное преуспевание наиболее активных представителей буржуазии постепенно приведет к достижению «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов».

Автор «Деонтологии, или Науки о морали», без сомнения, нашел бы ныне немало восторженных поклонников в нашей стране, убежденных, как и И. Бентам, что капитализм – яркое воплощение идей свободы и равенства, строй, который автоматически приведет ко всеобщему процветанию и духовному расцвету человечества. Однако в кружке юных социалистов учение Бентама, как справедливо отмечал И. Дейчер, «плохо… подходило для любого революционера, народник ли он или марксист». Бронштейн и не подозревал, что в первом томе «Капитала» Карл Маркс подверг учение Бентама основательной и уничтожающей критике, назвав его «гением буржуазной глупости». Но в ту пору Бронштейн, как писал Дейчер, «о самом Марксе и меньших величинах марксистской школы не имел даже малейшего понятия». В письме Невскому Троцкий писал: «В 1896—1897 годах я был противником Маркса (которого не читал)».

Из автобиографии Троцкого, а также из его биографий, написанных другими авторами, следует, что, в отличие от ряда будущих видных деятелей российской социал-демократии (например, от Сталина, жизнь которого изучал внимательно Дейчер), Троцкий не занимался в каких-либо марксистских кружках и не утруждал себя в юности изучением трудов основоположника коммунистической теории. Лишь оказавшись в ссылке, Лев Бронштейн взялся за «Капитал», но, видимо, так и не завершил изучения этой книги, а поэтому, оказавшись в эмиграции, он, по утверждению Дейчера, очень боялся, что Ленин и другие лидеры «Искры» будут экзаменовать его по основам марксизма.

Однако незнание предмета компенсировалось обретенным еще в школе умением вести острые споры, а потому Бронштейн с «безжалостным сарказмом» обрушивался на теории Маркса и их сторонницу А. Соколовскую, которая значительно лучше знала марксизм и была старше своего оппонента на несколько лет. Ученик реального училища смело объявил, что «марксизм – узок и сух, как пыль, и оскорбляет человека, которого изображает пленником экономических и социальных обстоятельств».

И хотя под видом анализа чужих аргументов юный бентамист доводил их до абсурда, эмоционально приукрашивая защищаемую им точку зрения, он, по словам одного из участников кружка Швиговского Г.А. Зива, «благодаря своим выдающимся способностям и таланту привлекал внимание всех посетителей Франца». У него «как у всех людей с развитым интеллектом, с быстрой мыслительной реакцией был прекрасный дар блефа. Он так быстро мог ухватить направление мысли противника со всеми… ее выводами, что было очень трудно победить его в споре, обладая лишь знанием предмета».

Однако как ни упорно боролся Лейба Бронштейн с марксизмом занятая им позиция обрекала его в кружке Швиговского на роль отсталого консерватора. Страх же выглядеть отсталым и, стало быть, смешным, обычный почти для каждого человека, был особенно силен в самолюбивом и болезненном юноше, который с таким трудом завоевал право считаться передовым в кругу своих знакомых в Одессе. Сейчас он оказался в чужой среде, которая с нетерпимостью, характерной для юных социалистов конца XIX века, зло и обидно атаковала все, что Бронштейн считал неоспоримым.

В то же время, когда в Николаев по своим делам приезжал его отец, Лейба шокировал его своими радикальными речами. Как вспоминал Троцкий, «тем временем отношения с родными ухудшились». Его отец «чувствовал, что надвигается опасность, но надеялся еще отвратить ее силою отцовского авторитета. У нас было несколько бурных объяснений. Я непримиримо боролся за свою самостоятельность, за право выбора пути. Кончилось тем, что я отказался от материальной помощи семьи, покинул свою ученическую квартиру и поселился вместе со Швиговским, который к этому времени арендовал другой сад с более обширной избою».

Дейчер писал, что «старый Бронштейн иногда приезжал из Яновки, чтобы повидать Лейбу, полагая, что тот, устав от лишений и неудобств, изменится. Однако это не происходило. Один из жильцов Швиговского, который потом стал известным редактором коммунистических изданий, вспоминал «большого, усатого земледельца, который пришел в избу рано утром… Стоя надо мной, он громким басом крикнул: «А ты тоже убежал от своего отца?» Скандальные сцены завершались частичными примирениями. Отец, видя крушение своих надежд, становился все более раздражительным и нетерпеливым. Сын, который желал первенствововать над своими товарищами, стыдился этих сцен, а поэтому отвечал неуважительно и язвительно. И с той и с другой стороны сошлись схожие характеры, такая же гордыня, такое же упрямство, такая же уверенность в своей правоте, те же громовые басы».

Ссора с семьей, случившаяся в 1896 году, стала переломным событием в жизни Лейбы Бронштейна, определившим его дальнейшую судьбу. Хотя он еще не приступил к революционной деятельности и был далек от принятия марксизма или других революционных идей, его новый образ жизни знаменовал разрыв с традиционной жизнью буржуазного предпринимателя, которой следовали его отец и многие поколения его предков. В новом доме в саду Швиговского Бронштейн и его друзья «жили «коммуной»… Я стал давать уроки. Мы жили спартанцами, без постельного белья, и питались похлебками, которые сами готовили. Мы носили синие блузы, круглые соломенные шляпы и черные палки. В городе считали, что мы примкнули к таинственной секте. Мы беспорядочно читали, неистово спорили, страстно заглядывали в будущее и были по-своему счастливы».

В своем письме В.И. Невскому Троцкий впоследствии писал, что участники дискуссий «создали кружок распространения полезной литературы – «Рассадник». В автобиографии он признал, что члены кружка «собирали денежные взносы, покупали дешевые издания, но не умели их распространять». Наемный работник Швиговского «стащил у нас большую пачку народных книг и снес ее в жандармское управление. Начало было явно неудачно. Но мы твердо надеялись на успехи в будущем».

В это же время Лейба впервые решил опубликоваться в печати. Он «написал для народнического издания в Одессе политическую статью против первого марксистского журнала». Как признавал Троцкий, «в статье было много эпиграфов, цитат и яду. Содержания в ней было значительно меньше. Я послал статью по почте, а через неделю сам поехал за ответом. Редактор через большие очки с симпатией глядел на автора, у которого вздымалась огромная копна волос на голове, при отсутствии хотя бы намека на растительность на лице. Статья не увидела света. Никто от этого не пострадал, меньше всего я сам».

Неприязнь к марксизму заставила Лейбу временно покинуть коммуну. В это время он вместе со старшим братом Соколовской решил написать пьесу, в которой высмеивался марксизм. Чтобы им никто не мешал в работе над пьесой, вспоминал Троцкий, «мы даже вышли из коммуны и укрылись в отдельной комнате, никому не сообщая адреса… Романтический элемент нашел выражение в том, что разбитый жизнью революционер старшего поколения влюбляется в марксистку, но она отчитывает его немилосердной речью о крушении народничества». Хотя первое действие пьесы было написано, она так и не была завершена.

Эти занятия мешали учебе, но Лейба сумел с отличием закончить школу летом 1896

года. Лишь осенью 1896 года он решил навестить родных в Яновке. По словам Троцкого, «дело ограничилось коротким перемирием с семьей. Отец хотел, чтобы я стал инженером. А я колебался между чистой математикой, к которой чувствовал тяготение, и революцией, которая постепенно овладевала мною. Каждое прикосновение к этому вопросу приводило к острому кризису в семье. Все были мрачны, все страдали, старшая сестра потихоньку плакала, и никто не знал, что предпринять».

На помощь пришел дядя Лейбы, «инженер и владелец завода» который уговорил подростка пожить у него в Одессе. По словам Троцкого, он «прожил у дяди несколько недель. Мы спорили о при были и прибавочной стоимости. Мой дядя был сильнее в присвоении прибыли, чем в объяснении ее».

Хотя И. Дейчер, ссылаясь на М. Истмена, утверждал, что Троцкий начал заниматься в Одесском университете и в ходе этих занятий у него открылись немалые математические способности, сам Троцкий так описывал свою жизнь после возвращения из Яновки осенью 1896 года: «Поступление на математический факультет оттягивалось. Я жил в Одессе и искал. Чего? Главным образом, себя. Я заводил случайные знакомства с рабочими, доставал нелегальную литературу, давал уроки, читал тайные лекции ученикам ремесленного училища, вел споры с марксистами, все еще пытаясь не сдаваться. С последним осенним пароходом я уехал в Николаев и снова поселился со Швиговским в саду. Возобновилось старое. Мы обсуждали последние книжки радикальных журналов, неопределенно готовились и ждали». Если Бронштейн и числился студентом Одесского университета, то он был таковым лишь формально, так как вместо пребывания в Одессе он почти все время находился в Николаеве, участвуя в деятельности кружка Швиговского.

Бронштейн не прекращал атаковать марксизм, но, подобно герою своей недописанной пьесы, влюбился в марксистку Соколовскую, сестру своего соавтора. Свои идейно-политические искания он сочетал с заигрыванием с Соколовской. Когда в последний день 1896 года друзья собрались у Швиговского для встречи Нового года, 17-летний Бронштейн объявил, что он стал марксистом. Соколовская была в восторге, но новогодний вечер для нее был испорчен тостом Бронштейна, когда он проклял всех марксистов, которые вносят «сухость и тяжесть во все сферы жизни». В слезах девушка покинула вечеринку, заявив, что больше никогда не подаст руки Бронштейну. (Правда, через три с половиной года Соколовская стала его женой.)

Но события заставляли Бронштейна и членов его кружка задуматься о возможности применить на практике революционные идеи, о которых они до сих пор лишь бурно разглагольствовали. Активизации кружка, по словам Троцкого, способствовали волнения среди российского студенчества. Он утверждал, что непосредственным толчком к ним послужило самосожжение курсистки Ветровой в Петропавловской крепости в феврале 1897 года. Как писал Троцкий, «эта трагедия, так и оставшаяся невыясненной до конца, всполошила всех. В университетских городах происходили волнения… К революционной работе я приступил под аккомпанемент «ветровских» демонстраций».

Эту версию поддерживал и Дейчер. Он писал, что под влиянием студенческих волнений «Бронштейн и его друзья почувствовали, что настало время переходить от слов к делу». Дейчер приводил слова Зива: «Бронштейн… неожиданно отозвал меня в сторонку и предложил мне по секрету, чтобы я присоединился к рабочей организации, созданной им самим… Идея народников, сказал Бронштейн, отброшена. Планируется создать социал-демократическую организацию, хотя Бронштейн избегал использовать это слово… Предложено назвать ее «Южно-русский рабочий союз»… Когда я присоединился к организации, все уже было налажено. Бронштейн уже установил связи с рабочими, а также с революционными кругами в Одессе, Екатеринославе и других городах».

Если верить Зиву, то Бронштейн сильно преувеличивал собственную роль в организации «Южно-русского рабочего союза», который был создан весной 1897 года. Известно, что помимо Бронштейна ведущую роль в его руководстве играли А.Л. Соколовская, ее братья, Г.Л. и И.Л. Соколовские, Р.С. Короткое, И.А. Мухин, Г.В. Лейкин,

А.С. Бабенко. Хотя среди членов новой организации преобладали молодые люди, подавляющее большинство из них были старше Левы Бронштейна.

Возможно, что, став членом тайной организации, Лейба постарался убедить А. Зива в том, что он являтся ее создателем и в его руках нити, связывающие ее с другими революционными центрами. Хотя в своей автобиографии Троцкий не повторял этой версии, он все же написал, что лично составил устав организации в «социал-демократическом духе».

В эти же годы в России происходил бурный рост организаций социал-демократического направления. Как отмечалось в многотомной «Истории КПСС», «марксистские кружки создавались в Одессе, Екатеринославе, Харькове, Ростове-на-Дону, Николаеве и в других городах юга страны. Организаторами их, как правило, были революционеры из интеллигентской среды». Знаменательно, что когда в 1897 году встал вопрос о подготовке I съезда Российской социал-демократической рабочей партии, николаевский союз, а также одесская и «молодая» петербургская социал-демократическая группы не были допущены на съезд «как не вполне устойчивые и недостаточно конспиративные».

Для такого суждения были веские основания. Из рассказов Троцкого следует, что многие члены «Южно-русского рабочего союза», включая его самого, были еще далеки от идей социал-демократии и марксизма. Значительную часть новых членов составили рабочие, бывшие членами различных религиозных сект. Как писал Троцкий, «некоторые называли себя баптистами, штундистами, евангельскими христианами… В первые недели наших бесед некоторые из них еще употребляли сектантские обороты и прибегали к сравнениям с эпохой первых христиан». Вероятно, среди этих людей, выступавших против православия, члены «Союза» рассчитывали распространить их оппозиционность и на другие стороны российской жизни.

Однако юные энтузиасты не были готовы для ведения пропаганды среди рабочих. Об этом свидетельствовало пробное пропагандистское выступление Бронштейна среди своих товарищей. Как вспоминал А. Зив, Лев Бронштейн «цитировал Гумпловица и Джона Стюарта Милля и в конце концов совершенно запутался. Его фразы становились все более трескучими и невразумительными. Аудитория, искренне сочувствовавшая оратору, не знала, как ему помочь завершить его речь. Когда же он, наконец, замолк и попросил задавать ему вопросы по обсуждавшейся теме, то все молчали, так как не знали, что же это была за тема. Оратор прошествовал через комнату и бросился на диван, уткнувшись лицом в подушку. Он был покрыт потом, а его спина тряслась от беззвучных рыданий. Мы все от души жалели его».

Бронштейну пришлось много учиться, прежде чем он стал кумиром массовых аудиторий. Эта учеба началась в Николаеве. Свои первые уроки он получил от рабочего И.А. Мухина, который был старше Лейбы на 10лет и, по словам последнего, казался ему стариком.

Объясняя Бронштейну свой метод пропаганды среди сектантов, Мухин говорил: «Евангелие для меня в этом деле, как крючок. Я с религии начинаю, а перевожу на жизнь. Я штундистам на днях на фасолях всю правду раскрыл». – «Как на фасолях?» – «Очень просто: кладу зерно на стол – вот это царь, кругом еще обкладываю зерна: это министры, архиереи, генералы, дальше – дворянство, купечество, а вот эти фасоли кучей – простой народ. Теперь спрашиваю: где царь? Он показывает в середку. Где министры? Показывает кругом. Как я ему сказал, так он мне и говорит. Ну теперь постой… Тут я, значит, рукой все фасоли и перемешал. А ну-ка покажи, где царь? Где министры? Да кто ж его, говорит, теперь узнает? Теперь его не найдешь… Вот то-то, говорю, и есть, что не найдешь, вот так, говорю, и надо все фасоли перемешать».

Этот рассказ Мухина потряс Бронштейна. По его словам, он «даже вспотел от восторга… Вот это настоящее, а мы мудрили, да гадали, да дожидались». С одной стороны, Бронштейн понял, что изложение плохо переваренных им работ Гумпловица и Милля не будут поняты рабочими. Для пропаганды надо использовать самые простые и понятные

слова и образы. С другой стороны, для него стало очевидно, что внимание надо уделять не изучению теории прибавочной стоимости, а самыми немудрящими приемами внедрять в сознание рабочих мысль о том, что главное – это «перемешать» Россию.

Изучение же марксистских работ или опыта мирового социал-демократического движения было сведено к минимуму. По словам Троцкого, «не хватало литературы. Руководители рвали друг у друга из рук один-единственный заношенный рукописный экземпляр «Коммунистического манифеста» Маркса – Энгельса, списанный разными почерками в Одессе, с многочисленными пропусками и искажениями». А поэтому руководители кружка «сами начали создавать литературу».

При участии Бронштейна был налажен выпуск на гектографе листовок (таких было выпущено 10) и газеты «Наше дело» (было издано три номера). По словам Троцкого, «это и было собственно началом моей литературной работы. Оно почти совпало с началом революционной работы». Лев писал прокламации или статьи, а затем переписывал их печатными буквами для гектографа. Это была нелегкая работа, и каждая страница требовала не менее двух часов напряженного труда. Однако, как писал Троцкий, «зато какое чувство удовлетворения доставляли сведения с заводов и с цехов о том, что рабочие жадно читали, передавали друг другу и горячо обсуждали таинственные листки с лиловыми буквами. Они воображали себе автора листков могущественной и таинственной фигурой, которая проникает во все заводы, знает, что происходит в цехах, и через 24 часа уже отвечает на события свежими листками».

Не известно, действительно ли таким представляли себе николаевские рабочие автора листовок, но не исключено, что Лейба хотел, чтобы его таким представляли и чтобы он на самом деле был таким. Его коллега по кружку Зив утверждал, что героем Бронштейна в эти месяцы стал Фердинанд Лассаль. Дейчер писал: «То, что на юного Бронштейна оказал такое сильное впечатление Лассаль, вызвано несомненным сходством между ними. Лассаль тоже был сыном в богатой еврейской семье и вышел из рядов своего класса, чтобы бороться за эмансипацию рабочих. Он был одним из величайших ораторов и одной из наиболее ярких и романтичных фигур своего века». Вероятно, Троцкому были близки и идеи Лассаля, который исходил из возможности социалистической революции лишь, когда пролетариат составит большинство населения. Поэтому Лассаль считал необходимым постепенную борьбу за улучшение положения рабочих без ликвидации капиталистического строя.

Как известно, Лассалю было 38 лет, когда он возглавил первую рабочую партию Германии – Всеобщий германский рабочий союз. Вероятно, Бронштей рассчитывал, достигнув возраста Лассаля (это должно было произойти 25 октября (7 ноября) 1917 года), сравняться своими делами с выдающимся германским революционером. Бронштейн «говорил о своем герое с восторженным восхищением; давал клятву следовать ему во всем; и если верить Зиву, то он хвастал, что он станет русским Лассалем. Молодой человек не был отягощен скромностью фальшивой или реальной».

Руководителям «Южно-русского рабочего союза» еще далеко было до уровня лидера «Всеобщего германского рабочего союза». Несмотря на громкое название, союз объединял не более 300 рабочих, но самоуверенный и честолюбивый подражатель Лассалю вряд ли сомневался, что скоро об их организации станет широко известно. Успех организации юноша связывал в значительной степени с личным успехом.

А. Зив писал: «Быть всюду и всегда первым, – это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна; остальные стороны его психики были только служебными надстройками и пристройками». По словам Зива, участие в подпольной деятельности было для Лейбы Бронштейна мощным источником самоутверждения. «Революция властвовала над его «Эго». Вместе с тем Зив утверждал, что «Эго» Бронштейна властвовало над его поведением… Он любил рабочих, любил своих товарищей… потому, что в них он любил самого себя».

Правильно ли изображал Зив много лет спустя тогдашнее душевное состояние Бронштейна? Нам не дано знать, что на самом деле происходило в сознании выпускника

реального училища. Однако ясно, что переход от школьных занятий и домашней жизни к революционной деятельности был слишком быстрым, чтобы считать его следствием зрелого и глубоко осознанного решения. Автор антиправительственных прокламаций совсем еще недавно сочинял с таким же пылом домашний журнал в Яновке и журнал «Капля» в училище Святого Павла. Еще год назад он отчаянно старался переспорить врагов своего класса, пару месяцев назад его интерес к марксизму лишь помогал ему бороться за лидерство среди своих друзей и одновременно ухаживать за понравившейся ему девушкой. Он по-прежнему толком не был знаком с работами марксистов, идеи которых он то оспаривал в язвительной статье и незаконченной пьесе, то собирался пропагандировать среди рабочих.

Судя по его рассказам, Бронштейн с энтузиазмом воспринял еще одну сторону революционной деятельности – необходимость соблюдения секретности. Даже много лет спустя он с нескрываемым восторгом описывал тайные встречи, происходившие то в шумном трактире «Россия» под оглушительную музыку «машины», то лунной ночью на кладбище. Бронштейн придумал себе псевдоним «Львов», и этой фамилией он представлялся при знакомстве с новыми членами «Союза». Вероятно, все это тешило его романтическое воображение.

Но он должен был понимать, что приготовление листовок и газет и распространение их среди рабочих– это не подготовка «кошачьего концерта» в школе. Рассказы журналистов Одессы в доме Шпенцеров могли убедить его в том, что платой за такие «игры» является суровое наказание, не сравнимое с его временным отчислением из школы. Что же определяло его поступки: подростковое легкомыслие или предпосылки к формированию зрелого революционера? Нет сомнения в том, что какова бы ни была доля «игрового» начала в действиях Бронштейна, он проявлял известную смелость, вставая в ряды врагов режима.

Но не только Бронштейн, а и его более зрелые коллеги по «Союзу» проявили немалое легкомыслие в своей подпольной деятельности, вопиющим образом пренебрегая правилами конспирации. Сомнения организаторов I съезда РСДРП в отношении способности николаевского союза вести подпольную работу были не напрасными. Почти сразу после начала распространения прокламаций члены «Союза» попали под наблюдение жандармерии. Их не арестовывали просто потому, что, по словам Троцкого, «полиция медлила, не веря, что «мальчишки из сада» способны вести такую кампанию, и предполагая, что за нашей спиной стоят более опытные руководители. Они подозревали, по-видимому, старых ссыльных. Это дало нам два-три лишних месяца. Но в конце концов слежка за нами приняла слишком явный характер, и жандармы узнавали неизбежно один кружок за другим».

ПЕРЕКОВКА ПОД ТЮРЕМНЫМ ПРЕССОМ

Как только полиция завершила сбор сведений о деятельности «Южно-русского рабочего союза», 28 января 1898 года в Николаеве было арестовано около 200 членов этой организации. В этот день Бронштейн находился за городом, в имении крупного помещика Соковника, где в это время работал Швиговский. Здесь он и был арестован, а затем помещен в тюрьму города Николаева. Зима на юге Украины не слишком сурова, но в тюрьме было холодно. Отопление камеры было рассчитано на пребывание в ней 30 человек, но там находилось лишь двое – Бронштейн и другой член «Союза» печатник Явич. На ночь им давали соломенный матрац, но в 6 часов утра его забирали. Каждый день арестанты мучительно пытались согреться, то бегая из угла в угол, то сидя плечом к плечу около чуть теплой печи.

Через три недели Бронштейна перевели в херсонскую тюрьму. Здесь было теплее, но в своих воспоминаниях Троцкий жаловался на убогость питания (кусок хлеба утром и похлебка днем) и антисанитарные условия («у меня не было смены белья. Три месяца я носил одну и ту же пару. У меня не было мыла. Тюремные паразиты ели меня заживо»). Главной же особенностью его заключения здесь было пребывание в одиночной камере. Как замечал Троцкий, «изоляция была абсолютная, какой я позже не знал нигде и никогда хотя

побывал в двух десятках тюрем». После херсонской тюрьмы Троцкий был переведен в новую одесскую тюрьму и вновь посажен в одиночку.

В своих воспоминаниях Троцкий умолчал о том, как он воспринял неожиданный арест, разгром всей организации, внезапное прекращение вольной жизни. Скорее всего, это было огромным потрясением для впечатлительного, болезненного и честолюбивого юноши. Планы Бронштейна стать российским Лассалем терпели сокрушительный крах в самом начале его революционной деятельности. Если Троцкий всю жизнь не мог простить своего провала во втором классе училища, когда он был разоблачен как организатор «кошачьего концерта», то скорее всего после ареста юноша крайне остро переживал первое в своей самостоятельной жизни жестокое поражение. Но в своих мемуарах он лишь рассказал, как боролся со скукой и однообразием одиночного заключения, не давая себе раскиснуть, как ежедневно вышагивал тысячу сто одиннадцать шагов по диагонали камеры и сочинял революционные стихи.

Повторив эти рассказы Троцкого и сообщив, что в это время ряд членов «Союза» был подвергнут пыткам во время допросов, И. Дейчер считал, что по сравнению с ними Бронштейну повезло. Однако есть основания полагать, что Троцкий умолчал о тяжести тех испытаний, которые ему пришлось перенести в одиночном заключении. К такому выводу можно прийти, ознакомившись с содержанием фельетона В. Дорошевича «Одиночное заключение». Посетив новую одесскую тюрьму, фельетонист, чьи произведения так обожал читать юный Бронштейн, на основе тщательного знакомства с одиночными камерами пришел к выводу о том, что они представляют собой один из самых жестоких способов наказания. Ссылась на мнение знатоков, Дорошевич писал: «Тюрьмовед-практик, один из сахалинских смотрителей, знаменитый своей жестокостью, великий специалист по части телесных наказаний, полагал так: – Драть бросил. Что дранье! Ко всему человек привыкает. А вот хорошенькое одиночное заключение, к тому никто уж не привыкнет!»

Почти неизбежным последствием длительного пребывания в одиночной камере являлось, по утверждению В. Дорошевича, разрушение нервной системы и часто с необратимыми последствиями. Одним из проявлений этого были слуховые и зрительные галлюцинации. «В этих галлюцинациях есть одна особенность. Разным людям кажется разное. Одному казалась огромная лягушка, другому – мужик в красной рубахе. Но всегда и всем казалось: ярко-зеленая лягушка, мужик в ярко-красной рубахе. Совершенно естественный протест зрения, замученного белым цветом стен одиночек». Хотя Троцкий не писал, испытывал ли он подобные галлюцинации, очевидно, что после долгого пребывания в одиночке он стал страдать от острого дефицита ярких красок. Не случайно, вспоминая те продукты, которые были переданы ему в камеру его матерью, Троцкий особенно подчеркивал: «Апельсины, …ярко окрашенные апельсины». Результатом нервного расстройства у обитателей одиночек были, по словам Дорошевича, «беспрестанные покушения на самоубийство… Недаром при устройстве одиночек главное внимание обращается на то, чтобы арестанту не на чем было удавиться: «Э, – говорят, – эту перекладинку нужно убрать! Повесится!» Вот единственная «хорошая» мысль, которую возбуждает одиночная камера». О том, что подобные мысли не раз посещали и Бронштейна свидетельствует его письмо Соколовской, написанное в тюрьме: «У меня бывали такие минуты (часы, дни, месяцы), когда самоубийство было самым приличным исходом. Но у меня не хватило для этого смелости».

Однако галлюцинациями и попытками самоубийств не исчерпывалось воздействие одиночек на психику людей. «На почве истощения, малокровия, худосочия, – продолжал В. Дорошевич, – нервные страдания развиваются с особой силой. И одиночная тюрьма, выпуская цинготного с задатками чахотки человека, выпускает в то же время и нервнобольного, анормального. Известно, что одиночные арестанты часто, только что выйдя из тюрьмы, совершают удивительно зверские преступления. Иначе и не может быть. Чего же другого ждать от человека, которого сделали анормальным?»

Следует учесть, что одиночное заключение, калечившее сознание даже здоровых и

закаленных жизнью людей, испытал 18-летний юноша, склонный к острым приступам нервного заболевания. Применив этот жестокий метод воздействия, полиция, очевидно, стремилась сломить душевно Бронштейна. Видимо, она в этом в значительной степени преуспела. После его перевода в общую камеру, его товарищи, знавшие его по кружку Швиговского, стали впервые свидетелями его эпилептических припадков. Очевидно, что эти припадки, случавшиеся у Бронштейна и ранее, не были до тех пор известны членам кружка Швиговского и они узнали о его болезни, когда она обострилась после пребывания в одиночке.

Одиночное заключение не только усугубило болезненное состояние его нервной системы, но и нарушило его душевное равновесие. Сокамерники Бронштейна отмечали частые и резкие смены в его настроении, экзальтированность в поведении. Порой в ходе следствия он вел себя, подобно ученику реального училища, разоблаченному в проказе и пытающемуся уйти от наказания. По словам А.Г. Зива, Лейба Бронштейн юлил и выкручивался, как мальчишка-озорник, которого судят грозные педагоги, всячески выгораживая себя. Но иногда он резко протестовал против тюремных порядков и, как в первых классах школы, становился организатором коллективных выступлений против начальства. Зив рассказывал, как Бронштейн организовывал буйные демонстрации неповиновения в тюрьме. Узнав о том, что за отказ снять шапку перед тюремным начальством одного заключенного бросили в карцер, Бронштейн и другие потребовали у надсмотрщика вызвать начальника тюрьмы. Тюремщик отказался. Бронштейн сам нажал кнопку вызова. Начальник выбежал во двор в сопровождении охраны. Увидев их, заключенные надели шапки на головы. В ярости начальник потребовал снять головные уборы. На это Бронштейн предложил начальнику снять свою фуражку. По сигналу начальства охрана набросилась на Бронштейна и увела его в карцер.

Волю чувствам Бронштейн давал при встречах с родными и близкими. «Он был добросердечен и даже сентиментален в отношении своих товарищей и их родственников… проявляя трогательную нежность не только по отношению к своей девушке и будущей жене… но по отношению ко всем другим женщинам, которые приходили повидать своих мужей или братьев; он очаровывал всех своим благородством… Возвращаясь из комнаты для встреч, он выплескивал «неизрасходованный запас нежности на нас, обнимая, целуя и лаская всех», – вспоминал А.Г. Зив. Казалось, не осталось ни следа от высокомерного юноши, склонного к язвительным насмешкам над товарищами.

Другим заметным изменением в поведении Бронштейна стал его активный интерес к религиозной христианской литературе. Столь необычный для себя выбор круга чтения Троцкий впоследствии объяснял двумя причинами. Во-первых, писал Троцкий, он решил с помощью штудирования «Нового Завета» на четырех языках выучить сразу два языка (английский и итальянский) и улучшить владение теми двумя, что он изучал в реальном училище (немецкий и французский). По просьбе Бронштейна его сестра передала ему в тюрьму «Новый Завет» на этих четырех языках. Троцкий уверял, что, читая «стих за стихом», он «за несколько месяцев… значительно продвинулся… вперед». Правда, он оговаривался, что «мои лингвистические способности весьма посредственные. В совершенстве я и сейчас не знаю ни одного иностранного языка, хотя долго жил в разных странах Европы».

Даже если бы Бронштейн обладал способностью быстрого овладения иностранными языками, избранный им метод изучения современных языков по тексту «Нового Завета» вряд ли бы привел его к успеху, поскольку евангельская лексика мало подходит для современной жизни. Многие революционеры обычно прибегали к современным учебникам и самоучителям. Так, например, поступил Сталин, изучавший в тюрьме по самоучителю эсперанто. (Правда, как и Троцкий, Сталин не преуспел в этом занятии. У него так же не было особого таланта к изучению чужих языков.)

Можно было бы считать, что попытка выучить иностранные языки по текстам Евангелий и апостольских посланий была вызвана наивностью юного Бронштейна, если не

обратить внимание на то, что попытка изучить «Новый Завет» на разных языках совпала с его активным чтением самой разнообразной религиозной литературы, которая имелась в тюремной библиотеке. Троцкий объяснял свой интерес к этой литературе тем, что в первые месяцы пребывания в одесской тюрьме он «не получал книг извне и вынужден был довольствоваться тюремной библиотекой. Она состояла главным образом из консервативно-исторических и религиозных журналов за долгий ряд лет. Я штудировал их с неутомимой жадностью».

Утверждение о том, что тюремная библиотека состояла лишь из «консервативно-исторических и религиозных журналов», не согласуется с впечатлениями других узников царских тюрем, которые нередко отмечали богатство и разнообразие имевшихся там книг. Причиной этому было то обстоятельство, что заключенные нередко оставляли свои личные книги в тюрьмах.

Даже если предположить, что тюремная библиотека содержала лишь «консервативно-исторические и религиозные журналы», трудно поверить, что в них, как это следует из рассказа Троцкого, преобладали материалы о сектах и ересях. Троцкий писал, что в результате чтения этих журналов он «знал все секты и все ереси старого и нового времени, все преимущества православного богослужения, самые лучшие доводы против католицизма, протестантства, толстовства, дарвинизма». Создается впечатление, что Бронштейн не просто листал чуждую ему с детских лет литературу скуки ради, а внимательно и выборочно изучал ее.

Более того, заключенный вступал в беседы на религиозные темы с тюремными надзирателями, обсуждая вопросы различных ересей. По его рассказам, он активно обсуждал с надзирателем Миклиным арианскую ересь.

Удивительный для юного революционера тех лет интерес к религиозным сектам и ересям может стать более понятным, если учесть, что значительную часть членов «Союза», а стало быть и его сокамерников, составляли сектанты или еретики, с точки зрения православной церкви. С одной стороны, вполне закономерно, что, читая эти материалы, Бронштейн пытался понять особенности религиозного мышления своих подельников. С другой стороны, не исключено, что его сокамерники, после вступления в «Южно-русский рабочий союз», не расстались со своими верованиями и пытались вовлечь молодого человека в свои секты. Возможно, что Бронштейн, находившийся в это время в состоянии душевного смятения, стал поддаваться их усилиям по вовлечению его в лоно их религиозных организаций.

Болезненные состояния, пережитые Бронштейном в одиночном заключении и в ходе эпилептических припадков, могли оставить в его сознании яркие воспоминания о необычных видениях, которые он не всегда был в состоянии ясно объяснить. Испытавший не раз эпилептические припадки, Ф.М. Достоевский в романе «Идиот», рассказывая о князе Мышкине, писал: «В эпилептическом состоянии его была одна степень почти перед самым припадком…, когда вдруг, среди грусти, душевного мрака, давления, мгновениями как бы воспламенялся его мозг, и с необыкновенным порывом напрягались все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознания почти удесятерялось в эти мгновения, продолжавшиеся, как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины». После приступа князь Мышкин размышлял: «Ведь не видения же какие-нибудь снились ему в этот момент, как от гашиша, опиума или вина, унижающие рассудок…?» Князь не сомневался в том, что эта «минута ощущения… дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и встревоженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни». Он верил, что «это действительно «красота и молитва», что это «высший синтез жизни», что «за этот момент можно отдать всю жизнь».

Возможно, что, испытав подобные ощущения, Бронштейн мог вспомнить по знакомому ему по иудаистскому богословию представлению о «йеш» – высшей сути предмета, глубоко

спрятанной за его внешними покровами, о мистических учениях каббалы, саббатианцев и франкистов, о рассказах хасидов относительно способности цадиков напрямую общаться с Богом и творить чудеса. Вероятно, он делился своими впечатлениями с сокамерниками – последователями различных религиозных сект. Они могли убеждать Бронштейна в том, что он общался с потусторонним миром. При этом одни из них могли говорить о Божественной природе этих видений, а другие – о сатанинской.

О том, что во время пребывания в тюрьме Бронштейна интересовали рассказы о потустороннем мире, свидетельствуют соответствующие страницы «Моей жизни». Троцкий писал, что в религиозных журналах он внимательно изучал «исследования о бесах или демонах, об их князьях, дьяволе и об их темном бесовском царстве». Правда, через три десятка лет он высмеивал эти «исследования», но мы не знаем, как их воспринимал тогда молодой человек, находившийся в заключении и в состоянии крайнего душевного смятения.

Можно предположить, что чтение христианской литературы, хотя и несколько одностороннее, отражало душевные метания Бронштейна. Не исключено, что он искренне хотел понять христианскую веру, которую до сих пор привык воспринимать как глубоко чуждую. При этом скорее всего Бронштейн приближался к христианству в сектантской форме. Поэтому его попытка изучать «Новый Завет» на разных языках, возможно, была связана с его планами вступить в одну из сект и принять участие в ее миссионерской деятельности за пределами России.

Необычным для революционера тех лет был и возникший у Бронштейна интерес к масонству, что он опять-таки объяснял чтением религиозных журналов из тюремной библиотеки. «Статьи о франкмасонстве в богословских журналах заинтересовали меня», – писал он. (Судя по словам Троцкого, эти статьи содержали резкую критику в отношении масонства и, наверное, их содержание было близко к таким известным работам, как, например, написанная после революции 1905 года книга А. Селянинова «Тайная сила масонства»)

Интерес Бронштейна к «вольным каменщикам» потребовал знакомства с более широкой литературой, и, по словам Троцкого, он «в течение нескольких месяцев усердно читал книги по масонству, которые мне доставлялись родными и друзьями из города». Чтением дело не ограничилось. Бронштейн стал подробно конспектировать прочитанную литературу. Он писал: «Я завел себе для франкмасонства тетрадь в тысячу нумерованных страниц и мелким бисером записывал в нее выдержки из многочисленных книг, чередуя их со своими собственными соображениями о франкмасонстве… Работа эта заняла в общем около года… К концу пребывания в одесской тюрьме толстая тетрадь, заверенная и скрепленная подписью старшего жандармского унтер-офицера Усова, стала настоящим кладезем исторической эрудиции и философской глубины».

Бронштейн не только занимался изучением масонства, но и постоянно делился со своими товарищами по заключению вновь обретенными знаниями и своими выводами. Он писал, что «обрабатывал отдельные главы, переписывал их в контрабандные тетради и посылал на просмотр друзьям в другие камеры».

Исследование, посвященное масонству, стало первой крупной самостоятельной работой Бронштейна, но она никогда не была опубликована, так как была утеряна во время его пребывания в эмиграции. В своих воспоминаниях он сокрушался по поводу этой потери, возможно считая ее годной для публикации.

Объясняя свое увлечение масонами, Троцкий писал, что его вдруг взволновал вопрос: «Откуда взялось это странное течение?… Как объяснил бы его марксизм?» Такая постановка вопроса предполагала, что к этому времени 18-летний юноша уже был законченным марксистом и ему оставалось лишь применить свое владение марксисткой теории для того, чтобы объяснить масонство. На самом деле к этому времени он еще не принял марксизм и только постигал азы этого учения. В автобиографии Троцкий писал, что он «с восторгом читал в своей камере два известных очерка старого итальянского гегелианца-марксиста Антонио Лабриолы, проникших в тюрьму на французском языке». Из дальнейших слов

Троцкого ясно, что в то время он был еще далек от понимания идей марксизма. Он признавал: «С основной марксистской литературой я не был до этого времени знаком вовсе. Очерки Лабриолы имели характер философских памфлетов. Они предполагали знания, которых у меня не было и которое мне приходилось заменять догадками». Ясно, что изучение марксизма по двум очеркам Лабриолы заняло у Бронштейна значительно меньше времени, чем его исследование масонства.

И в этом Бронштейн отличался от подавляющего большинства молодых революционеров России, которые обычно посвящали свои первые работы либо социально-экономическим проблемам общества либо текущим вопросам политической борьбы социалистических партий. Как известно, В.И. Ленин свою первую крупную работу посвятил вопросам развития капитализма в России. В своей первой крупной работе «Анархизм или социализм?» И.В. Сталин сопоставлял две революционные теории, популярные среди рабочего класса России. Первая крупная работа Н.И. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» была посвящена влиянию мировой войны на состояние экономики и положение рабочего класса.

Нельзя привести какой-либо другой пример того, что какой-либо начинающий социал-демократ посвятил свою первую работу масонству и отдал этому труду столько сил и времени. В это время марксисты в своих публикациях обычно игнорировали это влиятельное движение, исходя из того что оно было рождено в привилегированных слоях общества и было глубоко чуждо по своей идеологии интересам рабочего класса и задачам пролетарских партий.

Но следует учесть, что свои первые крупные работы будущие руководители большевистской партии писали в более зрелом возрасте, чем Бронштейн, имея определенный стаж пребывания в социал-демократической партии и опыт партийной работы. Они уже были авторами ряда статей и рефератов по наиболее актуальным вопросам, стоявшим перед партией. Их первые крупные теоретические исследования отвечали тем задачам, которые стояли перед революционным социалистическим движением России. Поскольку Бронштейн в это время не был членом социал-демократической партии, он мог выбирать темы для изучения, которые отвечали прежде всего его личным интересам.

Нет сомнения, что изучение тайн всемирной секретной организации «вольных каменщиков» могло захватить воображение любознательного молодого человека. Не исключено, что чисто познавательный интерес к масонству был усилен тем же обстоятельством, которое подтолкнуло его изучать литературу о сектах и бесах. Известно, что в масонстве были широко распространены мистические учения. Практика «умного делания», столь популярная среди российских масонов начала и середины XIX века, представляла собой медитацию, сопровождавшуюся задержкой дыхания. В этом состоянии человек мог испытывать галлюцинации, что выдавалось за общение с «высшими силами». Герои романа А.Ф. Писемского «Масоны» были уверены, что искусственная задержка дыхания, вызывающая усиленное сердцебиение и предобморочное состояние, вводит «существо… в райскую сущность, которая открывается как божественная теплота, за каковою следует небесная сладость… последнюю же степень составляет видение небесного света и божественных образов».

В ряде масонских лож организовывались радения, во время которых их участники достигали крайней степени экзальтации. Эти ритуалы сближали их с сектантами. Именно по этой причине влиятельные масоны в правящих кругах России всемерно препятствовали усилиям православной церкви подавить секты. В свою очередь, члены ряда сект поддерживали масонов и сближались с ними.

Возможно, что среди сектантов, которые были членами «Южнорусского рабочего союза», были люди знакомые с масонством, а может быть, и бывшие масонами. Они могли рассказать Бронштейну немало интересного об этой тайной организации. Бронштейн наверняка знал о существовании масонства до того, как он попал в тюрьму, либо из разговоров в семье Шпенцеров, либо из литературы (хотя бы из чтения «Войны и мир» Л.

Толстого). Интерес к истории российского масонства был в очередной раз подогрет публикацией в журнале «Огонек» за 1880 год романа известного писателя А.Ф. Писемского. Этот популярный роман, который могли читать родные и друзья Бронштейна, с явной симпатией описывал жизнь масонов в России в 30-е гг. XIX века и был создан на основе личных воспоминаний писателя о своем дяде – активном и влиятельном масоне. Помимо этого было немало и других публикаций о масонстве, его прошлом и настоящем, которые могли быть известны Лейбе Бронштейну еще до того, как он попал в тюрьму. Например, он мог знать о том, что Бентам был масоном, а потому он мог заинтересоваться организацией, в деятельности которой участвовал наиболее ценимый им мыслитель. Не исключено, что беседы с сокамерниками-сектантами или чтение статей в богословских журналах с яростными нападками на масонство могло активизировать те знания об этом движении, которые уже имелись к этому времени у Бронштейна.

И все же вряд ли пристальное внимание Бронштейна к масонству было лишь следствием его праздного интереса к таинственной и засекреченной организации. Испытав сильнейшее потрясение, Бронштейн стоял перед выбором дальнейшего жизненного пути.

Хотя история масонства была запутана и переполнена сомнительными легендами о его происхождении, Бронштейн, знакомясь с ней как по критическим, так и по апологетическим источникам, мог обнаружить, что эта организация поставила своей целью преобразование общества значительно раньше, чем социалисты. Программные документы масонства утверждали, что «орден Свободных Каменщиков является всемирным, тайным братством, поставившим себе целью вести человечество к достижению земного эдема, золотого века, царства любви и истины, царства Астреи».

Обращением к древнегреческой богине Астрее – богине справедливости, обитавшей среди счастливых людей золотого века, не ограничивалось использование масонами древних мифов. Утверждалось, что корни масонства ведут к пифагорейским тайнам и даже секретам жрецов Древнего Египта. Бронштейн узнавал, что масоны активно использовали и знакомые ему с детства древние символы иудейского народа. Хотя в течение долгого времени масонство было закрыто для евреев, в масонской символике, используемой в украшениях интерьеров их храмов, можно было найти и священную для евреев шестиконечную звезду Давида (Могендовид), и восьмисвечник, который зажигался верующими иудеями на праздник Ханука. Главным героем основной масонской легенды был древний иудей – начальник строительства Храма Соломона Адонирам (или Хирам), который был вероломно убит тремя строителями. Основные символы «вольных каменщиков» и ритуал посвящения использовали мотивы этой сочиненной ими легенды.

Более глубокое изучение масонства позволило бы Бронштейну понять, что многое в нем было взято из учения и практики древнего исламского ордена суфиев, повлиявших на иудейскую каббалу и другие мистические школы иудаизма. Как и суфии, масоны засекречивали свою деятельность, активно используя символические иносказания, известные лишь посвященным словесные пароли и изобразительные знаки, а также тайные жесты. Как и суфии, масоны считали себя хранителями высшей эзотерической мудрости, предназначенной для избранных. Как и суфии, масоны считали себя выше господствовавших в обществе обычаев и нравов, а поэтому их высокомерная ироничность по отношению к общественным порядкам нередко приводила их к конфликтам с государственными властями и господствовшими религиями.

Чтение литературы о масонстве могло создать впечатление, что эта организация является не только одной из древнейших, но и до сих пор является чрезвычайно влиятельной. Исходя из остро критических статей в богословских журналах, Бронштейн мог прийти к выводу, что масонство являлось вдохновителем и организатором всемирных революционных сил последних столетий. Из этой литературы следовало, что не развитие экономики и классовых противоречий, а деятельность «вольных каменщиков» являлась первопричиной государственных переворотов и революций, совершавшихся в значительной части мира. Не исключено, что и Бронштейн стал склоняться к этому выводу.

Судя по тому, что писал Троцкий о своей работе, он и через 30 с лишним лет высоко оценивал роль масонства в историческом процессе. Троцкий писал: «Работа над франкмасонством явилась для меня проверкой собственных гипотез… Исторический материализм не был мною воспринят сразу в догматической форме. Диалектика предстала передо мною впервые не в виде абстрактных своих определений, а в виде живой пружины, которую я находил в самом историческом процессе, поскольку старался понять его».

Похоже на то, что исследования процессов экономического и социального развития, которые осуществляли руководители социалистического движения России в своих теоретических работах, представлялись Троцкому лишь догматической и абстрактной формой восприятия исторического материализма. Его не захватили изучение социального положения рабочего класса и опыт международного рабочего и социалистического движения. Судя по его интересу к масонству его занимала закулисная сторона политических и социальных процессов и тот тайный механизм, с помощью которого совершались революции и государственные перевороты. Поскольку предметом его исследования было масонство, то скорее всего именно в нем он разглядел «пружину» мирового развития и был готов рассматривать организацию «вольных каменщиков» как одну из ведущих сил мировых общественных процессов.

Видимо, для того, чтобы отмести традиционное для революционной пропаганды пренебрежительное отношение к масонству как архаической организации, отжившей свой век, Троцкий подчеркивал, что старомодные формы, принятые в масонской организации, могут активно использоваться и в наши дни. Он писал: «В технике нашего производства произошел переворот гораздо более могущественный, чем в технике нашего мышления, которое предпочитает штопать и перелицовывать, вместо того, чтобы строить заново. Вот почему французские мелкобуржуазные парламентарии, стремясь противопоставить распыляющей силе современных отношений некоторое подобие нравственной связи людей между собою, не находят ничего лучшего, как надеть белый фартук и вооружиться циркулем или отвесом». В сочетании древних ритуалов масонов с вполне современными политическими задачами, которые они решали, Троцкий видел диалектику исторического процесса.

Диалетику Бронштейн мог увидеть и в соединении в масонстве разных идейно-политических течений. В своей автобиографии Троцкий писал: «В отдельных ветвях франкмасонства были сильны элементы прямой феодальной реакции, как в шотландской системе. В XVIII веке формы франкмасонства заполняются в ряде стран содержанием воинственного просветительства, иллюминатства, выполняющего предреволюционную роль, а на левом фланге переходящего в карбонарство. К франкмасонам принадлежал Людовик XVIII, но также и доктор Гильотен, изобретший гильотину. В Южной Германии франкмасонство принимало явно революционный характер, а при дворе Екатерины стало маскарадным отражением дворянско-чиновничьей иерархии. Франкмасона Новикова франкмасонская императрица сослала в Сибирь».

В то же время многие идейные и политические разногласия внутри масонства растворялись в общих надполитических и надрелигиозных принципах. Объясняя духовные принципы масонства, герой романа Писемского Вигель заявлял, что хотя масоны «поклоняются всемогущему строителю Вселенной», они не имеют «никакого определенного представления о сверхчувственном».

Судя по словам Вигеля, масоны, говоря современным языком, «утверждали приоритет общечеловеческих ценностей». «Цель их единая, – говорил Вигель, – внушить людям гуманность, чтобы они за католиком, за лютеранином, за православным не забывали человека». Объявляя масонов «союзом союзов», Вигель объяснял: «В масонстве связываются все контрасты человечества и человеческой истории. Оно собирает в свой храм из рассеяния всех добрых, имея своей целию обмен мыслей, дабы сравнять все враждебные шероховатости. Совершается это и будет совершаться дотоле, пока человечество не проникнется чувством любви и не сольется в общей гармонии».

Выдвигая в качестве высших целей общие положения о человечности и любви к ближнему, масоны, с одной стороны, создавали представление о себе как об организации, озабоченной лишь человеческим благом, а, с другой стороны, скрывали конкретные задачи, которые ставили перед собой те или иные масонские ложи и их объединения. Вигель на этот счет изъяснялся туманно: «Мнения о высших целях нашего ордена… столь же разнообразны, что описать оные во всех их оттенках так же трудно, как многоразличную зелень полей, лугов и лесов, как летний вечер… Масонство само есть тайна, потому что его истинное и внутреннее значение может открыться только тому, кто живет в союзе масонском и совершенствуется постоянным участием в работах».

Противники же масонства, литературу которых жадно поглощал Бронштейн, утверждали, что «вольные каменщики» под видом деятельности по совершенствованию людей в течение десятков лет могут готовить зловещие заговоры, направленные против христианских стран. В своей книге «Тайная сила масонства» Александр Селянинов утверждал: «Одно из главных преимуществ масонства – умение не спешить. Сила, его направляющая, рассчитала всю трудность тех поистине гигантских разрушений, которые нужно ей произвести для осуществления своей тайной цели, и разделила свой труд на «подготовление» и «выполнение». Подготовление состоит в том, чтобы обманывать христианский мир, дабы он легко дался в руки, и выбирать среди христиан себе сотрудников, которые, изменив своему прошлому, дойдут до такой неразборчивости в средствах, что будут способствовать разрушению собственного отечества».

Антимасонские авторы считали, что вожди «вольных каменщиков» сознательно напускали туман вокруг своих программных задач, скрывая свои отнюдь не человеколюбивые, а разрушительные цели. Селянинов писал: «Когда после долгих годов подготовительной работы масоны совершат свое дело пропаганды в качестве апостолов, проповедников; когда группы, работающие вокруг них по их указке, превратятся в неутомимые подголоски их пропаганды, когда удастся захватить политическую власть, когда ораторы, журналисты, поэты, составители песен, драматурги, актеры, авторы порнографических изданий достаточно разовьют различными способами свои якобы прогрессивные идеи перед доведенным до исступления народом, подобно испанским бандерильям, машущим красным плащом перед быком, – тогда политический «тореадор», настоящий ставленник тайной силы, может наконец появиться».

После своего появления на сцену, писал Селянинов, настоящий лидер «вместо пропаганды разрушительных теорий, пустит в ход оружие мятежа и разрушения, которое неизбежно породит гонения, грабежи, погромы, убийства, и возбужденная, ослепленная до безумия толпа яростно бросится принимать участие в бесчинствах – признак того, что она дошла до состояния, которое нужно «тореадору», украшенному тайными масонскими эмблемами. Будь он Мирабо, Дантон, Робеспьер или ближе к нам – Вальдек Руссо, Комб, Клемансо, будь он сам масон или нет, но раз он избран «делегатом», ему досточно говорить что угодно, чтобы увлечь за собою общественное мнение, уже заранее для него сфабрикованное. Толпа в его руках одновременно с властью».

Неопределенность или скрытость целей масонства не помешали Бронштейну разглядеть в нем слаженную систему контактов, обеспечивающих взаимопомощь людей из разных стран, представлявших различные социальные слои, политические партии и религиозные конфессии. Если бы Бронштейн был знаком с «Интернетом», то он мог бы увидеть в масонстве схожие черты со всемирной электронной паутиной. Как и «Интернет», масонство было открыто для людей всего мира вне зависимости от их национальности, политических и религиозных взглядов. В то же время лишь люди, овладевшие системой символов и умевшие произносить кодовые слова-пароли, получали доступ к этой паутине всемирных связей. У них были свои «сайты» (масонские ложи), где проводились «чаты» (ассамблеи). Как и «сайты» «Интернета», посвященные самым разнообразным темам, масонские ложи удовлетворяли самым разнообразным интересам тогдашнего общества. Тут были группы, занятые философией и богословием, алхимией, теософией и даже попытками

создать искусственного человека. Как и новички всемирной электронной паутины, масонские неофиты зачастую не могли разобраться в эзотерических тайнах и получали много вздорной или малоценной информации. В то же время, как и завсегдатаи «Интернета», опытные масоны овладевали искусством пользоваться глобальными связями и приучались общаться друг с другом на особом жаргоне, понятном лишь для них.

Однако, в отличие от «Интернета», доступ к информации внутри масонской организации дозировался в зависимости от степени посвященности того или иного масона в тайны своего ордена. Продвижение масонов по многоступенчатой иерархии определялось тайными руководителями этой организации. Кроме того, в отличие от «Интернета», принадлежность к масонству означала доступ не только к информации, но и к власти. По тонким, но прочным нитям всемирной масонской паутины, которые оставались невидимыми для посторонних, можно было быстро подняться вверх и даже стать причастным к решениям о смене власти и общественного устройства в целой стране.

Видимо, это обстоятельство было решающим определившим жгучий и устойчивый интерес Бронштейна к масонству. Стремившийся всегда первенствовать и подчинявший этому стремлению все свои жизненные помыслы, Бронштейн узнавал о существовании всемирного механизма прихода к власти. Став частью этой организации, он мог беспрепятственно идти по ступеням к высшей в мире власти.

Правда, вряд ли он догадывался в ту пору, что сложная и засекреченная масонская организация не позволяла многим ее членам понять, кто из них является послушной куклой в руках тайных правителей, а кто – кукловодом. В то же время, создавая иллюзию равноправия, масонство привлекало в свои ряды многих людей, искренно стремившихся к идеалам равенства, братства, свободы, просвещения.

Из литературы, которую тщательно штудировал Бронштейн, он узнавал, что в масонских ложах состояли ведущие писатели, композиторы, философы, ученые-естествоиспытатели, вельможи и крупные финансисты, священники различных культов, революционеры и короли. Успехи и неудачи, а порой и сама жизнь каждого из них зависели от решений, принимавшихся в тайных советах масонского ордена. «Пружина», которая приводила в движение назначения министров и отставки правительств, государственные перевороты и революции, находилась в масонской организации.

Описывая жизнь русских масонов в 30-40-х гг. XIX века, А.Ф. Писемский в своем романе «Масоны» рассказывал, что даже после разгрома лож «вольных каменщиков», учиненного Николаем I, орден оставался влиятельной организацией, от которой многое зависело в политической и государственной жизни России. Многие масоны продолжали сохранять влиятельное положение и верность дисциплине своей организации. Поэтому, когда герой романа Егор Егорыч Марфин, не занимавший какого-либо государственного поста, но являвшийся влиятельным лицом в ордене, решил отстранить от власти губернатора, последний был обречен. Письмо Марфина в столицу чиновнику в министерстве было равносильно приказу, который был выполнен. С еще большей легкостью милейший Егор Егорыч смещал почтмейстеров и прочих чиновников губернского или уездного масштаба, назначая на их место угодных ему людей. Если верить Писемскому, то такова была сила масонов в России даже, когда они были запрещены и преследовались правительством. В современных же странах Западной Европы пребывание в рядах масонства открывало возможности занять властное положение, что и объясняло тягу честолюбивых людей к этой организации. Троцкий справедливо писал, что «каменщики» «имеют в виду не строить новое здание, а лишь проникнуть в давно построенное здание парламента или министерства».

Очевидно, что, обсуждая со своими подельниками полученную им информацию, он сопоставлял ее с их опытом революционной работы. На фоне истории масонства их деятельность в Николаеве в течение нескольких месяцев выглядела безнадежно дилетантской. Умелое сокрытие тайн ордена «вольных каменщиков» контрастировало с беспомощными потугами на конспирацию «Южно-русского рабочего союза». Способность

же масонов проникать в самые различные слои общества и постепенно влияя на развитие политической жизни, то поднимать выступления широких масс населения, то организовывать дворцовые перевороты, заставляла его критически оценить свою провинциальную организацию, объединившую лишь несколько десятков рабочих-сектантов под руководством недоучившихся студентов и оказавшуюся неспособной просуществовать более года. Ему теперь становилось особенно ясно, что, несмотря на наличие некоторых связей с другими революционными организациями, руководители «Южно-русского рабочего союза» действовали как кустари-одиночки. Изучение истории масонства показывало Бронштейну, что без хорошо налаженных связей с другими группировками революционеров, без строгого подчинения всех местных ячеек централизованной организации, нельзя рассчитывать на успех.

Постоянно высмеивая как марксистов, так и народников за «узость» их взглядов, Бронштейн мог противопоставить этому масонство, умевшее растворить идейные, политические и религиозные разногласия в туманной «общечеловеческой» риторике и сплотить своих членов на основе преданности «надпартийной» и «надрелигиозной» сверхорганизации. В такой организации нашлось бы место для человека, который долго колебался между бентамизмом и марксизмом.

Беспрестанно осуждая марксизм за его сухость, Бронштейн мог противопоставить пропаганде учения Маркса-Энгельса, основанного на критике современной экономической и социальной жизни, легенды и ритуалы масонства, которые захватывали воображение самых передовых людей последних столетий. Если революционеры превращали свои собрания в скучноватые научные диспуты, то масоны постоянно прибегали к театрализации своих сборищ, порой доводя себя до состояния крайней экзальтации. Вероятно, масонский стиль собраний был более близок Бронштейну, склонному к театрализации и экзальтированности даже в общении со своими товарищами по кружку Швиговского.

Можно утверждать, что в своей дальнейшей политической деятельности Бронштейн использовал многие выводы, к которым он не мог не прийти, сопоставляя опыт всемирного масонства и «Южно-русского рабочего союза». Вскоре он становится последовательным сторонником создания централизованной, тщательно законспирированной революционной организации, имевшей не только разветвленную сеть своих организаций в стране, но и обширные международные связи. Такой партией стала для него РСДРП, а затем РКП(б). Внутри этих партий он не раз осуждал «узость» тех или иных платформ или фракций, пытаясь играть роль «надфракционного лидера». Хотя ему пришлось мириться с господством в партии «сухой» марксистской теории и даже изображать из себя теоретика марксизма, Бронштейн вносил в свои работы много цветистых оборотов (за что его так осуждал Плеханов), а затем прославился как мастер театрализовать свои появления на трибуне и доводить партийные и массовые собрания до экзальтированного состояния.

Осознав важность управления эмоциями массовых собраний, Бронштейн, с детства стремившийся лидерствовать, нашел в истории масонства многочисленные примеры успехов, достигнутых теми, кто овладевал рычагами власти в политическом движении. Провал его попытки стать российским Лассалем в рядах «Южно-русский рабочий союз» наглядно показал ему безнадежность его амбиций, пока он остается на переферии политического движения. Уроки же, извлеченные из истории масонства, доказывали ему, что он перестанет быть пешкой в сложных политических играх, когда окажется в штабах, где принимаются главные решения. Не прошло и пяти лет после его ареста, как он добился того, что оказался в лондонской штаб-квартире РСДРП и стал рассматриваться как один из подающих надежды юных руководителей партии.

Знакомство с литературой о масонстве могло убедить Бронштейна в том, что успех революции может быть достигнут лишь после установления связей с масонской всемирной паутиной. Не исключено, что, постоянно рассказывая своим товарищам о невидимой, но мощной силе «вольных каменщиков», Бронштейн убеждал их в необходимости использовать не только уроки масонства, но и его связи для дела революции. Возможно, что он пришел к

тому же выводу, к которому пришел известный революционер-анархист князь П.А. Кропоткин: «Масоны – это прежде всего всесветная политическая сила и вековая организация. И наше революционное движение очень много потеряет от того, если так или иначе не будет связано с масонством, имеющим свои нити и в России – и, конечно, в Петербурге – в самых разнообразных сферах». Комментируя это замечание Кропоткина, Бонч-Бруевич писал: «Он (Кропоткин) был прав по крайней мере в одном: что оппозиционная деятельность русских либералов имела непосредственную связь с масонами, через них проникала всюду и везде, в самые потаенные места самодержавного организма, везде имела свое влияние».

Активизации масонов в России в немалой степени способствовало заключение союза с Францией, в политической жизни которой «вольные каменщики» играли решающую роль. Как утверждал В.Ф. Иванов, «после франко-русского союза 1890 года «Великий Восток Франции» (масонский центр) становится лабораторией русского масонства. Русские политические эмигранты нашли гостеприимный приют главным образом в масонских ложах Парижа. В 90-х годах прошлого столетия при содействии «Великого Востока Франции» в Париже был организован специальный колледж, явившийся школой для подготовки будущих революционных деятелей. Многие из профессоров этого колледжа– М.М. Ковалевский, Трачевский, Амфитеатров, – а также и ученики их сделались масонами».

В эти годы многие деятели оппозиции, не только либеральной, но и революционной, вступали в масонские организации и к началу российских революций значительное число лидеров многих значительных политических партий оказались масонами. Позже депутат 4-й Государственной думы Л.А. Велихов сообщал, что он «вступил в так называемое масонское объединение, куда входили представители от левых прогрессистов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), с.-д. меньшевиков (Чхеидзе, Скобелев)». Тяга к масонству в эти годы была широко распространена среди политической интеллигенции России, в том числе и среди социал-демократов.

Не известно, насколько преуспел Бронштейн в пропаганде своих идей относительно масонства среди своих сокамерников и добивался ли он от них установления связей с масонами, но существует немало сведений о том, что Бронштейн стал в конечном счете членом масонской организации. Это утверждала такая исследовательница масонства, как Нина Берберова, ссылаясь на личное знакомство со списками масонов. В своей книге «Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней», В.Ф. Иванов перечислял Троцкого среди известных масонов России, таких как Керенский, Маклаков, Авксентьев. Валентин Пруссаков утверждал, что «Троцкий принял масонство в 1916 г., в период своего пребывания в США». Но поскольку речь идет о тайной организации, документальных свидельств вступления Бронштейна в орден «вольных каменщиков» нет. Есть сведения о том, что он постоянно поддерживал связи с масонским движением. Знаменательно, что выходец из семьи потомственных масонов, а затем верховный руководитель французского масонства Зеллер работал в секретариате Троцкого в период его эмиграции в 30-х гг. Об этом Зеллер писал в своих мемуарах.

Если Бронштейн рассчитывал на быстрое продвижение к вершинам власти с помощью всемирной масонской паутины, то он должен был учитывать и то, что вступление в ряды масонства было связано с принятием на себя немалых обязательств перед сообществом «вольных каменщиков». По приказам невидимых гроссмейстеров ордена рядового масона могли перебросить из одного конца планеты в другой, заставить его выполнять тяжелые поручения и в считанные минуты сменить свою политическую роль.

Нам неизвестно, стал ли масоном Бронштейн в тюрьме или нет, но очевидно, что изучение масонства показало ему не только несовершенство его прежних представлений о мире, но и собственные слабости. Один из принципов масонства, с которым он наверняка ознакомился, состоял в самосовершенствовании. «Масонство – это перевоспитание человека», – провозглашали масоны.

Суровые испытания в тюрьме и исследования масонства заставили Лейбу Бронштейна

переосмыслить не только его идейные ориентиры, но и личные ценности. Лица, достигшие высоких ступеней посвящения, должны были не только полагаться на поддержку вышестоящих влиятельных особ, но и проявлять немалую требовательность к себе, отсекая от себя слабости, как куски неотесанного камня. Проявлением этой «огранки» стали перемены, происшедшие в характере Бронштейна после его выхода из тюрьмы.

И. Дейчер отмечал, что товарищам Бронштейна «настолько запомнилась теплота его дружбы на долгие годы, что позже» они «были поражены его беспощадностью в годы революции и гражданской войны». Скорее всего, взрывы добрых чувств к сокамерникам были лишь болезненной реакцией человека с расшатанной психикой. После завершения его пребывания в тюрьме ничего подобного в поведении Бронштейна не наблюдалось. Более того, после тюрьмы он стал подчеркнуто замкнутым и сдержанным в проявлении личных эмоций. Люди, которые видели Бронштейна в тюрьме, поражались той отчужденности, которую он стал проявлять в отношении своих бывших товарищей по заключению. Те, кто познакомился с Бронштейном-Троцким после заключения, отмечали его холодность и надменность, считая эти черты неотъемлемыми особенностями его натуры. Социал-демократ П.А. Гарви, встретивший Троцкого в Вене в 1912 году, писал, что тот внушал говорящим с ним «пафос дистанции», обладал «холодным блеском глаз за своим пенсне, холодным металлическим тембром голоса, холодной правильностью и отчетливостью речи». Й. Недава писал: «Многие мемуаристы отмечают безразличие Троцкого к друзьям, склонность отдаляться от них. Точнее было сказать, что у него не было друзей в обычном смысле этого слова (исключая Раковского и Иоффе, с которыми, впрочем, он тоже дружил недолго). Троцкий буквально излучал сознание своего превосходства; на его лице читали уверенность, что он не может тратить время на сентиментальную ерунду».

Свидетель бурных проявлений добросердечия и нежности Бронштейна в тюрьме, его друг со времен николаевского кружка, А.Г. Зив считал, что такое поведение было лишь временным явлением и приходил к твердому заключению, «что в душе Троцкого просто нет ни жестокости, ни человечности, вместо них – пустота. Душевное тепло к людям, не связанное с удовлетворением личных нужд, отсутствует в нем. Люди для него – просто особи, сотни, тысячи, сотни тысяч особей, способные питать его властолюбие. Троцкий нравственно слеп. Это врожденный физиологический недостаток, который англичане называют моральным помешательством. Душевный орган симпатии атрофировался у Троцкого в материнском чреве».

Вряд ли последнее замечание Г.П. Зива было справедливым. Нет сомнения в том, что неуживчивость Лейбы Бронштейна, во многом вызванная его болезненностью, могла постепенно исчезнуть по мере возмужания. Однако после тюрьмы он превратился в холодного и надменного человека, не скрывавшего своего отчужденного отношения к окружавшим его людям. Скорее всего, такая манера поведения была лишь внешним проявлением глубоких душевных перемен, происшедших с ним в заключении.

«Огранка» характера отразилась в выборе им псевдонима. Словно в древних посвящениях, когда после имитации нового рождения человеку давали новое имя, партийный псевдоним революционера навсегда связывал их с новой жизнью, а их подлинные фамилии нередко забывались. В одесской тюрьме Бронштейн встретил человека, под фамилией которого он стал в дальнейшем известен всему миру. Им был свирепый надзиратель Троцкий, гроза одесской тюрьмы, которого боялись не только заключенные, но даже тюремное начальство. Впоследствии обладателем фамилии тюремного надсмотрщика стал революционер.

В российской истории нет примеров того, чтобы деятель революции выбрал себе псевдоним подобным образом, хотя при выборе подпольных имен и кличек проявлялась немалая изобретательность. Для псевдонимов использовались собственные имена и географические названия (Ленин, Рязанов, Ярославский), названия материалов (Стеклов, Каменев, Сталин), орудий труда (Молотов), дней недели (Пятницкий) и даже птиц (Гусев), но никогда никому в голову не приходило выбрать себе фамилию того, кто олицетворял

суровый тюремный режим.

Историк Н.А. Васецкий исходил из того, что выбор псевдонима Бронштейном отразил ироничный склад ума заключенного: «Как бы в отместку надзирателю за его диктаторские замашки Троцкий и взял его фамилию своим псевдонимом, чтобы доказать всем, что фамилия матерого защитника самодержавия может служить и другим целям – революции».

И. Недава предлагал в качестве одного из объяснений происхождения псевдонима Троцкого его стремление отречься от еврейского: «Нет никакого сомнения, что фамилия Бронштейн мешала Троцкому по меньшей мере в быту. Ни к чему она была и интернационалисту, отрицавшему национальность, – уже просто потому, что носила на себе печать национальности… Фамилия Троцкий звучит скорее на польский, чем на русский лад, контрастируя с распространенной русской фамилией Троицкий». В то же время ученый полагает, что «Бронштейну импонировала фамилия, которую он, конечно, мысленно производил от немецкого (и идишистского) слова «тротц», означающего «вопреки», «наперекор». Насколько такая интерпретация близка к истине, видно из другого его литературного псевдонима, который, в сущности, повторяет первый – Антид Ото». (Троцкий превратил итальянское слово «antidoto», означающее «противоядие», в подобие имени и фамилии.)

Сидевший вместе с Троцким в тюрьме Г.А. Зив выдвигал иное объяснение, считая, что «молодому Бронштейну исключительно импонировала представительная, авторитарная фигура надзирателя одесской тюрьмы». Для физически нездорового, неустойчивого в своих настроениях, навязчиво думающего о самоубийстве Бронштейна Троцкий олицетворял все, чего он был лишен, – физической силы, непоколебимой уверенности в своих действиях и положения, позволявшего ему беспрепятственно подчинять своей воле десятки заключенных. Ныне психология накопила немало данных о тех странных сломах, которые происходят в человеческом сознании под влиянием утраты свободы. Анализируя поведение людей, ставших жертвами участившихся во второй половине XX века похищений, психологи установили, что некоторые люди, оказавшись под давлением невыносимого душевного стресса, порой принимали сторону своих похитителей, начинали им подражать в поведении и даже помогать им. Такое поведение похищенных было описано на примере захвата заложников в Стокгольме, подобные случаи получили в психологии название «стокгольмского синдрома». Не исключено, что восхищение Бронштейна тюремщиком Троцким можно объяснить схожим явлением.

Не лишены основания и объяснения Недавы и Васецкого. Восхищение Троцким вряд ли дало возможность Бронштейну забыть, что тюремщик олицетворял все то, что он с детства ненавидел, – торжество грубой невежественной силы. Лейба Бронштейн, для которого до заключения самое сильное поражение и унижение было в ходе школьной истории с Бюрнандом, впервые осознал, что значит оказаться под пятой жестокой власти. Он, привыкший с детства к положению господского ребенка, оказался в более жалком положении, чем любой батрак в имении его отца. Он был грязен и покрыт паразитами, как те работники, которые вызывали у него брезгливую жалость. Даже когда Троцкий писал мемуары, он не мог забыть, какую брезгливость вызывал у тюремщиков, пробыв в одиночке несколько месяцев без смены белья и мыла. Он был лишен свободы, которой обладал любой, самый жалкий бедняк. Наконец, им помыкали те, кого он всю жизнь привык презирать за их невежество и дикость.

Он был буквально втоптан в грязь, несмотря на свою принадлежность к народу, считавший себя Богоизбранным, и к интеллигенции, считавшей себя «самой разумной» частью российского общества. Ценности древней культуры, установки, принятые в среде интеллигенции, потерпели крах в его глазах. Фамилия «Бронштейн» связывала его с предками, которых, как он заучил с детства, вечно преследовали грубые и невежественные люди. Отказываясь от фамилии своих предков, Бронштейн рвал с судьбой, обрекавшей его на покорное подчинение грубой силе. Он больше не хотел быть с теми, кто вечно проклинал своих давно умерших гонителей, но не мог защитить себя от ныне господствующих в

обществе сил. Он не хотел быть среди тех, кого гнали, как баранов, в эмиграцию и за это позволяли прокричать проклятия в адрес России через просторы океанов и континентов.

Человек, который всю жизнь не мог простить школьным учителям наказание во втором классе, вряд ли был способен простить те тяжелые испытания и унижения, которые он перенес в тюрьме. Виновными в его муках он скорее всего считал строй, государство, всю страну. Для того чтобы впредь не стать жертвой подобных поражений и унижений, он должен был не только отречься от многого, что сделало его беспомощным, но и обрести качества, которыми обладали его победители. Для этого он должен был стать таким же сильным, жестоким и бесчувственным к страданиям других людей, как тюремный надзиратель Троцкий.

Очевидно, что решение о смене имени было результатом глубокой перековки характера и это было делом не одного дня. Превращение Бронштейна в Троцкого произошло через несколько лет после его пребывания в одесской тюрьме.

ОТ ТАЙГИ ДО БРИТАНСКИХ МОРЕЙ

Следствие по делу «Южно-русского рабочего союза», которое велось почти два года, наконец, завершилось. Приговор был вынесен без суда: четыре года сибирской ссылки. По дороге в Сибирь Л. Бронштейн пробыл полгода в Бутырской тюрьме Москвы. Здесь он впервые услышал о Ленине и прочитал его книгу «Развитие капитализма в России».

Здесь же, в Бутырской тюрьме, в конце 1899 года был заключен его брак с Александрой Соколовской. Церемонию провел иудейский раввин. Повествуя об этом важном событии в своей жизни в своих мемуарах, Троцкий был предельно сух: «Александра Львовна занимала одно из первых мест в Южно-русском рабочем союзе. Глубокая преданность социализму и полное отсутствие всего личного создали ей непререкаемый нравственный авторитет. Совместная работа тесно связала нас. Чтобы не быть поселенными врозь, мы обвенчались в московской пересыльной тюрьме». Как справедливо замечал Дейчер, если принять на веру это заявление, то можно подумать, что Бронштейн и Соколовская рассматривали свой брак как фиктивный.

Однако следует учитывать, что Троцкий писал свои мемуары после того, как он разошелся с Соколовской и был уже давно женат на другой женщине. Свидетели свадьбы и путешествия молодых к месту ссылки говорят, что Бронштейны вели себя так, как ведет себя обычно пара молодоженов. Оставив за собой тюрьмы с их суровыми надсмотрщиками, вроде Троцкого, и преодолев испытание долгого пути, молодые начинали свою совместную жизнь в исключительно трудных условиях.

Бронштейны поселились в заброшенном поселке золотоискателей Усть-Кут, который, по словам Троцкого, «знал раньше лучшие времена – с неистовым разгулом, грабежом и разбоем. Но в наше время село заглохло. Пьянство, впрочем, осталось. Хозяин и хозяйка нашей избы пили беспробудно. Жизнь темная, глухая, в далекой дали от мира. Тараканы наполняли ночью тревожным шорохом избу, ползали по столу, по кровати, по лицу. Приходилось время от времени выселяться на день-два и открывать настежь двери в 30-градусный мороз. Летом мучила мошкара. Она заела насмерть корову, заблудившуюся в лесу. Крестьяне носили на лицах сетки из конского волоса, смазанного дегтем. Весной и осенью село утопало в грязи». Даже тайга не радовала Бронштейна. Замечая, что «природа была прекрасна», он тут же оговаривался: «Но в те годы я был холоден к ней. Мне как бы жалко было тратить время и внимание на природу. Я жил меж лесов и рек, почти не замечая их».

Любой человек, проделавший долгий и трудный путь через Сибирь к месту своей ссылки, был бы склонен к мрачному восприятию и даже прекрасная природа оставила бы его равнодушным. За десять лет до того, как Бронштейны проделали нелегкий путь в ссылку, по этой же дороге пересек Сибирь по пути на Сахалин А.П. Чехов. В сибирских очерках писатель особо остановился на положении ссыльных: «По прибытии на место ссылки

интеллигентные люди в первое время имеют растерянный, ошеломленный вид; они робки и словно забиты. Большинство из них бедно, малосильно, дурно образовано и не имеют за собою ничего, кроме почерка, часто никуда не годного. Одни из них начинают с того, что по частям распродают свои сорочки из голландского полотна, простыни, платки, и кончают тем, что через 2-3 года умирают в страшной нищете; …другие же мало-помалу пристраиваются к какому-то делу и становятся на ноги; они занимаются торговлей, адвокатурой, пишут в местных газетах, поступают в писцы и т. п. Заработок их редко превышает 30—35 руб. в месяц».

Лишившись свободы и испытывая материальные трудности, ссыльные оказывались в обстановке, способствовавшей моральной деградации. Чехов писал: «Местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра и до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж задает вам вопрос: «А не выпить ли нам водки?» И от скуки пьет с ним ссыльный, сначала морщится, потом привыкает и, в конце концов, конечно, спивается. Если говорить о пьянстве, то не ссыльные деморализуют население, а население ссыльных».

Эти наблюдения перекликались и с впечатлениями Троцкого, который писал: «Некоторые ссыльные растворялись в окружающей среде, особенно в городах. Другие спивались». Правда, в отличие от Чехова, Троцкий видел причиной душевного нездоровья среди ссыльных склоки, которые постоянно присутствовали в их коллективах: «Идейные разногласия, как всегда в местах принудительного скопления людей, осложнялись дрязгами. Личные, особенно романтические конфликты, принимали нередко характер драмы. На этой почве случались и самоубийства». Рассказав про один случай самоубийства среди его знакомых по ссылке, Троцкий замечал: «Во всех больших колониях ссылки были могилы самоубийц».

Однако Бронштейн не пал духом, не запил и не совершал попыток свести счеты с жизнью. Молодым супругам надо было теперь заботится и о дочери Зине, которая появилась на свет в конце 1900 года. В середине же 1902 года родилась другая дочь – Нина.

Вероятно, Бронштейнам помогал отец Лейбы (он оказывал денежную помощь сыну чуть ли не до революции 1917 г.), но глава молодой семьи старался найти самостоятельный заработок. Для этого Бронштейн добился перевода из Усть-Кута в другое селение на реке Илим, где он устроился конторщиком у местного богача. Однако бухгалтерский опыт Бронштейна, приобретенный им во время летних каникул в Яновке, был невелик. По словам Троцкого, он прослужил всего полтора месяца, так как однажды «записал фунт краски-медянки как пуд и послал в отдаленную лавку чудовищный счет. Моя репутация была подорвана, и я взял расчет. Мы снова вернулись в Усть-Кут».

Переезд зимой в 40-градусный сибирский мороз на расстояние 250 верст в санях был нелегким. На коленях у Бронштейна была 10-месячная Зина, которая «дышала через меховую трубу, сооруженную над ее головой. На каждой остановке мы с тревогой извлекали девочку из ее оболочек».

Вторично в Усть-Куте Бронштейны пробыли недолго, переехав вскоре в Верхоленск. Ни в Усть-Куте, ни в Верхоленске Бронштейн не пытался больше работать по найму. Однако к этому времени он избрал себе занятие, которое приносило семье некоторый доход. Находясь в Усть-Куте, он стал сотрудничать в иркутской газете «Восточное обозрение». Под псевдонимом «Антид Ото» он опубликовал несколько очерков о жизни сибирской деревни, а затем стал писать литературные обзоры. Учеба в школе и воспитание в доме Шпенцеров не прошли даром. Он писал «о русских классиках, об Ибсене, Гауптмане и Ницше, Мопассане и Эстонье, о Леониде Андрееве и Горьком». Бронштейн работал упорно, и, по его словам, он «просиживал ночи, черкая свои рукописи вкривь и вкось, в поисках нужной мысли или недостающего слова». Бронштейн «становился писателем». Качество статей удовлетворяло редакцию, и он не испытывал недостатка в заказах. К тому же, по его словам, «газета неожиданно для меня повысила мой гонорар с двух до четырех копеек за строку. Это было высшим выражением успеха».

Семейная жизнь, заботы о малых детях и упорный литературный труд не позволяли Бронштейну опуститься. Он продолжал заниматься и самообразованием, хотя изучение «Капитала» продвигалось медленно. Он вспоминал: «Я изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страниц». Он утверждал, что еще до прибытия в Усть-Кут встал на марксистские позиции, замечая, что «ко времени ссылки марксизм окончательно стал для меня основой миросозерцания и методом мышления». В ссылке он пару раз поспорил со ссыльными народниками, критикуя их взгляды. Однако он по-прежнему не занимался изучением положения рабочего класса или опыта рабочего движения. Хотя им была написана пара очерков о сибирской деревне, но они не отличались глубиной социального анализа.

Распространяя расхожие представления о пореформенной деревне на сибирскую и иллюстрируя их своими впечатлениями от заброшенного поселка золотоискателей Усть-Кут, Бронштейн решительно заявлял: «Наша деревня экономически расхищается кулаками, физически всякими эпидемиями, наконец, с духовной стороны пребывает в какой-то концентрированной тьме». Несмотря на то что Чехов, в отличие от Бронштейна, был проездом в Сибири, он оставил более яркие зарисовки, позволяющие обратить внимание на отличие сибирской деревни от среднерусской.

Посетовав на скудость эстетического оформления сибирских деревень, Чехов восхитился трудолюбием сибиряков, которым прихопилось выполнять крестьянские обязанности в исключительно тяжелых климатических условиях. Отметил он и материальный достаток среднего крестьянина Сибири, чистоту и порядок в их избах: «Горница– это светлая, просторная комната, с обстановкой, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать. Чистота удивительная: ни соринки, ни пятнышка. Стены белые, полы непременно деревянные, крашеные или покрытые цветными холщовыми постилками; два стола, диван, стулья, шкаф с посудой».

Ничего подобного не найти в очерках Бронштейна о сибирской деревни. Скорее всего, это было вызвано тем, что, в отличие от Чехова, направлявшегося на сахалинскую каторгу для того, чтобы принять участие во Всероссийской переписи населения и с помощью этого социологического исследования, углубить свои познания о людях, Бронштейна интересовали вопросы, далекие от условий труда и жизни большинства населения страны. В мемуарах Троцкий писал: «В ссылке я попытался подойти под усвоенным мною углом зрения к так называемым «вечным» вопросам человеческой жизни: любви, смерти, дружбе, оптимизму, пессимизму и пр…В своих тогдашних статьях о литературе я разрабатывал, по существу, почти одну только тему: личность и общество».

Эта тема позволяла Бронштейну размышлять над вопросом о противостоянии сильной личности и общества, особенно в своих очерках о Фридрихе Ницше и творчестве Генрика Ибсена. Осуждая культ «белокурой бестии» Ницше, Бронштейн, тем не менее, поддержал непримиримость германского философа к мещанству. Критикуя крайний индивидуализм ряда героев Ибсена, Бронштейн положительно оценил позицию норвежского драматурга в отношении бюргерской морали, разделяя презрение его героев к невежественной «толпе»: «Если бы «толпа» призывалась для решения вопроса о верности той или иной научной теории, философской системы, – отмечал Бронштейн, – то Ибсен был бы тысячу раз прав».

На противопоставлении сильной личности, носителя передовых идей, зовущего людей в светлое будущее, невежественной толпе, зараженной первобытными инстинктами, строились и философские очерки Антид Ото. В очерке, посвященном началу нового XX века, Бронштейн выбрал точку обзора Земли из космической дали, представив себя в виде звезды Галактики: «Dum spiro spero (Пока дышу, надеюсь! – *лат.)…* Если бы я жил жизнью небесных тел, я бы совершенно безучастно относился к жалкому комку грязи… я бы равно светил и злым, и добрым».

Подводя итоги прошедшему столетию, Бронштейн писал, что XIX век принес больше разочарований, чем достижений. «Что же принес человечеству новый XX век? – вопрошал Бронштейн и отвечал: «Во Франции – ядовитую пену расовой ненависти (имелось в виду дело Дрейфуса. – *Прим. авт.);* в Австрии – националистическую грызню буржуазных

шовинистов; в Южной Африке – агонию маленького народа, добиваемого колоссом (речь шла об англо-бурской войне); на самом же «свободном» острове (так он иронически именовал Англию) – торжествующие гимны в честь победоносной алчности джингоистов (так называли английских шовинистов. – *Прим. авт.)* » (59, т. 1, 78).

Автору казалось, что XX столетие провозглашает: «Смерть Утопии! Смерть вере! Смерть любви! Смерть надежде! Сдавайся, мечтатель! Я, столь долго ожидавшееся XX столетие, пришло! Я – твое будущее!» Однако автор-мечтатель смело отвечал началу XX века: «Нет! Ты лишь настоящее!» Бронштейн провозглашал: «Пока я дышу, я буду бороться ради будущего, того лучезарного и светлого будущего, в котором человек, сильный и прекрасный, станет хозяином своей истории и направит его к бескрайним горизонтам красоты, радости и счастья!» Хотя Троцкий уверял, что в своих статьях, опубликованных в «Восточном обозрении», он пропагандировал марксистское мировоззрение, вряд ли с этим можно согласиться. Веру в прогрессивность XX века, поддержку Дрейфуса и буров выражали многие российские интеллигенты, в том числе и те, кто был весьма далек от марксизма.

Пока Бронштейн высказывался по поводу творчества Ницше и Ибсена, клеймил англичан за войну против буров и французов за «дело Дрейфуса», в России происходили события, серьезно повлиявшие на быстрое развитие революционного движения. Голод 1901 года, последовавший после страшного голода 1891 года и недородов 1897 и 1898 годов, привел к ухудшению положения значительной части крестьянства. В деревнях вспыхивали стихийные крестьянские восстания. Особенно сильные выступления крестьян вспыхнули в Полтавской и Харьковской губерниях.

Экономический кризис 1900—1903 годов привел к закрытию 3000 предприятий с 112 тысячами рабочих. Выступления рабочих в борьбе за свои права перерастали в политическую борьбу. На всю страну прогремела «Обуховская оборона» питерских рабочих в мае 1901 года, когда на попытки полиции подавить забастовку рабочие ответили активным сопротивлением. С весны 1901 года политические демонстрации охватили всю страну от Петербурга до Баку. Рабочие все активнее вступали в революционную борьбу. Если в 90-х годах рабочие составляли менее шестой части арестованных революционеров, то в 1901—1903 годах они составляли почти половину. В феврале и марте 1901 года демонстрации рабочих и студентов прошли в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Казани, Томске.

События, происходившие в стране, убеждали многих противников существующего строя в том, что желанная революция не за горами. На основе опыта «Обуховской обороны» Ленин осенью 1901 года выдвинул задачу подготовки народного восстания.

Подобные мысли разделяло все большее число революционно настроенных людей, и это способствовало созданию новых марксистских организаций. В 1901 году по инициативе томских рабочих был создан Сибирский социал-демократический союз. Сначала он существовал как самостоятельная организация вне российской партии и лишь в январе 1903 года Сибирский союз объявил себя комитетом РСДРП.

Бронштейн установил связь с иркутской группой Сибирского союза и стал писать для нее тексты прокламаций. Теперь Бронштейн вступал в революционную деятельность, уже имея опыт подпольной деятельности в Николаеве и опыт по изучению масонства. Рассказывая об этом времени, Троцкий замечал: «Моя работа над историей франкмасонства достаточно вооружила меня для того, чтобы понимать служебную функцию идей в историческом процессе. «Идеи не падают с неба», – повторял я вслед за стариком Лабриолой. Теперь дело шло уже не о чисто научном интересе, а о выборе политического пути». Очевидно, памятуя об организации масонов, Бронштейн написал реферат, в котором доказывал «необходимость создания централизованной партии». Точно так же, как в свое время он старался ознакомить своих товарищей по тюрьме со своей работой о масонстве, Бронштейн распространял свой реферат среди ссыльных.

Бронштейн считал, что он впервые внес эту идею в среду российских марксистов.

Лишь летом 1902 года он узнал, что подобные идеи уже давно имеют хождение в рядах еще разрозненной Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

Состоявшийся в Минске в марте 1898 года первый съезд РСДРП, хотя и декларировал создание единой партии, не привел к такому событию. Все делегаты съезда и вновь избранный ЦК после завершения съезда были арестованы, и российские марксисты, как и прежде, были лишены центральных органов партии. Координацию усилий по созданию общероссийской социал-демократической партии взяла на себя редакция газеты «Искра», издававшаяся с декабря 1900 года в Мюнхене, а затем с апреля 1902 года в Лондоне. В состав ее редакции входили как основоположники российского марксистского движения (Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич), так и молодые участники социал-демократического движения, но уже имевшие немалый опыт революционной деятельности (В.И. Ленин, Ю.О. Мартов, А.Н. Потресов). Секретарем редакции стала жена В.И. Ленина Надежда Константиновна Крупская.

На страницах «Искры» В.И. Ленин излагал свой план создания хорошо организованной и централизованной партии при помощи газеты. В статье «С чего начать?» Ленин утверждал, что партия – это штаб организаторов и руководителей борьбы пролетариата, неустанно ведущий революционную работу.

В мае 1902 года вышла в свет брошюра В.И. Ленина «Что делать?», в которой были изложены принципы перерастания стихийной экономической борьбы пролетариата в политическую, под руководством партии, вносящей в пролетариат социалистическую идеологию. «Стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров… Дайте нам организацию революционеров– и мы перевернем Россию!» – призывал В.И. Ленин. В июне 1902 года «Искра» опубликовала проект программы РСДРП.

Новости о жизни революционного подполья России прибывали в таежный край с большим опозданием. Обычно их привозили новые ссыльные. Троцкий вспоминал, что он с жадностью ждал прибытия очередной партии ссыльных, которые проезжали через Верхоленск. Именно здесь Бронштейн впервые встретился с двумя будущими руководителями ВЧК – Дзержинским и Урицким, которых сослали вверх по Лене.

От прибывавших в Верхоленск революционеров он впервые узнал, что «за границей создана «Искра», поставившая своей задачей создание централизованной организации профессиональных революционеров, связанных железной дисциплиной действия. Пришла изданная в Женеве книжка Ленина «Что делать?», целиком посвященная этому вопросу. Мои рукописные рефераты, газетные статьи и прокламации для Сибирского Союза сразу показались мне маленькими и захолустными перед лицом новой грандиозной задачи».

Эти новости привели Бронштейна к выводу: «Надо было искать другого поприща». Таким поприщем могла стать для него работа по созданию мощной всероссийской централизованной партии. При этом он не хотел довольствоваться ролью рядового исполнителя указаний центрального руководства на периферии, а желал активно участвовать в решениях главного штаба революционного подполья. Поэтому он делал другой вывод: «Надо было бежать».

Однако побег означал, что он должен был оставить на попечение своей жены Александры все заботы по уходу и воспитанию двух малолетних дочерей. Как утверждал Троцкий в своих воспоминаниях, «супруга была готова пойти на тяжелые лишения, говоря лишь одно слово: «надо». Революционный долг покрывал для нее все другие соображения, и прежде всего личные».

Троцкий писал, что в это время «началась эпидемия побегов. Приходилось устанавливать очереди. Почти во всяком селе встречались отдельные крестьяне, еще мальчиками подвергшиеся влиянию революционеров старшего поколения. Они тайно увозили политиков в лодке, на телеге, в санях, передавая из рук в руки. Сибирская полиция была, в сущности, так же беспомощна, как и мы. Огромные пространства были ее союзником, но и ее врагом. Поймать бежавшего ссыльного было трудно. Больше шансов на

то, что он утонет в реке или замерзнет в тайге».

На самом деле местное население не было уж столь «распропагандировано» революционерами, а просто проявляло характерное для русского человека участливое отношение к «пострадавшим», опиравшееся на известную русскую пословицу: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Об этом писал еще Герцен в своей книге «Былое и думы»: «Простой народ еще менее враждебен к сосланным, он вообще со стороны наказанных, – писал Герцен. – Около сибирской границы слово «ссыльный» исчезает и заменяется словом «несчастный». В глазах русского человека судебный приговор не пятнает человека. В Пермской губернии, по дороге в Тобольск, крестьяне выставляют часто квас, молоко и хлеб в маленьком окошке на случай, если «несчастный» будет тайком пробираться из Сибири». В советское время подобное отношение деревенских жителей Сибири к бежавшему из заключения запечатлел Василий Шукшин в рассказе «Охота жить».

12 июня 1902 года в Верхоленске сбежал из ссылки задержавшийся в этом городе под предлогом болезни Ф.Э. Дзержинский. 21 августа 1902 года из этого же города совершил побег Л.Д. Бронштейн.

Александра Бронштейн сделала все, чтобы побег как можно дольше остался незамеченным. На другой день после побега она убедила жандарма, что ее муж заболел и спит, показав на сеновал, где было сделано чучело в виде человеческой фигуры. Александра не знала еще, как ей придется выбираться из Сибири с двумя детьми. Не догадывалась она и о том, что невольно помогла краху своего брака.

Лишь через два дня из Верхоленска была направлена телеграмма:

«Губернатору. Копия полицмейстеру. Вчера самовольно отлучился Лейба Бронштейн 23 лет 2 аршина половиной волосы каштановые подбородок двойной разделен носит очки по заявлению жены Бронштейн выехал Иркутск. Исправник Людвиг».

Тем временем Лейба Бронштейн ехал на телеге вместе с другой беглой ссыльной в сторону железной дороги. Еще в пути спутники разделились, чтобы их труднее было поймать. Троцкий вспоминал: «Я без приключений сел в вагон, куда иркутские друзья доставили мне чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации. В руках у меня был Гомер в русских гекзаметрах Гнедича». Здесь же на сибирской станции Бронштейн вписал в фальшивый паспорт фамилию Троцкого.

Человек с фамилией одесского тюремщика сел в поезд, который двигался в западном направлении. Не так давно «Восточное обозрение» опубликовало его статью, посвященную смерти Глеба Успенского, в которой приводилась цитата из произведения покойного о том, что ему пришлось «забыть свое собственное прошлое», чтобы обрести новую личность. Может быть, эта мысль была созвучна настроению пассажира. Впрочем, потом в «Моей жизни» он лишь вспомнит о том, что читал в дороге Гомера.

В Самаре, куда из Сибири прибыл Л.Д. Троцкий, его встретил Г.М. Кржижановский, руководитель Бюро Русской организации «Искры». Секретарскую работу в бюро вели З.П. Кржижановская и сестра В.И. Ленина – М.И. Ульянова.

Познакомившись с Кржижановским и его окружением, участник давно забытого «Южно-русского рабочего союза» и известный лишь читателям «Восточного Обозрения» автор ряда литературных очерков вошел в круг ведущих деятелей российской социал-демократии. К этому времени за плечами автора популярной революционной песни «Варшавянки» Глеба Максимилиановича Кржижановского, известного в ту пору под конспиративной кличкой «Клэр», уже имелся немалый опыт участия в революционном движении. После разгрома «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» он был сослан в Минусинский округ. Находясь в ссылке, он подписал написанный Лениным «Протест российских социал-демократов», который явился важным этапом в борьбе против «экономистов». С тех пор Кржижановский был постоянно на стороне Ленина.

Троцкий прибыл в Самару, когда бюро Русской организации развертывало активную деятельность по осуществлению ленинского плана построения партии. В это время Ленин прислал из Лондона, где в это время издавалась «Искра», инструктивное «Письмо к

товарищу о наших организационных задачах». В нем предлагалось покончить с практикой деления партийных комитетов на два – один для рабочих, другой для интеллигенции. Особые усилия Ленин предлагал направить на создание комитетов на заводах. Он писал: «Каждый завод должен стать нашей крепостью».

Еще раньше 23 апреля 1902 года Ленин писал Кржижановскому: «Теперь наша главная задача – подготовить это, т. е. чтобы вполне свои люди проникли в возможно большее число комитетов… Это главная задача, ибо иначе нас неизбежно оттеснят: подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!… Итак, паки и паки: вступать в комитеты».

В то время большинство комитетов РСДРП и ее отдельные подпольные организации были поглощены местными делами и чрезвычайно разобщены. Через бюро Русской организации в различные города страны направлялись «агенты «Искры». Они должны были способствовать укреплению связей местных комитетов с «Искрой» и тем самым создавать единую партию. В число этих «агентов» входили наиболее проверенные члены партии, имевшие большой опыт революционной работы.

Совершенно не ясно, по каким причинам Троцкий получил поручение бюро провести инспекцию партийных организаций в Харькове, Полтаве и Киеве. Ведь он не состоял в РСДРП, а лишь сотрудничал с Сибирским союзом, но не стал его членом. К тому же эта организация еще не входила во всероссийскую партию. Неясно также, кто мог рекомендовать Троцкого и что могло содержаться в такой рекомендации? Весь его опыт политической работы сводился к написанию нескольких прокламаций для «Южно-русского рабочего союза» и «Сибирского союза». Его реферат о пользе создания централизованной партии был известен ограниченному числу лиц в Восточной Сибири. За пределами этого края не были известны и его литературные опыты. К тому времени Троцкий не имел возможности прославиться как блистательный оратор, покорявший массовые аудитории.

Единственное основательное произведение Троцкого к этому времени, которое он создал, был его рукописный труд о масонстве. Не эта ли работа помогла Троцкому найти доступ к штабам РСДРП? Впоследствии стало известно, что ряд видных деятелей РСДРП, вошедших в состав Временного правительства в 1917 года, были масонами. Не исключено, что и среди социал-демократов 1902 года можно было найти «вольных каменщиков». Такие люди могли оказать поддержку человеку, стремившемуся основательно изучать историю масонства. Их помощь в продвижении Троцкого вперед могла впоследствии быть использована ими. Однако у нас нет никаких документальных свидетельств причастности масонов к выдвижению Троцкого в «агенты «Искры».

Кржижановский и другие руководители самарского центра вряд ли были довольны тем, как он справился со своим заданием. По словам Троцкого, «в Самару я вернулся с довольно скудными результатами: связи на юге были еще слабо налажены, в Харькове адрес оказался недействителен, в Полтаве я натолкнулся на областной патриотизм».

Однако когда Троцкий возвратился в Самару, то оказалось, что его вызывают в Лондон, в редакцию «Искры». Троцкий писал, что «Ленин, с которым самарское бюро находилось в оживленной переписке, торопил меня с отъездом». И опять напрашиваются вопросы: почему Ленин, который не слыхал о Троцком, вдруг стал вызывать его в Лондон и даже требовать ускорить его отъезд? Можно предположить, что Ленин узнал о Троцком лишь со слов Кржижановского и своей сестры, работавшей в самарском бюро. Но почему же те вдруг решили, что Троцкого, ничем особенным не отличившегося во время своей командировки на юг России, надо рекомендовать для направления в эмигрантское руководство РСДРП? Оставляя этот вопрос без ответа, Троцкий и благожелательно относившиеся к нему биографы молчаливо исходили из того, что всякий повидавший Троцкого не мог не заметить его превосходных качеств. Скорее всего, Троцкого рекомендовали люди, которые давно знали его и следили за ним. Нельзя избавиться от впечатления, что какие-то люди, способные оказывать влияние на российское социал-демократическое движение, настойчиво и быстро продвигали доселе никому не известную фигуру вперед.

Такая поездка в Лондон требовала обеспечения Троцкого необходимыми средствами и ознакомления его с системой нелегального перехода через границу. По словам Троцкого, Кржижановский «снабдил меня деньгами на дорогу и необходимыми указаниями для перехода австрийской границы у Каменец-Подольска». Утверждалось, что именно Кржижановский придумал новый псевдоним Троцкому. Он был назван «Пером». Очевидно, что таким образом предполагалось, что отличительной особенностью его протеже является способность к литературной деятельности и его можно будет использовать в редакции «Искры». Если это так, то опять-таки неясно, на каком основании Кржижановский пришел к такому выводу.

Свой переезд от Самары до Лондона, полный приключений, Троцкий красочно описал в своей биографии. Из этого рассказа ясно, что путешественник не стеснялся беспокоить не только видных деятелей РСДРП, но и международного социал-демократического движения, как только он сталкивался с какими-то трудностями в ходе своей поездки. Так, оказавшись без средств в Вене, он потребовал немедленно допустить его до лидера австрийской Социал-демократической партии Виктора Адлера. Вопреки яростным возражениям Фридриха Аустерлица, редактора главного органа партии «Арбайтер Цайтунг», что по воскресеньям Виктора Адлера никому нельзя беспокоить, даже для того, чтобы сообщить, что в России убили царя и произошла революция, Троцкий требовал немедленного приема, утверждая, что его дело срочное и не требует отлагательств. Добившись свидания с Адлером, он получил от него необходимые средства для дальнейшей поездки по Европе.

В Цюрихе, куда направлялся Троцкий, жил и работал видный деятель российской социал-демократии П.Б. Аксельрод. Характеризуя ветерана партии, Дейчер постарался подчеркнуть то, что сближало его с Троцким: «Аксельрод был южноукраинским евреем, как и Троцкий». По словам Дейчера, «Аксельрод сочетал занятия политикой с практической деятельностью. В отличие от многих эмигрантов Аксельрод организовал небольшое предприятие по переработке молочных продуктов… Со своей широкой растрепанной бородой, он больше напоминал российского раввина, чем революционного политического деятеля».

Хотя Аксельрод не входил в «Бунд», он постоянно увязывал вопросы рабочего движения России со спецификой положения еврейского населения. Он писал: «Евреи-социалисты, исходя из совершенно верного положения об интернациональном характере социализма и классовой борьбы, сделали, однако, ошибку, упустив реальное положение евреев в России, как нации, противополагаемой остальному населению, и что поэтому… русско-еврейским социалистам никоим образом нельзя было так игнорировать в своей деятельности специально еврейскую массу – на основании космополитических соображений – и именно потому, что масса «коренного населения» еще очень далека не только от космополитических чувств и воззрений, но и от понятий о солидарности низших классов разных национальностей в пределах самой Империи».

В Цюрих Троцкий прибыл среди ночи, но это обстоятельство не помешало ему разбудить П.Б. Аксельрода, чтобы сообщить ему о своем приезде. Судя по всему, ветеран партии охотно простил путешественнику беспокойство. Со времени этой встречи у Троцкого и Аксельрода сложились хорошие отношения. Впоследствии Троцкий постоянно останавливался во время своих поездок в Швейцарию в доме Аксельрода. На титульном листе своей первой крупной работы «Наши политические задачи», вышедшей в 1904 году, Троцкий сделал надпись: «Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». Однако на этот раз Троцкий недолго задержался в доме Аксельрода, проследовав из Цюриха в Париж, а оттуда в Лондон.

Было раннее октябрьское утро 1902 года, когда в дверь лондонской квартиры, которую снимала супружеская пара Рихтеров, громко постучали. Через несколько минут поднятые с постели Рихтеры (под этой фамилией в Лондоне проживали В.И. Ленин и Н.К. Крупская) принимали молодого человека, известного им под псевдонимом «Перо», который попросил, чтобы они заплатили его извозчику и помогли найти ему место для жилья. Объясняя свою

бесцеремонность, Троцкий писал, что он «был полон зарядом своего побега из Верхоленска».

Но что же мог предложить Троцкий Ленину и другим руководителям «Искры» в качестве объяснения своего стремительного появления в «высшем свете» российской и мировой социал-демократии? По его собственным признаниям, багаж сведений, которые привез стремительно мчавшийся по Европе Троцкий, был скуден. Перед Лениным он «выложил скромный запас своих русских впечатлений: связи на юге слабы, явка в Харькове недействительна, редакция «Южного рабочего» противится слиянию, австрийская граница в руках гимназиста, который не хочет помогать искровцам». Он смог подробно изложить все эти, не столь уж важные, известия только потому, что, по словам Троцкого, «Ленин умел слушать».

Очевидно, что рекомендации, которые сопутствовали появлению Троцкого на берегах Темзы, предполагали, что в Лондон прибудет не просто носитель отрывочных и малонужных сведений о жизни российской социал-демократии, а лицо многообещающее в революционном движении, с большими задатками. Видимо, по этой причине Ленин, показывая Троцкому Лондон, решил его «незаметно проэкзаменовать. И экзамен был действительно «по всему курсу». «А как обстояло дело по части теории?» – спросил его Ленин. Троцкий поспешил ответить, что по первоисточникам изучал полемику между Бернштейном и Каутским, но вынужден был признать, что изучение «Капитала» Маркса пока застопорилось на втором томе. Зато Троцкий рассказал, что еще в пересыльной тюрьме проштудировал ленинскую книгу «Развитие капитализма в России» и выразил свое восхищение работой Ленина над статистическими источниками.

Из последующего ясно, что после беседы с Троцким Ленин не мог решить, что, собственно, делать в Лондоне вновь прибывшему эмигранту. Как признавал Троцкий, «насчет моей работы разговор был в этот раз самый общий. Предполагалось, что я некоторое время пробуду за границей, ознакомлюсь с вышедшей литературой, осмотрюсь, а там видно будет. Через некоторое время я предполагал, во всяком случае, вернуться нелегально в Россию для революционной работы».

Получалось, что командировка Троцкого из России в лондонский центр социал-демократического движения, потребовавшая немало средств и связанная с риском для тщательно организованной системы нелегальной переправы революционеров через границу, была предпринята, несмотря на то что никто точно не знал, чем занять Троцкого в Лондоне. Странность этой поездки усугублялась повышенным вниманием к ней Ленина, Кржижановского, Аксельрода и даже руководителей австрийской социал-демократии (ее лидер Адлер не только помог Троцкому деньгами, но даже извинился за резкое обращение к нему главного редактора «Арбайтер Цайтунг» Ф. Аустерлица). Почему ведущие социал-демократы России и Австрии оказывали столь много внимания заграничному вояжу 22-летнего человека, который лишь недавно стал проявлять интерес к марксизму?

Этот вопрос был вынужден поставить и И. Дейчер, сформулировав его в форме внутреннего монолога Троцкого: «И прежде всего вопрос: зачем Троцкого так срочно вызвали в Лондон и что ему было тут нужно делать?» Дейчер вынужден был признать: «По правде говоря, его не ожидало никакое особое задание».

Возможно, что ответу на этот вопрос поможет рассказ о схожей судьбе другого молодого эмигранта из России, которому несколько лет назад также оказывалось подобное преувеличенное внимание ведущими социал-демократами Европы. В 1886 году из России в Швейцарию прибыл 19-летний выпускник одесской гимназии Израиль Лазаревич Гельфанд (он был также известен и как «Александр Гельфанд», и как «Парвус»), Там он был принят Плехановым и другими членами руководства группы «Освобождение труда». В Швейцарии Гельфанд остановился в Базеле, где поступил в университет, который окончил в 1891 году. Несмотря на то что он завершил учебу с весьма посредственными оценками, Гельфанд был взят под опеку ведущих деятелей германской социал-демократической партии Карлом Каутским и Кларой Цеткин.

Он осел в Штутгарте, и вскоре 24-летний Гельфанд стал публиковаться в газете «Нейе цайт», выходившей под редакцией К. Каутского. Одну из своих первых статей Гельфанд посвятил значению торговли зерном в экономической конкуренции между Россией, США и странами Западной Европы. Гельфанд доказывал, что Россия и США скоро лишат Западную Европу мировой экономической гегемонии и следствием этого будет рост цен на зерно.

Владение превосходной информацией о рынке зерна объяснялось просто: так же, как и Троцкий, Гельфанд был сыном богатого одесского зернопромышленника. Свои знания об этом главном товаре мирового продовольственного рынка он постоянно совершенствовал и развивал связи с влиятельными людьми в этой сфере.

В это время Гельфанд (с 1894 г. он избирает себе псевдоним Парвус) не имел германского подданства, что создавало ему некоторые неудобства. Имеется переписка между Карлом Каутским и Виктором Адлером в связи с их попытками добиться предоставления Парвусу германского или австрийского подданства. И все же человек без подданства сумел играть активную роль в жизни социал-демократии Германии и Австрии. Он активно участвовал в съездах СДПГ, зарекомендовав себя крайним радикалом.

В серии своих статей, опубликованных в «Нейе Цайт» в 1892 году, Парвус выдвинул идею политической забастовки, как наиболее эффективного способа борьбы с капиталистическим строем. «Раскол в жизни государства, вызванный забастовкой, – писал Парвус, – поставит партию в положение, когда ей придется принять «основное решение», иными словами, партия должна будет вступить в открытую борьбу за власть в стране».

Атакуя Бернштейна, Парвус выступал против пассивного ожидания краха капитализма. Призывая социал-демократию Германии к активным действиям, он писал: «Дайте нам полгода насилия со стороны правительства и капиталистическое общество станет достоянием истории». На штутгартском съезде партии в 1898 году он пытался провести прореволюционную резолюцию, но руководитель СДПГ Август Бебель ответил на революционные призывы Парвуса решительным заявлением: «Не поддадимся на провокации!»

Вскоре Парвус отказался от революционных призывов и поддержал Бернштейна, который настаивал на активном участии СДПГ в борьбе за места в рейхстаге. В 1903 году на дрезденском съезде СДПГ ее лидер Август Бебель высмеивал резкую эволюцию взглядов Парвуса: «Взгляните на Парвуса. Еще совсем недавно, любой из нас мог поклясться, что перед нами несгибаемый радикал, а теперь эта гордая твердыня радикализма, этот колосс… лежит в руинах».

Активно участвуя во внутрипартийных спорах, происходивших в СДПГ, и занимая то ультралевую, то правоцентристскую позицию, Парвус тем не менее уделял главное внимание изучению проблем мирового рынка и в своей политической деятельности старался навязать СДПГ свое восприятие этих проблем. Так в 1900 году он осуждал невнимание германских социал-демократов к вопросу о свободной торговле и конкурентной борьбе между США, Россией и странами Западной Европы. Он писал: «Для того, чтобы выиграть в этой грандиозной гонке, непременным условием для Западной Европы является свободная торговля… Свободная торговля… приведет к созданию Соединенных Штатов Европы».

Он запугивал Германию перспективой быстрого хозяйственного роста России и предсказывал ее расцвет как капиталистического государства в ближайшие 10—15 лет. В 1899 году Парвус предпринял поездку в Россию. Его особенно интересовало состояние зернового производства в России после нескольких лет плохих урожаев. Одновременно он старался выявить наиболее уязвимые стороны в общественном и хозяйственном устройстве страны. Вместе с германским социал-демократом Леманом он пересек российско-германскую границу по подложному паспорту на имя чеха Августа Пена. Результатом этой поездки была книга, написанная им совместно с Леманом, в которой они доказывали внутреннюю слабость России вопреки «выставочной пропаганде» русского правительства (имелись в виду выставки в Чикаго и Париже). Еще в 1895 году Парвус сделал прогноз о скором начале русско-японской войны, следствием которой станет революция в

России. Теперь, после посещения России, он вновь доказывал, что страна находится на грани сокрушительного революционного взрыва, и призывал Западную Европу поддержать грядущую революцию против царского самодержавия.

Так как Парвус сохранил свои связи с российскими социал-демократами, то Плеханов и другие видели в нем проводника своих интересов в германской СДП. Парвус встречался с Потресовым во время своей нелегальной поездки по России, а накануне II конгресса II Интернационала (1896 г.) Потресов даже предложил Парвусу выступить в качестве делегата от российской социал-демократии.

На первых порах Ленин также высоко оценивал Парвуса. В своей рецензии на книгу Парвуса Ленин в 1899 году называл его «талантливым германским публицистом», который «ставит во главу угла развитие мирового рынка и описывает прежде всего, какие стадии проходит это развитие в последнее время по мере падения промышленной гегемонии Англии».

Через год Ленин лично познакомился с ним, когда поселился в Швабинге, пригороде Мюнхена, где в это время жил Парвус. З. Земан и В. Шарлау имеют основание писать, что «первые пять лет нашего столетия квартира Гельфанда в Швабинге была настоящим центром русской эмиграции… На своей квартире в Швабинге Гельфанд оборудовал нелегальную типографию с современным печатным станком, имевшим специальное устройство, которое позволяло мгновенно рассыпать набор, – это была мера предосторожности против возможных налетов полиции. На этом станке было отпечатано восемь номеров «Искры».

Роль, которую Парвус играл в деятельности «Искры» и в связях российских социал-демократов с германскими, заставляла руководство РСДРП прислушиваться к его советам и просьбам. И если он обратился бы с просьбой о помощи тем или иным выходцам из России, то вряд ли руководство РСДРП отказало бы ему в этом. Если допустить, что, узнав о побеге своего сына из Сибири, Давид Бронштейн попросил своего коллегу по зерноторговле Лазаря Гельфанда, чтобы тот через своего сына помог Лейбе бежать из России и устроить его за границей, то Парвус мог бы удовлетворить эту просьбу с помощью своих друзей в РСДРП. Не исключено, что при этом обратились к Ленину, потому что он имел связи с Одесской партийной организацией через своего брата Дмитрия, который находился в это время в Одессе по поручению руководства РСДРП. (О тесных связях Ленина с Одессой свидетельствовало и то обстоятельство, что на II съезде РСДРП он представлял одесских социал-демократов, хотя сам ни разу не бывал в этом городе.) Возможно, что все было так и именно этим объяснялись повышенное внимание к Троцкому в Самаре со стороны Кржижановского, а затем неожиданный вызов Троцкого в Лондон.

Это предположение можно отвергнуть, заявив: «Даже если бы Давид Бронштейн обратился за помощью к Гельфандам, то он ничего бы не достиг. Израиль Гельфанд давно покинул Одессу и уже не имел ничего общего с одесскими зерноторговцами». Однако дальнейшая судьба Израиля Гельфанда свидетельствовала о том, что он никогда не порывал связей с миром зернопромышленников. Хотя Гельфанд-Парвус посвятил значительную часть своей жизни социал-демократическому движению Германии и России, он в конечном счете вернулся к занятию своего родителя. «Когда он поставил себе целью стать богатым человеком, – писали биографы Гельфанда-Парвуса З. Земан и В. Шарлау, – он избрал для себя тот же путь, что и одесские купцы: торговля зерном на побережье Черного моря стала фундаментом его финансового успеха». Начиная с 1911 года Парвус активно занялся оптовой торговлей зерном, а вскоре превратился в одного из богатейших зерноторговцев Европы.

Почему же коммерсант по происхождению и склонностям посвятил значительную часть своей жизни деятельности в социал-демократическом движении? Многие историки, рассказывая о Парвусе, постоянно именуют его «авантюристом», и это предполагает, что для него главным была страсть к рискованным приключениям. Но почему бы не предположить, что, временно отказавшись от коммерции, Израиль Гельфанд выполнял волю своих родных, близких или людей из круга своего отца, направивших его в ряды социал-демократического

движения с целью сбора ценной информации и оказания влияния на ее деятельность?

В сложной политической обстановке конца XIX – начала XX вв., когда во всех странах ждали начала мировых и локальных войн, мировых и национальных революций, чрезвычайно активизировалась тайная охота за конфиденциальной информацией. Одновременно умножились действия государственных и других организаций, стремившихся повлиять на подготовку и развитие будущих глобальных и локальных конфликтов.

Одним из важнейших объектов внимания являлось социал-демократическое движение. В конце XIX века мировая социал-демократия представляла собой быстро развивавшуюся силу, стремившуюся перестроить мир на принципиально новой социалистической основе. Те немногие социалисты и социал-демократы, вроде Мильерана или Бернштейна, которые говорили о сотрудничестве с капиталом или на практике осуществляли такое сотрудничество, беспощадно осуждались остальными товарищами по партии. Полиции всех стран мира засылали своих агентов в ряды социал-демократов, чтобы узнать все о намерениях и попытаться направлять их деятельность в нужном для властей направлении. В России в это время была предпринята попытка взять под контроль полиции рабочее движение (так называемая зубатовщина).

Не только полиция, но и буржуазия ведущих стран мира с тревогой следила за успехами мировой социал-демократии. Особую активность могли проявлять зернопромышленники, для которых революции означали прежде всего катастрофические потрясения в сфере продовольственного рынка. Еще со времен легендарного Иосифа было известно, что, зная о грядущих катаклизмах, можно накапливать зерно, чтобы затем предотвратить голод или сбыть хлеб с огромной прибылью. Кроме того, зерноторговцы всего мира, включая Давида Бронштейна из Яновки, знали, что даже события в далекой Аргентине могли отражаться на процветании зернопроизводителей Южной Украины. Поэтому для мировой зерноторговли всегда было необходимо иметь надежную информацию о событиях, которые могли произойти в будущем в самых разных концах планеты. На основе этой информации они старались предпринять действия, направленные на достижение наиболее выгодных для себя результатов.

Судя по деятельности Парвуса среди социал-демократов, он использовал свое положение не только для того, чтобы собирать активно информацию о хозяйственном и политическом положении крупнейших стран Европы и Северной Америки, но и влиять на направление политической жизни этих стран в интересах мировой зерноторговли. Например, требования свободной торговли или создания Соединенных Штатов Европы, на которых постоянно настаивал Парвус в своих статьях, отвечало интересам зерноторговцев, желавших устранения многочисленных таможенных барьеров. Немалые возможности для обогащения спекулянтов зерном создавались и во время революционных кризисов. Своевременное приобретение зерна в стране, удаленной от эпицентра революционных потрясений, могло в считанные дни озолотить удачливых зерноторговцев. Не исключено, что именно этим определялось внимание Парвуса к России, как стране, в которой может разразиться революционная буря. Кроме того, судя по действиям Парвуса, он стремился ускорить наступление этой бури.

Но если можно объяснить, почему зернопромышленники имели желание направить своего человека в ряды социал-демократов, то почему же социал-демократы мирились с присутствием в своей среде выходцев из враждебного им класса? С одной стороны, есть немало свидетельств о том, что революционные организации в разные времена и в разных странах, хронически страдавшие от нехватки средств, всегда были готовы принять денежные воспомоществования от богатых людей, забывая на время о том, что они борются против господства этих плутократов. В конце XIX века не только «Бунд» принимал денежные пожертвования от капиталистов. Группа «Освобождение труда» получала в эти годы помощь не только от рабочих Одессы, но и выходцев из других классов. В дальнейшем РСДРП не раз принимала немалые денежные воспомоществования от крупных капиталистов России. Вряд ли эти взносы были абсолютно бескорыстными. Скорее всего, дарители получали за это

возможность получения ценной информации или влияния на политику в нужных для них областях экономики.

С другой стороны, революционеры Европы могли испытывать острую потребность в установлении связей с хорошо информированными людьми из сферы зерноторговли. В той же степени, в какой зернопромышленники желали точно знать, где и когда можно ожидать социальных и политических катаклизмов, революционеры желали точно знать, где и когда можно ожидать нехватки продовольствия. По крайней мере со времен французской революции 1789—1794 годов стало ясно, что перебои в снабжении хлебом в городах создают надежные предпосылки для социальных и политических переворотов. Подобные перебои могли создаваться не в результате превратностей погоды, а с помощью махинаций спекулянтов зерном. В рядах европейской социал-демократии Парвус был человеком, который мог представить надежный прогноз относительно состояния мирового зернового рынка и дать дельные советы относительно возможных действий зерноторговцев в различных странах мира.

Однако нам остается только догадываться о той многогранной роли, которую сыграл Парвус в мировой истории. Как всякий человек, связанный с деятельностью тайных организаций, Парвус, по словам его биографов Земана и Шарлау, «был скрытен до маниакальности и предпочитал создавать о себе легенды, окружая свое имя плотной завесой тайны».

Не исключено, что Парвус был не единственным лицом, который соединял совпавшие отчасти интересы международных зернопромышленников и мировых революционеров. Если это так, то Троцкий был просто очередным звеном в сложной системе связей, которые к началу XX века соединяли политических и классовых антагонистов. По этой причине в 1902 году перед очередным выходцем из семьи одесского зерноторговца лидеры европейской социал-демократии распахивали двери и создавали максимум благоприятных условий для его пребывания в Западной Европе.

После изучения Троцким истории масонства события, происходившие с ним осенью 1902 года, вписывались в его представления о том, как должно было происходить возвышение рядового члена тайной организации после того, как он удостоился признания ее высших руководителей, и он ждал дальнейших событий. Что же касается покровителей Троцкого, то они решили сначала посмотреть, на что способен их протеже.

НОВАЯ ЗВЕЗДА НА ПОЛИТИЧЕСКОМ НЕБОСКЛОНЕ

В первый же день после своего приезда Троцкий разместился в доме, где жили двое из руководства «Искры», – Ю.О. Мартов и В.И. Засулич. Дейчер утверждал, что соседство Троцкого с Мартовым и Засулич в значительной степени предопределило и его политическое сближение с ними, а не с Лениным, который жил в другом доме. Юлий Мартов был на семь лет старше Троцкого и, по свидетельству Дейчера, происходил «из старой семьи видных ученых евреев». Будучи одним из создателей «Бунда» и автором программы этой партии, он вскоре вышел из нее и вступил в РСДРП. Мартов быстро сблизился с Троцким. Впрочем, больший разрыв в возрасте и различия в национальном и социальном происхождении между Троцким и Верой Засулич не помешали последней проявлять доброжелательность по отношению к новому эмигранту.

На первых порах Троцкий читал подшивки «Искры» и книжки, которые выпускало издательство «Заря». Вскоре он попытался сам написать заметки для «Искры».

Первая заметка Троцкого в «Искре», которая вышла 1 ноября 1902 года, была посвящена празднованию в России 200-летия основания Петром I Шлиссельбургской крепости. Троцкий напоминал, что юбилейная крепость использовалась как тюрьма, и осуждал «патриотические вакханалии». В заметке «Акулы славянофильства», опубликованной в следующем номере «Искры», он вновь обрушивался на русский патриотизм, «идеи панславянского братства». В третьей заметке он атаковал «политику

русификации» в Финляндии.

Ознакомившись с первыми литературными опытами Троцкого, предложенными для публикации в «Искре», Плеханов решительно заявил: «Перо вашего «Пера» мне не нравится». Троцкий продолжал писать, но, чтобы удовлетворить требования Плеханова, Ленину приходилось основательно переделывать статьи молодого автора, устраняя его помпезные фразы и цветистые обороты.

Вскоре для Троцкого нашлось занятие, в котором он в большей степени продемонстрировал свою пригодность для руководства партии. Ему поручили поучаствовать в дебатах с другими революционными эмигрантами. И тут оказалось, что молодой и плохо образованный Троцкий легко одержал верх над более старшими и более образованными революционерами, включая патриарха эмиграции народника Чайковского и анархиста Черкизова.

Красноречие Троцкого, его умение подавить аргументы оппонентов иронией или язвительной шуткой, внести в речь эмоциональные краски, добавив свои свежие впечатления, привезенные из Сибири и Юга России, позволили ему одержать бесспорную победу в дебатах, которые происходили в лондонском Уайт-Чепеле. Теперь Троцкий с яростью защищал марксизм, который он так долго атаковал во время дебатов в кружке Швиговского. Позже Троцкий насмешливо писал о поверженных им противниках: «Я искренне удивлялся тем ребяческим доводам, при помощи коих почтенные старцы сокрушали марксизм».

Троцкий вспоминал: «Я возвращался в очень приподнятом настроении, тротуара под подошвами совсем не ощущал». Паривший мысленно над землей Троцкий имел основание испытывать восторг. Неизвестно, сознавал ли он это или нет, но в ходе этого выступления у него впервые публично открылся ораторский талант, который ему верно служил на протяжении всей его остальной бурной политической жизни. Но тогда для Троцкого было ясно одно: после его успеха в Уайт-Чепеле его ораторские способности не только получили признание в высших кругах социал-демократии, но и оказались востребованными.

Ветераны социал-демократии были в восторге от успеха новичка. Руководители партии прекрасно знали, что Россия стоит на пороге великих революционных событий, а революционная партия все еще жила привычками к суховатым ученым дебатам в узких кружках единомышленников. В новой обстановке требовались люди, способные подавлять оппонентов насмешкой и презрением, зажигать сердца сомневающихся яркой речью и вдохновлять единомышленников красочными картинами светлого будущего.

Ленин и его коллеги могли ощутить в Троцком обостренную способность улавливать настроения аудитории, внушать доверие людям и направлять их мысли. Они не могли не признать, что не их рафинированный марксизм, а смесь из марксистских понятий и газетных клише о достижениях прогресса, общих рассуждений о вреде бесправия и отсталости в монологах Троцкого о России и революции была более понятна массовой аудитории.

Разумеется, Ленин, Засулич и другие не могли не заметить поверхностность познаний Троцкого в марксистской теории. В иных условиях они могли бы беспощадно атаковать вульгаризацию им идеологии, его неглубокое осмысление политического опыта партии. Но теперь на эти недостатки можно было закрыть глаза. Более того, безапелляционность суждений Троцкого, резкость его выражений и манер, воспринимались лидерами партии с точки зрения того, как это может быть использовано в борьбе за умы масс. Вывод почти всех опытных членов партии мог быть однозначным: эти недостатки превращались в достоинство для руководителя партии в условиях надвигавшейся революционной грозы.

Связь между общественными потрясениями и расцветом ораторского искусства давно была замечена. По этой причине еще Мишель Монтень сурово осуждал ораторское искусство, заметив: «Это орудие, изобретенное для того, чтобы волновать толпу и управлять неупорядоченной общиной, применяется, подобно лекарствам, только в нездоровых государственных организмах… Красноречие процветало в Риме больше всего тогда, когда его потрясали бури гражданской войны, подобно тому как на невозделанном и запущенном

поле пышнее всего разрастаются сорные травы».

Не случайно французская революция выдвинула целую плеяду знаменитых ораторов, таких как Марат, Робеспьер, Дантон. В начале XX века блистательные ораторы появились прежде всего в тех странах, которые переживали острые общественно-политические кризисы.

Троцкий всю свою жизнь тщательно изучал особенности красноречия многих замечательных ораторов своего времени. Он начал изучение ораторского искусства еще в кружке Швиговского, когда, подражая своему кумиру Лассалю, обнаружил свое желание стать первоклассным оратором. Тогда он тщательно изучал приемы ораторского искусства по книге Шопенгауэра «Искусство ведения дебатов». Дейчер писал, что, кроме этой попытки овладеть красноречием с помощью Шопенгауэра, Троцкий не пытался специально обучаться ораторским приемам. Однако это не означало, что он не думал об ораторском поприще. Даже рассказ Мухина о том, как тот убеждал рабочих в необходимости начать борьбу против царского строя с помощью горсти фасоли, был взят Лейбой Бронштейном на заметку в качестве примера удачного выступления в массовой аудитории. Впоследствии он умножил свои наблюдения, собрав на протяжении своей жизни целую коллекцию из личных впечатлений об устных выступлениях различных ораторов. В своих зарисовках с натуры Троцкий старался обращать внимание на малейшие детали в их речах, нередко подробнейшим образом описывая жестикуляцию, мимику, речевые особенности оратора.

Вот как описывал Троцкий выступление Ленина: «Первые фразы обычно общи, тон нащупывающий, вся фигура как бы не нашла равновесия, жест не оформлен, взгляд ушел в себя, в лице скорее угрюмость и как бы даже досада – мысль ищет подхода к аудитории. Этот вступительный период длится то больше, то меньше – смотря по аудитории, по теме, по настроению оратора. Но вот он попал на зарубку. Тема начинает вырисовываться. Оратор наклоняет верхнюю часть туловища вперед, заложив большие пальцы рук за вырезы жилета. И от этого двойного движения сразу выступают вперед голова и руки… Руки очень подвижны, однако без суетливости и нервозности… Голос смягчался, получал большую гибкость и – моментами – лукавую вкрадчивость».

«Но вот оратор приводит предполагаемое возражение от лица противника или злобную цитату из статьи врага. Прежде чем он успел разобрать враждебную мысль, он дает вам понять, что возражение неосновательно, поверхностно или фальшиво. Он высвобождает пальцы из жилетных вырезов, откидывает корпус слегка назад, отступает мелкими шагами, как бы для того, чтобы освободить себе место для разгона, и – то иронически, то с видом отчаяния – пожимает крутыми плечами и разводит руками, выразительно отставив большие пальцы. Осуждение противника, осмеяние или опозорение его – смотря по противнику и по случаю – всегда предшествует у него опровержению. Слушатель как бы предуведомляется заранее, какого рода доказательство ему надо ждать и на какой тон настроить свою мысль. После этого открывается логическое наступление. Левая рука попадает либо снова в жилетный вырез, либо – чаще – в карман брюк. Правая следует логике мысли и отмечает ее ритм. В нужные моменты левая приходит на помощь. Оратор устремляется к аудитории, доходит до края эстрады, склоняется вперед и округлыми движениями рук работает над собственным словесным материалом. Это значит, что дело дошло до центральной мысли, до главнейшего пункта всей речи».

Совершенно ясно, что столь подробный анализ поведения оратора на трибуне мог делать либо автор пособия по красноречию, либо человек, который стремился постигнуть это искусство самостоятельным наблюдением. Подобным же образом Троцкий разбирал и выступления других ораторов начала XX века. Вот рассказ Троцкого о лидере французских социалистов Жоресе: «На трибуне он кажется огромным, а между тем он ниже среднего роста… Как оратор он несравним и несравнен. В его речи нет той законченной изысканности, иногда раздражающей, которой блещет Вандервель-де. В логической неотразимости он не сравнится с Бебелем. Ему чужда злая, ядом напоенная ирония Виктора Адлера. Но темперамента, но страсти, но подъема у него хватит на всех их… У французов

ораторская техника – общее наследство, которое они берут без усилий и вне которого они немыслимы, как «культурный» человек без платья. Всякий говорящий француз говорит хорошо. Но тем труднее французу быть великим оратором. А таков Жорес. Не его богатая техника, не огромный, поражающий, как чудо, голос его, не свободная щедрость его жестов, а гениальная наивность его энтузиазма – вот что роднит Жореса с массой и делает его тем, что он есть».

Троцкий умел найти сильные стороны в самых разных ораторах и подробно анализировал их. Разбирая особенности ораторского искусства Виктора Адлера, он замечал: «Оратор Адлер совсем особенный. Кто ждет от оратора живописных образов, могучего голоса, разнообразия жестов, бурного пафоса, пусть слушает Жореса. Кто требует от оратора изысканной законченности стиля и такой же законченности жеста, пусть слушает Вандревельде. Адлер не даст ни того, ни другого. У него хороший, внутренний голос, но не сильный, и притом голосом Адлер не владеет: неэкономно расточает его и под конец речи хрипит и кашляет. Жесты его не богаты, хотя и очень выразительны. Нужно еще добавить, что Адлер довольно сильно заикается, особенно в начале речи. Но в то же время это один из самых замечательных ораторов Европы».

В чем же сила Адлера как оратора, по мнению Троцкого? «Сильнейшее орудие Адлера – его ирония, глубокая, ибо исполненная нравственного содержания, и в то же время общедоступная, житейски-меткая. Как оратор-полемист, Адлер недосягаем. Он не пренебрегает, разумеется, и случайным, второстепенным промахом противника, но главная его задача всегда – вскрыть основную капитальную глупость. Именно **глупость…** И когда он говорит, подбирая для своей мысли слова и сопровождая свою работу игрой лица, которое освещается вспышками иронии, тогда даже и органический дефект его речи кажется необходимостью: короткие паузы, уходящие на то, чтобы совладать с заиканьем, как бы приближают слушателя к творческой работе оратора, – точно материал упорствует, не сразу поддаваясь резцу».

В этих заметках Троцкого читатель не узнает почти ничего о содержании речей или их идейной направленности. Хотя в этих зарисовках можно узнать о тоне, тембре голоса, даже заикании ораторов, но не приведено ни слова из их речей. Очевидно, что содержательная часть речи не очень интересовала Троцкого. Это не случайно. Троцкий пришел к убеждению, что оратор должен произносить речи, которые дадут импульс не к мыслям, а действию. Он писал: «Разве в речи ценна какая-либо другая логика, кроме логики, понуждающей к действию?» «Логика, понуждающая к действию» присутствовала, по его мнению, прежде всего в жестах, ритме речи, ее эмоциональной окраске.

Опыт собственных выступлений убеждал Троцкого в том, что необходимые слова оратор находит интуитивно. Для этого было необходимо достичь эмоционального контакта с аудиторией. Позже, вспоминая свои выступления на митингах в 1917 году в петроградском цирке «Модерн», Троцкий писал: «Моментами казалось, что ощущаешь губами требовательную пытливость этой слившейся воедино толпы. Тогда намеченные заранее доводы и слова позабывались, отступали под повелительным нажимом сочувствия, а из-под спуда выходили во всеоружии другие слова, другие доводы, неожиданные для оратора, но нужные массе. И тогда чудилось, будто сам слушаешь оратора чуть-чуть со стороны, не поспеваешь за ним мыслью и тревожишься только, чтобы он, как сомнамбула, не сорвался с карниза от голоса своего резонерства».

Почти такими же словами объяснял секрет своих успешных публичных выступлений (и тоже в цирке) Адольф Гитлер, который провозглашал в своих речах непримиримую борьбу с марксистами и евреями. За несколько лет до выхода в свет «Моей жизни» Троцкого Гитлер в книге «Моя борьба» так описывал свои выступления в цирке «Кроне»: «Мне кажется, что выступающий… если он блестящий популярный оратор, не будет повторять тот же самый подход и ту же самую суть дважды в той же форме. Он всегда позволит, чтобы его несли большие массы таким образом, чтобы подходящие слова произносились его губами, для того, чтобы они дошли до сердец его слушателей. И если он ошибается, даже немного, перед

ним находится живая аудитория, которая его поправит… Во-первых, он может читать по выражению лиц своей аудитории, понимают ли они то, что он говорит, во-вторых, полностью ли следят они за его речью, и, в-третьих, убедил ли он в правильности того, что он сказал… Он сам произнесет их возражения, которые он уловил, хотя они и не были высказаны, и будет их опровергать и уничтожать, пока поведение и выражение лиц тех, кто ему возражал, не позволит ему сделать вывод, что они признали свою капитуляцию перед лицом его аргументов».

Сходство в методах овладения аудиторией у Троцкого и Гитлера не было случайным. И тот и другой принадлежали к прославленным ораторам первой половины XX века, поднявшимся к активной политической деятельности на волне социальных и политических потрясений. Однако народные витии никогда не ограничивались тем, что мастерски умели выражать настроения людей. Не менее искусно они умели повести за собой взбудораженную массу потерявших ориентиры людей, предложив им простое решение из возникших проблем.

Доводя свое ораторское искусство до совершенства, они умели создавать впечатление самозабвенной искренности (что достигалось нередко имитацией утраты контроля над своими эмоциями со стороны рассудка). На деле такой оратор зорко следил за реакцией аудитории и, как хамелеон, меняя окраску в ответ на импульсы аудитории, продолжал гипнотизировать слушателей, пока они не начнут послушно кивать головами в тон увещеваниям оратора.

Корреспондент агентства Ассошиейтед пресс Луи П. Лохнер стал свидетелем того, как овладевал аудиторией один из наиболее сильных ораторов нацистской партии Германии Й. Геббельс. Он так описывал одно из выступлений Геббельса в 1932 году: «Когда я слушал доктора Геббельса в первый раз, я был поражен тем (и это заставило меня наблюдать за ним в последующем особенно внимательно), что этот крохотный человек, один из самых ловких искусителей, которые когда-либо существовали в Германии, был абсолютно холоден и контролировал себя, создавая в то же время впечатление того, что он глубоко взволнован и его несет свое собственное красноречие. Его голос, казалось, дрожал от эмоций. Его жесты выглядели страстными. Можно было подумать, что он настолько захвачен своим фанатичным настроением, что забыл о времени и будет говорить до тех пор, пока не выскажет то, что хотел донести до аудитории».

«Однако я заметил кое-что ещё: его красивые руки производили властные жесты без малейшей дрожи и выдавали фальшь дрожавшего голоса. Его жесты, которые казались произвольными, потому что он всегда принимал удобную позу для каждого жеста еще до того, как он начинал его делать. Перед ним лежали часы, на которые он порой исподтишка поглядывал, и я понял, что он следит за временем».

«Короче говоря, передо мной был актер, который точно знал, что он будет делать в каждый момент, и точно рассчитывал заранее эффект каждого произнесенного слова и каждого жеста… Я чувствовал, что Геббельс защищал бы коммунизм, монархию и даже демократию с тем же фанатизмом, если бы его идол Гитлер решил бы поддержать что-либо из них».

Вскоре Л. Лохнер узнал о том, что И. Геббельс действительно может демонстрировать способность защищать любую политическую платформу. Знакомый ему нацист рассказал о своем посещении собрания, на котором «Геббельс забавлял присутствующих тем, что произносил речи, призывая то реставрировать монархию, то восстановить Веймарскую республику, то установить коммунизм в германском рейхе, то укреплять дело национал-социализма». «Я уверяю вас, – заявлял очевидец, – что в конце каждой речи я готов был поддержать каждое дело, за которое выступал Геббельс. У него были мощные и убедительные аргументы за каждую из этих форм правления».

Овладев методами завоевания массовой аудитории, опытные ораторы превращались в актеров, способных воплотить на политической сцене любой вымысел и создать убедительное впечатление его правдивости. Некоторые из них, подобно актерам на сцене,

добивались соответствия исполняемой ими роли не только имитацией эмоций, которых они не испытывали, но также изменяя свой внешний облик. Так поступал, например, один из лидеров Социалистической партии Италии перед Первой мировой войной Бенито Муссолини. Одна из подруг Муссолини, анархистка Леда Рафанелли, вспоминала, как, будучи социалистом, будущий дуче принимал «преувеличенно грязный, небритый вид, надевая бедную одежду, как подобало пролетарскому лидеру, когда он выступал перед общественной аудиторией, а после выступления быстро переодевался в сверхмодные кожаные ботинки и костюм с шелковыми лацканами».

Троцкий не пренебрегал подобными актерскими приемами. Именно по этой причине он всегда театрализовал свои появления на трибуне во времена Гражданской войны. Но главный секрет его обольщения аудитории состоял в том, что он умел создать впечатление безупречной правдивости своих эмоций. Он знал, что лишь речи, произнесенные на крайнем накале страстей, воспринимались массовыми аудиториями революционной России. Характеризуя свои аудитории в цирке «Модерн», Троцкий писал: «Воздух, напряженный от дыхания, взрывался криками, особыми страстными воплями цирка Модерн… Никакая усталось не могла устоять перед электрическим напряжением этого страстного человеческого скопища».

В периоды общественных потрясений, когда страсти накалены до предела, настроением масс легче всего управляет тот, кто либо сам подвержен болезненной экзальтации, либо умеет ее ловко имитировать. Во времена общенациональных бурь или в «предгрозовые дни» в обществе значительно ослабляются негативные ощущения при контактах с людьми, поведение которых обусловлено нервным заболеванием. Более того, такие черты характера душевно нездорового человека, как внезапные смены настроения, повышенная подозрительность, беспричинная раздражительность, и даже его рассказы о видениях, посетивших его, могут лучше выражать эмоции, овладевающие людьми в наэлектризованной общественной атмосфере. Нетрудно увидеть в истерических «взрывах» Гитлера, в стиле его выступлений, когда он вдруг резко менял тембр голоса и ритм речи, умелое подражание поведению нервнобольного человека. (Существуют веские свидетельства того, что эти сцены «бесноватый» фюрер готовил заранее.) Видимо, не случайно и возвышение во время грандиозных общественных потрясений Цезаря и Наполеона, страдавших от эпилепсии. Но известно, что император французов сознательно утрировал раздражительность и разыгрывал сцены с топтанием своей треуголки. Очевидно, что в эпоху повышенной нервозности такие выходки не воспринимались как проявление опасной психической ненормальности, а помогали Бонапарту управлять страной, взвинченной до предела революционными событиями.

Опыт убеждал мастеров пропаганды, что любая победа над умами собравшихся будет тем надежнее, чем они вернее создадут иллюзию утраты самоконтроля над собой. Так, чтобы обычный человек, не имеющий подобного опыта ораторства, мог сказать: «Разве можно на таком накале страстей говорить не то, что думаешь на самом деле? Этот оратор – честный и искренний человек!»

Возможно раздражительность Троцкого и даже его нервная болезнь усиливали его способность побеждать в спорах и завоевать умы людей. Раздражительный характер лишь помогал ему брать на вооружение и применять в выступлениях те приемы, которые он так тщательно изучал у других ораторов, когда те громили своих политических противников, издеваясь над ними и изображая их глупцами. Воспоминания о кошмарах и прекрасных картинах, возникавших в его сознании во время эпилептических галлюцинаций, помогали ему создавать яркие образы и говорить страстно о трагедии страдающего народа и восхищенным, самозабвенным тоном о приближавшихся великих переменах.

В то же время каждое подобное выступление, в котором оратор превращался в медиума возбужденной до крайности аудитории, отдавая себя во власть разбушевавшихся страстей и едва не теряя контроль над рассудком, требовали огромной самоотдачи и подвергали организм предельным перегрузкам. Нередко подобные ораторы покидали собрания в

состоянии полного изнеможения. До такого состояния доводил себя нередко и Троцкий.

Однако перегрузкам подвергался не только физический организм оратора, но и его сознание. Актерство политика отличается от деятельности артиста еще и тем, что граница между жизнью и ролью у политического деятеля зачастую размывается. Так, привычка к политической мимикрии стала второй натурой Муссолини. Рафанелли обнаружила, что «у него была раздражающая привычка менять свои взгляды в течение разговора, чтобы они соответствовали тому, что она высказывала; другие люди позже подтвердили, что он обычно принимал точку зрения того человека, с которым он говорил последний раз». Муссолини жаловался Рафанелли, что порой «он сам не понимает себя».

Привычка менять свои высказывания в соответствии с переменчивыми настроениями слушателей в конечном счете вела к беспринципности. Виртуозное умение подлаживаться под настроения собрания и в то же время лидерствовать в этом собрании, провозглашая упрощенные и яркие формулы, могло заводить оратора в опасную ловушку. Брошенные в зал «для красного словца» фразы через день могли вернуться оратору бумерангом в иной аудитории, возмущенной необдуманными заявлениями краснобая.

В подобные западни, порожденные собственной страстью к «красному словцу», нередко попадал и Троцкий. Объясняя, почему он так часто в жизни менял свои оценки по целому ряду предметов, Троцкий писал, что он сначала с трудом принимал новые для него предметы и суждения и нередко с порога отвергал их, а затем после внутренней борьбы принимал то, чему сначала сопротивлялся.

Троцкий так объяснил свою первоначальную неприязнь к Парижу, собраниям картин и скульптур в музеях этого города. Также он объяснял и свои политические метаморфозы, замечая: «В сущности, я сопротивлялся революции, а затем марксизму, как в течение ряда лет сопротивлялся Ленину».

Развивая эти объяснения, Дейчер писал: «Снова и снова мы увидим, что в нем работает такой психологический механизм: он сталкивается с новой идеей, на которую он должен отреагировать. Однако сначала он сопротивляется этой идее с надменным упрямством, его сопротивление возрастает по мере того, как идея становится привлекательной, но он подавляет скрытые сомнения и колебания. Потом его внутренняя оборона рушится, его самоуверенность исчезает, но он все еще слишком горд или же недостаточно убежден, чтобы как-либо проявить уступчивость. Пока еще нет никакого внешнего проявления той борьбы, которая происходит в его уме. Потом в нем укрепляется новое убеждение и, казалось бы, в один миг преодолевает его дух противоречия и его тщеславие. Он поражает своих оппонентов не только тем, что полностью и спокойно капитулирует, но и энтузиазмом, с которым он принимает их дело, и часто неожиданными и далеко идущими выводами, которые он извлекает из их аргументов».

Эти объяснения выглядели бы убедительными, если бы они не игнорировали одно важное обстоятельство. Отвергая что-либо с порога, Троцкий не ограничивался внутренними сомнениями, вполне оправданными для любого человека, впервые столкнувшегося с новыми для него предметами или воззрениями. Он не заявлял о своем незнакомстве с той или иной идеей и не просил времени на размышление по поводу малознакомых ему вопросов. Кумир собраний не мог позволить себе публичного признания своей некомпетентности в каком-либо вопросе или допущения своего интеллектуального несовершенства. Он создавал впечатление всезнайства и, немедленно реагировал на любую новую идею и информацию, стараясь продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство.

Как человек, привыкший лидерствовать в аудитории, Троцкий спешил выступить с ярким, нередко уничтожающим, а порой и оскорбительным заявлением в адрес того или иного человека или высказанной им идеи. После такого заявления Троцкий становился пленником своего красноречия, даже если последующие события показывали явную ошибочность его красивых, но поспешных оценок. Однако Троцкий избегал публичного признания своих ошибок и разбора их, предпочитая ошарашить окружающих внезапной сменой своих взглядов и фейерверком новых красивых фраз в пользу того, что он недавно

осуждал.

Вряд ли достаточны и объяснения Троцкого (а также Дейчера) о том, что его многочисленные смены в суждениях и политических позициях объяснялись его упрямством, которое постепенно им преодолевалось. Последующие события в его жизни показывали, что не упрямство, а ориентация на политическую конъюнктуру была причиной многих перемен в его позициях. Впрочем, подобными политическими метаниями отличились многие из прославленных лидеров, следивших за сменой общественных настроений и стремившихся оставаться на гребне волны людских симпатий.

Выдающийся политический деятель и блистательный оратор того времени Уинстон Черчилль, начав свою политическую жизнь консерватором, перешел в либеральную партию, чтобы затем вернуться в консервативную, постепенно сместившись на ее правое крыло. Социалист Бенито Муссолини совершил политическую метаморфозу, покинув ряды социалистической партии, создав фашистское движение, а после фашистского переворота беспощадно преследуя социалистов и коммунистов. Эти и другие многочисленные примеры такого рода свидетельствовали о том, что безоглядная ориентация на переменчивую стихию людских страстей вела к беспринципности тех, кто превратился в профессиональных звезд политической эстрады.

Руководители небольшой социал-демократической партии России, действовавшей у себя на родине в условиях подполья, вряд ли задумывались о всех опасностях, которые подстерегали тех, кого они выдвигали на исполнение первых ролей в устной агитации. Осень 1902 года еще не закончилась, а Троцкий был направлен руководством РСДРП в другие центры зарубежной эмиграции. Там он принял участие в дебатах с идейными противниками марксизма. Ссылаясь на впечатления очевидцев, Дейчер писал: «Риторические приемы, которые часто портили его письмо, делали его речь еще более драматичной. Казалось, что он внутри себя переживает драматичный спектакль, где действующие лица преувеличенных размеров участвуют в гомерических битвах, достойных полубогов. Возвышаясь над толпой и чувствуя, что множество глаз устремлены на него, а он сам атакует множество сердец и умов тех, кто был внизу – он был в своей стихии. Современник описывает этого худого, невысокого человека с большими яростными глазами, большим чувственным ртом неправильной формы, который взгромоздился на трибуну, как хищная птица».

Троцкий выступал на собраниях революционных эмигрантов в Брюсселе, Льеже, городах Швейцарии и Германии, Париже. Его выступления пользовались успехом. 23-летний молодой человек, который еще несколько месяцев назад был ссыльным в затерянном в Сибири Верхоленске, превратился в звезду публичных дебатов, происходивших среди российских политэмигрантов. Неудивительно, что его прежняя жизнь казалась ему далекой и давно завершенной.

Забыта была и Александра Соколовская. Она и дети от брака с ней оставались в далекой России. Троцкий объяснял разрыв с Соколовской тем, что «из-за границы я едва мог переписываться с ней. Для нее наступила затем вторая ссылка. В дальнейшем мы встречались только эпизодически. Жизнь развела нас, сохранив ненарушимо идейную связь и дружбу».

Теперь Троцкого окружали другие люди, знавшие его не как новичка революционного кружка, а видевшие в нем посланца высших руководителей российской революции. Среди его восторженных слушателей была и русская студентка Наталья Ивановна Седова. По поручению революционной колонии в Париже она нашла ему комнату в доме, где жила сама. По ее словам, выступление Троцкого «было очень успешно, колония была в восторге, молодой искровец превзошел ожидания».

Во время его пребывания в Париже Седова знакомила Троцкого с городом, его художественными музеями. Однако Троцкий не был очарован столицей Франции. Седова записала в своем дневнике: «Общее впечатление у него от Парижа: «похож на Одессу, но Одесса лучше». Поскольку по европейским городам Троцкий проехал «галопом», то к этому времени он хорошо знал лишь несколько населенных пунктов планеты: Одессу, Николаев,

Елизаветоград, Верхоленск, Яновку и Усть-Кут.

Однако Седова решила ознакомить Троцкого с Парижем так, чтобы он отдал должное тогдашней признанной столице европейской культуры. Она упорно преодолевала снисходительное отношение Троцкого к Парижу и сокровищам мировой культуры, собранной в его музеях. В процессе приобщения Троцкого к парижской жизни молодые сблизились и вскоре стали мужем и женой.

Стремительные перемены в личной жизни Троцкого происходили одновременно с не менее быстрыми изменениями в его политической карьере. Его успехи в ходе публичных выступлений убедили Ленина и других в том, что Троцкого необходимо иметь на стороне сторонников «Искры» по мере приближения II съезда партии, на котором были неизбежны острые и жаркие споры. Весной 1903 года Ленин внес предложение о введении Троцкого в состав редколлегии «Искры».

В своем письме Г.В. Плеханову В.И. Ленин 3 марта 1903 году ссылался на то, что Троцкий «работает для «Искры» самым энергичным образом, читает рефераты (пользуясь при этом громадным успехом)». Отметил Ленин и то, что Троцкий уже не раз публиковался в «Искре». Зная же об отношении Плеханова к литературному стилю Троцкого, Ленин писал в своем письме: «Недостатки стиля дефект не важный. Выровняется». Кроме того, он указывал Плеханову, что коллективное обсуждение работ Троцкого лишь пойдет ему на пользу: «Сейчас он принимает «поправки» молча (и не очень-то охотно). В коллегии будут споры, голосования, и «указания» примут более оформленный и настоятельный вид».

Кандидатуру Троцкого поддержали В.И. Засулич и Ю.О. Мартов. Узнав о письме Ленина Плеханову о Троцком, Мартов поспешил написать 10 марта письмо Аксельроду, в котором говорилось: «Владимир Ильич предлагает нам принять в редакционную коллегию на полных правах известное вам «Перо». Его литературные работы обнаруживают несомненное дарование, он вполне «свой» по направлению, целиком вошел в интересы «Искры» и пользуется здесь (за границей) большим влиянием, благодаря недюжинному ораторскому дарованию. Говорит он великолепно – лучше не надо. В этом убедился и я, и Владимир Ильич. Знаниями он обладает и усиленно работает над их пополнением. Я присоединяюсь к предложению Владимира Ильича». Аксельрод, запомнивший Троцкого после его недавнего визита к нему, также поддержал его кандидатуру.

Таким образом четыре из шести членов «Искры» настаивали на включении Троцкого в состав ее редколлегии и в случае успеха их предложения он оказался бы в числе ведущих руководителей партии.

Однако фактический лидер «Искры» и РСДРП Г.В. Плеханов решительно выступил против большинства. Более того, когда Засулич привела Троцкого в редакцию для участия в ее заседании, Плеханов стал решительно возражать против его присутствия, и Троцкий вынужден был удалиться.

Некоторые биографы Троцкого пытались объяснить позицию Плеханова его упрямством и даже завистью к молодому революционеру. Дейчер даже воспроизвел сомнительный анекдот о том, что якобы Плеханов в ответ на восторженное заявление Засулич: «Троцкий – гений», объявил: «Я это ему никогда не прощу». (Хотя И. Дейчер не настаивал на достоверности этого рассказа, Д. Волкогонов повторил его без всяких оговорок.) Недава же объясняет поведение Плеханова его глубоким антисемитизмом. Логика израильского ученого такова: хотя Плеханов не мог не заметить цветистые обороты и помпезность выражений в статьях Троцкого, но ведь именно такой стиль письма антисемиты приписывают евреям; стало быть, неприязнь Плеханова к перу «Пера» было явным проявлением антисемитизма.

Несмотря на то что по меньшей мере каждый второй в руководстве РСДРП был евреем, до появления Троцкого никто из них не жаловался на антисемитизм Плеханова. Сомнительные обвинение в адрес Плеханова и еще более сомнительные рассказы о его зависти к Троцкому имеют целью создать впечатление, что Троцким нельзя было не восхищаться, и люди, раз узревшие его, могли после этого отправляться на ближайшее

кладбище и спокойно умирать, потому что более прекрасного зрелища им уже не суждено было увидеть. Если же взглянуть на Троцкого не глазами очарованных им людей, а так, как его увидел Плеханов, автор блестящих философских трудов и революционер с огромным опытом партийной работы, то оснований для особого восторга не должно было бы быть. Что мог дать новый сотрудник «Искре»? Его литературный стиль был далек от совершенства, и, кроме банальных в социал-демократической среде нападок на самодержавие и российский патриотизм, а также не менее шаблонных рассуждений о русской деревне, утопающей во мраке невежества, он вряд ли мог предложить что-либо читателям революционной печати. В отличие от Парвуса эмигрант из России не владел уникальной экономической информацией и ему надо было еще немало учиться, чтобы стать экспертом по проблемам мирового рынка.

Возможно, что Плеханову могла также претить склонность Троцкого к противопоставлению «сильной личности» «толпе» и его самомнение, проявлявшееся и в его литературном творчестве, и в личном поведении. Ведь именно эти качества российской интеллигенции осуждал он в своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», написанной в 1895 году. Было очевидно, что на Плеханова не произвели никакого впечатления сообщения об успехах выступлений Троцкого. Таким образом, несмотря на успехи на ораторском поприще, положение новой звезды на социал-демократическом небосклоне было непрочным.

Тем временем приближалось время открытия II съезда РСДРП. На нем партия собиралась принять свою программу и определить свой политический курс на ближайшее время. Подготовка к съезду сопровождалась напряженной внутренней борьбой между представителями различных направлений в партии.

Внутри РСДРП были сильны противоречия между сторонниками «Искры» (то есть теми, кто выступал за единую централизованную партию) и их противниками (прежде всего члены «Бунда», выступавшие за превращение партии в федерацию из национальных образований). Накануне съезда Ленин подготовил план его проведения. Он исходил из того, что на съезде будет около 32 сторонников «Искры», 8 антиискровцев и 11 «неопределенных». Однако ситуация усугублялась тем, что среди «искровцев» не было единства, что вскоре проявилось на II съезде РСДРП, открывшемся 17 (30) июля 1903 года в Брюсселе, а затем продолжавшемся в Лондоне.

С первых заседаний съезда Л.Д. Троцкий, представлявший Сибирский союз, развил большую активность. Он выступил с целью изменить повестку дня и поставить вопрос о «Бунде» «не как самостоятельный вопрос, а как часть организационного вопроса, а поэтому первоочередного больного вопроса». Как подчеркивал И. Дейчер, дискуссия по «Бунду» происходила «всего через несколько месяцев после большого погрома евреев в Кишиневе. Подозрительность и болезненная восприимчивость евреев усилилась, и это отразилось в поведении «Бунда».

Еврейские погромы, в ходе которых было большое число человеческих жертв (50 убитых и несколько сот раненых и увечных), произошли в Кишиневе 6 и 7 апреля 1903 года. Газеты утверждали, что телеграмма министра Плеве, перехваченная за рубежом, доказывала его своевременную осведомленность о готовившихся погромах. В ряде статей «Искра» сурово осудила погромы, возложив ответственность за них на правительство. Кишиневский погром стал памятной вехой в повествовании о судьбе евреев в России. Уже в советское время поэт Уткин свою поэму о кишиневском портном Мотэле Блохе начал с рассказа о погроме, в котором погибли родственники главного героя.

После кишиневского погрома представители «Бунда», прибывшие на съезд, считали деятельность РСДРП по защите прав еврейского населения недостаточной. Они настаивали на особом статусе «Бунда», как единственной организации, работающей среди еврейских рабочих. Руководители же «Искры» считали, что следует уже в начале съезда отвергнуть принцип федеративного построения партии, отстаиваемый «Бундом». Мартов, Троцкий и ряд других евреев – членов партии, не входивших в «Бунд», внесли резолюцию против сохранения его особого статуса в РСДРП. Эта резолюция была одобрена съездом.

Однако требования об особом положении в РСДРП ряда сторонников социал-демократической идеи не ограничились членами «Бунда». Это проявилось в ходе обсуждения первого пункта повестки дня. Все члены редакции «Искры», кроме Ленина и Плеханова, поддержали формулировку пункта, предложенную Мартовым, в соответствии с которой членом партии мог быть всякий, кто принимает ее программу и оказывает ей регулярное личное содействие под руководством одной из партийных организаций. Ленинская же редакция этой статьи предусматривала, что членом РСДРП может быть всякий, кто признает ее программу и поддерживает партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций.

Отвергая предложение Ленина, сторонники формулировки Мартова, по сути, отстаивали особое положение для тех, кто не желал реально работать в партийных организациях. Из выступления на съезде Аксельрода стало ясно, что речь шла прежде всего о представителях интеллигенции: «Возьмем, например, профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом. Если мы примем формулу Ленина, то мы выбросим за борт часть людей, хотя и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии».

Еще до начала открытой дискуссии, чтобы уладить разногласия, было решено, по словам Троцкого, собрать «совещание коренных искровцев, чтобы объясниться». В совещании принял участие и Троцкий. К этому времени разногласия между «искровцами» так обострились, что возникли трудности при выборе председательствующего на совещании. Неожиданно Л.Г. Дейч предложил избрать самого молодого участника совещания – Троцкого в качестве председательствующего на этом совещании. По словам Дейчера, этот ветеран революционной борьбы «с восхищением следил за первыми шагами» Троцкого за рубежом и «всячески старался помочь ему в продвижении вперед». Как писал Троцкий, Дейч шутливо именовал его либо «вьюнош», либо «Веньямин», имея в виду самого юного из братьев библейского Иосифа. «Предлагаю выбрать вашего Веньямина», – сказал Дейч. Видимо, в Троцком видели удобную фигуру представители обеих противоборствующих сторон (потом их называли «твердые искровцы» и «мягкие искровцы»), и благодаря инициативе Дейча Троцкий оказался во главе совещания ведущих руководителей РСДРП.

Вспоминая это совещание, Троцкий писал: «Нервы у всех были напряжены до крайности. Ленин ушел с собрания, хлопнув дверью. Это единственный случай, когда он потерял на моих глазах самообладание в острой внутрипартийной борьбе».

До начала этой дискуссии Троцкий всячески демонстрировал свое политическое сотрудничество с Лениным, за что даже заслужил от участника съезда Рязанова (Гольдендаха) прозвище – «ленинская дубинка». Неожиданно «дубинка» обрушилась и на Плеханова, и на Ленина. Троцкий, который так энергично отстаивал жесткую партийную дисциплину и предлагал «отделять от революции» организации, которые не подчиняются центральным органам партии, в ответ на речь Плеханова заявил: «Я был очень удивлен, когда т. Плеханов предлагал вотировать за формулу т. Ленина как верное средство против оппортунизма. Я не знал, что можно создавать уставные заклинания против оппортунизма. Я думаю, что оппортунизм создается более сложными причинами… Какой смысл… стеснять в правах состояния тех интеллигентных одиночек, которые стоят на почве партийной программы и в одиночку оказывают услуги партии под руководством ее организации».

Троцкий решительно поддержал Мартова. Еще не веря в столь резкое изменение в позиции Троцкого, Ленин пытался переубедить его, сначала беседуя с ним лично, потом через брата Дмитрия и других делегатов, но все было напрасно.

Вскоре Троцкий не менее решительно выступил против Ленина в вопросе о составе редакции «Искры». Учитывая, что наибольший вклад в выпущенных 45 номерах «Искры» внесли три редактора – Ленин (32 статьи), Плеханов (24 статьи) и Мартов (39 статей), а вклад остальных трех был значительно меньше (Потресов написал 8статей, Засулич– 6, а Аксельрод– 4), Ленин внес предложение оставить в редколлегии реально работающих людей (Плеханова, Ленина и Мартова). В ответ Троцкий внес предложение сохранить редакцию

«Искры» в прежнем составе, хотя он ранее заявлял на собраниях делегатов перед съездом о своем одобрении реорганизации редколлегии.

Объяснения Троцким в своих воспоминаниях причин, почему он резко поменял свои взгляды, были туманны и противоречивы. Он писал: «Мой разрыв с Лениным произошел, таким образом, как бы на «моральной» и даже на личной почве. Но это была лишь видимость. По существу почва расхождений имела политический характер, который лишь прорвался наружу в организационной области».

Дейчер объяснял действия Троцкого тем, что тот решил вступиться за Аксельрода и Засулич. Он утверждал, что для Троцкого устранение этих лиц из редакции «Искры» было для него «святотатством», а позиция Ленина являлась проявлением «черствости». Однако Дейчер не точно излагал ход дискуссии по этим вопросам, не упоминая о том, что в ходе предварительных собраний Троцкий не считал это предложение «святотатственным». В угоду своей версии о благородном возмущении Троцкого Дейчер даже переставил порядок обсуждения вопросов на съезде и рассказал о дискуссии по составу редколлегии до начала обсуждения первого пункта Устава.

Волкогонов же назвал поведение Троцкого на II съезде РСДРП «парадоксальным». Он считал, что поскольку Троцкий выступал за централизованную партию с внутренней дисциплиной, он должен был поддержать Ленина в голосовании по первому пункту устава. По мнению Волкогонова, Троцкий проголосовал против своих убеждений исключительно потому, что не разобрался в сути разногласий между Лениным и Мартовым. В последующем же Троцкий осознал свою ошибку, но «инерция борьбы еще долго будет цепко держать его в оппозиции Ленину».

В этих аргументах есть доля истины. Личный момент несомненно играл немалую роль в действиях Троцкого. Ко времени съезда Троцкий был уже достаточно близок к Мартову, Засулич и Аксельроду, поддержавших его в споре с Плехановым, чтобы отказать им в поддержке. Не исключено, что характерная любовь Троцкого к красивой фразе могла заставить его пойти дальше в его оппозиции к ленинской формулировке первого пункта, чем это отвечало его собственным убеждениям о строгой дисциплине внутри партии. В то же время вряд ли можно согласиться с доводами о том, что Троцкий допустил идейно-политический просчет или что он исходил из высокоморальных соображений, протестуя против «черствости» Ленина.

Выступая за создание партии с жесткой дисциплиной и централизованной организацией, Троцкий не был склонен считать, что строгое подчинение порядку этой организации будет распространяться и на него. Он не привык к такой дисциплине. Его пребывание в «Южно-русском рабочем союзе» длилось несколько месяцев, и эта организация не считалась руководством РСДРП достаточно дисциплинированной. До своего прибытия в Лондон Троцкий не состоял в РСДРП. В Лондоне же он сразу оказался на особом положении в партии. Роль гастролирующего по Европе пропагандиста лишь усилила его привычку к независимому положению. Скорее всего, Троцкий сознательно поддержал сопротивление Мартова, Аксельрода, Засулич и других попыткам Ленина распространить железную партийную дисциплину на всех без исключения.

Что же касается персонального состава редколлегии «Искры», то Троцкий, видимо, не желал поддерживать ленинского предложения, так как в этом случае за бортом редакции оказались бы многие из тех, кто поддерживал его включение в состав руководства «Искры». После того как Троцкий активно выступил против ленинской формулировки первого пункта устава, скорее всего Ленин не стал бы поддерживать его кандидатуру. В этом случае в редколлегии остался бы лишь один союзник Троцкого – Мартов.

На первых порах казалось, что Троцкий вместе с теми, с кем он голосовал, потерпел поражение. На II съезде партии Ленин и его сторонники одержали победу на съезде, добившись одобрения ленинского проекта программы партии, основных резолюций относительно тактики партии. В состав ЦК и редакции центрального органа партии были избраны те, за кого выступал Ленин. Несмотря на принятие съездом первого пункта устава

партии, в редакции Мартова большинство положений устава отвечали требованиям ленинцев. Именно по этой причине после этого съезда сторонников Ленина стали именовать большевиками, а сторонников Мартова – меньшевиками. Однако события после съезда РСДРП привели к тому, что вскоре большевики оказались отстраненными от руководства партии.

Сразу же после завершения съезда партии меньшевики стали предпринимать усилия для организационного оформления своих центров в противовес тем, что были только что выбраны. В сентябре 1903 года на совещании 17 меньшевиков в Женеве было создано бюро меньшинства. В его состав вошли Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, А.Н. Потресов, П.Б. Аксельрод и Л.Д. Троцкий. Совещание выдвинуло программу действий, предусматривающую захват в свои руки центральных партийных учреждений и местных комитетов. Бюро приняло решение об издании своей газеты «Крамола».

Не прошло и года с тех пор, как беглый ссыльный из Верхоленска, имевший псевдоним «Перо», был вызван Лениным из российского подполья в Лондон. Теперь же он входил в состав бюро из пяти человек, пытавшегося овладеть всей социал-демократической партией и вырвать власть из рук Плеханова и Ленина. Но вскоре огонь меньшевиков оказался направлен главным образом на Ленина. Дело в том, что Плеханов, затерроризированный угрозой раскола партии, предложил пойти на примирение и единоличным решением ввел бывших редакторов в состав редколлегии. Ленин покинул «Искру».

В нарушение резолюции съезда центральный орган партии возглавила редакция в старом составе, но без Ленина. Теперь после того, как Троцкий стал союзником Плеханова по меньшевистскому крылу РСДРП, у него появлялся шанс войти в состав редколлегии «Искры». Однако неприязнь Плеханова к литературной деятельности Троцкого не изменилась и он решительно воспротивился публикации в «Искре» статьи, в которой Троцкий критиковал партийные комитеты РСДРП за их чрезмерную увлеченность нападками на российскую буржуазию и ее роль в русско-японской войне. По мнению Троцкого, эта война велась исключительно в интересах самодержавия, а не буржуазии. Плеханов не согласился с такой трактовкой, а так как скандал разгорелся, то он потребовал удаления Троцкого из «Искры». Бывшие союзники Троцкого, которым тот недавно помогал вернуться в «Искру», Мартов, Засулич и Аксельрод, поддержали Плеханова. Судя по их поведению, они не были новичками во внутрипартийной борьбе, да и их очарование талантом Троцкого не было безграничным. В знак своего возмущения поведением членов редакции Троцкий в апреле 1904 года перестал сотрудничать с «Искрой», но не вышел из меньшевистской фракции.

Тем временем международная социал-демократия, узнав о разногласиях в РСДРП, приняла сторону меньшевиков. Объясняя свою позицию, Карл Каутский говорил члену РСДРП Лядову (М.Н. Мандельштаму): «Что вы хотите, мы вашего Ленина не знаем, он для нас человек новый. Плеханова и Аксельрода мы все хорошо знаем. Мы привыкли только в их освещении узнавать о положении вещей в России. Конечно, мы не можем поверить вашим утверждениям, что вдруг Плеханов и Аксельрод стали оппортунистами. Это нелепо». В этой беседе Каутский умалчивал, что подробные сведения о сути разногласий в РСДРП с соответствующими выводами он регулярно получал от Парвуса, своего старого знакомого и главного эксперта германских социал-демократов по России. Как отмечали З. Земан и В. Шарлау, Парвус первым проинформировал германских социал-демократов о том, что произошло на съезде РСДРП и после него. Поэтому можно предположить, что руководство СДПГ заняло антиленинскую позицию скорее всего под влиянием Парвуса.

Ленин продолжал активно защищаться. Он изложил свои взгляды на итоги съезда и последовавшие события в жизни партии в своей работе «Шаг вперед, два шага назад», вышедшей в свет в мае 1904 года. В ответ меньшевики развернули кампанию лично против Ленина.

14(27) мая 1904 года Потресов писал Аксельроду: «Спешу Вам сообщить, что я только что получил от Каутского письмо, разрешающее нам напечатать ответ Лидину в «Искре».

Итак, первая бомба отлита, и – с Божьей помощью – Ленин взлетит на воздух. Я придавал бы очень большое значение тому, чтобы был выработан общий план кампании против Ленина – взрывать его, так взрывать до конца, методически и планомерно… Как бить Ленина, вот вопрос. Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов – Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса».

Троцкий принял активное участие в кампании против Ленина. Сразу же после завершения II съезда в отчете сибирской делегации он обвинил большевиков в уничтожении «Искры», а Ленина – в жажде власти и желании «превратить Совет партии во всесильный Комитет общественной безопасности». Троцкий утверждал, что Ленин, как Робеспьер, готовит почву для «термидорианцев социалистического оппортунизма». Видимо, автор с трудом сдерживал свои разбушевавшиеся эмоции, сравнение действий Ленина с диктаторскими замашками Робеспьера ему показалось недостаточным, и он добавил постскриптум, в котором, поправив себя, заявил, что Ленин – лишь пародия на Робеспьера.

Вскоре после письма Потресова Троцкий бросил свою «бомбу» в Ленина, завершив 23 августа 1904 года работу «Наши политические задачи». Свою первую значительную работу он посвятил Аксельроду. Дейчер признал, что эта работа Троцкого явилась новым явлением во внутрипартийной полемике: «Конечно, марксисты, особенно российские, обычно высказывали свои взгляды с беспощадной откровенностью. Но они, как правило, воздерживались от личных нападок… Вряд ли какой-либо меньшевик атаковал Ленина с такой ядовитой яростью». Дейчер подчеркивал, что злые эпитеты, которые бросал Троцкий, были направлены в адрес «человека, который недавно протянул ему руку сотрудничества, который вывез его в Западную Европу и защищал его… Он не мог выдвинуть никаких весомых в глазах историка подтверждений для своих обвинений».

Резкость обвинений и развязность тона, который избрал Троцкий, свидетельствовали о том, что автор брошюры применил тот арсенал полемических приемов, который он постоянно использовал в своих устных выступлениях. Уже в первых же строках своей работы Троцкий писал по поводу брошюры Ленина «Шаг вперед, два шага назад»: «Мы не сомневались, что ничего внушительного тов. Ленин не сможет сказать в защиту своей позиции, ибо позиция, занятая им, совершенно безнадежна, но все же такой бедности мысли, какую он обнаружил, мы не ожидали». Троцкий называл работу Ленина «длинной и скучной». Он утверждал, что Ленин поставил себя «в особенно смешное положение» и иронически сокрушался: «Бедный Ленин!» Он издевательски именовал Ленина «генералиссимусом», армия которого тает на глазах.

Троцкий, который все еще не успел доучить основы марксистской философии и еще два года назад опасавшийся, что Ленин и Плеханов будут его экзаменовать по марксизму, теперь уверенно распекал Ленина за плохое владение диалектическим материализмом, замечая: «Диалектике нечего делать с тов. Лениным». Троцкий обвинял Ленина в искажении марксистской теории: «И это марксизм! И это социал-демократическое мышление. Поистине нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин! Для него марксизм не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства, нет, это… половая тряпка, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть!»

Однако доказательства идейных ошибок Ленина Троцкий подменял художественным вымыслом. Так значительную часть его брошюры занял выдуманный им разговор «меньшевика» с «большевиком», в ходе которого последний проявлял удивительную глупость. При этом «большевик» постоянно ссылался на «план Ленина», изложенный им в брошюре «Что делать?». «Меньшевик» же «остроумно» сравнивал этот план с «планом генерала Трошю» времен франко-прусской войны, который лишь усугубил разгром Франции. (Видимо, это сравнение очень понравилось Троцкому, потому что впоследствии он не раз использовал сравнение осуждаемых им планов с «планом Трошю».)

Вместо доказательного разбора достоинств или недостатков ленинской работы, Троцкий предлагал читателям заменить в ней слово «социал-демократ» словосочетанием

«социалист-революционер». Он голословно уверял, что в этом случае никто не заметит подмены. Столь же голословно Троцкий утверждал, что подобные манипуляции с произведениями меньшевиков не пройдут – «обожжете пальцы».

Несмотря на явную поверхностность брошюры Троцкого, она была взята на вооружение меньшевиками в борьбе против Ленина. Однако через несколько дней после выхода в свет этой работы, Троцкий объявил о своем выходе из меньшевистской фракции. Он вспоминал: «В сентябре я заявил формально о своем выходе из меньшинства, в состав которого я, в сущности, не входил с апреля 1904 года. В этот период я провел несколько месяцев в стороне от русской эмиграции, в самом артистическом городе Германии. Я недурно знал баварскую социал-демократию, мюнхенские галереи и карикатуристов «Симплициссимуса».

После разрыва с меньшевиками Троцкий не присоединился и к большевикам, он фактически покинул РСДРП. Сверкнув яркой звездой, Троцкий на некоторое время исчез с социал-демократического небосклона.

ТЕОРИЯ, РОЖДЕННАЯ В МЮНХЕНЕ

Отход Троцкого от активного участия в жизни РСДРП произошел в период нарастания предреволюционной обстановки в России. Некоторый спад в рабочем движении после всеобщей политической стачки на юге России в июле – августе 1903 года, сменился новым подъемом летом 1904 года. Теперь стачки происходили в Петербурге, Нижнем Новгороде, Иванове-Вознесенске, на Кавказе. Одновременно участились крестьянские выступления. Значительно активизировалась политическая деятельность либеральной оппозиции. Под предлогом проведения банкетов либералы, объединенные в «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов», проводили собрания, на которых выдвигались требования политических реформ в России (так называемая банкетная кампания).

Троцкий был в курсе происходивших событий и давал им соответствующую оценку. Комментируя обстановку в стране на конец лета 1904 года в предисловии к своей брошюре «Наши политические задачи», Троцкий писал 23 августа 1904 года: «Внизу, в народных глубинах, идет невидимый, но неотвратимый молекулярный процесс накопления революционного гнева, который, может быть, завтра прорвется наружу с элементарной силой стихии, снося – как полые вешние воды смывают мосты и запруды – не только полицейские заставы, но и все постройки нашей муравьиной организационной работы». В этих условиях, полагал Троцкий «своевременна… лишь одна наука– наука восстания, …уместно одно искусство – искусство баррикад».

Почему же Троцкий, пристально следивший за приближением революционной грозы в России, осенью 1904 года решил посвятить себя знакомству с мюнхенскими картинными галереями, карикатуристами и баварскими социал-демократами? Перечислив эти стороны мюнхенской жизни, которые он счел достойным внимания, Троцкий не сразу сказал, что он прибыл в этот город по приглашению Израиля Гельфанда (Парвуса), в доме которого он поселился вместе со своей супругой. Умолчал Троцкий и о том, что главной целью его пребывания в доме Парвуса была идейно-политическая подготовка к активному участию в российской революции, начало которой ожидалось со дня на день.

Парвус, который в рядах германской социал-демократической партии играл роль специалиста по России, а в рядах российской социал-демократии играл роль советника от германской СДП, видимо, использовал свое необычное положение для того, чтобы вести свою игру. Зная о последующей карьере Парвуса, в которой значительное место заняло сотрудничество с правительствами Германии и Османской империи, можно предположить, что о планах Парвуса были осведомлены и другие силы, помимо социал-демократов России и Германии.

В биографии Парвуса Земан и Шарлау писали: «Лев Давыдович Бронштейн-Троцкий получил от хозяина гораздо больше, чем просто гостеприимство. Их краткая, но очень

интенсивная дружба была одним из важнейших событий в жизни Троцкого». Пребыванию Троцкого в доме Парвуса в конце 1904 – начале 1905 гг. И. Дейчер посвятил целую главу под названием «Интеллектуальное партнерство». Из чтения главы может создаться впечатление, что результатом «партнерства» двух выходцев из семей одесских зернопромышленников стала так называемая теория перманентной революции. Вряд ли можно сомневаться, что подлинным ее автором был Парвус. Ведь он был не только старше на десять лет своего 25-летнего «партнера», но уже обрел немалый опыт в подготовке глубоких аналитических исследований и в составлении прогнозов глобального развития. Основные положения «теории перманентной революции» вытекали из этих исследований и прогнозов и были им детально изложены в серии статей, которые были опубликованы в «Искре» в начале 1904 года до переезда Троцкого в Мюнхен.

Потом эта теория была подвергнута резкой критике коммунистами, они забыли, что положение о «перманентной революции» было впервые выдвинуто основоположниками коммунистической теории К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» и «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов». Идея «перманентной революции» предусматривала постоянное или «перманентное» углубление общественных преобразований после начала революции. Основоположники марксизма призывали «сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут отстранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти». Маркс и Энгельс исходили из «непрерывности» (или «перманентности») распространения революции вширь, считая, что пролетарская революция, начавшись, например, в Англии, будет продолжена во Франции, затем в Германии, постепенно охватывая все новые и новые страны мира.

Эта идея была взята на вооружение Парвусом в его прогнозах мирового развития. Однако, в отличие от Маркса и Энгельса, он включал в цепочку событий, которые должны были изменить облик планеты, не только пролетарские революции, но и империалистические войны, а также интеграционные процессы в капиталистических странах. Если Маркс и Энгельс считали, что ликвидация национальных границ станет возможной лишь после победы пролетарских революций в развитых странах мира, то Парвус полагал, что это может произойти и при капитализме. По словам Дейчера, «центральной идеей Парвуса являлось положение о том, что по мере развития капитализма национальные государства отжили свой век… Судьбы континентов стали взаимозависимыми».

Если Маркс и Энгельс рассматривали революции в различных странах мира как этапы мировой революции, венчающейся триумфом социализма во всем мире, то Парвуса, несмотря на его революционную риторику, интересовало то, каким образом войны и революции повлияют на ликвидацию государственных границ и таможенных барьеров. Он обращал внимание на то, что «освоение американцами своего Запада обострило соревнование за мировые рынки между производителями продовольствия». В этой связи Парвус полагал, что «европейские, особенно германские сельскохозяйственные и промышленные интересы объединятся для того, чтобы положить конец свободной торговле и установить в Западной Европе протекционистскую систему». Парвус писал: «Таможенные барьеры стали препятствием для исторического процесса культурного объединения народов; …они усилили политические конфликты между государствами».

Зная о последующем возвращении Парвуса в класс капиталистов и его превращении во влиятельного торговца зерном и оружием, можно предположить, что его прогнозы войн и революций составлялись не в последнюю очередь и для того, чтобы лучше знать, как предсказываемые им события повлияют на внешнеторговую конъюнктуру. Создается впечатление, что представитель влиятельных финансовых кругов Парвус (и, видимо, не он один) делал все от себя зависящее, чтобы приход к власти социал-демократов в западноевропейских странах не привел к краху капиталистической системы. Но, выражая интересы межнациональных финансовых группировок, он явно был заинтересован в том, чтобы общественные изменения в мире привели бы к тому, чтобы национальная буржуазии

различных стран была поставлена под контроль международных монополий и надгосударственных структур интегрированной Европы. В конечном счете история XX века в Западной Европе пошла именно по тому пути, который намечал Парвус. Как известно, приход к власти социал-демократических и социалистических партий Западной Европы отнюдь не привел к падению капитализма, а сопровождался его укреплением. Конец же XX века ознаменовался установлением гегемонии транснациональных корпораций в мире, а также экономической и политической интеграцией Западной Европы.

Первоначальным же толчком к прогнозировавшимся Парвусом событиям должна была послужить революция в России. Еще в 1895 году Парвус предсказал неизбежность русско-японской войны, одним из следствий которой будет революция в России. В своих статьях, опубликованных в марте 1904 году в «Искре», а затем в своей книге «Война и революция», Парвус предрекал: «Война, которая началась из-за Маньчжурии и Кореи, уже переросла в конфликт за господство в Восточной Азии». Парвус считал, что русско-японская война положит конец тому периоду сравнительной стабильности, который воцарился в мире после завершения франко-прусской войны.

«На следующем этапе, – пророчествовал Парвус, – под вопрос будет поставлено само положение России в мире; война завершится нарушением политического равновесия в мире… Всемирный процесс капиталистического развития ведет к политическим потрясениям в России. Это, в свою очередь, окажет воздействие на политическое развитие всех капиталистических стран. Русская революция потрясет буржуазный мир… А русский пролетариат может сыграть роль авангарда социальной революции».

Как известно, Маркс и Энгельс исходили из того, что мировая пролетарская революция начнется в странах, в которых пролетариат составляет большинство населения, а противоречия между ним и классом капиталистов обострились в наибольшей степени. Поэтому они не считали возможным, что мировая пролетарская революция начнется с России. Но идея о том, что потрясения в России окажут огромное влияние на весь европейский континент, не была нова для революционеров Западной Европы. На протяжении всего XIX века в России видели международного жандарма, стоящего на страже интересов международной реакции. В своем письме к Августу Бебелю в 1891 году Фридрих Энгельс писал, что крушение России– это путь освобождения Европы от капитализма, а потому основоположник научного коммунизма призывал поддержать Германию в будущей войне против России, заявляя: «Победа Германии есть, стало быть, победа революции». Парвус же строил расчеты не на военном поражении царизма, а на его свержении в результате демократической революции, руководимой партией пролетариата.

Видимо, его убеждение в ключевой роли России в развитии прогнозируемых им событий заставило Парвуса проявлять пристальный интерес к деятельности РСДРП. Однако его неоднократные попытки повлиять на внутреннюю борьбу в рядах российских социал-демократов не привели к желаемым результатам. Судя по последовавшим событиям, Парвус решил опереться на тех российских социал-демократов, которые внушали ему доверие и могли выполнить нужную ему роль в надвигавшейся революции. Хотя сам Парвус лично принял участие в событиях первой российской революции, очевидно, он самокритично признавал, что не обладает харизматическими данными для того, чтобы попытаться играть роль революционного вождя. Успехи же Троцкого в качестве разъездного оратора-полемиста РСДРП были широко известны, и, вероятно, Парвус решил сделать ставку на блистательного 25-летнего оратора.

В то же время Парвусу была известна слабость теоретических познаний Троцкого. Поэтому он решил серьезно заняться подготовкой Троцкого. Прежде всего он постарался расширить кругозор Троцкого. Дейчер признавал, что «международные идеи и революционные перспективы Парвуса стали неотъемлемой частью мышления Троцкого». По словам Дейчера, «влияние Парвуса чувствовалось и в стиле, и в манере изложения, особенно в прогнозах» Троцкого. В то же время Дейчер полагал, что Троцкий не просто подражал Парвусу, а «впитывал это влияние естественно и органично, благодаря своей

интеллектуальной и литературной близости к Парвусу, чему не мешали отличия в характере и темпераменте».

Идеи, которые Троцкий почерпнул в ходе полугодовой стажировки в доме Парвуса, вооружили его в идейно-политическом отношении и легли в основу его главных теоретических работ. Характеризуя написанную Троцким в 1906 году работу «Итоги и перспективы. Движущие силы революции», в которой были изложены положения «теории перманентной революции», Дейчер писал, что здесь «Троцкий достиг пика своего развития… Для него это был переход от раннего к зрелому мужеству, переход столь же внезапный и быстрый, каким были его прыжки от детства к подростковому состоянию и от подросткового возраста – ко взрослой жизни… До конца своих дней… он будет защищать и развивать идеи, которые он изложил вкратце в 1906 году». Превратившись в активного пропагандиста «теории перманентной революции», Троцкий постепенно стал считаться одним из соавторов (а порой и единственным автором) этой теории.

В отличие от Парвуса, писавшего о глобальных последствиях российской революции, Троцкий остановился в своей работе лишь на месте России в мировой «перманентной революции». Однако и здесь влияние Парвуса было бесспорным. Дейчер считал, что «некоторые оценки Троцкого по поводу русской истории и концепции русского государства сформировались под влиянием Парвуса». По словам Дейчера, Парвус исходил из того, что «русское государство представляло собой среднее между азиатским деспотизмом и европейским абсолютизмом и сложилось не как орган власти какого-либо класса в российском обществе, а как военная, бюрократическая машина, задуманная главным образом для того, чтобы сопротивляться давлению от более цивилизованного Запада. Именно по этой причине царизм ввел элементы европейской цивилизации в Россию, особенно в армию». Правда, Дейчер оговаривался, что свое истолкование движущих сил российской истории Парвус (а затем и Троцкий) взяли у русского историка и политического деятеля П.Н. Милюкова.

Эти идеи были изложены на первых же страницах книги Троцкого «Итоги и перспективы». Троцкий начинал свой анализ мирового положения России с утверждения об ее органической отсталости: «Если сравнивать общественное развитие России с развитием европейских стран, взяв у этих последних за скобки то, что составляет их наиболее сходные общие черты и что отличает их историю от истории России, то можно сказать, что основной чертой русского общественного развития является его сравнительная примитивность и медленность… Русская общественность складывалась на более первобытном и скудном экономическом основании». Отставание России от ее западных соседей, отмечал Троцкий, делало страну уязвимой для их нападения.

Развивая идеи Парвуса (а точнее, Милюкова), Троцкий подчеркивал, что угроза нападения с Запада вынуждала государство чрезмерно много тратить на оборону и создавать армию по западному образцу. Он замечал: «Не татары вынудили Русь ввести огнестрельное оружие и создать постоянные стрелецкие полки; не татары заставили впоследствии создать рейтарскую конницу и солдатскую пехоту. Тут было давление Литвы, Польши и Швеции. В результате этого давления Западной Европы государство поглощало непропорционально большую долю прибавочного продукта, то есть жило за счет формировавшихся привилегированных классов, и тем задерживало их и без того медленное развитие».

Как Парвус и Милюков, Троцкий утверждал, что в России государство играло надклассовую роль. Он писал: «Государственная власть, как самостоятельная сила, рассматривала даже интересы высших сословий под своим углом зрения и, развивая сопротивление их притязаниям, стремилась подчинить их себе».

Подчеркивая решающую роль государства в становлении и развитии российской экономики, Троцкий принимал безоговорочно вывод Парвуса об «искусственном» характере российского хозяйства: «Новые отрасли ремесла, машины, фабрики, крупное производство, капитал представляются – с известной точки зрения – как бы искусственной прививкой к естественному хозяйственному стволу». А отсюда делался вывод об «искусственности», а,

стало быть, нежизненности всех достижений России в развитии экономики, науки, техники и культуры.

Троцкий писал: «С этой точки зрения можно… сказать, что вся русская наука есть искусственный продукт государственных усилий, искусственная прививка к естественному стволу национального невежества». Таким образом, получалось, что никакие достижения России не смогли преодолеть ее органической примитивности и отсталости от «передового» Запада.

С точки зрения Троцкого, российское государство, в отличие от «естественно развивающихся» государств Европы, представляло собой некоего искусственно выращенного и непропорционально сложенного урода, обладавшего гипертрофированной силой. Троцкий утверждал, что все достижения современного научно-технического прогресса XIX века (железнодорожный транспорт, телеграф) были взяты на вооружение российским государством исключительно в интересах самовыживания правящей бюрократии. Благодаря этому, утверждал Троцкий, «в 80-е и 90-е годы XIX в. русское правительство стояло перед лицом мира как колоссальная военно-бюрократическая и фискально-биржевая организация несокрушимой силы».

Троцкий считал, что искусственный характер российского государства, работающего лишь на самого себя и оторванного от других классов, превратил его в колосс на глиняных ногах. Оторванная от государства российская буржуазия была неспособна отстоять свои интересы. Развивая положение Парвуса о возможности прихода пролетариата к власти в ходе российской революции, Троцкий писал: «В стране экономически более отсталой пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой. В 71 г. он сознательно взял в свои руки управление общественными делами в мелкобуржуазном Париже – правда, только на два месяца, – но ни на один час он не брал власти в крупно-капиталистических центрах Англии или Соединенных Штатов. Представление о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры от технических сил и средств страны представляет собой предрассудок упрошенного до крайности «экономического» материализма. С марксизмом такой взгляд не имеет ничего общего. Русская революция создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции – должна) перейти в руки пролетариата, прежде чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть государственный гений».

Это положение Троцкого повторяло мысли Парвуса, изложенные им еще в начале 1904 года на страницах «Искры». Парвус считал, что «революционное временное правительство России должно стать правительством демократии рабочих», а «так как социал-демократическое правительство находится во главе революционного движения… это правительство будет социал-демократическим». Отголоском этих идей явился лозунг Троцкого «Без царя, а правительство – рабочее».

Эти идеи были впоследствии подвергнуты резкой критике со стороны Ленина, который увидел в них недооценку роли крестьянства в революции и стремление «перепрыгнуть» через этап буржуазно-демократической революции сразу же к пролетарской. Считая, что Троцкий на деле лишь мешает развитию революции, Ленин писал: «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьянство на революцию». Нигилистическое отношение к крестьянству было характерно для западноевропейской социал-демократии. Перенося такие оценки на Россию, Троцкий лишь повторял установки, которые он считал бесспорными, потому что они были рождены на «передовом» Западе.

Отношение к революционному потенциалу российского крестьянства стало водоразделом между большевизмом и европейской социал-демократией. Впоследствии Сталин противопоставлял «равнодушное, а то и отрицательное отношение к крестьянскому вопросу» партий II Интернационала позиции Ленина, который, по его словам, исходил из «признания в рядах большинства крестьянства революционных способностей и… возможностей их использования в интересах пролетариата».

Правда, такое признание не означало, что в рабоче-крестьянском союзе, о необходимости которого говорил Ленин, крестьянство играло равноправную роль. За крестьянством оставалась лишь роль «резерва революции», и в этом проявлялось отношение к нему всех горожан, в том числе и бывших крестьян, превратившихся в городских рабочих. Нежелание видеть в крестьянах равноправного партнера стало источником многих политических ошибок и социальных катастроф в нашей стране в XX веке.

В отличие от рабочего класса Западной Европы начала XX века, российский пролетариат состоял в основном из вчерашних крестьян и сохранял тесные, часто родственные, связи с деревней. С точки зрения Троцкого наличие этих связей было проявлением отсталости российского пролетариата. На самом деле они способствовали сохранению в сознании российских рабочих многих сильных черт, рожденных в традиционной крестьянской общине (духовная энергия, живость ума, любознательность, требовательность к себе, способность к упорному труду, коллективная взаимовыручка и т. д.). Именно эти качества российского пролетариата, рожденные крестьянской, народной культурой, позволили ему стать решающей силой в превращении нашей страны в течение XX века в одну из величайших держав мира.

То обстоятельство, что руководство большевистской партии во главе с Лениным высоко оценивало возможности российского пролетариата, в конечном счете легло в основу идеи о возможности начать социалистическую революцию в России, не дожидаясь революции на Западе. В дальнейшем же представление о мощном потенциале русского пролетариата позволило Сталину выдвинуть тезис о построении социализма в одной стране. Заявление же Солженицына о том, что у Ленина был «стратегически задуманный удар по русскому народу как главному препятствию для победы коммунизма», является совершенно голословным.

Принижение возможностей российского пролетариата и русского народа проявлял не Ленин, а Троцкий. Даже когда Троцкий говорил о «пролетарской диктатуре», эти заявления могли служить для прикрытия установления режима, который бы привел к установлению не социалистического, а буржуазного строя. Из рассуждений Троцкого о диктатуре пролетариата, которая должна быть установлена в России в ходе революции, следовало, что речь идет о диктатуре социал-демократической партии, которая будет управлять именем пролетариата. При этом он ссылался на опыт французской революции и сравнивал будущую диктатуру пролетариата в России с диктатурой якобинцев в ходе французской революции. «При таких условиях, – писал Троцкий, – русское крестьянство будет… не меньше заинтересовано… в поддержании пролетарского режима…, чем французское крестьянство было заинтересовано в поддержании военного режима Наполеона Бонапарта». Получалось, что «пролетарская диктатура» могла стать аналогом диктатуры либо Робеспьера, либо Бонапарта. Похоже, что речь шла о том, чтобы повторить в «отсталой» России буржуазную революцию, которая совершилась сто с лишним лет назад во Франции.

Троцкий считал, что власть «пролетарской диктатуры» в России не могла стать прочной. Главную опасность он видел в «низком уровне» крестьянского населения. «Мелкобуржуазный характер и политическая примитивность крестьянства, деревенская ограниченность кругозора, оторванность от мировых политических связей представят страшное затруднение для упрочения революционной политики пролетариата у власти», – писал он. Троцкий был уверен, что пролетарская власть «натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны… Предоставленный своим собственным силам, рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него».

Из этого следовал другой вывод: **«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное государство в длительную социалистическую диктатуру.** В этом нельзя сомневаться ни одной минуты. Но, с другой стороны, нельзя сомневаться и в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо

превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру». Троцкий утверждал, что рабочему классу России «ничего другого не остается, как связать судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе».

Эти мысли, в том числе и те, что были выделены жирным шрифтом в его брошюре, стали краеугольным положением в идейно-политическом арсенале Троцкого. На практике это означало подчинение интересов революции в России тем задачам, которые ставили перед собой руководители социал-демократических партий Западной Европы.

Как показала история, социал-демократия, после прихода к власти во многих западноевропейских странах после 1918 года, даже не попыталась строить социализм, а ограничилась проведением ряда социальных реформ при сохранении и укреплении капиталистических порядков. Поэтому привязывание «социалистической диктатуры» России к политике социал-демократических партий Западной Европы означало бы использование потенциала нашей страны для поддержания западноевропейской буржуазии, с которой был теснейшим образом связан Парвус.

Вооружив Троцкого своими теоретическими установками, Парвус получил надежного проводника своих идей, готового превратить российскую революцию в важный этап на пути создания капиталистических Соединенных Штатов Европы.

Одновременно Парвус старался подготовить Троцкого как вождя всероссийского революционного восстания. Плодом занятий в Мюнхене стала брошюра Троцкого, в которой был изложен план революционного восстания. В нем Троцкий писал: «Отрывайте рабочих от машин и мастерских; выводите их через проходные ворота на улицу; направляйте их на соседние фабрики, объявляйте там стачку и ведите новые массы на улицу. Так, передвигаясь от фабрики к фабрике, от мастерской к мастерской, нарастая и сметая полицейские препятствия, выступая с речами и привлекая внимание прохожих, захватывая группы, которые идут в другую сторону, заполняя улицы, занимая первые попавшиеся здания, используя их для непрерывных революционных митингов с постоянно сменяемой аудиторией, вы внесете порядок в движение масс, поднимете их уверенность, объясните им цель и смысл событий, и таким образом вы превратите город в революционный лагерь – таков в целом план действий».

Дейчер утверждал, что «план действий» Троцкого был оригинален, так как не опирался на какие-либо прецеденты, в этом можно усомниться. Есть сведения, что еще в 1903—1904 годах Троцкий прослушал в Париже цикл лекций профессора и масона Олара об истории французской революции и методике революционной борьбы. Скорее всего, эти лекции во многом повлияли на «план действия» Троцкого.

Неправ был Дейчер и утверждая, будто к началу XX века мир еще не знал городских восстаний с участием фабричных рабочих. Такой опыт имелся не только во Франции, известной своими революционными традициями, в том числе и восстаниями городских рабочих (достаточно вспомнить восстания лионских рабочих 1831 и 1834 годов, восстания парижских рабочих в июне 1848 года и в дни Парижской коммуны 1871 года).

Чарлз Диккенс не разделял восторга перед восстаниями городских рабочих. Описание организованного масонами лондонского восстания 1780 года в его романе «Барнаби Радж» во многих чертах напоминало «план действия» Троцкого. Восстанию предшествовала активная планомерная агитация. Затем «бунтовщики… группами разбегались по различным кварталам города, …и такие банды по дороге обрастали людьми, как река стремящаяся к морю. Все новые вожаки появлялись, как только в них возникала надобность, исчезали, когда становились ненужны, и в критический момент снова вырастали как из-под земли. Вспышки принимали различный характер в зависимости от обстановки. Мирные рабочие люди, возвращавшиеся домой после трудового дня, бросали свои сумки с инструментами и в один миг становились бунтовщиками. К ним присоединялись и мальчишки-посыльные. Словно какая-то эпидемия охватила весь город. Возбуждение, шум, стремительное движение имели для сотен людей притягательную силу, перед которой они не могли устоять. Заразительное безумие распространялось, как страшная злокачественная лихорадка. Оно еще

не достигло крайних пределов, но каждый час охватывало все новые жертвы, и лондонское общество уже начинало трепетать, наблюдая это буйное сумасшествие».

Создается впечатление, что опыт городских восстаний, давно описанный и хорошо изученный в Западной Европе, Троцкий намеревался применить в России. Главное в его «плане действий» он отводил управлению настроениями возбужденных агитацией масс и превращению их в орудие разрушения строя. Судя по всему, Парвус и Троцкий намеревались находиться близко от пульта управления этими событиями. Однако события в России опередили планы Парвуса и Троцкого.

СРЕДИ ВОЛН РЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРИ

10 (23) января 1905 года Троцкий прибыл в Женеву для того, чтобы выступить там среди российских эмигрантов. Он знал, что накануне в Санкт-Петербурге собиралась массовая демонстрация, но почему-то решил, что она не состоялась. Когда же он зашел в редакцию «Искры» (к этому времени переместившуюся из Лондона в Женеву), то на его замечание об отмене демонстрации Мартов воскликнул: «Неужели вы не знаете?» – и сунул Троцкому свежие телеграммы. Троцкий вспоминал: «Я пробежал первые десять строк телеграфного отчета о кровавом воскресенье. Глухая и жгучая волна ударила мне в голову».

Вряд ли Троцкий был единственным человеком, который так воспринял известие о начале революционных событий в России. Революция, о возможности которой говорили чуть ли не целое столетие, стала неожиданной даже для тех, кто ее тщательно готовил. С одной стороны, революция была естественным следствием обострившихся противоречий между сохранявшимися помещичье-монархическими порядками и бурно развивавшимися капиталистическими отношениями, между обездоленными и привилегированными классами. С другой стороны, революционной ситуацией воспользовались самые различные политические группировки внутри страны и за ее пределами, нередко враждебные друг другу, а потому готовившие свержение царского строя в тайне и независимо друг от друга.

Еще в ходе «банкетной кампании» против самодержавия выступила либеральная буржуазия России, деловая активность которой сдерживалась тогдашними политическими, экономическими и социальными порядками. Значительная часть интеллигенции постоянно находилась в оппозиции к самодержавию. Лозунги против самодержавия уже не раз появлялись в ходе демонстраций и забастовок рабочих, находившихся под воздействием политической пропаганды революционных партий (социалисты-революционеры, социал-демократы, анархисты).

В разрушении самодержавного строя по разным причинам были заинтересованы и внешние конкуренты России. США хотели ослабить позиции России на зерновом рынке. Германия и Австро-Венгрия, стремившиеся к расширению своего влияния на Балканах, желали того, чтобы Россия была отвлечена от международных дел обострившимися внутренними проблемами. К тому же они видели в России союзника враждебной им англо-французской Антанты. Япония, воевавшая с Россией с начала 1904 года, жаждала добиться внутриполитического кризиса в стане своего противника. Эти державы плели свои интриги внутри России через сеть своей агентуры, не жалея расходов.

Немалые усилия для поражения России были предприняты и международными кругами еврейской буржуазии. Бывший подданный Германии, а затем американский гражданин Яков Шифф, возглавлявший один из крупнейших банков США «Кун и Леб», предоставил Японии займ в 200 млн. долларов во время русско-японской войны.. Он же щедро финансировал революционное движение в России.

Некоторые исследователи объясняли пораженческую позицию многих российских органов печати деньгами Японии или Шиффа. Публикации о слабости русских войск, о бездарности командования, о коррупции в тылу лишь способствовали революционной пропаганде. Находясь в Мюнхене, Троцкий рекомендовал в своей брошюре разжигать страсти вокруг поражений в ходе русско-японской войны: «Наши суда ходят медленнее,

наши пушки бьют не так далеко, наши солдаты неграмотны, у унтеров нет компаса и карты, наши солдаты босы, голы и голодны, наш Красный Крест крадет, интендантство крадет, – слухи и вести об этом, разумеется, доходят до армии и жадно всасываются ею. Каждый такой слух точно острая кислота разъедает ржавчину нравственной муштры».

Вряд ли Троцкий знал, что такие же методы пропаганды использовал священник Георгий Гапон, который уже с конца 1904 года возглавил «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга». По совету Гапона члены «Собрания» знакомили рабочих со специально подобранной информацией о ходе русско-японской войны, которая создавала впечатление о полном разложении царского строя. Сообщения о падении Порт-Артура накалили подогретые страсти, и поэтому потребовался незначительный предлог, которым стала искаженная весть об увольнении 4 рабочих, чтобы столица оказалась парализованной забастовкой.

До сих пор неясно, какие силы стояли за священником и кто направлял его действия. Его связи с полицией и эсерами, в среде которых было немало полицейских агентов, наводили на мысли о том, что руками Гапона была осуществлена полицейская провокация. Странная роль, которую играла российская полиция в своих связях с террористами, и многие другие обстоятельства не позволяют наверняка говорить, что полиция действовала исключительно в интересах правящего строя. Кто бы ни стоял за Гапоном, ясно было одно: массовая демонстрация столичных рабочих и ее жестокий расстрел застали многих революционеров страны, особенно тех, кто находился за границей, врасплох.

Очевидно, что до получения сообщений из Петербурга Троцкий считал, что еще оставалось немало времени до того, как его «план действия» станет воплощаться в жизнь. Беспощадная же расправа властей с демонстрантами свидетельствовала, что события шли отнюдь не так, как их замысливал автор «плана действий», находясь в Мюнхене. И поэтому Троцкий решил немедленно направиться в Россию, чтобы попытаться воплотить свои замыслы в жизнь до того, как царские войска раздавят последние отряды революционных масс. «Оставаться за границей я дольше не мог», – писал Троцкий.

Троцкий сразу же вернулся в Мюнхен. Вместе с Парвусом они решили, что брошюру, содержащую «план действия», надо немедленно издать под заголовком «До 9 января». По словам Троцкого, Парвус тогда говорил: «События полностью подтвердили этот прогноз. Теперь никто не сможет отрицать, что всеобщая стачка есть основной метод борьбы. Девятое января – это первая политическая стачка, хотя и прикрытая рясой. Нужно только договорить, что революция в России может привести к власти демократическое рабочее правительство». В этом духе Парвус написал предисловие к брошюре Троцкого.

Одновременно были предприняты меры для нелегального переезда Троцкого в Россию. И вновь Троцкий обратился за поддержкой к лидеру австрийской социал-демократии Виктору Адлеру. Последний, по словам Троцкого, «был целиком поглощен делами… У него на квартире парикмахер изменил мою внешность, уже достаточно примелькавшуюся русским охранникам за границей». Было очевидно, что австрийская социал-демократия, как и германская, видели в Троцком такого же своего агента в российской революции, каким уже давно считался Парвус.

Седова выехала в Россию раньше супруга, чтобы «наладить в Киеве квартиру и связи». В феврале 1905 года туда прибыл и Троцкий с паспортом прапорщика Арбузова. В Киеве Троцкий постоянно менял одну квартиру за другой. На какое-то время он ради конспирация был даже помещен в глазную больницу.

Во время своего киевского подполья и в последовавшие месяцы 1905 года Троцкий поддерживал связь с Леонидом Красиным. Выбор Красина в качестве человека, который мог бы оказать максимальную помощь Троцкому, вряд ли был случайным. Будучи инженером-электротехником по образованию, Красин обрел и неплохие навыки предпринимателя, как организатор быстро развивавшегося электротехнического производства. Связи Красина в деловом мире России и за ее пределами позволяли ему играть во многом самостоятельную роль в революционном движении. Порой он занимал ведущие

позиции в РСДРП, порой отходил от активной политической деятельности и возвращался к своей электротехнической профессии и деловой жизни. Начав свою революционную деятельность в кружке Бруснева вместе с Кржижановским и Крупской, Красин к 1905 году занимал видное место в руководстве большевистской партии. В то же время он принадлежал к группе так называемых примиренцев, то есть людей, готовых к компромиссу с меньшевиками, а поэтому Троцкому, занявшему «нейтральную» позицию между двумя фракциями в РСДРП, было легче найти с ним общий язык.

Однако «примиренческая» позиция Красина никоим образом не распространялась на его взгляды в отношении революции. Выступая за быстрейшее преодоление раскола в РСДРП, Красин считал, что это необходимо для решительного выступления против самодержавия. О том, что его позиция пользовалась поддержкой среди большевиков, свидетельствовало то, что на III съезде партии большевиков (апрель 1905 года), который был впервые проведен отдельно от меньшевиков, Красин выступил с двумя важными докладами (по организационным вопросам и с отчетом ЦК съезду). Наряду с Лениным Красин был избран одним из пяти членов ее Центрального Комитета.

Принятая на III съезде РСДРП резолюция о вооруженном восстании признавала, что «задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент». Съезд поручал партийным организациям «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого по мере надобности особые группы из партийных работников».

Задача подготовки вооруженного восстания стала центральной для большевистской партии. В ее выполнении Красин играл решающую роль. Вскоре после завершения съезда при ЦК РСДРП была создана Боевая техническая группа, во главе которой встал Леонид Красин. «Члены Боевой технической группы организовывали изготовление взрывчатых веществ и бомб, создавали склады для хранения оружия, налаживали его закупку за границей и транспортировку в Россию». Под контролем Боевой группы находились и вооруженные отряды большевиков – боевые дружины. Троцкий писал: «Для меня связь с Красиным была истинным кладезем. Мы условились с ним встретиться в Петербурге. Явки я получил от него же». В столице империи Троцкий жил по паспорту помещика Викентьева.

Троцкий вскоре был переправлен в Финляндию, где он жил в пансионе «Рауха» (по-фински – «мир»). Известны тексты прокламаций, подготовленные Троцким в пансионе и начинавшиеся схожими обращениями к своим читателям: «Слушай, крестьянин!» или «Слушай, рабочий!» В них содержались призывы к рабочим не страшиться царских пуль, как они не боятся каждый день ходить на заводы, «где машины высасывают вашу кровь и калечат ваше тело». В прокламациях к деревенским жителям повторялись обычные среди российской интеллигенции рассказы из крепостнических времен о том, как крестьян выменивали на породистых псов, а царь награждал дворян крепостными работниками. Троцкий призывал крестьян убеждать солдат крестьянского происхождения не стрелять в рабочих. Он обращался к солдатам, заявляя, что Россия – это «огромный броненосец», и призывал их выступить против властей по примеру матросов броненосца «Потемкин».

Однако неизвестно, через какие организации РСДРП распространялись эти прокламации и были ли они вообще использованы в ходе революции. Нет никаких объяснений и тому, почему в отличие от Красина и многих других социал-демократов, находившихся в гуще событий, Троцкий прятался на конспиративных квартирах в Киеве и Петербурге или в лесном пансионе Финляндии. Казалось, что он выжидал приказа для появления в нужный момент на политической авансцене.

Революционные события в России, начатые «кровавым воскресеньем» 9 января, развивались неровно. Это во многом объяснялось тем, что антиправительственные силы были разобщены между различными политическими партиями, каждая из которых исходила из своих представлений о целях революции.

В ходе этих бурных событий Парвус все более активно вмешивался в дела РСДРП. При этом Парвус создавал впечатление, что он действует по мандату руководства германской социал-демократической партии. Политическими представителями Парвуса в РСДРП стали участники созданной в марте 1905 года небольшой группировки «парвусистов», включавшей Рязанова (Гольдендаха) и Эрманского. Ленин время от времени комментировал публикации Парвуса в «Искре», то отдавая должное его прозорливости, то резко критикуя его советы революционным партиям пойти на сделку с либеральной буржуазией. В течение нескольких месяцев 1905 года Парвус предпочитал давать свои советы и указания из Германии, но в середине октября он объявил своим коллегам по СДПГ, что он едет в Россию. У немецких социал-демократов создалось впечатление, что он имеет надежные сведения о событиях в России и даже отчасти контролирует развитие революции. Поэтому, когда он уверенно заявил: «С гадиной покончено!» – и пообещал друзьям, что он вернется с новой книгой о победе российской революции, они ему поверили. Видимо, уверенность Парвуса вдохновила ряд руководителей СДПГ и они внимательно следили за развитием событий в России, готовясь морально поддержать победу революции. Но ситуация в стране резко обострилась.

Начавшиеся в сентябре 1905 года стачки московских рабочих были поддержаны выступлениями в других городах. 10 октября забастовка стала всеобщей в Москве, а затем и в Петербурге. Неудачными оказались попытки правительства подавить ее и после заявления генерал-губернатора Петербурга Трепова: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Вскоре в России бастовало более двух миллионов рабочих. Бастующие выдвигали требования свержения правительства, установления республики и власти временного революционного правительства.

В ходе стачки в Петербурге около 200 тысяч рабочих избрали 13 октября Совет рабочих депутатов. В состав Совета от большевиков вошли Л.Б. Красин, А.А. Богданов, М.Г. Цхакая, Д.С. Постоловский, Б.М. Кнунянц, П.А. Красиков и другие. Председателем Совета был избран беспартийный адвокат Г.С. Хрусталев-Носарь. Совет заседал в Технологическом институте, который в свое время окончил Красин. Присутствие руководителя Боевой технической группы при ЦК в составе Совета свидетельствовало о готовности большевиков превратить Петербургский Совет в штаб вооруженного восстания.

Позже Красин вспоминал: «Веселое было время! Самая интенсивная работа по организации партии, создание технического аппарата, широчайшая пропаганда и агитация в массах… активная подготовка к вооруженному восстанию, целый ряд конспиративных предприятий и технических дел – все это целиком заполняло время». «Технические дела», заполнявшие «веселое время» Красина, включали и работу по приготовлению бомб.

Через два дня после создания Петербургского Совета, 15 октября, Троцкий вернулся в Петербург и прибыл в Технологический институт. Красин пригласил его на заседание фракции большевиков. Вскоре в Петербург прибыл и Парвус. Казалось, что его прогнозы сбывались и он ожидал с минуты на минуту падения самодержавия и начало мировой перманентной революции. Для подобных надежд были известные основания. Развитие всеобщей политической стачки делало весьма вероятным перерастание ее в революционное восстание.

Однако на сей раз правительство, полагавшееся до сих пор на грубую силу, решило сманеврировать. 17 октября был оглашен царский манифест, который даровал «незыблемые основы гражданской свободы», неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Манифест, признавая Государственную думу законодательным органом, без одобрения которого никакой закон не мог войти в силу, во многом удовлетворял требования либеральной буржуазии, значительной части интеллигенции. После 17 октября эти политически активные слои населения потеряли интерес к революционной борьбе. А за полтора месяца до этого был подписан Портсмутский мирный договор, прекративший войну с Японией. Правительство ликвидировало источник напряжения не только во внутриполитической сфере, но и внешнеполитической.

Манифест 17 октября вызвал эйфорию у российской общественности, поверившей в

окончательное торжество дела свободы и демократии. В этот день герой повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» Петя Бачей запомнил и «национальные бело-сине-красные флаги», выставленные «над всеми воротами», и то, как, читая расклеенные на тумбах тексты Манифеста, люди «не стесняясь тем, что находятся на улице, кричали «ура» и целовались как на Пасху».

Иллюзии охватили и сторонников вооруженного восстания. Создается впечатление, что они, прочитав в Манифесте слово самодержца о том, что «смуты и волнения… великою и тяжелою скорбью преисполняют сердце Наше», пришли к тому же выводу, что и Петя Бачей, решивший, что «царю, наверное, приходится плохо и он просит по возможности ему помочь, кто чем может». Однако революционеры помогать царю не собирались. Царский Манифест убедил их в том, что правительство вступило на фатальный для всякой власти путь уступок антиправительственным силам, который не только не сбивает накал революции, а лишь усиливает веру оппозиции в собственные силы и свидетельствует о беспомощности правящих кругов. Было решено вооружить народ этим убеждением, а для этого организовать выступления, которые демонстрировали бы ничтожность существующей власти и показали бы, что царский Манифест – это отчаянный жест, исходящий от доживающего последние часы самодержавия.

Казалось, события стали развиваться в соответствии с «планом действия» Троцкого. Позже он вспоминал: «Для нас революция была родной стихией, хоть и очень мятежной». В ряде крупных городов страны прокатились студенческие выступления, в ходе которых уничтожали царские портреты, оскверняли памятники самодержцам России, выкрикивались лозунги против правящего монарха и существующего строя.

Троцкий решил в точном соответствии со своим «планом действия» сыграть роль главного агитатора страны, возбуждающего массы к новым актам неповиновения властям. Вдень опубликования Манифеста он, выступая в Петербургском университете как депутат Совета Яновский, избранный от меньшевиков, произнес зажигательную речь. Позже Троцкий с видимым удовлетворением вспоминал красочную сцену, когда собравшиеся подхватывали его проклятия в адрес Трепова и требования всеобщей амнистии. Оратор восклицал: «Граждане! Наша сила – в наших руках. С мечом в руке мы должны защитить свободу. А царский Манифест – смотрите! – это лишь клочок бумаги».

Как пишет Дейчер, «театральным жестом он помахал Манифестом перед толпой и яростно смял его в своем кулаке». «Сегодня он дает нам свободу, а завтра отберет ее и разорвет в клочья, как сейчас я рву в клочья эту бумажную свободу перед вашими глазами», – вещал оратор. «Так, – заключает Дейчер, – Россия впервые услышала оратора революции».

Выступление депутата Яновского (Троцкого) произвело сильное впечатление на собравшихся, и вскоре он был избран в состав исполкома Совета, в котором было по три представителя от трех ведущих революционных сил (большевики, меньшевики, эсеры). Троцкий представлял меньшевиков. Хотя уже в течение года Троцкий не состоял ни в одной из фракций РСДРП, связи, которые он сохранил и с меньшевиками и с большевиком Красиным, помогли ему, выйдя из-за кулис, быстро превратиться в одного из ведущих деятелей революционного органа власти.

Однако бурные революционные выступления 17—18 октября не вызвали массовой поддержки. Подавляющая часть российской общественности находилась под сильным впечатлением царского Манифеста и пребывала в состоянии эйфории. Поэтому действия революционеров, рвущих в клочья Манифест, осквернявших памятники и портреты царей, вызвали у многих отвращение. Убежденные противники революции были в ярости от действий революционеров и желали немедленно расправиться с ними. Все, что могло стать свидетельством кощунственного отношения к национальной символике, участия иноверцев-евреев в этих выступлениях, мгновенно стало распространяться в виде многочисленных слухов. Утверждалось, что в Киеве «студент-еврей проткнул красным флагом царский портрет». Говорили, что другой студент-еврей, вырезав в портрете государя

голову, всунул свою в образовавшееся отверстие и с балкона кричал толпе: «Теперь я – государь». Рассказывали о том, что евреи хотят изгнать казаков из Донской и Кубанской областей и забрать их земли. Распространяли слухи о том, что евреи говорили русским: «Скоро ваш Софийский собор станет нашей синагогой… Скоро евреи будут министрами, а ваши министры станут наливать чай нашим тряпичникам!… Мы вам дали Бога, мы вам дадим и царя».

Эти слухи падали на почву враждебного отношения к «инородцам». К этому времени часть общественного мнения формировалась под влиянием таких органов печати, как «Российское знамя», любой читатель которых, как и персонаж рассказа Шолом-Алейхема пристав Макар Холодный, был убежден, что «евреи каждую субботу проклинают в синагоге все иные народы и призывают на них погибель, что они сплевывают, упоминая церковь, что по выходе христианина из еврейского дома за ним вслед выливают помои». Слухи же о святотатствах и оскорблениях национального достоинства породили жажду мщения.

18 октября еврейский погром произошел в Орле, он продолжался до полуночи. 19 октября произошли погромы в Курске, Симферополе, Ростове-на-Дону, Рязани, Великих Луках, Казани, Иванове, Калуге, Новгороде, Смоленске, Томске, Туле, Уфе и во многих других городах России. Всего с 18 по 24 октября погромы охватили 660 городов, местечек и деревень России. При этом, как отмечал А. Селянинов, «убийствам и избиениям подвергались не только евреи, но и революционные элементы и просто заподозреваемые в освободительном движении».

Картины погромов одинаковы во всем мире. К движению религиозных фанатиков непременно присоединяются деклассированные элементы, «святая месть» выражается главным образов в разгроме жилищ. Описывая погромы, которые устраивали протестанты в домах католиков в ходе июньских событий 1780 года, Диккенс писал: «Овладев домом, громилы рассеялись повсюду, от подвалов до чердаков, делая свое дьявольское дело. Одни разводили костры под окнами, другие ломали мебель и швыряли обломки вниз, в огонь; где пробоины в стенах и окна были достаточны широки, из них кидали в костры столы, комоды, зеркала, картины. Каждая новая порция такого «топлива» встречалась ревом, диким воем, и это делало еще ужаснее и отвратительнее картину разгрома и пожара».

Объясняя психологию участников погромов, А.И. Куприн в рассказе «Гамбринус» писал: «Те люди, которые однажды, растроганные общей чистой радостью и умиленные светом грядущего братства, шли по улицам с пением, под символами завоеванной свободы, – те же самые люди шли теперь убивать, и шли не потому, что им было приказано, и не потому, что они питали вражду против евреев, с которыми часто вели тесную дружбу, и даже не из-за корысти, а потому, что грязный, хитрый дьявол, живущий в каждом человеке, шептал им на ухо: «Идите, все будет безнаказанно: запретное любопытство убийства, сладострастие насилия, власть над чужой жизнью». По официальной статистике, в ходе погромов было 810 убито и 1770 ранено. В статье «Еврейские погромы в России», опубликованной в 1-м издании БСЭ, указывалось, что «по общественным подсчетам, оказалось от 3500 до 4000 убитых и свыше 10 000 раненых». Вне зависимости от того, кто был прав в оценке числа жертв, было ясно одно: подобных погромов страна до сих пор не знала.

Эти погромы и события, предшествовавшие им, убедили многих неевреев в том, что главными организаторами революции являются евреи. Многие же евреи уверовали, что в современной России они являются главными жертвами преследований, как во времена Ветхого Завета и Средневековья.

Ответом на погромы явилась организация самообороны еврейских общин. В этой связи известный интерес представляет свидетельство социал-демократа из Николаева, который утверждал, что во время своего пребывания «в Киеве Троцкий участвовал в организации еврейской самообороны». Этот человек рассказывал о своей встрече с Троцким, в ходе которой последний заявил: «Вам следует знать, что мы заключили соглашение с руководителями местных сионистов о создании совместной организации самообороны. В

ней будут участвовать наши друзья-сионисты и члены РСДРП. Вы с братом будете осуществлять связь между нами и сионистами». Квартира Троцкого служила штабом… Троцкий снабдил оружием все «горячие точки».

Трудно установить точность этой информации, так как из этого свидетельства неясно, о каких днях 1905 года идет речь. Если это происходило в начале года, когда Троцкий был в Киеве, то из этого следует, что отряды самообороны создавались задолго до октябрьских погромов. Во время же кровавых событий в середине октября Троцкий находился в Петербурге, и тогда эта история является выдуманной. В таком случае это не единственный пример того, как находились люди, готовые утверждать, что, вопреки очевидным свидетельствам, Троцкий мог одновременно находиться в удаленных друг от друга городах, словно цадик из рассказов хасидов.

Еврейские погромы, многочисленные массовые демонстрации монархистов, поддержка значительной частью населения Манифеста 17 октября показывали невозможность перерастания петербургской забастовки во всероссийское восстание. 21 октября Петербургский Совет принял решение о ее прекращении. На 23 октября были назначены похороны рабочих и революционеров, которые были убиты во время подавления забастовки, но накануне в Совете узнали о том, что готовится разгон похоронной процессии, который будет сопровождаться погромом. Троцкий выступил за отказ от массовой похоронной процессии. Это отвечало и позиции большинства членов Совета, считавших, что «петербургский пролетариат даст царскому правительству последнее сражение не в тот день, который изберет Трепов, а тогда, когда это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату». Очевидно, что Петербургский Совет своими решениями от 21 и 22 октября о прекращении забастовки и отмене похоронной процессии верно реагировал на изменившуюся обстановку.

Однако ситуация быстро менялась. Успех всеобщей стачки в Петербурге, организованной 2-7 ноября Советом в знак протеста против решения о предании военно-полевому суду восставших в Кронштадте, убедил многих революционеров в том, что они прочно держат в руках инициативу. Объявляя о прекращении стачки от имени Совета, Троцкий заявил: «События работают на нас, и нам не надо ускорять их темп. Мы должны растянуть период подготовки для решающего действия насколько мы можем, скажем, на месяц или два, пока мы не создадим такую спаянную и организованную армию, какую только возможно».

Небольшой опыт русской революции не позволял руководителям революционных партий понять, что создание спаянной и организованной революционной армии в различных странах мира обычно занимает много лет. Надеяться же на победу боевиков, вооруженных бомбами из лаборатории Красина, в боях против организованных царских войск было нелепо. Успех был бы возможен лишь в том случае, если бы армия и полиция отказались выполнять царский приказ. Однако отдельные выступления солдат и матросов в Кронштадте и Севастополе не были поддержаны другими воинскими частями и подразделениями. Массового перехода армии и флота на сторону революции не произошло. Революционерам же казалось, что для победы им недостает лишь пары месяцев и центрального органа по руководству революцией.

В эти дни Ленин исходил из необходимости быстрейшего начала вооруженного восстания. Эту мысль он выразил в статье «Развязка приближается», опубликованной в газете «Новая жизнь» 3 ноября. 8 ноября Ленин прибыл в Петербург. Выступив на расширенном заседании Петербургского комитета большевиков, он, по воспоминаниям М.М. Эссен, «здорово выругал нас за то, что во главе Совета рабочих депутатов встали меньшевики».

Но неожиданно главную роль в революционной пропаганде в России стали играть не меньшевики и большевики, а парвусисты и их руководитель. В считанные дни после своего прибытия в Петербург Парвус приобрел ежедневную «Русскую газету» либерального направления и, по словам Дейчера, «превратил ее в популярный орган воинствующего

социализма». За несколько дней в конце октября тираж «Русской газеты» вырос с 30 до 100 тысяч. К началу декабря заказы на газету составили полмиллиона экземпляров, но техника не справлялась с удовлетворением потребностей читателей.

Одновременно Парвус организовал издание газеты «Начало» – печатного органа меньшевиков. Хотя Мартов, поставленный у руководства газеты, и не разделял взглядов Парвуса на перманентную революцию, ему пришлось заняться пропагандой этой теории. «Мы вынуждены будем согласиться на пропаганду этой довольно рискованной идеи, не имея возможности что-либо возражать с нашей стороны», – писал Мартов Аксельроду.

Помимо Парвуса и Троцкого, авторами публикаций в этой газете выступали такие видные деятели международной социал-демократии, как Виктор Адлер, Август Бебель, Карл Каутский, Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин. Очевидно, активное участие ведущих деятелей международного социалистического движения в работе газеты «Начало» убеждали российских социал-демократов в том, что за спиной Парвуса и Троцкого находится II Интернационал. В этих условиях лидеры РСДРП стремились попасть на страницы изданий Парвуса. Троцкий испытывал приятное чувство отмщения, когда он смог предоставить страницы газеты «Начало» для статьи Плеханова, который всего лишь год назад заявил, что он испытывает «моральное отвращение» быть соседом Троцкого на страницах «Искры».

Много лет спустя Троцкий с удовольствием приводил рассказ Каменева о том, как расхватывали на вокзалах газету «Начало», которую привозили петербургским поездом. Поразительным образом, Парвус и Троцкий, которые до середины октября находились за кулисами революционных событий, оказались во главе них и через массовую печать формировали общественное мнение России, готовя его к новым общественным потрясениям.

Удивительным было и то, что российская полиция, которая должна была стоять на страже интересов царя и трона, не замечала, что в составе Петербургского Совета находится беглый ссыльный Лейба Бронштейн, которого она искала с 1902 года. Российская полиция не беспокоила и Парвуса, который прежде мог пробираться в Россию лишь нелегально и по чужому паспорту. Не менее странным были и многие другие действия российской полиции, которая сотрудничала с Азефом, организатором убийств видных государственных деятелей страны, имела в услужении Багрова, который убил в 1911 году премьер-министра России П.А. Столыпина, а затем «проглядела» многочисленные заговоры в верхах страны (в том числе и масонский), которые привели к Февральской революции 1917 года и свержению монархии. Нельзя не прийти к выводу, что среди «стражей порядка» находились влиятельные люди, которые работали не на сохранение самодержавного строя, а на его дестабилизацию и разрушение в интересах тайных сил, ничего общего не имевших с Россией.

Видимо, в разгар революций на многие странности не успевали обращать внимание. Не замечали многие удивительные вещи, творившиеся в их рядах и революционеры, которые в это время старались действовать совместно, не раздумывая особенно о том, кто, когда и по каким причинам присоединился к революции. В ноябре 1905 года революционеры были убеждены в том, что время работает на них, и старались не поддаваться на провокации правительства. Именно поэтому, выступая на заседании Совета 14 ноября с речью по вопросу о том, как реагировать на массовое увольнение рабочих в Петербурге, Ленин высказался против объявления забастовки в поддержку уволенных. Троцкий энергично поддержал эту позицию. Исполком принял ленинскую резолюцию, в которой говорилось, что «рабочие не примут сражения в тех невыгодных условиях, в которых хочет навязать им сражение правительство».

Начало восстания моряков в Севастополе 16 ноября многие расценили как прелюдию к началу Гражданской войны. «Восстание в Севастополе все разрастается… Мы стоим, следовательно, накануне решительного момента», – писал Ленин в «Новой жизни».

В эти дни Троцкий был на приеме у баронессы Вексколь фон Хильдебрандт, гости которой с изумлением увидели, что член пролетарского Совета одет по последней моде. Обратившись к большой группе военных, собравшихся у баронессы, Троцкий объяснил им,

что рабочий класс и сама свобода не вооружены. У них, офицеров, ключи к арсеналам нации. Их долг в решающий момент вручить эти ключи тем, кому они принадлежат по праву – народу.

По сути Троцкий повторял те выводы, которые он изложил в своей брошюре, написанной в Мюнхене и изданной в первые дни после начала революции. В ней он утверждал, что военные добровольно передают оружие в руки новой власти. На сей раз он решил сам попросить это оружие у тех, кто держал его в руках. Дейчер справедливо считает, что офицеры могли расценить это обращение Троцкого как «шутку отчаявшегося человека». Однако революционеры верили, что потенциальных лейтенантов Шмидтов немало в армии и на флоте, силы самодержавия на исходе, а революция готова к победному маршу.

23 ноября Ленин утверждал: «Растет восстание. Растет бессилие, растерянность, разложение самодержавного виттевского правительства». По другую сторону баррикад Ленин видел прямо противоположный процесс: «организация и мобилизация революции». Эта оценка не оправдалась. Через три дня руководство Петербургского Совета во главе с Г.С. Хрусталевым-Носарем было арестовано. 27 ноября было избрано временное председательское бюро в составе: Л.Д. Троцкий, Д.Ф. Сверчков, П.А. Злыднев. Если бы, как представлялось революционерам, самодержавие вскоре пало, то Троцкий, превратившийся в одного из руководителей столичного Совета, мог бы стать одной из ключевых фигур революционного правительства.

Но вскоре стало очевидно, что самодержавие не пало, а перешло в контрнаступление. Правительство предоставляло местным властям право «прибегать к применению чрезвычайных мероприятий без испрошения на то разрешения центральной власти» для борьбы с забастовками на железных дорогах, почте и телеграфе. Был издан указ об уголовной «наказуемости наиболее опасных проявлений участии в забастовках». Циркуляры предписывали выявлять «немедленно всех главарей противоправительственного и аграрного движения и заключать их в местную тюрьму для поступления с ними согласно указанию г. министра внутренних дел».

В этой обстановке Парвус решил нанести контрудар правительству, навязав ему свои условия борьбы. 2 декабря временное председательское бюро Петербургского Совета без обсуждения этого вопроса на пленарном заседании приняло «Финансовый манифест», который неожиданно переводил борьбу с правительством в совершенно необычную для революции сферу. Манифест от начала до конца был подготовлен Парвусом, который не был членом Совета.

«Финансовый манифест» провозглашал неизбежность финансового банкротства России и объявлял, что «долговые обязательства Романовых не будут признаны побежденным народом». В «манифесте» говорилось, что «самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий. Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом».

«Манифест» призывал: «Следует отказаться от амортизационных выплат, так же как и вообще от всех выплат в пользу государства. При заключении любых сделок, включая заработной платы, оплата должна производиться золотом, а в случае, если сумма не превышает 5 рублей, полновесной монетой. Все депозиты должны быть отозваны из сберегательных банков и из государственного банка и выплаты должны производиться золотом». Вместо провоцирования масс на революционные выступления, Парвус и Троцкий теперь решили вызвать финансовую панику. Для этого газеты Парвуса широко распространяли «Финансовый манифест».

Как это бывает всегда при организации любой подобной паники, сообщение о ненадежности банков и неустойчивости валюты вызвало массовое изъятие вкладов из сберегательных касс. Объявление же о финансовом банкротстве правительства серьезно повлияло на котировку рубля на международном финансовом рынке.

В постановлении Государственного совета России, принятом по отчету

Государственного банка за 1905 год, говорилось по поводу «Финансового манифеста»: «Среди населения возникла беспримерная в истории нашего государственного кредита паника, вызванная этим преступным воззванием и сопутствующею ему противоправительственною агитацией крайних партий: истребование вкладов из государственных касс приняло стихийный характер и выразилось к концу отчетного года в громадной цифре 148 с лишком миллионов. Одновременно с сим значительно увеличились требования производства платежей золотом и весьма возросли операции по продаже валюты, обусловленные отливом капиталов за границу».

Советские историки обычно считали «Финансовый манифест» важной акцией Петербургского Совета в его борьбе против самодержавия, совершенно игнорируя роль Парвуса при подготовке этого документа. Однако если вспомнить, что автор «манифеста» через несколько лет стал совершать многомиллионные спекуляции зерном и оружием в Османской империи и Балканских странах, то нетрудно предположить, что и при организации финансовой паники в декабре 1905 года Парвус руководствовался не только и не столько желанием помочь революционному делу.

Как известно, в ходе подобных паник бывают не только потерпевшие, но и выигравшие. Потерпевшими были российские банки и все государство, финансовая система которого подверглась тяжелому потрясению. Но можно предположить, что Парвус и его друзья, снабдившие его средствами для скупки петербургских газет, не остались внакладе после этих событий.

Видимо, «друзья» Парвуса были очень влиятельными. Вряд ли можно признать случайным, что через несколько лет Парвус был принят в высших кругах Германии и его план организации революции в России получил не только одобрение руководителей «второго рейха», но и денежную поддержку. Известно, что финансовым кризисом в России воспользовались германские банкиры. Они предъявили России требование о высылке в Берлин большой партии золота на 60 млн. рублей.

От «Финансового манифеста» Парвуса выиграли и банкиры Франции, которые согласились поддержать Россию займом, но на кабальных условиях. В апреле 1906 года в Париже было подписано соглашение о французском займе России на сумму 843 750 тыс. рублей из расчета 5% годовых. После этого займа, как отмечал российский историк В.Г. Сироткин, «во Франции появился целый слой рантье, «стригущих купоны» от «русских займов».

Последствия «Финансового манифеста» наводят на мысли о том, что за спиной Парвуса стояли влиятельные финансовые и политические силы ведущих европейских стран. Революционная риторика Парвуса и Троцкого на деле служила прикрытием для обогащения западных финансистов и укрепления политических позиций стран Запада за счет России. Сознавал ли это Троцкий? Понимал ли он, дорвавшись до власти в органе революционной власти, что он является лишь исполнителем плана хитроумной финансовой аферы, что он не кукловод революции, а лишь кукла в руках ведущих кукловодов мира? К сожалению, нам не дано знать, какова была в ту пору «ступень посвящения» Троцкого в тайны тех, кто держал в руках пружины мировых финансов и мировой политики.

Осознав всю чудовищность последствий «Финансового манифеста» для экономического положения страны, премьер-министр СЮ. Витте отдал распоряжение конфисковать все газеты, опубликовавшие его. Члены временного бюро поняли, что судьба Совета может быть решена в ближайшие дни. Ждать, когда офицеры царской армии передадут им ключи от арсеналов, не приходилось. На расширенном заседании временного Петербургского Совета 3 декабря обе социал-демократические фракции предложили начать всеобщую забастовку 5 декабря. Эсеры и представители Всероссийского железнодорожного союза их не поддержали, заявив о неподготовленности к «генеральному сражению». В ходе заседания стало известно о том, что полиция собирается арестовать членов Совета. По предложению Троцкого, который председательствовал на заседании, было принято решение не расходиться, а дать себя арестовать. Как считали авторы многотомной «Истории КПСС»:

«Это была серьезная ошибка. Ворвавшаяся полиция и солдаты арестовали исполком и значительную часть депутатов Совета. Нанесен был чувствительный удар не только по столичному пролетариату».

По мнению Дейчера, главное, что определяло действия Троцкого в эти минуты, было его «чувство гордости и стремление к сценическому эффекту… Он превратил последнюю сцену этого спектакля в остроумный эстрадный номер, смело выполненный. Когда полицейский, встав перед исполкомом, стал зачитывать ордер на арест, Троцкий резко прервал его: «Прошу не мешать говорить оратору. Если вы хотите получить слово, вы должны назвать свое имя, и тогда я спрошу собрание, желает ли оно выслушать вас».

Утверждается, что озадаченный этим офицер дождался того, когда Троцкий предоставил ему слово «для информации». После того как тот огласил содержание ордера, Троцкий передал слово другому оратору. Попытку офицера приступить к исполнению приказа Троцкий пресек заявлением: «Вы уже высказались. Теперь покиньте собрание».

Правда, преодолев замешательство, офицер привел солдат, которые арестовали членов исполкома и многих членов Совета. Перед тем, как его схватили жандармы, Троцкий успел выкрикнуть в зал: «Смотрите, как царь исполняет свой октябрьский Манифест! Смотрите!» В дальнейшем Троцкий не раз повторял подобные сцены, когда его задерживали представители правопорядка. Всякий раз его надо было выносить из помещения силой, а он сам в это время выкрикивал слова протеста.

Очевидно, Троцкому нравились подобные скандальные сцены. Вероятно, он получил удовлетворение и от сцены, которую разыграл и 3 декабря 1905 года. Если бы Троцкий не стал устраивать спектакль, члены Совета могли бы скрыться, но видимо, для красочной сцены и красного словца, Троцкий не стал жалеть своих коллег по Петербургскому Совету.

В этот день Парвус не был арестован и решил действовать без Троцкого. На другой же день Парвус объявил о создании нового Совета. Его исполком составили никому не известные прежде личности: Виктор Семенон, Борис Гольдман, Тимофей Смирнов, Евгений Френкель и сам Парвус, который объявил себя председателем Петербургского Совета. Совет призвал рабочих Петербурга к забастовке. В случае же попыток полиции арестовать новый состав Совета Парвус предлагал воспользоваться брандсбойтами.

Однако главные события революции в это время переместились из Петербурга в Москву. В ответ на арест Петербургского Совета конфедерация московских большевиков постановила объявить 7 декабря всеобщую стачку и перевести ее в вооруженное восстание. Это решение поддержал Московский Совет, который объявил в своем манифесте беспощадную войну самодержавию. 10—11 декабря стачка 150 тысяч рабочих Москвы переросла в восстание. В течение 10 дней 2 тысячи вооруженных и 4 тысячи невооруженных членов боевых дружин вели бои на баррикадах в ряде районов Москвы. После прибытия туда войск 15—16 декабря у сил контрреволюции был создан численный перевес и восстание было разгромлено. Аналогичным образом развивались восстания в Ростове, Новороссийске, Екатеринославе, Горловке, Харькове, Александрове, Красноярске, Чите, Перми, Нижнем Новгороде и других городах.

К концу декабря все восстания были подавлены, а их участники понесли большие потери. Только в Москве было убито более 1059 участников боев. По стране действовали карательные экспедиции. К апрелю 1906 года общее число расстрелянных, повешенных или убитых достигло 14 тысяч человек. Число политических заключенных в тюрьмах составляло 75 тысяч. Одним из них был Троцкий.

Как и пять лет назад, Троцкий снова оказался в царской тюрьме. Он назвал этот период своей жизни «вторым тюремным циклом», который прошел в петербургских тюрьмах. Сначала Троцкий находился в «Крестах», затем в Петропавловский крепости, затем в Доме предварительного заключения и под конец был помещен в пересыльную тюрьму. Троцкий отмечал, что «условия были несравненно благоприятнее», чем в тех тюрьмах, в которых он побывал в начале своей революционной деятельности. Здесь Троцкий имел возможность работать. По словам отбывавшего заключение с ним Сверчкова, «тюремная камера Троцкого

превратилась в какую-то библиотеку». В тюрьмах он написал работу «Итоги и перспективы», которая, по его словам, представляла собой «наиболее законченное для того периода обоснование теории перманентной революции».

Через несколько месяцев, в апреле 1906 года, был арестован и автор теории перманентной революции Парвус, который вскоре оказался вместе с Троцким в Петропавловской крепости. Здесь же находился и Дейч, который предлагал осуществить побег из тюрьмы. Троцкий был против. Позже он заявлял: «Меня привлекало политическое значение предстоящего процесса».

19 сентября 1906 года открылся процесс по делу Петербургского Совета. В своем выступлении на суде Троцкий, с одной стороны, старался доказать отсутствие у Совета плана восстания, а с другой стороны, воспользоваться трибуной для того, чтобы объявить о неизбежности выступления широких масс на борьбу против существующего строя. Он провозглашал: «Какое бы значение ни имело оружие, не в нем, господа судьи, великая сила. Нет! Не способность массы убивать других, а ее великая готовность умирать – вот что, господа судьи, с нашей точки зрения, определяет победу народного восстания».

В зале суда находились родители Троцкого. Как вспоминал Троцкий, «во время моей речи, смысл которой не мог быть ей вполне понятен, мать бесшумно плакала… В перерыве старики глядели на меня счастливыми глазами. Мать была уверена, что меня не только оправдают, но как-нибудь отличат. Я убеждал ее, что надо готовиться к каторжным работам. Она испуганно и недоумевающе переводила глаза с меня на защитников, стараясь понять, как это может быть. Отец был бледен, молчалив, счастлив и убит в одно и то же время».

Обвиняемые пытались перейти в контрнаступление. Они пытались перевести ход процесса на обсуждение вопроса о еврейских погромах, утверждая, что их подготовка велась в органах правопорядка. Адвокаты обвиняемых потребовали вызова на допрос сенатора Лопухина, утверждая, что он осенью 1905 года открыл в департаменте полиции погромную типографию. Когда суд отказался удовлетворить это требование, обвиняемые устроили обструкцию суду и их удалили из зала. Вслед за ними ушли их адвокаты и их сторонники, находившиеся в зале суда. Приговор был вынесен 16 ноября 1906 года в отсутствие обвиняемых и защиты.

«За состояние участником сообщества, которое постановило своей деятельностью насильственное, посредством организации вооруженного восстания изменение установленного в России основными законами правления на демократическую республику» Троцкий и другие 13 членов Совета были осуждены на пожизненную ссылку. Местом заключения для Троцкого было определено село Обдорское, расположенное за Тюменью на Оби, за Полярным кругом. Троцкий замечал: «До железной дороги от Обдорска – полторы тысячи верст, до ближайшего телеграфа – 800. Почта приходит раз в две недели. Во время распутицы, весной и осенью, она не приходит вовсе».

Перед отправкой в ссылку заключенных переодели. Троцкий писал жене: «Было интересно видеть друг друга в серых брюках, сером армяке и серой шапке. Классического бубнового туза на спине, однако, нет. Нам разрешили сохранить свое белье и свою обувь». Как вспоминал позже Троцкий, последнее обстоятельство «имело для меня немалое значение, в подметке у меня был прекрасный паспорт, в высоких каблуках – золотые червонцы». Эти предметы вскоре пригодились Троцкому.

В холодные зимние месяцы 1907 года Троцкому пришлось перемещаться на санях на север. Путь был долгим. Лишь на 33-й день пути 12 февраля 1907 года караван из саней достиг Березова, куда в царствование Петра II был сослан Меншиков. Здесь была сделана остановка на пару дней. Троцкий воспользовался остановкой для того, чтобы продумать план побега. По совету доктора Фейта, одного из ссыльных, Троцкий симулировал радикулит, который, как известно, не поддается объективной проверке. Мнимого больного оставили в местной лечебнице. Как вспоминал Троцкий, режим в больнице «был совершенно свободный. Я уходил на целые часы, когда мне становилось «легче». Врач поощрял мои прогулки. Никто… побега из Березова в это время года не опасался».

В Березове проживал ссыльный революционер Рошковский. С ним Троцкий сумел договориться об организации побега. К участию был привлечен местный крестьянин по прозвищу «Козья ножка». Как признавал Троцкий, «когда его роль вскрылась, он жестоко пострадал».

«Козья ножка» нашел местного жителя из народа коми, согласившегося помочь в побеге. В санях, которые везла оленья упряжка, Троцкий проделал 700 километров за неделю по заснеженной местности. Наконец, он достиг железной дороги, сел на поезд и вскоре на одной из станций его встретила Наталья Седова. С ней он прибыл в Петербург.

В столице России Троцкий теперь был хорошо известен, и супруги переехали в Финляндию. По словам Троцкого, «гельсинфорский полицмейстер был… революционный финский националист. Он обещал предупредить меня в случае какой-нибудь опасности со стороны Петербурга».

Троцкий жил в Финляндии вместе с женой и сыном, который родился, пока его отец был в тюрьме. За это время он написал книжку «Туда и обратно» о своем пребывании в России в 1905—1907 годах. Как утверждал Троцкий, гонорар, полученный им за книгу, помог ему купить билет до Швеции в апреле 1907 года и обосноваться там. Жена с сыном временно остались в России. Еще раньше, в ноябре 1906 года, из ссылки в Енисейске сбежал Парвус. По возвращении он издал книгу под названием «В русской Бастилии во время революции». В книге утверждалось, что царский строй абсолютно неспособен к реформам и единственным выходом для России является революция под руководством социал-демократии. Главное же внимание в книге уделялось рассказам о пребывании Парвуса в тюрьмах и в ссылке. Книга быстро разошлась.

Друзья скоро встретились, и Парвус помог Троцкому стать корреспондентом германских социал-демократических газет «Форвертс» и «Нейе цайт». Видимо, Троцкий намеревался по примеру своего старшего товарища надолго обосноваться в Западной Европе. Это следовало и из названия его книги о первой русской революции. Ведь заглавие предполагало, что автор рассматривал свое пребывание на родине как поездку «туда», увенчавшуюся возвращением «обратно» на основное место пребывания.

ВЕНСКИЙ БЮРГЕР

В апреле 1907 года Троцкий приехал в Лондон незадолго до открытия там V съезда партии, который начал работу 30 апреля (13 мая) в помещении церкви Братства на Саутгейт-Роуд. Это был второй съезд партии, в котором участвовал Троцкий, и на сей раз он еще громче заявил о себе. Поскольку Троцкий в 1903 году порвал с большевиками, а в 1904 году – с меньшевиками, он не представлял ни одной партийной организации и его можно было рассматривать лишь как представителя германских социал-демократических газет. Однако Троцкий был окружен ореолом участия в Петербургском Совете. Еще свежи были в памяти его пламенные выступления на суде и рассказы о его смелом побеге из ссылки, а потому его речи выслушивались с большим вниманием. Более того, представители обеих фракций демонстрировали свое желание заполучить Троцкого в свои ряды.

Это проявилось в выступлении Ленина, который заявил на съезде: «Несколько слов о Троцком. Останавливаться на наших разногласиях с ним мне здесь некогда. Отмечу только, что Троцкий в книжке «В защиту партии» печатно выразил свою солидарность с Каутским, который писал об экономической общности интересов пролетариата и крестьянства в современной революции в России. Троцкий признавал допустимость и целесообразность левого блока против либеральной буржуазии. Для меня достаточно этих фактов, чтобы признать приближение Троцкого к нашим взглядам. Независимо от вопроса о «непрерывной революции» здесь налицо солидарность в основных пунктах вопроса об отношении к буржуазным партиям». Явно Ленин хотел затушевать разногласия между большевиками и Троцким, потому что позиция последнего приближалась ко взглядам вождя СДПГ и в Троцком видели человека, играющего роль связующего звена с западноевропейскими

социал-демократами.

Троцкий сумел добиться того, чтобы его воспринимали как представителя «особого течения». В качестве такового ему предоставили 15 минут для выступления в ходе дискуссии по вопросу об отношении к буржуазным партиям. Воспользовавшись этим, Троцкий постарался объяснить делегатам то место, которое он желал занимать в РСДРП: «Во избежание недоразумений я должен заявить, что в политических вопросах, разделяющих партию, я отнюдь не стою на какой-то специальной точке зрения «центра», как приписывают мне некоторые товарищи. Позиция центра, на мой взгляд, предполагает ясное и твердое сознание необходимости компромисса как предпосылки общеобязательной тактики. Но если я сознаю и подчеркиваю необходимость компромисса, то это не значит, что моя собственная точка зрения на данный политический вопрос составлена путем компромисса, путем выведения арифметического среднего из двух противоречивых мнений».

Роль лидера «средней арифметической», устраивающей своей безликостью обе фракции, не подходила Троцкому. «Я отказываюсь от чести заранее направлять свою мысль по этой предполагаемой равнодействующей», – объявил он. Троцкий делал заявку на более активную роль, объявив: «Я решительно претендую на право иметь по каждому вопросу свое определенное мнение… Я сохраняю за собой право со всей энергией отстаивать свой собственный взгляд».

В своей речи Троцкий кокетливо процитировал высказывание из брошюры Милюкова, где говорилось о «революционных иллюзиях троцкизма», тут же заметив: «Господин Милюков, как видите, делает мне слишком много чести, связывая с моим именем период высшего подъема революции». И все же Троцкий явно намекал на то, что он обрел достаточно солидный политический вес за последние два года, а потому имеет право предлагать партии свой путь к победе революции.

Троцкий объявил о том, что объединение партии исторически неизбежно, а когда это произойдет, то РСДРП изберет «самую пролетарскую», «самую революционную» и «самую культурную» платформу. Он не называл эту платформу «троцкистской», но так можно было его понять. Чтобы добиться принятия приемлемой ему платформы, Троцкий активно участвовал в подготовке документов съезда. Он был резок в защите своей позиции и одергивал признанных вождей партии, обвинив самого Ленина в лицемерии. (Правда, председательствующий тут же призвал Троцкого к порядку.) И все же его усилия не принесли ему ощутимых плодов. Вопреки угрозам Троцкого съезд принял большевистскую резолюцию, осудившую тактику меньшевиков в Государственной думе. Группировка, возглавлявшаяся Троцким, распалась. Если бы Троцкий не столь упивался собственным красноречием, не сбивался на личные оскорбления, то он мог бы сыграть роль конструктивного посредника между двумя фракциями. Но в любом случае Троцкий не учитывал главного: возможность для объединения партии была мала, а его шансы возглавить единую РСДРП на своей «троцкистской» платформе были ничтожно малы. Ленин же с «сожалением» констатировал внефракционность Троцкого и его выступления против большевиков.

Среди 342 делегатов съезда Троцкий не обратил внимания на представителя Тифлисской организации И.В. Ивановича, имевшего совещательный голос и упомянутого лишь в связи с внесением им в президиум съезда заявления вместе с делегатами съезда Шаумяном и Кахояном. Однако И.В. Иванович внимательно следил за Троцким и в своих статьях, опубликованных в двух номерах газеты «Бакинский пролетарий» так характеризовал его деятельность на съезде: «Так называемого центра, или болота, не было на съезде. Троцкий оказался «красивой ненужностью». Таково первое упоминание о Троцком в сочинениях Сталина, который использовал на V съезде партии псевдоним «Иванович».

Это было первым свидетельством противостояния Троцкого и Сталина, которое продлилось свыше трех десятилетий и привело Троцкого к трагическому концу. Причины для такого противостояния были глубоки и в значительной степени определялись существенными различиями как между ними, так и теми силами, которые они олицетворяли.

Хотя можно было найти немало схожего в этих будущих вождях Советской страны (почти одинаковый возраст, принадлежность к национальным меньшинствам России, отличная учеба в школе, страстное увлечение чтением книг с детства, а затем тяга к самообразованию, которая компенсировала отсутствие высшего образования), Исаак Дейчер, автор биографий Троцкого и Сталина, сравнивая их социальное происхождение, писал: «Никто в юности так непосредственно не ощутил атмосферу жизни крепостного крестьянства, как Сталин-Джугашвили… Троцкий увидел бедность и эксплуатацию из окон дома недавно разбогатевшего еврейского землевладельца, сыном которого он был».

Даже те стороны жизни, которые казались схожими у Троцкого и Сталина, на деле лишь подчеркивали различия между ними. Принадлежность к национальному меньшинству для Сталина-Джугашвили означала, что он был сыном грузинского народа, историческая судьба которого существенно отличалась от еврейского народа. В своей многовековой борьбе за независимость против численно превосходящих врагов грузинский народ отстоял право на жизнь на своей земле. Культивирование глубокой эмоциональной привязанности к природе Грузии, дикой и окультивированной, ее горам и садам составляло существенную часть грузинского патриотизма, преданности земле своих предков.

В отличие от грузин, практически не покидавших родной край в начале XX века, подавляющее большинство евреев много веков назад покинуло свою родину и жило за ее пределами. Единство еврейского народа, сыном которого был Троцкий, не имело «земной опоры», а основывалось на осознании принадлежности к иудейской вере. Привязанность к родине раздваивалась под воздействием представлений о «двойном подданстве». Хотя детские воспоминания Троцкого-Бронштейна были связаны со степями Южной Украины, этнокультурная среда вынуждала его воспринимать себя гражданином невидимого всемирного государства, расположенного среди чужих народов, но живущего по особым законам, сформулированным много веков назад для «избранного народа».

Подавляющее большинство грузин в то время было крестьянами или недавними выходцами из крестьян. Сам Сталин был сыном крестьян, недавно переселившихся в город. Он был воспитанником культуры, сохранявшей верность многим традиционным ценностям народа. Хотя крестьяне отставали от горожан по уровню образованности, попадая в город, они быстро наверстывали свое отставание благодаря наличию сильных интеллектуальных и моральных качеств, характерных для традиционной общинной культуры.

Еврейская культура того времени была, прежде всего, культурой городских людей, воспринимавших крестьян как людей неполноценных в своем развитии. Даже те евреи, которые жили в деревнях, как семья Бронштейнов, воспитывались в традиции чисто городской культуры, сложившейся в течение многих веков пребывания еврейского народа в диаспоре. Попытки царского правительства превратить евреев в земледельцев, как было сказано выше, оказались безуспешными. Хотя Троцкий вырос в деревне, крестьяне, которых он привык видеть в поместье своего отца, представлялись ему темными, несчастными людьми, сознание которых заполнено дикими предрассудками. Снисходительное и даже презрительное отношение к «темному» народу лишь усугубилось у Троцкого в ходе его воспитания в одесской интеллигентской среде. Троцкий был духовно оторван от крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения России.

Принадлежность Сталина-Джугашвили к грузинскому народу означала, что он был воспитан в единой православной вере с русским народом. Свое образование Сталин получил в духовном училище в Гори и Тифлисской духовной семинарии. Будучи же воспитанником хедера и преподавателей иудейской религии, которых нанимал ему отец, Троцкий, по меньшей мере, отчужденно относился к православной вере. В последующем эта отчужденность переросла во враждебность к господствовавшей в стране религии.

Хотя в Грузии накопилось немало претензий к царской власти и сохранилась ностальгия по утраченной многовековой независимости, Сталин впоследствии подчеркивал, что на его родине «нет сколько-нибудь серьезного антирусского национализма». Никто в Грузии и не помышлял эмигрировать из империи, а Сталин начиная со своих первых работ

подчеркивал, что Грузия – это маленький уголок России. В среде же, в которой рос Троцкий, неприязнь к России была настолько сильна, что эмиграция из империи рассматривалась многими евреями как единственно возможное условие дальнейшей жизни. В своих сочинениях Троцкий не раз говорил о преследованиях евреев в России, при этом сильно преувеличивая роль государства и церкви в организации еврейских погромов. Враждебное отношение к институтам светской и духовной власти России распространялось у Троцкого на всю страну, и он не раз говорил и писал о том, что сама природа обрекла Россию на отсталость и дикость нравов.

Различное отношение к России Троцкого и Сталина определило и разницу в их оценках русской культуры. Сталин видел в русской литературе источник высшей духовности. Он не переставал испытывать наслаждение от чтения русских писателей, прослушивания музыки русских композиторов. Хотя Троцкий с детства хорошо знал русских писателей, композиторов и художников и, при случае, мог привести цитату из произведений русской литературы, он был убежден в том, что «русская культура является лишь имитацией лучших образцов мировой культуры».

Различия в их классовом и этнокультурном происхождении предопределило и различия путей Троцкого и Сталина в революцию. Хотя и Троцкий, и Сталин стали участниками подпольных революционных кружков, их отношения к революционной партии и ее идеологии резко различались. Для выходца из народных масс Сталина-Джугашвили принятие марксистских идей о классовой борьбе, завершающейся построением общества социальной справедливости, органично вытекало из впечатлений раннего детства. Он узнал о язвах общества в бедном домике своего отца-сапожника, в котором он вырос. Ему были с детства знакомы чаяния бывших крестьян, недавно осевших в городе и лелеявших идеалы традиционной общины, построенной на принципах равенства и братства.

Сближение Троцкого-Бронштейна с революционерами было во многом случайным, и он долго не желал принимать их идеи, столь далекие от тех, на которых он был воспитан в семье отца-землевладельца, а затем в семье одесских интеллигентов. В отличие от Иосифа Джугашвили, который, изучив основы марксистской идеологии и философии, сразу стал пропагандистом марксизма, Лейба Бронштейн долго не желал признавать себя марксистом. Пребывая в революционном кружке, он высмеивал марксистов и считал себя выше них. Даже оказавшись в тюрьме за участие в революционном подполье, он не стал марксистом, а начал изучать историю масонства и пропагандировать ее среди своих товарищей по тюрьме. Он не вступал ни в одну местную партийную организацию и лишь в ссылке постепенно сблизился с рядом социал-демократов, которые помогли ему бежать из Сибири.

Даже те фигуры международного социалистического движения, которые привлекали Сталина и Троцкого, отражали глубокие различия между ними. Идеалом Сталина какое-то время был вождь германских социал-демократов Август Бебель, выходец из рабочей семьи. Сталин не раз писал о Бебеле, отмечая его принципиальность в отстаивании интересов рабочего класса и выражая пожелание, чтобы в России появились свои «Бебели». Идеалом Троцкого некоторое время был более ранний вождь германского рабочего движения Фердинанд Лассаль, выходец из богатой еврейской семьи, которого марксисты осуждали за его оппортунизм.

В марксистской партии Сталин-Джугашвили видел ту организацию, в которой он мог бы реализовать свои общественные идеалы и свои личные ценности. Об этом свидетельствовала небольшая статья, опубликованная И.В. Джугашвили 22 марта 1907 года и посвященная памяти товарища по партии Георгия Телия. В ней он перечислял качества, которыми обладал покойный и которые, по мнению автора, «больше всего характеризуют социал-демократическую партию – жажда знаний, независимость, неуклонное движение вперед, стойкость, трудолюбие, нравственная сила». Считая, что партия открывает ему возможность в наибольшей степени осуществить свои идеалы, Сталин стал активно участвовать в работе первичных, местных, а затем и центральных организаций РСДРП. Позже он говорил о том, что почти за 20 лет прошел путь от «ученика революции» до

«подмастерья», а затем до «мастера революции», постепенно осваивая теорию и практику революции.

Для Троцкого партия никогда не служила олицетворением его высших идеалов, и он не связывал с пребыванием в партии возможность реализовать свои этические ценности и интеллектуальные запросы. Став одним из видных деятелей революции, Троцкий сумел долгое время оставаться вне партии и не работал ни в одной первичной или местной организации. И в то же время удивительным образом он совершал стремительные взлеты к вершинам партийного руководства, постоянно получая поддержку влиятельных лиц, находившихся вне рядов РСДРП. В отличие от Сталина, который прошел все ступени партийной работы, Троцкий постоянно находился в положении попутчика революционной партии, представителя различных международных сил, по разным причинам контактировавших с РСДРП.

Обретя многолетний опыт в организации революционной борьбы в Грузии, Сталин в 1907 году находился в гуще партийной работы среди рабочих одного из быстро развивавшихся промышленных центров России – Баку. Он хорошо знал нужды российских рабочих, научился отстаивать их конкретные экономические и социальные требования, сочетая их с политической борьбой. Сталин жил и работал среди рабочих разных национальностей, живших в это время в Баку, – азербайджанцев, русских, армян, грузин, персов, дагестанцев. Он постоянно стремился к тому, чтобы партия не отрывалась от рабочего класса России, видя в нем главную революционную силу общества.

Непосредственные контакты Троцкого с российским пролетариатом имели место лишь в годы его участия в николаевском «Союзе» и свелись к написанию нескольких листовок и прокламаций. Позже Троцкий работал вне партийных организаций. Совершенно неизвестно, какова была судьба тех ярких прокламаций, которые он писал в 1905 году, обращаясь то к рабочим, то к крестьянам, то к солдатам.

В отличие от Сталина Троцкий был не только оторван от партии и рабочего класса России, но и от самой России. Находясь под покровительством Парвуса, он повторял его судьбу, становясь посредником между руководителями международной социал-демократии и верхами финансовой буржуазии Запада.

Эти и другие различия между Сталиным и Троцким отражали глубокие противоречия, противопоставившие Троцкого той части социал-демократов России, которая с самого начала пошла за Лениным и большевиками, а в последующем поддержала Сталина.

Хотя вряд ли Сталин в то время был достаточно осведомлен о классовом происхождении Троцкого и всех его связях, он видел в противниках большевиков на съезде классово чуждые силы. В своей статье «Лондонский съезд Российской социал-демократической партии» он писал: «Очевидно, тактика большевиков является тактикой крупнопромышленных пролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм – это тактика настоящих пролетариев». По мнению Сталина, «не менее очевидно и то, что тактика меньшевиков является по преимуществу тактикой ремесленных рабочих и крестьянских полупролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия не совсем ясны и классовая борьба замаскирована. Меньшевизм – это тактика полубуржуазных элементов пролетариата».

Сталин сделал и другое наблюдение, которое могло коснуться не только меньшевиков, но и лично Троцкого: «Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. д. А такой состав фракции нетрудно объяснить: очагами большевизма являются главным образом крупнопромышленные районы, районы чисто русские, за исключением Польши, тогда как меньшевистские районы, районы мелкого производства, являются в то же время районами евреев и грузин и т. д.».

Комментируя преобладание русских среди большевиков, а евреев – среди

меньшевиков, Сталин писал: «По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики – еврейская фракция, большевики – истинно-русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром». Но и без погрома съезд, по мнению Ивановича, добился победы над меньшевизмом: «Отныне партия будет проводить строго классовую политику социалистического пролетариата. Красное знамя пролетариата не будет больше склоняться перед краснобаями либерализма».

Сталин оказался прав. V съезд был последним, на котором большевики и меньшевики заседали вместе. Троцкий же, несмотря на ряд ярких выступлений, не сумел добиться сколько-нибудь ощутимых успехов в борьбе за идеи «перманентной революции». Перспектива встать во главе мощной партии, способной взять власть в свои руки, отодвигалась для Троцкого и по причине событий, происходивших в России. Через 15 дней после завершения съезда, 3 июня 1907 года, Государственная дума была разогнана, а члены социал-демократической фракции, вокруг деятельности которой было сломано немало копий на съезде, оказались под арестом. Многие либеральные реформы были отменены. Переворот 3 июня подвел черту под революцией 1905—1907 годов.

Поскольку путь «туда» был на какое-то время заказан Троцкому, он решил прочно обосноваться в Западной Европе. В Берлине, куда он приехал из Лондона, его ожидала Н. Седова. Здесь его встретил и Парвус. Как вспоминал Троцкий, «втроем – моя жена, Парвус и я – отправились пешком по саксонской Швейцарии… Мы вышли в Богемию, в городишко Гиршберг, дачное место маленьких чиновников, и прожили там ряд недель». Троцкий писал, что, находясь в Гиршберге, он и Парвус постоянно писали статьи для социал-демократических газет. Видимо, пребывание в Гиршберге было долгим, потому что Троцкий успел даже сочинить «книжку о германской социал-демократии».

Еще находясь в Берлине, Троцкий был представлен Парвусом Карлу Каутскому, который пригласил его в свой дом. В Берлине Троцкий познакомился и с другими видными лидерами СДПГ. Дейчер замечал: «К удивлению, Троцкий установил наиболее близкие связи не с радикальным крылом германского социализма во главе с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом и Францем Мерингом, будущими основателями Коммунистической партии, а с людьми из центра, которые поддерживали видимость марксистской ортодоксальности, но на самом деле вели партию к капитуляции перед империалистическими амбициями империи Гогенцоллернов». На самом деле ничего удивительного в этом не было. Находясь под опекой Парвуса, Троцкий повторял его путь, который в конечном счете привел этого «революционера» к сотрудничеству с кайзером. (Очевидно, что сближению Парвуса с царствующим домом способствовало его знакомство с теми кругами германской социал-демократии, которые в конечном счете стали сотрудничать с Гогенцолернами.)

Вскоре, переехав в Вену, Троцкий был тепло принят В. Адлером, о котором написал ряд очерков для российских читателей. Троцкий подружился и с сыном Адлера, Фрицем. Как и те круги в германской социал-демократии, с которыми сблизился Троцкий, Виктор Адлер сближался с примиренческими и ревизионистскими силами в партии, а после начала Первой мировой войны поддержал военные действия против России.

Таким образом, Троцкий, который в последующем обрел репутацию вождя крайне левых революционеров, с 1907 года поддерживал тесные и дружеские отношения с теми руководителями социал-демократии Германии и Австрии, которые склонялись к сотрудничеству с буржуазией своих стран, поддержали свои правительства в годы Первой мировой войны, а затем заняли позиции, враждебные Советской стране.

Объясняя в своих мемуарах причины, по которым он переселился в Вену, Троцкий писал: «В этот период я стоял ближе всего к немецкой политической жизни. В Берлине поселиться нельзя было по полицейским причинам. Мы остановились на Вене. Но в течение всех этих семи лет я гораздо внимательнее следил за германской жизнью, чем за австрийской».

Оказавшись в центре Европы в 1907 году, Троцкий мог задуматься о том, кем он был и

кем он стал, куда его занесла судьба за десятилетие, прошедшее с тех пор, как он в новогоднюю ночь 1897 года в шутку объявил о своем превращении в марксиста в кружке Швиговского. После долгих лет скитаний Троцкий имел возможность жить не как заключенный, ссыльный, подпольщик, вечно опасавшийся ареста, или бесприютный политэмигрант, переезжавший из страны в страну. У него была трехкомнатная квартира на Родлергассе, в пяти минутах ходьбы от венского предместья Гринцинг, славившегося своими ресторанчиками и виноградниками, где любили проводить свободное время жители австрийской столицы. Судя по его мемуарам, супруги были довольны жизнью в Вене.

Троцкий попал в Вену, переживавшую конец правления Франца-Иосифа, последние годы существования великолепной империи Габсбургов. Казалось, что он попал в сказочный мир, в котором Штраус опоэтизировал Венский лес и окрестности «голубого Дуная», в игрушечный мирок оперетт Легара и Кальмана с их героями, беспечными весельчаками из светского общества. Для значительной же части мира Вена в это время олицетворяла бюргерский уют и сытое благополучие. Троцкий приобщался к образу жизни венских бюргеров, проводивших время в кафе за чашечкой кофе и чтением газет. Именно такого бюргера Лиутпольда Волькенштейна изобразил в одном из своих рассказов, написанных в начале XX века, английский писатель Сейки (Х. Манро). Его герой постоянно проводил время «в своем любимом кафе в столице империи Габсбургов, держа перед собой «Нейе Фрайе Прессе» и чашечку кофе со сливками и стаканом холодной воды, которые приносил ему напомаженный кельнер».

Троцкий и его жена постарались устроиться в венской городской жизни, прежде всего заботясь о воспитании своих детей в духе, отвечавшем господствующим нравам и понятиям о добропорядочности. Оба сына, Лев и Сергей, быстро освоили немецкую речь, сначала в детском саду, а затем в школе. Дома они объяснялись как на русском, так и на немецком. Они поступили в лютеранскую школу. Не очень внятно объясняя, почему супруги-атеисты решили воспитать детей в христианской вере, Троцкий писал: «Мы выбрали лютеранство, как такую религию, которая казалась нам все же более портативной для детских плеч и для детских душ». Троцкий признавал, что дети с удовольствием посещали религиозные занятия, а дома повторяли молитвы. Хотя Троцкий объяснял свое терпимое отношение к переходу детей в лютеранство своим нежеланием открыто декларировать их атеизм, Недава считает, что это могло быть вызвано стремлением отца обрести привлекавший его стиль жизни: «Со своих школьных лет Троцкий восхищался немецкой опрятностью, чистотой, упорядоченностью – и сам тяготел к тем же качествам в работе и в быту… Крещение детей в лютеранство в каком-то смысле олицетворяло для него бегство из гетто в хорошо выметенный и освещенный немецкий квартал».

Сам Троцкий активно интегрировался в духовную жизнь Вены. Он посещал библиотеки и даже собирался сдавать экзамены за курс Венского университета. Откликаясь на все новые веяния в венском обществе, он увлекся входившим тогда в моду психоанализом. Этому способствовало личное знакомство с ведущими психоаналитиками Вены. По словам Дейчера, приятель Троцкого Адольф Иоффе, «молодой, способный интеллектуал караимского происхождения, страдавший от нервного заболевания», лечился у психоаналитика Альфреда Адлера, ученика Зигмунда Фрейда. Троцкий «встречался с Альфредом Адлером… заинтересовался психоанализом и пришел к выводу о том, что между Марксом и Фрейдом гораздо больше общего, чем марксисты готовы это признать». После революции Троцкий пытался пропагандировать фрейдизм в Советской стране.

Вероятно, быстрое принятие Троцким идей Фрейда объяснялось не только общим поветрием, но и его личными беседами с Адлером, у которого с Троцким оказалось немало общего. Как пишет американский психолог К. Уилсон, «Адлер был евреем, сыном торговца зерном. Его отец был человеком с сильным характером. Альфред был его любимцем… Он рос болезненным ребенком». Возможно, что психологические идеи Адлера, которые в чем-то отличались от теорий Фрейда, отвечали жизненному опыту Троцкого и помогали ему объяснить свои психологические проблемы.

Опираясь на положение Аристотеля о человеке как социальном животном, Адлер считал, что человек стал таковым, чтобы преодолеть чувство неполноценности в окружавшем его мире. Поэтому стремление утвердить свое «я» составляет один из основных мотивов в деятельности человека. Сближаясь с идеями Ф. Ницше, Адлер провозглашал волевое начало в характере человека в качестве наиболее мощной движущей силы. При этом Адлер считал, что даже иррациональные действия человека могут удовлетворить его потребность в ощущении своего превосходства над другими людьми. И явное, и тайное ощущение своего превосходства – это стимул к практической деятельности, утверждал Адлер.

Психоаналитические интерпретации человеческого характера на основе поиска болезненных, иррациональных или разрушительных мотивов, вероятно, соответствовали представлениям Троцкого о человеческой душе. Возможно, что в идеях Фрейда и Адлера о присутствии в психике людей властной силы темного подсознания, Троцкий находил ответ своим перепадам настроений, рожденных болезненным состоянием его нервной системы и тяжелыми приступами эпилепсии.

Не исключено, что идея Адлера о необходимости поддерживать в себе сознание своего превосходства над другими, даже путем иррационального самоутверждения, помогала Троцкому понять свое состояние во время своих выступлений, когда он почти утрачивал рациональный контроль за своей речью, подчиняясь лишь властному желанию вести возбужденную аудиторию за собой. Возможно, что эта теория позволяла ему объяснить многое в его собственной жизни: и его страстное желание «победить» марксистов в кружке Швиговского, и его интерес к масонству, тайной и могучей мировой власти, и его «превращение» в Троцкого, ставшего для него символом грубой торжествующей силы, и его попытки одержать верх над Лениным и Плехановым, и его стремление стать во главе революционной партии и революционной власти в России.

Модные психоаналитические теории, музеи и библиотеки Вены, великолепие Хофбурга и Шенбрунна, веселье аттракционов Пратера и тишина Венского леса должны были захватить внимание уставшего от странствий и неустроенности человека. Но Троцкому нельзя было расслабляться хотя бы потому, что он должен был содержать новую семью, которая быстро росла. Теперь его возможности для публикаций были значительно шире. Под тем же псевдонимом, который он использовал для «Восточно-Сибирского обозрения» – Антид Ото, – он писал для широко известной газеты либерального направления «Киевская мысль». Свои корреспонденции из Вены он направлял также в «Одесские новости», которые издавал его воспитатель М. Шпенцер. Он писал и для меньшевистской газеты «Луч».

В это же время украинская группа социал-демократов «Спилка» предложила Троцкому самому организовать издание газеты. Ее решили назвать «Правда». Главным сотрудником новой газеты стал А.А. Иоффе. Но Троцкий и не представлял, как тяжело самому вести периодическое печатное издание. За первый год работы издателем-редактором Троцкий сумел выпустить лишь пять номеров. Все его гонорары, полученные от разных газет, ушли на финансирование «Правды». За финансовой помощью пришлось обращаться к СДПГ. Выручал его и отец, не раз навещавший сына в Вене и неизменно оказывавший ему помощь деньгами.

Как и Парвус, Троцкий стал активно публиковаться в ведущих социал-демократических газетах Западной Европы – в органах германской социал-демократической партии «Форвертс» и «Нейе Цайт» и газете бельгийских социалистов «Ле Пепль».

Его связи с руководителями западноевропейской социал-демократии беспрестанно расширялись. Помимо уже упомянутых руководителей австрийской и германской социал-демократических партий, Троцкий был лично знаком с Филиппо Туратти, Эмилем Вандервельде, Жюлем Гедом, Джеймсом Макдональдом, Фрицем Платтеном и другими видными деятелями социалистических партий Италии, Франции, Бельгии, Великобритании, Швейцарии и ряда других стран. Как справедливо отмечал Д.Д. Волкогонов, «Троцкий

являлся уже такой политической фигурой, которая была «вхожа» в круг этих личностей… Венский «постоялец» был своим человеком в этих кругах».

Чем больше погружался Троцкий в мир Западной Европы, тем больше он отдалялся от России, из которой он с такой радостью вырвался «обратно» в 1907 году. Он не скрывал своего отвращения не только к своей родине, но даже к любым попыткам обнаружить в России что-либо ценное и достойное внимания. Троцкий беспощадно осуждал любые патриотические высказывания виднейших руководителей российской интеллигенции прошлого. Мысли Герцена о том, что образованные русские люди – «самые свободные люди», а крестьянская община является залогом социальной справедливости, служили Троцкому поводом для утверждения того, что Герцен объявил «отсталость и варварство за величайшее историческое преимущество славянства над миром старой европейской культуры».

В своих статьях Троцкий неустанно доказывал, что российская интеллигенция была ориентирована на Запад даже в тех случаях, когда она утверждала обратное. Называя «славянофильство» «славянобесием», Троцкий утверждал, что идеи славянофилов – «это временные идейные ходули, на которых интеллигенция выбиралась из стоячего болота отечественного быта и… шла в Европу». С помощью логических натяжек и жонглирования понятиями Троцкий пытался доказать, что «народничество, т. е. славянофильство минус славянофильская политика и славянофильская религия, было не чем иным, как первым, негативным – свет вместо теней и тени вместо света! – отражением превосходства и могущества европейской культуры во встревоженном сознании мыслящего русского человека».

На этом же основании Троцкий утверждал, что «коллизии» Герцена «с Европой, его анафемы Европе были только порождением его благородной и нетерпеливой ревности к Европе». Он писал: «Герцен говорит, что недостаточно признать науку, надо воспитать себя «в науку». Сам Герцен был одним из вдохновеннейших наших воспитателей «в Европу»… Некоторые не по разуму зовут «назад к Герцену!»… Мы этого не повторим за ними. Вперед – от Герцена! А это значит: воспитание народа – «в Европу».

На попытки некоторых русских авторов сказать доброе слово о своей родине Троцкий обрушивался с необыкновенной яростью. Это можно видеть на примере той разгромной рецензии, которую Троцкий написал для «Киевской мысли» на книгу Иванова-Разумника. Противопоставляя России Западную Европу, он писал: «В цехах, гильдиях, муниципалитетах, университетах с их собраниями, избраниями, процессиями, празднествами, диспутами сложились драгоценные навыки к самоуправлению, и там выросла человеческая личность – конечно, буржуазная, но личность, а не морда, на которой любой будочник мог горох молотить… Какое жалкое дворянство наше! Где его замки? Где его турниры? Крестовые походы, оруженосцы, менестрели, пажи? Любовь рыцарская? Тысячу лет жили в низеньком бревенчатом здании, где щели мохом законопачены, – ко двору ли тут мечтать о стрельчатых арках и готических вышках?»

Он не видел в России ни единой личности, а лишь «морды», ни единого прекрасного архитектурного сооружения, а лишь жалкие лачуги. Вероятно, он даже не задумывался о том, что ко всему прочему он просто не знал толком той России, о которой любил порассуждать. Из больших городов он знал лишь Одессу и Николаев. Он вряд ли успел разглядеть красавец Киев, скрываясь на конспиративных квартирах или безвылазно пребывая в палате глазной лечебницы под фамилией «больного Арбузова». Он не имел возможности побродить по дворцам и музеям Петербурга, то прячась на подпольных явках, то просиживая дни и ночи в Технологическом институте на заседаниях Петербургского Совета. Московский Кремль ему еще не довелось повидать по дороге в Бутырскую тюрьму и из нее. «Убогие деревянные избы» в его очерках были из Усть-Кута и Верхоленска, поселений, которые он успел разглядеть, да и то угрюмым взглядом ссыльного, стремящегося вырваться из постылой неволи.

Был лишь один уголок России, к которому он испытывал тягу, – это край его детства.

Находясь во время своей журналистской поездки в румынской Добрудже, Троцкий писал: «Дорога – русская, пыльная, наша херсонская дорога, и куры как-то по-русски удирают из-под лошадиных копыт, и вокруг шеи у малорослых коней повязаны веревки русские, и спина у Козленки русская… Ах, какая у него русская спина: всю землю обойдешь, такой спины не сыщешь… Тихо, кровь зудит в ногах, и кажется, что едешь на каникулы в деревню Яновку со станции Новый Буг». Из этого отрывка видно, что и после полутора десятков лет странствий в Троцком порой пробуждался Лейба Бронштейн, живой мальчуган, нетерпеливо ожидавший возвращения на родной хутор. Но видно также и то, что вся Россия для Троцкого съежилась до пыльной дороги и веревочной упряжи, куриц да лошадок, а спинка извозчика Козленко загораживала наблюдателю всю великую страну и даже превратилась в ее олицетворение.

В своей рецензии в «Киевской мысли» он отвергал утверждения Иванова-Разумника о высоком духовном богатстве России, Троцкий писал: «Русская интеллигенция лишь имитировала Запад, принимая готовые системы, доктрины и программы. История нашей общественной мысли до сих пор не смогла даже прикоснуться к развитию всеобщей человеческой мысли». Презрение к России и преклонение перед Западом, которые выражал Троцкий в этой статье, достигали таких крайних пределов, что даже его поклонник Дейчер отмечал в этом случае сильный перебор.

Новым поводом для нападок Троцкого на Россию явилось «дело Бейлиса». В июне 1911 года в Киеве был арестован Мендель Бейлис, обвиненный в ритуальном убийстве мальчика Андрея Ющинского. Бейлиса защищал адвокат О.О. Грузенберг, который был защитником Троцкого на процессе по делу членов Петербургского Совета. После слушания дела, состоявшегося в сентябре – октябре 1913 года, Бейлис был оправдан.

Общественность России энергично осудила обвинения, выдвинутые против Бейлиса. В кампанию защиты Бейлиса включились мировая печать и ряд видных политических деятелей. Как отмечает И. Недава, на дело Бейлиса «реагировали все слои еврейства, без различия классов: Еврейская американская рабочая организация, Американский еврейский комитет, большинство европейских («мелкобуржуазных») общин, лорд Ротшильд (доставший в Ватикане заверенные копии папских булл, отрицающих употребление крови евреями…). В Европе современникам запомнилось гневное выступление будущего президента независимой Чехословакии, а в те годы – руководителя либеральной чешской народной партии Томаша Масарика. В Соединенных Штатах давление общественного мнения на правительство было так велико, что привело к прекращению выгодных для России торговых контактов».

В печати постоянно сравнивали «дело Бейлиса» с «делом Дрейфуса». Как известно, французский еврей А. Дрейфус был по обвинению в шпионаже в пользу Германии приговорен в 1894 году к пожизненной каторге. В результате широкой кампании протеста, вызвавшей политический кризис во Франции, Дрейфус после пяти лет каторги был освобожден из-под стражи, а еще через семь лет реабилитирован. Сравнивая «дела» Бейлиса и Дрейфуса, мировая печать зачастую старалась показать, что Россия уникальна в своем возвращении к средневековым обвинениям евреев в совершении ритуальных убийств. При этом забывали «Тисса-эсслярское дело» «по обвинению евреев в ритуальном убийстве», которое приковывало к себе внимание общественности Австро-Венгрии в течение двух лет (1882—1884 гг.) и привело в ряде мест Австрийской империи к еврейским погромам.

Приняв активное участие в кампании вокруг «дела Бейлиса», Троцкий изложил в «Нейе Цайт» свою версию дела, в которой утверждал, что оно было инсценировано министром юстиции И.Г. Щегловитовым. Хотя статья была опубликована после вынесения оправдательного приговора и хотя Троцкий в свое время включал «дело Дрейфуса» в перечень наиболее зловещих свидетельств человеческого варварства, он даже не желал сравнивать эти два дела. Заявляя, что ложь обвинения Дрейфуса «чудовищна», он тут же оговаривался: «В самой конструкции обвинения не было ничего чудовищного». Троцкий игнорировал то обстоятельство, что офицер Дрейфус пять лет пробыл на каторге во

Французской Гвиане и 12 лет юридически считался виновным в шпионаже. Заявления Троцкого о том, что двенадцать «темных людей (присяжных заседателей), преимущественно крестьян», были специально подобраны «министерством юстиции в качестве наиболее удобных для средневекового процесса судей» и что «было сделано все, чтобы привить киевским присяжным ненависть к Бейлису как к еврею», позволяли читателям забывать немаловажную деталь: вынесение этими «темными людьми» оправдательного приговора.

Вместо того чтобы осудить несправедливость судов различных стран, разжигание религиозных и националистических страстей вокруг различных уголовных дел, Троцкий использовал «дело Бейлиса» для того, чтобы лишний раз порассуждать об уникальной «отсталости» России в «просвещенном» мире. Это служило ему также поводом для доказательств неизбежности начала «перманентной революции». В конце статьи Троцкий приходил к заключению, что «дело Бейлиса предвещает новую эру революционных сдвигов в России».

Подводя же итог текущему периоду российской истории и давая оценку деятельности Николая II в статье, посвященной 300-летию Дома Романовых, Троцкий утверждал, что «на первом месте в его личной политике бесспорно стоит полоумная, не знающая пределов ненависть к евреям». Троцкий утверждал, что «Николай… становится не только покровителем, но и всероссийским зачинщиком самых ужасающих выступлений погромной контрреволюции». Троцкий ярко изобразил сцены насилий над еврейскими детьми, зверских убийств евреев, которые якобы совершались исполнителями царских приказов после церковного молебна и под звуки непрерывно исполнявшегося гимна «Боже царя храни!». Автор статьи утверждал, что, когда царю сообщали о том, что в ходе погромов было убито сорок евреев, Николай II «разочарованно» произносил: «Только-то… я думал, гораздо больше». В изображении Троцкого Россия являлась страной, где по повелению самодержца и с благословления церкви постоянно осуществлялось зверское истребление еврейского населения. Из сочинений Троцкого следовало, что Аман воскрес и творил избиение евреев на одной шестой части земного шара.

В своих рассуждениях о России Троцкий противопоставлял ей идеализированный образ Запада, где немыслимы «средневековые» процессы и погромы. Осуждая однобокость суждений Троцкого, Дейчер замечал: «Кружевной фасад европейской цивилизации до 1914 года скрывал процессы саморазрушения и внутреннего упадка, которые вскоре проявились в последовавших мировых войнах, в пароксизмах фашизма и нацизма». Не заметить признаков этих процессов мог лишь человек, загипнотизированный успехами западной цивилизации. Приметы надвигавшейся волны человеконенавистничества можно было без труда обнаружить в общественно-политической жизни города, где пребывал Троцкий. В это время бургомистром Вены был Карл Люгер, вождь «Христианской Социальной партии», победившей на выборах благодаря активной антисемитской агитации. Этот ловкий политик произвольно избирал мишени своей кампании, цинично объявляя: «Я сам решаю, кто – еврей». Но вряд ли Троцкий был готов увидеть нечто непорядочное в городском голове Вены. Ведь манеры бургомистра Люгера были значительно изящнее, чем у градоначальника Одессы Зеленого, а любимцы венской публики – полицейские, которых горожане награждали подарками каждое Рождество, совсем не были похожи на тюремного смотрителя Троцкого, который мог дать зуботычину просто так для острастки.

Между тем антисемитские брошюры «Социально-христианской партии» и заявления респектабельного Люгера с жадностью изучал Адольф Гитлер, проживавший с 1909 по 1913 год в рабочем общежитии на Манделманнштрассе, в часе ходьбы от дома, где жил Троцкий. «Социальные христиане» привлекли Гитлера своим антисемитизмом, пангерманисты – перспективами создания Великой Германии, покорившей значительную часть планеты. И хотя социал-демократы своей агитацией против власти капитала также захватили воображение Гитлера, их проповедь интернационального братства вызвала у него отвращение. Он не собирался брататься со всеми, кто населял интернациональный муравейник Вены, с чехами и хорватами, венграми и словенцами, и уж особенно с евреями.

Вечно полуголодный Гитлер, бродивший по венским улицам и зимой, и летом в одном и том же старом пальто в поисках случайных заработков, был убежден, что «инородцы» отнимали у него причитавшийся ему кусок пирога германского богатства.

Можно предположить, что Гитлер и Троцкий случайно встречались на улицах или во время посещений социал-демократических мероприятий. Очевидно, Троцкий не знал о том, что рядом с ним развивается талантливый демагог, об опасности которого он будет позже предупреждать. Но если Троцкий совершенствовал свое искусство, изучая ораторов «в подлиннике», то будущий трибун нюрнбергских партейтагов мог изучать искусство агитатора, лишь пересматривая по нескольку раз фильм Келлермана «Туннель», немые сцены которого захватывали воображение Гитлера. Он хотел быть таким же властителем толпы. Но Троцкий вряд ли бы поверил, что человек в нелепом длиннополом пальто, выбивавший чужие ковры или безуспешно продававший свои акварели, мог превратиться в угрозу для всеобщего мира и существования миллионов людей.

В то же время у двух жителей Вены было немало общего. И тот и другой восторгались образом жизни западной столицы. И тот и другой жаждали радикальных мировых потрясений. И тот и другой были завсегдатаями социал-демократических митингов. И тот и другой приходили к мысли о том, что мировые катаклизмы должны переменить жизнь в России, подчинив «ленивый» и «глупый» народ этой страны «передовой» германской цивилизации.

Троцкий не переставал сокрушаться по поводу поражения революции 1905 года, когда он был в двух шагах от превращения в руководителя верховной власти в России. Он видел причину поражения революции в «кретинизме» российского крестьянства. В 1909 году он писал: «Локальный кретинизм – историческое проклятие крестьянских движений. О политическую ограниченность мужика, который у себя в деревне громил барина, чтоб овладеть его землей, а напялив солдатскую куртку, расстреливал рабочих – разбился первый вал российской революции (1905)». Но он верил в неминуемость «второго вала» революции. 4 декабря 1909 года Троцкий писал в «Правде»: «Уже сегодня сквозь обложившие нас черные тучи реакции, мы прозреваем победоносный отблеск нового Октября».

Готовясь к «новому Октябрю» и своему триумфальному возвращению в Россию, Троцкий внимательно следил за развитием событий в РСДРП. После поражения революции многие ее члены находились в тюрьмах, в ссылках, на каторге. В 1909 году в стране было 170 тысяч политических заключенных, из них значительную часть составляли члены РСДРП. Многие партийные организации страны были подвергнуты неоднократным репрессиям. Большевистская организация Петербурга 15 раз подверглась массовым арестам. Московский комитет и Московский окружной комитет арестовывались 11 раз. Было разгромлено большинство партийных организаций Урала, Сибири, Дальнего Востока, Донбасса.

Среди немногих крупных партийных организаций, продолжавших активную работу в подполье, выделялась бакинская, возглавлявшаяся Бакинским комитетом большевиков, в состав которого входили С. Шаумян, С. Спандарян, М. Азизбеков, И. Фиолетов, П. Джапаридзе, Г. Орджоникидзе, И. Сталин, известный тогда под партийным псевдонимом – Коба. Бакинский комитет продолжал борьбу за права рабочих и пропаганду идей революционного социализма среди них, добившись в этом немалых успехов. Позже Г.Е. Орджоникидзе вспоминал: «В то время, как по всей России господствовала черная реакция, в Баку заседал настоящий рабочий парламент. В этом парламенте открыто разрабатывались все требования бакинских рабочих, развертывалась нашими ораторами вся наша программа-минимум».

Однако бакинский островок революционных сил был скорее исключением из общего правила. Тяжелое состояние, в котором находилось большинство партии, привело к обострению разногласий в ее руководстве, по мере того как различные ведущие деятели РСДРП стали предлагать свои рецепты выхода из текущего кризиса. Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, П.Б. Аксельрод, А.Н. Потресов, Ю. Ларин, Н.Н. Жордания и другие меньшевики выступали за ликвидацию нелегальной партии. Такие «ликвидаторы», как Потресов, утверждали, что

между пролетариатом и буржуазией в демократической революции нет принципиальных политических антагонизмов, что их объединяют общие цели, а потому они должны действовать в тесном союзе.

А.А. Богданов, А.В. Луначарский, Г.А. Алексинский, А.В. Соколов (С. Вольский) и другие большевики выступали за отзыв рабочих депутатов из Государственной думы. Их называли «отзовистами» и они призывали к немедленным революционным действиям. Впоследствии часть «отзовистов» (А.В. Луначарский, Г.А. Алексинский) и ряд других большевиков создали группу ультиматистов, требовавших предъявить ультиматум социал-демократической фракции Государственной думы с требованием признать ошибочность своего решения о независимости от ЦК РСДРП. В конце 1909 года «отзовисты» и «ультиматисты» объединились с философской школой богостроительства вокруг сборника «Вперед».

Свою группировку создал и Троцкий. Помимо упомянутого А.А. Иоффе, за годы пребывания в Вене Троцкий сумел объединить вокруг себя ряд видных социал-демократов (К.Б. Радек, С.Л. Клячко, М.И. Скобелев, Д.Б. Рязанов, А.М. Коллонтай). Сблизился Троцкий и с Луначарским. Летом 1909 года Троцкий, опираясь на своих единомышленников и союзников, предпринял активные попытки объединить партию на основе своего «центризма». В своих выступлениях он подчеркивал, что большевики и меньшевики представляли две схожие по своим взглядам группы социал-демократической интеллигенции, борющиеся за влияние на «политически незрелый пролетариат». Ленин энергично выступил против «беспринципной примиренческой» политики Троцкого. Отмечая карьеристскую подоплеку его действий, Ленин постоянно подчеркивал, что деятельность Троцкого затушевывает опасность ликвидаторства. В своем письме Г.Е. Зиновьеву (Апфельбауму) 11(24) августа 1909 года Ленин писал: «Надеюсь, убедились… что Троцкий повел себя, как подлейший карьерист и фракционер типа Рязанова и К°? Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров».

На январском пленуме ЦК РСДРП 1910 года, в котором Троцкий принял участие, он добился определенного успеха в достижении компромисса, который ослаблял позиции руководства обеих фракций. Пленум принял решение закрыть газету «Пролетарий», передать в ЦК РСДРП часть денег, принадлежащих большевикам, а остальную часть на два года сдать на хранение представителям германской социал-демократии Мерингу, Цеткин и Каутскому.

Правда, попытки Троцкого при поддержке «Бунда» войти в состав центрального органа партии «Социал-демократ» провалились. В состав редакции вошли В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев (от большевиков), Ю.О. Мартов и Ф.И. Дан (от меньшевиков), А.С. Барский (от польских социал-демократов). В ходе восстановления связей между группировками в редакцию «Правды» от большевиков был откомандирован шурин Троцкого Л.Б. Каменев (Розенфельд). Троцкому было определено жалование в 150 рублей в месяц.

Однако компромисс в партии был недолговечен. Вскоре после пленума ряд меньшевиков вновь выступили с фракционных позиций на страницах журналов «Наша заря», «Дело жизни» и газеты «Голос социал-демократа». Порвали с руководством ЦК и сторонники группы «Вперед». Троцкий удалил из редакции «Правды» Каменева. В то же время он объявил о подготовке партийной конференции. Ленин считал, что позиция Троцкого, пытающегося устранить внутрипартийные разногласия на беспринципной основе, опасна тем, что она мешает борьбе с ликвидаторством. «Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели», – писал Ленин, – вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него».

В своей борьбе Троцкий получил поддержку видных деятелей социал-демократической партии Германии. Ленин возмущался этим, но ничего не мог поделать. «Обидно чрезвычайно, – писал он Юлиану Мархлевскому, – что даже Каутский и Вурм не видят пошлости и гнусности таких статей, как Мартова и Троцкого. Попробую написать Каутскому

хоть частное письмо, чтобы выяснить дело. Ведь это прямо скандал, что Мартов и Троцкий безнаказанно лгут и пишут пасквили под видом «научных» статеек!!»

В одной из своих статей Троцкий объявил, что «круг Ленина, который хочет поставить себя над партией, скоро окажется за ее пределами». Кроме того, он «объяснил», что «никто из эмигрантских лидеров не представляет настоящего движения в России, которое стремится к единству и осуждает их интриги». Вероятно, данная оценка относилась к руководителям и большевизма, и меньшевизма, но не к Троцкому, так как тот не был в числе лидеров РСДРП. В это время в Копенгагене проходил конгресс Интернационала. Делегация РСДРП во главе с Плехановым потребовала исключения Троцкого из партии. «Отзовист» Луначарский поддержал Троцкого, но главную поддержку он получил от германских социал-демократов.

Стремясь избежать конфликта с СДПГ, руководство РСДРП воздержалось от исключения Троцкого. Последствием этого инцидента, в частности, явилось укрепление связей между Л.Д. Троцким, с одной стороны, А.В. Луначарским и А.А. Богдановым – с другой.

Летом 1911 года Троцкий читал лекции в школе, которую создал в Болонье Луначарский.

После публикации Троцкого в «Нейе Цайт» Ленин написал широко известную заметку «О краске стыда у Иудушки Троцкого». Возмущаясь лицемерием Троцкого, он констатировал: «И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкается. Такова краска стыда у Иудушки Троцкого».

Раскол в руководстве партии усугублялся. Такое положение вызывало беспокойство среди рядовых членов партии. Выразителем этих настроений стал Бакинский комитет большевиков. В статьях, опубликованных в большевистской газете «Бакинский пролетарий» и написанных по согласованию с Бакинским комитетом, И.В. Сталин осудил положение в центральных органах партии, погрязших в спорах и дрязгах, и решительно выступил против попыток эмигрантов диктовать волю рядовым членам партии. Он писал: «Странно было бы думать, что заграничные органы, стоящие вдали от русской действительности, смогут связать воедино работу партии, давно прошедшую стадию кружковщины». Он требовал: «Передать самим рабочим возможно больше партийных функций и тем освободить партию от непостоянных интеллигентских элементов… Передовые рабочие, входящие в фабрично-заводские комитеты, – вот те живые люди, которые могли бы сплотить вокруг партии окружающие массы». Чтобы преодолеть кризис в партии, Сталин предлагал «связать между собой оторванные друг от друга местные организации, …собрать их в одну связанную, живущую единой жизнью, партию» с помощью общероссийской, а не заграничной газеты. Он подчеркивал: «Общерусская газета могла бы явиться… центром, руководящим партийной работой, объединяющим и направляющим ее».

В августе 1909 года Бакинский комитет принял резолюцию, в которой предложил «для ликвидации сложившегося ненормального положения» созвать «конференцию большевиков, параллельную конференции общепартийной».

Несмотря на то что резкая критика деятельности ЦК была направлена и против него, Ленин поддержал членов Бакинского комитета в их стремлении спасти партию от развала. Он постарался привлечь их к высшему руководству партии. С 1910 года он стал вести переписку с рядом членов Бакинского комитета, в том числе со Сталиным и Орджоникидзе. В 1910 году Сталин был назначен «уполномоченным ЦК РСДРП», а в 1911 году Орджоникидзе был направлен на учебу в ленинскую школу в Лонжюмо.

Созванная после долгих споров и консультаций в январе 1912 года Пражская конференция большевиков констатировала невозможность добиться единства с меньшевиками и другими группировками. В составе Центрального комитета партии, избранного конференцией из 11 человек, трое представляли Бакинский комитет (Спандарян, Орджоникидзе, Сталин). Откликаясь на требования Бакинского комитета, в состав ЦК и Русского бюро ЦК вошли члены партии пролетарского происхождения, работавшие на

производстве: М.И. Калинин, И.С. Белостоцкий, Г.И. Петровский, А. Е. Бадаев, А.С. Киселев.

Вскоре большевики объявили о создании своего печатного органа, издававшегося в России, под названием «Правда». Энергичные протесты Троцкого по поводу того, что газета с таким названием уже издается в Вене, были оставлены без внимания. И все же Троцкий продолжал попытки сыграть роль лидера по воссозданию единой партии. Как и раньше, он возлагал большие надежды на начавшийся подъем революционного движения, который мог превратить объединенную партию в вершительницу судеб России.

Троцкий принял участие в конференции, состоявшейся в Париже в марте 1912 года, участники которой (меньшевики-плехановцы, представители группы «Вперед», заграничного комитета «Бунда» и другие) осудили Пражскую конференцию как «переворот». Троцкий выступил в «Форвертс» с анонимной статьей, содержащей нападки на большевиков; Ленин был возмущен этой статьей, назвав ее «бешеной и гнусной».

С острой критикой Троцкого выступал не раз и Сталин. Он писал: «Троцкий… валит в одну кучу всех, как противников партийности, так и ее сторонников. И разумеется, у него не получается никакого единства: пять лет он ведет эту ребяческую проповедь необъединимого и вот достиг того, что у нас есть две газеты, две платформы, две конференции и ни капли единства между рабочей демократией и ликвидаторами!… Из проповедника фантастического единства Троцкий превращается в приказчика ликвидаторов, делающего дело, угодное ликвидаторам… Это не единство, а игра, достойная комедианта».

Троцкий между тем продолжал свою «игру». В августе 1912 года Троцкий при поддержке и помощи германских и австрийских социал-демократов предпринял наиболее значительную попытку создать новый партийный центр, созвав в Вене конференцию РСДРП. Однако на конференцию отказались прибыть ряд влиятельных группировок. Не участвовали в ее работе, например, меньшевики-плехановцы и польские социал-демократы. Поэтому конференция конституировала себя не как общепартийная, а как конференция отдельных организаций РСДРП.

Ее состав не был многочисленным: 18 делегатов с решающим голосом, 10 – с совещательным и пять человек в качестве гостей. Большинство делегатов являлось эмигрантами, не связанными с работой в России. Представительство от Петербурга и Москвы было фиктивным. Приведя сведения из донесения тайного полицейского агента, Д.Д. Волкогонов писал, что «в Вену приехали Михаил Адамович, Гайк Азатьянц, Борух-Пинхус Аксельрод, Григорий Алексинский, Петр Бронштейн, Сима-София Бронштейн, Михаил Гольдман, Хаим-Янкель Гельфонд, Владимир Медем, Андрей Петерсон, Рафаил-Ицек Рейн, Александр Смирнов, Моисей Урицкий, Юлий Цедербаум (Мартов) и другие».

Троцкий прилагал максимум усилий для того, чтобы добиться единства между группировками, представленными на конференции. Объединение меньшевиков, «Бунда» и троцкистов было достигнуто ценой существенного компромисса с ликвидаторами. Однако группа «Вперед» покинула конференцию, а латышские социал-демократы решительно отвергли попытки принять ликвидаторскую платформу, на которой было достигнуто объединение большинства участников конференции.

На конференции ведущую роль играл Троцкий. Обвиняя организаторов конференции в поощрении ликвидаторства, газета «Социал-демократ» констатировала: «Эра Потресова, Левицкого, Дана на время сменяется эрой Троцкого… Приятные черты ликвидаторства зияюще торчали из-под дырявой вуалетки, сотканной из трескучих фраз Троцкого».

В августе 1912 года в Вене был создан так называемый Августовский блок. После его создания Ленин призывал разоблачать методы Троцкого и других «зарвавшихся в своем самомнении вождей интеллигентских группировок, которые… потерпев… полное поражение… с невероятной наглостью плюют на решение и на волю… передовых рабочих».

В свою очередь, Троцкий повел активную полемику против Ленина. Логика политической борьбы привела его от «надфракционной» позиции и равномерной критики

двух фракций к активной атаке против Ленина, подобно той, что он предпринял в 1904 году. Отказ большевиков от объединения с меньшевиками на беспринципной основе позволял Троцкому поставить во главу угла своей кампании обвинение Ленина в раскольнической деятельности. В своем письме депутату Государственной думы Н.С. Чхеидзе Троцкий писал: «Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении. Ни один умственно не поврежденный европейский социалист не поверит, что возможен раскол из-за тех маргариновых разногласий, которые фабрикуются Лениным из Кракова».

Хотя Троцкий сознательно преуменьшал характер разногласий между большевиками и меньшевиками, он обращал внимание на наиболее уязвимое место в политических действиях большевиков: их отказ от сотрудничества с меньшевиками не свидетельствовал об их желании преодолеть раскол в партии. Троцкий самоуверенно предрекал скорый крах ленинизма: «Стихийная тяга рабочих к единству так непреодолима, что Ленину приходится систематически играть в прятки с читателями, говорить о единстве снизу, проводя раскол сверху, представлять под кружковые и фракционные определения понятия классовой борьбы. Словом, все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Можно не сомневаться, что при разумном поведении другой стороны среди ленинцев начнется в самом недалеком будущем жестокое разложение – именно в линии вопроса, единство или раскол».

В ответ Ленин обращал внимание на беспринципность Троцкого. Он писал: «Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 годах… В конце 1903 года Троцкий – ярый меньшевик, т. е. от искровцев перебежавший к «экономистам», он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 годах он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную» революцию». В 1906—1907 годах он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург. В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, по сути дела, их же идейки».

Ленин справедливо отметил не только беспринципность, но и амбициозность Троцкого: «Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции… Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию – одним словом, «державу», толкующую об объединении с другими».

Претензии Троцкого играть «суверенную» роль в РСДРП во многом объяснялись его международными связями. В этих связях дружба с Парвусом по-прежнему играла значительную роль. После скандала в связи с растратой Парвусом денег Максима Горького, данных ему на хранение большевиками, а также долгого и безрезультатного разбирательства этого дела комиссией в составе Каутского, Бебеля и Цеткин (Парвус довольно нахально отвечал на вопросы членов комиссии, заявив, что он растратил 130 тысяч марок, принадлежавших большевикам, на путешествие по Италии), растратчик покинул в 1910 году Германию и переселился на время в Вену, где снова постоянно общался с Троцким. Однако в столице Габсбургов Парвус находился недолго и с ноября 1910 года переехал на постоянное жительство в Константинополь. Из столицы Османской империи Парвус постоянно выезжал, путешествуя по Балканским странам и знакомясь с руководителями их социалистических партий. Он особенно сблизился с Х. Раковским.

А вскоре Парвус стал одним из крупнейших поставщиков вооружений и продовольствия для турецкой армии. О происхождении баснословных денежных сумм, которыми ворочал этот социал-демократ Германии и России, можно было только

догадываться. Скорее всего, деятельность Парвуса в конце 1905 года по организации финансового краха в России была не забыта теми кругами, которые крупно выиграли от этой спекуляции на падении русского рубля.

Как всегда Парвус верно оценил политическую и экономическую конъюнктуру, прибыв загодя в «горячую точку» и занявшись делом, которое могло принести немалую прибыль. Через пару лет после прибытия Парвуса в Константинополь и его активных поездок по балканским странам, а также после того, как он закрепился как основной поставщик оружия и продовольствия для армии Османов, на Балканах вспыхнула первая Балканская война (9 октября 1912года– 30мая 1913 года), а затем и вторая (29июня–10августа 1913 года).

Вряд ли можно признать случайным, что Троцкий, который до этого времени находился в Вене, вдруг проявил страстный интерес к событиям на фронтах Балканской войны и выехал туда корреспондентом различных газет. Очевидно, что позиция журналиста в зоне боевых действий открывала доступ к информации, в которой так нуждался его верный друг в Константинополе. Кроме того, сообщения с линии фронта формировали общественное мнение европейских стран. Подобные репортажи с балканского фронта обожал поглощать вместе с кофе со сливками Луитпольд Волькенштейн из рассказа Сейки.

О том, в чью пользу формировал мнение Троцкий, не приходиться сомневаться. В своих воспоминаниях он писал: «Я открыл в своих статьях борьбу против лжи славянофильства». Троцкий опубликовал статью, в которой осуждал обращение болгар с турецкими пленными и даже вступил в полемику с Милюковым по этому вопросу. Совершенно очевидно, что эти публикации были выгодны османским друзьям Парвуса.

В ходе своих поездок по балканским странам Троцкий сблизился с теми же руководителями социалистических партий, с которыми пару лет назад познакомился Парвус. Как и Парвус, Троцкий подружился с Раковским, который в это время покинул Болгарию и был занят созданием социалистической партии Румынии. Троцкий проводил время в фамильном имении Раковского на берегу Черного моря. Характеризуя Раковского, Троцкий писал, что он – «одна из наиболее интернациональных фигур в европейском движении… Раковский… активно участвовал в разные периоды внутренней жизни четырех социалистических партий – болгарской, русской, французской и румынской, чтобы впоследствии стать одним из вождей советской федерации, одним из основателей Коминтерна, председателем Украинского совета народных комиссаров, дипломатическим представителем в Англии и во Франции». Троцкий не упомянул, что в 20-е годы Раковский был одним из наиболее последовательных сторонников Троцкого. Обширные связи Раковского как с ведущими революционерами, так и с влиятельными финансистами, легкость, с которой он перемещался из страны в страну, из партии в партию, некоторые исследователи объясняли тем, что он был видным деятелем международной масонской организации.

Раковский был далеко не единственным деятелем международного социалистического движения, который с необыкновенной легкостью перемещался из одной страны в другую и вступал в различные политические партии. Подобными же перемещениями отмечены биографии Карла Радека, находившегося то в Австро-Венгрии, то в России, Розы Люксембург, пребывавшей и в германской социал-демократии, и в РСДРП, Анжелики Исааковны Балабановой, побывавшей и среди германских социал-демократов, и на посту редактора главной газеты итальянских социалистов «Аванти!», и в рядах РКП(б). Эти и ряд других видных деятелей международного социалистического движения зачастую прибывали заранее в те страны, где вскоре развертывались крупные внутренние или внешние конфликты. Видимо, такие «граждане мира» могли совершать такие перемещения благодаря связям с влиятельными международными силами.

В 1912—1913 годах Раковский, Парвус и Троцкий, лица с обширными международными связями, оказались одновременно в регионе, который не только был театром военных действий в ходе двух балканских войн 1912—1913 годов, но и местом, где

сплелись военно-политические интересы ведущих стран мира. Россия ставила задачу укрепить свое влияние на Балканах и овладеть, наконец, черноморскими проливами. Этому стремлению России противостояли интересы Австро-Венгрии, желавшей закрепиться на Балканах, и Германии, планировавшей развернуть свою экспансию на Ближний Восток через Турцию. Однако Великобритания и Франция также претендовали на сферы влияния в этом регионе и на контроль над стратегически важными коммуникациями между Черным и Средиземным морями, между Европой и Азией. Эти противоречия не могли не вызвать острого конфликта, который перерос в мировую войну.

Как известно, Первая мировая война была спровоцирована убийством австрийского эрцгерцога Фердинанда в боснийском Сараево, осуществленном членом сербской подпольной террористической организации Гаврилой Принципом. Очевидно, что задолго до начала мировой войны в этом регионе развертывалась тайная подготовка заговора против мира, и, вероятно, активность Парвуса и его друзей была связана с этим заговором.

ГРАЖДАНИН МИРА

За исключением лиц, посвященных в тайные заговоры, мало кто в мире ожидал мировой войны и крушения привычного порядка вещей, в результате которого многие великие мира сего сойдут со сцены, а незаметные политические фигуры станут ведущими. В июне 1914 года в журнале «Просвещение» Ленин писал: «Пусть забавляется Троцкий… пусть играют впередовцы и троцкисты игру в «державы», «течения», соглашающиеся друг с другом! Это одна ребяческая забава людей, которые хотят важными словами прикрыть беспросветную пустоту и бессодержательность своих «группок». Претензии Троцкого выглядели ребяческими забавами даже с точки зрения революционеров, не веривших в прочность существовавшего строя.

Но если для Ленина амбиции Троцкого казались абсурдными, то они тем более показались бы таковыми людям, которые и не помышляли о радикальных общественных преобразованиях. Какие бы изменения ни совершались в мире, многие формы традиционного общественного устройства не менялись целые века, оберегая привилегии древних родов. Монархический строй и сопутствующие ему многие институты и обычаи феодального общества уцелели к началу XX века почти во всех странах Восточного полушария, несмотря на значительные уступки ветрам перемен.

Казалось, что съезд королевских особ в Лондоне в мае 1910 года по случаю кончины Эдуарда VIII демонстрировал незыблемость старого порядка. Самодержец всея Руси Николай II и кайзер Вильгельм, австрийский эрцгерцог Фердинанд и бельгийский король Альберт, князь Юсуф, наследник султана Османской империи, и черногорский князь Данило, поразительно напоминавший не только по имени героя «Веселой вдовы», гарцевали перед толпами лондонской публики вслед за траурным катафалком. Пятьдесят императорских и королевских высочеств, пять наследников, семь королев, а также небольшая группа особых послов от республиканских стран торжественно следовали за гробом английского короля, являвшего собой образец аристократизма. Историк Барбара Тачман в своей книге, посвященной началу Первой мировой войны, писала: «Все вместе они представляли семьдесят наций в этом величайшем собрании королевских и дворянских титулов, которое когда-либо собиралось в одном месте. Такое собрание было уникальным и последним. Приглушенный звук колокола Биг Бена пробил девять часов, когда кортеж покинул территорию дворца, но на часах истории был заход солнца, и солнце старого мира опускалось в гаснущем блеске, который больше никогда не было суждено увидеть».

Кто мог бы предвидеть, что через четыре года жизнь юного эрцгерцога оборвут пули, выпущенные сербским террористом, и выстрелы Гаврилы Принципа разведут участников блестящей кавалькады по разные стороны линий фронтов, которые траншеями и артиллерийским огнем, грудами развалин и трупов рассекут Европу? Вряд ли король Альберт, гарцевавший рядом с эрцгерцогом, мог ожидать, что вскоре ему будет суждено

покинуть родину и на четыре года превратиться в изгнанника. Кто мог предположить, что всего через десяток с лишним лет газеты мира обойдет фотография, присланная из голландского городка Дорн, где будет изображен некогда всесильный кайзер, занятый пилкой дров для своего скромного жилья, что через тридцать лет бывший ефрейтор его армии Адольф Гитлер прикажет убрать почетный караул, выставленный у дома императора после германской оккупации Голландии в 1940 году? Новый король Англии Георг V не мог догадываться, что его сын, став королем Георгом VI, будет просить через своего премьер-министра Черчилля аудиенции у сына сапожника Джугашвили, на что получит снисходительный ответ: «В моем плане не предусматривалась встреча с королем… Однако если Вы считаете нужным, чтобы я имел такую встречу, то я не имею возражений против Вашего плана».

Никто из лондонцев, с восхищенным любопытством взиравших на траурную процессию, не мог подумать, что через восемь лет русский царь, дальний родственник нового английского короля Георга V и удивительно похожий на него, будет терпеливо ожидать решения своей участи, а бывший корреспондент газеты «Киевская мысль» Лев Троцкий будет настаивать на том, чтобы он стал прокурором на процессе против русского императора. Мало кто во всем мире предвидел, что большинство этих живых символов незыблемого строя скоро сойдут с исторической сцены, а вера в прочность монархии станет уделом мечтателей. Мало кто поверил бы, что более реалистичными являются «ребяческие» мечты журналиста Троцкого встать во главе революционного правительства России и «безумные» планы безработного Гитлера о Великой Германии, «освобожденной» от евреев и марксистов.

Внимая каждому слову и каждому жесту титулованных лидеров мира, никто не обращал внимания на людей, чьи выступления и передвижения по странам мира скоро станут предметом разнообразнейших комментариев. Если бы люди могли знать грядущее, они поражались бы многим заявлениям, которые делали эти будущие лидеры в период их безвестности, а также удивительным пересечениям их профессиональных и географических маршрутов с жизненными путями их будущих соратников или злейших врагов. В 1913 году в Италии мало кто поразился заявлению нового редактора социалистической газеты «Аванти» о том, что частная собственность «должна быть ликвидирована, а Италия перейти к этапу коллективизации, чтобы реализовать окончательную цель коммунизма», потому что Муссолини был известен своими радикальными взглядами. Никто не удивился почти одновременному назначению в 1913 году Франклина Делано Рузвельта и Уинстона Черчилля на ведущие посты в военно-морские министерства США и Англии, так как никто не знал, что именно эти люди возглавят две великие державы во время Второй мировой войны.

Без торжественных караулов и вспышек фотоаппаратов в начале того же 1913 года в Вену съехались многие будущие лидеры мира. Помимо уже находившихся там Гитлера и Троцкого, в столицу Австро-Венгрии прибыли недавно сбежавший из российской ссылки 24-летний большевик Н.И. Бухарин и редактор большевистской «Правды» И.В. Сталин. Троцкий, а вслед за ним и Дейчер описали встречу Троцкого и Сталина на квартире у меньшевика Скобелева. Троцкий утверждал, что уже тогда он заметил «мрачную сосредоточенность» выражения лица Сталина, «враждебность» в его «желтых» глазах и услышал какой-то «гортанный звук» вместо приветствия. Дейтчер отмечал, что «грубое рычание», которым встретил Сталин Троцкого, «доносилось из глубин русской избы». Достоверность того, что именно так проходила встреча и таковы были тогдашние впечатления Троцкого, сомнительна, так как эпизод был описан лишь после многих лет борьбы Сталина с Троцким.

Через пару месяцев этот молчаливый венский «съезд» на высшем уровне завершился. Сталин уехал в Россию, где был арестован и отправлен в ссылку в Туруханский край. Там он пробыл до 1917 года. Бухарин покинул Вену и, постоянно меняя места пребывания, перемещался по Европе и США вплоть до 1917 года. Гитлер выехал в Мюнхен, а через год вступил в ряды германской армии, прослужив там до 1918 года. Через год с лишним

вынужден был покинуть Вену и Троцкий.

Разрушив мирные планы миллионов людей во всем мире, война сорвала также игру в «великие державы» Троцкого, когда он попытался привлечь в свою борьбу против Ленина II Интернационал. В конце июля 1914 года он съездил в Брюссель, чтобы вместе с Плехановым и Мартовым передать официальную жалобу на большевиков в Бюро Интернационала с просьбой вмешаться в дела РСДРП. Однако уже в начале августа 1914 года Бюро Интернационала, размещенное в стране, подвергшейся агрессии Германии, было не до разбора внутрипартийных склок. Чтобы избежать интернирования, Троцкий в августе 1914 года переехал в Цюрих, где вскоре оказались Ленин, Бухарин, Радек и многие другие социал-демократы.

Война не только усугубила раскол в РСДРП, но и провела новые границы размежевания, которые совпали с аналогичным разъединением во всех партиях II Интернационала. Принцип классовой борьбы в условиях международного конфликта подвергался серьезному испытанию. Выступить в поддержку своего правительства означало отказаться от основных целей борьбы, которую социал-демократы вели десятилетиями. Продолжать непримиримую борьбу против существующего строя в условиях войны было равносильным помощи чужому государству с точно такой же антипролетарской властью.

Значительная часть социал-демократии заняла позицию «защиты своего отечества», на время отказываясь от борьбы против своего правительства и выдвигая на первый план классовый аспект войны против капиталистических государств враждебной коалиции. Г.В. Плеханов обосновывал соединение социалистических целей партии с поддержкой усилий царского правительства в мировой войне следующим образом: «Борьба эксплуатируемых с эксплуататорами не перестает быть классовой от того, что эксплуататоры живут по ту сторону границы». Такая позиция позволяла социал-демократам идти на широкое сотрудничество с различными классами и политическими группировками, в том числе и с правящими кругами своих стран, под лозунгами патриотизма. Это могло способствовать расширению социальной базы социал-демократии, но ценой ослабления их пролетарского облика и разрыва связей с международным социалистическим движением.

Помимо Г.В. Плеханова, в РСДРП такую позицию заняли В.И. Засулич, А.Н. Потресов, Г.А. Алексинский, А.Ф. Бурьянов, В.О. Левицкий и другие. С помощью подобных же обоснований лидеры французских, английских и бельгийских социалистов Жюль Гед, Альбер Тома, Эмиль Вандервельде, Артур Гендерсон вошли в составы правительств своих стран. Редактор «Аванти» Б. Муссолини основал новую газету «Иль Пополо д'Италиа», на страницах которой выступал за вступление Италии в войну на стороне Антанты против Австро-Венгрии и Германии. Муссолини требовал присоединения к Италии Триеста, Фиуме, ряда областей на Балканах и Среднем Востоке.

Некоторые видные деятели международной социал-демократии заняли так называемую центристскую позицию, объяснявшуюся невозможностью сделать выбор, в результате которого надо было принести в жертву либо интересы классовой борьбы и международной солидарности, либо патриотизм и необходимость защищать трудящихся – соотечественников от армии чужой страны. Ю.О. Мартов так объяснил суть дилеммы, стоящей перед социал-демократами: «Или остаться в положении отщепенцев по отношению к современному обществу, защищающему в каждой стране свое существование перед лицом разразившегося империалистского урагана, или же принять все последствия «национального перемирия» со всеми постыдными компромиссами, со всем позором отречения от тех принципов, за которые до сих пор велась борьба».

Все это вело центристов к оправданию тех, кто занял позицию «защиты своего отечества». Эта позиция вызывала у них внутренние колебания, разъединявшая их на «левых» и «правых». «Левых» центристов в российской социал-демократии возглавил Ю.О. Мартов, «правых» центристов – П.Б. Аксельрод. Центристскую позицию в Германии заняли К. Каутский, Р. Гильфердинг, в Австро-Венгрии – В. Адлер, во Франции – Ж. Лонге, в Великобритании – Д. Макдональд и другие.

Бескомпромиссную поддержку «довоенных» принципов социал-демократии заняли левые социал-демократы. Их нежелание идти на какие-либо союзы с непролетарскими силами своей страны заставляло их отвергать соображения о том, что их борьба против своего правительства помогает чужому капитализму. Левые (Ленин и большевики – в России, К. Либкнехт, Р. Люксембург, К. Цеткин, Ф. Меринг и другие – в Германии) выступили за поражение «своего» правительства в империалистической войне. Парадоксальный курс на одновременное поражение двух противоборствующих группировок находил логичное завершение в требовании превращения империалистической войны в войну Гражданскую. Исходя из того, что левые социал-демократы были единственными, кто сохранил верность принципам классовой борьбы и пролетарского интернационализма, они требовали ликвидации II Интернационала и создания нового Интернационала.

Такая позиция обрекала левых социал-демократов на изоляцию в каждой из воюющих стран в период подъема там патриотических чувств. Они подвергались обвинениям в измене и репрессиям. Карл Либкнехт и депутаты-большевики были арестованы за свои пораженческие взгляды.

Мировая война создала сложную ситуацию для Троцкого. Ряд его союзников по Августовскому блоку, такие как Алексинский или Плеханов, с которыми он вместе ездил жаловаться II Интернационалу на Ленина в июле 1914 года, стали «социал-патриотами» России. Роза Люксембург, с которой он сотрудничал в 1907 году, примкнула к левым. В РСДРП левых возглавил главный враг Троцкого тех лет – Ленин. Большинство же его друзей по социал-демократии (Каутский, Гильфердинг, Адлер, Мартов, Аксельрод и другие) заняли центристскую позицию.

Его же главный наставник и покровитель Парвус выступил на стороне правительства Вильгельма II. Более того, используя свои тесные контакты с социал-демократами Болгарии и Румынии, Парвус обратился к ним с призывом поддерживать Германию в войне против России. При этом он так обосновывал свое предложение: «Победа Антанты будет означать торжество самодержавия, которое принесет огромный вред делу революции в России, ознаменовав собой новую эру неограниченной эксплуатации во всей Европе».

Проводником идей Парвуса на Балканах был Раковский. Находясь в Румынии, он вел усиленную агитацию за присоединение этой страны к странам Центрального блока. Работник германского министерства иностанных дел Буше признавал: «Раковский был связан с нами и работал на нас в Румынии». После того как Румыния присоединилась к Антанте, Раковский был арестован.

Перемещаясь из Константинополя в Софию, а оттуда в Вену и Львов, Парвус развил большую активность по организации помощи странам Центрального блока. По его предложению и при его участии был создан «Союз борьбы за освобождение Украины». Этот «Союз» находился на содержании армий Австро-Венгрии и Германии. Уже в сентябре 1914 года Парвус разработал план переноса боевых действий «Союза» на территорию России. Одновременно он предпринимает усилия по созданию подобной организации из уроженцев Кавказа.

7 января 1915 года Парвус посетил посла Германии в Константинополе фон Вангенхаймкена. Вскоре посол сообщил в Берлин, что «доктор Александр Гельфанд (Парвус) обратился к нему с предложением своего плана организации революции в России». Парвуса вызвали в Берлин, где он 6 марта был принят рейхсканцлером Германии Бетманом-Гольвегом. После встречи Парвус приготовил план организации подрывных действий против России.

План предусматривал организацию национал-сепаратистских выступлений на окраинах Российской империи. Наиболее важным, по мнению Парвуса, являлось сепаратистское движение на Украине. Парвус утверждал: «Украина является краеугольным камнем, сдвинув который можно будет разрушить централизованное государство». Одновременно предусматривались выступления в Финляндии, на Кавказе и среди кубанских казаков. Кроме того, Парвус предлагал использовать левые силы в социал-демократическом движении для

организации массовых рабочих выступлений в городах России. «Таким образом, – писал Парвус, – войска стран Германского блока и революционное движение в самой России расшатают колоссальную политическую централизацию, на которой держится царская империя, представляющая опасность для мира во всем мире, и оплот политической реакции в Европе будет низвергнут».

Парвус запросил у германского правительства средства на организацию сепаратистского движения в Финляндии и на Украине, а также на финансирование «пораженческой фракции Российской социал-демократической партии». Позже, находясь в Дании, Парвус изложил свой план германскому послу в этой стране графу Брокдорффу-Рантцау, который 15 августа 1915 года направил в Берлин сообщение о том, что «доктор Гельфанд (Парвус)… создал операционный план организации революции в России». Характеризуя этот план, посол писал: «В использовании сил, стоящих за Гельфандом, есть определенный риск, но, если мы откажемся от этого из боязни, что не сумеем управлять этими силами, то это определенно будет доказательством нашей слабости». Посол добавлял: «Победа, а в конечном счете и мировое господство будут в наших руках, если Россию можно будет своевременно революционизировать и таким образом развалить коалицию».

В конечном счете германское правительство решило принять план Парвуса. По приказу кайзера Вильгельма II ему было выделено 2 миллиона марок. Как отмечали Земан и Шарлау, Парвус «работал по-крупному, используя такие средства, как деньги, связи в высших кругах, устрашающую военную машину… Он готовил почву к своему торжественному выходу на сцену в качестве реформатора, избавителя, вождя революции».

Разрабатывая грандиозные планы разгрома России и раздела ее на отдельные территории, Парвус не забывал и о своих меркантильных интересах. Он закупал крупные партии продовольствия и оружия, а затем продавал их в воюющие страны. Используя нейтралитет Дании, он осуществлял между воюющими странами торговлю сильно подорожавшими в условиях войны товарами.

Быстро растущий капитал позволял Парвусу жить на широкую ногу– Земан и Шарлау писали: «В мае 1915 года Гельфанд в «Бауэр ам Лак» в Цюрихе устроил настоящий двор. При нем неотлучно состояла свита весьма хорошо оплачиваемых блондинок, его любовь к огромным сигарам была под стать его тяге к шампанскому – не меньше бутылки за завтраком». Весь образ жизни Парвуса свидетельствовал о превращении бывшего борца против капиталистического строя в своего антипода – богатого капиталиста, который был главной мишенью революционной пропаганды.

Однако Парвус не мог себе позволить вести жизнь любителя плотских наслаждений. Он должен был оправдать затраты германского правительства. Чтобы добиться реализации своего плана, он попытался найти поддержку среди «пораженческой» части социал-демократии. С этой целью в мае 1915 года Парвус посетил Ленина в Швейцарии. Как писал Парвус в своей брошюре «Правда задевает больно», выпущенной в 1918 году, «я объяснил ему (Ленину) мои взгляды на социальные и революционные последствия войны и в то же время предупредил его, что в этот период революция может произойти лишь в России и она случится только в случае германской победы».

Впрочем, как признавал Парвус, Ленин отверг его предложение. Есть версия, что Ленин даже не дал Парвусу закончить речь и указал ему на дверь. Правда, А.Ф. Керенский утверждал, что «хотя Ленин отказался дать Парвусу прямой ответ на его предложение, между ними было договорено, что их тайным посредником будет Я.С. Фюрстенберг (псевдонимы – Ганецкий, Ханек). Ленин послал его в Копенгаген, где он работал с Парвусом». Земан и Шарлау объясняют сотрудничество большевика Фюрстенберга в предприятии Парвуса следующим образом: «Если в 1915 г. Ленин поддержал намерение Ханека работать в организации Парвуса, то это устраивало обе стороны: Ленин получал доступ к информации о том, как протекает работа в Скандинавии, а Гельфанд в лице Фюрстенберга – надежную связь со штабом большевиков».

Несмотря на присутствие Фюрстенберга в фирме Парвуса, постоянное сотрудничество

между большевиками и германским правительством через посредничество Парвуса не было налажено. 20 ноября 1915 года в газете «Социал-демократ» была опубликована статья Ленина «У последней черты», в которой было недвусмысленно и открыто выражено все, что он думал о предложенном Парвусом союзе между кайзером и революцией. Здесь Ленин впервые заявил, что Парвус показал «себя авантюристом уже в русской революции». Хотя Ленин не уточнял смысл этого обвинения, но не исключено, что таким образом он высказал подозрения, которые постепенно сформировались у него относительно деятельности Парвуса в 1905 году.

Ленин выражал возмущение в связи с попытками Парвуса сыграть роль посредника между германским генштабом и российской революцией: «Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что «немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России», и печатая хамские гимны этому «воплощению немецкой народной души», его «могучему революционному чувству… Господин Парвус имеет настолько медный лоб, что публично объявляет о своей «миссии» «служить идейным звеном между вооруженным немецким и революционным пролетариатом». Ленин присоединял Парвуса к числу «авантюристов и переметных сум социализма».

Еще до публикации ленинской статьи Парвус попытался восстановить свои связи с единомышленниками Ленина в германской социал-демократии. Однако Цеткин и Либкнехт приняли Парвуса холодно, а Роза Люксембург сразу же указала ему на дверь. Провал попыток Парвуса взять под свой контроль левое крыло международной социал-демократии сорвал его попытки разжечь революцию в России. Все его усилия привели лишь к небольшим выступлениям в Николаеве, откуда Троцкий начинал свою революционную деятельность. Эти выступления были быстро подавлены. Не удалось Парвусу и организовать национальные восстания на окраинах России.

Хотя многие свои действия Парвус окружал секретностью, его связи с правительствами Центрального блока стали широко известны и шокировали левых социал-демократов. Один из них, Э. Давид, так характеризовал Парвуса в своем дневнике: «Действительно великолепнейший тип: ультрарадикальный революционер, русский осведомитель, негодяй, мошенник (дело Горького!), а теперь еще турецкий агент и спекулянт».

В условиях, когда поддержание отношений с Парвусом серьезно компрометировало всякого социал-демократа, Троцкий в 1915 году торжественно объявил о своем разрыве со своим другом, наставником и покровителем. В «Некрологе живому другу» Троцкий объявил Парвуса «политическим Фальстафом, который рыскает по Балканам, клевеща на покойного двойника».

В то время как Троцкий с помощью литературного приема отделил Парвуса-марксиста от Парвуса-финансиста и «социал-шовиниста», в адрес самого Троцкого было брошено обвинение, после которого ему пришлось доказывать, что речь в данном случае идет о двух разных Троцких. Бывший союзник Троцкого по Августовскому блоку Алексинский обвинил его в пособничестве Германии. Это обвинение было поддержано и другими выступлениями в печати. При этом указывалось, что некий Николай Троцкий возглавлял «Спилку» – «Союз за освобождение Украины», антироссийскую националистическую организацию, находившуюся на содержании у австрийцев. Хотя Троцкий порой ставил перед своей фамилией инициал «Н», он утверждал, что речь идет о другом Троцком и другом Николае.

Как и в истории руководства Троцким отрядами еврейской самообороны на Украине в 1905 году, здесь неясно, когда и при каких обстоятельствах «Н. Троцкий» руководил вооруженной организацией националистов, но известные основания для обвинений Троцкого в прогерманских симпатиях давали его публикации в «Нашем слове». Старый революционер Дейч, «прочтя только что полученный номер газеты Троцкого, с негодованием воскликнул: «Не знай я Троцкого лично, я бы не сомневался, что он продался немецкому правительству». И. Недава объясняет это тем, что Троцкий разделял прогерманские настроения части еврейского населения России и Западной Европы: «Угнетенные еврейские массы, только что испытавшие горький вкус дела Бейлиса, постоянно преследуемые страхом погрома, с

нетерпением ожидали поражения России в войне… Германия и Австрия, где евреи десятилетиями пользовались более или менее полным равноправием, не казались им врагами. Несомненно, огромное большинство мирового еврейства было в ту пору на стороне Германии – конечно, не из любви к немцам или нелюбви к русским, а лишь из более чем понятной ненависти к царизму… В России они немедленно были обвинены в поголовном шпионаже в пользу немцев и подверглись новым репрессиям, включая выселение из прифронтовой полосы».

Объявив всему миру о лживости обвинений в сотрудничестве с германской армией и публично порвав с Парвусом, Троцкий в эти годы оказался там, где в это время жил отвергнутый им друг и наставник – в Цюрихе. Правда, впоследствии Троцкий ничего не говорил о своих контактах с Парвусом в это время и писал, что тогда он «активно вошел в жизнь швейцарской социалистической партии». Публичной декларации Троцкого о его разрыве с Парвусом противоречили сведения, которые позволили Земану и Шарлау утверждать, что Троцкий сохранял дружеские отношения с Парвусом вплоть до кончины последнего в 1924 году.

С конца 1914 года Троцкий начинает во многом действовать независимо от Парвуса. Троцкий вполне мог обходиться без постоянного покровительства своего патрона, который направлял его действия по крайней мере с 1904 года, так как к этому времени он обрел обширные связи в международных кругах, позволявшие ему в разгар мировой войны перемещаться из одной страны в другую, удобно устраиваться в них и предпринимать попытки занять выгодную «центристскую» позицию в международном социалистическом движении.

Вскоре после начала войны Троцкий написал брошюру «Война и Интернационал». Как признавал Троцкий, «не было… недостатка в намеках на то, что брошюра является искусным орудием антиантантовской пропаганды». По этой причине французские власти, по его словам, задержали «мою книжку ввиду ее «германского происхождения». Однако удивительным образом это обстоятельство не помешало Троцкому вскоре переехать со своей семьей во Францию. 19 ноября 1914 года Троцкий пересек французскую границу как военный корреспондент «Киевской мысли», но вскоре он стал работать в газете «Голос», которая издавалась Мартовым. В этой газете публиковались статьи представителей различных направлений социал-демократии – Вандервельде, Каутского, Аксельрода.

Раскол в международной социал-демократии открыл Троцкому возможность попытаться снова занять «центристскую» позицию, которая позволила бы ему играть роль объединителя. Примкнув к «левому» центристу Мартову, Троцкий решил воспользоваться ситуацией для создания нового внутрипартийного блока. Однако разногласия между фракциями были слишком глубоки и отражали конфликт, исход которого решался на полях сражений. Поэтому попытки Троцкого создать новый блок между «центристами» и «патриотами» различных стран, которым бы он руководил, успеха не имели.

Неудача заставила Троцкого искать иные силы, на которые он мог опереться. В феврале 1915 года он вместе с Мартовым возглавил газету «Наше слово», которая объединила меньшевиков (В.А. Антонов-Овсеенко, Д.Б. Рязанов, С.А. Лозовский, А.М. Коллонтай, М.С. Урицкий, И.М. Майский), отзовистов (А.В. Луначарский, Д.З. Мануильский). В газете стали активно сотрудничать Карл Ра-дек, с которым Троцкий установил дружеские отношения еще в Вене, а также Анжелика Балабанова, порвавшая с Муссолини.

«Наше слово» подвергало критике позицию «социал-шовинизма». Троцкий одобрил ленинскую позицию о банкротстве II Интернационала и необходимости создать новый Интернационал, а в июле 1915 года дал положительную оценку интернационалистской позиции большевиков. Однако Ленин не поддержал этих инициатив Троцкого, объявив, что его интернационализм – чисто номинальный, коль скоро он сохраняет связи с «меньшевистскими социал-патриотами».

Как и в предыдущие годы, Троцкий решил воспользоваться международными связями для обоснования своего положения лидера, стоящего над фракциями в российской

социал-демократии. Он откликнулся на предложение итальянского социалиста О. Моргари провести международную конференцию социалистов и развил активность по ее организации. Однако Ленин категорически возражал против участия Троцкого. Чтобы преодолеть это сопротивление, Мартов и Мануильский отказались от своих мандатов в пользу Троцкого.

Международная социалистическая конференция состоялась 5– 8 сентября 1915 года в швейцарской деревне Циммервальд. Проект манифеста, предложенного левыми делегатами конференции, выдвигал лозунг: «Не гражданский мир между классами, а гражданская война!». В проекте говорилось: «Вы должны идти на улицу, бросить господствующим классам в лицо клич: довольно резни».

Троцкий поддержал Ленина по многим позициям, но отказался одобрить лозунг поражения своего правительства. Вместо этого он предложил одобрить требование «мира без победителей и без побежденных». Троцкий подготовил текст Циммервальдского манифеста, который был принят всеми единогласно, хотя Ленин и ряд делегатов зарезервировали свои оговорки к этому документу. Возможно, осторожность Троцкого в поддержке ленинского лозунга объяснялась и личными мотивами. Он продолжал сотрудничать с «Киевской мыслью», которая поддерживала войну. Поэтому военные репортажи Троцкого из Франции вполне соответствовали духу официального российского патриотизма. «Это ставило автора «Циммервальдского манифеста» в самое неудобное положение», – отмечал Дейтчер.

Недовольные недостаточным радикализмом решений конференции, Ленин и ряд других делегатов организовали так называемую Циммервальдскую левую. Преобладание в этой небольшой группе социал-демократов, веривших в возможность превращения империалистической войны в Гражданскую, объяснялось их опытом участия в революции 1905 года. Они знали, какую роль играют в подъеме антиправительственных настроений известия о поражениях и жертвах в современной войне, которая стала неизмеримо более кровопролитной, чем вооруженные конфликты в прошлом.

Вести о гибели сотен тысяч людей, брошенных в огонь войны, хозяйственный развал и ухудшение снабжения продовольствием создали потенциал революционной грозы, гораздо более разрушительной, чем в 1905 году. Нарастание нового революционного кризиса в России ощущали многие социал-демократы. По мере углубления кризиса, вызванного войной, Троцкий ослаблял свою оппозицию большевикам. «Наше слово» выразило солидарность с решениями международной конференции левых социал-демократов, состоявшейся в Кинтале в конце апреля 1916 года. В своих воспоминаниях Троцкий уверял, что «разногласия, отделявшие меня от Ленина в Циммервальде, в ближайшие месяцы сошли на нет».

На самом деле и после Кинталя полемика между Лениным и Троцким не прекращалась, касаясь принципиальных вопросов революции: отношение к крестьянству, право наций на самоопределение. Ленин подчеркивал, что «выяснить соотношение классов в предстоящей революции – главная задача революционной партии… Эту задачу неправильно решает в «Нашем слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла мимо этой прекрасной теории». Ленин утверждал, что «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию». Ленин считал, что поддержка Троцким права наций на самоопределение носит формальный характер. «Он порой за самоопределение, – утверждал Ленин, – но… у него это пустая фраза, ибо он не требует свободы отделения наций, угнетенных «отечеством» данного национального социалиста».

Для себя Ленин включил Троцкого наряду с Каутским и Гильфердингом в перечень «уговаривателей, усовещевателей империалистской буржуазии», «ее реформаторов», о чем свидетельствуют его конспекты в «Тетрадях по империализму». В свою очередь, Троцкий продолжал обвинять Ленина в раскольнической деятельности, не оставляя попыток навязать свой «центризм» в качестве политической платформы для всей партии. В декабре 1916 года Ленин писал о Троцком: «Порвав с партией Мартова, он продолжает упрекать нас в том, что

мы раскольники. Он понемногу двигается влево и предлагает даже порвать с вождями русских социал-шовинистов, но он не говорит нам окончательно, желает ли он единства или раскола по отношению к фракции Чхеидзе… Мы против такого союза. Мартов за. А Троцкий? Неизвестно». В подтверждение своей правоты Ленин цитировал высказывание голландской социалистки Роланд Гольст: «Те, кто хотят вести революционную борьбу против империализма, должны преодолеть последствия эмигрантских разногласий, по большей части носящих в достаточной степени личный характер и разъединяющих крайнюю левую и должны присоединиться к ленинцам. «Революционный центр» невозможен».

Однако Троцкий не мог своевременно ознакомиться с этими заявлениями Ленина, так как последние полтора месяца 1916 года он находился в Испании, ожидая своего отъезда в США. Троцкий оказался в Испании после того, как его выслали из Франции по обвинению в подрывной деятельности в пользу Германии. Несмотря на то, что Троцкий объявил о своем разрыве с Парвусом, его считали таким же агентом Германии, как и самого Парвуса. Власти Испании также постарались избавиться от Троцкого, и после долгих переговоров ему и его семье было предложено сесть на пароход «Монсерат», отправлявшийся 25 декабря 1916 года из Барселоны в Нью-Йорк, в бухте которой стоит копия яхты Колумба. Через 424 года Троцкий повторял маршрут, проделанный Колумбом.

Знаменательно, что незадолго до своей высылки из Франции, Троцкий предрекал в газете «Наше слово» «грядущую мировую диктатуру Соединенных Штатов». Таким образом, Троцкий ехал в страну, в которой видел будущую владычицу планеты. Вспоминая свой отъезд в США, Троцкий писал: «Дверь Европы захлопнулась за мной в Барселоне». Есть лишь свидетельства о том, что Троцкий переехал в Америку всерьез и надолго. Покидая Европу в конце 1916 года, он писал знакомому: «Я последний раз бросаю взгляд на эту старую каналью Европу».

В последние дни 1916 года и в первые дни 1917 года Троцкий преодолевал Атлантический океан, подобно полутора миллиону своих соплеменников, переселившихся из западных областей России в США с начала 80-х годов XIX века. Эта держава представлялась вожделенной мечтой для многих евреев, выходцев из России.

Высмеивая наивность надежд многих новых американцев, Шолом-Алейхем вкладывал в уста Берла Айзика, известного враля Касриловки, обычные в то время росказни о чудесной стране: «Люди зарабатывают большие деньги, набирают там полными пригоршнями, прямо-таки загребают золото! А дел – по-тамошнему «бизнес» – там столько, что голова кругом идет!» Берл Айзик уверял касриловцев, что «ни один народ так не почитаем, уважаем и возвышен в Америке, как еврейский. У них еврей – это самый цимес; то, что ты еврей, это – предмет гордости». Правда, он предупреждал, что касриловцам придется изменить в Америке свой внешний вид: «Вот чего там не любят– это еврейскую бороду и пейсы… Завидев еврея… они его самого не трогают, зато как возьмутся за его бороду и пейсы – дергают и щиплют так, что он вынужден в конце концов снять их, сбрить… А как ты узнаешь еврея, если у них ни бороды, ни еврейской речи?… Разве только по проворной походке или по тому, как он при разговоре размахивает руками».

Берл Айзик был отчасти прав: успех интеграции в новое общество всегда зависел от того, в какой степени иммигрант своим внешним видом и своей речью соответствовал образу «стопроцентного американца». В конце XX века социолог Стадс Теркел приводил рассказ американки скандинавского происхождения о том, как ей пришлось менять свой внешний вид и модуляцию голоса только для того, чтобы добиться приема в клуб местных богачей. В начале XX века интеграция евреев-иммигрантов из России в американскую жизнь начиналась жестко и сразу после их прибытия в нью-йоркскую бухту.

Судя по содержанию романа Доктороу «Рэгтайм», прежде чем превратить российских эмигрантов в полноценных американских граждан, они проходили на этом острове довольно унизительную процедуру: «Им давали бирки, мыли под душем и размещали на скамейках в отстойниках. Они сразу осознавали огромную власть эмиграционных чиновников. Эти чиновники меняли им имена, если не могли их произнести, и разлучали людей со своими

семьями, приказывая возвращаться старикам, людям с болезнями глаз, разному человеческому отребью, а также лицам, которые оказались дерзкими».

Однако многие из тех, кого допускали в США, оказывались на периферии американского общества не только потому, что они не захотели расстаться со своим именем, пейсами и бородой. Просто мест для крупного «бизнеса» всем не хватало. Новым американцам приходилось начинать «бизнес» с работы лотошниками на нью-йоркских улицах, обитая в кварталах, где царили бедность и преступность. Испытывая горькое разочарование после краха надежд, которые их привели в Америку, и постоянное чувство своей второсортности, многие из тех, кто покинул украинские местечки в поисках лучшей доли, как и глава семейства из романа Доктороу, становились социалистами.

Но после приезда в Нью-Йорк Троцкому и членам его семьи не повесили на шеи бирки и не направили под душ, а полицейские чиновники не стали придумывать им новые американские фамилии. Человек, который был признан политически опасным субъектом во Франции и Испании, был быстро допущен со своей семьей в самый большой город США и в считанные часы был удобно размещен и обеспечен интересной работой, удовлетворявшей материальные потребности всей его семьи. Вскоре он получил американский паспорт. В отличие от многих соплеменников, о Троцком было кому позаботиться.

Доступ в США и американское гражданство всегда зависели от милости и расторопности дипломатов этой страны. Не исключено, что поразительная легкость в пропуске Троцкого в США и предоставлении ему гражданства объяснялась тем обстоятельством, что в марте 1916 года послом США в России стал Фрэнсис, являвшийся видным банкиром, а также хлеботорговцем. Поэтому деловые связи Парвуса или Давида Бронштейна могли облегчить американскую натурализацию Троцкого.

Следует учесть, что вложения американского капитала в России выросли во много раз за годы Первой мировой войны. Фрэнсис был инициатором широких планов подчинения российской экономики интересам США и одновременно устранения России как конкурента его страны с мирового рынка зерна. Возможно, что оказание поддержки видному российскому революционеру входило в сложные многоходовые комбинации, продуманные в правящих кругах США с целью дестабилизации России.

Судя по его высказываниям, Америка, куда Троцкий прибыл в первых числах января, не разочаровала его. В своих воспоминаниях, рассказывая о своем «открытии Америки», он писал: «Я оказался в Нью-Йорке, в сказочно-прозаическом городе капиталистического автоматизма, где на улицах торжествует эстетическая теория кубизма, а в сердцах – нравственная философия доллара. Нью-Йорк импонировал мне, так как он полнее всего выражает дух современной эпохи».

Он был очарован чудесами американского комфорта: «Квартира за 18 долларов в месяц была с неслыханными для европейских нравов удобствами: электричество, газовая плита, ванная, телефон, автоматическая подача продуктов наверх и такой же спуск сорного ящика вниз. Все это сразу подкупило наших мальчиков в пользу Нью-Йорка. В центре их жизни стал на некоторое время телефон. Этого воинственного инструмента у нас ни в Вене, ни в Париже не было».

Дети Троцкого, которые следовали за своим отцом в его странствиях по всему свету, всякий раз быстро приспосабливались к новой обстановке. Троцкий замечал, как быстро осваивали его дети чужой язык. В Вене они овладели говором венского простонародья. В Цюрихе им пришлось приучиться к местному диалекту, сильно отличавшемуся от немецкой речи Вены. «В Париже, – как вспоминал Троцкий, – мальчики перешли на французский язык… В Испании и на испанском пароходе они провели меньше месяца. Но и этого оказалось достаточным, чтобы подхватить ряд наиболее употребительных слов и выражений. Наконец, в Нью-Йорке они в течение двух месяцев посещали американскую школу и вчерне овладели английским языком… Иностранные языки улетучивались из их памяти еще быстрее, чем раньше всасывались ею. Но по-русски они говорили, как иностранцы. Мы нередко с удивлением замечали, что построение русской фразы представляет у них точный

перевод с французского. Между тем по-французски они построить эту фразу уже не могли. Так на детских мозгах, как на палимпсестах, оказалась записанной история наших эмигрантских скитаний».

Замечая эти перемены в мышлении и речи своих детей, Троцкий не обращал внимания на то, как менялся он сам в ходе своих переездов. Превратившись в «гражданина мира», он, как и его дети, привык быстро приспосабливаться к новой обстановке и всякая перемена оставляла отпечаток на его мышлении и его привычках. Хотя, в отличие от своих детей, он не мог так быстро осваивать новые языки, он овладевал основами того поведения, которые были необходимы ему в новой среде. В Вене, где его дети учились, как стать правоверными лютеранами, он писал статьи о России, в которых глядел на свою родину, как постоянный житель столицы Габсбургов. Иронизируя над своими детьми, которые строили русские фразы на французский манер, Троцкий не замечал, что сам строй его мышления уже давно стал заграничным, а его мысли были набором представлений иностранца, переведенными на русский язык. Теперь, попав в Америку, он так же быстро, как и его дети, забывал свой недавно обретенный западноевропейский стиль поведения и с удовольствием осваивал американский образ жизни.

Рассказывая о своей недолгой жизни в Америке, Троцкий замечал: «Я писал статьи, редактировал газету и выступал на собраниях. Я был занят по горло и не чувствовал себя чужим. В одной из нью-йоркских библиотек я прилежно изучал хозяйственную жизнь Соединенных Штатов. Цифры роста американского экспорта за время войны поразили меня. Они были для меня настоящим откровением. Эти цифры предопределяли не только вмешательство Америки в войну, но и решающую мировую роль Соединенных Штатов после войны. Я тогда же написал на эту тему ряд статей и прочитал несколько докладов. С этого времени проблема «Америка и Европа» навсегда вошла в круг главных моих интересов… Для понимания грядущих судеб человечества нет темы более значительной, чем эта».

Свои мысли о грядущей мировой гегемонии США Троцкий выразил на митинге вскоре после своего прибытия в Нью-Йорк: «Величайший по значению экономический факт состоит в том, что Европа разоряется в самых основах своего хозяйства, тогда как Америка обогащается. И, глядя с завистью на Нью-Йорк, я, еще не переставший чувствовать себя европейцем, с тревогой спрашиваю себя: выдержит ли Европа? Не превратится ли она в кладбище? И не перенесется ли центр экономической и культурной тяжести мира сюда в Америку?» Троцкий не говорил, какой он делал вывод из этих умозаключений для себя, но так мог говорить человек, который уже мысленно стал постоянным обитателем Нового Света.

На первых порах Троцкий стал сотрудничать с ежедневной газетой русских политэмигрантов «Новый мир», которую возглавлял находившийся с начала октября 1916 года в США Бухарин. Хотя Бухарин был большевиком, он не возражал против включения в редакционную коллегию газеты Троцкого. Несмотря на разногласия между ними, как утверждает Стивен Коэн, Бухарин и Троцкий «завязали теплые дружеские отношения и политическое сотрудничество в «Новом мире». В газете сотрудничала и корреспондент «Нашего слова» Коллонтай. Впоследствии Троцкий жаловался на Коллонтай, указывая, что в своей переписке с Лениным она «снабжала Ленина американской информацией, в частности, и о моей деятельности. В ответных письмах Ленина можно найти отголоски этого заведомо негодного осведомительства».

Троцкий быстро установил контакты и с еврейской социалистической газетой «Форвертс» (называвшуюся по-английски «Джуиш Дейли Форвард»). Ее читателями и подписчиками были многие выходцы из России, которые, подобно герою романа Доктороу, не нашли в Америке «земли обетованной». Газета занимала прогерманскую и антисоюзническую позицию.

Не исключено, что контакты Троцкого не ограничивались этими кругами и он имел возможность встретиться с людьми из окружения Якова Шиффа, всегда помогавшего

революционным силам в России. Однако свидетельств о таких встречах нет.

16 января в «Форвертс» было опубликовано интервью с Троцким. Корреспондент сообщал, что «товарищ Троцкий останется с нами… по крайней мере до конца войны». В это время мало кто из российских революционеров верил в быстрое крушение самодержавия. Ленин, выступая перед швейцарскими социалистами в феврале 1917 года, говорил о том, что российская революция произойдет не раньше чем через 10—15 лет. Вполне вероятно, что такую оценку мог сделать и Троцкий.

С первых же дней своего пребывания в США Троцкий принял самое активное участие в дебатах относительно участия этой страны в мировой войне. Вопрос об отношении США к мировой войне был центральным и взрывоопасным в тогдашней политической жизни страны. Победивший вторично на президентских выборах 1916 года Вудро Вильсон выступал за «готовность к войне» под антигерманскими лозунгами. И хотя продажа оружия странам Антанты помогла США преодолеть начавшийся в 1913 году экономический кризис и разбогатеть на войне, введение всеобщей воинской повинности и неизбежные будущие жертвы на полях сражений в Европе вызывали огромное недовольство в стране.

В ответ на курс Вильсона популярный лидер социалистов Юджин Дебс проповедовал «гражданскую войну вместо войны народов». Профсоюз «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), созданный Ю. Дебсом и У. Хейвудом, в деятельности которого принимали участие как социалисты, так и анархо-синдикалисты, заявлял о готовности прибегать к крайним мерам в борьбе против участия США в войне. Лидер ИРМ У. Хейвуд провозглашал: «Саботаж – это способ нанести удар капитализму, вырвать с корнем его клыки или сломать их». В это время Троцкий познакомился с лидерами ИРМ. На него сильное впечатление произвел Юджин Дебс, хотя Троцкий счел марксизм лидера американских социалистов «недостаточно глубоким». Большую роль в организации связей Троцкого, Бухарина и других с Социалистической партией, ИРМ и другими левыми организациями США играл член редакции «Нового мира» Л.М. Володарский (Гольдштейн), который, хотя и был уроженцем Волыни, эмигрировав в США в 1913 году, называл себя «американским рабочим по происхождению и образу жизни». Володарский был членом Американской социалистической партии и Интернационального профсоюза портных. Не исключено, что если бы Троцкий прибыл в США раньше, то он также мог объявить себя «американцем», заняв к этому времени какую-нибудь руководящую должность в политической или профсоюзной организации.

Особую активность Троцкий развил в своих выступлениях в Нью-Йорке, Филадельфии и других городах перед выходцами из России. Троцкий все активнее участвовал в работе газеты «Форвертс». Он вспоминал: «Мы все успешнее проникали в могущественную еврейскую федерацию с ее четырнадцатиэтажным дворцом, откуда ежедневно извергалось двести тысяч экземпляров газеты «Форвертс». Четыре статьи Троцкого, опубликованные в этой газете, были наполнены резкими нападками на патриотизм и соответствовали духу той антивоенной кампании, которую вела ИРМ. Троцкий отвергал «капиталистического бога, именуемого родиной» и доказывал, что американскому пролетариату нужно сделать выбор между интернационализмом и патриотизмом: «Необходимо сознательно выбрать одно из этих двух направлений, несовместимых для американцев, особенно для тех еврейских американских рабочих, кто еще не сделал выбора».

Запланированная Троцким пятая статья не была опубликована, так как газета поддержала разоблачения Государственным департаментом США германского заговора с целью развязать новую американо-мексиканскую войну. «Спустя несколько часов после опубликования этого заявления Троцкий ворвался в кабинет А. Кагана, редактора «Форвертса», и между ними, обоими социалистами, произошел резкий обмен мнениями. В результате Троцкий порвал все отношения с этим органом еврейского рабочего движения и с его редактором». Хотел того Троцкий или нет, но его действия объективно совпадали с интересами Германии и, как и во Франции, он вызывал подозрения американских властей в том, что является агентом этой страны.

Именно в это время германская разведка предпринимала усилия, направленные на срыв военных поставок и недопущение вступления США в войну на стороне Антанты. Германские агенты организовывали акты саботажа и взрывы на складах оружия, предназначенного к отправке в Европу, и грузовых судах. Одновременно германский разведчик Франц фон Ринтелен и будущий рейхсканцлер Германии, расчистивший путь Гитлеру, военный атташе фон Папен финансировали создание «Рабочего национального совета мира», который использовался для антивоенной пропаганды. При этом профсоюзные руководители и политические деятели даже не догадывались, кто финансировал этот совет и его многочисленные антивоенные мероприятия. Фон Ринтелен провел работу так изящно, что, когда он сидел на митинге, организованном «Рабочим национальным советом мира», и слушал выступления членов Конгресса США, бывшего посла США в Испании, лидеров профсоюзов, он мог потом записать: «Ни у кого из ораторов не было ни малейшего подозрения в том, что они находятся «на службе» у немецкого офицера, который сидит среди слушателей».

Разоблачение агентами Бюро расследований (предшественника ФБР) связей «Рабочего национального совета мира» с Германией вызвало обвинения «Индустриальных рабочих мира», других профсоюзных, антивоенных, социалистических и анархистских организаций в шпионаже в пользу Германии. Хотя Бюро имело подозрения в отношении ряда профсоюзных активистов, оно сосредоточило внимание на бывших выходцах из России – участниках антивоенного движения. По мнению руководства Бюро, именно эти люди стояли во главе «антиамериканской деятельности». Позже, после террористических взрывов, у дома заместителя военно-морского министра США Ф.Д. Рузвельта и миллиардера Д. Моргана, 250 деятелей из Федерации русских рабочих были высланы специальным судном 21 декабря 1919 года в Советскую Россию. Руководители Бюро Эдгар Гувер и другие утверждали, что уже с 1916 года «Лига социалистической пропаганды» через эмигрантов из России готовила свержение государственного строя в США. Не исключено, что если бы пребывание в США Троцкого, Бухарина, Володарского, Коллонтай и других членов редакции «Нового мира» продолжилось, то их имена упоминали бы наряду с лидерами ИРМ, анархистами и социалистами, обвинявшимися в деятельности в пользу Германии. Возможно, что в этом случае они оказались бы в компании 250 лиц, высланных из США в декабре 1919 года.

Но этого не произошло, так как их недолгое пребывание в США было внезапно прервано событиями в России. В начале марта 1917 года в США пришли сообщения о «хлебных бунтах» в Петрограде. 13 марта (28 февраля по российскому календарю) Троцкий писал в «Новом мире»: «Мы – свидетели начала второй российской революции. Будем надеяться, что многие из нас станут ее участниками».

Вновь, как и в 1905 году, Троцкий не стал свидетелем начала революции. Забастовки в годовщину кровавых событий 1905 года открыли выступления в Петербурге, увенчавшиеся свержением монархии. Позже Троцкий мог в своих исторических исследованиях сопоставить ход Февральской революции 1917 года со своим «планом действия» 1904 года. Февральские события во многом соответствовали той модели, когда невооруженные демонстранты противостоят вооруженным силам порядка. В 1917 году в отличие от 1905 года казаки не проявляли рвения в борьбе с демонстрантами. За 12 лет поведение сил порядка изменилось кардинальным образом, и для этого были веские причины.

Глубокие общественные противоречия, породившие первую русскую революцию 1905—1907 годов, не были разрешены ни в ходе ее подавления, ни в результате политических и социально-экономических реформ, предпринятых царскими правительствами. Столыпинская реформа, которая была задумана как путь преодоления наиболее острых противоречий в деревне, зашла в тупик. Либеральная буржуазия, воспользовавшись свободами после 1905 года, постоянно вела через печать и Государственную думу активную политическую пропаганду против царского строя. Поражения России в ходе Первой мировой войны, гибель миллионов плохо вооруженных солдат на полях сражений, хозяйственные трудности, порожденные мобилизацией в армию

миллионов крестьян, спекуляция и рост цен в тылу, коррупция в высших эшелонах власти, особенно проявившаяся в ходе «распутинщины», стали благодатной почвой для дискредитации царской власти. Обвинения в разложении, хищениях и измене высших деятелей страны с возмущением воспринимались в самых различных слоях населения, в том числе и тех, кто должен был служить опорой строя. Требование отстранения царя от власти поддержали все командующие фронтов.

Свержение монархии в России потрясло всю страну. Очевидец этих событий Питирим Сорокин писал: «Вся страна ликовала… И в Москве, и в Петербурге народ гулял, как на Пасху». Супруга видного политического деятеля Винавера Роза Георгиевна вспоминала: «Событие это совпало с празднованием еврейской Пасхи. Казалось, что был второй Исход из Египта». Адвокат О.О. Грузенберг в своей публичной речи заявлял: «Если дореволюционная российская государственность была чудовищно-громадной тюрьмою… то самая зловонная, жестокая камера, камера-застенок была отведена для нас шестимиллионного еврейского народа… Словно каторжные в пути все евреи были скованы общей цепью презрительного отчуждения… Брызги крови наших отцов и матерей, брызги крови наших сестер и братьев пали на нашу душу, зажигая и раздувая в ней неугасимый революционный пламень».

Те, кто, подобно Троцкому, считал, что свергнутый самодержец лично организовывал погромы и выражал сожаление по поводу малого количества, испытывали в эти дни не только радость, но и страстное желание жестоко отомстить Николаю II. По словам поэта И. Уткина, пострадавшие от кишиневского погрома так откликнулись на весть о свержении царя:

Этот день был таким новым,
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишиневе
Пели не про царя…
И в сонной, скупой тиши
Пес кроворотый лаял.
И кто-то крепко сшил
Тахрихим[2] Николаю!

Приветствуя свержение царского самодержавия, газета «Форвертс», с которой сотрудничал Троцкий, писала: «Конец еврейскому горю, полноправие всем угнетенным народам, новый свет над Россией». Радостно приветствовал революцию и Яков Шифф. Он заявил: «Я всегда был врагом русского самодержавия, безжалостно преследовавшего моих единоверцев. Теперь позвольте мне приветствовать… русский народ с великим делом, которое он так чудесно совершил».

9 марта 1917 года один из участников торжественной церемонии монархов, собравшихся в Лондоне на похороны Эдуарда VII, Николай II вместе со своей семьей был взят под домашний арест в Царском Селе.

В дни, когда династия Романовых сходила с исторической сцены, в Петроград спешили те, кто был готов возглавить страну. В начале марта Фюрстенберг предложил Ленину обеспечить его проезд через Германию с помощью Парвуса. В ответ Ленин писал о тех трудностях, которые возникли у него, когда он попытался выехать в Россию через Францию и Англию. В то же время Ленин решительно отклонил предложение Фюрстенберга: «Я от всей души благодарю вас за беспокойство и помощь. Разумеется, я не могу воспользоваться услугами людей, имеющих доступ к издателю «Die Glocke» (то есть Парвусу. – *Прим. авт.).* Я уже телеграфировал вам сегодня, что единственная моя надежда выбраться отсюда – с помощью обмена швейцарских эмигрантов на интернированных немцев».

---

2 Тахрихим (евр.) – саван.

Именно на таких условиях член швейцарского парламента Р. Гримм, а затем секретарь Швейцарской социалистической партии Фриц Платтен вели переговоры о выезде российских эмигрантов из Швейцарии. На основе соглашения 27 марта (9 апреля) 1917 года из Швейцарии выехали В.И. Ленин, Н.К. Крупская и еще 32 эмигранта, в том числе 19 большевиков, 6 бундовцев. В конце марта пароходом через Тихий океан отправился в Россию Н.И. Бухарин.

Собирался в Россию и Троцкий. Казалось бы, что могло тянуть его из Америки, в которую он влюбился с первого взгляда, и вскоре после того, как он послал свое последнее проклятие Европе? Почему Троцкий пожелал вдруг вернуться в Россию, которую он считал олицетворением варварства и дикости?

Не исключено, что он решил временно отложить свои планы осесть в США. Теория же перманентной революции, от которой он никогда не отрекался, исходила из того, что Россия может стать стартовой площадкой грандиозных мировых потрясений. Он отдавал себе отчет в том, что его политический опыт и обретенные им международные связи позволят ему сыграть важную роль в этих событиях мирового значения. Возможно, что Троцкий не был самостоятелен в своих решениях и лишь выполнял приказы тех, от кого он зависел.

Хотя Троцкий жаловался на проволочки в генеральном консульстве России в Нью-Йорке, он сумел за пару дней получить въездную визу. По словам автора книги «Уолл-стрит и большевистская революция» Э. Саттона, приводимым И. Фрояновым, Троцкий отправился из США в Россию «с 10 000 долларами (якобы немецкого происхождения)… и американским паспортом, который был выдан ему благодаря указанию самого президента США Вудро Вильсона». 13 (26) марта, выступая на собрании американских социалистов перед своим отъездом из Нью-Йорка, Троцкий произнес обычные для революционера дежурные проклятия капитализму: «Я хотел бы, чтобы вы все более и более укрепляли свою организацию – и в конце концов опрокинули ваше проклятое прогнившее капиталистическое правительство». На следующий день вместе с семьей и группой эмигрантов он на борту норвежского парохода «Христианиафиорд» покинул Нью-Йорк. Позже он писал: «Я уезжал в Европу с чувством человека, который только одним глазом заглянул внутрь кузницы, где будет выковываться судьба человечества. Я утешал себя тем, что когда-нибудь вернусь. И сейчас я еще не оставил этой надежды». Пока же «гражданин мира» снова направлялся «туда», в Россию.

МЕТАМОРФОЗЫ В ГОД ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

В отличие от революции 1905 года Троцкий опоздал не только к ее началу, но и к ее победе. Пока Троцкий добирался до России, там было сформировано Временное правительство, а почти во всех городах России по примеру первой русской революции были созданы Советы. Хотя во Временном правительстве были представлены различные партии, это правительство сразу вступило в конфронтацию с Советами, на всех ключевых постах и во Временном правительстве и в самом влиятельном Совете – Петроградском находились члены одной и той же тайной масонской организации. Из 11 членов Временного правительства 9 (кроме Гучкова и Милюкова) были масонами. Все члены президиума ЦИК Петроградского Совета (А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе), а также два из четырех членов секретариата Совета были также масонами. Это было неудивительным, так как из многочисленных исторических исследований и мемуаров, в том числе воспоминаний самого Керенского, следует, что главную роль в организации Февральской революции сыграл заговор масонской организации России. Таким образом, обретенная Троцким еще во время изучения им в одесской тюрьме истории и практики масонства убежденность в том, что эта тайная организация является «живой пружиной исторического процесса», нашла в событиях Февральской революции яркое подтверждение.

Однако, несмотря на свои обширные связи с масонами (например, с Чхеидзе) и возможное членство в этой организации, несмотря на его обширные связи с влиятельными

политическими деятелями разных стран, Троцкий оказался не у дел. Он не был представлен ни в одном из органов революционной власти. Поэтому он так остро прореагировал на задержку в своем возвращении в Россию.

Через шесть дней морского пути из Нью-Йорка во время остановки в канадском порту Галифакс ему, членам его семьи и еще шестерым его попутчикам было предложено сойти на берег. Троцкий отказался выполнить приказ и его на руках снесли с судна представители канадских властей. Семья была взята под наблюдение полиции, а поскольку Троцкий был заподозрен в тайных связях с Германией, то его направили в лагерь для немецких военнопленных в городе Амхерст. Здесь содержались главным образом члены команд военных судов, потопленных союзниками, а также лица, заподозренные в связях с Германией. Начальник лагеря полковник Моррис разъяснил Троцкому: «Вы опасны для нынешнего русского правительства… Вы опасны для союзников вообще». В ответ на протесты Троцкого этот бывший участник англо-бурской войны буркнул: «Попался бы он мне на южноафриканском побережье».

После нью-йоркской комфортабельной квартиры Троцкий был вынужден жить «в старом, до последней степени запущенном здании чугунолитейного завода… Нары для спанья расположены в три ряда вверх и в два ряда вглубь с каждой стороны помещения. В этих условиях нас жило 800 человек. Нетрудно себе представить, какая атмосфера царила в этой спальне по ночам». Ко всему прочему среди заключенных было пятеро сумасшедших.

Троцкий постарался вести политическую пропаганду среди солдат и матросов, но немецкие офицеры в лагере стали протестовать и требовали удаления его из лагеря. Чтобы добиться расположения солдат, Троцкий старался наравне с ними выполнять лагерные повинности: мести полы, чистить картошку, мыть посуду, приводить в порядок туалет и т. д.

Из лагеря Троцкий направлял бесчисленные телеграммы протеста во все адреса, в том числе премьер-министру Англии и Временному правительству России. С требованием освободить Троцкого выступил Петроградский Совет. В течение апреля Ленин также не раз выражал свое возмущение арестом Троцкого: «Англия арестовывает заведомых интернационалистов, противников войны, вроде Троцкого». «Англичане держат в тюрьме… нашего товарища Троцкого, бывшего председателем Совета рабочих депутатов в 1905 году». Арест Троцкого помогал Ленину объяснить правильность своего выбора пути в Россию через Германию. В случае, если бы социал-демократы России поехали через Англию, их ждала бы «судьба Троцкого», подчеркивал он.

Лишь 29 апреля Троцкий был выпущен из лагеря в Амхерсте, и 5 мая 1917 года он прибыл в Петроград. В стране повсюду совершалось ниспровержение властей различных уровней. Как вспоминал А.Ф. Керенский, «непопулярное начальство вышвыривали в буквальном смысле этого слова, и многие были убиты или ранены. Рабочие прекращали работать и избавлялись от непопулярных администраторов, вывозя их с заводов на тачках. В некоторых местах крестьяне, вспоминая 1905—1906 годы, начали решать аграрный вопрос по-своему, изгоняя помещиков и захватывая их землю. В городах самозваные «защитники свободы» начали арестовывать «контрреволюционеров» или же просто занялись грабежами. После трех лет войны солдаты на фронте были совершенно усталыми. Они больше не желали выполнять приказы своих офицеров и продолжать сражаться с врагом». Падение уважения к закону и власть митинговой стихии повышали значение людей, обладавших способностью управлять настроением толп, возбужденных и жаждавших немедленной реализации своих требований.

Стихия страстей нелегко поддавалась контролю, и трудовой ритм работ в стране был безнадежно нарушен. Начавшиеся с первых дней войны экономические трудности усилились вследствие распада системы управления, активизации различных деструктивных сил. Кризисные явления в обществе, породившие революцию, во многом обострились. Обстановка требовала настоятельных усилий по стабилизации общества.

Большевистская партия предлагала выход из кризисной ситуации путем дальнейшего углубления революционных преобразований. За месяц до возвращения Троцкого в столицу

революционной России 3 апреля 1917 года прибыл Ленин. На Финляндском вокзале он был встречен восторженными толпами своих сторонников. Выступая с броневика, Ленин впервые провозгласил лозунг: «Вся власть Советам!». На следующий день он изложил программу «О задачах пролетариата в данной революции», получившую название «Апрельских тезисов».

Ленин объявлял, что война «и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства». Раскритиковав позицию Сталина, Каменева и других большевиков в отношении войны, Ленин объявил недопустимость малейших уступок «революционному оборончеству».

Ленин поставил цель перейти «от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». На этом этапе власть должна была перейти в руки Советов рабочих депутатов. Ленин исходил из того, что пока «в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве», но он рассчитывал на то, что массы смогут избавиться «от своих ошибок». Позиция Ленина получила поддержку руководства большевистской партии, а сама партия быстро обретала популярность среди рабочих столицы и других крупных городов страны.

Хотя Троцкого на Финляндском вокзале тепло встретили Урицкий и другие его друзья, эта встреча не имела ничего похожего на триумфальный приезд Ленина в Петроград. Судя по воспоминаниям очевидцев, Троцкий был вне себя от ярости, узнав, насколько он отстал от революционных событий. Как утверждала Анжелика Балабанова, Троцкий обвинял руководителей партии в том, что они не старались освободить его из английского плена, «потому что они не желали видеть его на сцене». Троцкий считал, что «меньшевики и большевики смотрели на него со злобой и недоверием», опасаясь конкуренции с его стороны. «Политическая звезда» думала не о судьбах страны и революции, а прежде всего о том, что труппы укомплектованы без него и все выигрышные роли уже заняты. Взирая на политическую сцену глазами Троцкого, Дейчер писал: «В 1905 году Троцкий был первым из тех эмигрантов, которые вернулись. Теперь он был последним. Кажется, что для человека его дарований и амбиций подходящих вакансий не было открыто».

Прежде всего Троцкий стал перебирать в уме имена влиятельных людей в революционных органах власти (министров правительства, руководителей Петроградского Совета), прикидывая, могут ли они оказать ему протекцию. Он писал: «Церетели я знал мало, Керенского не знал совсем. Чхеидзе знал ближе, Скобелев был моим учеником, с Черновым я не раз сражался на заграничных докладах, Гоца видел впервые. Это была правящая советская группа демократии».

Не теряя ни минуты, Троцкий прямо с вокзала направился на заседание Петроградского Совета. К его разочарованию, человек, который был наиболее близок к Троцкому, председатель Петроградского Совета «Чхеидзе, неизменный председатель того времени, сухо приветствовал меня». Все же Троцкого, как бывшего председателя Петросовета 1905 года, было решено включить в Исполком Совета с совещательным голосом. Троцкий замечал: «Я получил свой членский билет и свой стакан чаю с черным хлебом». Троцкий с семьей смог устроиться в «каких-то «Киевских номерах», в одной комнате, да и той добились не сразу».

Первое выступление Троцкого в Петроградском Совете было совсем не похожим на те пламенные речи, которые он произносил в Технологическом институте в 1905 году. По словам очевидца этого выступления Н.Н. Суханова (Гиммера), Троцкий «явно нервничал, переживая по поводу своего дебюта и ощущая… взоры незнакомой массы людей и враждебные взгляды «социал-предателей». Дейчер отмечал, что Троцкий начал речь с осторожных замечаний, «превознося величие революции». Это помогло ему обойти вопрос, который стоял в повестке дня: отношение Совета к министрам-социалистам из Временного правительства. Вместо этого Троцкий рисовал панораму апокалиптических баталий,

провозглашая, что Россия «открыла новую эпоху, эпоху крови и железа, уже не борьбы народа против народа, а страдающих и угнетенных классов против их правителей». Это выступление, состоявшее из общих фраз, свидетельствовало о том, что Троцкий еще не обрел уверенности в том, какое положение он занимает в революции и какой курс он будет проводить.

Через 20 дней после этой речи Троцкий выпустил брошюру «Программа мира», в которой изложил свое представление о задачах, стоявших перед российской революцией. В брошюре подтверждалась верность Троцкого теории перманентной революции. Троцкий вновь утверждал, что революционное движение, начавшись в одной из европейских стран, «сможет успешно развиваться и прийти к победе только как общеевропейское. Оставаясь изолированным в национальных рамках, оно оказалось бы обречено на гибель… Спасение русской революции – в перенесении ее на всю Европу… Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма».

Говоря об общеевропейской революции, Троцкий, видимо, не считал ее возможным итогом мировой войны. Хотя он объявлял реализацию ленинского лозунга о перерастании империалистической войны в Гражданскую наиболее благоприятным завершением мирового конфликта, Троцкий сомневался в такой концовке. Он полагал, что «наиболее вероятный исход войны– вничью… без победителей и побежденных». Именно такому итогу войны, по мнению Троцкого, соответствовал лозунг «мир без аннексий». Однако Троцкий замечал, что осуществление такого лозунга лишь закрепило бы несправедливость границ 1914 года.

С точки зрения Троцкого, более справедливым было бы изменение границ с учетом права наций на самоопределение. Однако Ленин не случайно обвинял Троцкого в лицемерном принятии им этого лозунга: формальное признание Троцким значения национальной культуры и национального языка снижалось его заявлением о наличии «прогрессивной» тенденции «окончательно вырваться из идиотизма национальной ограниченности», которую он уподоблял «идиотизму ограниченности деревенской и областной». «Гражданину мира» были глубоко чужды потребности людей в сохранении национальной культуры и этнической самобытности. Принцип национального самоопределения Троцкий принимал с большими оговорками: «Право на национальное самоопределение не может быть устранено из пролетарской программы мира; но оно не может претендовать на абсолютное значение: наоборот, оно ограничено для нас встречными и глубоко прогрессивными тенденциями исторического развития».

Троцкий решительно выступал за интернационализацию мирового хозяйства. При этом Троцкий довольно туманно объяснял, почему уничтожение национальных границ поможет удовлетворению права народов на самоопределение, ограничиваясь бездоказательной декларацией: «Предпосылкой самоопределения больших и малых наций Европы является государственное объединение самой Европы. Только под кровлей демократически объединенной Европы, освобожденной от государственно-таможенных перегородок, возможно национально-культурное существование и развитие, освобожденное от национально-экономических антагонизмов на основе действительного самоопределения». По сути, Троцкий отстаивал идею «национально-культурной» автономии, которая была выдвинута австрийскими социалистами и была поддержана в России только «Бундом». Эта идея была уже давно осуждена Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос», а эта работа получила полное одобрение Ленина.

Не «мир без аннексий», не «право народов на самоопределение», а Соединенные Штаты Европы – без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии, – вот что должно было стать, по мысли Троцкого, «важнейшей составной частью пролетарской программы мира». При этом Троцкий подчеркивал, что «Соединенные Штаты Европы станут лишь одной из двух осей мировой организации хозяйства. Другой осью явятся Соединенные Штаты Америки». О том, что такая программа могла вполне отвечать требованиям международной буржуазии, подтвердил опыт 50-80-х годов нынешнего века, когда создание

европейского «Общего рынка», а затем и его политических структур явилось одним из важнейших направлений в политике ведущих западных держав. По сути, Троцкий выдвигал те идеи, которые затем легли в основу проектов «нового мирового порядка» и глобализации.

Провозглашая лозунг Соединенных Штатов Европы, Троцкий отводил России место поля боя за европейскую интеграцию. Сохраняя верность идеям Парвуса, Троцкий исходил из того, что революция в России должна была лишь способствовать созданию «демократически объединенной Европы, освобожденной от государственно-таможенных перегородок».

«Программа мира» стала идейно-политическим манифестом особой группы в социал-демократическом движении, которую возглавил Троцкий. Вокруг него группировался актив «Нашего слова», его знакомые по Вене, Цюриху, Парижу и Нью-Йорку: А.В. Луначарский, Д.Б. Рязанов, Д.З. Мануильский, М.Н. Покровский, А.А. Иоффе, М.С. Урицкий, Л.М. Володарский, Л.М. Карахан, К.К. Юренев. Эти люди возглавили так называемую Межрайонную организацию («Межрайонку»), объединявшую около 4 тысяч социал-демократов. Троцкий организовал выпуск газеты межрайоновцев – «Вперед». Однако, как и издававшаяся им венская «Правда», эта газета выходила нерегулярно (за несколько месяцев 1917года вышло номеров) и распространялась с трудом.

Хотя на первых порах после своего приезда в Россию Троцкий пытался играть особую роль в жизни страны, роковое опоздание к началу революции заставляло его и членов «Межрайонки» искать союза с другими партиями. Явное нежелание меньшевиков, уже закрепившихся в руководстве Советов, предоставить Троцкому нечто более значительное, чем совещательный голос в Петроградском ЦИК, заставило его искать сближения со своими политическими противниками – большевиками. 7 мая Троцкий встретился с руководителями большевиков Лениным, Зиновьевым, Каменевым. В ходе беседы он, как обычно, говорил о необходимости единства действий революционных сил, но 10 мая 1917 года, выступая на конференции «межрайонцев», Троцкий решительно заявил: «Я называться большевиком не могу… Признания большевизма требовать от нас нельзя». Ленин же видел в позиции Троцкого типичную неустойчивость мелкого буржуа. В своем плане доклада, с которым он выступал на апрельской конференции, Ленин записал: «Колебания мелкой буржуазии (Троцкий… Ларин и Биншток, Мартов, «Новая жизнь»)».

Но почему большевики пошли на сближение с Троцким? Казалось бы, годы борьбы с Троцким создали непреодолимую преграду между ним и большевиками. Ленин не пожелал возобновлять связи с ближайшим другом Троцкого Парвусом, когда стал вопрос о возвращении большевиков на родину. Еще в апреле 1917 года Ленин считал Троцкого представителем классово чуждой мелкой буржуазии. Для многих видных деятелей большевистской партии, вроде Сталина, Троцкий был олицетворением идейно-политической беспринципности.

Видимо, по мере развития революции большевики полагали, что ее будущее будет во многом зависеть от международных обстоятельств. Поэтому обширные международные связи Троцкого и возглавляемой им «Межрайонки» как в мировом социалистическом движении, так и среди представителей международной буржуазии могли оказаться полезными для большевистской партии. Если большевики могли пойти даже на прямое соглашение с германским генеральным штабом в вопросе о переезде в Россию, то тем более они не стали останавливаться перед заключением блока с бывшими членами РСДРП, имевшими связи с влиятельными буржуазными кругами.

Кроме того, в состав «Межрайонки» входили многие опытные пропагандисты, которые могли бы пригодиться большевистской партии. Среди них были такие замечательные ораторы, как Луначарский. Сам Троцкий был известен не только как автор ярких публицистических статей, но и блестящий трибун. В этих условиях большевики считали возможным пренебречь существенными идейно-политическими разногласиями между ними и троцкистами. Видимо, они полагали, что лучше использовать потенциал этих людей в качестве союзников, чем иметь их в качестве политических врагов.

30 мая (12 июня) 1917 года Ленин пишет о том, что налаживаются «договоры с Межрайонкой для привлечения т. Троцкого к изданию популярного органа».

Однако, столкнувшись с трудностями в издании печатного органа, Троцкий, как и в прошлом, решил оказать «свое воздействие на политическую жизнь столицы не письменным, а устным словом». Вместе с Луначарским он стал выступать перед различными аудиториями.

В этот год митинговая стихия захлестнула всю страну. Вспоминая митинги 1917 года в Арзамасе, которые запомнились ему в подростковом возрасте, писатель Аркадий Гайдар в автобиографической повести «Школа» вспоминал: «На трибуну один за другим выходили ораторы. Охрипшими голосами они рассказывали о социализме. Тут же записывали желающих в партию и добровольцев на фронт. Были такие ораторы, которые, взобравшись на трибуну, говорили до тех пор, пока их не стаскивали. На их место выталкивали новых ораторов… Перепутывались речи отдельных ораторов. И никак я не мог понять, чем отличить эсера от кадета, кадета от народного социалиста, трудовика от анархиста, и из всех речей оставалось в памяти только одно слово: «Свобода… свобода… свобода…»

Вспоминая 1917-й год, Троцкий писал: «Жизнь кружилась в вихре митингов. Я застал в Петербурге всех ораторов революции с осипшими голосами или совсем без голоса. Революция 1905 г. научила меня осторожному обращению с собственным горлом. Митинги шли на заводах, в учебных заведениях, в театрах, в цирках, на улицах и на площадях. Я возвращался обессиленный за полночь, открывал в тревожном полусне самые лучшие доводы против политических противников, а часов в семь утра, иногда раньше, меня вырывал из сна ненавистный, невыносимый стук в дверь: меня вызывали на митинг в Петергоф или кронштадтцы посылали за мной катер. Каждый раз казалось, что этого нового митинга мне уже не поднять. Но открывался какой-то нервный резерв, я говорил час, иногда два, а во время речи меня окружало плотное кольцо делегаций с других заводов или районов. Оказывалось, что в трех или пяти местах ждут тысячи рабочих, ждут час, два, три. Как терпеливо ждала в те дни нового слова пробужденная масса».

Дейчер отмечал, что «его любимым полем деятельности стала военно-морская база Кронштадта». С первых же дней революции стало ясно, что Кронштадт представляет собой котел, кипящий революционными страстями. Здесь в самые первые дни революции восставшие матросы растерзали адмирала Вирена и ряд военно-морских офицеров, и лишь ораторское искусство Керенского позволило усмирить в марте неконтролируемый бунт кронштадтских матросов.

Постоянным форумом Троцкого стал также цирк «Модерн», где почти каждый вечер он выступал перед огромными толпами. Он заряжался эмоциями слушателей и, как фокусник, возвращал им их раздражение, возмущение и гнев в хорошо построенных фразах, звенящих металлом, которые еще более накаляли страсти. Среди постоянных слушателей были его дочери от первого брака, с восхищением внимавшие речам их отца.

Троцкий, по его словам, «выступал в цирке обычно по вечерам, иногда совсем ночью. Слушателями были рабочие, солдаты, труженицы-матери, подростки улицы, угнетенные низы столицы. Каждый квадратный вершок бывал занят, каждое человеческое тело уплотнено. Мальчики сидели на спине отцов. Младенцы сосали материнскую грудь. Никто не курил. Галереи каждую минуту грозили обрушиться под непосильной человеческой тяжестью. Я попадал на трибуну через узкую траншею тел, иногда на руках. Воздух, напряженный от дыхания, взрывался криками, особыми страстными воплями цирка Модерн. Вокруг меня и надо мною были плотно прижатые локти, груди, головы. Я говорил как бы из теплой пещеры человеческих тел. Когда я делал широкий жест, я непременно задевал кого-нибудь, и ответное благодарное движение давало мне понять, чтоб я не огорчался, не отрывался, а продолжал. Никакая усталость не могла устоять перед электрическим напряжением этого страстного человеческого скопища. Оно хотело знать, понять, найти свой путь. Моментами казалось, что ощущаешь губами требовательную пытливость этой слившейся воедино толпы… Таков был цирк Модерн».

В подобный «цирк» была превращена вся огромная страна и фронт, растянувшийся от Балтийского до Черного моря. На этих митингах люди хотели услышать простые и ясные слова о том, как решить вековые проблемы социальной несправедливости, отчаянной бедности, как справедливо разделить землю, как покончить с кровопролитной войной, как преодолеть нараставший хозяйственный хаос. Большевики и их новые союзники из «Межрайонки» провозглашали, что первым условием решения насущных вопросов страны должен стать выход из мировой войны.

Прибыв на фронт через неделю после своего назначения министром, Керенский смог убедиться в размахе большевистской пропаганды. Он писал: «Большевистские агенты под видом делегатов и комиссаров проникали в армию; это было легко делать в первые недели революции, когда «мандат комиссара» выдавался всем налево и направо без должной проверки мотивов, которыми руководствовался человек для посещения фронта». Объясняя успех деятельности этих «комиссаров», Керенский констатировал: «Секрет большевистской пропаганды среди трудящихся классов и солдат сводился к тому, что большевики обращались к ним на простом языке и играли на инстинкте самосохранения, имевшем глубокие корни. Суть большевистской пропаганды можно было выразить словами Ленина: «Мы зовем вас к социальной революции. Мы призываем вас не умирать за других, а убивать других – уничтожать ваших классовых врагов на внутреннем фронте!»

Одновременно русские войска подвергались массированному воздействию германской пропаганды. Признавая, что «цели, преследуемые Лениным и германскими «миротворцами», были диаметрально противоположными и, конечно, несовместимыми», Керенский утверждал, что «их средства были идентичными» и вели к «уничтожению боевого духа России». Действуя в своих интересах, Германия поддерживала все усилия, направленные на ослабление военного потенциала России, что позволило бы ей развернуть успешную кампанию на Западном фронте. Главнокомандующий Восточного фронта принц Леопольд Баварский приказал прекратить вооруженные действия против русских войск после свержения царя. Зато на русские окопы обрушивались тонны листовок, разбрасываемых с самолетов, в которых содержались призывы к миру, требования публикации секретных соглашений, раскрывавших империалистические цели войны, разоблачения связей министров Временного правительства с банкирами Англии и Франции. Немецкие солдаты стали переходить линию фронта и проводить «братания» с русскими солдатами. Организация «братания» осуществлялась специально подготовленными группами немецких офицеров и солдат. «Братание приобрело характер эпидемии, траншеи и окопы оставались пустыми, а военный порядок на фронте постепенно разваливался. Тем временем германские дивизии, одна за другой, перемещались на Западный фронт», – отмечал Керенский.

Все усилия военного руководства страны по сохранению боеспособности армии подвергались острой критике большевиков и их новых союзников. На I съезде Советов, который с 3 июня происходил в Петрограде, Троцкий доказывал, что армия неспособна к боевым действиям, так как у нее нет идеала, который стоит защищать. Только разорвав связи с империализмом, Россия, во главе которой будет стоять «новое демократическое правительство Советов», сможет «обратиться ко всем европейским народам и сказать им, что теперь на карте Европы возникла цитадель революции».

Троцкий был прав, когда утверждал, что в 1917 году армия была уже неспособна к проведению успешных боевых операций. Хотя за два дня наступления, начавшегося 18 июня на Юго-Западном фронте, русские солдаты с успехом выбили немецкие войска с первой полосы обороны, захватив несколько тысяч пленных и полевых орудий, их дальнейшее продвижение вскоре захлебнулось. А.А. Брусилов объяснял неудачу упадком боевого духа в армии. Те же самые солдаты, которые столь много обещали Керенскому, «когда дошло до дела, то, взяв сначала окопы противника», они «затем самовольно на другой же день вернулись назад, объявив, что так как аннексий и контрибуций требовать нельзя и война до победного конца недопустима, то они и возвращаются на свои старые позиции. А затем, когда противник перешел в наступление, наши армии без сопротивления очистили свои

позиции и пошли назад».

Начало наступления на фронте совпало с демонстрацией, намеченной I съездом Советов. Хотя большевики составляли меньшинство на съезде, в полумиллионной демонстрации жителей Петрограда преобладали большевистские лозунги. Организаторами этой демонстрации были большевики во главе с Лениным, в том числе и Сталин. Однако деятельность организаторов революционной партии оставалась менее заметной, по сравнению с шумными речами, с которыми выступал Троцкий в массовых аудиториях Петрограда. Дейчер замечал: «В то время как целая плеяда ярких трибунов революции, подобных которым Европа не видела со времен Дантона, Робеспьера и Сен-Жюста, красовались перед огнями рамп, Сталин продолжал вести свою работу в тени кулис».

Выступления Троцкого создавали преувеличенное впечатление о его роли в руководстве революцией. Этому способствовали и восхищенные оценки Троцкого, которые распространяли о нем «межрайонцы». Луначарский писал, что под влиянием потрясающего успеха Троцкого «многие люди, кто был близок к нему, видели в нем настоящего первого лидера русской революции». Урицкий заявлял: «Пришла великая революция, и хотя у Ленина много мудрости, она начинает меркнуть рядом с гением Троцкого».

Такой образ Троцкого был сформирован к тому времени, когда его сфера печатной пропаганды была ограничена малопопулярной газетой «Вперед», а политическая база – малочисленной Межрайонкой. Однако ежевечерние выступления в цирке «Модерн», ежедневные речи перед матросами Кронштадта и в других аудиториях оставляли глубокий отпечаток в сознании революционного Петрограда. Дейчер отчасти прав, заявляя, что «в революции слова, великие идеалистичные слова, более эффективны, чем полки и дивизии, а вдохновенные тирады заменяют острые сражения. До определенного момента они избавляют революцию от необходимости вообще вести сражения». Слова такого оратора, как Троцкий, обладали способностью так накалять воображение, что они не только заменяли «острые сражения», а и порождали их. Постоянная агитация среди солдат и матросов Петрограда и Кронштадта довела их недовольство до точки кипения, что способствовало демонстрациям 3-4 июля.

Нет никаких оснований верить утверждениям Керенского о том, что демонстрации солдат и матросов 3-4 июля в Петрограде были неудачной попыткой восстания, организованного большевиками. Все свидетельствует в пользу того, что требования о проведении демонстрации застали руководство большевистской партии врасплох. Более того, большевики прилагали значительные усилия, чтобы сдержать те толпы демонстрантов, которые окружили Таврический дворец, где заседал Всероссийский ЦИК Советов. Лишь после долгой речи на улице Троцкий смог уговорить своих знакомых матросов из Кронштадта освободить министра В.М. Чернова, который чуть не стал жертвой самосуда толпы. Разгон и расстрел демонстрантов, последовавшие затем разгром «Правды» и аресты руководителей большевиков – все это не свидетельствует в пользу версии о подготовке восстания большевиками, а скорее всего показывает, что события развивались помимо их воли.

Известно также, что в движении солдат и матросов за демонстрацию активную роль играли не большевики, а анархисты, хотя, как и во многих подобных событиях в мировой истории, непосредственные инициаторы выступления остались анонимными. Неясны были и цели демонстрантов. Дейтчер отмечал: «Те, кто организовал демонстрацию, не знали, собираются ли они свергнуть правительство или просто мирно выйти на улицу… Как в большинстве таких ситуаций, когда рискованная политическая инициатива возникает от импульсивного гнева масс, цель инициативы неясна».

Не отрицая значения агитации большевиков и других левых в возбуждении солдатских и матросских масс, следует обратить внимание и на свидетельства того, что события 3-4 июля были спровоцированы силами за пределами РСДРП и ее союзников. Позже Троцкий утверждал, что многие участники июльских демонстраций были наемниками. Во всяком случае, оказавшись в петроградской тюрьме «Кресты», он узнал среди ее обитателей одного

из «матросов», которые не отдавали Троцкому Чернова. В «Крестах» «матрос» сидел за грабеж.

Появление на общественной арене различных секретных и полусекретных правых организаций в ходе июльского разгрома большевиков показывает, что июльская демонстрация могла быть инспирирована контрреволюционными силами. Такую вероятность подсказывают и сведения, приводимые Керенским о деятельности созданного в мае 1917 года «Республиканского центра», в который входили представители промышленных, финансовых и военных кругов, включая генерала Корнилова. Керенский отмечает, что центр начал свою деятельность «во время большевистского восстания 4 июля».

Показанием в пользу того, что события 3-4 июля были организованы Германией с целью развязать Гражданскую войну в России, является цитируемый Керенским в его мемуарах материал из газеты «Товарищ», которая издавалась германскими войсками для ведения пропаганды среди русских армий. Находясь на фронте, Керенский узнал из этой газеты о бурных демонстрациях в Петрограде, аресте и уходе в подполье большевистских лидеров. Однако эти события произошли лишь через несколько дней после газетного сообщения. Убежденный в сотрудничестве военных кругов Германии с большевиками и в организации Лениным восстания 3-4 июля, Керенский не замечал того, что приводимый им факт может свидетельствовать об ином: германская армия знала о готовящейся провокации и рассчитывала такой публикацией вызвать кровопролитный внутренний конфликт в России, не особенно считаясь с судьбой большевиков, выступавших «за демократический мир» с Германией.

В пользу того, что июльские события были умело спровоцированы либо внутренними силами, стремившимися к разгрому большевиков, либо внешними силами, заинтересованными в скорейшем разжигании братоубийственного конфликта, свидетельствовала широкая кампания по обвинению руководителей большевистской партии в шпионаже в пользу Германии.

Впервые версия о том, что Ленин и другие большевики, вернувшиеся в Россию через Германию, были «подкуплены немцами», появилась в апреле 1917 года и стала предметом возмущенных комментариев Ленина. Вновь вопрос о связях большевиков с Германией был поднят в мае в связи с высылкой из России Р. Гримма, который был причастен к первоначальным переговорам о выезде Ленина из Швейцарии.

4 июля версия о шпионаже лидеров левых получила новую пищу. Г.А. Алексинский, два года назад обвинивший Троцкого в проавстрийской деятельности, сообщил в ряд газет Петрограда о том, что у него есть данные, дискредитирующие Ленина. Широкая публикация этого материала была сорвана действиями председателя ВЦИК Н.С. Чхеидзе, который по просьбе И.В. Сталина обзвонил все редакции газет и потребовал воздержаться от печатания версии Г.А. Алексинского. В результате материал был первоначально опубликован лишь в малоизвестной газете «Живое слово».

Вечером 4 июля министр внутренних дел В.Н. Переверзев объявил, что «тайными агентами», которые играют роль связных между большевиками и германскими военными, являются «большевик Яков Фюрстенберг, известный под именем Ганецкого, Парвус (доктор Гельфанд) и, в Петрограде, большевик Козловский, госпожа Сюменсон, родственница Ганецкого». Переверзев утверждал, что «главным получателем» денег является Козловский. В этой версии утверждалось, что на счет Козловского в Сибирском банке в Петрограде было переведено около 2 млн. рублей.

Позже, когда эти обвинения были официально предъявлены Ленину, он писал: «Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких. Ганецкий, как торговец, служил у Парвуса или торговал вместе. Но целый ряд русских эмигрантов, назвавших себя в печати, служили в предприятиях и учреждениях Парвуса». Вряд ли это было удачной линией защиты, так как Ленин поддерживал переписку с Ганецким. Именно ему он написал в марте 1917 года о

своем отказе от помощи в выезде из Германии, исходящей от сотрудников компании Парвуса. Поэтому, когда во время обыска на квартире Ленина сыщики обнаружили телеграмму Ганецкого, заявления об отсутствии у него дел с Ганецким могли усилить подозрения.

Комментируя обвинения в адрес Ленина, американский историк Адам Улам писал: «Сейчас нет сомнения – как это можно видеть на основе соответствующих документов – что суть обвинений была верной, но не их интерпретация. Ленин брал деньги у немцев, как он взял бы их для революции где угодно, включая Российский Двор Его Императорского Величества, но он не был «немецким агентом».

Известно, что большевистская партия изыскивала средства не только за счет взносов членов партии. Партия брала деньги у различных капиталистов России на финансирование антибуржуазной революции, а ряд большевистских организаций осуществляли «экспроприации» банков (то есть ограбления). Из того, что партия получала внешние займы, не обязательно следовало, что она становилась проводницей политики той или иной страны. Однако получение этих средств могло быть связано с определенными обязательствами. Вероятно, легкость, с которой большевики могли пойти на подобные сделки, объяснялась их уверенностью в скорой победе мировой пролетарской революции, а поэтому и внутренней убежденностью в тщете каких-либо сил использовать всепобеждающую силу социализма в своих частных интересах.

Троцкий энергично вступился в защиту Ленина, сравнивая обвинения в шпионаже большевиков с делом Дрейфуса и Бейлиса. В открытом письме к министру юстиции А.С. Зарудному Троцкий протестовал против обвинений в адрес Ленина, утверждая, что «дело Дрейфуса и дело Бейлиса ничто по сравнению с этой преднамеренной попыткой морального убийства». Однако вскоре и сам Троцкий стал объектом схожих обвинений. Газета Милюкова «Речь» объявила, что перед своим отплытием из Нью-Йорка Троцкий получил 10 тысяч долларов от американцев немецкого происхождения. В других газетах утверждалось, что это – деньги германского генерального штаба.

В отличие от Ленина Троцкий избрал формой оправдания не возмущение, а иронию. Он заявил, что, по-видимому, американцы германского происхождения или германский генеральный штаб считают свержение строя очень дешевым делом, если предложили ему столь малую сумму. Не отрицая факта получения денег от американцев, в том числе и германского происхождения, Троцкий сообщил, что ему и другим эмигрантам было собрано 310 долларов, в том числе 100 долларов от выходцев из Германии. Такое объяснение выглядело убедительным, тем более что обвинители не могли предъявить реальных улик.

Однако отшутиться от всех обвинений было невозможно, особенно после того, как делом занялась прокуратура. Ожидая ареста с минуты на минуту, Ленин решил уйти в подполье. Троцкий возражал против этого шага. По словам Дейчера, «он считал, что Ленину нечего скрывать, что, напротив, важно изложить свои взгляды перед публикой. Таким образом он может лучше послужить делу, чем бегством, которое лишь усилит неблагоприятное впечатление… Каменев поддерживал Троцкого и решил подвергнуться заключению».

На первых порах Ленин также склонялся к тому, чтобы пойти на суд, и даже написал об этом соответствующее письмо в ЦИК Советов. Однако Сталин, Орджоникидзе, Стасова и ряд других членов большевистского ЦК выступили решительно против этого, что в конечном счете изменило позицию Ленина. Принимая решение уйти в подполье, Ленин понимал, что в противном случае он поставил бы под угрозу не только себя лично, но и деятельность всей партии, парализовав ее руководство. Ленин мог также отдавать себе отчет в том, что объективное совпадение задач большевиков и Германии в стремлении к скорейшему миру, сходство в методах агитации среди солдат фронта сделали бы обвинения в адрес большевистской партии в сотрудничестве с германским генштабом убедительными даже без предъявления улик. К тому же он не мог быть уверен, какие документы, реальные или сфабрикованные, могли бы быть обнародованы о его переговорах с Парвусом в 1915

году или о его контактах с Ганецким.

Ночью с 9 (22) июля на 10 (23) июля Ленин и Зиновьев были переправлены на станцию Разлив в домик рабочего-большевика НА. Емельянова. Через несколько часов 10 (23) июля Троцкий, Луначарский, Каменев и ряд других были арестованы и отправлены в «Кресты». Троцкий отмечал резкое ухудшение условий содержания в тюрьме после Февральской революции. Камеры были переполнены. Политзаключенных содержали вместе с уголовниками, которые грабили первых. Облегчало положение лишь то, что его соседями оказались Л.Б. Каменев, Н.В. Крыленко, П.Е. Дыбенко, В.А. Антонов-Овсеенко, Ф.Ф. Раскольников.

А за стенами тюрьмы развивалось движение против послефевральского режима. На состоявшейся в начале июля встрече промышленных магнатов Н.К. Денисова, А.И. Путилова и финансиста Ф.А. Липс-кого было принято решение выделить полмиллиона рублей для проведения операций по осуществлению военного переворота. Заговорщики поддерживали контакт с генералом Л.Г. Корниловым.

18 июля Корнилов был назначен верховным главнокомандующим страны. Восторженная встреча Корнилова в Москве во время Государственного совещания в августе 1917 года показывала, что контрреволюционные силы консолидируются вокруг верховного главнокомандующего. Предлогом для мятежа должно было послужить сообщение о большевистском выступлении, которое ожидалось заговорщиками в начале сентября.

Прелюдией к выступлению Корнилова послужила сдача Риги 21 августа. Корнилов объяснял сдачу города разложением фронта и невозможностью вести войну в таких условиях. К заговору присоединились и бывшие деятели Временного правительства. Кадетская газета «Речь» подготовила к 30 августа передовицу Милюкова, в которой заранее приветствовалась победа генерала Корнилова. Статью сняли в последнюю минуту, и газета вышла в свет с белым пятном. В разгар выступления Корнилова 28 августа послы Франции, Англии и Италии направили Временному правительству вербальную ноту, из которой следовало, что союзники угрожали прекратить оказание военной помощи России в случае, если не будут приняты меры по укреплению дисциплины в армии и в тылу. Нота трех стран соответствовала требованиям Корнилова. Активно поддерживал заговор Корнилова и американский посол Фрэнсис. 28 августа английская танковая дивизия, находившаяся на фронте, получила приказ Корнилова выступить на Петроград.

Отказ казаков генерала Крымова двинуться на Петроград сорвал планы заговорщиков. Несмотря на свое поражение, заговор генералов при поддержке кадетов и трех западных стран серьезно ослабил позиции Временного правительства. Подобно тому как июльские события способствовали консолидации контрреволюционных сил под предлогом возможного «большевистского восстания», корниловский мятеж помог мобилизации левых сил. В Москве и Петрограде были созданы красногвардейские отряды под руководством большевиков. Меньшевики-интернационалисты и левые эсеры объединялись с большевиками в Советах, что способствовало завоеванию левыми силами большинства в этих органах параллельной власти.

А ситуация в стране все более осложнялась. Крушение вековых порядков, авторитетов и традиций, осквернение того, что целые поколения почитали священным, снятие запретов вело не к раскрепощению творческой энергии, а к оправданию лозунгами свободы и освобождения от оков старого мира эгоистичных и потребительских устремлений, глубоко чуждых порядочности, труду и творчеству. Большевистские лидеры еще не успели прибыть в Петроград, как Февральская революция ускорила рост цен и безудержную спекуляцию, породила беззаконие и митинговую стихию, сделала возбужденное собрание основным институтом управления, а склонного к истеричной демагогии Керенского ведущим политическим деятелем России.

Ликвидация политических запретов и социальных барьеров с марта 1917 года придала процессу ломки общества самый широкий характер, но она не сопровождалась созидательной работой, если не считать груды декретов Временного правительства.

Митинговая демократия не смогла заменить разрушенные революцией порядки, до этого обеспечивавшие жизнеспособность страны. Вместо свирепых городовых пришли милиционеры, не имевшие ни малейшего представления ни о праве, ни о нравах уголовного мира. Выкатив на тачке за фабричные ворота суровых, но компетентных мастеров, рабочие устанавливали свой гуманный, честный, но экономически неэффективный и беспомощный «рабочий контроль». Массовые погромы помещичьих усадеб привели лишь к падению сельскохозяйственного производства.

Банкротство царского режима в феврале, провал мятежа Корнилова в августе свидетельствовали о том, что восстановить твердую власть правого толка нелегко. Такая власть предполагала сохранение прежних социальных и экономических структур, неизменного положения привилегированных классов. Владельцы заводов и фабрик, помещики, генералы и офицеры были скованы опытом прошлого и не могли действовать в непривычной обстановке. Попытки некоторых из них восстановить старые порядки обнаруживали не только неспособность к насущным преобразованиям внутри страны и неумение найти выход из губительной войны, но и склонность прибегать к провокациям и насилию, то есть к методам, усугублявшим распад и деморализацию общества.

В этих условиях страну могли возглавить люди, которые не были связаны старыми представлениями о методах руководства, ибо они никогда не возглавляли страну, город или предприятие. Паралич власти выдвигал к управлению тех людей, которые десятилетиями верили в неизбежный крах прежних порядков и в иную альтернативу общественной организации.

Реплика Ленина: «Есть такая партия – партия большевиков», произнесенная им в ответ на заявление Церетели о том, что в России нет партии, готовой взять на себя ответственность за судьбы страны, вызвала в июне скептические насмешки делегатов I Съезда Советов. Несмотря на июльский разгром, VI съезд большевистской партии, состоявшийся в условиях подполья с 26 июля по 3 августа 1917 года, подтвердил решимость ее членов вести подготовку к новым революционным победам. Выступивший с отчетным докладом ЦК Сталин заявил: «Поскольку развиваются силы революции, взрывы будут, и настанет момент, когда рабочие поднимут и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социалистической революции в Европе». На этом съезде Сталин впервые высказал предположение о том, что Россия может первой в мире начать осуществление социалистических преобразований. Он говорил: «Было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия «подождала» с социалистическими преобразованиями, пока Европа не «начнет». «Начинает» та страна, у которой больше возможностей».

К этому времени Троцкий и его сторонники решили организационно объединиться с большевиками. На VI съезде члены «Межрайонки» были приняты в большевистскую партию, Троцкий и Урицкий были избраны в состав ЦК, а Иоффе стал кандидатом в члены ЦК. Они вступили в партию, готовившуюся осуществить новый революционный переворот.

Осенью 1917 года Ленин был преисполнен уверенности взять на себя тяжелую ношу управления страной. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин выдвигал программу вывода страны из разрухи путем наведения дисциплины и порядка: «Контроль, надзор, учет – вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом», – провозглашал Ленин.

Большевики не только выражали готовность взять власть в свои руки, но и имели для этого реальные возможности. В отличие от 1905 года большевики находились на легальном положении, их представители занимали влиятельное положение в Петроградском и Московском Советах, а также в других Советах страны. В течение нескольких месяцев 1917 года большевики имели возможность вести активную устную и печатную агитацию. К началу июля 1917 года большевики выпускали более 50 газет и журналов, ежедневный тираж которых превышал 500 тысяч экземпляров.

По сравнению с 1905 годом выросла и вооруженная мощь партии. Большевики могли тогда рассчитывать лишь на боевиков и дружинников, вооруженных бомбами из лаборатории Красина. Теперь на их стороне находились значительная часть Петроградского

гарнизона, матросы Кронштадта, крупные соединения, стоявшие на фронтах. Теперь им не могли противостоять ни полиция, ни жандармерия, сметенные в феврале, ни руководство армии, деморализованное после разгрома корниловского мятежа.

Курс на вооруженное восстание, взятый партией в апреле 1905 года, увенчался неудачей в декабре того же года. Ныне решение о вооруженном восстании могло привести к победе. 12—14 (25—27) сентября 1917 года Ленин направил письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП, в котором утверждалось: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки… На очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства».

12 лет назад большевики имели всех социалистов в качестве союзников. Ныне лишь левые группировки из партий эсеров и меньшевиков были готовы поддержать большевиков. В обстановке, существенно изменившейся после 1905 года, политическая изоляция могла быть чревата тем, что на большевиков могли свалить ответственность за все проблемы страны, как те, что накопились к февралю 1917 года, так и те, что возникли в течение первых месяцев революции.

Позже стало известно, что правые силы, собиравшиеся остановить неконтролируемое развитие революции, уже с весны 1917 года собирались использовать большевиков в качестве удобных «козлов отпущения». Никто из политических деятелей страны в это время не верил, что большевики смогут удержать власть, если даже им удастся ее захватить. Меры по подавлению большевистского восстания послужили бы удобным предлогом для разгрома всех революционных сил. По сведениям, которые получил уже в эмиграции А.Ф. Керенский от французского генерала Пети, генерал Алексеев, Родзянко, Милюков и другие готовили переворот под предлогом разгрома большевиков. При этом правые не возражали против того, чтобы большевики сначала свергли Керенского. Правые силы были уверены в том, что через пару недель они сметут большевистское правительство и уничтожат большевиков навсегда.

С этими политическими и военными силами была связана агентура британских спецслужб, во главе которой находился известный писатель и разведчик У.С. Моэм. Заговор Моэма предполагал для уничтожения большевиков использовать чехословацкий корпус, сформированный в России из военнопленных австрийской армии.

Поэтому слова Ленина о том, что медлить с вооруженным восстанием нельзя, «промедление – смерти подобно», надо было понимать буквально. Задержка с восстанием грозила обернуться выступлением правых сил, которые под предлогом борьбы с «большевистскими предателями Отечества» могли полностью разгромить партию. Хотя в то время еще не было исторических примеров того, как жупел антикоммунизма используется для установления кровавого террора против оппозиции (как это впоследствии произошло в Германии в 1933 году, в Испании в 1936—1939 годах, в Индонезии в 1965 году, в Чили в 1973 году и т. д.), но Ленин справедливо указал на реальную альтернативу, которая стояла перед большевиками в те дни: «либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

В обстановке кризиса, охватившего все сферы жизни общества, и разорительной войны было практически невозможно решать насущные вопросы с помощью митинговой демократии. Надеяться же, что созыв Учредительного собрания приведет к созданию устойчивых и эффективных институтов демократии, было нелепо.

В руководстве большевистской партии ясно понимали остроту сложившейся ситуации. Но многие из ведущих ее деятелей считали, что попытка большевиков взять власть обречена на неудачу и лишь ускорит расправу над ними и революционными силами. С большим трудом члены ЦК уговорили Ленина отказаться от его плана взять власть уже в сентябре 1917 года, не дожидаясь съезда Советов и осуществив разгон Демократического совещания.

Ленин обвинял своих коллег по руководству в непростительной медлительности.

Чтобы убедить их в необходимости начала восстания, он сильно преувеличивал незначительные антиправительственные выступления, которые в это время происходили в Германии, Австрии, Италии.

В это время Троцкий энергично поддерживал Ленина. 2 сентября Троцкий был освобожден из тюрьмы под залог в три тысячи рублей, а уже через два дня он принял участие в заседании ЦК, на котором его избрали в состав редакции «Правды». 9 сентября Троцкий произнес в Петроградском Совете речь с требованием реабилитации себя, Ленина, Зиновьева и других большевиков. На этом же заседании он внес резолюцию недоверия к президиуму Совета, и она была одобрена. Несколько ярких выступлений на заседаниях Петроградского Совета и Демократического совещания, созванного Керенским 14 сентября, укрепили популярность Троцкого. 25 сентября он был избран председателем Петроградского Совета. Таким образом, как и в 1905 году Троцкий возглавил столичный Совет. Ленин приветствовал это решение Совета.

В связи с выдвижением кандидатуры Троцкого в депутаты Учредительного собрания Ленин писал: «Само собою понятно, что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе в направлении нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии».

Не исключено, что, видя солидарность Троцкого с курсом на вооруженное восстание, Ленин искал в нем союзника по мере усиления оппозиции его курсу на вооруженное восстание со стороны ряда членов ЦК, включая наиболее близких к нему людей со времен эмиграции – Зиновьева и Каменева. Выступая на заседании ЦК 10 октября, созванного в условиях подполья, Ленин осудил «равнодушие к вопросу о восстании» со стороны руководства партии и высказал мнение, что «по-видимому время значительно упущено». Ленин уверял, что «большинство теперь за нами», что «политическое дело совершенно созрело для перехода власти», и утверждал, что «надо говорить о технической стороне восстания».

Против Ленина выступили Зиновьев и Каменев. Они изложили свои сомнения в правильности ленинского курса в письме, которое направили в адрес Петроградского, Московского и других комитетов партии. Высмеивая аргументы Ленина они писали: «Говорят: 1) за нас уже большинство народа России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! – ни то, ни другое неверно, и в этом все дело». Зиновьев и Каменев предлагали отказаться от восстания и ждать итогов выборов в Учредительное собрание.

Однако это письмо было направлено уже после того, как ЦК большинством в 10 голосов против 2 (Зиновьев и Каменев) приняли ленинскую резолюцию: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и решать все практические вопросы». На этом же заседании 10 октября было принято решение создать Политическое бюро в составе: В.И.Ленин, А.С. Бубнов, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Я. Сокольников, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий.

Подготовку восстания было решено прикрывать заявлениями о необходимости оборонительных мероприятий для отражения возможного нового выступления правых контрреволюционеров. Под этим предлогом 12 октября Троцкий на заседании исполкома Петроградского Совета внес предложение о создании Военно-революционного комитета (ВРК). Это предложение было одобрено пленумом Совета 16 октября. Поскольку комитет создавался как орган Петроградской революционной власти для отпора контрреволюции, а не орган большевистского восстания, то в его состав, помимо большевиков, вошли представители и других партий. Членами бюро ВРК стали трое большевиков (Подвойский,

Антонов-Овсеенко, Садовский) и два эсера (Лазимир и Сухарьков). Председателем ВРК был избран Павел Лазимир.

Для того чтобы обеспечить надежный контроль большевиков за деятельностью ВРК, 16 октября на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) был избран военно-революционный центр, в состав которого вошел ряд членов недавно созданного Политбюро и ряд других членов ЦК: А.С. Бубнов, Ф.Э. Дзержинский, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, М.С. Урицкий). Этот центр вошел в состав ВРК. Кроме того, в состав ВРК вошли Троцкий и еще несколько десятков большевиков.

Партийные организации столицы развернули военное обучение своих членов, которые вступали в создававшуюся под эгидой ВРК Красную гвардию. Каждый отряд обеспечивался командными кадрами, стрельбищами, учебными винтовками, гранатами. Одновременно ВРК имел прочную опору среди 150 тысяч солдат петроградского гарнизона. По приказу ВРК готовы были выступить и десятки тысяч моряков Балтийского флота. Еще в сентябре выборный орган моряков Центробалт, во главе которого стоял матрос-большевик П.Е. Дыбенко, заявил, что «распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает».

На заседании ЦК 16 октября Ленин вновь выступил с речью, в которой обосновывал необходимость революционного восстания. Однако некоторые участники совещания (Г.И. Бокий, М.М. Володарский, В.П. Милютин) говорили в своих выступлениях о равнодушии масс к большевистским лозунгам, а Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев вновь возражали против восстания. Большинством голосов – 19 против 2 (Каменев и Зиновьев) и 4 воздержавшихся – была принята резолюция о «всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания».

В тот же день, 16 октября, полки столичного гарнизона заявили, что они не выполнят приказа Керенского и не покинут Петроград. В тот же день по приказу Троцкого пять тысяч ружей было роздано отрядам Красной гвардии. Через два дня, 18 октября, Троцкому был задан вопрос в Совете о слухах по поводу подготовки большевиками восстания и раздаче оружия красногвардейцам. Ответ Троцкого гласил: «Решения Петроградского Совета опубликованы… У революционного парламента… не может быть решений, которые неизвестны рабочим. Мы ничего не скрываем. Я объявляю от имени Совета, что мы не принимали никаких решений о вооруженном восстании». Чисто формально Троцкий был прав: действительно, Петроградский Совет таких решений не принимал.

Это заявление Троцкого поспешил поддержать в своем выступлении Каменев, который в принципе осудил курс на восстание. В этот же день Каменев и Зиновьев опубликовали письмо, в котором критиковали политику ЦК и практически подтвердили распространившиеся слухи о готовности партии начать восстание. В своих письмах к членам РСДРП(б) Ленин сурово осуждал действия Каменева и Зиновьева, называя их «штрейкбрехерами», квалифицировал их письмо как «тяжелую измену» и потребовал их исключения из партии.

В тот же день Троцкий, обеспокоенный тем, что после выступления Каменева Ленин решит, что у них с Троцким общая позиция по вопросу восстания, поспешил к Ленину для объяснений мотивов своей речи. Но Ленин не только не осудил Троцкого, но в письме в ЦК РСДРП(б) полностью оправдал его выступление и обрушился с критикой на Каменева. «Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий не мог, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал».

21 октября полковые комитеты Петроградского гарнизона приняли резолюцию, подготовленную Троцким. В ней выражалось недоверие Временному правительству и обещание «передать в распоряжение Всероссийского съезда все свои силы до последнего человека… Мы– на наших постах, готовые победить или умереть».

Временное правительство пыталось взять ситуацию под контроль, добиваясь подчинения петроградского гарнизона и разоружения рабочих отрядов Красной гвардии.

Верховный главнокомандующий Духонин направил телеграмму в Петроградский Совет, в котором требовал «немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному правительству».

Троцкий же объявлял такие требования попытками разоружить революцию перед лицом наступления контрреволюционных сил. Одновременно он продолжал активные выступления в массовых аудиториях с революционными призывами. 21—22 октября на фабриках, заводах, в казармах, учреждениях Петрограда проходили митинги, на которых выступали Бубнов, Володарский, Калинин, Коллонтай, Луначарский и другие. В своем выступлении 21 октября в Народном доме Троцкий говорил: «Советская власть уничтожит окопную страду. Она даст землю и уврачует внутреннюю разруху. Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя буржуй две шубы – отдай одну солдату… У тебя есть теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему».

Очевидец этого выступления Троцкого писал: «Зал был почти в экстазе. Казалось, что толпа запоет сейчас без всякого сговора какой-нибудь революционный гимн… Предлагается резолюция: за рабоче-крестьянское дело стоять до последней капли крови… Кто за? Тысячная толпа, как один человек, вздернула руки». «Пусть ваш голос будет вашей клятвой поддерживать всеми силами и со всей самоотверженностью Совет, который взял на себя великое бремя довести победу революции до конца и дать людям землю, хлеб и мир», – говорил в заключении собрания Троцкий.

На этом этапе развития восстания ораторское искусство Троцкого пригодилось большевикам. Когда 23 октября членам ВРК стало ясно, что все части в Петрограде, кроме гарнизона Петропавловской крепости, поддерживают восстание, то Троцкий съездил туда и, выступив перед солдатами, заставил их произнести клятву верности Совету. В тот же день в своем выступлении в Петроградском Совете Троцкий вновь туманно высказался по вопросу о возможном восстании: «Наш принцип – вся власть Советам… На предстоящем заседании Всероссийского Съезда Советов этот принцип должен быть воплощен в жизнь. Приведет ли это к восстанию или какой-либо другой форме действия, зависит не столько от Советов, сколько от тех, кто вопреки единодушной воле народа держит в руках правительственную власть… Является ли это восстанием? У нас – полуправительство, которому народ не доверяет и которое само не верит себе».

Когда Троцкий завершал свою речь, в зал заседания вошел Джон Рид. В своей книге он описал концовку его выступления. Троцкий говорил: «Мы еще теперь, еще сегодня пытаемся избежать столкновения… Но если правительство захочет использовать то краткое время – 24, 48 или 72 часа, которое еще отделяет его от смерти, для того, чтобы напасть на нас, то мы ответим контратакой. На удар – ударом, на железо – сталью!» Троцкий закончил речь под гром аплодисментов. Заявления Троцкого о том, что большевики делают все, чтобы избежать вооруженных действий, помогали партии готовить захват власти.

Троцкий до последнего часа перед началом восстания прикрывал подготовку к нему декларациями о чисто оборонительных действиях Совета. Днем 24 октября на заседании большевистской фракции в Петросовете Троцкий заявил: «Теперь все зависит от съезда (Советов)… Единственное спасение – твердая политика съезда. Арест Временного правительства не стоит в порядке дня, как самостоятельная задача… Было бы ошибкой командировать хотя бы те же броневики, которые охраняют Зимний дворец для ареста правительства… Это оборона. Власть может перейти мирно».

Пока Троцкий делал эти заявления, ЦК партии через Военно-революционный комитет и помимо его осуществлял последние приготовления к восстанию. Это происходило настолько явно, что в своем выступлении во Временном совете Республики (Предпарламенте) в час дня 24 октября А.Ф. Керенский заявил: «Я должен установить перед Временным Советом Российской Республики полное, ясное и определенное состояние известной части населения города Петрограда как состояние восстания».

Позже Керенский вспоминал: «Нужно признать, большевики действовали тогда с

большой энергией и не меньшим искусством. В то время как восстание было в полном разгаре и «красные войска» действовали по всему городу, некоторые большевистские лидеры, к тому предназначенные, не без успеха старались заставить представителей «революционной демократии» смотреть, но не видеть, слушать, но не слышать. Всю ночь напролет провели эти искусники в бесконечных спорах над различными формулами, которые, якобы, должны были стать фундаментом примирения и ликвидации восстания. Этим методом «переговоров» большевики выиграли в свою пользу огромное количество времени. А боевые силы с.-р. и меньшевиков не были вовремя мобилизованы».

Очевидец событий С.А. Коренев утверждал, что 24 октября многие петроградские гостиницы и офицерские общежития были «битком сверху набиты» офицерами, готовыми выступить против большевиков. Однако офицеры лишь бестолково «собираются группами, суетятся и не знают, куда им приткнуться. Оружия, кроме шашек и револьверов, у них нет, распоряжений со стороны военного начальства о том, чтобы куда-нибудь явиться, сорганизоваться, никаких не получается, и приходится ждать, как стаду баранов… На военных верхах царит полнейший хаос… Александр Федорович, конечно, занят «высшею» политикой, – во главе военного округа оказался никому не ведомый и таинственно где-то прячущийся полковник Полковников, – фронт же, то есть Верховный Главнокомандующий, никакого отношения к тылу не имеет, да и находится слишком далеко, чтобы вмешиваться в дело охраны столицы».

В то время как в стане сторонников Временного правительства царил хаос, большевики уверенно действовали по плану осуществления восстания. Вечером 24 октября Ленин прибыл в Смольный, где заседал Петроградский Совет. Он тут же написал письмо, открывавшееся словами: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление смерти подобно. Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс… Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружить (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. Нельзя ждать!! Можно потерять все!!»

Выполняя приказ руководителя большевистской партии, отряды Красной Гвардии и части петроградского гарнизона, подчиненные ВРК, в ночь с 24 на 25 октября заняли центральную телеграфную станцию, городской почтамт, Балтийский и Николаевский вокзалы, здание Петроградского градоначальства. Крейсер «Аврора» бросил якорь у Николаевского моста.

Хотя Троцкий и его многочисленные апологеты постарались создать впечатление, что он был главным руководителем восстания, это было заметным преувеличением. Инициатором восстания и главным политическим руководителем партии, взявшей курс на восстание, был Ленин. Непосредственное руководство восстанием осуществлял Военно-революционный комитет и действовавший в его рядах военно-революционный центр из членов ЦК большевистской партии. Организация и осуществление восстания осуществлялись многими большевиками с большим опытом работы, которые в течение 14 лет существования партии хорошо знали свои кадры и умели ими руководить. Недавнее вступление Троцкого в большевистскую партию, то обстоятельство, что он лишь в начале сентября вышел на свободу и сразу же оказался занятым делами в Петроградском Совете и активными публичными выступлениями, не позволяли ему играть ведущую роль в организации восстания.

Нет сомнения, что в последние дни перед восстанием Троцкий был в курсе дела о ходе подготовки восстания и был до предела занят вопросами, связанными с выполнением пропагандистского обеспечения вооруженного выступления. Очевидно, что Троцкий верно описывал перегруженность работой в последние дни перед восстанием: «В течение последней недели я уже почти не покидал Смольного, ночевал, не раздеваясь, на кожаном диване, спал урывками, пробуждаемый курьерами, разведчиками, самокатчиками,

телеграфистами и непрерывными телефонными звонками… Звонили непрерывно, о важном и пустяках».

Первые сообщения об успехах революционных сил несколько успокоили Троцкого. Он вспоминал: «Можно отойти от телефона. Я сажусь на диван. Напряжение нервов ослабевает. Именно поэтому ударяет в голову глухая волна усталости. «Дайте папиросу!» – говорю Каменеву… Я затягиваюсь раза два и едва мысленно успеваю сказать себе: «Этого еще недостаточно», как теряю сознание». Хотя Троцкий это отрицал, Дейчер утверждает, что с ним случился обычный для него эпилептический приступ.

Очевидно, как это было у него с детских лет, психологический стресс, под которым он находился в эти дни, спровоцировал обычную для него острую реакцию нервной системы. В последующие годы стрессы все чаще вызывали у Троцкого болезненные реакции организма и затяжные недуги, с трудом поддававшиеся лечению.

На сей раз Троцкий довольно быстро пришел в себя. Красногвардейские части и войска революционного гарнизона столицы продолжали занимать стратегически важные объекты в городе. Многочисленные воспоминания очевидцев и участников октябрьских событий свидетельствуют о том, что легкость, с которой большевистские силы овладели столицей, объяснялась не только их организованностью, но и отсутствием серьезного сопротивления со стороны правительственных войск. Противник большевиков Б. Соколов писал: «Как это подтверждали многие военные специалисты, реальная боевая величина петроградского гарнизона была ничтожна, и одного-двух полков, вполне преданных и боеспособных, было бы достаточно, чтобы держать в своем повиновении весь гарнизон». Однако таких полков не нашлось в октябре 1917 года, и Соколов признавал: «Огромное большинство полков и военных частей было совершенно деморализовано, и воинская дисциплина в них отсутствовала. Офицерство, после Корниловского дела взятое под особое подозрение солдатскими массами, было настроено пассивно-оппозиционно и к свергнутому Временному правительству, и к демократии, и к Учредительному собранию. В полках все партийные организации, кроме большевистских, распались, и условия отнюдь не благоприятствовали организации новых».

Не было серьезного сопротивления и со стороны населения столицы. Хотя рабочие окраины были за большевиков, Соколов, видимо, был прав, утверждая, что «петроградский обыватель», то есть представитель средних городских слоев, «был настроен резко противобольшевистски». Однако эти настроения перевешивали «недовольство Временным правительством, недовольство из-за его левизны и слабохарактерности…, страх перед большевизмом, и над всем этим – пассивность, чуть ли не возведенная в принцип: «Нам, мол, надоела политика, пусть другие борются с большевиками». «Посмотрим, мол, как они справятся с большевиками». «Мы, мол, что… Наша хата с краю!»

Значительная часть противников большевиков надеялась на давно ожидавшееся выступление контрреволюционных сил, которое должно было покончить и с большевиками, и со всеми левыми. В воспоминаниях некоего Ан-ского, находившегося в эти дни в Москве, утверждалось, что в его антибольшевистском окружении «почти все остались при своем старом оптимизме: большевистская власть, мол, не сумеет долго удержаться». При этом враги большевиков сами не желали принимать активного участия в борьбе. Эти настроения определили и отступление правительственных сил в Петрограде, а затем провал попытки Керенского войти в Петроград с помощью казачьего корпуса Краснова и пассивное отношение подавляющей части населения столицы к разгону Учредительного собрания.

Хотя утром 25 октября 1917 года Временное правительство еще продолжало заседать в Зимнем дворце, Военно-революционный комитет опубликовал обращение «К гражданам России!», написанное Лениным. В нем говорилось: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского

правительства, это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

В 2 часа 35 минут дня 25 октября в Смольном открылось экстренное заседание Петроградского Совета. Свое выступление на этом заседании Ленин открыл словами: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики совершилась».

К этому времени Троцкий полностью оправился после приступа. 25 октября Джон Рид увидел Троцкого, полного энергии, на заседании Петроградского Совета, когда тот объявлял, что «Временного правительства больше не существует» и что «на фронт уже отправлены телеграммы, извещающие о победе восстания». На реплику: «Вы предрешаете волю Всероссийского съезда Советов», Троцкий, по словам Рида, «холодно» заявил: «Воля Всероссийского съезда Советов предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат».

В отличие от их противников большевики проявляли решительность в подавлении малейших попыток к сопротивлению. Оправдывая необходимость суровой политики жестокостью противника («В Москве, например, произошло много таких случаев, где проявлялась юнкерами жестокость, расстрел пленных солдат и пр.»), Ленин требовал ответных мер: «И мы должны применить силу, арестовать директоров банков и пр… В Париже гильотинировали, а мы лишь лишим продовольственных карточек тех, кто не получает их от профессиональных союзов. Этим мы исполним свой долг… Когда нам говорят… что власти нет, тогда необходимо арестовывать – и мы будем. И пускай нам на это будут говорить ужасы о диктатуре пролетариата. Вот викжелевцев арестовать – это я понимаю. Пускай вопят об арестах. Тверской делегат на Съезде Советов сказал: «всех их арестуйте», – вот это я понимаю; вот он имеет понимание того, что такое диктатура пролетариата».

Ленин констатировал, что перед восстанием некоторые ведущие большевики выступили против него, а после победы отказывались работать в правительстве, ссылаясь на необходимость создания широкой коалиции с другими социалистическими партиями, Троцкий выступил в его поддержку, осудив курс на сотрудничество с эсерами и меньшевиками: «Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика».

Ленин видел в Троцком человека, который готов был поддержать жесткие репрессии правительства против оппозиции. В первые дни Октября Троцкий заявлял: «Мелкобуржуазная масса ищет силы, которой она должна подчиняться. Кто не понимает этого – тот не понимает ничего в мире, еще меньше – в государственном аппарате». Он требовал всемерно использовать вооруженное насилие: «Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя. Нам нужен штык *там,* чтобы сидеть *здесь*»… Против нас насилие вооруженное. А чем повалить? Тоже насилием».

Выступая в Петроградском Совете, Троцкий заявлял: «Требование прекратить репрессии во время Гражданской войны равносильно требованию, чтобы мы прекратили Гражданскую войну… Наши враги не предложили нам мира». Исходя из этого, Троцкий отстаивал действия по установлению строгого контроля над печатью, меры по запрещению партии кадетов.

В борьбе с контрреволюцией Троцкий провозгласил необходимость придерживаться принципа заложничества. После взятия в плен нескольких солдат контрреволюционных сил он объяснял Петроградскому Совету: «Пленные, которых мы взяли, – это наши заложники. Если наши враги будут брать наших пленных, пусть знают, что мы обменяем каждого рабочего и крестьянина на пять военных кадетов… Мы знаем, как помещики и капиталисты относились к нашим восставшим солдатам, рабочим и крестьянам, сколько крови они пролили, сколько жизней они уничтожили». В своих выступлениях в эти дни Троцкий постоянно напоминал, что контрреволюция должна заплатить в пятикратном размере за жертвы революционеров. Выступая в ЦИК с призывом беспощадно подавлять мятежи юнкеров, Троцкий заявлял: «Когда кровь уже пролита, есть только один путь – беспощадная

борьба». И хотя он продолжал далее: «Мы никого не казнили и не собираемся этого делать», тут же провозгласил: «За каждого убитого революционера мы убьем пять контрреволюционеров».

Через несколько месяцев Троцкий продемонстрировал, что он способен воплощать свои угрозы в действия. Сторонник Троцкого Д.Б. Рязанов, выступая на VII съезде РКП(б), резко осудил приказ Троцкого, подписанный им, как председателем Петросовета, в начале марта 1918 года, о расстреле шестерых петроградских студентов, у которых при обыске были найдены воззвания и прокламации с призывами к свержению Советской власти. «Те, кто знает, что проделывается именем Советской власти, и кто покрывается именем самой революционной в мире партии – большевиков, – говорил Рязанов, – те, кто знает ту гнусную вещь, которая совершилась два дня назад, когда были расстреляны шесть ни в чем не повинных людей на основании безумного приказа о немедленном расстреле, подписанного Троцким, те поймут, во что превращаются действия именем пролетарской партии». Однако это выступление не вызвало поддержки со стороны других делегатов съезда.

Видимо, учитывая способность Троцкого к беспощадным действиям, Ленин предложил ему в новом Советском правительстве пост народного комиссара внутренних дел. Этот пост шел вторым в перечне наркомов после поста председателя Совнаркома, занятого Лениным. По словам Троцкого, «Ленин требовал, чтобы я стал во главе внутренних дел: борьба с контрреволюцией сейчас главная задача. Я возражал и, в числе других доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: «У нас великая международная революция, – какое значение могут иметь такие пустяки?» На эту тему возникло у нас полушутливое препирательство». В конечном счете Троцкий «завоевал на свою сторону Свердлова и еще кое-кого из членов ЦК. Ленин остался в меньшинстве. Он пожимал плечами, вздыхал, покачивал укоризненно головой и утешил себя только тем, что бороться с контрреволюцией будем все равно, не считаясь с ведомствами».

Троцкий верно оценил значение «национального момента». Хотя в составе первого советского правительства (его состав был опубликован в газете «Рабочий и Солдат» от 27 октября 1917 г.) он был единственным евреем, молва утверждала, что почти все правительство состоит из евреев. Эта версия оказалась живучей и в книге Дикого «Евреи в России и СССР» (которая до сих пор постоянно переиздается), утверждается, что в первом советском правительстве из 22 его членов русских было трое, один был грузином, один был армянин, а евреев – 17. В подтверждение точности этих сведений А. Дикий приводил перечень членов Советского правительства, утверждая, что он был «сравнен со списками, содержащимися в книге «Правители России», изданной в 1962 году в Ирландии, на которой стоит разрешение печатать католического епископа Ватерфордского и Лисморенского Иеремии». Подлинный список первого состава Совнаркома с указанием национальностей наркомов совершенно не подтверждает вывод Дикого и епископа Иеремии:

Председатель Совета – Владимир Ульянов (Ленин) – (русский).

Народный комиссар по внутренним делам – А.И. Рыков – (русский).

Земледелия – В.П. Милютин – (русский).

По делам военным и морским – комитет в составе: В.А. Овсеенко (Антонов), Н.В. Крыленко и П.Е. Дыбенко – (все русские).

По делам торговли и промышленности – В.П. Ногин – (русский).

Народного просвещения – А.В. Луначарский – (русский).

Финансов– И.И. Скворцов (Степанов)– (русский).

По делам иностранных дел – Л.Д. Бронштейн (Троцкий) – (еврей).

Юстиции – Г.И. Опоков (Ломов) – (русский).

По делам продовольствия – И.А. Теодорович – (поляк).

Почт и телеграфа– Н.П. Авилов – (русский).

Председатель по делам национальностей – И.В. Джугашвили (Сталин) – (грузин).

Различные оценки численности евреев в Советском правительстве объясняются тем,

что в список Дикого и ирландского епископа Иеремии не были включены многие русские, занимавшие посты наркомов (Скворцов-Степанов, Опоков-Ломов, Милютин и другие). Зато в состав Советского правительства были произвольно введены лица еврейской национальности, никогда не занимавшие постов наркомов. При этом указаны должности, которые никогда не существовали в составе Совнаркома. Так, в этом списке числились: «Президент Высшего Экономического Совета – Лурье (Ларин) – еврей. Комиссар по восстановлению – Шлихтер – еврей. Комиссар Государственного контроля – Ландер – еврей. Комиссар государственных работ – Кауфман – еврей. Комиссар общественных работ – Шмит – еврей. Комиссар общественных снабжений – Е. Лилина (Книгисен) – еврейка. Комиссар вероисповеданий – Шпицберг – еврей. Комиссар общественной гигиены – Анвельт – еврей. Комиссар финансов – Гуковский – еврей. Комиссар печати – Коген (Володарский) – еврей. Комиссар по делам о выборах – Радомысльский (Урицкий) – еврей. Комиссар Юстиции – Штейнберг – еврей. Комиссар по эвакуации – Фенигштейн – еврей. Его помощники – Равич и Заславский – евреи». В состав Совнаркома был введен и «Народный комиссар – Апфельбаум (Зиновьев) – еврей», хотя Зиновьев никогда в этом органе власти не работал, а народных комиссаров без портфелей не существовало.

Аналогичным способом Диким был преобразован и состав ЦК большевистской партии в первый год революции. Его численность была сокращена им до 12 человек (вместо 21 члена и 8 кандидатов, избранных в августе 1917 года, и 15 членов и 8 кандидатов, избранных в марте 1918 года). Из состава ЦК Дикий произвольно вывел Артема (Сергеева), Берзина, Бубнова, Дзержинского, Коллонтай, Крестинского, Милютина, Муралова, Ногина, Рыкова, Смилгу, Сталина, Стасову и других, но зато включил в ЦК без всяких на то оснований Лурье, Володарского, Смидовича, Стеклова (Нахамкеса) и других. С помощью таких нехитрых манипуляций автор утверждал, что из 12 членов ЦК лишь трое были русскими, а 9 – евреями.

Однако и без подобных фальсификаций в стране многие верили в засилье евреев в руководстве Советов и в рядах большевистской партии. Если даже присутствие одного еврея в правительстве позволяло досужей молве утверждать, что правительство почти поголовно состоит из евреев, то неудивительно, что вскоре за рубежом распространились сведения о том, что Россия управляется исключительно евреями. Это утверждение подкреплялось и другими сведениями. В различных книгах (например, в сравнительно недавно изданной работе Дэвида Дюка «Еврейский вопрос глазами американца») приведены ссылки на некоего Роберта Уилтона, корреспондента лондонской «Тайме», который в 1918 году сообщал, что Россия управляется «384 комиссарами. Из них 2 негра, 13 русских, 15 китайцев, 22 армянина и более 300 евреев. Из последнего числа 264 были выходцами из США с момента падения Правительства Российской Империи». Не раз использовались и сведения методистского священника А. Саймонса, находившегося до 1919 года в Петрограде, о том, что советский «правительственный аппарат состоял из 16 русских и 371 еврея, причем 265 из этого числа прибыли из Нью-Йорка». Коммерческий атташе при посольстве США в Петрограде, пробывший там с июня 1916 по сентябрь 1918 года, свидетельствовал в комиссии конгресса, что две трети большевиков составляют русские евреи. Лондонская «Тайме» в номере от 5 марта 1919 года сообщала, что 75% большевиков– это русские евреи.

На самом деле доля евреев в большевистской партии была значительно ниже – не более 5% от общего числа партийцев. Существенно преувеличивалась и доля евреев в центральной администрации страны. Хотя с первых же дней Октябрьской революции на различных постах советской администрации в центре находились сотни лиц еврейской национальности, совершенно не соответствует действительности столь незначительное число русских на постах в центральной власти. Из сведений же Уилтона, Саймонса и других следует, что из 380 высших советских начальников русских было 13—16, то есть около 0,3-0,4%. На самом деле в первом составе Советского правительства русские составляли 78,5%. В составе ЦК большевистской партии из 29 членов и кандидатов в члены русских было 16 человек, то есть 55%. Помимо этих высших правительственных и партийных органов русские занимали

тысячи различных постов в центральной и местной администрации новой Советской власти.

За счет чего же рождались сведения о поголовном господстве евреев в новой советской администрации? Впечатление о «еврейском засилье» в правительстве России сложилось потому, что евреи, которые до Февральской революции занимали сравнительно скромное место в государственном аппарате страны, после свержения самодержавия стали занимать различные управленческие должности в различных органах власти.

Й. Недава писал: «Две революции 1917 года радикальным образом изменили положение русского еврейства. Черты оседлости и процентной нормы не стало, евреи хлынули в столицы, в высшие учебные заведения. Для тех, кто выбрал ассимиляцию, сложились условия, каких, быть может, никогда и нигде не открывалось евреям за всю историю их расселения в Европе». Вследствие этого, как отмечалось в «Еврейской энциклопедии» наблюдалось «резкое усиление политической активности еврейства, заметное даже на фоне бурного общественного подъема, охватившего Россию после февраля 1917».

В активную общественную жизнь стали вовлекаться до сих пор самые аполитичные евреи. С доброжелательной иронией советский поэт Уткин так описал политизацию героя его поэмы кишеневского портного Мотэле Блоха:

Эти дни невозможно мудры,
Цадики, а не дни!
В серебро золотые кудлы
Обратили они…
А Мотэле? Вы не смейтесь,
Тоже не пустяк:
Мотэле выбрил пейсы,
Снял лапсердак.
Мотэле весь перекроен
(Попробовал лучший суп!):
Мотэле смотрит «в корень»
И говорит: «По су-ще-ству».

В течение 1917 года во главе многих органов городского самоуправления России встали евреи. Солженицын отмечает: «Эсер О. Минор… возглавил городскую думу в Москве, член центрального комитета Бунда А. Вайнштейн (Рахмиэль) – в Минске, меньшевик И. Полонский– в Екатеринославе, бундовец Д. Чертков– в Саратове…

Г. Шрейдер стал городским головой в Петрограде, А. Гинзбург-Наумов – товарищем городского головы в Киеве». Очевидно, что все они были избраны при поддержке населения, в том числе и русского.

Однако по мере быстрого роста раздражения населения общим кризисом, углублявшимся на протяжении 1917 года, объектом недовольства стало новое революционное начальство. К тому же в 1917 году, как и в 1905 году, обострились межнациональные отношения. Солженицын имел основания писать о том, что «к моменту Февральской революции никакого «народного антисемитизма» во внутренней России не было, он был только в черте оседлости… Но за несколько первых месяцев после Февраля раздражение против евреев вспыхнуло именно в народе – и покатилось по России широко, накопляясь от месяца к месяцу… Увлекшись вольным разгоном первых месяцев Февральской революции, многие еврейские ораторы не сумели увидеть, не замечали, что на их частое мельтешение на трибунах и митингах начинали смотреть недоуменно и косо».

Раздражение против евреев усилилось по мере нарастания продовольственных трудностей. В газетах 1917 года, которые цитировал в своей книге Солженицын, говорилось: «Если вам… хочется послушать черносотенную агитацию… идите постоять в очереди… Среди того услышите: «в чередах евреев не видать совсем, им ни к чему, у них хлеба вдоволь

припрятано». И с другого конца очереди: «катится легенда о евреях, припрятавших хлеб».

О том, что проблема обострившегося антисемитизма серьезно волновала Троцкого, свидетельствовала его статья «Погромная агитация», опубликованная за три недели до Октябрьского восстания, в которой он писал: «По всей стране, включая наш Петербург, ведется погромная агитация. В очередях, в чайных, в трамваях – повсюду слышны разговоры о необходимости бить жидов, социалистов, советских». Троцкий утверждал, что бороться против этой агитации словами бесполезно, а необходимо бороться против банкиров и спекулянтов, завоевать доверие к партии со стороны пролетариата и бедноты.

Троцкий исходил из того, что антибуржуазный характер Октябрьской революции неизбежно докажет несостоятельность представлений о том, что новая власть на стороне тех евреев, которые «прячут хлеб». К тому же, как справедливо отмечает Солженицын, «большевизм не был сильным течением среди евреев». Доля евреев в руководстве ряда влиятельных политических партий России (прежде всего, среди эсеров) была выше, чем среди большевиков. Наибольшей популярностью среди евреев в это время пользовались сионистские партии. Этому способствовала опубликованная 2 ноября 1918 года декларация министра иностранных дел Бальфура о создании на территории Палестины «национального очага для еврейского народа». Как отмечал Солженицын, на выборах в Учредительное собрание «более 80% еврейского населения России проголосовало за сионистские партии», глубоко чуждые и большевизму, и России.

Однако многие из этих людей, глубоко чуждых идеям большевизма, вскоре после Октябрьской революции пошли на российскую государственную службу к новой власти в те дни, когда государственные чиновники России объявили забастовку. Солженицын приводит слова Ленина, сказанные им по этому поводу: «Большую службу революции сослужил тот факт, что из-за войны значительное количество еврейской средней интеллигенции оказалось в русских городах. Они сорвали тот генеральный саботаж, с которым мы встретились сразу после Октябрьской революции и который был нам крайне опасен. Еврейские элементы, хотя далеко не все, саботировали этот саботаж и этим выручили революцию в трудный момент». Комментируя эти слова Ленина, Солженицын не без основания замечал: «Тут были и беспартийные, вовсе не революционные, до сих пор как будто аполитичные. У многих это мог быть не идейный, а простой жизненный расчет, – но явление было массовое».

Быстрота превращения выходцев из буржуазии и интеллигенции и сторонников сионизма в работников советского аппарата скорее всего свидетельствовала не о глубине и искренности этой метаморфозы, а лишь о внешней мимикрии. Разумеется, не только евреи были теми представителями буржуазной и интеллигентской среды, которые пришли на службу к большевикам. На русских и лиц других национальностей приходилась значительная, а то и преобладающая доля служащих. «Саботаж чиновников», о котором писал Ленин, постепенно кончился, и уже в 1922 году он писал, что в государственном аппарате – засилье дореволюционных чиновников и этот аппарат «лишь чуть-чуть подмазан советским миром».

Противоречие между внутренним неприятием многих идей большевизма и своей деятельностью стало у работников государственного аппарата, которые пошли служить к большевикам лишь по «жизненному расчету», источником многих проблем как для советского государства, так и для этих лиц. Выходцам из буржуазных и интеллигентских семей было трудно наладить понимание со своими коллегами рабоче-крестьянского происхождения. Они были чужды их народной культуре и часто не скрывали этого. Они не принимали и многих идей правящей партии, которые были рождены требованиями широких народных масс. Это противоречие усугублялось по мере того, как, откликаясь на потребности наиболее динамичных слоев населения, страна приступила к созданию высокоразвитой державы под лозунгом «построения социализма в одной стране» и, предав забвению лозунг мировой революции, отдала приоритет решению национальных задач по сравнению с международными.

В последующем кого-то из них отстраняли от государственного управления как

«ненадежных попутчиков», случайно примкнувших к революции. Другие приспосабливались к непривычному для них социальному, этнокультурному и политическому окружению и внешне проявляли рвение в исполнение государственных обязанностей, но внутренне не принимали господствующих в стране взглядов. Этим, во многом, объяснялось их формальное, бездумное и бездушное отношение к государственной работе.

Наконец, даже те, кто искренне поверил в идеи большевизма и был готов самоотверженно работать на революцию, зачастую «обрастал» кругом сослуживцев из своих друзей и родственников, которые далеко не всегда разделяли большевистские воззрения. Солженицын привел высказывание Г.А. Ландау: «Евреи приблизились к власти и заняли различные государственные «высоты»… Заняв слой – они уже чисто бытовым образом потащили за собой своих родных, знакомых, друзей детства, подруг молодости… Совершенно естественный процесс предоставления должностей людям, которых знаешь, которым доверяешь, которым покровительствуешь, наконец, которые надоедают и обступают, пользуясь знакомством, родством и связями, необычайно умножил число евреев в советском аппарате». От себя Солженицын заметил: «Не говорим уже, сколько родни понаехало к жене Зиновьева Лилиной, и о легендарно-щедрой раздаче Зиновьевым постов «своим». После того, как отец Троцкого выбрался из Одессы, сын устроил его на должность служащего в одном из советских наркоматов.

Прилив евреев из буржуазных и интеллигентских слоев на низшие и средние посты советской администрации сопровождался прогрессирующим повышением доли лиц еврейской национальности различного социального происхождения на более высокой ступени администрации. Среди населения доля евреев составляла около 4%, а среди членов партии около 5%, доля делегатов еврейской национальности на первых съездах партии после революции составляла 15—18%, а в составе ЦК– 24%. В составе политбюро, избранного 10 октября 1917 года, из 7 членов 4 были евреями (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сокольников). В бюро ЦК, созданном в ноябре 1917 года из четырех человек (Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин), евреи (Троцкий и Свердлов) составляли половину состава.

По словам Недавы, лозунг «евреи изобрели коммунизм» – «лозунг белогвардейцев и крестьянских атаманов – казался правдой благодаря Троцкому, …да еще двум десяткам ярких и деятельных евреев во главе нового режима… Евреи… были заметны как раз потому, что прежде их никогда не было в России вблизи кормила власти… И, конечно, заметнее всех из них наверху был Троцкий; по замечанию историка И. Чериковера, «он перевешивал все».

Отмечая, что из «ведущих деятелей революционного движения и первых лет советской власти… примерно в 250 человек… на выходцев из евреев приходится более 16 процентов», Недава констатировал: «Таким образом, количество евреев в руководстве строителей нового мира если и не подтверждает мысль о том, что Октябрьская революция – часть еврейского заговора против России и человечества, то, пожалуй, однозначно и не противоречит ему; 16 процентов руководителей, делегированных менее чем 4 процентами населения, – тут есть о чем задуматься».

И все же значительный прилив евреев на государственные должности и занятие ими ряда высших постов в советском государстве не означал, что все евреи России безоговорочно поддержали новую власть, по своей сути глубоко враждебную буржуазии и буржуазным отношениям. Й. Недава отмечал, что большинство евреев «тяготело к традициям, куда входил и привычный экономический уклад. Это большинство представляло собою городских мелких… собственников, которые в революцию потеряли все. Вместе с разорением экономическим новый режим принес и ломку старых культурных и благотворительных учреждений, что тоже для многих было и бедой, и варварством. Так сложилось двоякое отношение евреев к Советской власти: одни ее горячо приветствовали, другие проклинали».

Многие евреи выражали недовольство новой властью, даже если ее возглавляли евреи. Правда, они ставили в вину начальникам-евреям не их национальность, а их некомпетентность. Когда герой поэмы Уткина бывший портной Мотэле Блох стал

комиссаром, он стал объектом суровых нареканий среди местечкового населения:

В очереди люди ахают,
Ахают и жмут:
– Почему не дают сахару?
Сахару почему не дают?
Видимо, выдать лень ему.
Трудно заняться час?
Такую бы жизнь – Ленину,
Хорошую, как у нас!
Что вы стоите, Сарра?
Что может дать слепой,
Когда комиссаром
Какой-то портной?
Ему бы чинить рубаху,
А он комиссаром тут!…
– В очереди люди ахают,
Ахают и жмут.

Но если для многих евреев главным аргументом против новой власти было то, что ее возглавляет «какой-то портной», то для многих неевреев объяснение того, что не выдавали сахара, сводилось к еврейской национальности комиссара. Те, кто был настроен против Октябрьской революции, воспринимал новую власть отчужденно, а поэтому, встречая фамилии евреев на видных постах нового Советского государства, видя евреев на трибунах большевистских митингов, говорили об «инородческом» характере Советского строя, называя его «еврейским». А. Солженицын привел типичную шутку того времени: «чай Высоцкого, сахар Бродского, власть Троцкого». Таким образом, несмотря на ярко выраженный антибуржуазный характер революции, один из вождей Октября Троцкий воспринимался частью русского населения, как и два известных еврея-капиталиста.

То обстоятельство, что уже к концу 1917 года Троцкий стал олицетворением Советской власти, ярко демонстрировало те перемены, которые произошли с ним в течение этого года. За год двух грандиозных революций, радикальным образом изменивших Россию, Троцкий превратился из жителя Нью-Йорка и гражданина США в одного из ведущих руководителей России. За еще меньший срок он превратился из заклятого врага большевизма, против которого он 14 лет вел борьбу, в одного из виднейших руководителей большевистской партии. Его готовность проявить непоколебимую твердость в осуществлении Октябрьского восстания и подавлении врагов большевистской партии на фоне колебаний среди наиболее близких коллег Ленина (особенно Каменева и Зиновьева) позволило Троцкому быстро занять второе место по значимости среди руководителей РСДРП(б). Те, кто в США обеспечивал Троцкому быстрый приезд в Россию, могли испытывать полное удовлетворение.

Насколько глубокими были эти быстрые перемены? В какой степени было искренним превращение в яростного большевика Троцкого, который еще в мае 1917 года говорил о неприятии большевизма? Не было ли оно следствием «жизненного расчета», как и у тех людей, которые проголосовали в ноябре 1917 года за сионистские партии и, следовательно, против большевиков и за отъезд из России, но затем пошли на российскую государственную службу к большевикам? Не был ли его вновь обретенный большевизм удобной маской, которую он надел, чтобы скрыть все свои глубокие разногласия, отделявшие его от этого политического течения?

Трудно себе представить, что человек, яростно сражавшийся с идейными основами большевизма в течение 14 лет, вдруг за считанные месяцы превратился в одного из искренних сторонников большевистской партии. Также трудно себе представить, что человек, который исписал горы страниц, чтобы обосновать причины своего презрения к

России, давно ставший «гражданином мира» и мечтавший осесть в США, вдруг превратился в члена правительства России, а стало быть, в лицо, стоявшее на страже ее высших интересов. Еще труднее поверить, что человек, жизненный и творческий опыт которого был связан исключительно с журналистикой и устными выступлениями, вдруг окажется компентентным государственным деятелем.

Скорее всего, эти перемены были поверхностными и Троцкий, подобно Мотэле Блоху, лишь обрел внешние черты и освоил лексику, которые отвечали его новой социальной роли. Однако, как и у Мотэле Блоха, у Троцкого быстро обнаружилась его неподготовленность к государственной работе.

БРЕСТСКАЯ КАТАСТРОФА

Сохранив за собой руководство Петроградским Советом и став членом «внутреннего кабинета» совнаркома и бюро ЦК партии, Троцкий продолжал активно влиять на формирование внутренней политики страны. Предложенный ему пост наркома иностранных дел (а это предложение не встретило у него возражений) позволял Троцкому непосредственно участвовать в определении и проведении внешнеполитического курса. Такое положение в руководстве партии и правительства позволяло Троцкому лучше реализовывать теорию перманентной революции, в соответствии с которой интересы российской революции имели второстепенное значение по сравнению с задачами мировой революции.

Предлагая этот пост Троцкому, Ленин, вероятно, учитывал широту его международных связей и пропагандистский талант будущего наркома иностранных дел. Между тем вручение руководства внешней политикой человеку, которого Ленин в течение долгого времени оценивал как безответственного и беспринципного интригана, было рискованным предприятием. В результате решения II съезда Советов внешнеполитическая активность России оказалась в руках блестящего оратора и яркого публициста, не имевшего никакого опыта дипломатической работы, склонного подчинять политическую деятельность своим амбициозным планам и относящегося с бесконечным презрением к стране, которую он представлял на международной арене. Это было особенно опасно, так как положение России, во многом зависевшее от внешнеполитической активности ведущих держав двух противоборствующих группировок, требовало высокого профессионализма и ответственного отношения к судьбе страны.

Победа большевиков в Октябре и провозглашение ими выхода из войны целью своей внешней политики создали сложную международную ситуацию, в которой цели Советского правительства, стран Центрального блока и Антанты характеризовались сочетанием непримиримых противоречий и совпадающих интересов:

1. Обескровленная войной Россия и ослабленные экономической блокадой, но еще стремившиеся к достижению победы в войне страны Центрального блока желали подписания мира между собой. Для Антанты сепаратный мир нес угрозу поражения в войне и фактически превращал Советскую Россию в союзника Германии, а стало быть, врага. Срыв переговоров о мире открывал возможности для возобновления сотрудничества Антанты с Россией.

2. И страны Антанты, и страны Центрального блока желали раскола России, ее ослабления и превращения во второсортную страну. Прекращение войны могло бы повести к созданию единого антироссийского фронта стран Запада. Такой блок мог быть создан в ходе европейской капиталистической интеграции, которая пропагандировалась под лозунгом «Соединенные Штаты Европы».

3. С точки зрения революционной идеологии для Советского правительства все империалистические державы Запада были непримиримыми врагами, власть в которых должна быть свергнута в результате восстаний пролетариата.

Все эти противоречивые факторы в разной степени, но отчетливо, проявились на

протяжении первых же месяцев после Октября.

Главной целью внешней политики Советского правительства являлся поиск выхода из мировой войны. В своем декрете о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 года съезд Советов предложил прекращение огня всем воюющим сторонам. 7 (20) ноября Троцкий обратился к послам союзных с Россией держав с официальным предложением немедленного перемирия на всех фронтах и открытия мирных переговоров.

Вместо ответа военные атташе союзных держав, игнорируя Советское правительство, 10 (23) ноября обратились непосредственно к верховному главнокомандующему российской армии Н.Н. Духонину с предупреждением о недопустимости нарушения Россией союзных договоров. Троцкий заявил протест по поводу этого вмешательства во внутренние дела страны.

Советские предложения получили благоприятный отклик лишь в Германии. Вновь назначенный германский канцлер Гертлинг 14 (27) ноября дал согласие начать мирные переговоры. В тот же день новый верховный главнокомандующий России прапорщик Н.В. Крыленко, сменивший генерала Н.Н. Духонина, растерзанного солдатами, объявил о прекращении огня на всем протяжении фронта. Троцкий вновь предложил странам Антанты присоединиться к мирным переговорам, но и это предложение осталось без ответа.

Троцкий попытался добиться для Советского правительства благоприятного положения, играя на конфронтации воюющих сторон. Однако сыграть на этой конфронтации ему не удалось. Напротив, обе воюющие стороны взяли курс на ослабление России, поощряя центробежные силы внутри нее. Это, в частности, проявилось в том, что и Центральные державы, и Антанта стали одновременно оказывать поддержку Киевской раде в ее борьбе против Советской власти.

Как подчеркивал американский историк Д. Кеннан: «Едва большевики взяли под свой контроль Петроград, как союзники возложили свои надежды на сепаратизм». 23 декабря 1917 года Клемансо, Пишон и Фош от Франции, лорд Мильнер, лорд Роберт Сесиль от Англии заключили тайную конвенцию о разделе сфер действий в России. Согласно конвенции, в английскую зону входили Кавказ и казачьи территории рек Кубани, Дона, во французскую – Бессарабия, Украина, Крым.

Почти одновременно, 18 декабря, в ставке верховного командования германской армии под председательством Вильгельма II состоялось совещание, на котором было решено добиваться присоединения Литвы и Курляндии к Германии с одновременным уходом России из Эстляндии и Лифляндии.

Объясняя задачи, стоявшие перед советской дипломатией в эти дни, Троцкий в своем выступлении в Петроградском Совете заявил: «Под народным давлением правительства Германии и Австрии уже согласились сесть на скамью подсудимых. Вы можете быть уверены в том, что прокурор в лице российской революционной мирной делегации справится с задачей и в свое время произнесет свое громкое обвинение дипломатии всех империалистов». Любитель красного словца, как обычно, сильно искажал истину: атмосфера переговоров ничуть не напоминала открытый суд революционной России над империалистическими преступниками. На мирных переговорах, открывшихся 9 (22) декабря в Брест-Литовске, не удалось даже добиться принятия советского предложения о том, чтобы заседания были публичными.

Тем не менее советская делегация стремилась использовать мирные переговоры для политической пропаганды. Предложив использовать для переговоров принципы декрета о мире, делегация России, которую возглавлял старый знакомый Троцкого по Вене А.А. Иоффе и в состав которой входил Л.Б. Каменев, настаивала на отказе от аннексий и контрибуций и признании права народов на самоопределение. Правда, сочетать два принципа («мир без аннексий» и «право на самоопределение») было нелегко и на это в свое время обратил внимание Троцкий в брошюре «Программа мира». Первый принцип требовал восстановления довоенного статуса. Второй – его изменения.

Уже на третий день брестских переговоров было объявлено, что созданный под

контролем немецких оккупантов верховный орган Литвы (Тариба) провозгласил самоопределение Литовского государства. «Самоопределившись», Тариба декларировала «вечную, прочную связь Литвы с Германской империей».

Одновременно германская делегация известила о готовности Украинской Центральной рады подписать с Германией мирный договор, что означало бы распространение «самоопределения» по-германски на богатейший край бывшей Российской империи. Таким образом в первую же неделю переговоров Германия и ее союзники поставили вопрос об отторжении от России территорий от Финского до Таганрогского залива и переходе их под австро-германский протекторат. После обмена предложениями на мирной конференции 15(28) декабря в Бресте был объявлен перерыв.

Советскому правительству не приходилось рассчитывать на справедливый мир. Несмотря на то что Германии и ее союзникам было выгодно как можно быстрее добиться мира на востоке и повернуть свои войска на Западный фронт, каждый день промедления в заключении мира разжигал аппетиты правительств Центральных держав и вел к усилению их территориальных претензий.

Кроме того, потребность в захвате территорий на востоке, особенно Украины, диктовалась тяжелым положением Центральных держав, оказавшихся в блокаде Антанты. Германия голодала. Ей не хватало стратегического сырья. В Австро-Венгрии начались продовольственные беспорядки. Материальные резервы Османской империи были на исходе. Вопрос захвата богатых продовольственных и сырьевых ресурсов на востоке превращался в важнейшую проблему жизнеспособности Центральных держав.

В то же время организовать сопротивление экспансии Германии и ее союзников у России не было физической возможности. Бегство с фронта голодающих солдат приобрело катастрофический характер. Пересекая линию фронта по дороге в Брест, куда Троцкий направился в конце декабря, чтобы возглавить советскую делегацию, он увидел брошенные окопы и пустые траншеи. Для многих исход с фронта был трагичным. Разоруженные с ведома Антанты и по приказу генерала Щербачева солдаты Румынского фронта, «оставшись без оружия, без еды, вынуждены были в жестокий мороз, часто по глубокому снегу, пешком брести в Россию. Многие при этом погибли». Схожие испытания терпели и многие другие солдаты на всем протяжении фронта от Рижского залива до устья Дуная.

На почве углубившегося распада общества в стране росли антипатриотические настроения. Возникало желание установления любой власти, даже, если бы она исходила от чужого государства, лишь бы в стране был восстановлен элементарный порядок. Отмечая рост таких настроений в Петрограде, А.Н. Толстой писал: «Немало было таких, кто со злорадством ждал: пришли бы немцы. Суровые, в зелено-серых шинелях, в стальных шлемах. Ну, высекут кого-нибудь публично на площади, – российскому обывателю даже полезно, если его немного постегать за свинство. И встали бы на перекрестках доброжелательные шуцманы: «Держись права!» Военный губернатор, с золотыми жгутами на плечах, пролетел бы в автомобиле по расчищенному Невскому, и засветились бы окна в булочных, в колбасных и в пивных».

Упадок национальных сил сопротивления германской агрессии мог заставить Советское правительство обратиться к Антанте. Однако враждебность Запада к Советской России усилилась после разглашения Наркоматом иностранных дел тайных договоров Антанты и разоблачения корыстных целей войны, а также после декрета Советского правительства об аннулировании иностранных долгов, от чего особенно пострадали бывшие союзники России.

Кроме того, обращение к странам Антанты неизбежно предполагало возможность их прямого вмешательства в дела России. Уже в декабре 1917 года английская военная миссия в Мурманске стала готовить почву для интервенции на Севере, опираясь на поддержку в местном Совете. Под предлогом помощи в борьбе с германо-австрийской экспансией интервенты Антанты могли легко опрокинуть Советский строй, а Россия могла оказаться разделенной на зоны, оккупированные противоборствующими группировками. Однако отказ

от сотрудничества с Западом и подписание мира с Центральным блоком также могли стать поводом для военной интервенции Антанты. 11(24) января 1918 года Ленин не исключал такой возможности: «Заключая мир, мы этим самым развязываем руки японцам и американцам, которые тотчас завладеют Владивостоком».

Сохранение Советской власти и независимого существования России во многом зависело от постоянно ухудшавшихся внешних факторов. Руководство страны исходило из возможности продолжения германской экспансии с запада, начала американо-японской интервенции с востока, расчета на постепенную консолидацию сил в стране и надежд на революцию в Германии и Австро-Венгрии. Учитывая возможность наступления Японии и США на Дальнем Востоке, Ленин надеялся на то, что, «пока они дойдут только до Иркутска, мы сумеем укрепить социалистическую республику». Этой интервенции можно было бы избежать, не подписывая договора в Бресте. Но неподписание мирного договора привело бы к возобновлению германского наступления.

В январе 1918 года Ленин полагал, что в течение трех-четырех месяцев Советская власть могла бы продержаться, если бы по истечении этого срока в Германии и Австро-Венгрии вспыхнула бы революция. В противном же случае Ленин считал поражение России и крушение Советской власти неизбежными: «Если… германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий, при продолжении войны, будет неизбежно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, причем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады с Черновцами (т. е. правыми эсерами, сторонниками Чернова. – *Прим. авт.)* или что-либо подобное). Ибо крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений – вероятно, даже не через месяцы, а через недели – свергнет социалистическое рабочее правительство… Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права».

Задача любого правительства, ответственно относящегося к судьбам России, сводилась к тому, чтобы свести к минимуму потери от неизбежного наступления интервентов и достичь максимума в восстановлении военно-экономического потенциала и патриотического духа в стране. Этим целям противоречила платформа сторонников «революционной войны».

Впоследствии, оформившись во фракцию «левых коммунистов» во главе с Н.И. Бухариным, сторонники «революционной войны» исходили из неизбежности германо-японской оккупации и постепенного подъема партизанского движения по мере роста всенародного возмущения интервентами. Российская партизанская война могла бы способствовать истощению сил в лагере империализма и провоцированию там революционного взрыва, но ценой бесчисленных жертв и невероятного опустошения России.

На «партийном совещании» 8(21) января 1918 года, организованном ЦК, Троцкий стоял перед выбором: революционная война или мир на австро-германских условиях. Он ясно осознавал невозможность «революционной войны». Присоединение к «левым» означало бы принятие на себя ответственности за неизбежное поражение, самое грандиозное в истории России.

Троцкий прекрасно понимал, что единственным реальным выходом для России был мирный договор. Однако он мог догадываться, что многие политические партии, которые не видели иного выхода России из войны, постараются после подписания мира свалить на Советское правительство ответственность за кабальные условия договора и, обвинив его руководителей в пособничестве Германии, свергнуть его. Троцкий не мог не учитывать и того, что его фамилия вошла бы в историю в качестве части названия неравноправного соглашения, подобно договору Брайана – Чаморро 1914 года, навязанного США Никарагуа, или кабальному договору Хея – Бюно-Варилья 1903 года о Панамском канале. Соавтор договора Кюльмана – Троцкого терял какие-либо шансы на лидерство в стране или в мировой революции.

Верный своему стремлению искать политически выгодную позицию, Троцкий провозгласил лозунг: «Ни мира, ни войны». По сути, он предлагал установить на западной

границе России неопределенное состояние, которое не подкреплялось бы никакими международными договорами, включая соглашение о перемирии. При этом Троцкий предлагал объявить о демобилизации российской армии.

Выдвигая свой лозунг, Троцкий объявлял, что «германский солдат не пойдет в наступление». Однако его уверенность не была абсолютной. На совещании 8(21) января он заявил: «25 процентов за то, что германцы смогут наступать». Первый вариант развития событий, в который Троцкий поверил на 75 процентов, заставлял его обещать скорую революцию в Германии и Австро-Венгрии.

Второй вариант заставлял Троцкого думать о неминуемом крахе Советского строя. Вскоре после его назначения наркомом Троцкий говорил: «Какая такая у нас будет дипломатическая работа? Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку». В случае крушения Советской власти Троцкий и другие вновь превратились бы в эмигрантов. В этом случае его отказ от подписания договора существенно улучшил бы его репутацию в глазах германских социал-демократов, с которыми он поддерживал тесные связи с 1903 года, а также американских друзей, обретенных им в 1917 году.

Отсутствие реализма, компетентности и безответственное отношение к судьбам страны были характерны не только для Троцкого. Большинством голосов партийное совещание 8 (21) января 1918 г. высказалось за «революционную войну» (32 голоса), за позицию Троцкого было подано 16 голосов, а за позицию Ленина – 15. Это не помешало Ленину, как руководителю совнаркома, настаивать на заключении мира. Правда, необходимо учитывать, что Ленин исходил из возможности прекращения переговоров в Бресте, как только будут получены сведения о революции в Германии или в Австрии.

Способность Ленина быстро реагировать на изменения в ситуации с максимальной пользой для революционной партии, пренебрегая при этом сложившимися подходами и оценками, являлась одной из его сильнейших черт политического руководителя, что неоднократно обеспечивало успех большевикам. В то же время склонность Ленина искать решение, приносящее максимальную выгоду в данный момент, уже не раз приводила его к невниманию к долгосрочным последствиям таких решений.

Вероятно, Троцкий был бы лишен возможности осуществлять свою «среднюю» линию, если бы не позиция Ленина, допускавшая конъюнктурные колебания. Учитывая это обстоятельство, Троцкий умышленно затягивал переговоры, настаивал на их переносе в Стокгольм и требовал их максимальной гласности, стремясь превратить конференцию в форум для своих выступлений. По словам М.Н. Покровского, Троцкий и не собирался вести в Бресте серьезные переговоры: «Он наивно воображал, что стоит только перенести цирк «Модерн» в Брест – и дело будет в шляпе. Что из его брестских речей до германского рабочего дойдет только то, что разрешит напечатать военная цензура Вильгельма II, это ускользнуло от его соображения».

Стремясь к затягиванию переговоров и использованию конференции для революционной пропаганды, Троцкий не считался с тем, что до заключения договора время работало против России. Затяжка переговоров привела к тому, что в них стала участвовать делегация Украинской Народной Республики. Ее глава Голубович огласил декларацию Центральной рады, в которой говорилось, что «власть Совнаркома не распространяется на Украину» и поэтому делегаты «будут вести переговоры самостоятельно».

В оправдание Троцкого можно сказать, что его действия не вызвали осуждения в Петрограде. Там вновь ждали быстрого изменения обстановки, на сей раз на Украине, по мере того как советские войска продвигались к Киеву.

Во время перерыва в работе конференции 11 (24) января 1918 года состоялось заседание ЦК по вопросу о переговорах в Бресте. На нем Ленин вновь предложил принять тактику затягивания переговоров, что получило полную поддержку членов ЦК. За призыв к революционной войне выступили двое против двенадцати, при одном воздержавшемся. Формула Троцкого: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем» –

получила 9 голосов против 7.

Грань, отделявшая ленинскую политику «всяческих затяжек» от троцкистской формулы «ни мира, ни войны», была очень зыбка. Как и раньше, ориентация на конъюнктурные соображения открывала дорогу для авантюристической политики, откровенно игнорирующей интересы страны. Позже Троцкий мог, не без оснований, объяснять свое поведение в Бресте позицией руководства партии: «Все, в том числе и тов. Ленин, говорили: «Идите и требуйте от немцев ясности в их формулировках, уличайте их, при первой возможности оборвите переговоры и возвращайтесь назад». Отвечая Троцкому на VII съезде партии, Ленин заявил: «Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем».

Политика затяжек не оправдала себя. Хотя Центральная рада оказалась изгнанной из Киева и в Брест прибыли делегаты Украинского Советского правительства, Центральные державы не признавали полномочий новых представителей Украины. 27 января (9 февраля) Германия и другие участники брестских переговоров подписали мир с Центральной радой. В обмен на продовольственную помощь Германия и Австро-Венгрия обещали военную поддержку Украинской Народной Республике. В тот же день в подкомиссии по территориальным вопросам Германия и ее союзники предъявили советской делегации требования, которые исходили из того, что Россия утратила контроль над огромными территориями.

На заседании 10 февраля (28 января) глава германской делегации Кюльман спросил Троцкого, не сообщит ли он свои соображения, которые помогли бы прийти к удовлетворительному решению вопроса. Военный эксперт советской делегации Д.Г. Фокке так описывал поведение Троцкого после вопроса Кюльмана: «Троцкий встает, нервно подергивая свою мефистофельскую бородку. Глаза горят злым и самоудовлетворенным блеском. Горбатый нос и выступающий вперед острый подбородок сливаются в одно обращенное к противной стороне оскаленное острие. Троцкий читает звонким, металлическим голосом, отчеканивая каждое слово».

Объяснив участникам конференции, что мировая война ведется в интересах империализма, Троцкий заявил: «Мы более не желаем принимать участие в этой чисто империалистической войне, где притязания имущих классов явно оплачиваются человеческой кровью. Мы с одинаковой непримиримостью относимся к империализму обоих лагерей, и мы более не согласны проливать кровь наших солдат в защиту интересов одного лагеря империалистов против другого… Мы выводим нашу армию и наш народ из войны… Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих ныне войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии». Последняя фраза Троцкого свидетельствовала о наличии у него полномочий, позволявших ему единолично объявить о демобилизации российских армий.

Но это была лишь первая часть формулы выхода из войны. Троцкий продолжал: «Мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов… Народные массы всего мира, руководимые политическим сознанием или нравственным инстинктом, отвергают эти условия в ожидании того дня, когда трудящиеся классы всех стран установят свои собственные нормы мирного сожительства и дружеского сотрудничества народов».

Отказываясь принять условия мира, Троцкий подчеркивал, что Советское правительство, объявив демобилизацию, лишило себя возможности защитить Россию. Он провозглашал: «Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто». Казалось, что для Троцкого главным была не организация отпора агрессорам или установление предела их экспансии, а сохранение своей хорошей репутации: «Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам

человеческих существ… Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора».

Троцкий завершил свою речь чтением официального заявления, подписанного всеми членами делегации, в котором сообщалось, что, «отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту».

Д.Г. Фокке в своих воспоминаниях писал: «Троцкий кончил. Впечатление – взорвавшейся бомбы. Декларация грянула, как гром из ясного неба… Безмолвно сидело все собрание, выслушав эти странные и столь дико звучавшие слова… Кто-то, чуть ли не генерал Гофман, после речи Троцкого сказал вполголоса: «Ungehort» (неслыханно). Декларация Троцкого не только нарушала его договоренность с Лениным («подписывать договор после ультиматума»), но и закрывала путь проводившейся до сих пор политике затягивания переговоров. Более того, заявление об уходе с конференции означало возобновление военных действий, а провозглашение демобилизации информировало правительства Германии и Австро-Венгрии о том, что их армии не встретят сопротивления в ходе их наступления в России.

Как ни был поражен Кюльман заявлением Троцкого, он сумел тут же внести ясность в суть дела: «На основании договора о перемирии военные действия, несмотря на продолжающееся состояние войны, пока прекращены. При аннулировании же этого договора военные действия автоматически возобновятся. То обстоятельство, что одна из сторон демобилизует свои армии, ни с фактической, ни с правовой стороны ничего не меняет в данном положении».

Кюльман требовал от Троцкого разъяснений, где проходит граница Российского государства и готово ли Советское правительство возобновить торговые и правовые отношения в пределах, соответствующих прекращению состояния войны и наступлению мира. На запрос Кюльмана Троцкий дал туманный ответ: «Что касается практических затруднений, вытекающих из создавшегося положения, то я не могу предложить никакой юридической формулы для их разрешения. Невозможно подыскать формулу, определяющую взаимоотношения российского правительства и Центральных держав».

Хотя германская сторона открывала советской делегации возможность вновь продолжить переговоры хотя бы для объяснения смысла декларации Троцкого, последний не пожелал этим воспользоваться, заявив: «Что касается нас, то мы исчерпали все полномочия, какие мы имеем и какие до сих пор могли получить из Петрограда. Мы считаем необходимым вернуться в Петроград, где мы и обсудим, совместно с правительством Российской федеративной республики, все сделанные нам союзническими делегациями сообщения и дадим на них соответствующий ответ». Объявив, что в дальнейшем Германия может поддерживать связь с Петроградом по радио, Троцкий покинул зал заседаний и вечером уехал из Бреста.

Объясняя поведение Троцкого в Бресте, М.Н. Покровский писал: «Логику тут найти трудно, но зато психологическое объяснение найти легче легкого… Оставаться хотя бы лишний час в Бресте Троцкому казалось страшно опасным. Чтобы не было недоразумений: я, конечно, отнюдь не думаю подозревать Троцкого в физической трусости – он физически храбрый человек. Разумеется, он спасал «вождя», без которого революция могла погибнуть».

Не поставив подпись под «позорным» договором, объявив о демобилизации армии, обреченной на поражение в случае «революционной войны», Троцкий видел в себе вождя революции, занявшего самую безупречную позицию. Даже много лет спустя, когда он писал свои мемуары, он исходил из того, что существовала высокая вероятность отказа немцев от наступления. Он писал: «После октябрьских стачек в Германии и Австрии вопрос о том, решится ли немецкое правительство наступать или нет, вовсе не был настолько очевиден – ни нам, ни самому немецкому правительству, – как изображают теперь многие умники задним числом». Троцкий считал, что ему нельзя находиться в Бресте хотя бы один лишний

час, так как его место было в Петрограде во главе революции, куда бы она ни шла – к триумфу после революционных восстаний в Германии или Австро-Венгрии или к грандиозному поражению, которое превратило бы его навеки в блистательного лидера погибнувшей Петроградской коммуны. Как утверждал Дейчер, «Троцкий возвращался в Петроград полный уверенности и гордый своим достижением… В одиночку, не имея ничего за своей спиной, кроме страны в состоянии хаоса и едва установленный режим, он, всего год назад неизвестный журналист, сосланный в Нью-Йорк, успешно победил объединенный дипломатический талант половины Европы».

Через три дня после срыва переговоров в Бресте, 13 февраля, у Вильгельма II состоялось совещание высшего военного командования и политического руководства Германии. Готовясь к этому совещанию, главнокомандующий вооруженными силами Германии Э. Людендорф подготовил для кайзера меморандум, в котором предлагал воспользоваться срывом переговоров для решения военно-стратегических задач Германии. С одной стороны, Людендорф подчеркивал необходимость перебросить часть дивизий с Восточного фронта на запад. В то же время он настаивал на развертывании наступления на Россию. Бездействие австро-германских войск, по мнению Людендорфа, могло привести к утрате преимуществ существовавшего положения и возможностей для их дальнейшего использования: «Мы позволим большевистскому великороссу вторгнуться на Украину… Мы поставим под угрозу наш мирный договор с Украиной, а тем самым и снабжение, в котором нуждаются и Австро-Венгрия, и мы сами. Таким образом окончательная победа остается под сомнением… Мы оставим Финляндию большевикам… Эстляндия и Лифляндия будут приговорены к смерти, мы отдадим их под английское влияние, их жителей загонят даже в английскую армию».

Людендорф выражал серьезные опасения по поводу того влияния, которое оказывала большевистская агитация: «Мы позволим русскому правительству… беспрепятственно подстрекать немецкий народ и армию… Наши границы открыты, как показали последние забастовки, для вражеской пропаганды, наш авторитет в занятых областях подорван. В Вильне уже есть списки Красной гвардии».

К этому времени правящие круги Германии взяли курс на свержение большевистского правительства и поддержку контрреволюционных сил. Выдвигая план движения на север Прибалтики, Людендорф подчеркивал: «Тем самым мы, возможно, нанесем большевикам смертельный удар и укрепим наше внутриполитическое положение, сыграем на руку лучшим слоям в России».

Расчет на сотрудничество с бывшими германофобами из «лучших слоев» России имел основания. Антисоветизм превращал ряд представителей бывших правящих кругов в сторонников германской оккупации России. Судя по А.Н. Толстому, зимой 1918 года в петроградских квартирах можно было услышать такие разговоры: «Генерал Гофман в Брест-Литовске высек, как мальчишек, наших «дорогих товарищей»… Я патриот, господа, я русский, черт возьми. Но, право, я готов аплодировать генералу Гофману… В конце концов не приходится же нам выбирать: в конце концов – ни керосину, ни сахару, ни полена дров».

На совещании 13 февраля у кайзера аргументы военной партии восторжествовали и было решено «нанести короткий, но сильный удар» по российским войскам, который позволил бы Германии и Австро-Венгрии «захватить большое количество военного снаряжения». Решено было оккупировать Украину, всю Прибалтику вплоть до Нарвы и оказать вооруженную поддержку Финляндии. Поскольку германские газеты поддерживали дезинформацию о том, что наступления не будет, Троцкий в течение нескольких дней мог изображать из себя героя, который развязал «гордиев узел» брестских переговоров, прекратив войну и не подписав «позорный» мир.

По условиям перемирия военные действия могли быть возобновлены после предупреждения через семь дней. 16 февраля Германия объявила о прекращении перемирия и о начале боевых операций с 12 часов дня 18 февраля. Вечером 17 февраля состоялось заседание ЦК. Меньшинство (В.И. Ленин, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Г.Я. Сокольников и

И.Т. Смилга) выступило «за немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира». Отвергнув это предложение, большинство (Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, А.А. Иоффе, М.С. Урицкий, Н.Н. Крестинский, Г.И. Ломов) решило «выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение». Было очевидно, что в случае возобновления переговоров Германия навяжет более худшие условия мира, но до начала наступления имелась возможность, по крайней мере, многое эвакуировать из районов, которые пришлось бы уступить захватчикам. Эта возможность оказалась утраченной в результате голосования в ЦК.

18 февраля австро-германские войска начали наступление по всему фронту. В тот же день на заседании ЦК Ленин потребовал немедленно послать телеграмму в Германию с предложением мира. Прогноз Троцкого, что «немец не пойдет», провалился. В ответ на требование Ленина Троцкий доказывал, что «сейчас масса начинает только переваривать то, что происходит; подписание мира теперь же внесет только сумбур в наши ряды; то же самое в отношении немцев, которые полагают, что мы только дожидаемся ультиматума. Возможно, что они рассчитывают на психологический эффект». В итоге предложение Ленина об отправке телеграммы было вновь отклонено 6 голосами против 7.

Вечером того же дня опять состоялось заседание ЦК. Его открыл Троцкий сообщением о взятии немцами Двинска (Даугавпилса) и их наступлении на Украину. Теперь он предложил обратиться в Вену и Берлин с запросом, «чего они требуют», вновь следуя «тактике затягивания», которая благоприятствовала австро-германскому наступлению. В ответ на это предложение Сталин заявил: «Надо сказать прямо, по существу: немцы наступают, у нас нет сил, пора сказать прямо, что надо возобновить переговоры».

Теперь Ленин не только выступил за подписание мира, но и решительно осудил политику «игры в переговоры», одностороннюю мобилизацию, объявленную Троцким, и его средний курс между миром и войной. Ленин заявил: «Шутить с войной нельзя. Мы теряем вагоны, и ухудшается наш транспорт. Теперь невозможно ждать, ибо положение определено вполне. Народ не поймет этого: раз война, так нельзя было демобилизовать. Немцы будут теперь брать все. Игра зашла в такой тупик, что крах революции неизбежен, если дальше занимать политику среднюю».

В ответ на выступление Ленина Троцкий вновь предложил «затребовать формулированные немецкие требования с обязательством дать ответ в определенный срок». Он стал напоминать, что политику «игры в переговоры» правительство вело с согласия Ленина. Видимо, чувствуя, что «средняя линия» окажется под огнем критики и сторонников мира, и сторонников войны, он стал осуждать политику затяжек переговоров, которую проводило правительство и он лично в течение двух месяцев. И все же в конце заседания он вновь внес предложение: «Не требовать перемирия, но запросить, чего они требуют».

Протокольная запись заседания не позволяет понять, почему вместо этого предложения было поставлено на голосование предложение Ленина: «Следует ли немедленно обратиться к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира?» Против этого предложения проголосовало 5, за – 7, включая Троцкого.

Почему Троцкий снял свой проект и поддержал предложение Ленина, остается неясным. Также непонятно, почему двум авторам противоположных предложений – Ленину и Троцкому было поручено подготовить окончательный текст обращения в Берлин и Вену. Вероятно, в конце вечернего заседания 18 февраля Троцкий понял по реакции присутствовавших, что его предложение могло быть отвергнуто объединенными голосами сторонников мира и сторонников войны. В этих условиях он, видимо, счел нужным не настаивать на своей политике и согласился с позицией Ленина. Теперь «средняя линия» выглядела для всех капитуляцией перед Центральным блоком. Каждый час наступления немцев и новые территориальные потери России усугубляли вину тех, кто продолжал цепляться за лозунг «ни мира, ни войны». Срыв Троцким переговоров в Бресте выглядел вопиющей ошибкой, порожденной его самонадеянностью и приведшей к сокрушительному

поражению России. Версия Троцкого о его дипломатической победе в Бресте лопнула. По словам М.Н. Покровского, «последовал оглушительный удар брестской катастрофы – для Троцкого это была именно катастрофа. Катастрофа, он не мог этого не сознавать – не будучи гением, Троцкий все же и не тупица, – вызванная на три четверти его легкомыслием. Легкомысленнее подойти к такой ответственнейшей функции, как руководство внешней политикой первого социалистического государства в мире было нельзя».

Условия, которые были предъявлены Советской России Центральными державами 21 февраля 1918 года, существенно отличались в худшую сторону от тех требований, которые выдвигал Кюльман 10 февраля. 3 марта мир был подписан на этих разорительных условиях. Россия потеряла территорию общей площадью около одного миллиона квадратных километров и должна была заплатить Германии 6 миллиардов марок. Через полтора года после подписания мира в Бресте в ряде казарм Германии можно было послушать лекцию, посвященную сравнительному анализу Брестского и Версальского договоров. Лектор, бывший фронтовик, уверенно доказывал справедливость Брестского мира. Так начинал свою политическую карьеру Адольф Гитлер.

Вероятно, друг Троцкого Парвус мог испытывать полное удовлетворение – германские условия, вынужденно принятые Советским правительством, полностью отвечали его плану 1915 года и его деятельности по развалу России. Такой сокрушительный разгром Российского государства и его военной машины соответствовал, по сути, и взглядам его соавтора теории перманентной революции, которую он излагал постоянно с 1904 года. Действия Троцкого, которые объективно помогли развалу России и ее армии, имели бы для него смысл, если бы он твердо верил в скорое свержение Советской власти, победу контрреволюции и приход к власти его друзей в Германии и Австро-Венгрии. Однако Троцкий не мог не понимать, что до тех пор, пока он находится в составе российского правительства, он не должен способствовать разгрому России. Потери, которые несла страна по его вине, остро ставили вопрос о его ответственности за беды, обрушившиеся на Россию.

«В одночасье, – писал Дейчер, – идол стал виновником бедствий… Его представление в Бресте оказалось полным провалом. Именно так многие считали и говорили об этом. Для этого были веские основания. Его обвиняли в том, что он своими повторявшимися заявлениями о том, что немцы не посмеют наступать, убаюкал партию». Нервы Троцкого были напряжены до предела. Как утверждал очевидец событий Ф. Прайс, «Троцкий исчез на несколько дней, и никто не знал, что с ним происходит». Вечером 27 февраля Троцкий выступил на заседании ВЦИК, «бросая проклятия в адрес империалистов Центральных держав и союзников, на алтарь которых принесена российская революция. Когда он закончил выступление, он снова исчез. Ходил слух… что у него нервный срыв и он плачет».

Покровский писал, что сначала «Троцкий просто растерялся, и его поведение после того, как немцы начали свое наступление, было жалко до невероятия. Он голосовал то за принятие германского ультиматума, то против, то опять за – и, наконец, при самом решительном голосовании воздержался… В заключение он выразил свою обиду на не послушавшуюся его историю тем, что не только подал в отставку от поста наркоминдела, но фактически ушел с этого поста, т. е. предоставил другим расхлебывать ту кашу, которую он заварил».

Однако Троцкий с первых же дней после провала его миссии в Бресте стал предпринимать усилия по восстановлению своих политических позиций. Прежде всего он постарался свалить на других вину за случившееся. На заседании ЦК 23 февраля Троцкий, признавая, что «условия, предложенные нам, стали теперь хуже, чем были в Бресте», неожиданно объявлял: «Лучше всего они были во время первой поездки Каменева, и лучше было бы, если бы Каменев и Иоффе подписали мир». Выступая 7 марта на заседании VII съезда РКП(б), Троцкий говорил: «Если бы мы действительно хотели получить наиболее благоприятный мир, мы должны были бы согласиться на него еще в ноябре».

Вину за тактику затяжек Троцкий возлагал на Ленина и «большинство», которое, по его словам, «сказало: «Нет, продолжайте ту же политику, агитации, затягивания и т. д.».

Полностью отрицать свою ответственность за обещания, что «немец не пойдет в наступление», Троцкий не мог, но он тут же находил благовидные объяснения для этих заявлений: «Я был одним из тех, которые думали, что германцы наступать не будут. В то же время я говорил, что если они будут наступать, то у нас всегда будет время подписать этот мир, хотя бы и в худших условиях. С течением времени все убедились, что другого выхода у нас нет… (Шум в зале)».

Разбирая причины брестской драмы, Троцкий упомянул и главную, по его мнению, причину всех бедствий – российскую отсталость: «Здесь обнаружилось известное несоответствие, корень которого лежит очень глубоко: в отсталости нашей страны, в том, что наша страна, будучи бессильной выдержать эту длительную мировую бойню, была вовлечена в круговорот империалистической войны».

Троцкий старался доказать, что в Бресте ничего страшного не произошло. Отвечая на обвинения «левых» о том, что после срыва переговоров условия мира ухудшились, Троцкий невразумительно объяснял: «Конкретные условия мира не имеют такого колоссального значения, как думает Бухарин. Конечно, известная часть имеет значение, но, во всяком случае, в них нет ключа к побудительным причинам. История все поправит».

Высказав все эти аргументы, которые должны были оправдать его поведение, Троцкий уверенно бросал в лицо возможным обвинителям: «Если бы меня заставили продолжать переговоры с немцами, я 10 февраля повторил бы то же, что я сделал… Я считал бы абсолютно недопустимым подписать в тот момент мирный договор, хотя бы для меня было ясно, что каждый день затягивания ухудшает условия мира. Почему? Потому, что все наши предшествовавшие переговоры с немцами и наша агитация имели революционизирующий смысл лишь постольку, поскольку их принимали за чистую монету». Получалось, что потери Россией огромных территорий, вооружений и материального имущества, брошенного отступавшей армией, установление германского и австрийского господства над миллионами людей, – все это не имело значения, поскольку главным для Троцкого было ведение в Бресте агитации за революцию в Западной Европе.

С помощью демагогии Троцкий смог избежать на съезде партии острой дискуссии по поводу его ответственности за срыв брестских переговоров. Но ему было этого мало. Он требовал позитивной оценки своего поведения в Бресте. На голосование VII съезда РКП(б) сторонником Троцкого Крестинским был внесен следующий проект резолюции: «Седьмой съезд Российской социал-демократической партии (большевиков) полагает, что тактика неподписания мира в Бресте 10 февраля этого года была правильной тактикой, так как она наглядно показала даже самым отсталым отрядам международного пролетариата полную независимость рабоче-крестьянского правительства России от германского империализма и разбойничий характер последнего». Вероятно, лишь решительное осуждение Лениным срыва Троцким переговоров в Бресте помешало принятию этой резолюции. И все же 20 голосами против 3 съезд одобрил резолюцию, подготовленную Зиновьевым, в которой говорилось: «Съезд приветствует брестскую советскую делегацию за ее громадную работу в деле разоблачения германских империалистов, в деле вовлечения рабочих всех стран в борьбу против империалистических правительств».

Но Троцкий и его сторонники требовали, чтобы съезд дал еще более ясно выраженную позитивную оценку его поведения в Бресте. Крестинский настоял на переголосовании проекта своей резолюции. Превращая съезд в театр эстрады, Троцкий внес проект резолюции, осуждавший свою деятельность: «Съезд считает заявление нашей делегации о неподписании мира ошибочным». Он рассчитывал, что этот проект будет решительно отвергнут и тем самым съезд подтвердит его правоту.

Вторая попытка провести резолюцию Крестинского была отвергнута. Не была принята к обсуждению и резолюция Троцкого. И все же виновник брестской катастрофы мог испытывать определенное удовлетворение: хотя наглая попытка объявить провал триумфом была отвергнута, но съезд не осудил срыв им мирных переговоров и утрату вследствие этого огромных территорий России.

Если действия Троцкого в Бресте привели к вторжению в нашу страну германских и австро-венгерских оккупантов, то его действия после срыва им мирных переговоров в Бресте объективно способствовали интервенции войск Антанты в Россию. Уже на заседании ЦК 22 февраля, в разгар австро-германского наступления, Троцкий выступил за то, чтобы воспользоваться предложением Англии и Франции о военной помощи. 1 марта Троцкий направил в Мурманск телеграмму, в которой предписывал «принять всякое содействие союзных миссий». Результатом телеграммы явилось «словесное соглашение» 2 марта между председателем Мурманского Совета А.М. Юрьевым и командованием союзников. 6 марта в Мурманске началась интервенция Антанты под предлогом отражения германской угрозы. Хотя планы интервенции в Россию были разработаны до заключения Брестского мира и телеграмм Троцкого в Мурманск, получилось так, что своими декларациями и телеграммами он в течение трех недель способствовал вторжению иностранных интервентов на Украину, в Белоруссию, Восточную Латвию, Эстонию и на Север Европейской России.

Кажется, что территории и население этих земель были для Троцкого клетками и фигурами в геополитической игре. Постоянно возвращаясь к аналогиям из французской истории, Троцкий рассматривал Октябрь как эпизод мировой революции, а поэтому поражения и даже крушение Советской власти были бы для него лишь временными неудачами: «Для развития революционного движения в Европе победа буржуазии над нами будет ударом, но нельзя его отождествлять с тем, что было после Парижской коммуны. Тогда французский пролетариат был авангардом революции, остальная же Европа не имела никаких революционных традиций, погрязла в политическом отношении в полуфеодальном варварстве, теперь – совершенно другое. Европейский пролетариат более, чем мы, созрел для социализма. Если бы даже нас раздавили, то нет все же никакого сомнения, что не может создаться такого исторического провала, какой был после Парижской коммуны».

Оценивая перспективу деятельности Советского правительства, Троцкий заявлял, что «вскоре выяснится вопрос, либо мы заявим, что мы явились слишком рано и уходим в отставку, уходим в подполье, предоставляя сводить счеты со Свинхувудом или Украиной Чернову, Гучкову, Милюкову – этим признанным политикам. Но я думаю, что уходить в отставку мы должны, если это придется, как революционная партия, т. е. борясь до последней капли крови за каждую позицию. Перед такой перспективой ставят нас исторические условия».

Вероятно, исходя из такой перспективы, он не видел смысла в конструктивной внешнеполитической деятельности и так же, как в ноябре 1917 года, был готов «закрыть лавочку». Впервые он подал в отставку 22 февраля. Повторяя свои заявления об отставке, Троцкий каждый раз выдвигал для этого разные мотивы. 24 февраля Троцкий вернулся к своему заявлению об отставке, объясняя свой шаг тем, что «в дальнейшем он не считает возможным говорить от имени ЦК, так как он не может защищать позиции». Он подчеркнул, что «именно при подписании мира для него неприемлемо оставаться, так как он вынужден отстаивать позицию, с которой он не согласен».

Троцкий, который еще две недели назад единолично прерывал мирные переговоры и объявлял демобилизацию российской армии, неожиданно сообщал, что его роль в правительстве – чисто формальная: «Он может вполне уйти, так как вся фактическая работа делается помимо него, так же как и внешнее руководство. Он не отказывается практически помочь, где надо, но не хочет больше нести ответственности… Он указывает, что текущую работу может вести Чичерин, а политическое руководство должен взять Ленин».

Беспокойство по поводу отставки Троцкого выразил Ленин. Он указал, «что смена политики – это кризис», и предложил «поставить на голосование следующее заявление: «ЦК, не считая возможным в настоящий момент принять отставку тов. Троцкого, просит его отсрочить это его решение впредь до возвращения делегации из Бреста и впредь до изменения фактического положения дел». Это предложение было принято. Троцкий тем не менее заявил, что, «поскольку его заявление не принято, он вынужден устраниться от появления в официальных учреждениях».

После этого Ленин внес новое предложение: «ЦК, выслушав заявление тов. Троцкого, вполне мирясь с отсутствием тов. Троцкого во время решений в Совете Народных Комиссаров по иностранным делам, просит тов. Троцкого не отстраняться от других решений». Это решение также было принято. Заявление Ленина и решения ЦК помогли Троцкому добиться официального признания его «незаменимости» со стороны партийного руководства.

На VII съезде РКП(б) Троцкий вновь дважды объявил о своей отставке, в том числе в связи с провалом резолюции Крестинского. На сей раз Троцкого не уговаривали не покидать пост наркома иностранных дел. Как утверждал Дейчер, «к этому времени в руководящих кругах партии уже обсуждался вопрос о назначении Троцкого на пост военного комиссара». Заявления об отставке на съезде позволяли не только лишний раз напомнить о «незаменимости» Троцкого, но и подготовить партию к его новой роли. На выборах в ЦК Троцкий получил такое же число голосов, как и Ленин (34). (Я.М. Свердлов и Г.Е. Зиновьев получили на один голос меньше, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, Г.Я. Сокольников, Н.Н. Крестинский – на два голоса меньше.) Троцкий сумел быстро восстановить свой рухнувший престиж. Несмотря на беспримерный в истории России внешнеполитический провал, Троцкий сохранил положение второго лидера страны.

ВО ГЛАВЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ АРМИИ

Вскоре после подписания Брестского мира 14 марта 1918 г. Троцкий был назначен народным комиссаром по военным делам. Деятельность Троцкого во главе вооруженных сил Советской России стала высшей точкой в его политической карьере. С этого времени родилась слава о Троцком как «создателе Красной Армии». Возникла даже легенда о нем, как о «красном Бонапарте». Эта легенда, как следует из заглавия современной книги В. Краснова и В. Дайнеса, до сих пор активно популяризируется. В то же время пребывание Троцкого на посту руководителя военного ведомства Советской республики запомнилось многим прежде всего его приказами о расстрелах и других репрессиях. Даже такой благосклонный к Троцкому автор, как Д. Волкогонов, утверждал, что он стал «одним из главных столпов военного террора в годы Гражданской войны».

С одной стороны, готовность Троцкого прибегать к самым жестоким мерам подавления сопротивления, которую он проявлял с первых же часов Октябрьской революции, вероятно, способствовала тому, что руководство страны решило доверить ему управление вооруженными силами в то время, когда в Россию вступали войска интервентов, а ее окраины оказались в руках мятежников и сепаратистов. С другой стороны, это назначение отражало прогрессирующее снижение требовательности к профессиональному опыту в Советской России. Если Крыленко был прапорщиком, то назначенный на его место Троцкий никогда в жизни не служил в армии. Считая, что написание военных обзоров для «Киевской мысли» подготовило Троцкого к «большой предстоящей работе», Дейчер писал: «Так же как опыт капитана полка Гэмпширских гренадеров оказался небесполезным для Гиббона, автора истории Римской империи, так и опыт военного корреспондента впоследствии пригодился основателю Красной Армии».

Соглашаясь с тем, что военные обзоры не были бесполезны для кругозора будущего Предреввоенсовета, вероятно, для Красной Армии было бы лучше, если бы ее руководитель в прошлом был не журналистом, а капитаном гренадеров. Следует также учесть, что, по признанию самого Дейчера, яркость статей Троцкого о мировой войне объяснялась не столько его глубокими знаниями боевых действий, сколько умением красочно описать события, о которых автор был знаком понаслышке из чужих уст. Троцкий не принадлежал к той плеяде военных журналистов, которые «на «эмке» драной и с одним наганом первыми въезжали в города». «Почти невероятно», писал Дейчер о военном репортаже Троцкого, посвященном окопной войне, что «его автор никогда в жизни не видел окопа».

Резкое снижение профессионального уровня в руководстве армией России происходило

в то время, когда российской армии в прежнем виде уже не существовало. Если к концу 1917 года в российской армии числилось около 12 миллионов военнослужащих, то в начале 1918 года Красная Армия только начала создаваться за счет добровольцев. Таких было не так много. Даже в «колыбели революции», в Петрограде, к 30 апрелю 1918 года общее число лиц, записавшихся в Красную Армию, составляло всего 12 820 человек. В начале 1918 года в Нижнем Новгороде в Красную Армию записалось 174 человека. Царицын сформировал части численностью в 374 человека. В Иркутске в армию пошло 350 человек. К началу Гражданской войны (май 1918 г.) в рядах вновь созданной Красной Армии насчитывалось 116 тысяч пехотинцев и 7940 кавалеристов. На вооружении у них было 1635 пулеметов и 1050 орудий.

Противостоящая Красной Армии белая Добровольческая армия под командованием генералов Л.Г. Корнилова и М.В. Алексеева представляла собой на первых порах еще более жалкое зрелище. Из многомиллионной царской армии в ее ряды пошли служить к началу 1918 года не болеее 4 тысяч плохо вооруженных человек.

Как свидетельствует мировая история, отказ значительной части населения сделать выбор между противоборствующими группировками в ходе гражданских войн – не редкость в периоды внутренней смуты. Старый строй уже сильно дискредитирован к моменту начала подобной войны, а новый строй еще не прочно связан с представлениями об Отечестве и сознанием необходимости выполнять свой общественный долг. Поэтому костяком в обеих противоборствующих сторонах являются люди, наиболее преданные той или иной идее. Однако такие самоотверженные идеалисты в противостоящих враждующих лагерях составляют меньшинство. Сетуя на недостаток идеализма и самоотверженности в белом движении, его активный участник В.В. Шульгин писал, что наряду с «белыми», то есть теми, кто свято верил в «белое дело» и был готов пожертвовать собой во имя его идеалов, было немало «серых», то есть людей, случайно втянутых в ряды белых армий, не готовых морально к самоотверженной борьбе за «великую, единую и неделимую Россию». Аналогичные настроения можно было обнаружить и в красном лагере.

Господствующее меньшинство в каждом из противостоящих лагерей стремится заразить инертных, колеблющихся и всю остальную часть населения идеалами своего дела, и поэтому агитация и пропаганда приобретает особо важную роль в ходе междоусобной войны и обретает наступательный стиль и крайне упрощенное содержание. Защищаемое дело изображается в безупречно чистом виде, а все возможные пороки приписываются противной стороне.

Однако голая пропаганда не оказывает долгосрочного воздействия на инертных и колеблющихся. Отсутствие у подавляющей части населения желания активно поддерживать идеи противоборствующих сторон и ее неверие в политическую пропаганду заставляет идейное меньшинство прибегать к жесткому давлению, чтобы принудить остальных к повиновению. Такая политика усугубляется царящим хозяйственным развалом и вызванным им отсутствием материальных и организационных возможностей у властей стимулировать поддержку населения. В результате главными методами воздействия на большинство населения становятся насильственные. Устрашение, или террор, – характерная черта политики любой стороны, участвующей в Гражданской войне.

Гражданская война в России 1918—1920 годов дала немало чудовищных примеров применения насильственных методов, к которым прибегали и красные, и белые, а также всевозможные военные и полувоенные формирования, контролировавшие различные части великой страны. В атмосфере жестоких беззаконий, которые совершают участники конфликтов, поднимаются люди с откровенно преступной психологией и они начинают задавать тон в соперничающих лагерях. Творимый ими произвол и насилия оправдываются необходимостью обеспечить потребности своей армии или отомстить противной стороне.

В своих воспоминаниях белый генерал А. Деникин писал: «За гранью, где кончается «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения: насилия и грабежа. Они пронеслись по… всему российскому театру Гражданской войны,

наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага». В качестве одного из удручающих примеров моральной деградации белой армии Деникин приводил телеграмму генерала Мамонтова, возвращавшегося из тамбовского рейда по тылам Красной Армии: «Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей на украшение церквей – дорогие иконы и церковную утварь».

По оценке Шульгина, наряду с «белыми» и «серыми» в белом движении значительное место занимали и «грязные». Вероятно, то же самое можно сказать и про красное движение.

Чтобы остановить преступления в своей армии, Деникин и другие белые вожди, по его словам, «писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием. Мы посылали вслед за армиями генералов, облеченных чрезвычайными полномочиями, с комиссиями для разбора на месте совершаемых войсками преступлений. Мы – и я, и военачальники – отдавали приказы о борьбе с насилиями и грабежами, обиранием пленных и так далее. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости. Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам».

Деморализации людей способствует суровая обстановка Гражданской войны. Крушение привычного порядка, хозяйственный хаос и общественная неустроенность ставит многих людей перед выбором: либо сражаться за ту или иную идейно-политическую партию, либо стараться защитить свой дом, свою семью. Подобные настроения проявлялись и в ходе Гражданской войны 1918—1920 годов. Даже наиболее стойкая часть белых войск из казачества, как правило, храбро сражалась до тех пор, пока военные действия происходили вблизи от родных поселений. Однако по мере удаления фронта от казачьих областей в белых армиях возрастало дезертирство. Деникин констатировал: «Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось очень слабо… Дезертирство приняло широкое, повальное распространение… Я приказал одно время принять исключительные меры в пункте квартирования ставки (Екатеринодар) и давать мне на конфирмацию все приговоры полевых судов, учреждаемых при главной квартире, о дезертирах. Прошло два-три месяца; регулярно поступали смертные приговоры, вынесенные каким-нибудь заброшенным в Екатеринодар ярославским, тамбовским крестьянам, которым я неизменно смягчал наказание; но, несмотря на грозные приказы о равенстве классов в несении государственных тягот, несмотря на смену комендантов, ни одно лицо интеллигентно-буржуазной среды под суд не попадало. Изворотливость, беспринципность, вплоть до таких приемов, как принятие персидского подданства, кумовство, легкое покровительственное отношение к уклоняющимся, служили им надежным щитом».

Нежелание служить в армии было широко распространено и в Советской республике. Характерно, что в одной из самых популярных песен того времени «Как родная меня мать провожала», шла речь о том, что все родственники крестьянина, мобилизуемого в Красную Армию, уговаривают его не идти «во солдаты» и уверяют, что «без тебя большевики обойдутся».

Дезертиры с обеих противоборствующих сторон в гражданских войнах становятся базой для создания отрядов «третьей силы». Деникин утверждал, что наиболее активная часть населения «по мотивам далеко не идеальным была увлечена в движение черноморских «зеленых»: ставропольских камышан, в кубанское «организаторство и в горские повстанческие отряды». Нередко такие формирования превращались в обычные криминальные группировки. Подобные банды терроризировали население.

Наконец, в условиях экономического и организационного распада воюющие стороны не имели достаточных средств для ведения боевых действий. Ни красные, ни белые войска не имели достаточного количества боеприпасов. Даже в период наиболее напряженных боев Гражданской войны общие резервы винтовочных патронов в красных армиях Южного фронта летом 1919 года составляли около 4 миллионов. Ветеран Первой мировой войны

полковник царской армии Н.Е. Какурин в этой связи отмечал: «Следует иметь в виду, что в период империалистической войны один пехотный полк в день горячего боя расходовал до 2,5 миллиона винтовочных патронов». У белых армий положение с боеприпасами было зачастую хуже, так как они были отрезаны от центров военно-промышленного производства. Они могли надеяться лишь на захват оружейных складов красных. Из этого следует, что бои Гражданской войны по насыщенности огня отличались на несколько порядков от соответствующего показателя военных действий мировой войны, в которых участвовала Россия в 1914—1917 годах.

Поэтому неудивительно, что сравнительно малочисленные, но хорошо вооруженные войска без особого труда овладевали огромными территориями России. Так хорошо оснащенный и дисциплинированный 45-тысячный чехословацкий корпус в конце мая 1918 года взял под свой контроль все города по Транссибирской дороге, расположенные за Уралом. Мятеж чехословацкого корпуса превратил Гражданскую войну, которая фактически уже началась с мятежей на Северном Кавказе, в полномасштабную.

Решающая роль чехословацкого корпуса в развязывании Гражданской войны свидетельствовала и о том, что в обстановке распада России наиболее боеспособными формированиями часто являлись те, что были созданы не из представителей основного населения страны, а из иностранцев или жителей новых независимых стран, которые волей судьбы оказались за пределами родных краев. У белых такую роль на первых порах, помимо чехословацкого корпуса, играли войска интервентов. Белый же офицер В.Д. Матасов утверждал, что «чрезвычайную и решающую помощь большевикам оказали интернациональные коммунистические части и наймиты: латышские и эстонские стрелковые дивизии, китайцы и венгры».

Поскольку значительная часть русского населения воздерживалась от участия в Гражданской войне, и белые и красные активно взывали к ее патриотическим чувствам, обвиняя своих противников в услужении иностранцам. Троцкий, который постоянно издевался над понятием «патриотизм» и словами о любви к Отечеству, был вынужден во время наступления германских войск на Петроград выдвинуть лозунг «Социалистическое отечество в опасности!». Советская власть подчеркивала иностранный характер интервенции и обращала внимание на заграничную помощь белым генералам.

Контрреволюционные же силы, выдвинув лозунг «Россия великая, единая, неделимая», указывали на интернационалистские лозунги Советского строя и борьбу нового правительства против устоев вековой России. Стремясь доказать «нерусский» характер Красной Армии, антибольшевистская пропаганда также постоянно говорила о господстве евреев в управлении советскими войсками.

В подтверждение версии о засилье евреев в руководстве Красной Армии Дикий приводит длинные списки с указанием фамилий и должностей. Составленный им список «Военный комиссариат», который открывается словами «Комиссар Армии и Флота – Бронштейн (Троцкий)…», венчается выводом: «Итого – из 43 членов: русских– 0, латышей– 7, немцев– 1, евреев– 35». Таким образом, получается, что в руководстве Красной Армии русских не было.

Но можно ли считать список Дикого полным и точным отображением состава руководящих кадров Красной Армии? Сразу после фамилии Троцкого названы лица, которые по своему положению не играли и не могли играть сколько-нибудь значительной роли в руководстве Красной Армии (некий «председатель революционного штаба Северной Армии Фишман» и некий «Комиссар Военно-Судебный 12-й Армии Ромм»). Далее следуют столь же малозначительные должности, как «политический комиссар 12-й Армии», «Политический комиссар Витебского Военного округа» и так далее. Возможно, что с точки зрения Дикого и ирландского епископа Иеремии, лица, занимавшие эти должности, играли ведущую роль в вооруженных силах Советской России, а политкомиссары городов Слуцк и Витебск казались крупнейшими военачальниками Красной Армии. Однако это не соответствовало реальности.

Главным органом управления Красной Армии во время Гражданской войны, во главе которого стоял Л.Д. Троцкий, был Революционный военный совет Республики (РВСР), созданный решением ВЦИК от 2 сентября 1918 года. В его первоначальный состав вошли: Троцкий, Кобозев, Мехоношин, Раскольников, Смирнов, Данишевский, Вацетис. Из этих 7 человек лишь Троцкий был евреем, двое – латышами (Иоаким Иоакимович Вацетис и Карл-Юлий Христианович Данишевский), остальные четверо – русскими. Вскоре РВСР был расширен и состоял из 23 лиц. Среди новых членов было немало лиц еврейской национальности, большинство же составляли русские. Однако А. Дикий не пожелал включать в состав руководства вооруженных сил Советской России ни главнокомандующего Республики Сергея Сергеевича Каменева (однофамильца Льва Борисовича Каменева-Розенфельда), ни таких членов РВСР, как Смирнов Иван Никитович, Окулов Алексей Иванович, Подвойский Николай Ильич и других. Дикий предпочел составить свой перечень из таких фамилий, как «Геккер» («командующий Красной Армии в Ярославле»), «Шульман» (чрезвычайный комиссар Восточного фронта») и т. д. (О степени некомпетентности А. Дикого свидетельствует «назначение» им И.И. Вацетиса «командующим Западным фронтом против Чехо-Словакии». Видимо, Дикий считал, будто Советская Россия вела боевые действия где-то на западе против только что созданной Чехословацкой республики. На самом деле бои с чехословацким корпусом шли на востоке России.)

В то же время нет сомнения в том, что евреи играли заметную роль в руководстве Красной Армии. Вскоре после назначения Троцкого во главе РВС Республики, его первым заместителем стал Эфраим Склянский. Видные посты в руководстве Красной Армии заняли и ряд других лиц еврейской национальности (например, В.М. Альфатер стал командующим всеми Морскими силами Республики). Как свидетельствуют данные из книги А.Л. Абрамовича «В решающей войне», изданной в 1982 году в Тель-Авиве, в командном составе Красной Армии было немало лиц еврейской национальности. Составленный А.Л. Абрамовичем перечень евреев, занимавших высшие командные посты в военном аппарате страны, от членов Реввоенсовета Республики до командиров дивизий и бригад, включает около 400 фамилий. Среди руководителей РВС Республики, фронтов и командующих армиями А.Л. Абрамович упоминает Л.Д. Троцкого, Э.М. Склянского, А.П. Розенгольца, СИ. Гусева (Я.Д. Драбкина), М.М. Лашевича, Е.М. Пятницкого, И.С. Уншлихта, Д.И. Ваймана, JI.М. Глезарова, Л.Ф. Печерского, И.Е. Славина, М.Я. Лисовского, И.А. Зеленского, Г.С. Биткера, Бела Куна, Г.Я. Сокольникова, И.И. Ходоровского, В.С. Лазаревича, Н.С. Соркина, И.Э. Якира.

Одного из таких военачальников запечатлел Уткин в своей поэме о бывшем портном Мотэле Блохе:

Мэд на базаре волнуется.
И не Мэд, весь ряд:
На вокзал по улице
Прошел отряд…
Но не к этому доводы,
Главное (чтоб он сдох!) —
В отряде с могендовидом
Мотька Блох!
Идет по главной улице,
Как генерал на парад,
И Мэд на базаре волнуется,
И волнуется весь ряд.

Возможно, поэт был очевидцем того, как комиссары-евреи маршировали под знаменем с шестиконечной звездой Давида, таким образом демонстрируя свою принадлежность к

еврейскому народу и древней религии своих отцов.

Подобные демонстрации могли вызывать раздражение не только среди рыночных торговцев, вчерашних друзей новоиспеченных комиссаров, но и среди родовых красноармейцев иных национальностей. Многие из них замечали, что в то время как среди военного начальства евреев было немало, их было гораздо меньше среди рядовых солдат (доля евреев среди родового состава составляла 1,9%, то есть значительно ниже не только их доли в командном составе и в 2 раза меньше по сравнению с долей евреев в населении страны – 4%).

В начале 1919 года, по словам Недавы, «Троцкому начало казаться, что диспропорция, в которой евреи представлены наверху, излишне бросается в глаза». Он направил Ленину конфиденциальное письмо, после чего на заседании политбюро 18 апреля 1919 года было заслушано «сообщение т. Троцкого о том, что латыши и евреи составляют огромный процент сотрудников ЧК b прифронтовых зонах, в исполкомах прифронтовых зон и тыла и в советских учреждениях центра». Троцкий указал, что «их процент на фронте относительно невысок, что среди красноармейцев ведется усиленная шовинистическая агитация на эту тему и что, по мнению т. Троцкого, важно произвести перемещение партийцев с целью достичь более равномерного распределения партийных работников всех национальностей между фронтом и тылом». Политбюро поручило Троцкому и председателю политотдела Реввоенсовета Смилге «подготовить и разослать от имени ЦК директивы комиссиям по распределению кадров между центральными и местными организациями и фронтом».

Вместе с тем Троцкий поддержал предложение ЦК партии сионистов-социалистов Поалей-Цион о создании в Красной Армии еврейских частей. Авторы предложения доказывали, что «еврейский красноармеец в еврейском подразделении будет лучше сражаться с белогвардейцами, – в частности, потому, что освободится от угнетающей антисемитской атмосферы, поддерживаемой бессознательной частью бойцов Красной Армии». 28 апреля 1919 года Политбюро приняло решение о создании еврейских батальонов в смешанных полках и национальных еврейских полков в смешанных бригадах.

Как подчеркивал Недава, базой для создания «еврейских военных или военизированных подразделений… могли стать отрады самообороны от погромов, существовавшие в дореволюционный период. О легализации этих отрядов и о превращении их в стационарные части шла речь на первой конференции Союза еврейских военнослужащих в октябре 1917 года… Особенно остро вопрос о создании еврейских частей обсуждался на Украине. Именно здесь они могли быть одновременно и действенной силой Красной Армии, и щитом от погромов». Недава считает, что «Троцкий был сторонником еврейских подразделений», так как «в народе господствовала мысль, что евреи уклоняются от службы… Троцкого, по-видимому, беспокоили и разговоры о том, что будто бы все поголовно комиссары Красной Армии – евреи».

Как и при решении вопроса о своем назначении на пост наркома внутренних дел, Троцкий в своих действиях по распределению евреев по различным подразделениям и руководящим постам внутри Красной Армии руководствовался стремлением предотвратить, с одной стороны, негативное отношение к своим соплеменникам, а с другой стороны, избежать нареканий в собственный адрес.

Сознавая беспомощность в военных делах, как собственную, так и своих многочисленных коллег-выходцев из среды революционеров, Троцкий с самого начала пребывания на новом посту стал инициатором всемерного привлечения профессиональных военных к руководству вооруженными силами Республики. Когда 22 апреля 1918 года Троцкий изложил перед ВЦИК свой план использования бывших офицеров и генералов в радах Красной Армии, его предложение было подвергнуто нападкам со стороны «левых коммунистов» во главе с Бухариным и меньшевиков во главе с Даном и Мартовым. Последние увидели в плане Троцкого возможность блока большевиков с контрреволюционной военщиной. «Именно так появляются Наполеоны!» – восклицал Дан на заседании ВЦИК. Мартов обвинял Троцкого в том, что тот расчищает путь для нового

Корнилова. Однако Троцкий пренебрег этими обвинениями.

Уже к концу 1918 года бывшие офицеры и унтер-офицеры царской армии составляли три четверти командного состава Красной Армии. По настоянию Троцкого 7 декабря 1918 года Совнарком издал декрет «О порядке призыва на действительную военную службу всех бывших офицеров». К концу Гражданской войны в рядах Красной Армии сражалось 30 тысяч офицеров и 160 тысяч унтер-офицеров царской армии.

Потребность в профессиональном усилении командного состава Красной Армии возрастала по мере того, как со всех сторон на Советскую республику развертывалось наступление ее противников. В течение 1918 года территория, находившаяся под контролем Советского правительства, быстро сокращалась. Большая часть России находилась под контролем иностранных войск или различных антисоветских формирований. Украина, Белоруссия, Прибалтика, часть Псковской области оказались под властью немецко-австрийских оккупантов. Закавказье и значительная часть Средней Азии попали под власть национал-сепаратистских правительств. Вся Сибирь была в руках мятежных чехословаков. 6 июля Антанта объявила Владивосток международной зоной и туда высадились американские (10—12 тыс. чел.) и японские войска (70—75 тыс. чел.). Были усилены отряды интервентов в Мурманске (до 10 тыс. чел.), а 2 августа англо-американские интервенты захватили Архангельск и оттуда двигались на юг в направлении Вологды. 6 июля вспыхнули организованные с помощью Антанты мятежи в Ярославле, Рыбинске, Коврове, Муроме. В тот же день 6 июля левые эсеры восстали в Москве. Командующий Восточным фронтом левый эсер М.А. Муравьев попытался захватить Симбирск и соединиться с чехословаками.

Троцкий вспоминал: «Немецкое командование дало мне через своего военного представителя понять, что если белые будут приближаться к Москве с востока, немцы будут приближаться к Москве с запада, со стороны Орши и Пскова, чтобы не дать образоваться Восточному фронту. Мы оказывались между молотом и наковальней».

После выступления чехословаков на востоке страны ВЦИК объявил республику в опасности. В приказе о назначении 18 июля 1918 года новым главнокомандующим Восточным фронтом бывшего полковника царской армии И.И. Вацетиса Троцкий смог предложить для борьбы с чехословаками лишь средства агитации: «Издайте в миллионах экземпляров воззвания к рабочим, крестьянам, солдатам относительно смысла чехословацкого мятежа. Направьте в эту сторону все усилия. Наша помощь вам обеспечена». Вацетис же разработал профессиональный план окружения чехословаков и развития наступления за Урал.

Однако силы красных были недостаточны для выполнения задачи. Так называемая 2-я армия, которая должна была взять Уфу, насчитывала 1000 штыков и 140 сабель и имела 17 пулеметов и 6 орудий, была разбита ротой чехословаков. Столь же беспомощными оказались и другие «армии», которые должны были окружить чехословаков.

6-7 августа 1918 года чехословаки овладели Казанью. В этом городе находился эвакуированный из Петрограда золотой запас России. Он был захвачен чехословаками. Н.Е. Какурин отмечал «ничтожное количество сил» обеих сторон, которые «первоначально исчислялись: на правом берегу Волги у красных было 1200—1500 человек пехоты, 4 легких и 2 тяжелых орудия против 1200 человек белых при 4 орудиях; на левом берегу Волги красные имели 2000 человек пехоты, 270 сабель, 9 орудий и 1 бронепоезд против 900 человек, располагавших всего 2 орудиями и 1 бронепоездом».

Общая численность чехословаков и белых была в 10 раз меньше, чем число японских войск, захвативших в августе 1938 года две сопки у озера Хасан. Однако слабость красных войск позволяла этим ничтожным силам продвигаться вперед. В своем докладе 13 августа командующий фронтом Вацетис так характеризовал состояние отдельных армий и частей: «3-я армия не обладала абсолютно никакой боеспособностью», 1-я армия «большей частью разложилась», артиллеристы Казанской дивизии, «отказавшись сражаться против чехословаков, разбежались до начала боевых действий под Казанью».

Руководству Советской страны казалось, что чехословаки и белые могут вскоре оказаться у стен Москвы. В своем приказе под названием «Грозное предупреждение» Троцкий писал: «Мы боремся сейчас из-за величайшей задачи, какую когда-либо знало человечество. От взятия Казани зависит дальнейший ход войны, от хода войны зависит судьба рабочего класса России и всего мира».

Как и в августе – сентябре 1552 года, Москва собирала под Свияжском войско для взятия Казани и от этого зависела дальнейшая судьба российского продвижения на восток. Но если в те далекие времена армия Ивана Грозного насчитывала 150 тысяч воинов и имела более 500 орудий, то силы, которыми располагала Советская власть в 1918 году, были значительно слабее. Несмотря на впечатляющие названия воинских формирований, общая численность двух красных «армий» не превышала к концу боев 15 тысяч человек, а число орудий составляло 69. Волжская «флотилия» под началом Ф.Ф. Раскольникова состояла из 5 вооруженных пароходов, 3 миноносцев, 1 плавучей батареи, 4 катеров и авиаотряда из 4 гидросамолетов.

Троцкий решил лично отправиться к местам боев в бронепоезде, в котором затем разъезжал по фронтам в течение двух с лишним лет. Сформированный 8 августа по приказу Троцкого бронепоезд был оснащен самой современной техникой того времени: здесь была своя типография, в которой издавалась газета «В пути», невиданные в России морозильные камеры и даже небольшой самолет. Это была передвижная крепость и одновременно дворец на колесах. В 12 вагонах, помимо наркома, находилась свита численностью в 231 человек, включая латышских стрелков (30), моряков (18), кавалеристов (9), пулеметчиков (21), мотоциклистов (5), шоферов (10), самокатчиков (5), телефонисток (7), команды броневика (7) и многих других. Самую большую группу составляли агитаторы (37 человек).

Бронепоезд Троцкого стал воплощением его стиля руководства Красной Армией. Выезды этого бронепоезда в малочисленные войска Красной Армии превращались в действия, сочетавшие боевую мощь десантной операции со внушительностью процессии восточного деспота. Троцкий постарался максимально ритуализировать свои выезды на фронт. Как свидетельствует Ларин, при поезде «находились фотограф и кинематограф, которые зафиксировали важные эпизоды поездки».

Приказ № 58 начальника поезда Чикколини, который вменял в обязанности начальнику охраны следить:

«1. Чтобы у вагона Наркомвоена тов. Троцкого не скоплялись люди.

2. Чтобы при выходе Наркомвоена тов. Троцкого его не сопровождали беспорядочной кучей любые попавшиеся товарищи, а лишь для этой цели назначенные.

3. Чтобы выставленные из нашего поезда часовые у входа или выхода какого-нибудь здания для встречи Наркомвоена тов. Троцкого не устремлялись при проходе его сейчас за ним, а сходили бы с места лишь по приказанию начальника охраны».

Перед отъездом в район боевых действий под Казанью Троцкий опубликовал приказ, в котором говорилось: «Я предупреждаю: мы не отступим перед врагами народа, агентами иностранного империализма, наемниками буржуазии. В поезде Народного комиссара по военным делам, где пишется этот приказ, постоянно работает военный революционный трибунал, …у которого неограниченные полномочия в зоне этой линии железной дороги. В этой зоне объявлено осадное положение. Товарищ Каменщиков, которому я поручил оборону линии Москва – Казань, приказал создать концентрационные лагеря в Муроме, Арзамасе и Свияжске… Я предупреждаю ответственных советских служащих во всех районах военных действий, чтобы они проявляли двойное усердие. Советская Республика будет наказывать беспечных и преступных служащих столь же сурово, как и ее врагов… Республика в опасности! Горе тем, кто прямо или косвенно усугубляет опасность».

Помимо устрашения, Троцкий мог полагаться на свой главный дар – способность воздействовать на своих слушателей эмоциональными речами. По словам Дейчера, оказавшись в Свияжске, Троцкий тут же «спустился к толпам перепуганных солдат и вылил на них потоки страстного красноречия». Позже он постоянно выступал перед

красноармейцами. 37 агитаторов бронепоезда также неустанно выступали перед войсками.

Троцкий превращал свои выступления в драматические спектакли, которые надолго запоминались солдатам. В эти годы сложился определенный ритуал выступлений Троцкого. Как правило, Троцкий опаздывал к назначенному сроку своего появления на сцене. Когда беспокойство, вызванное отсутствием оратора, накапливалось до предела, Троцкий врывался на сцену в сопровождении ординарца. В черной кожаной шинели он быстрыми шагами подходил к краю сцены, резким движением обеих рук распахивал шинель и на мгновение замирал. Все сидящие в зале видели в свете лучей красную подкладку шинели, фигуру человека в черной кожаной одежде, выброшенный вперед клок бороды и сверкающие стекла пенсне. Гром аплодисментов и крики приветствий были ответом на эту мизансцену.

Обращение Троцкого к «демоническому», «мефистофельскому» образу отвечало эстетике революции, эстетике беспощадного разрушения старого мира. Видимо, такой образ отвечал настроениям собравшихся, готовых идти в «последний, смертный бой», чтобы разрушить «весь мир насилья», уничтожить все, что мешает создать мир международного братства. «Демоническое» отрицание традиционных моральных устоев во имя торжества великих целей планетарного и всемирно-исторического масштаба нередко звучало в речах Троцкого. Выступая в декабре 1918 года в Курске он заявлял: «Патриотизм, любовь к родине, к своему народу, к окружающим, далеким и близким, к живущим именно в этот момент, к жаждущим счастья малого, незаметного, самопожертвование, героизм – какую ценность представляют из себя эти слова-пустышки!»

Однако, обращаясь к простым красноармейцам, он, как обычно, говорил то, что хотели услышать собравшиеся, превращая их настроения в яркие фразы-лозунги. Он говорил о тяготах войны и о том, что победа не за горами. Он слал проклятия врагам и выражал восхищение мужеством собравшихся бойцов. В эти минуты он не говорил о второсортности российской культуры. Из его уст вырывались слова, которые были бы более уместны в речах белых генералов. Очевидцы вспоминают, как, выступая в Киеве во время наступления Деникина, он неожиданно провозгласил: «Враг не смеет топтать землю Матушки-Руси!»

Чтобы оживить интерес к своей речи, Троцкий мог неожиданно вывести из рядов солдата и, обратившись к нему, заявить: «Брат! Я такой же, как ты. Нам с тобой нужна свобода – тебе и мне. Ее дали нам большевики (показывает рукой в сторону красных позиций). А оттуда (резкий выброс руки в сторону белых позиций) сегодня могут придти белые офицеры и помещики, чтобы нас с тобой вновь превратить в рабов!»

В завершение своих выступлений он требовал, чтобы собравшиеся давали коллективные клятвы на верность Республике Советов. После того как в толпе начинали выкрикивать: «Вперед!», «Умрем за революцию!», Троцкий бросал в толпу клич: «На Казань!»

Он лично раздавал особо отличившимся солдатам денежные или иные награды. Когда этих даров не хватало, он мог демонстративно отдать солдату свой браунинг или иную личную вещь. Рассказы о таких сценах передавались из уст в уста.

Член РВСР С.И. Гусев (Я.Д. Драбкин) высоко оценил деятельность Троцкого в эти дни: «В течение тех 25 дней, которые тов. Троцкий провел в Свияжске, была проделана огромная работа, которая превратила расстроенные и разложившиеся части 5-й армии в боеспособные и подготовила их к взятию Казани». В то же время он подчеркивал, что главным в действиях Троцкого было устрашение бойцов.

Приказы Троцкого пестрели обещаниями расстрелов за нарушения воинской дисциплины, особенно за дезертирство. Подобные приказы Троцкий издавал постоянно на протяжении Гражданской войны. Даже отдавая себе отчет в том, что укрепление дисциплины в армии требовало суровых мер, нельзя не поразиться свирепости приказа Троцкого от 24 ноября 1918 года:

«1. Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян.

2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет боевой пост, будет

расстрелян.

3. Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет расстрелян.

4. Во всякой прифронтовой полосе распределены заградительные отряды для ловли дезертиров. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть расстрелян на месте.

5. Все местные Советы и комитеты бедноты обязуются со своей стороны принимать все меры к ловле дезертиров, дважды в сутки устраивая облавы: в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Пойманных доставлять в штаб ближайшей части и в ближайший военный комиссариат.

6. За укрывательство дезертиров виновные подлежат расстрелу.

7. Дома, в которых будут открыты дезертиры, будут подвергнуты сожжению.

Смерть шкурникам и предателям!

Смерть дезертирам и красновским агентам!».

Для борьбы с дезертирами и отступающими солдатами в августе 1918 года на Восточном фронте были впервые созданы заградительные отряды. При этом Троцкий настаивал на всемерном расширении функций этих отрядов. В своем письме начальнику заградотряда Иванову Троцкий писал: «По-видимому, во многих случаях заградительные отряды сводят свою работу к задержанию отдельных дезертиров. Между тем во время наступления роль заградительных отрядов должна быть более активной. Они должны размещаться в ближайшем тылу наших цепей и в случае необходимости подталкивать сзади отстающих и колеблющихся. В распоряжении заградительных отрядов должны быть по возможности грузовик с пулеметом, или легковая машина с пулеметом, или, наконец, несколько кавалеристов с пулеметами. Предреввоенсовета Троцкий».

Объектами жестоких репрессий могли стать не только рядовые солдаты, но и командиры. В приказе Предреввоенсовета от 20 ноября 1918 года говорилось, что «повысить устойчивость армии можно только системой организованных, воспитательных и репрессивных мероприятий, проводимых сверху твердой рукой». Поддержание дисциплины в армии достигалось фактическим заложничеством командиров и комиссаров, отвечавших своей головой за любой проступок бойцов. В своем приказе Троцкий подчеркивал: «Паника, смятение, дезертирство, развал ложатся главной своей ответственностью на командный состав, а стало быть, и на комиссаров. Каждый комиссар должен после всякого несчастья с его частью отдать себе ясный отчет в том, на ком лежит главная вина, донести о негодных командирах, а в случае необходимости арестовать на месте явных шкурников, которые не прочь носить в мирной обстановке звание командира, а в бою прячутся за спину своей части и толкают ее к отступлению в безопасное место. Долг комиссара добиваться через Революционный трибунал расстрела таких негодяев».

Оправдывая такой стиль руководства, Гусев писал: «Жесткие методы тов. Троцкого для эпохи партизанщины и недисциплинированности… были прежде всего целесообразны и необходимы. Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было».

По-иному оценивал деятельность Троцкого другой член РВСР К.Х. Данишевский, который писал в своих мемуарах: «Не помню, в какой из моих приездов в Москву из Арзамаса и свиданий с Владимиром Ильичем зашел разговор о Троцком и его роли на фронте. Я передавал общее недовольство фронтовых политработников партизанскими наскоками поездов Троцкого на тот или другой боевой участок. Недовольно было и командование, ибо часто при проездах и во время пребывания поездов Троцкого на фронте создавалось двоевластие, путались действия, планы, потому что Троцкий часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность ни командование, ни Реввоенсовет.

Особенно это было отмечено под Свияжском. Пребывание Троцкого на этом фронтовом участке буквально внесло дезорганизацию в руководство операциями. Иногда приходилось выделять специальные части, чтобы защитить Троцкого или выручить его (как это имело место, когда белогвардейцы прорвались к Казанской железной дороге и заперли

поезд Троцкого). При этом Троцкий пытался и непосредственно командовать. Все это вносило путаницу на фронте, нервировало и политработников, и командование».

Прорыв белых отрядов к бронепоезду Троцкого под Свияжском (о чем упоминал Данишевский) имел тяжкие последствия для многих красноармейцев. После того как войска противника, прорвавшиеся к бронепоезду, были отброшены, военный трибунал стал вершить суд над теми частями, которые не обеспечили обороны бронепоезда. В этом были обвинены необстрелянные солдаты 2-го Петроградского полка. Трибунал приговорил каждого десятого к расстрелу, в том числе коммунистов, командира и комиссара полка.

Троцкий постарался, чтобы этот расстрел послужил примером в назидание остальным, опубликовав по этому поводу приказ, в котором говорилось: «Солдаты Красной Армии не трусы и не подлецы. Они хотят сражаться за свободу рабочего класса. Если они отступают или плохо сражаются, то виновны в этом командиры и комиссары. Я издаю предупреждение: если какое-либо подразделение отступает без приказа, первым будет расстрелян комиссар, следующим – командир… Трусы, подлецы и предатели не избегнут пули – я это обещаю перед всей Красной Армией». В своих воспоминаниях Троцкий объяснял свои действия так: «К загнившей ране было приложено каленое железо».

Расстрелы на Восточном фронте совпали с началом «красного террора», который был провозглашен после покушения 30 августа 1918 года эсерки Фанни Каплан на жизнь Ленина и убийства председателя Петроградского ЧК Урицкого эсером А. Канегиссером. В Петрограде и Москве были расстреляны сотни видных деятелей царского строя, включая ряд бывших министров. Но еще раньше, за несколько дней до начала «красного террора», в Екатеринбурге был расстрелян Николай II вместе со своей семьей. Поскольку до этого Троцкий собирался стать государственным обвинителем на процессе против Николая II, Дейчер, комментируя расстрел в Екатеринбурге, лишь сожалел о том, что «мир был лишен зрелища драматичного процесса, в котором Троцкий и царь стояли бы лицом к лицу».

Узнав о покушении на Ленина, Троцкий тут же выехал в Москву. Троцкий мог убедиться в том, что, несмотря на серьезное ранение, жизнь Ленина вне опасности, стало быть, никаких изменений в руководстве страны не будет. За несколько дней пребывания в Москве он добился решения о создании Реввоенсовета Республики (РВСР) – новой структуры, сильно укреплявшей позиции наркома по военным делам. (Официально об этом было объявлено 6 сентября 1918 года). А 4 сентября 1918 года было объявлено об учреждении поста Главнокомандующего вооруженными силами Республики. Им был назначен И.И. Вацетис, с которым Л.Д. Троцкий сблизился в дни подготовки наступления на Казань.

После доклада 2 сентября на заседании ВЦИК о положении на Восточном фронте Троцкий вернулся в бронепоезде в Свияжск, где принял участие в подготовке штурма Казани. Впервые после 1552 года войско московского правительства, подвергнув Казань, как и 366 лет назад, продолжительному артобстрелу, 10 сентября 1918 года захватило город, выбив из него 4 тысячи чехословаков и белых, которые при отступлении бросили два бронепоезда и 12 орудий, но захватили с собой золотой запас России.

Троцкий категорически отказался удовлетворить просьбу Ленина и дать делегации Международного Красного Креста разрешение посетить Казань. Он не хотел, чтобы делегация увидела последствия артиллерийского обстрела «буржуазного квартала» Казани. Возможно, он не желал пускать лишних свидетелей в город, где вскоре стал издаваться журнал «Красный террор» с использованием материалов об опыте искоренения контрреволюции в Казани.

Вступление Красной Армии на территорию, до этого занятую белыми, сопровождалось жестокими мерами по борьбе со сторонниками прежней власти. Жертвами репрессий нередко становились мирные жители, огульно обвиненные в пособничестве белым.

Так, запугивая донских казаков в своем приказе от 10 декабря 1918 года, Троцкий писал: «Последнее вам предупреждение, казаки! Преступление Краснова и его союзников ожесточили сердца рабочих и крестьян. Ненависть к Краснову нередко переносится на

казаков вообще. Все чаще раздаются голоса рабочих и крестьян: «Нужно истребить всех казаков, тогда наступит мир и спокойствие в южной России!» Это, конечно, неверно и несправедливо. Но чем дольше будут казаки оставаться слепым орудием в руках Краснова, тем суровее будут расправляться с ними солдаты Красной Армии».

Население Дона вскоре узнало на собственном опыте, что означали эти угрозы, в ходе осуществления так называемого расказачивания. 24 января 1919 года Я.М. Свердлов, Н.Н. Крестинский и М.Ф. Владимирский подготовили циркулярное письмо ЦК, в котором говорилось: «Необходимо, учитывая опыт Гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления». Как подчеркивают В. Краснов и В. Дайнес, «авторы письма требовали «провести массовый террор… против богатых казаков» и «беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью». Предписывалось конфисковывать хлеб, переселить «пришлую бедноту» на казачьи земли, уравнять пришлых «иногородних» с казаками в земельном отношении, провести полное разоружение, расстреливая каждого у кого будет обнаружено оружие после указанного срока сдачи». Говоря о «расказачивании», Краснов и Дайнес писали: «Днем и ночью на территории Донской области, занятой частями Красной Армии, работала карательная машина, отправляя на тот свет по 40—60 человек в сутки».

Впрочем, подобные массовые репрессии обрушивались и на население территорий, обвиненное в поддержке Советской власти после вступления туда белых армий. Не менее тяжелые испытания выпадали и на долю тех, кто оказывался в зоне безвластия или под контролем «зеленых» банд или всевозможных местных правителей. Бедствия населения страны продолжались по мере продолжения братоубийственной войны.

Троцкий постарался создать впечатление, что победа под Казанью была эпохальным событием, но взятие красными войсками этого города на Волге не привело к перелому в Гражданской войне. Правда, отсутствие значительных контрреволюционных сил на Восточном фронте позволило Красной Армии развернуть наступление, но уже в ноябре 1918 года белые армии возобновили наступление на Восточном фронте более внушительными силами. Численность наступавших армий под командованием Колчака составляла 143 тысячи человек и у них было 210 орудий. Им противостояли войска красного Восточного фронта, насчитывавшие 100 тысяч человек и имевшие 334 орудия. Это примерно соответствовало численности противостоящих группировок в сражении 1905 г. под Ляояном (152 тысячи у русской армии и 130 тысяч у японской) при ином соотношении орудий (606 – у русских, 508 – у японцев). И все же, несмотря на возросшую, по сравнению с боями под Казанью, численность противоборствующих войск, следует учесть, что длина фронта под Ляояном составляла 60 километров, а Восточный фронт растянулся на 1400 километров.

В этих условиях было чрезвычайно трудно управлять действиями частей, разбросанных по широкому фронту. Зачастую отдельные части сражались самостоятельно, отрываясь от центрального руководства, а их действия приближались по стилю к партизанским. В результате того, что войска не были в состоянии прикрыть растянутый фронт, боевые действия носили маневренный характер. Отдельные части совершали переходы и рейды в глубоком тылу противника, внезапно нападая на штабы армий и также быстро покидая поле боя. О боевых условиях Гражданской войны СМ. Буденный писал: «Это была война на широких просторах с весьма условной линией фронта, бои велись за наиболее важные города, железнодорожные узлы, села; всегда существовала возможность обхода, охвата удара по флангам и тылам». Такие условия предполагали активное использование подвижных соединений и в тогдашних условиях означали применение крупных кавалерийских соединений. Во второй половине Гражданской войны белые создали крупные конные корпуса, красные – конные армии численностью в 9-17 тысяч кавалеристов. Позже Троцкий и его биографы старались, чтобы потомки запомнили его лозунг: «Пролетарий, на коня!». Однако путь Троцкого к признанию роли кавалерии был противоречивым и начался с

огульного отрицания значимости конницы.

Как свидетельствовал в своих воспоминаниях С.М. Буденный, в ответ на его аргументы в пользу создания крупных соединений кавалерии, выдвинутые им на совещании, Троцкий заявил: «Товарищ Буденный… отдаете ли вы отчет в своих словах? Вы не понимаете природы кавалерии. Это же аристократический род войск, которым командовали князья, графы и бароны. И незачем нам с мужицким лаптем соваться в калашный ряд». По мнению Буденного, «скорее всего ответ Троцкого отражал мнение окружавших его военспецов, которые всячески тормозили создание советской кавалерии – одни сознательно, работая в интересах врага, другие, «добросовестно» заблуждаясь в определении роли кавалерии в гражданской войне». (Повышенная подозрительность «красных командиров», как справедливо отмечал Троцкий, нередко вызывалась самомнением людей, не обремененных знаниями военной теории.)

Однако и сам Троцкий не был свободен от постоянной подозрительности в отношении «военных специалистов». В своих мемуарах он описывал, как не раз разоблачал «измены» бывших царских офицеров. То основанием для таких обвинений служил подслушанный им случайный разговор, в котором бывший царский офицер критиковал стратегические замыслы Троцкого. То Троцкому казалось, что он попал под артобстрел, потому что бывший офицер успел позвонить по телефону во вражескую часть и сообщил им, где находится председатель Реввоенсовета республики. Описывая в своих воспоминаниях свой опыт общения с рядом бывших офицеров, Троцкий утверждал: «Измена гнездилась в штабе, в командном составе и вокруг».

Свои подозрения Троцкий не раз венчал суровыми расправами с теми, кто стал объектом его недоверия. Еще в начале своей карьеры в качестве руководителя вооруженных сил республики, Троцкий 27 мая 1918 года приказал арестовать капитана 1 ранга А.М. Щастного по обвинению в подготовке контрреволюционного переворота. Во время процесса, который происходил 20—21 июня, свидетелем обвинения выступил Троцкий. Единственным свидетельством против капитана Троцкий выдвинул реферат Щастного, который тот собирался прочесть на съезде депутатов от соединений военно-морских сил. Суд приговорил Щастного к расстрелу лишь на основании подозрений Троцкого. Волкогонов замечает, что это был «первый политический приговор в Советской России, на котором был вынесен смертный приговор».

Стремясь выкорчевать реальную или мнимую угрозу измены, Троцкий постоянно прибегал к запугиванию. Как подчеркивал Дейчер, «приказы Троцкого сверкали мрачными угрозами агентам белогвардейцев». Однако в отличие от своего биографа Троцкий считал, что «угроза высшей меры наказания – это несерьезная угроза для боевых офицеров». Поэтому Троцкий приказал подготовить списки семей белых офицеров, служивших в рядах РККА, с тем, чтобы «потенциальные предатели знали, что, если они перебегут к врагу, его жена и дети останутся за линией фронта в качестве заложников». В своем распоряжении военкомкору Межлауку, направленном из Казани, Троцкий писал: «Предлагаю обратить сугубое внимание на привлекаемый состав, ставя на командные должности только тех бывших офицеров, семьи которых находятся в пределах Советской России, и объявляя им под личную расписку, что они сами несут ответственность за судьбу своей семьи. Предреввоенсовета Троцкий».

Троцкий напоминал заведующему оперативным отделом Наркомата военных дел Аралову, что им был отдан «приказ установить семейное положение командного состава из бывших офицеров и сообщить каждому под личную расписку, что его измена или предательство повлечет арест его семьи и что, следовательно, он сам берет на себя таким образом ответственность за судьбу своей семьи. С того времени произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, но ни в одном из этих случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предреввоенсовета Троцкий».

Требования репрессий в отношении семей перебежчиков-офицеров и создания системы заложничества Троцкий оправдывал на том основании, что «без этого революция будет разбита и классы, защищающие революцию, станут жертвой мщения белогвардейцев». Даже апологет Троцкого Дейчер признавал, что «среди панических настроений, усиленных подозрений и бурных страстей было много невинных жертв».

Объясняя принципы своего отношения к «буржуазным специалистам», Троцкий не скрывал своего глубоко отчужденного отношения к ним и даже непризнания их живыми существами. В марте 1918 года он заявлял: «Как и в мертвые машины, так и в этих техников, инженеров, врачей, учителей, вчерашних бывших офицеров, в них вложен известный наш народный национальный капитал, который мы обязаны эксплуатировать, использовать, если мы хотим вообще разрешить основные задачи, которые стоят перед нами».

И тем не менее удивительным образом Троцкий был объектом многочисленных обвинений со стороны «красных командиров» в благоволении к бывшим царским офицерам. Следует учесть, что по своему социальному происхождению и культурному воспитанию Троцкий был ближе к выходцам из военной интеллигенции, чем к выходцам из народной среды. Как и Троцкий, многие «военные спецы» были поклонниками Запада, его ценностей, и столь же презрительно относились к «мужикам», которые «совались в калашный ряд». А поэтому при выборе из рекомендаций, предлагавшихся «военными спецами» и «красными командирами» он, как правило, безоговорочно отдавал предпочтение мнению первых.

Между тем при всех недостатках общего и военного образования командиры красных соединений живее реагировали на особенности войны в условиях рассредоточенного фронта, чем бывшие царские офицеры, воспитанные на опыте русско-японской и мировой войн. Имея определенные основания, Буденный (хотя и не без самодовольства) высмеивал склонность белых офицеров к шаблонному мышлению. «Придерживаясь устава, – отмечал командарм Первой Конной, – «яко слепой стенки», белогвардейское командование во всех случаях, когда мы действовали не по уставу, теряло самообладание и способность принять ответные меры. Иной раз самые простые, подсказанные обстановкой и здравым смыслом действия ставили его в тупик».

Интересы дела требовали гармоничного сочетания военной теории, опыта мировой войны и анализа боевых действий Гражданской войны. Но противоречия между военными специалистами и красными командирами превратились в острый конфликт, особенно после посещения Троцким Южного фронта осенью 1918 года.

На протяжении второй половины 1918 года царицынское направление являлось одним из самых значительных участков военных действий. В целом белые армии, наступавшие на царицынском направлении, насчитывали 12 тысяч бойцов пехоты и 6 тысяч кавалеристов. Части Красной Армии, оборонявшие Царицын, насчитывали, по подсчетам Н.Е. Какурина, «31 649 штыков, 7816 сабель, 240 орудий, 1005 пулеметов и 13 бронепоездов». Эти силы были во много раз больше «армий», сражавшихся под Казанью в августе – сентябре 1918 года.

Стратегическое значение Царицына не уступало, а пожалуй, и превосходило значение Казани. Ведь падение Царицына отрезало бы центральную Россию от последних источников хлеба и других продовольственных продуктов. Именно с целью обеспечить центр России питанием в этот город был направлен из Москвы И.В. Сталин. Кроме того, падение Царицына позволило бы белым с юга соединиться с белыми отрядами на востоке.

И.В. Сталин, которому было поручено осуществлять контроль за Южным фронтом от ЦК, К.Е. Ворошилов, командующий 10-й армией, оборонявшей Царицын, член РВС Южного фронта С.К. Минин прилагали усилия для того, чтобы остановить белые армии. Прибыв на Южный фронт в своем бронепоезде в разгар напряженных боев, Троцкий попытался, как и в Свияжске, командовать боевыми операциями, но получил отпор. Дело в том, что на Юге он имел дело не с частями, подобными тем, которые спешно формировал И.И. Вацетис летом 1918 года на Волге, а сложившимися военными организациями. Масштаб операций был также более крупным. Наконец, на Южном фронте присутствовал Сталин, который, будучи

членом бюро ЦК партии и «внутреннего кабинета», мог противостоять действиям Троцкого. Как отмечал Дейчер, «Ворошилов отказывался реорганизовать свои войска в соответствии с порядком, установленным Троцким». Позицию Ворошилова поддержал Сталин.

Это было время самых напряженных боев на царицынском направлении. Изменения в руководстве, а тем более привлечение к трибуналу командования (на чем настаивал Троцкий), могло бы иметь катастрофические последствия для судьбы фронта.

В своей телеграмме Ленину от 3 октября 1918 года Сталин характеризовал «телеграфный приказ Троцкого» как документ, «написанный человеком, не имеющим никакого представления о Южном фронте». Сталин заявлял, что «выполнение приказов Троцкого считаем преступным» и требовал «обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, …о недопустимости издания Троцким единоличных приказов, совершенно не считающихся с условиями места и времени и грозящих фронту развалом».

В своем письме Ленину, направленном в тот же день, Сталин напоминал о том, что Троцкий чужак среди большевиков. Он писал: «Я уже не говорю о том, что Троцкий, вчера только вступивший в партию, старается учить меня партийной дисциплине, забыв, очевидно, что партийная дисциплина выражается не в формальных приказах, но прежде всего в классовых интересах пролетариата».

В свою очередь Троцкий настаивал на отзыве Сталина из Царицына в своей телеграмме Ленину от 4 октября. Одновременно он угрожал отдать Ворошилова и Минина под суд. Сталин был вынужден покинуть Царицын в разгар тяжелых боев S октября, но, оказавшись в Москве, получил поддержку со стороны Ленина. В результате 8 октября Сталин был введен в состав Реввоенсовета Республики. Об ослаблении позиций Троцкого в руководстве военными делами свидетельствовало и создание 30 ноября 1918 года Совета рабочей и крестьянской обороны, во главе которого встал В.И. Ленин. Троцкий вошел в состав этого Совета лишь в качестве одного из его членов, наряду со Сталиным, а также с наркомом путей сообщения В.И. Невским, замнаркома продовольствия Н.П. Брюхановым, председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии Л.Н. Красиным.

Но Троцкий не прекратил борьбу против «царицынцев». В докладе на съезде Советов, посвященном первой годовщине Октября, Троцкий, по словам Дейчера, «не жалел черной краски для того, чтобы описать состояние 10-й армии». Казалось, что источником всех бед республики были 10-я армий и ее руководство. Разумеется, Царицынский фронт имел свои недостатки в организации, в том числе и порожденные самомнением «красных командиров». Однако вряд ли было бы справедливым столь низко оценивать действия армий, которые до сих пор успешно удерживали оборону города, игравшего ключевую роль в снабжении Центральной России хлебом. Преувеличение грехов «царицынцев» было необходимо Троцкому, чтобы подавить нараставшее сопротивление в Красной Армии его методам руководства.

Недовольство деятельностью Троцкого на посту руководителя Красной Армии привело к созданию «военной оппозиции», которая объединила людей, выступавших против курса Предреввоенсовета по самым разным причинам, а потому носила рыхлый и противоречивый характер. Один из ее лидеров, В.М. Смирнов, отстаивал принципы коллегиальности, характерные для партизанского стиля боевых действий. Активную роль в «военной оппозиции» играли «царицынцы» (Ворошилов и Минин), осуждавшие практику «чрезмерного» использования военных специалистов.

В статьях В.Г. Сорина «Командиры и комиссары в действующей армии» и «царицынца» А. Каменского «Давно пора», опубликованных в «Правде» в ноябре – декабре 1918 года, оспаривался курс на активное привлечение военных специалистов на командные посты. Публикация этих статей в «Правде» свидетельствовала о поддержке главным редактором этой газеты Н.И. Бухариным и другими бывшими «левыми коммунистами» критического отношения к использованию военных специалистов. Против Троцкого выступили член ЦК И.Г. Смилга и руководитель военного отдела ЦК М.М. Лашевич, распространившие письмо к членам ЦК, в котором выражалось возмущение расстрелами

комиссаров и командиров по приказу Троцкого.

Троцкий вынужден был объяснять свои действия в специальном письме членам ЦК. Он доказывал справедливость своих приказов о расстрелах. Особо Троцкий остановился на системе использования родственников военных специалистов в качестве заложников. Он объяснял, что «в соответствии с его приказом комиссары должны иметь список семей офицеров для того, чтобы те знали, что, если они изменят, их родственники подвергнутся преследованиям». Когда один из военспецов перешел к белым, то выяснилось, что «комиссары не позаботились приготовить списки своих семей». Тогда Троцкий написал, что «коммунистов, виновных в такой беспечности, следует расстреливать». Троцкий не отрицал этого высказывания и не отказывался от своих слов. Он лишь пояснял, что, предлагая новые расстрелы, он не имел в виду лично Смилгу и Лашевича.

Несмотря на попытки Троцкого ослабить накал выступлений против его политики, «военная оппозиция» подготовила свою платформу (тезисы доклада В.М. Смирнова) к очередному VIII съезду партии. Выступление видных деятелей партии и военных командиров против руководства вооруженных сил в разгар Гражданской войны перед началом активного наступления белых армий грозило крупными внутриполитическими потрясениями для партии и страны. К тому же накануне открытия съезда скоропостижно скончался председатель ВЦИК Я.М. Свердлов. Бюро ЦК партии теперь состояло из трех человек (Ленин, Сталин, Троцкий), двое из которых придерживались крайне противоположных взглядов по отношению к «царицынской» группе, стоявшей в авангарде «военной оппозиции».

Не исключено, что не без участия Ленина были приняты меры для «локализации» внутрипартийного конфликта. На первых порах было предложено, чтобы военные руководители (многие из которых входили в «военную оппозицию») не покидали фронта на время съезда. Однако это предложение вызвало бурное недовольство. Тогда за два дня до начала съезда Троцкий по решению ЦК выехал на Восточный фронт. Позже он с негодованием писал, что «Сталины и Ворошиловы рассказывали недавно, будто я не решился даже появиться на VIII съезд, чтобы не выслушивать критики. Как это чудовищно далеко от того, что было на самом деле». Троцкий приводил выписку из протокола заседания ЦК РКП(б) от 16 марта 1919 года: «Тов. Троцкий протестует против толкования распоряжений ЦК как «трюка» и указывает на крайне серьезное положение в связи с наступлением от Уфы и далее на запад, и настаивает на своем отъезде». В своей постановляющей части протокол фиксировал решение: «Тов. Троцкому немедленно ехать на фронт».

Хотя это и не следует из текста протокола, но не исключено, что Троцкий был вынужден покинуть Москву за день до открытия съезда, чтобы не обострять конфликта. Видимо, это было обусловлено компромиссом, который был достигнут на высшем уровне перед открытием съезда. Об этом свидетельствует не только удаление Троцкого от возможных бурных объяснении с делегатами, недовольными его политикой, но и изменение в позиции Сталина, который решительно выступил против «военной оппозиции», заявив: «Либо создадим настоящую рабоче-крестьянскую, строго дисциплинированную регулярную армию и защитим Республику, либо мы этого не сделаем, и тогда дело будет загублено… Проект, представленный Смирновым, неприемлем, так как он может лишь подорвать дисциплину в армии и исключает возможность создания регулярной армии».

В результате этих политических маневров, как отмечал главный содокладчик от «военной оппозиции» В.М. Смирнов, «вопрос о разногласиях» был сведен «к тому, что одни будто бы стоят за партизанскую армию, а другие за регулярную». Именно так поставил вопрос Г.Я. Сокольников в своем докладе, в котором он изложил тезисы Л.Д. Троцкого. В.М. Смирнов попытался расширить круг вопросов дискуссии, заявив: «На организацию Революционного Совета Республики и других центральных учреждений необходимо обратить самое серьезное внимание… Надо отметить чрезвычайную громоздкость центральных учреждений и крайне неясное распределение функций между ними,

приводящее сплошь и рядом даже к отдаче противоречащих друг другу приказов». В то же время и в докладе Смирнова, и в речах других сторонников «военной оппозиции» значительное место заняла критика единоначалия, порядков, необходимых для регулярной армии, а это делало платформу «военной оппозиции» уязвимой для критики.

Все же обсуждение политики Реввоенсовета на закрытых заседаниях военной секции съезда позволило многим делегатам выступить с поименной критикой Троцкого. Как отмечалось в издании «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», «многие делегаты съезда резко и справедливо критиковали центральные военные учреждения и деятельность Троцкого как председателя Реввоенсовета Республики. Они отмечали, что Троцкий и другие руководители военного ведомства не знают положения на фронте, не созывают армейских коммунистов, не совещаются с ними. Делегаты рассказывали, что во время своих поездок Троцкий подавлял всех потоком «отменяющих», «дополняющих» и «исключающих» распоряжений и приказов, вносивших путаницу в руководство боевыми действиями. В своих выступлениях делегаты выражали протест против линии Троцкого, слепо доверявшего старым военным специалистам и пытавшегося свести на нет роль партийных организаций и военных комиссаров против огульных мобилизаций в армию без классового отбора».

В своей речи на секции Ленин осудил нигилистические взгляды «военной оппозиции» относительно привлечения бывших царских офицеров, подчеркнув: «Теперь на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами. Когда вы, с одной стороны, в тезисах говорите, – мы за военных специалистов, – с другой – с коллективным командованием, вы себя побиваете».

Несмотря на осуждение Лениным и другими членами руководства ЦК тезисов «военной оппозиции», недовольство практикой руководства Троцкого проявилось в поддержке этой платформы большинством участников военной секции (37 против 20). Тогда меньшинство потребовало перенести обсуждение на закрытое заседание съезда. Хотя здесь резолюция в целом, одобрявшая политику Троцкого, получила большинство, но значительное число голосов против (174– за, 95– против) само по себе свидетельствовало о широком неудовлетворении делегатов съезда принятыми решениями.

Кроме того, на съезде была неоднократно подвергнута критике существовавшая в руководстве партии практика бесконтрольной концентрации власти в руках одного человека. Эти критические замечания были высказаны в связи с оценкой деятельности Я.М. Свердлова.

Преодоление субъективизма в решениях было особенно актуальным в связи с обострившимся положением Советской Республики. Накопив за полтора года на окраинах страны свои силы, белые армии готовили решительное наступление. Продвижение на восток армии А.В. Колчака могло привести к соединению с белыми силами на севере и еще более многочисленными армиями А.И. Деникина на юге. К 1 марта 1919 года 8500 километров фронтов республики защищали 381,5 тысячи бойцов Красной Армии, имевших на вооружении 6561 пулемет и 1697 орудий. Несмотря на сравнительно слабые силы, командующий Восточным фронтом С.С. Каменев был сторонником широкого контрнаступления против армий Колчака. Намеченный командованием Восточного фронта удар с юга принес в конце апреля желаемые результаты.

Неожиданно в разгар успешного наступления по настоянию И.И. Вацетиса и приказу Л.Д. Троцкого С.С. Каменев был смещен с поста командующего Восточным фронтом. Новый командующий А.А. Самойло приказал перебросить успешно наступавшую на южном фланге 5-ю армию на север фронта. Как отмечал Н.Е. Какурин, «последующие события показали, что такой крутой поворот к северу главных сил 5-й армии по обстановке являлся уже излишним, так как под влиянием новых успехов Южной группы противник начал сдавать и на своих северных операционных направлениях». Действия нового командующего фронтом грозили сорвать успешное наступление Красной Армии. В своем письме, направленном А.А. Самойло, М.Н. Тухачевский предлагал ему «соблюдать статью 19-ю полевого устава 1918 года, в которой говорится, что «прежде чем отдать приказ, надо подумать».

Но, очевидно, приостановка наступления Красной Армии на восток была вызвана не ошибкой Самойло, а входила в планы Троцкого и Вацетиса. Последний опасался, что, перейдя Урал, армии Каменева попадут в западню. Разделяя эти опасения, Троцкий в то же время хотел приостановить наступление на востоке, исходя из международных обстоятельств. Как отмечал Дейчер, в это время Троцкий гораздо больше желал очистить Европейскую Россию от белогвардейцев, чем распространять Советскую власть на Сибирь. «Появились новые обязательства: Венгрия и Бавария только что стали Советскими республиками, и Ленин призывал, чтобы Красная Армия установила связь с Советской Венгрией несмотря на то, что польские войска в Восточной Галиции закрывали к ней дорогу. Именно по этим причинам Троцкий желал сокращения обязательств на Восточном фронте. Так как Каменев не отказывался от своего плана преследования, то Троцкий отстранил его от командования».

Реализация плана Троцкого помогла бы Колчаку удержать за собой Сибирь и Дальний Восток. Более того, попытка поворота красных армий на запад могла бы привести к крушению всей Советской власти. Но очевидно, что действия Троцкого определялись не заботой о судьбе «верховного правителя» и других белых генералах. Прорыв советских частей через Польшу в Венгрию и далее через Австрию в Баварию отвечал представлениям Троцкого о той роли, которую должна была выполнить Октябрьская революция. Вступление Красной Армии в Венгрию и Германию в середине 1919 года превратило бы ее бойцов в своеобразных «латышских стрелков» Западной Европы, а это могло бы существенно повлиять на революционные процессы в этих странах и ход мировых событий. Несомненно и то, что при этом Красная Армия понесла бы огромные потери как во время прорыва в Западную Европу, так и в дальнейших боях против численно и качественно превосходящих ее армий европейских государств.

Очевидно, открытое обсуждение такого плана действий среди членов партии и командиров Красной Армии могло бы вызвать энергичный протест тех, кто думал прежде всего об интересах России, а не о Соединенных Штатах Европы. При этом многие бывшие царские офицеры и красные командиры, которым была дорога Россия, могли бы объединиться против интернационально мыслящих любителей рискованных предприятий. Видимо, по этой причине план Троцкого о приостановке наступления на Восточном фронте принял завуалированный характер в виде директивы Самойло о переброске войск Южной группы на северное направление.

Энергичные протесты командиров Восточного фронта различного уровня привели к тому, что через 20 дней после своей отставки, 25 мая, С.С. Каменев вновь стал командующим фронтом. 29 мая Ленин телеграфировал Реввоенсовету фронта: «По вашему настоянию назначен опять Каменев. Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной». Позже Л.Д. Троцкий признал «ошибочность» своего плана действий на Восточном фронте, правда, подчеркнув, что его разногласия с С.С. Каменевым носили «чисто практический характер».

Успешное наступление Восточного фронта совпало с отступлением Красной Армии на юге под натиском армий А.И. Деникина. Хотя численность наступавших в мае– июне 1919года белых армий была невелика (100 тысяч), но силы, противостоявшие им, были еще слабее количественно (60 тысяч) и качественно.

Трудности усугубились начавшимся в мае наступлением Юденича на Петроград. Для организации отпора войскам Юденича в Петроград в середине мая был направлен Сталин. 10 июня ЦК признал «Питерский фронт первым по важности». Директива ЦК гласила: «Из дивизии, снимаемой с Востфронта, дать 2/3 Питеру, 1/3 Южфронту». 21 июня Красная Армия перешла в наступление и угроза Петрограду была устранена.

Троцкий с мая 1919 г. находился на Южном фронте. Как отмечает историк Андреа Грациози в своем исследовании «Большевики и крестьяне на Украине. 1918—1919 годы», «прибытие Троцкого повлекло за собой резкое ужесточение мер, направленных на превращение Красной Армии и ее партизанских отрядов в регулярную армию». Однако, по

мнению историка, «грубое и механическое применение» этой установки игнорировало специфику Украины.

В результате действий Троцкого против «партизанщины», «количество восстаний, охвативших целые районы, росло». Политика Троцкого привела к обострению отношений с отрядами Махно, которые до этого были союзниками Красной Армии. «Решение о ликвидации Махно», считает Грациози, «очистило дорогу Деникину… 26 мая, несмотря на протесты Антонова-Овсеенко и на сообщения о наступлении Деникина, часть самого надежного воинского контингента была брошена на подавление махновщины… Деникин… получил возможность закрепить и развить успех».

Во второй половине июня войска Деникина подступили к Харькову. Выступив на пленуме Харьковского Совета рабочих, казачьих и крестьянских депутатов, Троцкий призвал превратить Харьков «и подступы к нему в укрепленный район», расширить и углубить мобилизацию харьковского пролетариата и поставить во главе Харьковского крепостного района Реввоенсовет. Однако, как отмечал Н.Е. Какурин, «эти мероприятия не дали желаемого результата, поскольку, по существу, они являлись чистой импровизацией». 25 июня Добровольческая армия под командованием В.З. Май-Маевского вошла в Харьков.

30 июня 1919 г. белые взяли Екатеринослав и Царицын, развертывая стремительное наступление на фронте от Днепра до Волги.

В своей телеграмме от 1 июля Троцкий признавал развал фронта и бессилие обычных для него методов управления войсками: «Ни агитация, ни репрессии не могут сделать боеспособной босую, раздетую, голодную, вшивую армию». Через пару дней Троцкий прибыл в Москву. «Это была самая низкая точка его падения в ходе Гражданской войны. Он признавал, что он ошибся в оценке Восточного фронта, когда он выступил против преследования Колчака. Теперь он должен был ответить на упреки за плохое руководство Украинским фронтом», – писал Дейчер.

По мнению историков Грациози и Адамса, «роль Троцкого в прорыве Денинкина, и, в любом случае, провал его миссии на Украине… можно считать одной из причин его разрыва с Лениным в июле 1919 года, имевшим важнейшие последствия в событиях последующих трех лет. Вполне допустимо, что Ленин считал тогда Троцкого в какой-то мере ответственным за поражение и все больше склонялся к мнению Сталина».

Вернувшись в Москву, Троцкий узнал, что Сталин предложил заменить С.С. Каменевым И.И Вацетиса на посту главнокомандующего вооруженными силами Республики. Это предложение было принято 8 июля. Оценивая ситуацию глазами Троцкого, Дейчер отмечал: «Кстати, сам Сталин успешно осуществил руководство обороной Петрограда против Юденича, и он купался в лучах славы недавней победы». Вряд ли у Сталина, отдававшего себе отчет в отчаянном положении республики, нашлось бы время, чтобы наслаждаться победой над Юденичем. Однако такое описание ощущений Троцкого Дейчером, вероятно, правильно объясняет последующие действия Предреввоенсовета. После того как 3 июля Вацетис по решению ЦК был отправлен в отставку, а И.Н. Смирнов, А.П. Розенгольц и Ф.Ф. Раскольников, друзья Троцкого по Свияжску, были уволены из Реввоенсовета, Троцкий подал в отставку со всех своих занимаемых постов.

Это была уже вторая отставка Троцкого за 20 месяцев существования Советской власти. Очевидно, что Троцкий воспринимал разгон своей «команды» как гораздо более страшное поражение, чем разгром красных армий на Южном фронте. Как и во время брестского провала, Троцкий думал только о своей политической судьбе и вновь, как и в феврале– марте 1918 года, просьба об отставке была для Троцкого лишь поводом для того, чтобы его долго упрашивали вернуться.

И все же, несмотря на явные свидетельства краха его военной политики, Троцкий не только уцелел, но его упрашивали остаться. Решение, принятое 5 июля 1919 года и подписанное В.И. Лениным, Л.Б. Каменевым, М.И. Калининым, Л.П. Серебряковым, И.В. Сталиным и Е.Д. Стасовой, объявляло, что оргбюро и политбюро ЦК не могут «принять отставку т. Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии». Было

очевидно, что руководство страны опасалось отправить в отставку человека, который был вторым после Ленина вождем партии и республики. Выставив Троцкого за пределы руководства, правящая партия получила бы потенциальный центр притяжения сил, недовольных Лениным и его сторонниками. А это было чрезвычайно опасно в ходе Гражданской войны.

Как и в результате своего единодушного избрания в ЦК VII съездом партии после катастрофического поражения в Бресте, Троцкий вновь получил свидетельство своей незаменимости. Решение гласило, что «отставка т. Троцкого… была бы величайшим вредом для Республики». Политбюро и оргбюро даже объявляли о намерении предоставить Троцкому «полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе, и, если он пожелает, постараться ускорить съезд партии». Идя навстречу пожеланиям предреввоенсовета, оргбюро и политбюро объявляли о том, что они «сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для т. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам т. Троцкий».

В эти дни, как свидетельствовал Троцкий, Ленин выдал ему «бланк, написавши внизу страницы следующие строки: «Товарищи. Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)».

Оставшись во главе Красной Армии, Троцкий летом 1919 года не мог добиться успеха в боевых действиях лишь за счет получения карт-бланша от Ленина. Сохраняя под своим контролем Южный фронт, Троцкий обнаруживал свою беспомощность остановить наступление деникинских армий. Ленин вновь стал открыто выражать неудовлетворение деятельностью Троцкого, к тому же справедливо «заподозрив, что Троцкий старался дискредитировать нового Главнокомандующего в глазах командиров Южного фронта».

Свидетельством полного тупика, в который зашло военно-стратегическое мышление Троцкого, стала подготовка им 5 августа 1919 года секретного меморандума для ЦК, в котором он, словно повторяя приказ Павла I атаману Платову, выдвинул безумный план прорыва Красной Армии из России в Индию. Как подчеркивал Дейчер, на это решение Троцкого повлияли два обстоятельства. С одной стороны, в момент подготовки меморандума он не видел никакой возможности для Советской власти удержаться на европейской территории России. С другой стороны, из Индии пришли известия о кампании гражданского неповиновения, руководимой Махатмой Ганди. «Это сочетание событий привело в движение политическое воображение Троцкого и повело его в странном направлении».

Троцкий предложил направить в Сибирь «лучшие элементы Украинской партии, освободившиеся ныне по независящим причинам от советской работы. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для советской революции Сибирь». Троцкий отмечал, что «европейская революция как будто отодвинулась. И что уж совершенно вне сомнения – мы сами отодвинулись с запада на восток… Из этой перемены вытекает необходимость перемены ориентации». Поэтому он предлагал поставить вопрос о подготовке «элементов азиатской ориентации и, в частности… военного удара на Индию, на помощь индусской революции».

«Ареной близких восстаний может стать Азия, – утверждал Троцкий, – наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации… Если конница в маневренной Гражданской войне, как показал опыт, имеет огромное значение, то роль ее в азиатских операциях представляется бесспорно решающей. Один серьезный военный работник предложил еще несколько месяцев тому назад план создания корпуса (30000-40000 всадников) с расчетом бросить его на Индию». «Разумеется, – отмечал далее Троцкий, – такой план требует тщательной подготовки – как материальной, так и политической… Между тем международная

обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии».

Троцкий предлагал «использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо дееспособнее исполкома 3-го Интернационала. Нужно уже сейчас приступить к более серьезной организации в этом направлении, к сосредоточению необходимых сил лингвистов, переводчиков книг, привлечению туземных революционеров – всеми доступными нам средствами и способами». Возможно, вообразив себя пролетарским Чингисханом, Троцкий был готов предпринять грандиозную авантюру, по сравнению с которой даже прорыв в советскую Венгрию выглядел надежным и безопасным предприятием.

К этому времени для военного и политического руководства республики стала ясна порочность существовавшего до сих пор плана разгрома Деникина, исходившего из нанесения флангового удара от Царицына на Новороссийск через донские степи. Все, кто проходил в школе историю СССР в 30-50-х гг., твердо знали из учебников, что этому плану, который придумал Троцкий, Сталин противопоставил другой план разгрома Деникина, предложив нанести главный удар через Харьков, Донбасс и Ростов. Успевающий ученик мог легко объяснить, почему был плох план Троцкого («Красная Армия проходила бы по районам с казачьим населением, часть которого находилась под влиянием белогвардейцев») и чем был хорош план Сталина («Красная Армия шла бы через рабочие районы»). Тогда вряд ли кто из школьников знал, что Троцкий оспаривал сталинское авторство второго плана. Троцкий утверждал, что Сталин был автором флангового удара, а он, Троцкий, выступал за удар в лоб.

Очевидно, детальный план разгрома Деникина был выработан людьми, имевшими более основательную военную подготовку, чем Сталин и Троцкий. Однако следует также учесть, что в момент начала наступления Красной Армии против Деникина не Троцкий, а Сталин осуществлял от руководства партии контроль за операциями на Южном фронте. Есть документальные свидетельства того, что Сталин решительно отстаивал план «лобового удара». В своем письме Ленину от 9 октября 1919 года он подробно перечислял преимущества этого плана и даже угрожал отставкой в случае несогласия с ним: «Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право, вернее обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте».

План наступления против армий Деникина, который горячо отстаивал Сталин, был принят и 14 октября 1919 года Красная Армия перешла в наступление под Орлом. 20 октября этот город был взят, а через 4 дня кавалерийский корпус Буденного (вскоре преобразованный в Первую Конную армию) взял Воронеж. Начался разгром армий Деникина.

Троцкий же в это время был далеко от Южного фронта, поскольку его направили в Петроград, на который вновь наступали войска Юденича. Хотя белых было всего 8 тысяч пехотинцев, 100 кавалеристов, 24 орудия и 3 танка, красные с трудом собрали силы, достаточные для обороны города. Несмотря на проведенную мобилизацию среди рабочих Петрограда, родившихся в 1879—1901 годах, красные смогли противопоставить наступавшим лишь 15 тысяч пехотинцев и 1000 кавалеристов. Они имели 200 орудий. На первых порах войска Юденича смогли продвинуться дальше, чем в мае, овладеть Павловском, Царским Селом и достичь Лигова.

16 октября по дороге в Петроград Троцкий подготовил план обороны города. Перечисляя основные методы, на которые опирался Троцкий в ходе боевых действий в Гражданской войне, он писал: «Как всегда в подобных случаях, мы и на этот раз достигнем необходимого перелома при помощи мер организационного, агитационного и карательного характера». При этом Троцкий исходил из того, что белые, подошедшие к окрестностям Петрограда, прорвутся в северную столицу, а поэтому предложил разгромить войска

Юденича в ходе уличных боев.

Троцкий полагался лишь на опыт событий в Москве в декабре 1905 г. Он писал: «Если вспомнить, что адмиралу Думбадзе понадобилась чуть ли не целая неделя, чтобы усмирить Москву в декабре 1905 года, хотя во всей Москве было едва ли более тысячи вооруженных революционеров, занявших ряд важных зданий, то совершенно очевидно, что несколько тысяч прорвавшихся белогвардейских войск будут совершенно загнаны, измотаны, затравлены и уничтожены в Петрограде при сколько-нибудь разумной организации внутренней обороны в течение одного-двух дней, а за это время успеют подойти достаточные подкрепления извне». Аналогия с боями между революционерами и карателями на Пресне в декабре 1905 года была очень шаткой. В отличие от карателей Думбадзе, войска Юденича не стремились бы уничтожить все очаги сопротивления, а пытались бы овладеть ключевыми объектами в Петрограде, подобно тому, как действовали красногвардейцы в октябре 1917 года. Хорошо вооруженные и дисциплинированные части Юденича вполне могли справиться с этой задачей.

Троцкий исходил из того, что первоочередные задачи должны включать создание переносных проволочных заграждений на всех улицах, ведущих в центр, создание команд гренадеров, размещенных в верхних этажах зданий, создание запасов ручных гранат, сооружение баррикад, траншей и т. д. Он даже предложил яркий лозунг: «Если бы белые прорвались в город, они бы здесь испарились и исчезли, как брызги воды на раскаленной плите».

Троцкий не был до конца уверен в исполнимости своего плана, а потому счел необходимым «подготовить план отхода армии и рабочих в юго-восточном направлении: это была единственная возможность спасти цвет питерских рабочих от поголовного истребления».

Описывая свою деятельность после прибытия в Петроград, Троцкий обратил внимание на паникерские настроения, которые царили в городе. Он утверждал, что, прибыв в Петроград, застал там «жесточайшую растерянность». Вряд ли Троцкий преувеличивал, заметив, что «центром растерянности был Зиновьев», руководитель Петроградского Совета и Совета обороны города. По словам Троцкого, «Свердлов говорил мне: «Зиновьев– это паника»… И действительно: в благоприятные периоды, когда, по выражению Ленина, «нечего было бояться», Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а подлинном смысле, и вздыхал… На этот раз я застал его на диване».

Троцкий развил кипучую деятельность, как и в августе 1918 года под Свияжском. Он произносил речи перед солдатами, отправлявшимися на фронт. А его план обороны стал воплощаться в жизнь. Троцкий вспоминал: «Важнейшие пункты опутывались проволокой… На площадях и важнейших перекрестках было установлено около 60 орудий в прикрытиях. Укреплялись каналы, скверы, заборы и дома. На окраинах и вдоль Невы были вырыты окопы… На многих улицах и площадях были устроены баррикады». К счастью для северной столицы и ее населения, план Троцкого не пригодился, так как Юденич был остановлен на подступах к Петрограду.

Как обычно, Троцкий полагался на суровые приказы. Приказом от 18 октября Троцкий требовал «не писать ложных сведений о жестоких боях там, где была жестокая паника. За неправду карать как за измену». По свидетельству М.М. Лашевича, Троцкий предпринял и организационные перемещения: «Сменили высшее и среднее начальство. Приказы Троцкого… не щадившие никого… показали, что появилась твердая, направляющая рука».

Не ограничившись письменными приказами, Троцкий сам выехал на линию фронта. Он красочно описал, как «в первый и единственный раз за всю войну» ему пришлось «играть роль полкового командира. Когда отступавшие цепи почти вплотную навалились на штаб дивизии в Александровке, я сел на первую попавшуюся лошадь и повернул цепи кругом. В первые минуты было замешательство, не все понимали, в чем дело, некоторые продолжали отступать. Но я на лошади заворачивал всех поодиночке. Тут только я заметил, что за мной

по пятам мчится мой ординарец Козлов, подмосковный крестьянин, из бывших солдат. Он был в полном опьянении. С наганом в руке он метался по цепи, повторял мои призывы, потрясал моим револьвером и вопил изо всех сил: «Не робей, ребята, товарищ Троцкий вас ведет»… Наступление шло теперь таким же темпом, как раньше отступление… Я возвращался в штаб на грузовике. По дороге мы подбирали раненых. Толчок был дан. Я всем существом чувствовал, что Петроград отстоим». Не исключая того, что многие действия Троцкого оказались полезными для защитников красного Петрограда, вряд ли можно принимать на веру рассказы Троцкого, из которых следует, что он чуть ли не в одиночку смог за пять дней остановить отступление Красной Армии и организовать ее успешное контрнаступление, которое началось 21 октября.

Наступление Красной Армии на всех фронтах завершилось в конце 1919– начале 1920 годов разгромом армий Деникина, Юденича, Колчака. По случаю побед Троцкий был награжден орденом боевого Красного Знамени. Таким же орденом был награжден Петроград. Удовольствие Троцкого было испорчено тем, что эту же награду получил и Сталин. Дейчер писал: «Троцкий был раздражен, и вскоре он написал: «Что касается Петрограда, то он по-настоящему и честно заслужил награду…» Когда же награды вручают людям, то возможны ошибки».

Но Гражданская война еще не кончилась. В Крыму за Турецким валом оставались белые армии, руководство которыми после отставки Деникина взял генерал Врангель. 25 апреля 1920 года хорошо вооруженные силы Польши (65 тыс. солдат и офицеров) совместно с войсками под руководством Петлюры развернули наступление на Украину. Им противостояли лишь 20 тысяч бойцов Красной Армии. 6 мая польские и петлюровские войска взяли Киев. Одновременно 79-тысячная польская армия развернула наступление в Белоруссии.

8 мая Троцкий прибыл в штаб Западного фронта, находившийся в Смоленске. В тот же день он выступил на митинге в одной из воинских частей. В своей речи он заявлял: «Солдаты Западного фронта! Красный Киев в когтях у польских насильников… Спасение от ига и кабалы одно: нанести буржуазно-шляхетским войскам решительный, беспощадный, сокрушительный удар… Да не будет среди вас колеблющихся и нерешительных! Пусть тяжелая рука смерти обрушится на каждого шкурника и дезертира, предающего своих братьев в трудный час! …Воины Западного фронта, вперед!»

Выступая на следующий день на совещании командного состава, Троцкий утверждал, что «необходимый для полной и окончательной победы перелом настроения на Западном фронте еще не достигнут». Он требовал обеспечить должным образом снабжение красноармейцев. Он говорил также о том, что «нужно лучше поставить агитацию». Одновременно Троцкий призывал создавать «заградительные отряды с таким расчетом, чтобы каждое крупное воинское соединение имело за своей спиной хотя бы тонкую, но прочную сетку из заградительных отрядов… Молодой солдат, пытающийся вырваться из огня, в который попал впервые, должен встретить твердую руку, которая властно возвращает его назад с предупреждением о суровой каре всем нарушителям боевого долга. Удирающий шкурник должен наткнуться на револьвер или напороться на штык».

10 мая Троцким был подготовлен «приказ о борьбе с дезертирством в Гомельской области», в котором он объявлял: «Настал час суровой расплаты с дезертирами Гомельской области!» В соответствии с приказом волостные ревкомы, «не принимающие мер против шкурников, изменников, предателей и агентов польской шляхты, должны подвергаться аресту и предаваться трибуналу». Приказ гласил: «Семьи, укрывающие дезертиров, должны подвергаться имущественным карам независимо от предания трибуналу (конфискация лошадей и другого скота и пр.)… Организовать выездные сессии трибуналов во всех уездах, вменив трибуналу в обязанность беспощадно расправляться со злостными дезертирами на месте… Слушайте же, крестьяне и рабочие! Вашей рабоче-крестьянской республике грозит смертельная опасность! Кто изменяет трудящимся в час опасности, тому пощады быть не может! Дезертирам, предателям и изменникам – смерть! Председатель Революционного

военного совета Республики… Л. Троцкий».

В тот же день в своем выступлении на митинге в Гомеле Троцкий определил цели кампании против польской интервенции: «Войны избежать не удалось. И наша задача теперь – отсечь голову хищному польскому орлу и тем самым помочь польским рабочим и крестьянам поднять над польской республикой знамя, на котором будут, как и у нас, символы труда!»

Позже Троцкий в воспоминаниях уверял, что он сознавал трудности превращения оборонительной войны «в наступательную революционную войну». Он утверждал, что не у него, а у Ленина «сложился твердый план: довести дело до конца, т. е. вступить в Варшаву, чтобы помочь польским рабочим массам опрокинуть правительство Пилсудского и захватить власть». Однако факты свидетельствуют о том, что Троцкий был одним из наиболее энергичных сторонников «марша на Варшаву».

4 мая началось наступление Западного фронта, а 23 мая были опубликованы тезисы ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи», написанные Троцким по поручению политбюро. В этих тезисах выражалась уверенность в том, что буржуазия Польши будет разбита Красной Армией, а «польский пролетариат превратит свою страну в социалистическую республику». Таким образом Троцкий объявлял целью военной кампании не только освобождение Украины и Белоруссии от польских интервентов, но и распространение социалистической революции на Польшу.

Через пару дней другой член политбюро Сталин в своей статье «Новый поход Антанты», опубликованной на страницах «Правды», высказал несколько иное представление о задачах Красной Армии в этой кампании. С одной стороны, он подчеркивал освободительный характер похода Красной Армии на землях, населенных украинцами и белоруссами. Он писал: «Лозунг советских войск «Долой польских панов!» находит мощный отклик среди большинства населения указанных районов, …крестьяне встречают советские войска как освободителей от помещичьего ярма, …они ожидают советских войск, восстают при первом удобном случае, нанося польским войскам удар с тыла».

С другой стороны, Сталин предупреждал об опасности продвижения Красной Армии в глубь Польши: «Тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение – «чувство отчизны» – передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польской армии. Конечно, тыл Польши неоднороден… в классовом отношении, но классовые конфликты еще не достигли такой силы, чтобы порвать чувство национального единства и заразить противоречиями разнородный в классовом отношении фронт. Если бы польские войска действовали в районе собственно Польши, с ними, без сомнения, трудно было бы бороться».

Троцкий явно не разделял в 1920 году подобных опасений. 16 июня он опубликовал статью «Горе не доводящим до конца», в которой осуждал медлительность в продвижении советских войск на запад.

В тот же день Ленин, Калинин, Чичерин, Раковский и Троцкий подписали воззвание ВЦИК и СНК РСФСР и Украинской ССР, в котором объявляли о стремлении освободить Польшу от капиталистического господства. Под влиянием такой установки Советское правительство стало тормозить мирные переговоры между Советской Россией и Польшей, которые начались при посредничестве Великобритании.

В эти дни Сталин продолжал выражать свое скептическое отношение к планам перенесения военных действий на территорию с преобладанием польского населения. 24 июня в беседе с корреспондентом УкрРОСТА он предупреждал о наличии у поляков больших резервов и помощи со стороны Антанты. Он объявлял «неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о «марше на Варшаву», другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут примириться лишь на «красной советской Варшаве».

Эти оценки Сталина оказались справедливыми. В Польше была объявлена мобилизация мужчин всех возрастов и начался набор в армию добровольцев. В течение июля в польскую армию пришли 573 тысячи мобилизованных и 160 тысяч добровольцев. 21 июля премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж заявил, что «Франция и Англия могут предоставить все необходимое для организации польских сил».

Все эти события были проигнорированы в Москве. Советская сторона тормозила мирные переговоры с поляками. 23 июля Главнокомандующий Республики С.С. Каменев отдал приказ овладеть Варшавой. При этом предполагалось, что победа в Польше вызовет развал капиталистической Европы. В тот же день 23 июля Ленин направил телеграмму Сталину: «Положение в Коминтерне превосходно. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию».

4 августа Ллойд-Джордж потребовал немедленного прекращения наступления советских войск, угрожая возобновлением блокады и направлением британского флота к берегам России. Однако на заседании политбюро 5 августа, на котором был рассмотрен британский ультиматум, Троцкий заверил присутствовавших, что ^августа Красная Армия возьмет Варшаву.

14 августа последовал приказ Троцкого, открывавшийся словами: «Герои, на Варшаву! Герои! Вы нанесли атаковавшей нас белой Польше сокрушительный удар… Сейчас, как и в первый день войны, мы хотим мира. Но именно для этого нам необходимо отучить правительство польских банкротов играть с нами в прятки. Красные войска, вперед, герои, на Варшаву! Да здравствует победа! Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия! Председатель Революционного военного совета Республики Троцкий».

В этот день 14 августа польские войска нанесли контрудар по двум армиям Западного фронта. Началось отступление Красной Армии по всему фронту. Троцкий винил в поражении Сталина. В своих воспоминаниях он обвинял в «катастрофе под Варшавой» «поведение командования южной группы советских войск с направлением на Львов… Главной политической фигурой в революционном военном совете этой группы был Сталин. Он хотел во что бы то ни стало войти во Львов, и в то время, как Смилга и Тухачевский войдут в Варшаву. Бывает у людей и такая амбиция!» Искажая действительный ход событий, Троцкий утверждал, что честолюбие Сталина сорвало удар во фланг польских армий под Варшавой.

Сталин доказывал лживость этих обвинений, отмечая, что приказ о передислокации Первой Конной, сражавшейся у Львова, пришел слишком поздно. И все же обвинения, выдвинутые против него Троцким и другими, видимо, убедили руководство страны. Сталин был отозван с Юго-Западного фронта, а вскоре политбюро удовлетворило его просьбу об освобождении от обязанностей члена РВС этого фронта. Троцкий мог торжествовать по поводу поражения своего политического противника.

В октябре 1920 г. Советская Россия подписала мир с Польшей на гораздо менее выгодных условиях, чем те, что предлагались поляками в июле. Прекращение военных действий с Польшей позволило советскому командованию перебросить войска на юг, и вскоре Крым, оборонявшийся войсками Врангеля, был взят. Гражданская война была в основном завершена, если не считать затянувшихся до конца 1922 года боевых действий на Дальнем Востоке.

Большевистская партия отмечала 3-ю годовщину Октябрьской революции под знаком победы в Гражданской войне. Нет сомнения в том, что для торжества имелись все основания. Партия, которая едва избежала разгрома в 1917 году, оказалась способной удержать власть и превратиться в самую влиятельную политическую силу в России. Начав организацию государственного механизма и вооруженных сил чуть ли не с нуля, большевистское правительство сумело отразить многочисленные попытки своих противников свергнуть его и за три года взяло под свой контроль почти все земли бывшей Российской империи.

Совершенно очевидно, что, укрепляя свою власть, большевики прибегали к грубому и

жестокому насилию. Однако теми же методами действовали белые. Причина поражения белых была в другом. Как признавали позже Деникин и другие враги Советской власти, белое движение не сумело выдвинуть какую-либо осмысленную и привлекательную программу решения острых экономических, социальных и политических проблем, породивших революции 1917 г. и Гражданскую войну. Не сумели белые добиться и морального сплочения антибольшевистских сил. Это проявлялось и в дезертирстве донских казаков, и в нежелании многих представителей буржуазно-интеллигентских слоев населения служить в белой армии.

Большевики же сумели заручиться поддержкой значительной части населения страны, в первую очередь наиболее динамичной его части – городских рабочих, а также деревенской бедноты. Когда же началась война с Польшей, то на поддержку Советского правительства выступили и многие другие патриотически настроенные люди. В условиях, когда подавляющая часть населения проявляла пассивность и нежелание участвовать в Гражданской войне, поддержка этих слоев населения оказалась решающей для победы большевиков. Они сумели сплотить народные массы под популярными лозунгами создания общества всеобщего равенства и изобилия для всех.

Победа Советской власти породила миф о победе «разутых и раздетых» бойцов Красной Армии над превосходящими полчищами интервентов из 14 держав и вооруженных Антантой войск белых генералов. При этом игнорировалось то обстоятельство, что «поход 14 держав», о необходимости которого не раз говорил Уинстон Черчилль, так и не состоялся, а интервенты сочли за благо удалиться из России до вступления в затяжную и кровопролитную борьбу. Не учитывалось и то обстоятельство, что западные державы, демонстрируя на словах свою поддержку белым армиям, на деле оказывали им мизерную, зачастую чисто символическую помощь, так как не желали ни прочной Советской республики, ни «великой, единой, неделимой России» и предпочитали поддерживать новые государства, образовавшиеся на окраинах развалившейся империи.

Боевые действия в Гражданскую войну по количеству личного состава армий и ее вооружений были на несколько порядков ниже того уровня, на котором находилась армия России в годы мировой войны, а поэтому победа Красной Армии над военными формированиями белых и национал-сепаратистских правительств не свидетельствовала о ее необыкновенных возможностях. Более того, война с Польшей показала, что в годы Гражданской войны у Советской страны не было сил, чтобы одолеть даже небольшое государственное образование, выделившееся из России, если оно получало достаточную помощь со стороны Западной Европы.

Однако миф о том, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней» на долгие годы поддерживал боевой дух советских людей. Естественно, что миф о всесилии Красной Армии распространялся и на ее руководителя. В той же песне про Красную Армию, пелось о том, что «Реввоеннсовет нас в бой ведет» и звучали слова: «С отрядом флотским, товарищ Троцкий нас поведет в последний бой!»

Одним из главных творцов победы считался Троцкий. В его честь назывались фабрики и заводы. На географической карте вместо Гатчины появился город Троцк. Портреты Троцкого стали непременным украшением интерьеров официальных учреждений и праздничных манифестаций. Редкое выступление завершалось без здравиц в честь Троцкого, которые следовали вслед за приветствиями в адрес Ленина. Вскоре после завершения Гражданской войны в Устав Красной Армии была внесена политическая биография Троцкого, которая венчалась словами: «Тов. Троцкий – вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики».

Возвеличивание Троцкого игнорировало то обстоятельство, что он не был единственным руководителем Красной Армии, осуществлявшим контроль за ее боевыми действиями. В отличие от Великой Отечественной войны, в ходе которой И.В. Сталин являлся одновременно председателем Государственного Комитета Обороны (ГКО),

Верховным Главнокомандующим и народным комиссаром обороны, Л.Д. Троцкий не обладал подобной властью в годы Гражданской войны. Аналог ГКО – Совет рабочей и крестьянской обороны возглавлял В.И. Ленин. Троцкий был рядовым членом этого Совета. Главнокомандующими Советской республики были поочередно И.И. Вацетис и С.С. Каменев. Решения Совета рабочей и крестьянской обороны и главнокомандующего республики по многим важнейшим вопросам ведения военных действий принимались помимо Троцкого и нередко против его воли.

Следует также учесть, что характер Гражданской войны серьезно ограничивал возможности у центрального командования контролировать ход операций на местах. Именно этим обстоятельством объяснялись постоянные разъезды бронепоезда Троцкого по различным фронтам Гражданской войны. Хотя такие разъезды позволяли Троцкому быть в курсе дел одного из фронтов, он неизбежно упускал из виду то, что творилось на других фронтах республики. Слабые возможности централизованного контроля, маневренный характер боевых действий на чрезвычайно растянутых фронтах предоставляли командирам отдельных соединений и даже частей гораздо большую свободу действий, чем в ходе других войн XX века. Поэтому Гражданская война выдвинула немалое число командующих фронтов, командиров армий и дивизий, которые по праву считались творцами побед красных войск в эти годы, таких как Фрунзе, Котовский, Щорс, Блюхер, Фабрициус, Буденный, Пархоменко, Ковтюх, Киквидзе, Азии, Городовиков, Чапаев, Думенко, Миронов. (Последние двое были расстреляны по приказам Троцкого.)

Наконец, есть немало оснований считать, что несомненные заслуги Троцкого в создании Красной Армии и достижении ее побед сочетались с его крупными ошибками в управлении войсками. Хотя нет сомнений в том, что его курс на привлечение профессионалов из бывшей царской армии на службу в советские войска оправдал себя, Троцкий не сумел до конца учесть принципиальное отличие Гражданской войны от других войн, в которых принимала участие Россия в XX веке, а поэтому он игнорировал реальный опыт, накопленный «красными командирами» и всячески их третировал. Хотя его стремление поднять энтузиазм красных воинов пламенными речами производило неизгладимое впечатление на них, он явно увлекался театрализацией своих выездов на фронт, создававших зачастую лишь ненужную суету. Хотя его желание укрепить дисциплину жесткими приказами во многом оправдано в годы Гражданской войны, было очевидно, что он терял чувство меры в своих беспощадных карательных действиях. Сведения о том, что по распоряжениям Троцкого были уничтожены многие командиры, что его приказы служили обоснованием для расстрела людей, заключения их в концентрационные лагеря, превращения их в заложников, шокировали даже многих его коллег, отличавшихся не меньшей жесткостью, наносили ущерб образу Советской власти.

Кроме того, нет оснований полагать, что Троцкий был автором каких-либо военно-стратегических планов, которые привели Красную Армию к грандиозным победам. Многие планы, успешно осуществленные Красной Армией в годы Гражданской войны, были разработаны военными специалистами высокого класса, такими генералами и офицерами царской армии, как А.И. Егоров, М.Д. Бонч-Бруевич, Д.М. Карбышев, Б.М. Шапошников, А.А. Брусилов и многие другие. План же разгрома Юденича в уличных боях в Петрограде, придуманный Троцким, был чрезвычайно рискованным и не был реализован. Его борьба против «партизанщины» на Южном фронте способствовала прорыву Деникина. Его приказы о марше на Варшаву оказались нереальными. Его планы прорыва красных войск в Советскую Венгрию или в Индию были откровенно авантюристичными.

По мнению одного из армейских работников В. Трифонова (отца известного писателя), «армию создавал не Троцкий, а мы, рядовые армейские работники. Там, где Троцкий пытался работать, там сейчас же начиналась путаница. Путанику не место в организме, а военное дело именно такой организм и есть».

Однако вера миллионов советских людей в непобедимость Красной Армии и ореол вождя этой армии работали на сохранение мифа о «красном Бонапарте». Желание верить в

новые мифы революции отвечало настроениям тех лет. Уверенность, что «демон революции» приведет пролетарские армии к победе над мировой буржуазией вдохновляла миллионы советских людей. Многие красноармейцы или гражданские лица, бывшие свидетелями выступлений Троцкого, рассказывали с восхищением о своих впечатлениях. Даже те, кто никогда не видел и не слыхал предреввоенсовета, заражались теми эмоциями, которые испытали участники митингов.

Они верили, что Троцкий – такой же, как они, человек из народа. Об этом свидетельствует, в частности, полуанекдотическая история, которую привел Троцкий в своих мемуарах: «В «Архиве русской революции», издающемся в Берлине, автор-белогвардеец рассказывает следующий красочный эпизод: «Заехавший к нам повидаться казак, кем-то умышленно уязвленный тем, что он ныне служит и идет на бой под командой жида Троцкого, горячо и убежденно возразил: ничего подобного! Троцкий не жид. Троцкий боевой. Он наш – русский! Вот Ленин, тот коммунист, жид, а Троцкий наш – боевой – русский – наш!»

Писатель Исаак Бабель, видимо, не погрешил против истины, когда вложил в уста героя рассказа «Соль», красного казака, слова: «Между прочим, за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хоть и другого звания, за трудящий класс». (Комментируя эти рассказы, Й. Недава писал: «В смысле национальной принадлежности Троцкого и Ленина, случалось, «путали», меняли местами в период Гражданской войны – но лишь в провинции, где не видели и не слышали лично ни того, ни другого. Видевшие и слышавшие – не ошибались».)

В то время как многие русские в красном лагере признавали Троцкого за «своего», было немало евреев, которые отрекались от Троцкого. В Одесской синагоге даже была проведена торжественная церемония отлучения Троцкого от иудейской веры и была зачитана соответствующая формула проклятия. Против Троцкого выступали те евреи, которые активно поддержали белое движение. Некоторые из них занимали посты в правительствах белых генералов. Около 200 тысяч евреев последовали за белыми в эмиграцию.

Многие соплеменники Троцкого в различных странах мира с гордостью видели в нем сына их народа, который стал одним из руководителей великой страны. Выражая характерные настроения многих евреев того времени, С. Раш писала в 1920 году в американской газете «Джуиш уорлд»: «О Троцком нельзя заключить иначе, как об образованном человеке, изучившем мировую экономику, как о сильном и энергичном вожде и мыслителе, который несомненно будет отмечен в истории, как один из числа великих людей, которыми наша раса облагодетельствовала мир… Россия… не будет страной утопии, но там будет создано правительство настолько совершенное, насколько таковое будут в силах создать из такого несовершенного людского материала те несомненно высоко одаренные духовно идеалисты-практики, которые теперь там строительствуют. А ведь один из этих вождей – Лев Троцкий!»

Широкая поддержка Троцкого евреями вне зависимости от их политических симпатий отчасти объяснялась антисемитскими погромами, которые творили антисоветские формирования. Позже в «Большой Советской Энциклопедии» утверждалось, что жертвами этих погромов стало только на Украине около 200 тысяч евреев. В статье «Большевизм и евреи» публицист А.С. Закс писал: «Все, кто сейчас борется с большевизмом (Польша во главе с Я. Падеревским, Украина во главе с Петлюрой), поощряют погромы. Большевизм, наоборот, противостоит погромам. Понятно, что Троцкий предпочтительнее для нас, чем Падеревский… Пусть радикальные евреи вроде Троцкого будут главами правительств – наши враги будут скрежетать зубами, покроются пеной от злости, но не посмеют тронуть нас». По мнению Закса, возвышение Троцкого свидетельствовало «о силе и молодости древнего еврейского народа. Если евреи выдвигают таких лидеров, как Троцкий, внушающих страх правительствам мировых держав, – значит, еврейский народ жив, не выродился и перед ним великое будущее».

Если Заксу Троцкий представлялся грозной дубинкой, отпугивавшей нынешних врагов евреев, то для некоторых он казался орудием отмщения «их мучителям, угнетателям, их вчерашним последователям и палачам». Знакомый Троцкого по Нью-Йорку Рувен Брайнин писал: «Собака заслужила палку».

Приход Троцкого и многих других лиц еврейской национальности к вершинам власти в России, революционные события в Баварии и Венгрии, в ходе которых у власти оказались евреи-коммунисты и евреи-социалисты совпали с активным движением за создание еврейского государства в Палестине. Эти события демонстрировали для многих евреев великий поворот в их многовековой истории к осуществлению извечных чаяний. После декларации Бальфура традиционное пожелание встретить Новый год в Иерусалиме казалось теперь уже не столь уже несбыточным. Ветхозаветные рассказы о торжестве еврейского народа над народами и государями, угнетавшими его, казалось, повторялись в победах Красной Армии под руководством еврея Троцкого. Воспитанные во многовековой религиозной традиции евреи истолковывали победы Советской власти в Гражданской войне не как успех идей Маркса и Ленина или достижений рабочего класса России и большевистской партии, а как торжество иудаизма, видя в российском коммунизме порождение древней иудейской традиции.

Эти настроения отразил писатель Элизер Штейнман, опубликовавший в Одессе брошюру на иврите под заглавием «Еврейский коммунист». Он приветствовал победу Советской власти, видя в этом торжество «красного иудаизма». Он писал: «Твердыня черного иудаизма пала – да здравствует красный иудаизм!» Автор восхищался Красной Армией, которая вошла в Одессу: «Мир вам, братья мои, бойцы Красной Армии! …Даже если подковы коней ваших растопчут меня, я прощу вас, прощу новому миру, чей порядок водворится через мою гибель, в чьих колесах свободы и я стану винтиком. Мир вам, братья мои, от древнего, неизвестного вам еврея», Штейман желал «в качестве еврейского коммуниста… провозгласить избавление Иерусалима с вершин Иудейских гор», видел «истоки коммунизма и революции в Торе и пророках» и верил «в слияние иудаизма и коммунизма в Святой земле».

Неумеренное восхищение Троцким, шумное возвеличивание его как символа мщения, грозы и молодости древнего народа вели к неправомерной идентификации его личности со всем еврейским народом, что давало пищу для антисемитской пропаганды. Если подобные настроения и не были широко распространены среди евреев, то все равно для многих белых было ясно, что большинство евреев скорее сочувствуют Советской власти, чем враждуют с ней. В.В. Шульгин замечал, что перед вступлением в Киев советских войск, когда начался исход из города его верхов и части средних слоев, евреев практически не было среди беглецов. Высокое же положение Троцкого, Свердлова, Зиновьева, Каменева в Советском правительстве, наличие многих тысяч евреев в государственном аппарате Советской республики, особенно в Красной Армии и ВЧК, лишний раз убеждали врагов Советской власти в том, что большевистская партия является орудием в руках евреев, а поэтому возлагали на них ответственность за все деяния этой партии и Советской власти.

Мифу о непобедимости Красной Армии и скором торжестве идей коммунизма на всей планете противостоял миф, созданный проигравшими в Гражданской войне и объяснявший причины их поражения. Белые эмигранты не желали признать, что их идейно-политическая альтернатива была отвергнута, что их генералы, офицеры и солдаты оказались неспособными разбить красноармейцев, что они не смогли проявить достаточной моральной и духовной выдержки, необходимой для победы. Поэтому они настойчиво говорили лишь об одной стороне Советской власти – красном терроре. Полностью умалчивая о вопиющих нарушениях закона, творимых в белом лагере, о зверствах «зеленых» и других всевозможных бандформирований, о миллионах жертв стихийной жестокости народа, белые говорили лишь об «ужасах ВЧК». Именно тогда родился миф о том, что советские власти во время Гражданской войны физически истребили всех представителей общественных сословий, включая дворян и купцов, а также подавляющую часть интеллигенции.

Ответственность же за эти бесчинства возлагалась на «инородцев», и, в первую очередь, на евреев, занявших различные государственные посты в Советской России. Для таких суждений были определенные основания. В своем перечне руководства киевской ЧК, рьяно уничтожавшей «классовых врагов», Шульгин обратил внимание на преобладание в ее составе евреев. Многие запомнили, что в карательных отрядах, осуществлявших «расказачивание», было также немало евреев. Напоминали и о том, что приказы с угрозами в адрес донских казаков и циркуляр о «расказачивании» подписали евреи Троцкий и Свердлов. Заявления же ряда евреев о необходимости «отомстить» за погромы служили доказательствами коллективной вины евреев за «красный террор». Демоническая же фигура Троцкого, подписывавшего один за другим приказы о расстрелах, лишь усугубляла представление о целенаправленном истреблении русских людей, осуществлявшемся евреями.

По мнению Д.С. Пасманика, белая армия «была загипнотизирована Троцким и Нахамкинсом, что привело ее к отождествлению всего большевизма с еврейством, следствием чего были погромы». Он же писал: «Особую ненависть у белогвардейцев и петлюровцев вызывало имя Троцкого; почти каждый погром сопровождался лозунгом: «Это вам за Троцкого».

Многие видные деятели еврейского народа видели в деятельности Троцкого и других евреев-коммунистов источник чрезвычайной опасности для своих соплеменников. Сионистский лидер А. Ахимеир писал: «Коммунисты еврейского происхождения виноваты в погромах больше Деникина и Петлюры… За кресло военного министра для Троцкого русское еврейство дорого заплатило». Утверждая, что «Троцкие и Урицкие затмевают» всех в Советском правительстве по степени участия в организации террора, историк СМ. Дубнов писал: «Как-нибудь мы выберемся живыми из этого кровавого междуцарствия, но нам никогда не простят участия в большевистском терроре… еврейских спекулянтов на революции… Антисемитизм глубоко укоренится во всех частях русского общества. Почва для культурного антисемитизма готова». Главный раввин Москвы Яков Мозес так объяснил Троцкому одну из причин того, что на любом руководящем посту тот не мог не стать символом репрессий и жестокости: «Троцкие делают революцию, а Бронштейны расплачиваются по счетам».

Отечественное объединение русских евреев за границей опубликовало в 1923 г. обращение «К евреям всех стран!», в котором говорилось: «Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России – грех, который в себе самом носит уже возмездие, ибо какое может быть большее несчастье для народа, чем видеть своих сынов беспутными, – не только вменяется нам в вину, но и толкуется как проявление нашей силы, как еврейское засилье. Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям. Вряд ли в России остался еще такой слой населения, в который не проникла бы эта не знающая границ ненависть к нам. И не только в России. Все, положительно все страны и народы заливаются волнами юдофобии, нагоняемыми бурями, опрокинувшей Русскую державу. Никогда еще над головой еврейского народа не скоплялось столько грозовых туч».

«Грозовые тучи» принесли горе еврейскому народу не вследствие мести русских людей за деяния Троцкого или других евреев-комиссаров, а в результате разгула юдофобии за пределами России. Эти «волны юдофобии» были порождены мифом о «красном терроре», который был взят на вооружение во многих странах мира. Стремление остановить повторение ужасов Советской власти, о которых наперебой твердили все белоэмигранты и петлюровцы, стало благодатной почвой для появления массовых антисемитских и антикоммунистических политических движений в странах Западной Европы. Парадоксальным образом мифологизированная фигура Троцкого, желание многих евреев увидеть в нем вождя «красного иудаизма», громящего своих извечных врагов, дали жизнь самой страшной угрозе для еврейского народа за многие века его существования. Лозунг освобождения России от еврейской власти стал также прикрытием для подготовки нападения

на Советскую страну.

ПОД ЛОЗУНГОМ МИЛИТАРИЗАЦИИ ТРУДА

Хотя в Советской стране не исключали возможности новых попыток иностранной интервенции, под влиянием побед в Гражданской войне были широко распространены иллюзии относительно скорого революционного взрыва в других странах капитализма. Ошибочная телеграмма, полученная в разгар IX съезда партии, дала основание Бухарину заявить с трибуны съезда, что в Германии началась революция и делегаты шумно приветствовали это несостоявшееся событие. Другое ложное сообщение из Швейцарии о якобы начавшейся там революции было опубликовано в «Правде» под заголовком «Давно пора!». Склонность оперировать утопическими лозунгами проявлялась и в рассуждениях многих руководителей относительно решения хозяйственных проблем страны. Время построения коммунистического общества оценивалось в 10—15 лет. На IX съезде РКП(б) Троцкий не исключал «возможности, что мы перейдем к более или менее развитому социалистическому хозяйству в течение 3-4-5 лет».

Победы в Гражданской войне убеждали многих советских руководителей в том, что для осуществления подобных же успехов в экономике страны необходимо сохранять и развивать те чрезвычайные методы организации хозяйственной и социальной жизни, сложившиеся в 1918—1920 годах и получившие название «военного коммунизма». Некоторые из советских руководителей даже пытались теоретически обосновать увековечение и развитие методов «военного коммунизма» на все время построения социалистического, а затем коммунистического общества.

Наиболее полным теоретическим обоснованием «военного коммунизма» явилась книга Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода», в которой он утверждал, что «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью… является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Свой вклад в теоретическое обоснование «военного коммунизма» внес и Троцкий. 16 декабря 1919 года, когда Красная Армия продолжала идти за отступавшими белыми армиями к югу, Троцкий представил в ЦК партии свои тезисы о переходе к мирному строительству, которые вскоре были опубликованы Бухариным в «Правде». В течение последовавшего года Троцкий подготовил целый ряд документов и произнес немало выступлений, выдвигая свою программу социалистического строительства на основе методов военного коммунизма.

В тезисах «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд» Троцкий объявлял: «В переходной стадии развития в обществе, отягощенном наследием самого тяжкого прошлого, переход к планомерно организованному общественному труду немыслим без мер принуждения как в отношении к паразитическим элементам, так и в отношении к отсталым элементам крестьянства и самого рабочего класса. Орудием государственного принуждения является его военная сила». Троцкий призывал отбросить «старую буржуазную аксиому, которая стала предрассудком, о том, что принудительный труд непроизводителен». «Мы говорим, – объявлял он, – это неправда, что принудительный труд при всяких условиях непроизводителен».

Возможно, вспоминая о том, как однажды его бронепоезд застрял в снегу на Урале и никто в течение многих часов не приходил к нему на помощь, Троцкий заявлял: «Если надо будет двинуть для очистки снега тысячу рабочих, то это будет сделано организованным путем, а не так, как это делается теперь, когда проводится мобилизация через волости, довольно спутанным порядком». Видимо, Троцкий полагал, что для предотвращения в будущем подобных неприятностей с его бронепоездом следовало вооружить трудящихся твердыми представлениями о враждебности природы: «Надо, чтобы каждый рабочий, каждая крестьянка знали естественный физический мир, который нас окружает, и силы, которые не

всегда благоприятны. Развитие наше идет в борьбе с этими силами, в подчинении их».

Однако Троцкий не хотел дожидаться того момента, когда «каждый рабочий, каждая крестьянка», осознав враждебность стихии к бронепоезду предреввоенсовета, двинется стройными рядами для очистки путей, занесенных снегом. Он писал: «Мы не можем дожидаться, пока каждый крестьянин и каждая крестьянка поймет! Мы должны сегодня заставить каждого стать на то место, на котором он должен быть».

Место каждого рабочего и каждой крестьянки должна была определить партия. Различные классы и социальные слои России, утверждал Троцкий, «увидели одну партию, которая ясно знает, чего она хочет, которая говорит то, что она хочет, в полную меру своего голоса и железную волю применяет для того, чтобы осуществить на деле то, что она хочет». Что же касается тех, кто не желал быть «перебрасываем, назначаем и командируем» или не хотел подчиняться воле партии, то им Троцкий посвятил целый раздел «Трудовое дезертирство» в проекте резолюции IX съезда «Очередные задачи хозяйственного строительства». Отмечая, что «значительная часть рабочих в поисках лучших условий продовольствия, а нередко и в целях спекуляции, самовольно покидает предприятия и переезжает с места на место», Троцкий видел «одну из насущных задач Советской власти… в планомерной, систематической, настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем публикования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь». Позиция Троцкого явно соответствовала взглядам большинства в ЦК и на съезде, поскольку этот текст дословно был повторен в тезисах ЦК, а затем в резолюции съезда.

В качестве образца для организации трудовой деятельности Троцкий предлагал «трудовые армии». В превращении 3-й армии в Первую Армию Труда и «перенесении этого опыта на другие армии» он видел одну из «переходных форм к проведению всеобщей трудовой повинности и к самому широкому применению обобществленного труда». При этом Троцкий призывал вести идейную борьбу с «мещански-интеллигентскими и тред-юнионистскими предрассудками, которые в милитаризации труда или в широком применении воинских частей для труда усматривают аракчеевщину».

IX съезд РКП(б) укрепил позиции Троцкого. Он был основным докладчиком по двум вопросам повестки дня (о хозяйственном строительстве и переходе к милиционной системе). Резолюция «Об очередных задачах хозяйственного строительства», почти дословно повторившая тезисы Троцкого, явилась главным решением IX съезда. И хотя Троцкий говорил, что еще не скоро все хозяйство страны будет превращено в одну фабрику, «руководимую одним центром», от воли того, кто руководил всеми трудармиями и областными управлениями по трудовой повинности, могла зависеть жизнь всей страны и каждого ее гражданина. Съезд одобрил курс на милитаризацию жизни страны и внедрение принудительного труда и способствовал распространению идей Троцкого на все сферы советского общества.

Следует также учесть, что поражение в Польше рассматривалось как случайное и временное событие. Тухачевский готовился ко второму походу на Варшаву, а следовательно, и к новой попытке экспорта революции в Западную Европу. После детального разбора причин поражения в Польше в советском руководстве пришли к выводу, что одной из самых главных явилась плохая работа транспорта, не справившегося с перевозками грузов к фронту. Поскольку развал транспорта в стране на самом деле принял катастрофические масштабы, Троцкий имел полное основание требовать неограниченных полномочий для наведения порядка в этой сфере хозяйства. В начале сентября 1920 года по его инициативе был создан Центральный комитет объединенного профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта (Цектран). Новая организация должна была восстановить работу транспорта, «применяя… чрезвычайные меры, железную дисциплину, милитаризацию труда, единоначалие».

В своих программных документах Цектран объявлял: «Железнодорожный транспорт милитаризован. Среди рабочих, мастеровых и служащих железных дорог, как находящихся

на важнейшем хозяйственном фронте, введена суровая военная дисциплина». Дисциплинарные наказания Цектрана включали арест от 15 до 30 суток и принудительные работы от 1 до 6 месяцев.

Вскоре после создания Цектрана Троцкий объявил о его огромных достижениях в улучшении работы транспорта и призвал к распространению «цектрановского» опыта на все отрасли хозяйства страны. Выступая 3 ноября 1920 г. на заседании коммунистической фракции V Всероссийской конференции профсоюзов, он призвал к «перетряхиванию» профсоюзов и потребовал поставить у руководства ими людей, способных «закрутить гайки». Взяв работу Цектрана в качестве образца, Троцкий предложил соединить хозяйственные органы и профсоюзы по отраслям промышленности.

В эти же дни Троцкий объявил о необходимости подчинения советских людей режиму жесткой дисциплины не только на работе, но и в быту. Выступая 6 ноября 1920 г. с докладом по случаю 3-й годовщины Октябрьской революции, он заявлял: «То положение, о котором я говорил – 80 процентов человеческой энергии, уходящей на приобретение жратвы, – необходимо радикально изменить. Не исключено, что мы должны будем перейти к общественному питанию, то есть все решительно имеющиеся у нас на учете советские работники, от Председателя ЦИК до самого молодого рабочего, должны будут принудительно питаться в общественных столовых при заводах и учреждениях».

По мнению Троцкого, это было бы «также величайшей школой трудового общественного воспитания. Нужно ввести нравы, близкие к спартанским, вытекающие из всей нашей обстановки. Во-первых, прогулы будут сведены на нет. За общим столом будет проявляться общественное мнение».

Такой образ жизни, почти не отличимый от тюремного, должен был, очевидно, существовать на протяжении долгого времени. Это следовало из провозглашенного Троцким еще в апреле 1920 года на IX съезде партии четырехэтапного периода строительства социализма. Заявляя о том, что развитое сельскохозяйственное производство может быть создано за 3-5 лет, Троцкий в то же время провозглашал, что «потребуется много лет», прежде чем Советское государство подойдет к «производственно-потребительской коммуне».

Невысоко оценивая интеллект тружеников России, Троцкий полагался исключительно на механизмы примитивных условных рефлексов для внедрения установок на «правильное» поведение. Стремление трудиться должно было быть подкреплено горячим питанием («Кто не вышел на работу, тот не получает горячего пайка», – заявлял Троцкий). Охоту к прогулам можно было отбить наказаниями («Дисциплинарные меры, самые суровые меры должны отвечать трагизму нашего хозяйственного положения»).

Эти идеи и их воплощение в практике Цектрана вызывали активное сопротивление в партии. К этому времени Гражданская война и порожденная ею разруха истощили силы страны до предела. Внешние силы, делавшие все от них возможное для того, чтобы добиться развала российского хозяйства, могли торжествовать. Их многоходовые комбинации с целью дестабилизации России увенчались успехом. Американские зернопроизводители, одним из которых был бывший посол США в России Фрэнсис, получили необыкновенные выгоды от устранения России на мировом зерновом рынке. Троцкий замечал: «За время войны и революции Америка на 90 процентов завладела нашими прежними рынками сельскохозяйственного производства… Так ли трудно им купить нас с потрохами? Они могут в один год своим долларом убить всякие шансы на социалистическое развитие нашей страны».

Промышленное производство страны упало до 4-20 процентов от дореволюционного уровня. Развал промышленного производства привел к тому, что город почти ничего не мог предложить деревне в обмен на продовольствие. А деревня, разоренная Гражданской войной, не так много могла предложить городу. В этих условиях ни красивые лозунги о скорой счастливой жизни, ни даже лютые угрозы уже не могли мобилизовать трудящихся. Угрозы расстрелов и даже пытки, к которым прибегали заготовители продовольствия, уже не

действовали на крестьян. Ответом на деятельность заготовителей было зачастую глухое, молчаливое сопротивление. В других случаях заготовителей просто убивали. Как отмечал нарком продовольствия Цюрупа, «только на украинском продовольственном фронте погибло 1700 заготовителей». Попытки же заставить заготовителей работать под страхом расстрелов также не давали эффекта: они предпочитали бежать и скрываться от вышестоящих властей.

В ряде мест поднялись крестьянские восстания. Самое крупное из них под руководством эсера А.С. Антонова началось в августе 1920 года в Тамбовской губернии и вскоре охватило значительную часть черноземных областей России. На подавление восстания были брошены войска под руководством Тухачевского. Против восставших применялась авиация, газы, а пленных помещали в концлагеря.

В партии росло понимание того, что управлять исключительно методами устрашения и насилия больше невозможно. Это учитывал Ленин, который подготовил тезисы «Задачи профессиональных союзов и методы их осуществления», в которых осуждал негативные тенденции в деятельности Цектрана и требовал прекратить «его непропорциональное усиление по сравнению с другими союзами». Ленин предлагал членам партии «перенести на все профдвижение методы повышения демократизма, самодеятельности, участия в управлении промышленностью, развития соревнования».

Так в руководстве партии проявилось два противоположных подхода к работе в профсоюзах. Состоявшийся 8-9 ноября 1920 года пленум ЦК РКП(б) отверг предложения Троцкого и принял тезисы, подготовленные Лениным. Пленум предложил взять курс на развитие демократии в профдвижении и создал комиссию для выработки инструкции о новых методах работы профсоюзов, в состав которой вошли Г.Е. Зиновьев (председатель), М.П. Томский, Я.Э. Рудзутак, А.И. Рыков и Л.Д. Троцкий.

Впервые с момента вступления Троцкого в большевистскую партию летом 1917 года между ним и Лениным возникли разногласия, принявшие форму политической борьбы. Это не было случайным. Завершение Гражданской войны подводило черту под военным периодом революции. Надежды на перерастание Гражданской войны в России во всемирную революцию оказались несбыточными. Выступая с отчетным докладом ЦК X съезду РКП(б) (1921 г.), Ленин хотя и утверждал, что «международная революция нарастает и, параллельно, экономический кризис в Европе обостряется», в то же время признавал: «Если бы мы из этого сделали предположение, что вообще в короткий срок помощь придет оттуда в виде прочной пролетарской революции, то мы просто были бы сумасшедшими». России не приходилось рассчитывать на внешнюю поддержку; напротив, усугублявшийся упадок страны делал ее все более уязвимой для возможного нападения извне.

«Опора на штык», провозглашенная Троцким в ноябре 1917 года, методы устрашения армии и гражданского населения, милитаризация хозяйства, до определенной степени объясняемые обстановкой войны, теряли обоснование в мирных условиях. Создание за годы войны мощного централизованного аппарата Вооруженных Сил и распространение его влияния на хозяйственные сферы делали власть Троцкого несравнимой ни с чьей другой в республике.

Профсоюзы явились той областью, в борьбе за которую руководство партии столкнулось с военно-административной «империей» Троцкого. В этой борьбе Ленин получал широкую поддержку тех, кто выступал против диктаторской власти Предреввоенсовета. Троцкий попытался прибегнуть к обычной для него демонстрации, отказавшись участвовать в заседаниях профсоюзной комиссии ЦК. Но в это время произошел «бунт» на «профсоюзной территории», захваченной Троцким, – в Цектране, так как водники, входившие в этот объединенный профсоюз, потребовали отказа от военных методов руководства. Комиссия Зиновьева предложила ликвидировать политотделы в Цектране, ускорить созыв съезда профсоюза транспортных работников, изменить состав Цектрана. Эти предложения 7 декабря рассмотрел пленум ЦК, на котором Троцкий отстаивал методы работы Цектрана. В ходе дискуссии Бухарин выступил с компромиссным решением, которое получило название «буферная резолюция» (состав Цектрана оставался

без изменений, требование о «перетряхивании» профсоюзов снималось). Эта резолюция была принята.

Ленин выступил против резолюции пленума, но остался в меньшинстве (семь против восьми). Через три дня водники вышли из состава Цектрана. Политическая борьба в руководстве партии и профсоюзов расширялась и обострялась. 24 декабря пленум ЦК решил открыть дискуссию по вопросам повестки дня предстоящего съезда партии. На другой же день в своем выступлении на VIII Всероссийском съезде Советов Троцкий изложил свою программу «перетряхивания» и милитаризации профсоюзов, которая была затем опубликована в брошюре «Роль и задачи профсоюзов». Троцкий предложил выбирать делегатов на съезд по платформам и фактически объявил о создании своей особой фракции и намерении превратить высший орган партии в поле боя, очевидно рассчитывая на победу своих сторонников.

30 декабря на объединенном заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов и фракций ВЦСПС и МГСПС началась дискуссия. Выступая с речью «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого», Ленин резко критиковал брошюру последнего. Словно возвращаясь к стилю полемики между ними в 1903—1916 гг., Ленин писал: «Сличая эту брошюру с теми тезисами, которые были им предложены в Центральном Комитете, вчитываясь в нее, я удивляюсь, какое количество теоретических ошибок и вопиющих неправильностей сконцентрировано в ней».

Решительно отвергая курс Троцкого на милитаризацию труда, Ленин утверждал, что профсоюзы «не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма».

Отвергая идею о распространении военных методов на гражданскую сферу, Ленин заявлял: «Есть ценный военный опыт: героизм, исполнительность и проч. Есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого, вопреки его сознанию и воле, оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте». Ленин выражал неудовлетворение решением пленума ЦК от 7 декабря, называя его «печальным»: «Получилась в Центральном Комитете каша и кутерьма; это первый раз в истории нашей партии во время революции, и это опасно. Гвоздем было то, что получилось раздвоение, получилась «буферная» группа Бухарина, Преображенского и Серебрякова, которая больше всех навредила и напутала». Не скрывая своего раздражения, Ленин говорил: «На этом примере… надо сказать: «Тов. Н.И. Бухарин, поменьше словесных выкрутасов, – польза будет для вас, для теории, для республики».

Тем временем борьба вокруг спорного вопроса обострялась. Профсоюзная комиссия ЦК во главе с Зиновьевым подготовила «Проект постановления X съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов», который подписали В.И. Ленин, Ф.А. Сергеев (Артем), Г.Е. Зиновьев, М.И. Калинин, Л.Б. Каменев, Г.И. Петровский, Я.Э. Рудзутак, И.В. Сталин, М.П. Томский, С.А. Лозовский. Эта так называемая платформа десяти, опубликованная в «Правде» 18 января 1921 года, стала программным документом сторонников Ленина в ЦК партии. Хотя среди подписавшихся было девять членов ЦК, отсутствие подписей других 11 членов, в том числе таких видных, как Н. И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Н.Н. Крестинский, А.И. Рыков, К.Б. Радек, свидетельствовало о том, что большинство руководства партии не было готово решительно поддержать Ленина в борьбе против Троцкого.

В дискуссию активно включились сторонники «рабочей оппозиции», платформы «демократического централизма» и других, выступавших за всемерное расширение прав профсоюзов и «рабочей демократии». Их требования были диаметрально противоположны позиции Троцкого и в то же время вызвали критику Ленина. При поддержке Ю. Ларина, Е.А. Преображенского, Л.П. Серебрякова, Г.Я. Сокольникова и В.Н. Яковлевой выдвинул свою платформу Н.И. Бухарин. В этой платформе были поддержаны идея Троцкого об «огосударствлении профсоюзов» и одновременно требование «рабочей оппозиции» и так называемых децистов о выдвижении профсоюзами своих кандидатов в аппарат управления

хозяйством. Крайняя беспринципность в идейных основах новой платформы позволила Ленину назвать ее «верхом распада идейного». Объединение группировок, занимавших прямо противоположные взгляды по обсуждавшемуся вопросу, свидетельствовало о том, что идейно-политические лозунги являются подчиненными задачам борьбы против существовавшего руководства Ленина и его ближайших союзников.

В своей статье «Кризис в партии» Ленин осудил и «синдикалистский» уклон ряда платформ («мы доросли от маленьких разногласий до синдикализма, означающего полный разрыв с коммунизмом и неминуемый раскол партии»), и курс Троцкого на огосударствление и милитаризацию профсоюзов. Оценивая позицию Троцкого и поддерживавшего его Бухарина, Ленин подчеркивал, что их «политические ошибки… отвлекают нашу партию от хозяйственных задач, от производственной работы, заставляют нас, к сожалению, терять время на исправление этих ошибок». Говоря о ходе дискуссии, Ленин объявлял, что «мы пороскошествовали и дали миру удивительный образец того, как партия, поставленная в труднейшие условия отчаянной борьбы, проявляет неслыханное внимание к деталям выяснения отдельных подробностей платформ, – и это при условии неурожая и кризиса, при условиях разорения и демобилизации».

Практический вопрос о Цектране и теоретические рассуждения о роли профсоюзов открыли политическую борьбу за власть в партии и в стране, которая, то вспыхивая, то затухая, не прекращалась на протяжении большей части 20-х годов. Несколько позже в Советской России широко распространялись копии письма неизвестного автора, направленного из Москвы эмигранту Илии Британу. В этом письме давался анализ внутриполитического положения страны и давались нелицеприятные характеристики многим видным деятелям Советской страны. Говоря о ходе «профсоюзной дискуссии», анонимный автор напоминал: «Помните, когда пресловутая дискуссия о профсоюзах угрожала и расколом партии, и заменой Ленина Троцким (в этом была сущность дискуссии, скрытая от непосвященных под тряпьем теоретического спора)».

23 января Троцкий заявил о том, что он снимает свою платформу и объединяется с Бухариным. 1 февраля Троцкий и Бухарин создали объединенную платформу. Как и тезисы децистов, проект постановления X съезда по вопросу «О роли и задачах профсоюзов», предложенный Троцким, Бухариным и другими, направлял основной удар по Зиновьеву, который к этому времени вновь стал одним из ближайших соратников Ленина. В проекте говорилось, что «платформа, которая была выработана комиссией т. Зиновьева, не только не дала сближения, но, наоборот, углубила расхождение с «рабочей оппозицией», оттолкнув последнюю еще более в сторону синдикализма».

Платформа Троцкого – Бухарина, бравшая за основу идею «огосударствления профсоюзов», создавала возможность блока с децистами и «рабочей оппозицией», на время затушевав принципиальные различия о методах принятия решений и их реализации в «огосударствленных» профсоюзах. Под лозунгом «производственной демократии» Троцкий и Бухарин предлагали развернуть борьбу против бюрократизма. По сути же речь шла о создании новой прослойки управляющих, опирающихся на «сращенные» аппараты хозяйственных и профсоюзных организаций.

За «демократическими» лозунгами проглядывали все те же положения программы Троцкого по созданию жесткой системы хозяйственного управления, в которой главную опору составляли новые администраторы профсоюзов. Проект постановления подписали, помимо Л.Д. Троцкого и Н.И. Бухарина, еще шесть членов ЦК (А.А. Андреев, Ф.Э. Дзержинский, Н.Н. Крестинский, Е.А. Преображенский, Х.Г. Раковский, Л.П. Серебряков), а также члены руководства ВЦСПС А.З. Гольцман, В. В. Косиор и многие видные деятели партии, включая А. П. Розенгольца, Г.Я. Сокольникова, В.Н. Яковлеву, Г.Л. Пятакова. Однако то обстоятельство, что платформа Троцкого – Бухарина не имела поддержки Ленина и выступала против него, существенно ослабляло ее поддержку в партийных массах.

Ленин и его сторонники развернули активную критику позиций своих противников и пропаганду «платформы десяти». В крупных партийных организациях ленинская платформа

получила подавляющую поддержку. Особенно мощной была поддержка ленинской платформы в Петрограде, партийную организацию которого возглавлял Зиновьев (95—98 % всех коммунистов). Даже в тех организациях, в которых господствовали представители оппозиции (например, в Екатеринбурге), «платформа десяти» получила большинство.

И все же неизвестный друг И. Британа утверждал, что Троцкий имел «за собой на съезде большинство, потому что секретариат недоглядел и были выбраны не те представители с мест». (На самом деле секретариат ЦК, состоявший из сторонников Троцкого, сделал немало для того, чтобы провести на съезд в качестве делегатов немало сторонников предреввоенсовета.) Но ожидавшейся победы Троцкого над Лениным на съезде не произошло. Не состоялось и серьезного столкновения двух лидеров. Дело в том, что в течение большей части съезда Троцкого не было. Автор письма Британу объяснял поведение предреввоенсовета трусостью: «Троцкий в последнюю минуту испугался власти и ответственности». Однако вряд ли можно согласиться с таким объяснением.

Автор письма несколько упрощенно излагает ход событий: Троцкий не присутствовал во время большей части съезда, так как руководил подавлением восстания в Кронштадте. Как и во время VIII съезда, он покинул Москву незадолго до начала съезда. И хотя чуть ли не каждый день председательствующий объявлял о том, что Троцкий «прибудет завтра», его приезд откладывался вновь и вновь. Троцкий взял первый раз слово для содоклада о профсоюзах лишь 14 марта, за два дня до завершения работы съезда, будучи до этого предельно занятым организацией разгрома этого, казалось бы, неожиданного мятежа. Хотя события в Кронштадте и сравнивались с молнией среди ясного неба, их развитие следовало сюжету, напоминающему «Хронику объявленного убийства» Г. Маркеса, в соответствии с которым о преступлении становится широко известно всем задолго до его совершения.

За две недели до начавшегося 2 марта 1921 г. восстания в Кронштадте 14—15 февраля о его начале было подробно рассказано в парижских газетах «Эко де Пари» и «Ле Матэн» и в эмигрантской газете «Общее дело», издававшейся бывшим разоблачителем полицейских провокаторов В.Л. Бурцевым. Эти парижские газеты опубликовали сообщения под заголовками «Восстание Балтийского флота против Советского правительства», «Москва принимает меры против кронштадтских повстанцев», «Отголоски кронштадтского восстания в Петрограде». Как и в июле 1917 года, когда главную роль в демонстрациях играли матросы из Кронштадта, публикации в газетах опережали реальные события.

Зиновьев и близкие к нему люди были давно заражены паникерством. По справедливому выводу Н.А. Васецкого, «Зиновьев и его петроградские сторонники были буквально одержимы шпиономанией. Повсюду в Петрограде и окрестностях им чудились козни врагов Советской власти. Редактировавшаяся шурином Зиновьева С. Закс-Гладневым «Петроградская правда» неоднократно призывала ловить шпионов и не поддаваться на их провокации». Поэтому невнимание Зиновьева и его окружения к сообщениям парижских газет представляется особенно странным.

Странности в поведении Зиновьева становятся понятными, если предположить, что он сам сделал немало, чтобы спровоцировать восстание. Есть основания полагать, что продовольственные трудности в Кронштадте, ставшие первопричиной восстания, были созданы искусственно. Когда же кронштадтские матросы стали выдвигать обоснованные требования, Зиновьев опубликовал в «Петроградской правде» свою статью «Достукались!», в которой обвинял их в контрреволюционных настроениях.

Еще до начала восстания Зиновьев объявил о контрреволюционном выступлении в Кронштадте. Историк Н.А. Васецкий замечал: «Первым, кто сообщил в Москву о происшедшем в Кронштадте, оказался Г. Зиновьев. В конце февраля он позвонил по телефону в Кремль Ленину, став не только информатором, но и фактически первым комментатором случившегося. Полагаем, что не без участия Зиновьева в правительственном сообщении главной причиной мятежа указаны происки контрреволюции». Как считает Н.А. Васецкий, «программа Кронштадтского ревкома сначала была не столько антисоветской, сколько, пользуясь современной лексикой, популистской… Можно было бы предотвратить

трагический исход, тем более что рядовой состав мятежников имел намерение уладить конфликт мирным путем».

Провоцирование недовольства в Кронштадте, а затем целенаправленная интерпретация настроений матросов могли бы помочь Зиновьеву в борьбе против Троцкого. Отзыв Троцкого на подавление мятежа позволял держать его вдали от своих сторонников на съезде. У Троцкого не было иллюзий относительно того, кто постарался создать ситуацию, которая помешала присутствовать ему на съезде. По словам Дейчера, «во время кронштадтского восстания Троцкий обвинял Зиновьева в том, что он без нужды спровоцировал его».

Но почему же Троцкий безропотно согласился с решением руководства о необходимости его личного присутствия при подавлении восстания? Ведь если у Троцкого была реальная возможность одержать успех на съезде, то этот властолюбивый человек под любым предлогом остался бы в Москве. А если такой возможности не было, то преувеличенное внимание к Кронштадту было на руку Троцкому. Как справедливо отмечает Н.А. Васецкий, «у него, помимо прочих, был и личный интерес к Кронштадтскому мятежу. Может, поэтому он и не пытался найти иных, кроме военных, способов его ликвидации. Потерпев поражение в дискуссии о профсоюзах, Троцкий надеялся путем быстрой и успешной победы над кронштадтцами поднять свой пошатнувшийся авторитет».

Несмотря на то что на съезде Троцкий располагал достаточным количеством своих сторонников, он вряд ли был готов встать во главе расколотого руководства партии и попытаться навязать волю всем коммунистам страны, большинство которых только что одобрило ленинскую платформу. Даже достигнув успеха на съезде и отстранив от власти ленинское руководство, Троцкий оказался бы в трудном положении. Ведь теперь вся страна знала, что он – защитник методов Цектрана. Между тем не только кронштадтские матросы, но и значительная часть страны уже изнемогала от «военного коммунизма». Любой бы, кто попытался в начале 1921 года взять власть в России, требуя дальнейшей милитаризации жизни и имея оппозицию в лице главного вождя Советской республики, Ленина был бы обречен.

Отъезд на подавление Кронштадтского восстания позволял Троцкому найти благовидное объяснение для своих сторонников на съезде, которые готовились к захвату власти в партии. Поэтому затяжка в разгроме кронштадтцев также отвечала планам Троцкого. Восстание было удобным предлогом для того, чтобы оправдать свое неучастие в политических баталиях, которые неизбежно вели к крайне опасной конфронтации с Лениным. Знаменательно, что, даже вернувшись в Москву, Троцкий не спешил появляться в зале заседаний съезда.

Казалось, что самые разные силы в руководстве партии были заинтересованы в восстании. Об этом свидетельствовало и необычайное решение направить делегатов партсъезда на штурм Кронштадта. Условия штурма, когда бойцы должны были ползти по льду к восставшей крепости под огнем мятежников, превращали 279 делегатов съезда, записавшихся добровольцами в штурмовые отряды (42% от общего состава), в смертников. (Правда, до сих пор не найден список тех, кто действительно принял участие в штурме Кронштадта.) Эта ситуация открывала такие же богатые возможности для физического устранения политических противников, как и для персонажа из рассказа Честертона, который бросил полк в безнадежную схватку против превосходящих сил противника, чтобы скрыть среди убитых в кровопролитном бою жертву своего преступления.

Какие бы силы ни стояли за событиями в Кронштадте и какими бы мотивами они ни руководствовались, очевидно, что это восстание явилось шоком для рядовых членов большевистской партии и ее беспартийных сторонников, так как считалось, что балтийские матросы – это опора революции. Но также очевидно, что и это убеждение, и потрясение от восстания были во многом преувеличенными. Социальной базой революции был пролетариат крупных городов. Антибольшевистские восстания рабочих Петрограда и Москвы, если бы такие произошли, могли бы по праву рассматриваться как полное банкротство политики партии. Восстание же матросов отражало настроения крестьянства,

основной массы населения, из которой всегда рекрутировался флот. В 1921 году эти настроения уже проявились в гораздо более массовых крестьянских восстаниях, которые к этому времени охватили ряд губерний России. «Большевизация» Кронштадта никогда не покоилась на прочной социальной базе. Даже в 1917 году, когда кронштадтский гарнизон сыграл решающую роль в победе большевиков, его матросы сплошь и рядом отдавали предпочтение стихийно-бунтарским импульсам или анархистским лозунгам, что проявилось и во время расправы с адмиралом Виреном, и в июльских событиях 1917 года.

Преувеличенная реакция на события в Кронштадте использовалась руководством партии для того, чтобы доказать глубину кризиса революции и сделать из этого практические выводы. Нет оснований полагать, что кронштадтское восстание обусловило переход к новой экономической политике. Этот курс был взят руководством еще за три недели до начала восстания (и за неделю до публикаций об этом восстании в парижских газетах). Уже 8 февраля 1921 года на заседании Политбюро был заслушан доклад Н.Н. Осинского «О посевной кампании и положении крестьянства». После этого заседания Ленин подготовил «Предварительный черновой набросок тезисов насчет крестьянства», в котором предлагал «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом». 16 февраля 1921 г. на заседании Политбюро был поставлен вопрос об открытии в «Правде» дискуссии «О замене разверстки продналогом». Продразверстка была отменена в Тамбовской губернии уже в феврале 1921 года. Что же касается введения свободной торговли, на чем настаивали кронштадтские сторонники «третьей революции», то это требование было реализовано лишь осенью 1921 года без всякой видимой связи с событиями в Кронштадте.

Ленин истолковал кронштадтское восстание как свидетельство невозможности продолжать управление страной военными методами, на распространении которых настаивал Троцкий. На X съезде Ленин заявил: «Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России… Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые не удовлетворены, и законно недовольны и не могут быть довольны». Ленин подчеркивал, что «удовлетворить мелкого земледельца… можно двумя вещами. Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного, мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты».

Одновременно Ленин увидел в происшедших событиях довод в пользу укрепления единства в партии. После острой полемики на X съезде резолюция, одобрявшая деятельность ЦК, была принята 514 голосами (за резолюцию децистов, осуждавшую деятельность ЦК, – 47 голосов, за резолюцию «рабочей оппозиции» аналогичного содержания – 45 голосов). К моменту открытия прений по профсоюзному вопросу 14 марта поддержка делегатами «платформы десяти» была несомненной.

В содокладе с обоснованием своей платформы Троцкий прежде всего постарался доказать, что еще год назад, «в феврале прошлого года», он внес в ЦК «письменное предложение… о замене разверстки продовольственным налогом, которое вы теперь будете обсуждать и принимать». Троцкий заявлял, что он может раздать этот документ всем членам съезда и они смогут увидеть, что он «почти буква в букву совпадает с тем предложением», которое было внесено Лениным. Объясняя, почему он не настоял на введении нэпа в феврале 1920 года, когда его положение было необыкновенно прочным, Троцкий сообщил, что тогда он «был обвинен во фритредерстве, в стремлении к свободе торговли – и получил 4 голоса в Центральном Комитете».

На самом же деле тезисы Троцкого «Основные вопросы продовольственной и земельной политики», внесенные им в феврале 1920 года в ЦК РКП(б), принципиально отличались от резолюции «О замене разверстки натуральным налогом». Хотя в этих тезисах Троцкий предлагал «некоторое ослабление нажима на кулака», «более осторожно относиться к крестьянским верхам», но верный своему курсу, он высказывался за ускорение коллективизации сельского хозяйства. Основная цель политики партии в деревне, по предложению Троцкого, состояла в следующем – «принудительная разверстка по запашке и

вообще обработке земли». В изменившихся же к 1921 году условиях Троцкий считал необходимым доказать не только свою приверженность продналогу, но и свой приоритет в разработке этого предложения.

Троцкий отдавал себе отчет в том, что образ «диктатора» перестал быть привлекательным. Он зло иронизировал по поводу того, что «во всякой деревне теперь знают, что такое Цектран: это нечто такое, что отбирает хлеб, имеет в руках палку, не дает рабочим свободно вздохнуть и подносит труженику уксус, когда тот устал, вместо молока, которое имеется в распоряжении т. Зиновьева». Троцкий доказывал, что Цектран был создан Лениным, Зиновьевым и Сталиным «против Томского» и «в мое отсутствие». Он обвинял руководство партии в двурушничестве: «когда нужны были жесткие методы – создавали Цектран, когда политика Цектрана стала объектом критики– ЦК от нее отмежевался». Троцкий утверждал, что именно он «говорил Цектрану: нам необходим решительный поворот на линию демократии».

Троцкий заявил, что он не был инициатором дискуссии о профсоюзах и постарался преуменьшить значение профсоюзной проблемы. «Нельзя растворять вопрос о профсоюзах в общем вопросе о кризисе революции», – заявлял он. Главным объектом его критики был Зиновьев, а не Ленин. Вероятно, нежелание вступать в решающий бой за власть сдерживало Троцкого. Он постарался защитить свои позиции, осудив «платформу десяти» и отстаивая курс на сращивание профсоюзов и хозяйственных органов. Голосование по «профсоюзным» резолюциям принесло убедительную победу «платформе десяти» (336 голосов). Резолюция Троцкого – Бухарина и других получила 50 голосов, резолюция «рабочей оппозиции»– 18 голосов.

Ослабление позиций Троцкого сказалось и на итогах выборов. Он заметно отставал от Ленина по числу голосов, поданных за него. (Ленин – 479, Радек – 475, Томский – 472, Калинин – 470, Комаров– 457, Молотов– 453, Троцкий– 452.) Правда, два члена политбюро получили еще меньше голосов (Зиновьев – 423, Каменев – 406). В ходе выборов в новый состав ЦК вошли все соавторы «платформы десяти». В состав ЦК вошли такие ее сторонники, как К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, М.В. Фрунзе, М.И. Ярославский. Напротив, ряд соавторов резолюции Троцкого – Бухарина и другие не были избраны в ЦК(Н. Н. Крестинский, Е.А. Преображенский, Л.П. Серебряков, А.А. Андреев). Сторонник Троцкого со времен казанской операции И.Н. Смирнов также не вошел в ЦК. Помимо Троцкого и Бухарина, из соавторов их резолюции в состав ЦК вошли лишь Г.Х. Раковский и Ф.Э. Дзержинский. Это также говорило о серьезном поражении Троцкого.

Завершение съезда означало для Троцкого возвращение к нерешенной проблеме Кронштадта. В день закрытия съезда штурм крепости возобновился. Восставшие были разбиты, и многие из них стали жертвами жестокой расправы. Однако их значительная часть во главе с ревкомом и генералом Козловским 18 марта перешла по льду в Финляндию, где была интернирована. 3 апреля на Дворцовой площади в Петрограде Троцкий принимал парад в честь героев штурма Кронштадта. Его роль в победе была высоко оценена: он был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Принятие на последнем заседании съезда по предложению Ленина резолюции «О единстве партии», запретившей фракции, и включение в состав ЦК некоторых лидеров «рабочей оппозиции» (А.Г. Шляпников, И.И. Кутузов) должны были способствовать восстановлению мира в партии. Это соответствовало новой политике, исходившей из мирного пути развития страны. Попытка Троцкого распространить власть трудовых армий и Цектрана на всю страну оказалась неудачной. Однако он сохранил высокое положение в руководстве партии, возглавляя вооруженные силы, и имел основания полагать, что время работает на него.

ЛЕВ ГОТОВИТСЯ К ПРЫЖКУ

После весны 1921 года начался период нэпа. 17 мая 1921 года была частично

денационализирована мелкая промышленность и сохранены в частной собственности предприятия, которые фактически не были национализированы. 24 мая был издан декрет, допускавший частную торговлю, были приняты решения об использовании форм госкапитализма в виде концессий, аренды, смешанных обществ.

Новая экономическая политика открыла простор для развития рыночных отношений. Хозяйственная жизнь страны стала возрождаться. Вместе с оживившимся частным предпринимательством в стране развили активность иностранные компании, получившие доступ к российским сырьевым ресурсам и другим богатствам страны. В этой связи Игорь Фроянов в своей книге «Погружение в бездну» приводит слова известного американского миллиардера Арманда Хаммера, так ответившего на вопрос, как делаются многомилионные состояния: «Вообще-то это не так уж и трудно. Надо просто дождаться революции в России. Как только она произойдет, следует ехать туда, захватив теплую одежду, и немедленно начать договариваться о заключении торговых сделок с представителями нового правительства. Их не больше трехсот человек, потому это не представит большой трудности».

Возможно, Хаммеру даже не пришлось обходить кабинеты 300 советских государственных служащих, а ограничиться встречами с наиболее влиятельными из них. Одним из них был Троцкий. Хаммер вспоминал, как, беседуя с ним, Троцкий убеждал его, что «в России, в частности, на Урале, имеются неограниченные возможности для вложения американского капитала». Эти слова Троцкого оправдались. Скупая по дешевке на Урале меха и кожи и продавая американское зерно, сильно подешевевшее благодаря небывалому урожаю в США, Арманд Хаммер превратился в миллионера. Однако Хаммер был далеко не единственным американским предпринимателем, озолотившимся в ходе выгодных торговых сделок с Советской Россией.

Как отмечает И. Фроянов, уже «в 1919 г. 9 американских фирм заключили с Советской Россией договоры о поставке различных товаров на весьма крупную сумму 20 902 541 в долларовом исчислении… Большевики расплачивались золотыми слитками и царской золотой монетой… Кроме легального… экспорта золотых запасов России широко практиковался и контрабандный вывоз». Фроянов приводит слова Хаммера: «В то время Ревель (Таллинн) был одним из перевалочных пунктов в торговле с Россией, но большая часть поступавших в него из России товаров для обмена на продукты питания представляла собой контрабанду: произведения искусства, бриллианты, платина».

Можно допустить, что Троцкий оказывал содействие американским предпринимателям в силу своих давних связей с Парвусом, а затем и с другими международными финансовыми кругами. Но почему же и другие члены большевистского правительства, постоянно заявлявшие о желании уничтожить капитализм на планете, создавали условия для обогащения предпринимателей США и других стран Запада? Исходя из необходимости играть на межимпериалистических противоречиях и веря в неспособность буржуазии подняться над узкими своекорыстными интересами, Ленин и другие руководители советской страны считали, что следует использовать стремление буржуазии к прибыли для того, чтобы оживить советское хозяйство, которое затем станет базой для разгрома мировой буржуазии.

Советское руководство исходило из временного характера «передышки», начавшейся после завершения Гражданской войны. Нэп представлялся временным отступлением перед внутренней и международной буржуазией для того, чтобы с помощью рыночных механизмов восстановить хозяйственную жизнь страны. В то же время предполагалось, что внешние события станут решающими для судеб Советской страны. С одной стороны, советские руководители ожидали революции в той или иной капиталистической стране. С другой стороны, они опасались начала военной интервенции белых армий при поддержке западных стран.

Вся советская пропаганда тех лет была нацелена на воспитание интернациональной солидарности с мировым пролетариатом и готовности дать отпор «белой армии и черному барону», которые «готовят нам царский трон». Но люди стремились быстрее преодолеть

разруху Гражданской войны и активно включались в заботы мирной жизни.

Эти противоречивые тенденции в советской жизни начала 20-х годов отразились и на положении Троцкого. Теперь он смог вкусить блага мирной жизни, находясь в положении одного из высших лиц советского государства. Дейчер писал: «Бронепоезд был помещен в Музей, его команда из машинистов, техников, пулеметчиков и секретарш была распущена, а Троцкий взял первый отпуск со времени начала революции. Он провел его за городом, недалеко от Москвы, занимался охотой, рыбной ловлей и писал, готовясь к новой главе в своей жизни».

После переезда правительства в Москву Троцкий, его жена и его дети, Лева и Сережа, поселились в Кремле. Ленин и Крупская жили рядом, и порой обе семьи обедали вместе. Троцкого забавляло, когда старый слуга, подавая обед, старался поставить тарелки с российскими гербами так, чтобы головы орлов были повернуты вверх. Троцкий позже писал: «Тесное повседневное соприкосновение двух исторических полюсов, двух непримиримых культур изумляло и забавляло… Со своей средневековой стеной и бесчисленными золочеными куполами Кремль, в качестве крепости революционной диктатуры, казался совершеннейшим парадоксом». Сбиваясь на брюзгливый стиль маркиза де Кюстина, невзлюбившего Кремль с первого взгляда, Троцкий писал: «Тяжелое московское варварство глядело из бреши колокола и жерла пушки».

Однако поклонник западноевропейской культуры довольно быстро освоился в царской обстановке. Банкеты, которые постоянно устраивал Троцкий в Кремле, раздражали Ленина, и он настаивал, чтобы они проводились подальше от его квартиры. Эти банкеты венчались шумными выездами Троцкого и его друзей на охоту в подмосковные леса. Рассказывая о своем любимом времяпрепровождении, Троцкий писал: «Привлекательность охоты состоит в том, что она действует на сознание, как оттяжной пластырь на больное место».

В то же время, привыкая к барской жизни, ему все труднее было играть роль вождя пролетарских армий. Троцкий ощущал, что советские люди уже не так легко верят в легенду о «своем», «боевом» вожде. Дейчер писал о том, что во время приемов Троцким военных парадов на Красной площади 1 мая и 7 ноября, его «появление… и его речи все еще волновали толпы… но он уже не мог найти тот близкий контакт с аудиторией, который он безошибочно устанавливал во время гражданской войны… Его театрализованная манера и героический стиль прежде не казались странными для людей, когда это соответствовало драматическому настрою времени. Теперь они отдавали истеричностью».

Возможно, что «истеричность» выступлений Троцкого была вызвана тем, что его тяготила мирная жизнь страны, которую он считал обреченной на отсталость. Выступая на XII съезде РКП(б), Троцкий заявлял: «Страна наша – особенная страна. До войны мы имели на одном полюсе кочевое хозяйство, варварское, полудикое, и в высокой степени концентрированную промышленность – на другом полюсе. Все переходные ступени, все противоположности у нас в тесном соприкосновении… – и все это на базе чрезвычайной хозяйственной отсталости, на базе нашего крестьянства, которое в огромной своей части пользуется самыми примитивными способами обработки земли. Россию теперь некоторая мудрящая часть заштатной интеллигенции называет Евразией, т. е. сочетанием Европы и Азии. Как хотите, это в точку попадает… Роль торгового капитала, например, у нас была евразийской, больше азийской, чем европейской».

Не веря в способность «варварской» России достичь высокого уровня развития, Троцкий лишь мог уповать на мировую революцию, в которой он мог вновь проявить себя как руководитель. В послесловии к своей брошюре «Программа мира», написанном в 1922 году, Троцкий писал: «Отстояв себя в политическом и военном смысле как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли. Борьба за революционно-государственное самосохранение вызвала за этот период чрезвычайное понижение производительных сил; социализм же мыслим только на основе их роста и расцвета… Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Развитие России Троцкий видел лишь в рамках будущей европейской федерации. Он писал: «Новый период открытых революционных боев за власть неизбежно выдвинет вопрос о государственных взаимоотношениях народов революционной Европы. Единственным программным решением этого вопроса являются Европейские Соединенные Штаты».

Перспектива превращения России в штат Соединенных Штатов Европы представлялась Троцкому особенно реальной в связи с возможной германской революцией. Как он писал позже, в руководстве большевистской партии «считалось самоочевидным, что победивший германский пролетариат будет снабжать Советскую Россию в кредит в счет будущих поставок сырья и продовольствия не только машинами и готовой продукцией, но также десятками тысяч высококвалифицированных рабочих, инженеров и организаторов».

Троцкий постоянно напоминал своим слушателям, что мирная передышка и нэп – явления временные, а постоянным фактором современности является мировая революция. Выступая в Харькове весной 1923 года, он говорил: «Балансу учимся и в то же время на Запад и Восток глядим зорким глазом, и врасплох нас события не застанут… И если раздастся с Запада набат – а он раздастся, – то, хоть мы и будем по сию пору, по грудь, погружены в калькуляцию, в баланс и в нэп, мы откликнемся без колебаний и без промедления: мы – революционеры с головы до ног, мы ими были, ими остаемся, ими пребудем до конца».

Такой настрой противоречил попыткам Ленина добиться участия Троцкого в общей деятельности Совета народных комиссаров, направленной на решение хозяйственных задач. С одной стороны, Троцкий не желал утрачивать свой контроль над вооруженными силами страны. С другой стороны, он был готов заняться экономикой страны лишь в том случае, если решение хозяйственных вопросов будет поставлено под его жесткий контроль, но он не желал работать в «общей команде», отвечая лишь за отдельный участок этой сложной работы.

Такая позиция Троцкого проявилась вскоре после завершения XI съезда РКП(б) (после которого Сталин был избран Генеральным секретарем ЦК). На заседании Политбюро 11 апреля 1922 года Ленин предложил назначить Троцкого на пост заместителя председателя совета народных комиссаров. Из текста проекта «Постановления о работе замов», внесенного Лениным в этот день, следовало, что «приблизительно 9/10 труда замы должны уделять хозяйственным наркоматам, 1/10 – остальным». Как отмечал Дейчер, «Троцкий категорично и довольно надменно отверг предложение занять эту должность». Одновременно он подверг критике ленинский проект постановления, написав: «Поставленные задачи столь универсальны, что это равносильно тому, как если бы не было поставлено никаких задач». В ответ на предложения об усилении полномочий Рабкрина, который до апреля 1922 года возглавлял Сталин, Троцкий обрушился с резкой критикой на эту организацию. Он писал: «Закрывать глаза на то, что в Рабкрине работают главным образом работники, потерпевшие аварию в разных областях, нельзя… Отсюда ясна фантастичность плана поднять государственный советский аппарат, пользуясь Рабкрином, как рычагом». По мнению Троцкого, в «рычаг упорядочения хозяйства» следовало было превратить Госплан.

Вероятно, в стремлении Троцкого придать Госплану распорядительные функции не последнее место занимало желание встать во главе этого органа, который стал бы играть ведущую роль в управлении экономики страны по мере укрепления государственного сектора. Включаться же в существующую структуру хозяйственного управления, в которой Госплан не играл доминирующей роли, Троцкий не желал. К тому же, если бы Троцкий принял предложение Ленина, даже став его первым заместителем по совнаркому, ему пришлось бы разделить круг обязанностей с двумя другими замами – А.И. Рыковым и А.Д. Цюрупой, ни один из которых в апреле 1922 года не был членом политбюро.

Отказ Троцкого от предложения Ленина положил начало его «холодной войны» против большинства руководства партии. Эта позиция Троцкого «и манера, в которой он был сделан, вызвали раздражение у Ленина; это явилось поводом для новых противоречий,

которые, добавляясь к старым конфликтам, разделяли политбюро», – замечал Дейчер.

Через месяц после письма Троцкого в политбюро с критикой ленинского предложения о работе замов предсовнаркома у Ленина резко ухудшилось состояние здоровья: он оказался частично парализован. (Троцкий узнал об этом, когда сам находился на лечении. По его словам, он порвал себе сухожилия, поскользнувшись на откосе во время рыбной ловли сетью.)

Отсутствие Ленина в Кремле в течение почти полугода и возможность фатального исхода его болезни отразились на отношениях между членами политбюро. Троцкий откровенно демонстрировал свое нежелание сотрудничать с остальными членами политбюро. Руководящий орган партии терял авторитет, управляемость и превращался в поле конфликтов. Еще находясь на лечении, 11 сентября 1922 г. Ленин вновь вернулся к вопросу о назначении Троцкого заместителем предсовнаркома и попросил Сталина поставить вопрос на заседание политбюро. За это предложение проголосовали все члены политбюро, кроме Томского и Каменева, которые воздержались. Из-за ухода Рыкова в отпуск Ленин спешил с решением этого вопроса, рассчитывая, что Троцкий немедленно приступит к исполнению обязанностей заместителя. Троцкий вновь отказался занять пост, заявив, что он занят подготовкой к конгрессу Коминтерна и сам собирается в отпуск. 14 сентября Сталин, по предложению Ленина, внес на заседание Политбюро проект резолюции с осуждением позиции Троцкого, что и было принято.

Обострение отношений между Лениным и Троцким осенью 1922 года было сглажено в ходе обмена записками между ними в середине декабря по вопросу о внешней торговле. Ленин поддержал позицию Троцкого о государственной монополии на внешнюю торговлю и поручил ему отстаивать на пленуме их общие взгляды. Создавалось впечатление, что, обнаружив совпадение взглядов между ними по важному, но не самому главному вопросу, Ленин спешил создать такую ситуацию, чтобы Троцкий вместе с ним выступил защитником государственных интересов страны. В то же время Ленин вновь отверг предложение Троцкого об усилении Госплана путем придания ему распорядительных функций. В середине декабря Ленин опять поставил вопрос о назначении Троцкого заместителем председателя совнаркома, и это предложение было в третий раз отвергнуто.

К этому времени работоспособность Ленина снизилась до минимума, так как с конца ноября у него опять стали отниматься конечности, а в середине декабря наступил более стойкий паралич. Врачи рекомендовали Ленину полностью воздержаться от занятий государственными делами. 18 декабря 1922 г. политбюро приняло решение следить за соблюдением Лениным лечебного режима, установленного врачами. Контроль за этим режимом было поручено осуществлять Сталину. И собственное состояние, и требования врачей, и контроль политбюро вызывали раздражение Ленина. Как и в мае 1922 г., он хотел свести счеты с жизнью и просил, чтобы ему дали яд. Поэтому работы, написанные Лениным в эти дни, были во многом окрашены его болезненным восприятием реальности. Опасаясь обострения борьбы в политбюро, Ленин, как показали последующие события, преувеличивал опасность раскола партии.

В записках, надиктованных М. Володичевой 24 декабря 1922 г., Ленин призывал принять предупредительные меры против раскола и обеспечить «устойчивость» партии. Ленин, очевидно, исходил из опыта предыдущих политических кризисов (1919 г., когда возникала конфронтация между Троцким и «военной оппозицией»; и 1920—1921 гг., когда ленинской платформе «десяти» противостояла оппозиция во главе с Троцким).

Теперь Ленин считал, что источником опасности являются отношения между Троцким и Сталиным. Он продиктовал: «Я думаю, что основным в вопросе устойчивости… являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который может быть избегнут». Ленин высказал критические замечания как в адрес Сталина, так и в адрес Троцкого: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов.

Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно».

Видимо, чтобы не создавалось впечатление, что он предлагает устранить и того и другого из руководства страны и выдвинуть вместо них каких-то иных лиц, Ленин тут же дал нелицеприятные характеристики другим деятелям из руководства страны: Зиновьеву, Каменеву, Бухарину и Пятакову. При этом напоминая о поведении Зиновьева и Каменева накануне Октябрьского восстания и говоря о том, что это событие «не является случайностью», Ленин замечал и о «небольшевизме» Троцкого. Правда, тут же сводил к минимуму значение этих напоминаний, словами, что все это «мало может быть ставим им в вину лично».

Как и во время предыдущих кризисов в руководстве Ленин стремился развести соперничающие группировки. Перед VIII съездом партии он постарался отправить Троцкого на фронт, чтобы не обострять его конфликт с «военной оппозицией». Перед X съездом партии он согласился с отъездом Троцкого на подавление Кронштадтского мятежа, так как это помогло избежать острой борьбы на съезде. На сей раз Ленин предлагал «развести» Сталина и Троцкого, поставив между ними своеобразный буфер из 50-100 новых членов ЦК из рабочих.

Видимо, были и другие соображения, заставлявшие Ленина идти на уступки Троцкому. Свою первую записку, включенную в «Письмо к съезду», он завершал замечанием о необходимости увеличить «прочность нашей партии» и облегчить «для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна обостриться в ближайшие годы». Возможность обострения международной обстановки вынуждала Ленина, с одной стороны, думать о необходимости укреплять Красную Армию, которую возглавлял Троцкий, а с другой стороны, о важности использовать огромные связи Троцкого с влиятельными кругами различных стран, в том числе международных финансистов.

По этим или иным причинам, но было очевидно, что Ленин был готов пойти на частичные уступки Троцкому и в вопросе о Госплане. 23 декабря он продиктовал: «Я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях». 27 декабря Ленин продиктовал Володичевой: «По внимательном рассмотрении дела, я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль, именно: Госплан стоит несколько от наших законодательных учреждений… В этом отношении, я думаю, можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому». Однако тут же Ленин оговаривался, что он не может пойти навстречу Троцкому «в отношении председательства в Госплане либо особого лица из наших политических вождей, либо председателя Высшего Совета Народного Хозяйства». Характеризуя будущего председателя Госплана, Ленин перечислил такие качества, которыми явно не обладал Троцкий: «Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно, по технической, либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей». Так Ленин давал понять, что он не видит в Троцком будущего руководителя Госплана.

То ли преувеличенный страх перед расколом партии, то ли его раздражение против Сталина, который постоянно контролировал режим лечения Ленина и конфликтовал по этому поводу с Крупской, сыграли главную роль в решении Ленина надиктовать 4 января 1923 г.; записку, которая затем активно использовалась Троцким и другими врагами Сталина: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях

между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех отношениях отличался от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Таким образом, Ленин предлагал уравновесить неназначение Троцкого председателем Госплана отставкой Сталина с поста генерального секретаря ЦК РКП(б). Хотя отставка Сталина свидетельствовала бы об ослаблении его позиций, в то время пост генерального секретаря ЦК еще не стал главным в партии, а был связан исключительно с ведением организационно-технической работы. Из всего контекста записок Ленина следует, что, несмотря на известное недовольство Сталиным, он не думал о его удалении из высшего партийного руководства. Сталин казался «неудобным» Ленину лишь в роли организатора работы политбюро и особенно в связи со взрывоопасным характером отношений между членами политбюро и Троцким. (Впоследствии эти моменты были упущены при интерпретации этих записок, озаглавленных «Письмо к съезду», а его засекречивание придало ему характер «Завещания», скрытого «узурпаторами воли Ильича».)

И все же опасения Ленина по поводу угрозы раскола в руководстве партии, во многом усиленные его болезнью, были не беспочвенными. Кризис в отношениях между членами политбюро нарастал. В январе 1923 года Сталин и Троцкий обменялись письмами, направленными в политбюро. Сталин вновь предложил Троцкому занять пост зама предсовнаркома. Троцкий вновь отказывался от этого. При этом Троцкий заявлял, что «проект о назначении меня замом» – это «предложение, которое никогда не вносилось ни в Политбюро, ни в пленум и никогда не обсуждалось в них».

Это было явным искажением истины, так как это предложение вносилось в политбюро уже четвертый раз. Однако, когда Сталин легко опроверг утверждение Троцкого, тот не стал ссылаться на свою забывчивость. Уличенный в искажении правды, Троцкий не смущался, и в письме, написанном 20 января 1923 года, утверждал: «Я еще раз констатирую, что вопрос ни разу не вносился в Политбюро и не обсуждался на нем – по крайней мере, в моем присутствии. А я думаю, что мое присутствие было бы не лишним, так как дело шло о моем назначении».

Явно не желая идти на разрядку напряженности в руководстве, Троцкий в письме от 22 февраля 1923 года решительно отвергал предложение Ленина об увеличении числа членов ЦК до 50-100 членов. Он предлагал создать ЦК «в составе Политбюро, Оргбюро и Секретариата… Таким образом, Цека как таковой несколько сокращается по сравнению с нынешним и, во всяком случае, не расширяется». Было очевидно, что предложение Ленина больно ударяло по планам Троцкого, и он стремился его торпедировать.

В своих действиях Троцкий мог рассчитывать на поддержку других видных деятелей партии. С конца 1922 года некоторые их них всячески демонстрировали свою поддержку Троцкому, стремясь показать, что в его лице партия имеет достойного продолжателя Ленина. 14 октября 1922 года Радек писал в «Правде»: «Если т. Ленина можно назвать разумом революции, господствующим через трансмиссию воли, то т. Троцкого можно охарактеризовать, как стальную волю, обузданную разумом. Как голос колокола, призывающего к работе, звучала речь Троцкого. Все ее значение, весь смысл ее и смысл нашей работы ближайших лет выступает с полной ясностью».

Партийный пропагандист Емельян Ярославский (М.И. Губельман), специализировавшийся на антирелигиозной пропаганде, опубликовал в феврале 1923 года биографию Троцкого, напоминающую жития святых. Он обнаруживал даже в юном Троцком проявления черт, которые превратили его в вождя Советской страны. Ярославский писал: «Вероятно, многие видели довольно широко распространенный снимок юноши Троцкого,

когда его отправили в первую ссылку в Сибирь: эта буйная шевелюра, эти характерные губы и высокий лоб. Под этой шевелюрой, под этим высоким лбом уже тогда кипел бурный поток образов, мыслей, настроений, иногда увлекавших тов. Троцкого несколько в сторону от большой дороги, заставлявших его иногда выбирать или слишком далекие обходные пути, или, наоборот, идти неустрашимо напролом там, где нельзя было пройти. Но во всех этих исканиях перед нами был глубочайше преданный революции человек, выросший для роли трибуна, с остро отточенным и гибким, как сталь, языком, разящим противников, и пером, пригоршнями художественных перлов, рассыпающих богатство мысли».

В обстановке восхвалений ведущих партийных пропагандистов Троцкий представил свой план реорганизации центральных органов партии на февральский пленум ЦК 1923 года. Однако члены ЦК не были готовы уступить Троцкому и склониться перед новым вождем. Описывая эти события в своем письме от 22 марта 1923 года, члены Политбюро позже писали: «Члены Пленума помнят тяжелый инцидент, разыгравшийся на февральской сессии пленума, когда пленум ЦК подавляющим большинством голосов отверг выдвинутый т. Троцким ошибочный план построения центральных учреждений партии. Тов. Троцкий не остановился перед тем, чтобы в крайне острой форме бросить ряду членов ЦК и Политбюро обвинение в том, что позиция их в указанном вопросе продиктована якобы задними мыслями и политическими ходами. Пленум ЦК достаточно единодушно реагировал на эту совершенно недопустимую постановку вопроса, и этот очередной кризис был как будто благополучно изжит».

Ленин не присутствовал на февральском пленуме ЦК, но он знал о состоявшейся на нем дискуссии, выступлении Троцкого против его плана реформирования ЦК и поражении Троцкого. Видимо, он был расстроен, что его план разрешения кризиса в руководстве не увенчался успехом, а поэтому попытался смягчить поражение Троцкого некоторыми заявлениями, которые бы свидетельствовали о стремлении Ленина добиться сотрудничества с предреввоенсовета.

Однако Троцкий и многие его биографы постарались не упоминать о февральском пленуме ЦК, на котором он потерпел поражение в борьбе против ленинского предложения. Вместо этого Троцкий и его апологеты пытались создать впечатление, будто в последние дни перед самым сильным параличом, поразившим Ленина, последний якобы видел в Троцком единственного союзника в руководстве страны. Для этой цели использовались отдельные фразы из коротких записок по ряду частных вопросов, надиктованных Лениным в начале 1923 года.

Сославшись на письмо Ленина Троцкому от 5 марта, Дейчер говорил о победе предреввоенсовета над «триумвирами» (Сталин, Зиновьев, Каменев). Действительно, это письмо свидетельствовало о том, что Ленин обратился за поддержкой Троцкого в «грузинском деле». Однако значение «грузинского дела» для судеб партии нельзя было преувеличивать. Скорее всего, обращение Ленина к Троцкому было еще одним дипломатическим ходом в его неустанных усилиях по предотвращению раскола партии. Ради этого Ленин был готов поручить Троцкому «распечь» Орджоникидзе и «потакавших ему» Дзержинского и Сталина. Краткая записка Троцкому не содержала никаких принципиальных заявлений по вопросам политического курса. Ко всему прочему, Ленин не был уверен в том, что Троцкий согласится поддержать его. Записка завершалась фразами: «Если вы почему-нибудь не согласитесь, то верните все дело. Я буду считать это признаком вашего несогласия».

Неуверенность Ленина объяснялась просто: Троцкий сам был автором постановления политбюро по Грузии, направленного против группы Мдивани. Это постановление затем послужило основанием для действий Орджоникидзе в этой республике, впоследствии осужденных Лениным. Лишь после того, как Ленин стал защищать Мдивани, Троцкий отмежевался от данного постановления Политбюро. Сомнения Ленина в том, что Троцкий поддержит его в «грузинском деле», не были напрасными. В ходе обсуждения этого вопроса на XII съезде РКП(б) Троцкий промолчал.

Использование отдельных фраз в записках, которые Ленин направил в ЦК или лично Троцкому, для доказательства того, что больной вождь партии в последнюю минуту распознал «коварство» Сталина и поддерживал Троцкого, напоминает те приемы, к которым прибегли лондонские адвокаты из романа Диккенса, пытавшиеся найти в записках Пиквика к своей домохозяйке с просьбой приготовить обед или убрать квартиру убедительные свидетельства того, что глава славного клуба решил предложить почтенной вдове руку и сердце. Троцкий и его защитники бесконечно цитировали отдельные фразы из записок Ленина: «Я буду воевать на Пленуме за монополию. А Вы?… Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под преследованием Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив… С наилучшим товарищеским приветом, Ленин». Эти слова якобы должны были доказать, что в последние дни активной деятельности Ленина у него произошел решительный поворот в его отношении к Троцкому. На этой хлипкой основе Дейчер уверял: «Даже с постели больной Ленин наносил удар за ударом по Сталину с упорной решимостью, которая поразила Троцкого».

Использовалась и другая краткая записка Ленина, продиктованная Володичевой: «Владимир Ильич просил добавить для Вашего сведения, что т. Каменев едет в Грузию в среду, и Вл. Ил. просит узнать, не желаете ли Вы туда послать что-либо от себя». Произвольно истолковывая содержание этой записки, Троцкий позже утверждал, что в начале марта 1923 года «триумвират» был разбит, а Сталин побежден.

Там, где документальных свидетельств у Троцкого не хватало, он прибегал к фантазии. Он уверял, что Каменев пришел к Троцкому 6 марта, «готовый сдаться на милость победителя». Верить этим утверждениям Троцкого нет никаких оснований, как и тому, что Ленин был готов понизить Сталина и Дзержинского в должности и исключить Орджоникидзе из партии. В своих воспоминаниях Троцкий сообщал, что решил великодушно простить всех троих, хотя Ленин предупреждал его против «гнилого компромисса». Троцкий утверждал, что накануне XII съезда члены Политбюро пресмыкались перед ним и Сталин лично предлагал ему выступить с политотчетом ЦК перед съездом.

Факты же свидетельствуют о том, что никакой «победы» Троцкого над членами Политбюро одержано не было. Тон и содержание письма от 22 марта 1923 года, которое Зиновьев, Сталин, Каменев, Томский и Рыков направили членам ЦК, убедительно свидетельствовали о том, что члены политбюро не только не пресмыкались перед Троцким, а не скрывали своего негодования против него. В письме излагалась история двухлетней борьбы членов Политбюро против Троцкого: «Уже не месяц и не два, а, пожалуй, года два продолжается такое отношение т. Троцкого к Политбюро. Не раз и не два мы выслушивали такие огульные отрицательные характеристики работы Политбюро и в те времена, когда эти работы происходили под председательством Владимира Ильича».

В письме напоминалось, что члены Политбюро «поддерживали в свое время предложение т. Ленина назначить т. Троцкого одним из замов Предсовнаркома, что было, к сожалению, отвергнуто т. Троцким. С этой же целью отдельные из нас вносили предложения дать возможность т. Троцкому выбрать для себя ту или иную крупную отрасль хозяйственной работы, что мы поддерживаем и сейчас».

Особое внимание в письме было обращено на невнимание Троцкого в своих «тезисах по промышленности» к вопросам союза с крестьянством: «В трактовке т. Троцкого этого вопроса (тезисы перерабатывались т. Троцким несколько раз, но в данном отношении он все время оставался верен своей ошибке) получается совершенно определенная политическая ошибка: нарушение перспективы, недооценка роли крестьянства. Ошибка вопиющая, ошибка, идущая вразрез с традициями большевизма, ошибка, чреватая громадными последствиями».

В дальнейшем политбюро еще резче требовало от Троцкого изменения текста тезисов. В телеграмме 4 апреля Сталина Троцкому, который находился в это время в Харькове,

говорилось: «Мне кажется, что Вы не выполнили постановления Пленума о поправке по крестьянскому вопросу. Принятая Пленумом поправка по крестьянскому вопросу не только не включена в тезисы текстуально, но получила в новом тексте тезисов совершенно иной смысл. Между тем Пленумом поправка проголосована и утверждена и Вам поручено лишь согласование текста поправки с основным текстом тезисов… Прошу Вашего отзыва для доклада завтрашнему заседанию Политбюро ЦК». Содержание и тон этих заявлений никак не соответствуют утверждению Троцкого о его «победе» над членами Политбюро и его великодушном прощении «побежденных».

Вероятно, тон письма политбюро от 22 марта стал резче, чем прежние заявления в адрес Троцкого, в силу того, что 16 марта у Ленина случился третий и самый сильный приступ болезни: он оказался парализован и лишился речи. Присутствие Ленина, который не только в своем неотправленном письме к съезду, но и в личных беседах выступал за осторожность в отношении Троцкого, в определенной степени сдерживало резкость выступлений остальных членов политбюро. Члены политбюро, которые постоянно опирались на авторитет Ленина, могли расценить пренебрежение Троцкого к решениям февральского пленума ЦК и их просьбам как свидетельство его полного неподчинения руководству партии. Опасения, что разногласия в руководстве партии могут привести к ее расколу, которые выражал Ленин, разделяли и другие члены политбюро. Это заставляло их не предавать широкой огласке существовавшие противоречия.

Разногласия, разъединившие политбюро, не были вынесены на XII съезд. Как и два года назад, В.В. Косиор поставил вопрос о дискриминации сторонников Троцкого: «Десятки наших товарищей стоят вне партийной работы не потому, что они худые организаторы, не потому, что они плохие коммунисты, но исключительно потому, что в различное время и по различным поводам они участвовали в тех или иных группировках, что они принимали участие в дискуссиях против официальной линии, которая проводилась Центральным Комитетом». В своем выступлении Косиор далее заявлял о том, что «такого рода отчет… можно было бы начать с т. Троцкого, такого рода отчет можно было бы закончить т. Шляпниковым и другими членами «рабочей оппозиции». Эта фраза была исключена из официального текста стенограммы.

Отвечая Косиору, Сталин заявил: «Я должен опровергнуть это обвинение… Разве можно серьезно говорить о том, что т. Троцкий без работы? Руководить этакой махиной, как наша армия и наш флот, разве это мало? Разве это безработица? Допустим, что для такого крупного работника, как т. Троцкий, этого мало, но я должен указать на некоторые факты, которые говорят о том, что сам т. Троцкий, видимо, не намерен, не чувствует тяги к другой, более сложной работе».

Рассказав об отказах Троцкого стать замом Ленина в сентябре 1922-го и в январе 1923 года, Сталин заметил: «Мы еще раз получили категорический ответ с мотивировкой о том, что назначить его, Троцкого, замом – значит ликвидировать его как советского работника. Конечно, товарищи, это дело вкуса. Я не думаю, чтобы тт. Рыков, Цюрупа, Каменев, став замом, ликвидировали бы себя как советских работников, но т. Троцкий думает иначе, и уж, во всяком случае, тут ЦК, товарищи, ни при чем. Очевидно, у т. Троцкого есть какой-то мотив, какое-то соображение, какая-то причина, которая не дает ему взять, кроме военной, еще другую, более сложную работу». Эта часть выступления Сталина также не вошла в официальную стенограмму съезда. Хотя Троцкий не объяснил на съезде, какое «соображение», какая «причина» и какой «мотив» не позволяют ему взять другую работу, он дал понять, что ему есть что сказать, ограничившись замечанием, что «съезд – это не то место… где такого рода инциденты разбираются».

В то же время своим докладом о промышленности Троцкий продемонстрировал, что способен выполнять и «другую сложную работу», кроме военной. В этом докладе Троцкий особо остановился на острой проблеме экономики – нараставшем разрыве в ценах на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. (Демонстрируя диаграмму, иллюстрирующую динамику этих цен, Троцкий заметил: «Вот какая получилась раскаряка,

или ножницы!» Это яркое выражение привилось и с тех пор вошло в постоянный лексикон советской жизни.)

Троцкий видел выход в решении этой проблемы, с одной стороны, в совершенствовании работы промышленности. С другой стороны, он предлагал расширять государственный экспорт хлеба. В этом вопросе он проявлял немалые познания, так как он был знаком ему с детства. С этой целью он выступал за государственную монополию внешней торговли, рассчитывая, что Европа будет «за хлеб… платить нам машинами и фабричными предметами потребления (последних, разумеется, мы будем брать как можно меньше)».

Для того чтобы улучшить работу промышленности, Троцкий предлагал осуществить «концентрацию производства на наилучше оборудованных, наилучше расположенных в географическом и торговом смысле предприятиях». Он говорил о необходимости «увольнять рабочих и работниц», ибо считал, что нельзя содержать «на заводах лишнее количество рабочих и работниц, еле работающих, но получающих зарплату, на треть работающих, для того только, чтобы не обрекать их на открытую безработицу».

Инструментом защиты государственных интересов внутри страны и за ее пределами должно было стать планирование, учитывающее конъюнктуру рынка. Троцкий поддерживал предложение Г.М. Кржижановского, направленное на согласованность действий Госплана с Советом Труда и Обороны. Опираясь на Госплан, Троцкий предлагал обуздать стихию рынка. Он рассчитывал распространить государственный план «на весь рынок, тем самым поглотив и уничтожив его. Другими словами, наши успехи на основе новой экономической политики автоматически приближают ее ликвидацию, ее замену новейшей экономической политикой, которая будет социалистической политикой».

Выступая с отдельными критическими замечаниями в адрес докладчика, делегаты съезда в целом выражали удовлетворение намеченной программой экономического развития. Своим докладом Троцкий сумел показать себя в выгодном свете, как руководитель, разбирающийся в сложных хозяйственных вопросах и отстаивавший программу строительства социализма, которая воспринималась как реалистичная.

Укреплению престижа Троцкого способствовали и многочисленные приветствия в его адрес, которые звучали от имени рабочих делегаций. (XII съезд партии резко отличался от предыдущих съездов по огромному числу выступлений от рабочих коллективов с приветствиями съезду.) В здравицах рабочих делегаций неоднократно вспоминали Троцкого как «великого», «народного» или «красного» вождя Красной Армии. Троцкий был единственным из руководства партии, кто удостоился быть избранным в почетные рабочие. На съезде был оглашен протокол расценочно-конфликтной комиссии при Глуховской фабрике имени Ленина, подписанный председателем фабкома Квасманом и секретарем Казасом, в котором было записано:

«Зачислить т. Троцкого почетным прядильщиком Глуховской фабрики с 23 апреля с. г. и назначить тарифную ставку по седьмому разряду, руководствуясь тарифом союза текстильщиков». Глава делегации глуховских текстильщиков предупредил, что «крайний срок явления т. Троцкого на фабрику – это 1 мая, и мы просим президиум передать т. Троцкому, чтобы он хоть раз за всю революцию заявился на нашу фабрику и сказал свое веское слово нашим рабочим».

Фамилия Троцкого часто звучала вместе с фамилией Ленина («Да здравствуют мировые вожди пролетарской революции товарищи Ленин и Троцкий!», «Да здравствуют Ильич, Троцкий!», «Да здравствуют наши вожди тт. Ленин, Троцкий, Зиновьев!»).

И хотя Троцкий не был главным докладчиком съезда, а за его стенами не прекращалась борьба в политбюро, где он был в одиночестве против всех, XII съезд помог укреплению его влияния на партийные массы, а главное, вдохнул надежду в его сторонников, уже два года ожидавших сигнала к возобновлению борьбы. Троцкий мог прийти к выводу, что его тактика постоянного запугивания руководства партии угрозой раскола и в то же время воздержания от активных выступлений против вождей Политбюро приносит ему ощутимые выгоды без

чрезмерных усилий. Он терпеливо готовился к решающей схватке за власть.

УТИНАЯ ОХОТА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Летом 1923 года ситуация в стране ухудшилась. Относительно дорогая промышленная продукция не находила сбыта. Ряд предприятий прекратили работу, а многие не могли оплачивать труд рабочих. На заводах и фабриках начались забастовки. Обстановка брожения всегда благоприятствовала появлению политиканов, активно использовавших социальную демагогию и атаковавших существующие порядки. К забастовкам подстрекали члены партии, входившие в состав «Рабочей группы» и «Рабочей правды». В мае 1923 года было решено арестовать коммуниста Мясникова и двадцать других членов «Рабочей группы», которые распространяли материалы с нападками на политику страны. Троцкий не возражал против этого решения.

В этой напряженной обстановке руководство партии стремилось укрепить свой контроль над вооруженными силами страны. В письме И. Британу цитировался Троцкий, который якобы заявил, что «его армия – редиска, красная снаружи и белая внутри». Анонимный корреспондент утверждал, что «С.С. Каменев, ее фактический вождь и царский служака, все еще не коммунист, загадочно крутит свои великолепнейшие усы и внушает нам неподдельный страх своим молчанием, которое таит в себе черт знает что». Четыре года назад такой же страх внушал его предшественник И.И. Вацетис, одно время даже арестованный по подозрению в бонапартистских амбициях.

Впрочем, подозрения в бонапартизме распространялись и на самого предреввоенсовета. Член Исполкома Коминтерна Альфред Рос-мер утверждал, что в 1923 году в высших партийных кругах страны были широко распространены слухи такого рода: «Троцкий воображает себя Бонапартом», «Троцкий хочет действовать как Бонапарт». Вероятно, эти слухи повлияли на предложение Зиновьева ввести в состав Революционного Военного Совета И.В. Сталина или К.Е. Ворошилова.

Троцкий крайне болезненно прореагировал на это предложение, означавшее, что его враги из «царицынской группы» войдут в его «владения». Он не только подал в отставку со всех своих постов, но попросил, чтобы в ответ на просьбу лидера ГКП Х. Брандлера его направили «как солдата революции», чтобы помочь Германской коммунистической партии организовать пролетарское восстание. Если бы это произошло, то шаг Троцкого опередил бы беспримерный поступок Че Гевары, когда тот вышел из кубинского правительства, чтобы отправиться в Боливию для участия в революционной борьбе. Однако в отличие от Гевары заявление Троцкого явилось лишь красивым жестом. Аналогичный жест сделал и Зиновьев, который заявил, что вместо Троцкого он, председатель Коминтерна, уедет в Германию как «солдат революции». В спор вмешался Сталин, заявивший, что отъезд двух членов Политбюро развалит работу руководства. Кроме того, он уверил, что не претендует на место в Реввоенсовете. Контроль над германскими событиями от Коминтерна поручили Радеку и Пятакову.

Все эти яркие заявления были сделаны после того, как 22 августа 1923 г. на заседании политбюро на основе информации Радека и руководства Германской коммунистической партии во главе с Брандлером было принято постановление, в котором говорилось, что «германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть». Политбюро определило меры по политической подготовке «трудящихся масс Союза республик к грядущим событиям», мобилизации «боевых сил республики», организации экономической помощи германским рабочим. Для решения этих вопросов была создана комиссия в составе Зиновьева, Сталина, Троцкого, Радека и Чичерина.

Многие советские руководители, особенно те, кто прожил немало лет в эмиграции, не верили в способность российских людей создать самостоятельно развитое социалистическое общество. Они видели в германской революции панацею от текущих экономических и политических трудностей, с которыми столкнулась страна в 1923 г. Председатель

Коминтерна Зиновьев, долго проработавший в эмиграции, давно жил грезами о европейской революции. Выступая на XII съезде партии в апреле 1923 г., он выражал надежду, что «в 1930 году… мы, русские коммунары, бок о бок с иностранными рабочими будем драться на улицах европейских столиц».

Эти настроения Зиновьева отразились в его тезисах «Грядущая германская революция и задачи РКП», одобренных политбюро 23 сентября. В них описывались те выгоды, которые принесет Советской стране революция в Германии: «СССР с его преобладанием сельского хозяйства и Германия с ее преобладанием промышленности как нельзя лучше дополняют друг друга. Союз советской Германии с СССР в ближайшее время представит могучую хозяйственную силу… Союз советской России с советской Германией создаст новую фазу нэпа в России, ускорит и упрочит развитие социалистический госпромышленности в СССР и наверняка уничтожит в корне тенденцию новой буржуазии занять господствующее положение в хозяйстве нашего союза… Союз советской Германии с СССР представит собою не менее могучую военную базу. Общими силами обе республики в сравнительно короткое время сумеют создать такое ядро военных сил, которое обеспечит независимость обеих республик от каких бы то ни было посягательств мирового империализма».

Эти идеи перекликались с представлениями Троцкого о месте России в будущем союзе социалистических стран Европы. Идеи Троцкого нашли воплощение и в тезисе Зиновьева, озаглавленном «Соединенные штаты рабоче-крестьянских республик Европы».

Правда, не все члены комиссии разделяли веру в скорую победу германской революции. Еще до принятия решения политбюро Сталин написал 7 августа письмо Зиновьеву, в котором говорилось: «Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без социал-демократов, созрели ли они уже для этого – в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) земля крестьянам, в) поддержка громадного большинства рабочего класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству советскую страну, чего у нас не было, но что можем мы дать им в данный момент? Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты подхватят, они провалятся с треском. Это «в лучшем» случае. А в худшем случае – их разобьют вдребезги и отбросят назад. Дело не в том, что Брандлер хочет «учить массы», – дело в том, что буржуазия плюс правые с-д. (социал-демократы. – *Прим. авт.)* наверняка превратили бы учебу-демонстрацию в генеральный бой (они имеют пока все шансы для этого) и разгромили бы их. Конечно, фашисты не дремлют, но нам выгоднее, чтобы фашисты первые напали: это сплотит весь рабочий класс вокруг коммунистов (Германия не Болгария). Кроме того, фашисты, по всем данным, слабы в Германии. По моему, немцев надо удерживать, а не поощрять».

Стремление Сталина отказаться от поддержки планов германской революции объяснялось не только его неверием в силы германских коммунистов. Сталин был осведомлен о тех действиях, которые предпринимались советскими руководителями после подписания соглашения о торговом сотрудничестве с Германией в Рапалло в апреле 1922 года. Инициаторами этого соглашения были Леонид Красин и Карл Радек, посетившие Германию осенью 1921 года. Обосновывая необходимость в таком соглашении, Карл Радек писал: «На ближайший исторический период мы наиболее зависимы от Англии и наиболее нуждаемся в Германии. Англо-германские отношения являются столпом нашей политики до момента привлечения Америки и когда в состоянии будем комбинировать на русской почве американский капитал с германским техническим аппаратом».

Совершенно очевидно, что эти соображения не имели ничего общего с планами революции в Германии и противоречили им. Помимо прочего соглашение в Рапалло положило начало тайному сотрудничеству Советской России с Германией в области вооружений и подготовки личного состава рейхсвера на российской территории в обход Версальского договора. Уже весной 1922 года была создана рейхсвером и фирмой «Юнкерс» особая группа по сотрудничеству с Красной Армией. Нет сомнения в том, что все эти соглашения были не только согласованы с руководителем Красной Армии Троцким, а

разрабатывались при его активном участии.

Это сотрудничество, которое было оформлено соглашением 1923 года, иногда называемым «договором Секта– Радека» (Ханс Сект – фактический руководитель тайно созданного Генерального штаба германской армии. – *Прим. авт.).* В последовавшие годы в соответствии с этим соглашением фирма «Юнкерс» создавала свои самолеты в подмосковном пригороде Фили, в городе Троцк (Гатчина) было налажено производство отравляющего газа, подводные лодки и бронированные корабли строились на верфях Ленинграда и Николаева, в Липецке был создан центр по подготовке германских ВВС, в Саратове – школа химической войны, в Казани – бронетанковая школа и танкодром рейхсвера.

Неясно, на что рассчитывали авторы планов революции в Германии, если они одновременно развивали сотрудничество с германскими военными и промышленниками оборонного производства, которые и не помышляли о коммунистической революции. Между тем, не довольствуясь налаживанием связей с германскими военными и руководителями оборонной промышленности Германии, Карл Радек установил контакты с правыми, националистическими кругами этой страны, активность которых стала возрастать после оккупации французскими войсками Рура в начале 1923 г. Бывший переводчик Гитлера и видный германский историк Пауль Шмидт (писавший под псевдонимом Пауль Карелл) писал: «Радек… был горячим сторонником идеи, что «общие враги, Версальские победители» должны быть разбиты блоком Советского Союза и Германии. Радек не считал, что для такого союза Германия должна стать коммунистической. Он полагал, что германские националисты могут стать переходным этапом на пути к большевизму. Поэтому, когда Альберт Лео Шлагетер, лейтенант одного из иррегулярных формирований «Немецкого свободного корпуса», подпольный борец против французской оккупации Рура, был приговорен к смертной казни и расстрелян в мае 1923 г. за теракт, то Радек на заседании Коминтерна выступил 20 июня 1923 г. с сенсационной речью, посвященной расстрелянному. Речь была озаглавлена «Лео Шлагетер, путешественник в никуда».

Вряд ли сторонник Троцкого Радек, не бывший членом политбюро, позволил бы такие шаги самостоятельно. Скорее всего, курс на сближение с правыми националистами Германии был взят с согласия, а может быть, и по инициативе Троцкого.

Из этого следовало, что Радек и Троцкий, готовившие планы коммунистической революции в Германии, одновременно делали ставку на участников военизированных националистических организаций, которые все теснее сближались с национал-социалистической партией Адольфа Гитлера. Между тем для многих, в том числе и для Сталина, было ясно, что «фашисты», как именовали тогда членов партии Гитлера, являются злейшими врагами коммунистов. У Сталина были серьезные основания для сомнений в удаче политики, которая исходила из одновременной поддержки двух противостоявших сил.

Кроме того, Сталин не мог не знать, что на Западе уже давно разработаны планы развязывания войны между Германией и СССР. Одним из разработчиков таких планов был Парвус. После победы Октября он предложил свои услуги Советскому правительству в качестве советника, но получил отказ. С начала 20-х гг. Парвус стал советником президента Германии Эберта. В эти годы он опубликовал брошюру, в которой призывал Германию осуществить экспансию против России, и таким образом предвосхитил многие идеи, высказанные вскоре Гитлером в «Моей борьбе».

Надо сказать, что Парвус не был оригинален в своих идеях. Еще в ноябре 1918 г., как следует из мемуаров министра английского правительства и члена масонской организации Уинстона Черчилля, он пришел к мысли о необходимости направить германскую экспансию против Советской России и стал всячески отстаивать эту идею. Парвус лишь детально разработал и обосновал план вторжения Германии в СССР.

Узнав о том, что в корреспонденции Роста из Варшавы было изложено вкратце содержание этой брошюры Парвуса, В.И. Ленин 2 февраля 1922 г. направил гневную

телефонограмму секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову для сведения всех членов Политбюро, в которой говорилось: «Предлагаю назначить следствие по поводу того, кто поместил на днях в газетах телеграмму с изложением писаний Парвуса. По выяснении виновного, предлагаю заведующему этим отделом Роста объявить строгий выговор, непосредственно виновного журналиста прогнать со службы, ибо только круглый дурак или белогвардеец мог превратить наши газеты в орудие рекламы для такого негодяя, как Парвус».

Однако Парвус поддерживал связи в Москве не с «круглыми дураками» или «белогвардейцами», а со многими влиятельными людьми в руководстве страны и в первую очередь с Троцким.

Сталин, видимо, отдавал отчет в том, что, поддержав сомнительный план развязывания революции в Германии, СССР оказался бы не только вовлеченным в Гражданскую войну в этой стране» но и спровоцировал бы Советско-германскую войну. Планы Радека, Зиновьева и Троцкого невольно бы создали ситуацию, которая отвечала тем задачам, которые выдвигал друг Троцкого Парвус. Уже было известно о быстром превращении Парвуса из левого социал-демократа и теоретика мировой «перманентной революции» в крупного международного финансиста и советника правительств Германии и Османской империи. Какие неожиданные метаморфозы могли бы произойти с теми, кто сейчас с пеной у рта демонстрировал свою преданность идеям коммунистической революции? Где гарантия, что «граждане мира», охотно вступавшие в контакты с крайне правыми силами в Германии, не предали бы коммунистов из партии Брандлера, а заодно советских коммунистов и народы СССР, которых они считали необыкновенно «отсталыми»?

Думал об этом Сталин или нет, но сомнения в планах революции в Германии одолевали его, и он считал, что коммунистов Германии надо не поощрять, а сдерживать. Однако очевидно, что среди советского руководства Сталин был одинок в своих сомнениях. Выступить же против революции в другой стране означало бы в ту пору объявить себя врагом коммунизма. Видимо, поэтому Сталин не стал возражать, когда на основе тезисов Зиновьева 4 октября политбюро приняло решение о дате германской революции: «Согласиться с комиссией в вопросе о назначении срока – 9 ноября с. г».

Троцкий вовсе не желал уступать председателю Коминтерна первенства в реализации этих авантюрных планов. Будучи предреввоенсовета, он должен был хотя бы в силу своего положения сыграть важную роль в предстоящих событиях, так как план германской революции предусматривал активное участие в ней Красной Армии. Несколько позже был разработан план увеличения Красной Армии до 2,5 миллиона человек и создания 20 новых дивизий. В новые формирования должны быть отобраны люди, знающие немецкий язык со времен плена у немцев в Первую мировую войну. По свидетельству X. Брандлера и других, Троцкий не только активно участвовал в разработке планов революционного восстания, но сам разрабатывал их и настаивал на их выполнении. Зиновьев, выступивший автором плана германской революции, представлял препятствие для Троцкого. Поэтому Троцкий решил избавиться от Зиновьева и его союзников в руководстве страны. В качестве предлога для смещения руководства были избраны не вопросы германской революции, а проблемы хозяйственного развития советской страны.

Несмотря на преследование инициаторов забастовок из «Рабочей правды» и «Рабочей группы» экономические выступления рабочих перерастали в политические под лозунгами отстранения от власти «обюрократившейся» и «обуржуазившейся» партийной верхушки. Используя это недовольство, Троцкий выдвинул программу выхода из хозяйственного и политического кризиса на основе смены курса партии и изменений в руководстве страны.

8 октября Троцкий направил в Политбюро свое заявление, представлявшее наиболее резкий политический документ в ходе «холодной войны», которую он вел в Политбюро уже два с половиной года. В письме осуждалось «отсутствие всеобщего плана» экономического развития и эффективного Госплана. Одновременно Троцкий настаивал на проведении «жесткой концентрации» в промышленности. Критике подвергалась и внутренняя, и

внешняя политика страны. Троцкий объявлял свои предложения реальной программой выхода из текущих трудностей страны.

Через три дня, 11 октября, стало известно о сформировании в Саксонии и Тюрингии правительств с участием коммунистов. Казалось, что революция в Германии начнется в срок, назначенный политбюро. Через 4 дня после этих событий, 15 октября, в политбюро было направлено заявление 46 видных деятелей партии, широко распространившееся в стране и ставшее программой оппозиции. Отмечая кризисные явления в экономике страны, авторы письма подвергали критике «случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК». Осуждая «отсутствие руководства», они вместе с тем критиковали «почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и мирян, на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, – и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни». Авторы заявления требовали отмены запрета X съезда на фракции.

Замечания о нарушении внутрипартийной демократии были столь же справедливы, как и высказывания о противоречивых и нерешительных действиях руководства. Болезнь Ленина, раздоры в руководстве, трудности в согласовании действий даже среди противников Троцкого, слабость ведущего деятеля «триумвирата» Зиновьева как руководителя, – все это во многом объясняло одновременно и непоследовательность политики и склонность к закрытому стилю деятельности политбюро. В этой обстановке требование убрать руководство, потерявшее ориентацию, и создать условия для выдвижения новых лидеров с более четкими программами, отвечавшими современному моменту, многим представлялось разумным. В то же время подписи, стоявшие под документом, свидетельствовали о том, что авторы «Письма 46» – отнюдь не представители «прочей партийной массы», не имевшей до сих пор возможности выразить свое мнение. Как правило, это были видные деятели партии, которые выражали недовольство тем, что им не давали работу «по плечу». Очевидно, что авторы «заявления» согласовали свое выступление с Троцким. Позже Зиновьев, перефразируя название рассказа Горького «Двадцать шесть и одна», назвал выступление оппозиции «Сорок шесть и один».

Среди подписавших были верные сторонники Троцкого со времен эмиграции или Гражданской войны В.А. Антонов-Овсеенко, И.Н. Смирнов, А.П. Розенгольц, ВВ. Косиор, В. Эльцин, Н.Г. Муралов, М. Альский, А.Г. Белобородов и бывший руководитель Цектрана А.З. Гольцман. К письму присоединились и бывшие «левые коммунисты», и децисты: Г.Л. Пятаков, Н.Н. Осинский, В.М. Смирнов, В.Н. Яковлева, А.С. Бубнов, Рафаил, Т.В. Сапронов. Если Рафаил в своем выступлении на X съезде партии мог иронизировать по поводу того, что Зиновьев и Сталин стали архидемократами, то не меньше оснований для иронии имел Сталин, когда он выражал сомнение в искренности и глубине демократических идеалов авторов «Письма 46» и его сторонников: «В рядах оппозиции имеются такие, как Белобородое, «демократизм» которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от «демократизма» которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от «демократизма» которого не кричал, а выл весь Донбасс; Альский, «демократизм» которого всем известен; Бык, от «демократизма» которого до сих пор воет Хорезм».

Позже Сталин с не меньшим сарказмом говорил о том, что «Троцкий, этот патриарх бюрократов, без демократии жить не может». «Нам было несколько смешно, – заявлял Сталин, – слышать речи о демократии из уст Троцкого, того самого Троцкого, который на X съезде партии требовал перетряхивания профсоюзов сверху. Но мы знали, что между Троцким периода X съезда и Троцким наших дней нет разницы большой, ибо как тогда, так и теперь он стоит за перетряхивание ленинских кадров. Разница лишь в том, что на X съезде он перетряхивал ленинские кадры сверху в области профсоюзов, а теперь перетряхивает он те же ленинские кадры снизу в области партии. Демократия нужна, как конек, как стратегический маневр. В этом вся музыка».

И все же с этого времени родился еще один миф о Троцком, как последовательном

стороннике демократических принципов социалистической революции и борце против авторитаризма и бюрократии «сталинской системы». О живучести этого мифа свидетельствует содержание книги В.З. Роговина «Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы», автор которой пытается доказать «демократизм» и «антитоталитарность» Троцкого.

Выступая под лозунгами демократии, ни Троцкий, ни 46 соавторов заявления не ставили вопроса о расширении прав трудящихся, трудовых коллективов. Выступление представителей высшего эшелона партии носило верхушечный, а не массовый характер и имело целью не глубокие перемены, отвечавшие интересам государства или рабочих масс, а смену руководства. Требование ниспровержения власти партийного аппарата, свободы дискуссий в сочетании с критикой нерешительности и непоследовательности в действиях руководства при отсутствии реальной позитивной программы выхода общества из кризиса являлось популистским прикрытием для прихода к власти авторитарной личности с диктаторскими амбициями.

Для всех объективных наблюдателей было ясно, что за демагогическими заявлениями Троцкого и его сторонников скрывается стремление к захвату власти. Оценивая весь ход борьбы с оппозицией в 20-х гг., итальянский журналист К.Э. Зуккерт, писавший под псевдонимом Курцио Малапарте, писал в своей книге «Техника государственного переворота»: «История борьбы Сталина с Троцким – это история попытки Троцкого захватить власть и защиты государства Сталиным вместе со старой большевистской гвардией: это история неудавшегося государственного переворота. «Отвергая представления о том, что главным в полемике тех лет были теоретические вопросы, Зуккерт-Малапарте утверждал: «Троцкий думает о захвате государственной власти, а Сталин – о том, как государство защитить».

В ходе борьбы за власть Троцкий обратился к массам. Письмо Троцкого и заявление 46 широко распространялось по партийным организациям.

15 октября, в тот день, когда было опубликовано «Заявление 46», состоялось заседание президиума Центральной контрольной комиссии (ЦКК) партии, на котором было обсуждено письмо Троцкого. ЦКК указала, что по своему духу письмо направлено на создание фракций, и потребовало прекратить распространение письма по партийным организациям до вынесения решения объединенным пленумом ЦК и ЦКК.

В это время в Москву из Горок 18 октября неожиданно прибыл Ленин. Хотя Ленин был по-прежнему частично парализован, многие расценили его появление как свидетельство того, что «Ильич» пошел на поправку. Он побывал в своей кремлевской квартире и в кабинете, заглянул в зал заседаний Совнаркома. На другой день Ленин посетил сельскохозяйственную выставку и, отобрав несколько книг из своей библиотеки, вернулся в Горки. Последнее в его жизни посещение Москвы по крайней мере свидетельствовало о том, что Ленин проявлял интерес к текущим делам.

Хотя никаких сведений об отношении Ленина к позициям сторон в разгоравшемся внутрипартийном конфликте не осталось, совершенно ясно, что поведение большинства политбюро в эти дни никак не подтверждает версию Троцкого о том, что с конца 1922 г. Ленин был всецело на его стороне. Судя по последовавшим событиям, визит Ленина скорее ободрил большинство членов политбюро и вдохновил на энергичные действия. 19 октября, когда Ленин был в Москве, восемь членов и кандидатов в члены политбюро обратились с письмом к членам ЦК и ЦКК с острой критикой позиции Троцкого и его сторонников. Как и в своем письме от 23 марта 1923 г., они обвиняли Троцкого в недооценке значения союза крестьянства с рабочим классом. В письме осуждался предложенный Троцким курс на «концентрацию промышленности». В нем утверждалось, что Троцкий стал центром притяжения для всех, кто борется против партии и ее основных кадров.

26 октября состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК РКП(б). Словно с опозданием реагируя на предложение Ленина о расширении состава ЦК до 50-100 членов, для участия в пленуме политбюро пригласило представителей от 10 крупнейших областных

парторганизаций. 102 голосами против двух и при десяти воздержавшихся пленум принял резолюцию, в которой выступление Троцкого и 46 расценивалось «как шаг фракционно-раскольничьей политики», грозящей «нанести удар единству партии и создающей кризис партии».

Тем временем события в Германии не стали развиваться по плану, разработанному в Москве. Ни Берлин, ни Рур не поддержали Саксонию и Тюрингию. Лишь в Гамбурге 23 октября под руководством Э. Тельмана вспыхнуло восстание. Однако это выступление не было поддержано в других городах, и правительство приняло решительные меры для разгрома коммунистов. Сект, подписавший ранее с Радеком соглашение о сотрудничестве в военной области, сосредоточил всю исполнительную власть в своих руках, а затем решительно и беспощадно подавил революционное движение. 30 октября было разогнано саксонское правительство, а восстание в Гамбурге – разгромлено.

Революционное выступление в Германии вызвало ответную волну правых сил. За день до того срока, который был назначен в Москве для начала коммунистической революции, 8 ноября 1923 г. в Мюнхене лидер национал-социалистической партии Германии А. Гитлер провозгласил себя главой германского правительства, а Людендорфа, который 5 лет назад командовал наступлением немецких войск на Россию – главнокомандующим вооруженных сил Германии. Однако мятеж продержался недолго и Гитлер вместе с Людендорфом были арестованы. Троцкий, анализируя позже причины разгрома коммунистов, отметил недооценку ими «вооруженных сил врага», в том числе «фашистских отрядов» на первом этапе выступлений. В то же время Троцкий считал, что коммунисты Германии преувеличили силы противника после начала выступления и должны были действовать более решительно.

Германская революция, на которую так рассчитывал Троцкий, желавший побыстрее уйти от смет и калькуляций в вихрь событий мирового масштаба, не состоялась. Развитие событий в течение трех недель октября 1923 года свидетельствовало о том, что внешние и внутренние условия, которые первоначально благоприятствовали успеху Троцкого, резко ухудшились. Руководство РКП(б), которое рассматривалось многими в партии как группа растерянных лидеров, проявило инициативу и последовательность в наступлении на оппозицию.

В эти дни Троцкий неожиданно прекратил активную государственную деятельность на несколько месяцев. Дейчер писал: «Несчастное заболевание заставило его молчать. В конце октября во время воскресной охотничьей прогулки в болотистой местности за пределами Москвы Троцкий подхватил малярийную инфекцию и, страдая от лихорадки, был прикован к постели в течение этих решающих месяцев». В «Моей жизни» Троцкий писал: «Можно предвидеть революцию или войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на диких уток».

И все же болезнь Троцкого, временно исключившая его из политической жизни, возникла у него как нельзя кстати. Вряд ли стоит подозревать, что она была вымышленной от начала до конца, как это было у Джона Кеннеди накануне начала кубинского кризиса 1962 года, когда необходимость долгих совещаний с военными заставила его заявить своему пресс-атташе Пьеру Сэлинджеру: «Завтра и в последующие дни у меня будет катар верхних дыхательных путей и небольшая температура». Однако и в версии Троцкого, и Дейчера не все гладко. Обычно в Подмосковье к концу октября утиная охота завершается, так как утки улетают в теплые края. А заразиться малярией поздней осенью в Подмосковье даже в 20-е годы было практически невозможно, так как в конце октября комары, переносчики этой болезни, всегда исчезали с болот.

Несмотря на то что Троцкий в своем письме к членам партии от 8 декабря 1923 года выразил надежду, что ему «удастся вскоре справиться с малярией», такую самооценку его заболевания не подтвердило мнение врачей, консилиум которых состоялся 21 декабря. Нарком здравоохранения Семашко и пять врачей Лечсанупра Кремля пришли к выводу, что у Троцкого не малярия, а инфлюэнца, катар верхних дыхательных путей, повышенная температура (не выше 38°), потеря веса, утрата аппетита и снижение трудоспособности.

Врачи рекомендовали освободить Троцкого от работы и изменить климатические условия по крайней мере на два месяца. Этот диагноз был опубликован в «Правде» 8 января 1923 года.

Хотя диагноз, который поставил себе Троцкий, был неверным, он не симулировал болезнь. Очевидно, что острые события осени 1923 года стали для него непереносимым стрессом, который, как это было обычно для него, вызвал затяжную болезненную реакцию всего организма.

В то же время, не исключая того, что Троцкий не мог долго избавиться от болезненного состояния, следует учесть, что сознание своего общественного долга, как правило, заставляет государственного деятеля преодолевать недомогание. История дает немало примеров того, как ответственные руководители проявляли физическую выдержку в период наибольшей потребности в них. Тяжелая простуда не помешала Сталину осуществлять руководство страной в октябрьские дни 1941 года. Однако многие историки проявили снисхождение к простуде Троцкого и не допускали и мысли о том, чтобы он мог включиться в активную работу, не перестав чихать и кашлять.

Скорее всего, как и для персонажа пьесы В. Вампилова, утиная охота и ее последствия стали для Троцкого удобным предлогом для его бегства от сложных проблем жизни, прикрытием своего банкротства. Провал германской революции сделал неудобным для Троцкого обстановку, в которой он мог прийти к власти, и теперь поход оппозиции, которую он возглавил, был обречен на провал. Поэтому Троцкому было выгодно отмежеваться от оппозиции. Многие, в том числе М.Н. Покровский и неизвестный автор письма к И. Британу, возмущались неблагородным поведением Троцкого по отношению к тем сорока шести, к которым он так и не удосужился выйти, чтобы встать во главе их, спрятавшись в кремлевской спальне и наблюдая за их разгромом. Троцкий писал: «Я прохворал дискуссию 1923 г. против «троцкизма». Болезнь помогла ему избежать публичного отречения от оппозиции и тем самым «сохранить лицо» Троцкого в ее глазах, хотя это воздержание лишь усиливало недоверие к нему со стороны большинства политбюро.

Сталин ставил вопрос ребром: «За кого же, в конце концов, стоит Троцкий, – за ЦК или за оппозицию?» Сталин имел веские основания высказать неверие в то, что болезнь Троцкого достаточно серьезна, чтобы приковать его к постели: «Говорят, что Троцкий серьезно болен. Допустим, что он серьезно болен. Но за время своей болезни он написал три статьи и четыре новые главы сегодня вышедшей его брошюры. Разве не ясно, что Троцкий имеет полную возможность написать в удовлетворение запрашивающих его организаций две строчки о том, что он – за оппозицию или против оппозиции?»

В ответ на популистские требования оппозиции руководство партии решило пойти на широкую дискуссию, в ходе которой были подняты самые злободневные вопросы политической жизни страны. Эта дискуссия приняла острый характер. На стороне Троцкого и «сорока шести» были многие молодые члены партии, вступившие после 1917 года, то есть после присоединения Троцкого к большевикам, а потому не знавшие всей истории борьбы их лидера с Лениным. Особо активную поддержку Троцкий получал в высших учебных заведениях. Студенты живо откликнулись на требования оппозиции расширения внутрипартийной демократии, перетряхивания высших кадров власти.

Когда А.И. Микоян прибыл в Москву в конце ноября 1923 года, он «первый же день по приезде… провел на собраниях в Московском университете, куда мне посоветовали сходить, чтобы окунуться в атмосферу… дискуссии. С утра до позднего вечера, с небольшим перерывом, там происходили очень шумные и бурные, иногда беспорядочные выступления… Сторонников ЦК среди выступавших было очень мало, и большинство выступало не на высоком уровне. Нападки же на линию партии были весьма резки».

Члены партии с дореволюционным стажем составляли лишь 12% членов РКП(б). Многие ветераны-большевики активно выступали в партийных организациях с суровой критикой Троцкого. Как замечал Микоян, они подчеркивали, что «большинство рабочих собраний, коммунистов выступают против оппозиции, за ЦК. В вузовских же ячейках,

пользуясь политической неподготовленностью молодежи, оппозиция добивается успеха. Ораторы от оппозиции, возражая, говорили, что рабочие-де голосуют за ЦК в страхе, что если они будут голосовать против ЦК, то их уволят с работы. Но революционному студенчеству нечего бояться голосовать за оппозицию».

В острую дискуссию включились и члены политбюро. Выступая в ходе дискуссии 2 декабря 1923 года, Сталин признавал закономерность требований о демократизации жизни партии. В то же время он видел «демократизацию» партию прежде всего в ее открытости к рабочим массам страны. Поэтому он призывал «отрешиться от излишнего формализма, который проявляют иногда наши организации на местах при приеме в члены партии товарищей из рабочих». Он настаивал на том, чтобы условия приема в партию новых членов из рабочего класса были смягчены.

7 декабря 1923 года было опубликовано решение политбюро ЦК и президиума ЦКК «О партстроительстве», принятое 5 декабря. В нем признавалось необходимым принять меры по демократизации партийной жизни, но в то же время отвергались попытки под этим предлогом сменить партийное руководство. Троцкий поддержал эту резолюцию, и она была принята единогласно.

Однако позиция Троцкого была изменой по отношению к его собственным сторонникам. Поэтому он решил дать им понять, что его голосование за резолюцию руководства партии – это лишь политический маневр. На следующий же день после опубликования резолюции «тяжело больной» Троцкий вдруг объявил себя достаточно здоровым для того, чтобы лично выступить на одном из районных собраний в Москве. Он зачитал свое «Письмо к партийным совещаниям», озаглавленное «Новый курс». Письмо было, по сути, направлено против политбюро.

Письмо Троцкого призывало к борьбе за демократию, против бюрократизма, за обновление стиля партийной работы. Главной объявлялась «опасность консервативно-бюрократической фракционности». Замена «консервативно настроенных товарищей, склонных переоценивать роль аппарата», должна была обеспечить исправление стиля работы. Троцкий призывал: «Вывод только один: нарыв надо вскрыть и дезинфицировать, а кроме того, и это еще важнее, надо открыть окно, дабы свежий воздух мог лучше окислять кровь».

Альтернативой «партийному бюрократизму» объявлялось «постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии». Увидев, что его главной опорой являются молодые члены партии, Троцкий в своем письме бросил фразу, ставшую крылатой: «Молодежь – вернейший барометр партии – резче всего реагирует на партийный бюрократизм».

Хотя лозунги Троцкого получили широкую поддержку в студенческой среде, наиболее мощной силой в движении «Сорока шести и одного» являлась армия, руководство которой Троцкий упорно не выпускал из рук. В конце декабря 1923 года начальник Политуправления Красной Армии В.А. Антонов-Овсеенко дал указание о проведении конференции коммунистических ячеек высших военно-учебных заведений и направил в армейские организации циркуляр № 200, в котором предписывал изменить систему партийно-политических органов Красной Армии на основе положений «Нового курса». В ответ на требование политбюро отозвать этот документ Антонов-Овсеенко направил 27 декабря письмо с угрозами в адрес партийного руководства. 28 и 29 декабря Троцкий опубликовал в «Правде» материалы с пропагандой своей интерпретации «Нового курса». В эти дни Антонов-Овсеенко заявлял, что бойцы Красной Армии «как один» выступят за Троцкого. От этих заявлений и действий веяло угрозой военного переворота.

Зиновьев, который весной 1921 года сделал немало для того, чтобы события в Кронштадте приняли острую и драматичную форму, и тем самым повлиял на ход внутрипартийной борьбы, и на сей раз предлагал пойти на крайние меры, требуя арестовать Троцкого. Хотя это предложение было отвергнуто, лидеры партии приняли действенные меры для отстранения от власти наиболее энергичных сторонников Троцкого в руководстве

Красной Армии. По решению оргбюро ЦК циркуляр Политуправления был отменен, Антонов-Овсеенко снят с занимаемой должности, а на его место 12 января был назначен А.С. Бубнов, который к этому времени отошел от поддержки «платформы 46». За день до этого, 11 января, в отставку был отправлен заместитель Предреввоенсовета с октября 1918 года Эфраим Склянский.

Тем временем политическая кампания против оппозиции охватила все парторганизации. Члены ЦК выступали в различных городах страны с осуждением «платформы 46» и позиции Троцкого. После того как письмо Троцкого «Новый курс» стало достоянием гласности, члены Политбюро решили, что более скрывать разногласия внутри руководства не имеет смысла. В статье «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письмах Троцкого», опубликованной в «Правде» 15 декабря, Сталин объяснял цель письма Троцкого: «дипломатически поддержать оппозицию в ее борьбе с ЦК партии, под видом защиты резолюции ЦК… Троцкий состоит в блоке с демократическими централистами и частью «левых» коммунистов – в этом политический смысл выступления Троцкого».

Полемические бои шли под знаком явного перевеса над оппозиционерами. XIII партконференция констатировала полную победу над оппозицией в ходе двухмесячной дискуссии. В то же время в своем докладе Сталин косвенным образом признал, что даже без открытого участия Троцкого в полемике на стороне оппозиции многие парторганизации выражали ему поддержку. Как это часто бывает в ходе массовой и назойливой кампании осуждения, направленной против одного человека, люди готовы защитить «травимого» часто из чувства солидарности с одиночкой, особенно если он окружен ореолом былой славы и имеет репутацию борца за правду. Сталин упомянул, что ряд парторганизаций добавляли к резолюциям одобрения Политбюро «некий хвостик, скажем, такой: да, все у вас хорошо, но не обижайте Троцкого». Отвечая на эти «хвостики», Сталин заявил: «Я не поднимаю здесь вопроса о том, кто кого обижает. Я думаю, что если хорошенько разобраться, то может оказаться, что известное изречение о Тит Титыче довольно близко подходит к Троцкому: «Кто тебя, Тит Титыч, обидит? Ты сам всякого обидишь». Конференция подавляющим большинством голосов приняла резолюции, которые поддерживали курс Политбюро.

Одновременно было принято решение пополнить ряды РКП(б) не менее 100 тысячами представителей рабочего класса и закрыть прием в партию выходцам из непролетарских слоев населения. Прием в партию 240 тысяч рабочих с 15 февраля по 1 октября 1924 года в ходе «ленинского призыва» изменил социальный состав партии. Процент рабочих увеличился с 44 до 60. Соответственно уменьшилась доля «непролетарских элементов».

Позже Троцкий, отмечая утрату своей популярности в рядах партии после начала «ленинского призыва», утверждал, что новые члены партии были заражены антисемитизмом. Это объяснение широко распространено, а американские историки М. Фейнсод и Д. Хаф даже утверждали, что национальность Троцкого «стала особенно большим препятствием для него, когда сотни тысяч рабочих вступили в партию». Может создаться впечатление, что в 1924 году в ВКП(б) принимали участников еврейских погромов, а в числе инициаторов «ленинского призыва» были не Зиновьев и Каменев, а Гитлер и Штрейхер.

В то же время нет сомнения в том, что прием новых членов из рабочего класса и меры против приема выходцев из непролетарских слоев населения означали ослабление позиций тех лиц еврейской национальности, которые были далеки от большевизма до октября 1917 года, но присоединились к правящей партии в период «забастовки чиновников» или восприняв пребывание Троцкого у власти как торжество иудаизма. Те, кто видел в правящей коммунистической партии победу «красного иудаизма», рассматривали Троцкого не как пролетарского, а как национального вождя и поэтому особенно рьяно защищали его в ходе дискуссии. В то же время многие из активных противников троцкизма были лица еврейской национальности, а поэтому говорить о том, что истинной подоплекой дискуссии был еврейский вопрос – нелепо.

Но главная угроза Троцкому в приеме новых членов партии состояла в том, что он

давно был оторван от рабочего класса страны, был чужд его чаяниям, презирал культуру народа. Вступление же в партию тех, кто до сих пор был занят активной созидательной работой, приближало РКП(б) к наиболее активной, динамичной части народа, создавало в ней иммунитет от авантюристических планов мировой революции во имя Соединенных Штатов Европы, которые были главными для Троцкого.

Троцкого не было на заседаниях конференции, а 18 января, выполняя советы врачей, он отправился в Грузию. Троцкий находился в Тбилиси, когда он получил сообщение о смерти Ленина. В своем неучастии в похоронах он позже обвинил Сталина, утверждая, что тот ему якобы телеграфировал о том, что похороны Ленина состоятся через день после его кончины. Документально это не подтверждено. В любом случае Троцкий мог направиться в Москву, чтобы, хоть и с опозданием, присоединиться к выражению всеобщей скорби по поводу смерти Ленина.

Как вспоминал Микоян, «еще в 1923 г. начали летать самолеты гражданской авиации. Тогда у нас работала также германская воздушная компания «Люфтганза». В частности, ее самолеты были в Ростове». По мнению Микояна, Троцкий «мог бы использовать и военный самолет для такого экстренного случая – долететь на нем до Ростова или Харькова, а оттуда поездом – и успеть». Отказ Троцкого сделать все возможное для вылета в Москву показался Микояну «возмутительным, характеризующим его личность с самой отрицательной стороны». Даже сыновья Троцкого в письмах в Сухуми выражали свое недоумение его решением.

Троцкий все еще отдыхал в Сухуми, когда ему сообщили, что вместо Э.М. Склянского заместителем предреввоенсовета назначен М.В. Фрунзе. Это назначение свидетельствовало о том, что Реввоенсовет выходил из-под монопольной власти Троцкого. На юге же Троцкий узнал о назначении А.И. Рыкова председателем совнаркома. Он мог поразмыслить о том, что, если бы он в свое время проявил больше смирения и согласился стать первым заместителем Ленина, его теперь могли почти автоматически поставить во главе совнаркома.

Вероятно, в нежелании Троцкого спешить в Москву был свой резон. Для «триумвирата» он мог считаться поверженной фигурой. Опыт интриг мог ему подсказать, что после смерти Ленина внутри политбюро могут начаться конфликты, а ему следует терпеливо ждать неизбежного столкновения в руководстве. Троцкий был прав в принципе, но ошибся в данном конкретном случае: члены политбюро, закаленные трехлетней борьбой против Троцкого, проявляли сплоченность и готовность к продолжению атак на предреввоеносовета.

Оценивая XIII съезд партии, открывшийся 23 мая 1924 года, Дейчер заявлял, что он превратился в «оргию проклятий» в адрес Троцкого. «Лишь один раз, – пишет историк, – Троцкий защитил себя. Он говорил спокойно и убедительно, в его подтексте звучало обреченное признание поражения». Это звучит красиво, но это неточное описание хода съезда. Вплоть до «единственного» выступления Троцкого никто из делегатов не говорил о нем ни слова, если не считать упоминания его фамилии во время выдвижения его кандидатуры в президиум съезда.

Но уже в отчете ЦК партии, который сделал Г.Е. Зиновьев, была дана резкая оценка той борьбе, в которой Троцкий принимал участие, хотя его фамилия и не была произнесена. По сути, Зиновьев оценил выступление оппозиции как беспрецедентную угрозу переворота. После открытия прений по докладам вторым выступил Троцкий. Признания ошибок от него не услышали. Его речь, которую Угланов назвал «парламентской», была предельно осторожной по форме. На протяжении почти всей речи Троцкий старался избегать обычных для него эмоциональных фейерверков. Характер выступления Троцкого отвечал его тактическим целям, направленным на то, чтобы удержать руководящее положение в партии и стране и одновременно сохранить свой авторитет в глазах оппозиции. Отвергая обвинения в мелкобуржуазном уклоне, Троцкий ограничивался тем, что осторожно называл их «преувеличенными». Троцкий утверждал, что его действия не были направлены на изменение состава ЦК, а лишь на развитие внутрипартийной демократии в духе резолюции 5

декабря 1923 года.

В то же время Троцкий категорически отказался сделать то, чего от него требовал Зиновьев: недвусмысленного признания ошибочности своей позиции. Отвечая Зиновьеву, Троцкий заявлял: «Я уже сказал, что перед лицом партии нет ничего легче, как сказать: вся эта критика, все заявления, предупреждения и протесты – все это было сплошной ошибкой… Если я, по мнению иных товарищей, напрасно сделал здесь те или другие напоминания… напрасно рисовал те или другие опасности, то я, со своей стороны, считаю, что я выполню только свой долг члена партии».

Выступление Троцкого вызвало крайнее раздражение у руководства партии и его сторонников, преобладавших на съезде. Не менее 15 ораторов выступили с осуждением его речи. Многие выступавшие выражали свое недовольство тем, что Троцкий не последовал предложению Зиновьева. Не поддержав Троцкого по существу, Н.К. Крупская в то же время выступила против того, чтобы от него требовали признания ошибок: «Зиновьев… бросил вызов оппозиции, призывал ее, чтобы она тут с трибуны признала свою неправоту. Психологически это невозможно… Я думаю, что ставить дело на такую почву и говорить: «скажи с трибуны, что ты не прав», – не следовало бы. Достаточно заявления оппозиции о желании совместной работы, а оно было в том, что говорил тов. Троцкий, сказавший, что он считает, что не должно быть ни фракций, ни группировок».

Однако критика Троцкого смягчалась постоянным напоминанием о его положении руководителя, что не подвергалось сомнению. Комментируя заявление Троцкого о готовности сражаться «на большевистской баррикаде», НА. Угланов заявлял: «Нам, тов. Троцкий, этого мало. Мы вас не рассматриваем как рядового стрелка, мы вас рассматриваем как командира, мы требуем от вас не только простого рядового участия на баррикадах, а требуем от вас командования, но умного командования и ясного приказа».

Хотя теперь от Троцкого спешили отмежеваться и те, кто недавно возвеличивал его сверх всякой меры, они напоминали, что низвержение Троцкого может дискредитировать и партию. Е.М. Ярославский обращал внимание и на то, что престиж Троцкого – это результат партийной пропаганды и он должен сознавать свою зависимость от этих усилий: «Мы создали авторитет тов. Троцкому и поэтому вправе требовать, чтобы он этот авторитет употребил на то, чтобы наша партия, сейчас нуждающаяся в наибольшем единстве, не подвергалась опасностям новых шатаний».

К этому времени произведения Троцкого издавались огромными тиражами, его портреты красовались в официальных учреждениях. Уже в конце 1920 года, как сообщал Г. Уэллс, в Москве появился английский скульптор, которому был заказан бюст Троцкого. И хотя бледным напоминанием о состоявшемся год назад параде восхвалений Троцкого прозвучало на XIII съезде приветствие съезду, в котором имя Троцкого было упомянуто лишь в названии предприятия («Фабрика тонких сукон имени тов. Троцкого»), это позволяло делегатам задуматься о том, сколько фабрик, заводов, улиц носит фамилию Предреввоенсовета. Данное обстоятельство заставляло руководителей не спешить с «отлучением» Троцкого.

На этой стороне вопроса особо остановился К. Ярославский: «Тов. Троцкий все-таки остается и останется в наших рядах, он остается в ЦК партии, у него остается авторитет, у него остается все, и если человек с авторитетом, с весом отчуждается, если он начинает вести отдельную линию, – это опасно для партии. Заблуждение, ошибка всякого другого не были бы опасны. Заблуждение Ярославского, заблуждение Иванова, Степанова не имеют никакого серьезного значения для всей партии. Когда же заблуждается и отчуждается тов. Троцкий, это приобретает совершенно другое значение». Это заявление означало, что кампания против Троцкого на съезде пока имела целью не изгнание его из политбюро, а его включение в деятельность руководства, но на условиях подчинения общему курсу.

В заключение съезда Троцкий был переизбран в ЦК, а затем и в политбюро, но он отдавал себе отчет в том, что его положение становится все более зависимым от воли остальных членов руководства партии и поэтому ненадежным. Звезда Троцкого опускалась

не резко, а по обычной кривой падения лидеров, проходя через неизбежные стадии постепенного снижения их статуса, сужения круга полномочий, подмены реальной деятельности чисто ритуальной и постепенного подрыва авторитета.

Все лето 1924 года Троцкий выжидал обострения разногласий внутри политбюро, на которые он рассчитывал в своей борьбе за власть. Ему было известно, что еще летом 1923 года Зиновьев, Бухарин, Лашевич, Евдокимов, находясь на отдыхе в Кисловодске, провели во время прогулки по горам совещание в одной из горных пещер и приняли решение предложить Сталину оставить пост генерального секретаря, а вместо этого создать секретариат из трех лиц. Предлагалось ввести в секретариат Сталина, Троцкого, а также кого-либо из троих: Зиновьева, Каменева или Бухарина. Тогда и Сталин, и Троцкий отвергли это предложение. Сталин увидел в этом предложении попытку Зиновьева и его союзников избавиться от него.

Теперь Троцкий узнал, что отношения между Сталиным, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым – с другой, опять обострились. 19 августа Сталин подал в отставку с поста генерального секретаря, а также попросил вывести его из политбюро и оргбюро. Он мотивировал это «невозможностью честной и искренней совместной политической работы» с Зиновьевым и Каменевым. Хотя отставка не была принята, Троцкий решил воспользоваться обострением разногласий в политбюро.

На сей раз он направил огонь критики на Зиновьева и Каменева. Памятуя о событиях осени 1923 года, он решил свалить поражение германской революции, помешавшее ему прийти к власти, на этих двух лидеров. Кроме того, Троцкий решил взять реванш за кампанию по его развенчанию в конце 1923 – начале 1924 годов, так как в ходе ее постоянно напоминалось молодым членам партии о его «небольшевизме» и меньшевизме. Дейчер был прав, замечая, что «молодежь была шокирована, узнав, что военный комиссар был меньшевиком или полуменьшевиком».

В связи с публикацией собрания его сочинений Троцкий написал вступительную статью к третьему тому под названием «Уроки Октября». Развивая те же темы, которые он поднял в брошюре «Новый курс», Троцкий постарался вспомнить все наиболее неприятные моменты в поведении своих политических соперников в течение 1917 года. При этом, хотя Троцкий и постарался отметить «ошибочную оборонческую» позицию Сталина в марте 1917 года, он не стал упоминать его по фамилии, ограничившись цитированием редакционных статей «Правды», издававшейся в то время под руководством Сталина. В отличие от своей брошюры «Новый курс», в которой Троцкий бросил тень на репутацию Бухарина, в «Уроках Октября» он не сказал ни слова о «левых коммунистах».

Зато Троцкий несколько раз упомянул о разногласиях между Лениным и Каменевым в апреле 1917 года по вопросу о характере революции, о поведении Каменева и Зиновьева в разгар подготовки Октябрьского восстания. Проводя аналогию с революционными событиями в Германии в октябре 1923 года, Троцкий подводил читателей к мысли о том, что если бы в ЦК возобладала линия Зиновьева и Каменева, то российскую революцию ждал такой же плачевный финал, как и германскую.

Использование Троцким исторической темы в политической борьбе открывало большие возможности для применения знакомых ему полемических методов. Отсутствие свидетельств о многих событиях, двусмысленность имеющихся документов, готовность наблюдателей за спором принять на веру произвольные интерпретации истории открывали ему возможности сочинить внешне убедительные версии о событиях прошлого и добиться значительного политического успеха в настоящем.

В то же время спор на тему «Кто был лучшим большевиком и ленинцем?» был чреват риском для Троцкого, так как при его углублении мог поставить и его самого в трудное положение. Позже Троцкий писал, что «когда разразилась так называемая литературная дискуссия (1924 г.), некоторые из ближайших в нашей группе товарищей высказывались в том смысле, что опубликование мною «Уроков Октября» было тактической ошибкой, так как дало возможность тогдашнему большинству развязать «литературную дискуссию».

Оппоненты Троцкого не только могли немало сказать по поводу истории партии, но они знали, как это сделать. Зиновьев выступил с целой серией лекций по партийной истории до февраля 1917 года, которые вскоре были опубликованы. Упомянув всего пять раз Троцкого на протяжении более 300 страниц и тем самым подчеркнув его малозначительность для истории партии, Зиновьев одновременно напомнил о его связях с меньшевиками и Парвусом, теории перманентной революции и Августовском блоке. Зиновьев объяснял: «В то время тов. Троцкий вел энергичную кампанию против нашей ленинградской «Правды». (Хотя Зиновьев имел в виду события 1912 года, тогда было принято называть города их современными названиями, даже когда речь шла о событиях до их переименования. Троцкий справедливо отмечал абсурдность такой практики: «Можно ли, например, сказать: Ленин был арестован в Ленинграде?… Еще менее возможно сказать: Петр I основал Ленинград».)

Многие статьи, посвященные дореволюционной деятельности Троцкого, которые в изобилии публиковались в печати в конце 1924 года, представляли собой вариации на темы, изложенные Зиновьевым. Однако критика Троцкого не ограничивалась анализом его деятельности до 1917 года. Большое внимание было уделено событиям вокруг Бреста и в ходе профсоюзной дискуссии.

Зиновьев и Каменев были не одиноки в своей кампании против Троцкого. К ней присоединились и те, кого не критиковал поименно автор «Уроков Октября»: И.В. Сталин, М.И. Калинин, А.И. Рыков, В.М. Молотов, Ф.Э. Дзержинский, Г.Я. Сокольников, Э.И. Квиринг, О.В. Куусинен и многие другие. Редактор «Правды» Н.И. Бухарин охотно опубликовал эти материалы. Впоследствии Троцкий правильно определил основное направление удара в ходе начатой кампании против него – показать, что он противопоставляет «ленинизму особую линию троцкизма».

Полемизируя с Троцким в статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», Сталин старался показать, что истоки его неверия в возможности российской революции заложены в теории перманентной революции. Он ставил вопрос: «Чем отличается теория Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции «в основных странах Западной Европы?» – и делал вывод: «По сути дела – ничем. Сомнения невозможны. Теория «перманентной революции» Троцкого есть разновидность меньшевизма».

Дейчер признавал, что «литературная дискуссия» еще больше ослабила позицию Троцкого и «сделала пребывание Троцкого на посту военного комиссара невозможным». Рассуждая о шансах на победу Троцкого, «если бы он предпринял попытку военного переворота», Дейчер считал, что «в начале конфликта, до того, как Генеральный секретариат начал передвигать и пересортировывать партийные кадры в армии, у него были большие шансы на успех, потом они сократились… С помощью Фрунзе и Уншлихта триумвиры постепенно распространили свой контроль над всем корпусом политических комиссаров армии».

Всесоюзное совещание армейских политработников потребовало отставки Троцкого с поста военного наркома. Как и год назад, в разгар московской зимы, «у Троцкого разыгрался приступ малярии», и он отказался от участия в работе совещания. Троцкий вспоминал: «Температура возобновилась у меня осенью 1924 г. К этому времени вновь разыгралась дискуссия… Я лежал с температурой и молчал». Н.И. Седова вспоминала: «Второй приступ болезни Л.Д… совпадает с чудовищной травлей против него, которая переживалась нами, как жесточайшая болезнь». Очевидно, что не малярия, а стресс, вызванный на сей раз «литературной дискуссией», вновь спровоцировал острую реакцию организма Троцкого. И вновь он не пытался, преодолев болезненное состояние, выступить против своих оппонентов, а предпочел пребывать в постели, пока громили его сторонников.

Тем временем кампания с осуждением статьи Троцкого «Уроки Октября», начавшаяся в ноябре 1924 года, охватила все партийные организации страны. Вопрос о Троцком стал

предметом обсуждения на пленуме ЦК РКП(б) 17—20 января 1925 года. Троцкий обратился с письмом в ЦК, в котором он заявлял, что в «интересах партии» отказывается от полемики, признает любой партийный контроль над собой и просит освободить его от обязанностей председателя реввоенсовета. Сославшись на болезнь, Троцкий заявил, что он не сможет присутствовать на заседаниях пленума ЦК, но сообщил, что отложил намеченный отъезд на Кавказ, чтобы ответить на вопросы членов ЦК, если в этом возникнет необходимость.

Зиновьев и Каменев хотели довести борьбу с Троцким до конца. Ленинградский губком принял решение об исключении Троцкого из партии. Позже, на XIV съезде партии, Сталин сообщал, что «большинство ЦК не согласились с этим… Мы… имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении. Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и ленинградцы вместе с Каменевым потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением оппозиции, получили большинство в ЦК и ограничились снятием Троцкого с поста наркомвоена».

После многочисленных выступлений пленум принял следующее решение, в котором говорилось: «В самой общей форме совокупность выступлений Троцкого против партии можно охарактеризовать теперь как стремление превратить идеологию РКП в какой-то «модернизированный» Троцким «большевизм» без ленинизма. Это – не большевизм. Это – *ревизия* большевизма. Это попытка *подменить ленинизм* троцкизмом». Пленум ограничился предупреждением Троцкого о возможности его исключения из Политбюро и ЦК в случае нарушения им партийных решений.

Дискуссия, которая увенчалась лишением Троцкого руководства Красной Армией, нанесла серьезный удар по его во многом преувеличенному авторитету, сложившемуся за время Гражданской войны и первые годы мирной жизни. В то же время дискуссия, в ходе которой Троцкий напомнил о поведении Зиновьева и Каменева накануне Октябрьской революции и других их «ошибках», способствовала их дискредитации. Сталин избежал серьезных ударов по своему авторитету. Проявленное им в ходе дискуссии сочетание твердости и умеренности лишь укрепило его престиж. Кроме того, введение им в дискуссию темы «социализма в одной стране» и широкая поддержка в ходе антитроцкистской кампании этого лозунга открывали перспективы для новой политической борьбы и укрепления влияния Сталина.

Троцкий недооценил Сталина и в ходе дискуссии 1923—1924 гг., не придал значения усилению его влияния в руководстве и не стал полемизировать со столь чуждым ему сталинским лозунгом о возможности построения социализма в одной стране.

СОЮЗ НЕДАВНИХ ВРАГОВ

Лишь через пять месяцев после своей отставки с постов предреввоенсовета и наркомвоена, в мае 1925 года, Троцкий получил новое назначение. Он вспоминал: «Я был назначен председателем концессионного комитета, начальником электротехнического управления и председателем научно-технического управления промышленности… Я читал по вопросам своей новой деятельности доклады, выпускал книжки и брошюры».

Как и прежде новая сфера деятельности Троцкого использовалась им для политической борьбы. Он писал: «Свою новую работу я пытался связывать не только с текущими задачами хозяйства, но и с основными проблемами социализма. В борьбе против тупоумного национального подхода к хозяйственным вопросам («независимость» путем самодовлеющей изолированности) я выдвинул проблему разработки системы сравнительных коэффициентов нашего хозяйства и мирового. Эта проблема вытекала из необходимости правильной ориентации на мировом рынке, что должно было, в свою очередь, служить задачам импорта, экспорта и концессионной политики. По самому существу своему проблема сравнительных коэффициентов, вытекавшая из признания господства мировых производительных сил над национальными, означала поход против реакционной теории социализма в отдельной

стране».

Между тем новые должности открывали Троцкому и немалые возможности для распределения концессий среди иностранных компаний.

Как отмечал И. Фроянов, в 1921—1929 гг. было заключено 123 концессионных договора, на основе постановления Совета народных комиссаров от 23 ноября 1920 г. Это постановление предоставляло иностранным компаниям возможность «использования естественных богатств обширных областей Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», предоставляло «право найма рабочих и служащих на территории» РСФСР. Этим постановлением и концессионными соглашениями, подчеркивает И. Фроянов, Советское правительство создало условия для использования России Западом «в качестве источника сырья и рабочей силы». Обширные связи Троцкого с международными финансовыми кругами Запада открывали ему возможность реализовать его давнишние идеи о превращении России в сырьевой придаток ведущих стран Запада.

Троцкий, вероятно, сознавал шаткость своего положения. Все три организации, которые возглавил Троцкий, подчинялись ВСНХ, возглавляемому кандидатом в члены политбюро Ф.Э. Дзержинским. Троцкий понимал, что, с точки зрения политической иерархии, подчинение члена политбюро кандидату было нарушением субординации, и такая ситуация могла быть вскоре исправлена и скорее всего за его счет. Троцкий не мог не понимать, что вопрос о его окончательном удалении из политбюро может быть решен на ближайшем съезде, и он воздерживался от активных выступлений. Ему оставалось надеяться лишь на возможный конфликт в руководстве партии, исход которого мог изменить ситуацию в пользу Троцкого.

На сей раз Троцкий считал, что конфликт может возникнуть между «ветеранами» партийного руководства, или триумвирами (Зиновьев, Каменев, Сталин) и «новичками» (Бухарин, Рыков, Томский). Подобные конфликты – не редкость в коллективном руководстве, да и в любом коллективе. «Новички», более молодые по возрасту и с менее долгим стажем руководящей работы, зачастую всегда готовы критиковать существующую практику, предложить новые планы, и способы их исполнения. «Ветераны» отстаивают сложившиеся методы работы и испытывают недоверие к новшествам. При этом зачастую «ветераны» заботятся не о пользе дела, а о сохранении своего властного и привилегированного положения. «Новички», в свою очередь, также озабочены не столько интересами общей работы, сколько стремлением к высокому положению.

Каждый съезд или пленум ЦК создавал ситуацию, напоминавшую ту, которая возникает на автобусной остановке, когда кто-то входит в автобус, кто-то выходит, а стоящие в проходах могут занять освободившиеся сидячие места. Подобно тем пассажирам, которые заняли свои места давно, «ветераны» ревниво оберегали свое положение. «Новички» же напоминали тех энергичных людей, которые стараются захватить наиболее удобные освободившиеся места.

По мере приближения очередного съезда партии назревал конфликт между «новичками» и «ветеранами». Лидер «новичков» Бухарин выступал как более последовательный защитник нэпа, развивавшихся рыночных отношений в городе и деревне. В одном из своих выступлений он, обращаясь к крестьянству страны, бросил лозунг «Обогащайтесь!». Это заявление было расценено Зиновьевым как свидетельство игнорирования классового расслоения в деревне. Осенью 1925 г. Зиновьев в своей статье «Философия эпохи» атаковал Бухарина за это высказывание, не называя его имени. Зиновьев подчеркивал недопустимость уступок «классовым врагам». В этой обстановке осенью 1925 г. произошло бурное заседание Центрального Комитета, в ходе которого сторонник Бухарина Рыков резко атаковал «Философию эпохи» Зиновьева. Последний в знак протеста покинул зал заседаний, и вслед за ним заседание ЦК покинули Каменев, Евдокимов, Крупская, Лашевич и другие. Конфликт, свидетелем которого был Троцкий, с трудом удалось уладить. У Троцкого складывалось впечатление, что на съезде произойдет столкновение между ветеранами-триумвирами и группой Бухарина.

В создании двух группировок в политбюро Троцкий увидел удобную для него возможность сыграть роль «центриста», который сможет, критикуя обе стороны и обнаруживая позитивные начала в их позициях, занять лидирующее положение. В своей записке, написанной за 4 дня до начала съезда, Троцкий отмечал: «Каменев противопоставляет аграрно-кооперативным перспективам Бухарина промышленность, как движущую силу, Бухарин выступает против Каменева по вопросу об оценке социальной природы самой промышленности… Мы видим здесь, как обе стороны по частям ликвидируют общую их позицию 1923 года, приведшую к отставанию промышленности от сельского хозяйства – с одной стороны, а с другой стороны – к середняцко-кооперативной схеме Бухарина, выраженной отнюдь не случайным лозунгом «обогащайтесь».

Теперь благодаря конфликту между членами политбюро он мог «доказать» не только ошибочность их взглядов, но и предложить свою платформу в качестве базы будущей политики партии. Для этого он считал необходимым, чтобы политбюро отказалось от критики троцкистской платформы: «Ликвидировать позицию 1923 года надо не по частям, а полностью».

Троцкий не учел одного важного обстоятельства: семеро членов политбюро разделилось не на две «тройки» и «арбитра» Троцкого. Против Каменева и Зиновьева выступили не только три «новичка», но и Сталин, который возглавил борьбу против двух «ветеранов». Через 13 лет, находясь в Мексике, Троцкий признался, что «был поражен, когда увидел столкновение Зиновьева, Каменева и Сталина». Пытаясь объяснить эту ошибку Троцкого, Дейчер вынужден был констатировать, что «ему не хватало наблюдательности, интуитивности и аналитического подхода».

Борьбе, которая развернулась на съезде, предшествовало множество действий, включавших совместное письмо Зиновьева, Каменева, Сокольникова и Крупской с требованием проведения партийной дискуссии. Даже мастер беспринципных блоков Троцкий был, по свидетельству Дейчера, поражен составом этого альянса. «Он удивлялся, почему Сокольников, самый ультраумеренный из всех, который должен был бы оказаться на стороне Бухарина, присоединился к ленинградцам». Троцкого поражали и внезапно обострившиеся разногласия между московской и ленинградской парторганизациями.

Троцкий удивлялся не напрасно. Идейная база союза лиц, возглавлявших выступление на XIV съезде против большинства в Политбюро, была крайне эклектичной. На внутреннюю противоречивость платформы оппозиции обратил внимание и Сталин, выступая на съезде: «Каменев говорил одно, тянул в одну сторону, Зиновьев говорил другое, тянул в другую сторону, Лашевич – третье, Сокольников – четвертое». Рассказ Сталина об «истории разногласий» состоял из перечня инцидентов, возникавших главным образом вокруг кадровых и организационных вопросов («как быть с Троцким», создание в Ленинграде журнала «Большевик», проведение в Ленинграде конференции комсомола без ведома ЦК ВЛКСМ и т. д.).

В этих столкновениях проявилось стремление Зиновьева, Каменева и их сторонников сохранить свое господствующее положение в партии, и это свидетельствовало о том, что лозунги и призывы скрывали главную причину событий – борьбу за власть. Накануне XIV съезда ленинградская группа вернулась к проекту реорганизации высших органов партии, который был разработан Зиновьевым и другими осенью 1923 г. во время «пещерного совещания». Ранее Зиновьев предпринимал и попытки заменить Сталина Рудзутаком.

Борьба за власть органично переплеталась с интересами различных социальных сил. Троцкий не слишком преувеличивал, заявляя, что «под враждебностью к специфическим чертам и замашкам ленинградской верхушки на XIV съезде» проявилось недовольство периферии монополией центра. «У центров слишком большой бюджет, у них промышленность, у них печать, у них самая сильная организация, у них идейное превосходство, они слишком малым поступаются в пользу деревни, оглушая ее голыми лозунгами, – таковы те тенденции, крайне ослабленным отголоском которых явились многие выступления на съезде», – отмечал Троцкий.

Главная опасность, которую обнаружил Троцкий в борьбе против ленинградцев, состояла в «крестьянском уклоне», «медленном сползании на мужицкий термидор»: «Вся общественная жизнь страны, при затяжке мировой революции и при отставании промышленности, создает для этого уклона благоприятные материальные предпосылки». Кроме того, Троцкий считал, что борьба с троцкизмом привела к тому, что «молодое поколение… сформировалось на этой полемике… Этим самым создана была самая широкая и плодоносная почва для развития крестьянского уклона».

Троцкий увидел, что логика борьбы привела Зиновьева и Каменева к тем же взглядам, за которые он подвергался критике с их стороны в 1923 году. «Сейчас не может быть никакого сомнения, – утверждал Троцкий, – что крупнейший толчок к дальнейшему развитию так называемый кулацкий уклон получил со времени XII и особенно XIII съездов. Борьба против троцкизма шла главным образом по линии обвинений в недооценке крестьянства… В результате получается совершенно чудовищный по внешности, но вполне закономерный в то же время парадокс: ленинградская организация, дошедшая в борьбе с оппозицией до геркулесовых столбов, громившая недооценку крестьянства, крикливее всех выдвигавшая лозунг «лицом к деревне», первой отшатнулась от последствий наметившегося партийного переворота, идейным источником которого была борьба с так называемым троцкизмом».

Троцкий неверно оценивал суть позиций, занятых большинством политбюро. Ни Бухарин и его союзники, ни Сталин не были выразителями «крестьянского уклона». Хотя Бухарин выступал за развитие рыночных отношений в деревне, он рассматривал нэп лишь как временное явление. Будучи связан со времен эмиграции с руководителями западноевропейской социал-демократии, а затем активно работая в руководстве Коминтерна, Бухарин верил в скорое наступление мировой революции. Он заявлял: «Мы ясно видим, какие громадные всемирно-исторические перспективы раскрываются перед нами. Земля дрожит уже отдаленными гулами великих революций, которые превзойдут по своему размаху даже то, что мы пережили и перечувствовали». В ожидании же этих великих событий он предлагал не спеша развивать советскую экономику: «Мы медленной дорогой пойдем себе помаленечку вперед, таща за собой крестьянскую колымагу». Лишь исходя из того, что СССР будет представлять собой базу для будущей мировой революции, Бухарин поддержал положение Сталина о строительстве социализма в одной стране.

Однако Сталин вкладывал в это положение иной смысл, полагая, что СССР может быстрыми темпами создать развитое социалистическое общество, не дожидаясь революции на Западе. В отличие от большинства других наиболее видных советских руководителей (Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина), он никогда не был эмигрантом. Его пребывание в Швеции, Германии, Англии, Австро-Венгрии было кратким, и он не обзавелся обширными знакомствами с деятелями социалистических партий Западной Европы. В то же время за годы революционной деятельности, особенно в ходе организации рабочего движения в Баку, он приобрел богатый опыт работы в массах, и ему были понятны интересы и возможности наиболее динамичного класса России – городского пролетариата. Он не был склонен расценивать рабочий класс России лишь как резерв мировой революции и стартовую площадку для Соединенных Штатов Европы. С первых же дней Советской власти он скептически оценивал возможности революционного выступления в Западной Европе. В то же время он уже летом 1917 года предположил, что российский пролетариат может начать первым строительство социализма. Затем он сделал вывод, что это строительство может быть доведено до конца.

Троцкому идея о том, что Россия может сама построить развитое общество на основах социального равенства, представлялась абсурдной. Его презрение к России, ее культуре и истории, не позволяло ему должным образом оценить возможности великой страны. Лозунг построения социализма в одной стране бросал вызов идее перманентной революции, которую всегда отстаивали он и Парвус. В своих воспоминаниях он писал: «Откуда эта злобная травля Марксовой идеи перманентной революции? Откуда это национальное

самохвальство, обещающее построить собственный социализм? Какие слои предъявляют спрос на эту реакционную пошлость?»

Выражая активную неприязнь «тенденциям национально-деревенской ограниченности», Троцкий сочувствовал Зиновьеву и Каменеву на XIV съезде. Однако он не спешил присоединиться к «новой оппозиции». Объясняя его поведение, Дейчер утверждал, что съезд ждал, чью сторону примет Троцкий: «Глаза новых соперников были направлены на Троцкого, и они думали о том, чью сторону он примет, и ожидали с затаенным дыханием его слова. Однако в течение двух недель работы съезда Троцкий хранил молчание».

В молчании Троцкого был практический расчет. Увидев разгром Зиновьева, Каменева и их сторонников на съезде, Троцкий не спешил идти на помощь своим недавним врагам. Разгром ленинградской «новой оппозиции» на XIV съезде Троцкий расценил как победу «национально-крестьянских» сил. При этом, несмотря на то что съезд продемонстрировал явное укрепление позиций Сталина, Троцкий по-прежнему считал, что наибольшую опасность для него представляют Бухарин и его «школа». В заметках Троцкого, посвященных разбору разногласий на съезде, несколько раз упомянут Бухарин, а Сталин – ни разу. Впрочем, итоги выборов в политбюро могли убедить Троцкого в том, что в конечном счете победит Бухарин. Вплоть до 1928 года Троцкий, как и многие другие, считал вновь избранного члена политбюро М.И. Калинина сторонником Н.И. Бухарина. Несмотря на старые «царицынские связи» со Сталиным к «правым» относили и К.Е. Ворошилова. Троцкий считал, что назначение Ворошилова на пост Председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора вместо Фрунзе, скончавшегося 31 октября 1925 года во время хирургической операции, могло существенно упрочить позиции сторонников Бухарина в армии. Троцкий настолько был убежден в «правых» взглядах Ворошилова, что позже, в октябре 1928 года, полагал, что он или Буденный смогут закончить контрреволюционное перерождение общества, совершив бонапартистский переворот в стиле 18 брюмера.

«Правым» считался также новый кандидат в члены политбюро Г.И. Петровский, а другой новый кандидат– Н.А. Угланов впоследствии был на самом деле объявлен видным лидером «правых» в Москве. Лишь новый член политбюро В.М. Молотов мог считаться сторонником И.В. Сталина.

Расстановка сил в руководстве вынуждала Троцкого искать поддержки у победителей. Троцкий, который давно не поддерживал отношений с Бухариным, возобновил их. В январе – марте 1926 года между Троцким и Бухариным велась активная переписка. Как отмечает С. Коэн, «Бухарин убеждал Троцкого пересмотреть «большие социальные вопросы» революции». Троцкий пытался показать Бухарину опасность углубления разногласий между Москвой (где тот играл ведущую роль) и Ленинградом (главной опорой Зиновьева).

4 марта Троцкий направил Бухарину письмо, в котором он жаловался на руководителя Московской парторганизации Н.А. Угланова: «Вы знаете, конечно, что Угланов ведет против меня в Москве закулисную войну, со всеми видами военных хитростей и инсинуаций, которые мне не хочется здесь уточнять. С помощью интриг, часто недостойных и оскорбительных для организации, мне мешают выступать перед рабочими коллективами. Одновременно среди рабочих распускают слухи, что я читаю лекции для буржуазии и отказываюсь говорить с рабочими».

Троцкий также утверждал, что в рабочих коллективах, перед которыми ему мешали выступать, велась антисемитская агитация. Он писал: «Члены коммунистической партии боятся сообщить партийным органам о черносотенной агитации, думая, что они, а не черносотенцы, будут обвинены в антисемитизме и уволены. Вы скажете: это преувеличение… Мыслимое ли это дело, чтобы в нашей партии, в Москве, в рабочих коллективах, безнаказанно велась злостная антисемитская и одновременно клеветническая пропаганда, чтобы честные рабочие боялись под угрозой увольнения задавать вопросы, проверять или опровергать бессмысленные слухи?»

У Троцкого были известные основания для таких заявлений. В руководстве страны стала известна копия протокола заседания кандидатской группы ВКП(б) поселка Сохондо

Читинского округа, в котором член группы Иван Русак так объяснял суть внутрипартийной борьбы: «Троцкий давно начал вести раскольническую политику. Троцкий не может быть коммунистом, сама его национальность указывает, что ему нужна спекуляция. Зиновьев одно время, я помню, Троцкого осаживал на пленуме, но, видно, Зиновьев с Троцким покумились. Они ошиблись в русском духе, за этими нэпачами русский рабочий и крестьянин не пойдет».

Утверждая, что антисемитизм помогал борьбе с троцкизмом, Недава пишет о том, что «член ЦК Юрий Ларин (Михаил Залманович Лурье) руководил в Москве семинаром по антисемитизму и оставил любопытный отчет о нем… Вот какие вопросы задавали ему пытливые представители пролетариата: Почему евреи не хотят выполнять тяжелую работу? Почему евреи в Крыму получили хорошую землю, а русские – плохую? Как евреям удается занимать все хорошие должности? Почему оппозиция на 76 процентов состоит из евреев? Почему так много евреев в университетах? Не подделывают ли они документы? Не станут ли евреи предателями в случае войны? Не избегают ли они военной службы? Следует ли считать антисемитом человека, который шутя пользуется словом «жид»? Как относиться к таким шуткам? Не кроется ли причина антисемитизма в самих евреях, в их психологии, этике, традициях?»

Активизации подозрительности в отношении евреев и антисемитских настроений в середине 20-х годов в определенной степени способствовал так называемый крымский проект. В 1923 году А. Брагиным был разработан план расселения евреев на территории, включавшей Одессу, Николаев и Крым, с предоставлением им автономии. Как отмечает Недава, этот и другие подобные проекты переселения евреев вызвали энергичную поддержку, и «некоторые прокоммунистические энтузиасты на Западе поспешили объявить о начале «еврейского тысячелетия» в Советском Союзе». Как утверждает Недава, «план произвел на Советское правительство некоторое впечатление. Уже взвешивались и проверялись ожидаемые экономические выгоды». Проект активно поддерживал председатель ВЦИК М.И. Калинин. Однако, как и в случае с планом создания еврейских частей Красной Армии, сопротивление проекту возникло со стороны Ев-секции, которая выступала за ассимиляцию евреев. Возражали и сионисты, которые считали, что «крымский проект» помешает еврейской колонизации Палестины. Оппозиция возникла и среди нееврейского населения. По словам Недавы, в это время многие в Советском Союзе задавали вопросы: «Почему Крым, оазис Средиземноморья в России, с уникальной природой и амальфийскими пейзажами, отдавать евреям? Почему евреям всегда достается все самое лучшее?»

Исходя из наличия этих настроений, Троцкий выступал против «крымского проекта». Он считал, что «в еврейской автономной области, которая не может быть сплошь заселена евреями, вспыхнет антисемитизм, а это даст пищу для антисемитской пропаганды в соседних средиземноморских странах». К 1926 году от «крымского проекта» отказались. Его место занял проект расселения евреев вдоль реки Биры, левого притока Амура. Этот проект не вызывал заметного противодействия, и страсти, кипевшие вокруг «крымского проекта», стихли.

Очевидно, что постановка Троцким вопроса об антисемитской подоплеке борьбы против него, Зиновьева и Каменева была ходом в политической борьбе. Таким образом Троцкий заставлял своих оппонентов лишний раз проявить сдержанность в критике против него, чтобы не быть обвиненным в антисемитизме. Как писал Дейчер, через две недели после своего письма Бухарину Троцкий поставил этот же вопрос на заседании Политбюро. «Члены Политбюро пожали плечами и отмахнулись от вопроса. Бухарин покраснел от смущения и стыда, но он не смог выступить против своих коллег и союзников». Добившись «смущения» Бухарина, Троцкий мог увидеть, что его спекуляция на теме антисемитизма ставит его оппонентов в трудное положение.

Дейчер подчеркивал, что «евреи были очень заметны среди оппозиции… В то же время мало евреев было среди сталинцев и еще меньше среди бухаринцев». Однако вряд ли эти различия в национальном составе играли принципиальную роль. Следует учесть, что многие

видные защитники курса Сталина были евреями (например, Ярославский, Каганович, Землячка, Мехлис). В «школе Бухарина» также было немало лиц еврейской национальности (А. Айхенвальд, Д. Розит, Е. Гольденберг, Е. Цейтлин и другие). Однако и Троцкий, и сторонники Зиновьева и Каменева активно использовали тему антисемитизма для самообороны.

С целью нейтрализовать действие этого аргумента оппозиции Сталин выпустил специальное заявление о том, что ЦК борется с Троцким, Зиновьевым и Каменевым не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры. Однако это заявление было также истолковано как часть антисемитской пропаганды. В «Термидоре и антисемитизме» Троцкий писал: «Каждому политически мыслящему человеку была совершенно ясна намеренная двусмысленность этого заявления, по видимости, направленная против крайностей антисемитизма, фактически же питающая их. «Не забывайте, что руководители оппозиции – евреи», – вот настоящий смысл слов Сталина, опубликованных во всех советских газетах».

Было очевидно, что Троцкий готов был атаковать с одинаковым жаром и пассивность, и активность Сталина и других в борьбе против антисемитизма. Обвинения Троцкого в антисемитизме своих противников были демагогичны и определялись исключительно задачами политической борьбы. В этих же целях Троцкий прибегал и к обвинениям в предвзятости к нему лично, как к лидеру оппозиции 1923—1924 годов. Выступая на апрельском (1926 г.) пленуме ЦК ВКП(б), Троцкий жаловался: «По любому поводу обвинения в полутроцкизме летают справа налево и слева направо… Призрак троцкизма нужен для поддержания аппаратного режима».

На самом деле наступление большинства членов политбюро против Троцкого обусловливалось не его национальным происхождением или личной неприязнью к нему, а тем, что его позиция была органично близка к позиции Каменева и Зиновьева, что он позже признавал. Как и «ленинградская оппозиция», Троцкий решительно выступал против курса на построение социализма в одной стране, который был взят на вооружение партией после XIV съезда.

В ходе апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б) Троцкий проголосовал за поправки Каменева к проекту резолюции, подготовленному Рыковым, и тем самым продемонстрировал поддержку лидерам «ленинградской оппозиции». После пленума состоялась встреча Зиновьева, Каменева и Троцкого, которая положила конец их конфликту и открыла путь для их нового сотрудничества.

Окончательное оформление блока было отложено очередным приступом болезни Троцкого, которую он опять называл «малярией». Троцкий вновь жаловался на повышенную температуру. Очевидно, что опять переход к острой конфронтации с руководством страны вызвал у Троцкого стресс, спровоцировавший острую болезненную реакцию организма. Казалось, что его организм требовал от него остановиться всякий раз, когда он вступал в очередной тур заведомо безнадежной борьбы. Не исключено, что Троцкий стал блестящим оратором в значительной степени потому, что он обладал даром острой чувствительности к окружающему. Вероятно, обладание этим даром позволяло ему улавливать настроения аудитории и с ходу переводить их в слова, жесты и мимику. Однако, будучи рационалистом по воспитанию и политическому мировоззрению, Троцкий не был готов прислушиваться к своей природной интуиции. Напротив, он был склонен слепо доверять своим аналитическим выводам, так как был убежден в глубине своих теоретических знаний. При этом он не замечал, что его аналитические выводы были нередко поверхностными и поэтому не раз подводили. Свою болезнь он решил лечить, полагаясь на достижения современной терапии и хирургии.

На сей раз Троцкий решил отправиться для лечения в Германию инкогнито. Сбрив бороду и с паспортом, выданным на имя украинского педагога Кузьменко, Троцкий в сопровождении Натальи Седовой и охранника прибыл в середине апреля 1926 года в Берлин. Большую часть своего шестинедельного пребывания Троцкий провел в частной поликлинике, где ему были удалены миндалины. Но после того, как полиция сообщила

администрации больницы о подготовке белоэмигрантами покушения на Троцкого, он спешно эвакуировался в посольство СССР, где имел возможность долго беседовать с послом в Германии Н.Н. Крестинским, активным членом троцкистской оппозиции с 1923 года.

Вскоре Троцкий вернулся в СССР и снова стал жаловаться на лихорадящее состояние и повышенную температуру. Примерно через год (4 мая 1927 г.) лечащий врач Ф.А. Гетье признавался Седовой в том, что состояние здоровья Троцкого ставит его в тупик. Он отмечал, что «температура изредка поднимается до 37,0-37,1, но уже не ослабляет его; дело идет к лету, к теплу, и я очень надеюсь, что он скоро совершенно оправится. Любопытно, что охота с ее физическим утомлением, с пребыванием на довольно свежем воздухе, с сидением в шалаше и др. совершенно не отзывается вредно на нем».

Троцкий считал, что в ходе «утиной охоты» 1923 года он заразился малярией, которая время от времени возобновлялась, ставя в тупик медицинских светил. На самом деле охота, в ходе которой он подвергался и переохлаждению и сквознякам, но одновременно отвлекался от политических баталий, избавляла его от температуры и признаков простуды. Очевидно, что, находясь в Сухуми или Берлине, он выздоравливал по этим же причинам. Однако стоило Троцкому вернуться в Москву и вступить в политическую борьбу, как его болезненное состояние возобновлялось. Как и в предыдущих случаях болезнь Троцкого совпала с острой политической борьбой, которая началась в партии с середины 1926 года и велась до конца 1927 года. Как и прежде эта болезненная реакция организма совпадала с ситуацией, когда он терпел серьезные политические поражения. Тонкая нервная система Троцкого и его болезненный организм отчаянно сигнализировали его сознанию, что он в опасности. Однако, как и прежде, Троцкий пренебрегал этими предупреждениями и продолжал вовлекаться в опасную политическую игру.

Вернувшись из Берлина, Троцкий со всей энергией приступил к сплачиванию объединенного блока оппозиции. Это было нелегкой задачей. Многие троцкисты не доверяли зиновьевцам, а последние – троцкистам. Однако эти оппозиционеры, к которым присоединились и члены «рабочей оппозиции», решили объединить свои ряды. В своем письме, направленном в политбюро 6 июня 1926 года, Троцкий, под предлогом критики доклада Угланова, на расширенном пленуме Замоскворецкого райкома выдвинул ряд положений политической программы «объединенной оппозиции». Как и на V съезде партии в 1907 году, он предлагал в качестве альтернативы нынешним вождям создание нового «руководства на более высоком культурно-политическом уровне». Перемены в руководстве должны были быть осуществлены во имя демократии. Троцкий требовал изменения «партийного режима» с целью обеспечить «за пролетариатом надлежащего места» в хозяйстве и культурной жизни страны и осуществлять «курс на рабочую демократию и прежде всего внутрипартийную».

Борьба за демократию, как и в 1923 году, предполагала опору на лиц, занимавших видные посты в вооруженных силах. Большой резонанс в стране вызвало обнаружение в подмосковном лесу тайного собрания, которое проводил 6 июня 1926 года активный сторонник Зиновьева заместитель военного наркома М.М. Лашевич. Поступали сведения и о том, что Зиновьев использовал коминтерновский аппарат для подготовки и распространения материалов оппозиции.

Окончательное оформление объединенной оппозиции произошло перед июльским (1926 г.) пленумом ЦК, в адрес которого было направлено «заявление 13-ти», среди которых были Троцкий, Зиновьев, Каменев, Крупская, Пятаков, Лашевич, Муралов и другие. В заявлении подчеркивалась необходимость борьбы за демократию и против бюрократизма. Нет сомнений в том, что «заявление» содержало ряд обоснованных замечаний о наличии острых проблем в стране (отставание в развитии промышленности, рост безработицы и розничных цен и т. д.), справедливых выводов о невнимании правительства к нарастанию кризисных явлений в экономике, растущей бюрократизации в партии. Однако перечень авторов этого «заявления» свидетельствовал о том, что эти замечания были лозунгами, выдвинутыми в ходе борьбы за власть.

Пока Зиновьев и Каменев были в составе руководства партии, они воспринимали заявления 46 членов партии о неудачах экономической политики руководства как подрывные. Менее чем через три года они сами обвиняли руководство партии в том, что его экономическая политика «приближает страну к краху». Вероятно, предупреждения «заявления» имели основания, но, как и огульно отрицательная характеристика положения страны и политики правительства в «заявлении 46», так и критика, содержавшаяся в «заявлении 13» были преувеличенными, а предлагавшийся выход из этого положения казался сомнительным.

Зиновьев, Каменев, Лашевич и другие, которые еще два года назад клеймили Троцкого и его сторонников за нападки на «бюрократический партийный режим», теперь с готовностью подписались под фразами, которые, казалось, были дословно взяты из «заявления 46». Теперь Зиновьев и Каменев подписывали заявление, в котором говорилось: «Сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 года, как это выявила эволюция руководящей ныне фракции, правильно предупредило об опасностях сдвига с пролетарской линии и об устрашающем росте аппаратного режима».

Если три года назад Зиновьев и другие увидели в требовании сорока шести – созвать совещание партийных работников для пересмотра политики партии – попытку переворота, то теперь они выдвигали аналогичное требование – «общими силами восстановить в партии режим, который позволит разрешить все спорные вопросы в полном соответствии со всеми традициями партии, с чувством и мыслями пролетарского авангарда».

Когда на XII съезде троцкист В.В. Косиор объявлял о недостаточном использовании в государственной работе Троцкого и Шляпникова, он тем самым отстаивал право лидеров, вынесенных на волне Октябрьской революции к руководству страны, пребывать чуть ли не пожизненно у руля государственного управления. Теперь такие же требования выдвигали лидеры «объединенной оппозиции». Они заявляли о том, что у секретариата ЦК есть план «отсечь ряд работников, принимавших участие в руководящей работе при Ленине, и заменить их новыми элементами, которые могли бы составить надлежащую опору для руководящей роли тов. Сталина».

Пожалуй, наиболее существенным отличием «заявления 13» от «заявления 46» была персонализация критики и направление ее против Сталина. Наконец, после нескольких лет борьбы Троцкий признал в Сталине самого серьезного оппонента. Дейчер утверждал, что в этом его долго убеждали Зиновьев и Каменев. Считая, что главный удар следует направить против генерального секретаря, оба члена политбюро, возражавшие ранее против публикации ленинского «Письма к съезду», теперь изменили свою позицию. Поскольку вопросы борьбы Ленина с Троцким и профсоюзной дискуссии 1920—1921 годов, которые во многом определяли мотивы «Письма», перестали быть актуальными, Каменев и Зиновьев, оказавшись в блоке с Троцким, увидели большие возможности в использовании ленинских заметок для дискредитации Сталина. Мысли Ленина о роли Троцкого, о необходимости расширить численный состав ЦК и прочее воспринимались лишь как случайные замечания, а предложение о перемещении Сталина с поста генсека казалось стержнем «Письма», которое все чаще объявлялось «Завещанием». Теперь, когда роль генерального секретаря и его авторитет неизмеримо выросли по сравнению с зимой 1922/23 года, фраза Ленина о том, что Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть, выглядела роковым пророчеством. Авторы «заявления» подчеркивали: «Вместе с Лениным, который ясно и точно формулировал свою мысль в документе, известном под именем «Завещания», мы на основании опыта последних лет глубочайшим образом убеждены в том, что организационная политика Сталина и его группы грозит партии дальнейшим дроблением основных кадров, как и дальнейшими сдвигами с классовой линии».

Дискуссия на июльском пленуме 1926 года приобрела исключительно острый характер. В ответ на требование оппозиции Сталин огласил «Письмо к съезду» и еще три неизданных письма Ленина. В свою очередь, оппозиции было предъявлено обвинение в игре с «идеей двух партий», создании подпольных организаций в ряде городов страны. Резкой критике

подверглась статья Я. Оссовского, опубликованная в журнале «Большевик», в которой он ставил вопрос о невозможности сохранения единства в ВКП(б). Дискуссия шла на таком высоком напряжении, что вскоре после одной из своих эмоционально насыщенных речей Ф.Э. Дзержинский умер от внезапного сердечного приступа.

По решению пленума Зиновьев был выведен из политбюро. Вскоре его освободили от поста главы Коминтерна. Лашевич был исключен из кандидатов в члены ЦК. До этого он был освобожден от обязанностей заместителя военного наркома. В результате оппозиция утратила контроль над Коминтерном и позиции в армейском руководстве. Парадоксальным образом, несмотря на эти перемещения, Троцкий остался членом политбюро. Создавалось впечатление, что в руководстве по-прежнему учитывали (как об этом сообщал Ворошилов в начале 1926 г.), что «Троцкому… сочувствуют… и не столько в партии, сколько вне ее».

Утомившись после почти трех месяцев внутрипартийной борьбы, Троцкий отправился на Северный Кавказ. 30 августа 1926 года он писал К. Радеку: «Я понемногу пишу, принимаю гостей, фотографируюсь с курортными товарищами и стреляю перепелов, чего и Вам желаю». «Курортные товарищи» были членами оппозиции, в чем и уличал Троцкого анонимный член партии, который в письме ему указал: «Лев Давыдович! Не находите ли вы не совсем тактичным ваше «хождение по массам» (по санаториям), в связи с последними событиями в Цека? Кажется, другие члены Политбюро этого не делают?»

Результатом этих хождений по санаториям и охоты на перепелов явилось усиление антисталинской направленности в тактике оппозиционеров. Если в «заявлении 13-ти» клеймился «Сталин и его группа», то в «обращении в ЦК» Зиновьева и Троцкого, направленном в августе, подчеркивалось, что «верхушка сталинской фракции» пожелала «обеспечить безусловный перевес Сталина над Томским, Рыковым и Бухариным». Для усиления эффективности интриганского замысла авторы письма утверждали: «Некоторые члены Политбюро, принадлежащие к большинству, говорили об этом плане с возмущением». Одновременно лидеры оппозиции решили обратиться к партийным массам.

На гектографах, стеклографах и пишущих машинках оппозиционеры размножали свои материалы. 1 октября 1926 года Троцкий, Зиновьев, Пятаков, Радек, Смилга, Сапронов и другие выступили с пропагандой своих взглядов на собрании ячейки московского завода «Авиаприбор». Однако резолюция собрания, принятая 78 голосами против 21, осудила оппозицию и потребовала от МК «принять решительные мероприятия по борьбе с оппозицией, не останавливаясь перед мерами организационного характера». Зиновьеву, который пытался выступить на ленинградском заводе «Красный путиловец», не дали завершить речь. С 1 по 8 октября в партийных ячейках Москвы и Ленинграда, на собраниях которых присутствовали 87 388 человек, за оппозиционеров проголосовали лишь 496 человек.

Попытки Троцкого использовать гипнотическую мощь своего красноречия проваливались. Дейчер писал: «Впервые за почти тридцать лет, впервые с тех пор, как он начал свою карьеру как революционный оратор, Троцкий обнаружил, что он стоит беспомощно перед толпой. Его самые неоспоримые аргументы, его гений убеждения, его мощный, звенящий металлом голос не помогали перед лицом возмущенного рева, который его встретил. Оскорбления, которым подверглись другие ораторы, были еще более грубыми. Ясно, что первое совместное обращение оппозиции к партийному мнению кончилось провалом».

Вероятно, Троцкий чувствовал, что его время прошло. Его последний шанс был упущен в 1923 году. Позже он уверял и себя, и других в том, что «осенью 1923 года у нас был грандиозный подъем в партии, параллельно с подъемом в Германской революции. А после поражения ее и у нас наступил отлив». Он утверждал, что оппозицию не поддержали рабочие потому, что они устали от революции. «Многосемейные, уставшие рабочие, разочарованные в революции, по инерции остающиеся в партии, пойдут они в оппозицию? Нет, не пойдут. Они скажут: режим, конечно, плохой, но пускай их делают, что хотят, я соваться не буду». Он утешал себя в том, что за Сталиным пошли лишь инертные,

трусливые, шкурники, за оппозицией же следовали самые смелые. «Если же взять карьериста, как среднюю фигуру, то я спрашиваю: пойдет ли такой карьерист при нынешних условиях искать свою карьеру через оппозицию? Вы знаете: не пойдет… Я спрашиваю еще раз: обыватели, чиновники, шкурники пойдут в оппозицию? Нет, не пойдут».

В словах Троцкого была доля истины. Шкурники вряд ли присоединялись к оппозиции. Среди тех, кто спешил осудить Троцкого, было немало беспринципных карьеристов, которые охотно вступали в правящую партию. Между тем вряд ли стоило идеализировать и оппозиционеров, среди которых было немало амбициозных людей. Они не желали выпускать из рук рычаги управления и именно по этой причине поддержали Троцкого в 1920 году, в 1923 году, в 1926 году.

Рабочая аудитория, симпатии которой пытались заполучить лидеры оппозиции, могла откликнуться на разоблачение растущего бюрократизма и наступления на демократические начала в партии. Она была восприимчива к критике нэпа, который, в частности, привел к возрождению социального расслоения и отдалил надежды на социальное равенство. Однако она не могла не видеть, что нэп вывел страну из пучины краха. Заявление Сталина на XIV партсъезде о том, что сельское хозяйство страны в 1925—1926 годах достигнет 91 процента довоенного уровня, а промышленность– 93 процентов довоенной нормы, оправдывалось.

Объявив себя решительными сторонниками перемен, улучшающих жизнь людей, руководство партии во главе со Сталиным встало в авангарде мощной силы общественного развития, которая соединяла индустриальную и социальную революции. Именно поэтому люди, стоявшие впереди этой мощной силы, воспринимались творцами новой жизни, а их идеи, речи, заявления – предвестником грядущего мира счастья и равенства, который все в большей степени ассоциировался с понятиями «социализм» и «коммунизм». Задача построения социализма в одной стране, выдвинутая Сталиным в конце 1924 года, отвечала представлениям широких масс о лучшей жизни. Лозунг строительства социализма выражал желания тех, кто выступал за экономическую и политическую независимость Советской страны, против ее превращения в полуколонию.

На XIV съезде ВКП(б) Сталин объявил, что он «решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма». Он требовал: «Мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства». Этот курс находил патриотический отклик в советском народе и обеспечивал ему все возраставшую поддержку как в рядах партии, так и в рабочих массах.

В противовес популярному лозунгу «социализма в одной стране» Троцкий вновь вернулся к идее «Соединенных Штатов Европы». Он считал, что «лозунг «Соединенные Штаты Социалистической Европы» – это вполне своевременно». Троцкий решительно отвергал идею построения социализма в одной стране, так как полагал, что она исходит из неизменности экономических, социальных и политических условий в мире в течение «четверти столетия», периода, который, по мнению Троцкого, был необходим для построения социализма. Он считал наиболее вероятным вариантом развитие капитализма Европы «от затруднения к затруднению». Это должно было неизбежно замедлить развитие СССР, зависимого от импорта европейского оборудования. «Заявлять, что мы при такой перспективе все же построим «социализм в одной стране», – значит попросту заниматься словесной игрой». Троцкий объявлял фальшивым предположение о том, что «при прогрессивном упадке капитализма европейский пролетариат в течение десятилетий не сумеет овладеть властью и хозяйством. Другими словами, некритический оптимизм насчет «социализма в отдельной стране» вытекает из грубого пессимизма насчет европейской революции».

Схожие взгляды в отношении «социализма в одной стране» исповедовали и другие лидеры оппозиции. В своем выступлении на XIV съезде ВКП(б) Зиновьев заявил, что теория

построения социализма в одной стране «отдает душком национальной ограниченности». Каменев же объявил, что эта теория представляет собой подмену «международной революционной перспективы… национально-реформистской перспективой».

Критики теории построения социализма в одной стране справедливо обратили внимание на те трудности, которые, как показали последующие события, породила ее реализация. Однако они принимали в расчет не столько реальные потенции советских людей, сколько преувеличенные возможности мировой революции. Их заявления обрекали трудящихся страны на пассивное ожидание помощи извне и сводили их деятельность к вспомогательной роли в мировой революции. Это во многом объясняло неуспех оппозиционной пропаганды в массах. Не случайно Сталин сделал критику идеи о невозможности построения социализма в одной стране основным направлением в борьбе с оппозицией.

«Поход в массы» еще не был завершен, когда лидеры оппозиции поняли его провал. 4 октября 1926 г. Троцкий и Зиновьев направили письмо в Политбюро с предложением о прекращении полемики. Через неделю Сталин произнес речь на заседании Политбюро, в которой он констатировал: «Не подлежит сомнению, что оппозиция потерпела жестокое поражение. Ясно также, что возмущение в рядах партии против оппозиции растет». Сталин ставил вопрос: «Можем ли мы сохранить лидеров оппозиции, как членов ЦК, или нет? В этом теперь главный вопрос». Условия, которые поставил Сталин вождям оппозиции, включали их безусловное подчинение решениям партийных органов, признание ошибочности и вреда работы оппозиции, разрыв с «рабочей оппозицией» и сторонниками Троцкого и Зиновьева в Коминтерне. В качестве уступок оппозиции Сталин согласился «смягчить тон» критики, признать их право отстаивать свои взгляды в партийной ячейке и изложить свои взгляды перед съездом партии в дискуссионном листке. Оппозиция приняла эти условия.

Однако публикация Максом Истменом в «Нью-Йорк Таймс» ленинского «Письма к съезду», подозрение, что это было сделано по совету Троцкого, публичное объявление Троцким Сталина «могильщиком революции» не способствовали смягчению тона в полемике. При этом наибольшую резкость в критике лидеров оппозиции на XV партконференции, открывшейся 26 октября 1926 года, проявлял Бухарин. Расчет оппозиции на раскол между Сталиным и другими членами политбюро провалился.

Состоявшийся накануне XV партконференции объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) освободил Троцкого от обязанностей члена политбюро, а Каменева – от обязанностей кандидата в члены политбюро. Однако они, как и Зиновьев, остались членами ЦК. XV партконференция единогласно приняла резолюции, осуждавшие оппозицию. Впервые с начала революции Троцкий оказался за пределами высшего кабинета, вершившего судьбы партии и страны. Союз с Зиновьевым и Каменевым не принес ему политического успеха, но теперь у него не было пути назад. Судя по его заметкам, написанным зимой 1926 года, он не собирался складывать оружия и лишь выбирал удобное время, повод и методы для возобновления борьбы в новом, 1927 году.

Члены партии – троцкисты и зиновьевцы, имевшие многолетний опыт подпольной работы, в своей внутрипартийной борьбе теперь взяли на вооружение те методы, которые они широко использовали в подготовке первых русских революций. Уже с лета 1926 года троцкисты вместе с другими членами объединенной оппозиции организовывали тайные собрания. По словам И. Дейчера, «они собирались небольшими группами на кладбищах, в лесах, на окраинах городов и т. д.; они выставляли охрану и патрульных для защиты своих митингов». Слухи о возможном вооруженном выступлении троцкистов будоражили партию, что вынуждало порой студентов Москвы – сторонников партийного большинства, подниматься по тревоге и надевать форму отрядов ЧОНа (части особого назначения). Казалось, что страна находится на грани новой гражданской войны между сторонниками политбюро во главе со Сталиным и сторонниками оппозиции во главе с Троцким, Зиновьевым, Каменевым.

Позже, 16 ноября 1927 г., член ВКП(б) Кузовников сообщил на заседании президиума Свердловской окружной контрольной комиссии партии о том, что в 1926 году в стране была создана параллельная оппозиционная компартия, действовавшая в подполье. Эта партия организовала сбор партвзносов, создавала свои обкомы, райкомы, ячейки. Эта партия имела местные комитеты в Москве, Ленинграде, Одессе, Харькове, в городах Грузии, Урала, Сибири. Сам Кузовников возглавлял подпольный Уральский областной комитет «большевиков-ленинцев». Во время XV партконференции (26 октября – 3 ноября 1926 г.) оппозиционеры провели параллельную конференцию. В Москве, Ленинграде и Харькове были созданы подпольные типографии.

Организуя подпольную деятельность, подобную той, за которую он требовал исключения из партии Шляпникова и Мясникова, Троцкий не мог рассчитывать на то, что руководство ВКП(б) проявит по отношению к нему больше либерализма, чем он допускал в отношении вождей «рабочей оппозиции». Логика борьбы вела его к жесткой конфронтации с руководством ВКП(б), которое за годы пребывания у власти приобрело немалый опыт в подавлении открытого и тайного сопротивления.

КРАХ ВЕЛИКОГО КОМБИНАТОРА

Всю зиму Троцкий был занят подготовкой многочисленных заявлений, писем, аналитических разработок. Он вел активную переписку с лидерами оппозиционных групп. По мере того как Троцкий и другие лидеры оппозиции соединялись в широкие коалиции со своими бывшими противниками, прибегали к подпольной активности, все более очевидным становился беспринципный и авантюристичный характер их борьбы за власть. Троцкий, Каменев, Зиновьев и другие не могли и не собирались предложить стране иное общественное устройство или политическую организацию. Они не ставили под сомнение ни монопольное право партии на управление страной, ни командные методы управления внутри партии. Пробыв в высшем совете управления партии и страны, они показали, что могут управлять, главным образом опираясь на авторитарные методы. Теперь же, объявляя о своем намерении свергнуть «партийный режим», вожди оппозиции не подвергали критическому переосмыслению собственную деятельность на высших постах власти, не выдвигали действенной программы демократизации жизни в партии. Более того, их программные требования подвергали резким нападкам те сдвиги к мирной экономической и социальной жизни, которые произошли в стране в период нэпа.

Единственную альтернативу, которую реально могли предложить лидеры оппозиции, – это себя лично и своих сторонников в качестве руководящей элиты управления. Они старались убедить коммунистов в том, что Троцкий, Зиновьев, Каменев являются гораздо лучшими руководителями, чем Сталин, который становился основным объектом их нападок. В атаке на Сталина постоянно использовалась фраза из «Письма к съезду» Ленина, в которой шла речь о «грубости» Сталина. Оппозиция сознательно игнорировала то обстоятельство, что Ленин писал эти заметки, находясь в тяжелом физическом и моральном состоянии и под влиянием жалоб Крупской, которую Сталин справедливо отчитал за нарушение строгого контроля за здоровьем Ленина. Оппозиционеры умалчивали, что Ленин до конца своей активной жизни доверял Сталину и постоянно советовался с ним по всем вопросам государственной жизни. Они продолжали муссировать сочиненную ими же версию о том, что Ленин «готовил бомбу» против Сталина на XIII съезде партии и лишь его болезнь помешала ему уничтожить Сталина политически.

Между тем все, кто мог видеть руководителей партии не только на трибунах массовых собраний, а в работе, давно пришли к выводу, что Сталин заметно выигрывал по сравнению с лидерами оппозиции как государственный деятель.

С первых же дней Советской власти Сталин зарекомендовал себя как человек, способный к решению самых разнообразных и сложных вопросов государственной жизни. Отвечая троцкисту Преображенскому, выразившему недовольство тем, что Сталин

руководит сразу двумя наркоматами (наркоматом по национальностям и наркоматом рабоче-крестьянской инспекции), Ленин заявлял: «Что мы можем сделать, чтобы разобраться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей нации мог пойти и подробно рассказать в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина… То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах».

В дальнейшем, пока лидеры оппозиции проводили время в пирушках и пропадали на охоте, занимались лечением на курортах или писали дилетантские статьи по вопросам искусства, Сталин занимался десятками сложных дел по государственному управлению. Его ответственное отношение к делу, дотошность в изучении любого вопроса, которым он занимался, служили примером для всех окружающих. Уже в конце своей долгой жизни его соратник Молотов вспоминал: «У Сталина была поразительная работоспособность… То, что ему нужно было, он досконально знал и следил… И смотрел не в одну сторону, а во все стороны… Сталин спросит: «Важный вопрос?» «Важный». Он тогда лезет до последней запятой». Сталину была глубоко чужда поверхностность ряда его коллег, которые вместо изучения вопроса полагались на избитые стереотипы, а вместо решений предлагали красивые лозунги.

Сталин выгодно отличался и от ряда своих коллег скромностью в быту. Даже такой недоброжелательный наблюдатель, как его бывший секретарь Бажанов, сбежавший за границу, писал: «У этого страстного политика нет других пороков. Он не любит ни денег, ни удовольствий, ни спорт, ни женщин. Женщины, кроме его жены, не существуют». Дейчер признавал, что Сталин и его семья «жили в небольшой квартире в доме, который был предназначен для прислуги в Кремле… Печать обыденности и даже аскетизма лежала на личной жизни генерального секретаря, и это обстоятельство производило благоприятное впечатление на партию, члены которой руководствовались пуританскими нравами и поэтому были озабочены первыми признаками коррупции и распущенности в Кремле».

Но для политического выбора партией Сталина в качестве ее руководителя решающее значение имели его действия в сложной обстановке внутрипартийной борьбы. И те, кто мог видеть Сталина на близком расстоянии, и рядовые члены партии могли убедиться в том, что Сталин делал все от себя зависящее, чтобы предотвратить раскол в партии и новую Гражданскую войну в стране. Члены партии были свидетелями того, как то Троцкий, то Зиновьев и Каменев, то все эти три руководителя вместе выступали против большинства в ЦК и на съезде, а Сталин делал все возможное, чтобы предотвратить раскол с помощью компромисса, или же действенными мерам подавить бунт, чреватый расколом.

Дейчер писал, что «в то время многим людям казалось, что, по сравнению с другими политическими лидерами, Сталин не обладал наибольшей нетерпимостью. Он был менее злобен в своих атаках на противников, по сравнению с другими триумвирами. В его речах всегда звучали нотки добродушного и немного бодряческого оптимизма, что отвечало преобладавшим благодушным настроениям. В политбюро, когда обсуждались важные политические вопросы, он никогда не навязывал коллегам свои взгляды… Для партийной аудитории он не казался человеком, имевшим личную корысть или затаившим личную обиду. Он казался преданным ленинцем, хранителем доктрины, который критиковал других исключительно во имя дела. Он производил такое впечатление даже в тех случаях, когда он говорил за закрытыми дверями политбюро».

Наконец, Сталин опирался на широкую поддержку в руководстве и среди рядовых членов партии потому, что он был инициатором тезиса о построении социализма в одной стране. Это положение предполагало быстрое развитие отечественной промышленности, создание новых городов, модернизацию деревни, не дожидаясь мировой революции. Стремление осуществить такое преобразование страны отвечало настроениям широких партийных и рабочих масс.

Необходимость укрепления экономики страны и ее оборонного потенциала вновь была продемонстрирована в 1927 году, когда международная обстановка обострилась и встал вопрос о возможности новой интервенции против СССР. Сигналом к разговорам о новой войне стала грозная нота английского министра иностранных дел О. Чемберлена в адрес СССР от 23 февраля 1927 года. В любом политическом выступлении этих дней звучала международная тема. Видимо, не случайно писатели И. Ильф и Е. Петров, описывая открытие трамвайной линии 1 мая 1927 года в Старгороде, изобразили, как председатель Старкомхоза Гаврилин в своем выступлении на митинге по случаю этого события сбился на рассказ о международном положении СССР и никак не мог остановиться, пока не высказал все, что он знал про Чемберлена, Муссолини и правящие круги Румынии.

Не удивительно, что 9 мая 1927 года Г.Е. Зиновьев, выступая в Колонном зале Дома союзов на собрании по случаю 15-летия «Правды», перешел на международную тематику. Однако его многочисленные слушатели (а речь Зиновьева транслировалась по радио) были удивлены острой критикой, с которой оратор обрушился на внешнюю политику СССР в Англии и деятельность Коминтерна в Китае. В отличие от Гаврилина, Зиновьев не случайно сбился на международную тематику.

Еще до выступления Зиновьева Троцкий, находившийся на отдыхе в Гаграх, направил в марте и апреле в политбюро целый ряд записок, в которых критиковалась тогдашняя политика СССР и Коминтерна в Англии и Китае. Аналогичная критика содержалась и в записках Зиновьева, направленных им в политбюро и президиум ЦКК в апреле 1927 года.

Грандиозная забастовка в сердце крупнейшей Британской империи и развитие революционного движения в Китае – самой многочисленной стране мира, являлись для Троцкого мощным аргументом в пользу скорого начала мировой революции. Происходившие события позволяли ему подчеркивать зависимость событий в СССР от мировых процессов. В своем проекте резолюции по хозяйственному вопросу к XV партконференции он писал: «Ни на одну минуту партия не должна забывать о том, что хозяйство СССР может развиваться только как часть мирового хозяйства… Зависимость хозяйства СССР от мирового хозяйства… должна будет в дальнейшем не ослабевать, а возрастать». Этот довод служил Троцкому для борьбы против теории построения социализма в одной стране. В своей записке «Теория социализма в отдельной стране» он доказывал необходимость того, чтобы «не только теоретическая несостоятельность, но и политическая опасность теории социализма в одной стране должны быть поняты и оценены не только ВКП, но и Коминтерном в целом».

В то же время поражение всеобщей стачки, объявленной Генеральным советом тред-юнионов Великобритании, и переворот, совершенный Чан Кайши и сопровождавшийся массовыми расправами с коммунистами, означали для Троцкого и его союзников провал политики Советского правительства и Коминтерна. Троцкий объявил себя и своих сторонников «левым крылом» международного рабочего движения и провозгласил намерение «всеми силами вести внутри Коминтерна борьбу за изменение… грубо оппортунистической политики». Он открыто бросал вызов линии «Сталина, против опасности, о которой предупреждал Ленин». Троцкий выражал уверенность, что «линия будет исправлена» и «революционный большевизм победит».

Политбюро не реагировало на записки Троцкого и Зиновьева, но попытка Зиновьева обратиться по радио к широкой аудитории была тут же встречена сокрушительными контратаками. 10 мая бюро Московского комитета ВКП(б) и 11 мая бюро Ленинградского комитета ВКП(б) охарактеризовали выступление Зиновьева как «величайшее преступление перед партией, нарушающее обещание прекратить фракционную борьбу, данное Зиновьевым и другими лидерами в заявлении от 16 октября 1926 года, как неслыханное нарушение партийной дисциплины». Московское и Ленинградское бюро просили ЦК и ЦКК ВКП(б) привлечь Зиновьева к партийной ответственности. 12 мая ЦК ВКП(б) объявил выступление Зиновьева «дезорганизаторским» и передал его дело в ЦКК ВКП(б). В ответ лидеры оппозиции направили заявление в Центральный Комитет ВКП(б), подписанное 25 мая 83

членами партии. Для своего нового политического наступления на руководство партии оппозиционеры создали очередной блок из участников уже разбитых фракций и группировок. Еще в декабре 1925 года, выступая на съезде партии, Сталин заметил по поводу склонности к созданию блоков одного из лидеров оппозиции Лашевича, который, хотя «с апломбом выступал против комбинаторской политики, сам оказался в числе комбинаторов… Что ж, Бог с ним». Сталин высмеивал тех, кто «собирались и всякие комбинации строили насчет органов ЦК. Что же, это их дело, пусть комбинируют». (Видимо, в то время слова «комбинатор» и «комбинации» использовались главным образом как синонимы слов «мошенник» и «мошенничество». Именно в это время был написан роман «Двенадцать стульев», в котором описаны похождения **великого комбинатора** Остапа Бендера в 1927 году.)

«Заявление 83» открывалось обвинением руководства партии в неверной политике в Китае: «Серьезные ошибки, допущенные в деле руководства китайской революцией, способствовали тяжелому поражению, из которого можно выйти, только вернувшись на путь Ленина». Оппозиция обвиняла руководство ВКП(б) в том, что оно неправильно оценивало обстановку и давало ошибочные советы Компартии Китая в отношении правящей партии Гоминдана. В дальнейшем редкое выступление оппозиционера обходилось без детальных разборов ситуации внутри Гоминдана. При этом оппозиционеры считали политбюро виновным в перевороте Чан Кайши и его расправе над китайскими коммунистами.

Не менее суровой критике подвергалась политика руководства ВКП(б) в отношении английского рабочего движения. Вопреки фактам, не сотрудничество советских профсоюзов с английскими, вызывавшее беспокойство у правящих кругов Англии, а отсутствие прямого вмешательства ВКП(б) в дела рабочего движения объявлялось причиной возросшей агрессивности Англии против СССР. Оппозиционеры клеймили политбюро за сотрудничество с Генеральным советом тред-юнионов через «Англо-Русский комитет». Они утверждали, что такое сотрудничество привело к тому, что была упущена возможность революции в Великобритании.

Объявив, что партийное руководство отошло от ленинских принципов во внешней политике, «заявление 83» находило корень зла в «теории социализма в одной стране», которая объявлялась «неверной», «мелкобуржуазной», «не имеющей ничего общего с марксизмом». «Неправильная политика», исходящая из этой теории, утверждалось в «Заявлении», «ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа».

Как и в предыдущих подобных заявлениях, здесь отмечались многие острые проблемы, затрагивавшие жизненные интересы людей. Как и раньше, выход из них предлагался с помощью привлекательных, но экономически малообоснованных идей (например, предлагалось отменить налог с малоимущих крестьян, на которых приходилось 50 процентов всего крестьянства; повысить зарплату всем рабочим). Та политика, которую отстаивали вожди оппозиции, когда они были у власти, теперь объявлялась порочной и несущей людям беды. Троцкий, который 4 года назад выдвигал программу «концентрации производства» за счет массовой безработицы, теперь подписывал «заявление», в котором осуждалась «рационализация промышленности», выталкивающая «все новых и новых групп рабочих в ряды безработных… Увеличение армии безработных ухудшает экономическое положение рабочего класса в целом».

Как и авторы аналогичных заявлений, лидеры оппозиции вновь выдвигали лозунги «оживления внутрипартийной демократии и усиления живой, действенной связи партии с рабочим классом», борьбы с «внутрипартийным режимом», который «снизил активность партии». «Заявление» требовало созыва специального пленума ЦК, на котором следовало добиться «единодушных решений». В противном случае предлагалось развернуть широкую дискуссию, в ходе которой оппозиции должны были быть предоставлены такие же возможности, что и у большинства, для изложения своих взглядов. Наряду с Троцким и Зиновьевым под заявлением стояли подписи таких активных деятелей оппозиции, как К.Б.

Радек, И.Т. Смилга, Г.И. Сафаров, ряда соавторов «заявления 46» (А.С. Альский, А.Т. Белобородое, Г.Л. Пятаков, Л.П. Серебряков, Л.С. Сосновский, И.Н. Смирнов, В. Эльцин).

Оппозиция организовала среди членов партии сбор подписей под «заявлением 83». 27 июня к троцкистско-зиновьевской оппозиции присоединились децисты. Под программным заявлением «Под знамя Ленина» подписались 15 человек, включая В.М. Смирнова, М.В. Сапронова. Этот документ, получивший название «платформа 15-ти», содержал развернутый исторический экскурс, открывавшийся призывом к борьбе против «мелкобуржуазной» политики внутри страны и «меньшевистской» международной политики.

Выступления оппозиции стали предметом разбирательства ЦКК, которую в это время возглавлял Г.К. Орджоникидзе. Вступив в переписку с Орджоникидзе, Троцкий пустился в рассуждения относительно того, как оппозиция понимает защиту интересов своего класса. Поскольку летом 1927 года международная обстановка обострилась и возникла реальная угроза войны, то оппозицию обвиняли в том, что своими выступлениями она лишь ослабляет идейно-политическую сплоченность советского общества и является группой пораженцев. Отвергая эти обвинения, Троцкий привел пример того, как лидер французских радикалов Ж. Клемансо вел острую политическую борьбу против правительства Франции, «несмотря даже на то, что немцы стояли в 80 километрах от Парижа (Клемансо говорил: «именно поэтому»)… Группа Клемансо пришла к власти и более последовательной, более разбойничьей империалистической политикой обеспечила французской буржуазии победу». Аналогия с Клемансо позволяла Троцкому оправдать развертывание оппозицией антиправительственной кампании в период, когда угроза войны против СССР считалась им реальной.

Однако из этого сравнения руководство сделало вывод, что оппозиция отчаянно рвется к власти и готова для этого воспользоваться войной или предвоенной обстановкой. Выступая 1 августа на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), Сталин так истолковал письмо Троцкого: «Если враг подойдет к стенам Кремля километров на 80, то этот новоявленный Клемансо, этот опереточный Клемансо постарается, оказывается, сначала свергнуть нынешнее большинство именно потому, что враг стоит в 80 километрах от Кремля, а потом взяться за оборону. И если это удастся сделать нашему опереточному Клемансо, то это, оказывается, и будет настоящей и безусловной обороной СССР».

Оправдываясь перед участниками пленума, Троцкий переходил в активное наступление, обвиняя руководство ВКП(б) в измене делу Ленина. Троцкий утверждал, что Сталин и его сторонники дошли до классового перерождения, и он проводил историческую аналогию с французской революцией, сравнивая их с организаторами переворота 9 термидора.

Обвиняя руководство в термидорианском перерождении, Троцкий объяснял: «Во время Великой французской революции гильотинировали многих. И мы расстреливали многих. Но в Великой французской революции было две большие главы… Когда глава шла так – вверх, – французские якобинцы, тогдашние большевики, гильотинировали роялистов и жирондистов. И у нас такая большая глава была, когда и мы, оппозиционеры, вместе с вами расстреливали белогвардейцев и высылали жирондистов. А потом началась во Франции другая глава, когда… термидорианцы и бонапартисты… стали расстреливать левых якобинцев – тогдашних большевиков». Обращаясь к члену Президиума ЦКК А.А. Сольцу, Троцкий спрашивал: «Я бы хотел, чтобы тов. Сольц… себе самому сказал: по какой главе Сольц собирается нас расстреливать?»

Эта историческая аналогия нужна была Троцкому для того, чтобы прочнее внедрить в общественное сознание ярлык «термидорианства» и мысль о контрреволюционном перерождении руководства ВКП(б). В то же время ему было важно создать психологический, барьер в сознании власть имущих, чтобы обезопасить себя от суровых санкций. Хотя судьба Робеспьера, Сен Жюста и Кутона не грозила в то время Троцкому, в эти августовские дни (т. е. когда по французскому революционному календарю был термидор) лидеры оппозиции понимали, что Сталин и большинство членов ЦК могут совершить над ними гражданскую

казнь. Как и год назад, когда он использовал жупел антисемитизма или обвинял в предвзятости к троцкизму, теперь Троцкому было необходимо вызвать в своих судьях чувства неловкости, смятения. Знаменательно, что Троцкому не приходило в голову усомниться в том, что когда революция идет «вверх», то гильотинировать и расстреливать можно, не испытывая при этом неудобств и душевных мук. Лишь расстреливать тех, кто расстреливал, было, с его точки зрения, глубоко аморально. Эту идею настойчиво внедрял Троцкий в сознание сидевших в зале, а затем читателей его речи, вопрошая: «Я опасаюсь, тов. Сольц, что вы собираетесь нас расстреливать по… термидорианской главе».

Острая дискуссия завершилась компромиссом. 8 августа Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Смилга, Раковский, Муралов и другие направили в ЦК покаянное заявление. Выразив удовлетворение тем, что оппозиция «по всем… вопросам, нами поставленным, в известной мере отступила», Сталин заявил: «То, что предлагает нам оппозиция, нельзя считать миром в партии. Не надо поддаваться иллюзии… Это есть временное перемирие, которое может при известных условиях явиться некоторым шагом вперед, но может и не явиться».

В ответ на возгласы из зала: «Нам не надо перемирия, нам нужен мир», Сталин говорил: «Нет, товарищи, нам перемирие нужно, вы тут ошибаетесь. Если уж брать примеры, лучше было бы взять пример у гоголевского Осипа, который говорил: «веревочка?» – давайте сюда, и веревочка пригодится… Мы не так богаты ресурсами и не так сильны, чтобы пренебрегать веревочкой».

В качестве условия перемирия Сталин требовал от оппозиционеров немедленного роспуска «фракции, которая у них есть, которая на днях собирается созвать свою нелегальную конференцию здесь, в Москве». На последнем заседании пленума Троцкий заявил, что у оппозиции «нет другого выхода», как подчиниться решению пленума.

Резолюция, принятая пленумом ЦК, отмечала, что с 1923 года «оппозиция, сначала во главе с Троцким, а с 1926 года – во главе с Троцким и Зиновьевым, использовала каждое затруднение, которое партии приходилось преодолевать в деле социалистического строительства страны, для того чтобы нанести удар по единству нашей партии и по ее руководству, не останавливаясь ни перед каким нарушением партийной дисциплины». Резолюция объявила, что оппозиция «становится объективно центром, вокруг которого собираются антипартийные и антисоветские силы, на разлагающую деятельность которого уже теперь рассчитывает внутренняя и зарубежная контрреволюция». Однако, несмотря на резкий тон, решение закрепляло двусторонний характер перемирия и вожди оппозиции остались в составе ЦК.

Оппозиция решила воспользоваться временным перемирием для консолидации своих сил. Не прошло и месяца после пленума ЦК и ЦКК, как в своем заявлении от 6 сентября Троцкий, Зиновьев, Муралов и Петерсон, ссылаясь на сокращение сроков предсъездовской дискуссии до одного месяца, потребовали созыва пленума ЦК 15—20 сентября. За три дня до этого, 3 сентября, 13 членов ЦК и ЦКК во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым подготовили к XV съезду ВКП(б) проект «Платформы большевиков-ленинцев (оппозиции)». Само название платформы свидетельствовало о том, что Троцкий и его единомышленники имеют партию внутри партии.

Судя по письму, которое Троцкий направил 12 сентября своему соратнику Эльцину с просьбой уточнить ряд данных о Енукидзе, с целью его компрометации, он не подозревал о новой беде, нависшей над оппозицией. В этот день, когда в Крыму произошло грандиозное землетрясение, запечатленное в романе «Двенадцать стульев», в Москве произошло событие в политической жизни, которое напоминало по своим разрушительным последствиям геологический катаклизм и сопровождалось выходом на поверхность сил, которые до сих пор были глубоко скрыты в недрах советского общества. Органы ОГПУ, произведя обыск на квартире некоего Щербакова, сына бывшего фабриканта, и обнаружив там подпольную типографию, установили связь владельца с рядом членов партии – сторонников оппозиции (Грюнштейн, Гердовский, Мрачковский, Охотников и другие). В своем сообщении от 13

сентября ОГПУ ссылалось на показание арестованного, в котором говорилось: «В военных кругах существует движение, во главе которого стоят тт. Троцкий и Каменев… о том, что организация предполагает совершить переворот, не говорилось, но это само собой подразумевалось».

Сообщение о раскрытии типографии свидетельствовало о том, что руководство страны решило развернуть активную борьбу против оппозиционного подполья. И хотя, кроме слухов о «движении» с целью военного переворота, ОГПУ не могло ничего предъявить, а классово чуждое происхождение Щербакова вряд ли могло свидетельствовать о «белогвардейской» природе типографии, обвинение в подпольной контрреволюционной деятельности стало использоваться против оппозиции. 15 сентября секретариат ЦКК заслушал доклад Е.М. Ярославского «Об участии членов ВКП(б) в деятельности нелегальной контрреволюционной организации вместе с беспартийными», в котором было приведено это сообщение ОГПУ. 22 сентября политбюро и президиум ЦК обратились ко всем партийным организациям с извещением о раскрытии типографии, в котором говорилось, что «часть арестованных беспартийных действительно связана с некоторыми лицами из военной среды, помышляющими о военном перевороте в СССР по типу переворота Пилсудского».

Эти события изменили планы Троцкого. Еще 17 сентября он писал Зиновьеву из Нальчика, что он пробудет там до 25 сентября, а затем направится в Кисловодск. Очевидно, Троцкий собирался, как обычно, подольше отдохнуть перед политическими баталиями. Однако вместо Кисловодска Троцкому пришлось вернуться в Москву и выслушивать речь Сталина на объединенном заседании президиума исполкома Коминтерна и его исполнительной контрольной комиссии. Одним из главных обвинений в адрес Троцкого стал «вопрос о нелегальной антипартийной типографии троцкистов». Сталин заявлял: «Оппозиция до того запуталась, так ловко загнала себя в тупик, из которого нет выхода, что она очутилась перед выбором: либо Коминтерн и ВКП, либо… ренегаты из нелегальной антипартийной типографии. Нельзя болтаться вечно между этими двумя лагерями. Пора сделать выбор. Либо с Коминтерном и ВКП, и тогда– война… против всех и всяких ренегатов. Либо против ВКП и Коминтерна, и тогда– скатертью дорога… ко всяким ренегатам и перерожденцам, ко всяким Щербаковым и прочей дряни».

Сталин заявлял: «На прошлом пленуме ЦК и ЦКК в августе этого года меня ругали некоторые члены пленума за мягкость в отношении Троцкого и Зиновьева, за то, что я отговаривал пленум от немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК. (Голоса с мест: «Правильно, и теперь ругаем».) Возможно, что я тогда передобрил и допустил ошибку, предлагая более умеренную линию в отношении Троцкого и Зиновьева. (Голоса: «Правильно!» Тов. Петровский: «Правильно, всегда будем ругать за гнилую веревочку»!») Но теперь, товарищи, после всего того, что мы пережили за эти три месяца, после того, как оппозиция нарушила ею же данное обещание о ликвидации своей фракции в специальном «заявлении» от 8 августа, обманув еще раз партию, – после этого для мягкости не остается уже никакого места».

Словно подводя итог политической карьере Троцкого, Сталин иронизировал над потерпевшим поражение: «Почему… Троцкому не удалось «захватить» власть в партии, пробраться к руководству в партии?… Разве тов. Троцкий более глуп или менее умен, чем Бухарин или Сталин? Разве у тов. Троцкого нет воли, желания к руководству? Разве это не факт, что вот уже более двух десятков лет борется тов. Троцкий с большевиками за руководство в партии?… Разве он менее крупный оратор, чем нынешние лидеры нашей партии? Не вернее ли будет сказать, что, как оратор, тов. Троцкий стоит выше многих нынешних лидеров нашей партии? Чем объяснить в таком случае, что тов. Троцкий, несмотря на его ораторское искусство, несмотря на его способности, оказался отброшенным прочь от руководства великой партией, называемой ВКП?»

Сталин объяснял поражение Троцкого его отрывом от партии: «Тов. Троцкий не понимает нашей партии. У него нет правильного представления о нашей партии. Он смотрит на нашу партию так же, как дворянин на чернь или как бюрократ на подчиненных… Так

могут говорить о нашей партии только люди, презирающие ее и считающие ее чернью». В этих замечаниях Сталина, в которых ощущалось торжество победителя, было и очевидное признание достоинств Троцкого, и верное наблюдение о причинах его краха.

Воспринимая тех членов партии, которые отвергли его платформы, как сброд шкурников, глубоко презирая народ, который был лучше представлен в партийных массах, чем в малочисленной оппозиции, состоявшей главным образом из выдвиженцев первых дней революции и Гражданской войны, Троцкий утрачивал способность реалистично чувствовать настроение людей.

Впрочем, презрение Троцкого распространялось не только на партийную массу, поддерживавшую политбюро. Высокомерие Троцкого по отношению к окружающим было одной из важнейших черт его характера. Он зачастую с презрением отвергал дельные советы близких к нему людей, полагаясь на свой ум и опыт жизни в Западной Европе. Один из видных советских служащих тех лет Пестковский, сравнивая стиль работы Сталина и Троцкого отмечал, что Сталин был всегда готов терпеливо выслушивать самые разные мнения, в том числе резко отличавшиеся от его собственных, на коллегиях наркоматов. Троцкий же, по убеждению Пестковского, разогнал бы такие коллегии за пару дней.

Даже в отношении своих сторонников, которых Троцкий не раз бросал на произвол судьбы во время наиболее острых политических схваток, он проявлял «презрение дворянина к черни». Он презирал и тех, кто верил ему как «своему» «русскому», и тех, кто считал, что он – вождь «красного иудаизма». Он не скрывал презрение к стране, которую он пытался возглавить, а поэтому он был оторван от народа и не понимал его. Настроениям народа и его чаяниям Троцкий противопоставлял свои личные интересы и лозунги мировой революции.

Недолгая дискуссия в исполкоме Коминтерна завершилась исключением Троцкого из его состава. Создается впечатление, что Троцкий уже был готов к подобному повороту дела и расценивал свое исключение как азартный игрок, не обращающий внимание на временные потери в предвкушении крупной удачи. В своем письме Х.Г. Раковскому 30 сентября он лишь между прочим упомянул об этом событии. Как верно рассчитывал Сталин, для действий Троцкого в эти дни была особенно характерна утрата им реализма. Свое неумение чувствовать настроения масс Троцкий и другие лидеры оппозиции ярко проявили в отношении предложения политбюро о введении семичасового рабочего дня по случаю 10-й годовщины Октябрьской революции.

Оппозиция имела определенные основания считать, что такая акция была плохо экономически обоснована. Однако совсем недавно оппозиционеры упорно настаивали на повышении заработной платы всем рабочим, явно не учитывая, обосновано ли это предложение в экономическом отношении. На сей раз Троцкий, удрученный тем, что инициатива привлекательного для трудящихся предложения перехвачена руководством страны, решил продемонстрировать свой реализм и резко выступил против провозглашения семичасового рабочего дня, обвиняя политбюро в демагогии. От имени платформы «большевиков-ленинцев» он предложил приступить не позже чем через год к постепенному введению семичасового дня «без уменьшения вознаграждения за труд». Однако активная критика Троцким предложения о сокращении рабочего дня была использована как свидетельство того, что он и его соратники выступают против улучшения условий труда рабочих. Как справедливо заметил Дейчер, решению правительства оппозиция могла противопоставить вопросы, «которые для рабочих казались абстрактными: Гоминдан, англо-русский комитет, перманентная революция, термидор, Клемансо и т. д. Единственный вопрос, по которому язык оппозиции не был труден для понимания, было требование улучшить положение рабочих». Теперь после ее выступления против семичасового рабочего дня «вокруг оппозиции возникла стена безразличия и враждебности».

Троцкий, Зиновьев и другие упорно не замечали этой стены отчуждения. Их самоослепление усилилось после событий в Ленинграде, где 15 октября открылась юбилейная сессия ЦИК, на которой было объявлено о введении семичасового дня. Через два дня, 17 октября, состоялась праздничная демонстрация ленинградцев, посвященная юбилею

революции. Как обычно, демонстранты шли мимо трибуны, на которой стояли представители руководства страны. Когда колонны демонстрантов миновали эту трибуну, они неожиданно обнаружили открытый грузовик, в кузове которого стояли Троцкий, Зиновьев и ряд других лидеров оппозиции. По словам Дейчера, демонстранты «узнали двух вождей оппозиции и остановились». Некоторые помахали им шапками, платками. Поведение толпы, стоявшей перед Троцким и Зиновьевым, «было двусмысленным». Очевидно, в реакции людей преобладало любопытство. «Но лидеры оппозиции неверно истолковали настроения демонстрантов». Зиновьев и Троцкий решили, что массы идут за ними.

Самоослепление, которое охватило лидеров оппозиции, не было преодолено ими даже на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, на котором 23 октября Троцкий и Зиновьев были исключены из состава ЦК. Троцкий в своем выступлении на пленуме уверял, что «рабочий класс Ленинграда… выразил в форме яркой демонстрации 17 октября… свое законное недовольство ростом бюрократизма и зажима». Казалось, что Троцкий в толпе удивленных ленинградцев, остановившихся посмотреть на бывших вождей, увидел солдат революции, ожидающих призыва к выступлению против «термидорианской диктатуры», и он поверил в собственные вымыслы и пророчества. «В нашей июльской декларации прошлого года, – заявлял Троцкий, – мы с полной точностью предсказали все этапы, через которые пройдет разрушение ленинского руководства партии и временная замена его сталинским. Я говорю о временной замене, ибо чем больше руководящая группа одерживает «побед», тем больше она слабеет. Июльское предвидение прошлого года мы теперь можем дополнить следующим заключительным выводом: нынешняя организационная победа Сталина предшествует его политическому крушению. Оно совершенно неизбежно и в соответствии со сталинским режимом наступит сразу».

Эти пророчества Троцкого были такими же несостоятельными, как и его прогнозы о неизбежном и скором начале иностранной интервенции против СССР, но, видимо, он страстно желал своей победы, а поэтому слепо верил собственным выводам. Оппозиция приняла участие в дискуссии, объявленной по решению пленума ЦК. В «Дискуссионных листках» «Правды» помещались материалы Троцкого, Зиновьева и его сторонников. Как и год назад, актив оппозиции выступал перед членами партии. Позже, когда были подведены итоги голосования, выяснилось, что в ходе дискуссии за «линию ЦК» проголосовало 738 тысяч членов партии, за оппозицию – немногим более 4 тысяч, воздержалось менее 3 тысяч. Казалось бы, все свидетельствовало о сокрушительном поражении, но, очевидно, Троцкий не замечал, что на дворе был ноябрь 1927 года и 4 тысячи человек не смогут повернуть ход истории. Проявляя такой же оптимизм и ту же энергию, которые в эти дни излучал Остап Бендер, рыскавший в Москве в поисках двенадцатого стула, Троцкий готовил свое выступление в годовщину Октября.

За три дня до праздника оппозиционеры, захватив одну из аудиторий МВТУ, провели там собрание. Утром 7 ноября в окнах и на балконах московских квартир оппозиционеров были выставлены портреты Троцкого, Зиновьева вместе с портретами Ленина и призывами «Назад к Ленину!». Троцкий со своими сторонниками разъезжал в автомобиле, время от времени останавливаясь и обращаясь к колоннам демонстрантов. Смилга, Преображенский и ряд других деятелей оппозиции, действуя по примеру того, как действовали Зиновьев и Троцкий 17 октября в Ленинграде, вышли на балкон дома на углу Тверской улицы (нынешняя гостиница «Националь»), чтобы приветствовать проходивших мимо них демонстрантов. Но так как влиятельные противники оппозиции готовились к ответным действиям, то все хитроумные комбинации Троцкого, Каменева и Смилги кончились серией скандалов, зарегистрированных в заявлениях вождей «большевиков-ленинцев». В них подробно рассказывается про половые щетки, которыми оппозиционеры защищали праздничное оформление своих квартир, швыряние мелкими предметами, оскорбительные выражения, драки и т. д.

Как утверждалось в заявлениях, в Смилгу, Преображенского, Грюнштейна, Альского и других вышедших на балкон кидали «огурцами, помидорами», что, между прочим,

свидетельствует о существенных успехах Советской страны в деле восстановления сельского хозяйства. В своих заявлениях лидеры оппозиции подчеркивали, что в действиях против них принимали самое активное участие секретарь Краснопресненского райкома Рютин, председатель Краснопресненского райсовета Минайчев, секретарь МКК Мороз, член бюро МК Цифринович.

Один из эпизодов событий 7 ноября был описан в заявлении сторонника оппозиции И.М. Архипова, которое включено в сборник «Архив Троцкого» с сохранением стилистических и орфографических особенностей этого документа. «В момент сбора демонстрации у Александровского вокзала, – говорилось в заявлении, – к нам приехали вожди пролетариата всего мира тт. Троцкий, Каменев и Муралов, которые были встречены рабочими Краснопресненского района приветствиями: «Ура!» В этот момент заранее сорганизовавшаяся группа свистунов чисто фашистского характера, в которой участвовали представители нашей ячейки Эйденов, Королев и целый ряд других, имевших цель стащить их с машины. Я, как преданный член партии, всегда стоя на страже интересов рабочих, принял участие в борьбе с этими явлениями и, когда Эйденов лез в машину к тов. Троцкому и намерением причинить ему побои, я оттащил за воротник этого отъявленного фашиста нашей ячейки. При отъезде машины с вождями всемирной революции, эти фашисты забрасывали их яблоками, булками, грязью и всем, что у них было… Когда мы возвращались в ряды своей колонны, я Эйденеву сделал замечание, сказав: «Так делают только фашисты». В это время Королев ударяет размахом кулака меня по голове только за то, что я сделал долг честного рабочего, партийца, защищая вождей мирового пролетариата и долг всякого честного рабочего, хотя бы и не коммуниста, защищая вождей… Со своей стороны, считаю долгом заявить, что подобные явления должны быть прекращены, ибо они мешают правильно войти в курс современной политики рабочему классу, и опора на этих свистунов может послужить крахом для всех октябрьских завоеваний».

Другие описания скандалов, драк и потасовок 7 ноября 1927 года составлялись в столичных отделениях милиции. Троцкий, которому в этот день исполнилось 48 лет, исчислял начало своей политической деятельности с организации «кошачьего концерта» в классе за спиной учителя. 7 ноября 1927 года он заканчивал свое участие в российской революции под свист и улюлюканье противников. Великий комбинатор провалился.

Примерно в такой же ноябрьский день 1927 года, если верить И. Ильфу и Е. Петрову, завершилась деятельность «концессионеров» Бендера и Воробьянинова. Последний бродил по улицам Москвы, обезумевший от горя, а другой «концессионер», великий комбинатор, истекал кровью, так и не получив на блюдечке с голубой каемочкой искомое наследство.

Поражение, которое потерпел Троцкий, нанесло удар не только по нему лично. В частности, ущерб понесли многие искатели сокровищ в России. Их надежды нажить огромные состояния зависели от его пребывания во главе концессионного комитета. 17 ноября постановлением Совнаркома и Совета труда и обороны Троцкий был освобожден от обязанностей председателя Главного концессионного комитета. Комментируя это решение, И. Фроянов писал: «Концессионеры лишились, следовательно, сильного покровителя… Поражение Троцкого ухудшало условия деятельности иностранного капитала в Советской России».

Однако этим не исчерпывалось значение разгрома Троцкого и его союзников по оппозиции. Поражение Троцкого означало, что страна окончательно освобождалась от людей, которые видели ее будущее лишь в слепом подчинении стихии мировых политических и хозяйственных процессов. Страна выбирала курс на создание своей современной экономики, высоко развитой науки и техники, могучей армии. Это позволяло ей выстоять перед лицом тех тяжелых испытаний, которые должны были обрушиться на нее в недалеком будущем. Троцкий же был отброшен на обочину исторического пути развития.

Вечером 7 ноября Троцкий сообщил семье, что им придется покинуть Кремль. Его пребывание в обители российских царей, начавшееся почти десять лет назад, завершилось. В тот же вечер он переселился на квартиру к своему стороннику А. Г. Белобородову, который

жил на улице Грановского. Он не стал дожидаться массового выселения бывших вождей страны из Кремля, которое происходило 16 ноября, через два дня после решения ЦК и ЦКК об исключении из партии Троцкого и Зиновьева, а активных членов оппозиции – из состава ЦК и ЦКК. В тот вечер, когда из своих квартир выезжали Каменев, Зиновьев, Радек и другие, в Кремле раздался выстрел. А.А. Иоффе, долго лечившийся у Альфреда Адлера от душевного расстройства, покончил жизнь самоубийством. В стиле психоанализа Адлера, когда любой поступок можно объяснить как свидетельство иррационального самоутверждения, самоубийство психически нездорового человека было объявлено в некрологе, подготовленном оппозицией, проявлением «социального оптимизма». Выступая на похоронах А.А. Иоффе, которые состоялись 19 ноября на Новодевичьем кладбище, Троцкий призвал своих сторонников оставаться на своих постах и продолжать борьбу.

Но следовать этому призыву становилось все труднее. XV съезд ВКП(б), состоявшийся 2-19 декабря 1927 года, подтвердил исключение Троцкого и Зиновьева из рядов партии, а также исключил из партии еще 75 активных членов оппозиции, включая Каменева, Пятакова, Радека, Раковского, Сафарова, Смилгу, И. Смирнова, Лашевича. Исключению подверглись и члены группы Сапронова – В. Смирнова. В ответ на заявления оппозиционеров с просьбой об их восстановлении в партии съезд принял решение о рассмотрении их лишь по истечении шести месяцев, в индивидуальном порядке, и при условии их отречения от «платформы 83-х», «платформы 3 сентября», «платформы 15-ти».

Руководство страны принимало меры к тому, чтобы оппозиционеры оказались не только вне партии, но и за пределами столицы. 17 января 1928 года в дом на улице Грановского на квартиру Белобородова прибыла группа работников ОГПУ. Сцена, которая разыгралась, по своей форме напоминала бытовую квартирную склоку из рассказов М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова. Запершись в своей комнате, Троцкий отказывался пустить незваных гостей. Чекисты взломали дверь. Троцкий отказывался одеваться и покидать квартиру. Как писал Дейчер, «вооруженные люди сняли с него тапочки, одели его, а так как он отказывался идти, понесли его по лестнице под крики и проклятия семьи Троцкого и вдовы Иоффе, которые сопровождали их». (Троцкий повторил тот же прием сопротивления, к которому он прибег, когда его снимали с парохода в порту Галифакса.) Чекистам пришлось нести Троцкого на руках и через платформы Казанского вокзала, где его ожидал специальный вагон. Сын Троцкого Лева шел за ними и выкрикивал: «Смотрите, товарищи, как уносят товарища Троцкого!» «Рабочие смотрели спокойно вслед – не было слышно ни крика, ни даже шепота протеста».

Троцкий был помещен в поезд, который вез его в Казахстан, в край, куда воскрешенный двумя сатириками Остап Бендер в романе «Золотой теленок» направился, чтобы получить заветный миллион. Но Троцкий не ожидал в казахских степях встречи с подпольным миллионером. Покинув квартиру одного из авторов приказа о расстреле царской семьи, А.Г. Белобородова, Троцкий направлялся в распоряжение к другому соавтору этого приказа – Ф.И. Голощекину, возглавлявшему парторганизацию этого края. В отличие от Белобородова Голощекин не только не был троцкистом, но проявлял особую активность в борьбе против троцкизма и даже в пылу дискуссии на пленуме ЦК однажды швырнул в Троцкого увесистый том справочника, что и вызвало комментарий Сталина: «Филипп, я понимаю твои чувства, но это – не аргумент». Троцкий увидел в такой выходке воплощение сталинского стиля работы. За три месяца до своей ссылки в Алма-Ату он писал: «Зачем… Голощекиным и другим спорить по поводу контрольных цифр, если они могут толстым томом контрольных цифр запустить оппозиционеру в голову? Сталинщина находит в этом свое наиболее разнузданное выражение, доходя до открытого хулиганства».

Вероятно, выбор места ссылки определялся уверенностью Сталина в том, что здесь Троцкий не мог рассчитывать на теплый прием. Направляясь в край, где когда-то жили потомки вольного кочевого племени хазар, Троцкий еще не знал, что до конца жизни он не будет свободен в своих перемещениях, то находясь под стражей, то прячась под охраной верных ему людей, постоянно меняя места жительства, страны, континенты и уподобляясь

не бодрому комбинатору Бендеру, а вечно гонимому герою древней легенды – проклятому Христом Агасферу. Именно так, по словам Д.Д. Волкогонова, именовала Троцкого, приходившегося ей свекром, Ольга Гербер.

ПРОИГРАННЫЙ МАТЧ-РЕВАНШ

Оказавшись в Алма-Ате, Троцкий тут же стал протестовать против «невыносимых условий», так как его разместили в гостинице. Протест был удовлетворен, и Троцкий с Седовой получили четырехкомнатную квартиру. В последовавших протестах Калинину, Орджоникидзе, Менжинскому Троцкий требовал разрешить ему выезжать на охоту. Это право ему было предоставлено. Новая порция протестов Троцкого была вызвана его желанием, чтобы ему доставили в Алма-Ату его охотничью собаку Майю, и это требование было в конце концов удовлетворено. Охотничьи походы длились по нескольку дней. В холодные весенние дни Троцкий ночевал под открытым небом, а один раз во время перехода он упал в ледяную воду. Однако здесь, на земле Казахстана, Троцкий проявлял поразительную невосприимчивость к болезням. Троцкий даже не простудился. Очевидно, что организм Троцкого не имел ничего против физических перегрузок, коль скоро он был избавлен от вечного стресса, возникавшего в дни острых политических баталий и интуитивного ожидания неизбежных поражений.

Троцкий был доволен своими охотничьими успехами в краю непуганых птиц, а после того как сопровождавшие его бывалые люди рассказали ему про дичь на озере Балхаш, он стал подумывать об охоте на местных тигров. Но вскоре наступило жаркое лето, и в начале июня Троцкий выехал на дачу в горы.

Троцкий был не единственным из оппозиционеров, кто оказался выслан из Москвы. Приютивший его в доме на улице Грановского Белобородое был отправлен в Коми АССР, Серебряков– в Семипалатинск, Иван Смирнов – в Армению, Радек – в Тобольск, Раковский – в Астрахань, Смилга – в Нарым. Однако ни Троцкий, ни его соратники не собирались сдаваться и отказываться от политических дискуссий, хотя бы заочно, а потому развернули между собой активную переписку.

Среди писем, приведенных Д.Д. Волкогоновым в его двухтомнике, имеется одно послание Троцкого, которое тот направил своему приятелю. В нем говорилось: «Предлагаю тебе шахматную партию по переписке. Сим начинаю». Как и Остап Бендер в своем турнире в Васюках, Троцкий исходил, что шахматная партия должна начинаться с хода «Е2 – Е4». Комментируя это письмо, Волкогонов замечал: «Пользуясь случаем, скажу, что Троцкий был хорошим шахматистом».

На сей раз, развертывая переписку со своими соратниками по оппозиции, Троцкий фактически открывал матч-реванш в попытке переиграть историческую судьбу. Как отмечал Н.А. Васецкий, только за апрель – ноябрь 1928 года Троцкий направил своим единомышленникам около 800 писем и 500 телеграмм. Он от них получил около тысячи писем и семьсот телеграмм.

В это время оппозиция переживала внутренний кризис. Вскоре после XV съезда зиновьевцы и троцкисты раскололись. Размежевание наблюдалось и среди троцкистов в связи с разными оценками событий в руководстве партии. Растущие разногласия между Бухариным, Рыковым, Томским, с одной стороны, и Сталиным, Молотовым и их сторонниками – с другой, сопровождались усиленной критикой последними «кулацкого уклона» в партии. Часть оппозиционеров была готова поддержать Сталина. В течение большей части 1928 года Троцкий в своих письмах рекомендовал проявлять твердость и не идти ни на какие компромиссы со Сталиным. В правильности своего курса Троцкий уверился после того, как он получил известие о тайных переговорах Бухарина с Каменевым, состоявшихся в июле 1928 года.

В своем «Откровенном разговоре с доброжелательным партийцем», который Троцкий написал 12 сентября 1928 года и распространил среди своих сторонников, он объявил, что

готов сотрудничать с Рыковым и Бухариным «в интересах внутрипартийной демократии». Однако в октябре 1928 года в «Письме к другу» Троцкий высказал мысль о том, что в борьбе против бонапартизма (угрозу которого он видел в Ворошилове, Буденном или каком-либо другом военачальнике, который поведет армию против Сталина) «троцкисты и сталинисты будут сражаться по одну сторону баррикады». Как и раньше, Троцкий выбирал комбинацию, которая бы позволила ему вновь сыграть ключевую роль. Однако его шансы вновь вернуться к активной игре в руководстве были ничтожно малы. Переписка Троцкого не прошла мимо внимания ОГПУ. Письма, направлявшиеся ему, стали задерживаться, по поводу чего он протестовал Калинину и Менжинскому. 16 декабря специальный уполномоченный ОГПУ прибыл из Москвы к Троцкому с требованием «немедленно прекратить контрреволюционную деятельность». В противном случае ему пришлось бы «изменить место жительства».

Троцкий в письменной форме отверг эти требования. Утром 22 января 1929 г. Троцкий и Седова были вывезены из Алма-Аты во Фрунзе (ныне Бишкек). Там их погрузили в поезд и лишь в дороге ему объявили о высылке в Константинополь (Стамбул). Троцкий протестовал: «Константинополь – это сборище остатков врангелевской армии… Как Политбюро осмеливается делать его объектом мести белогвардейцев? Неужели они не могли добиться выезда в Германию или другую страну?» Он отказался ехать, а представитель ОГПУ, направив его протесты в Москву, приказал остановить поезд на переезде где-то между двумя перелесками и ждать указаний. Как и девять лет назад, когда его бронепоезд застрял на Урале, Троцкий жил в вагоне посреди замерзшей природы. За окном стоял трескучий мороз. Машинист время от времени гонял поезд взад и вперед, чтобы сохранить подвижность состава. Троцкий же ждал решения своей судьбы двенадцать дней. Москва дала ответ: так как Германия отказалась предоставить визу Троцкому, ему придется ехать в Константинополь.

Поезд вез Троцкого на запад. Теперь до конца жизни ему было суждено постоянно двигаться в край заката. Несколько дней спустя поезд провез его по украинской степи, где он родился и провел свое раннее детство, доставив его в Одессу, город своей школьной поры. Здесь Троцкий и его супруга пересели на пароход «Ильич». В стране, которую он покидал, оставались его сыновья, первая жена и дочь Зина от первого брака (младшая дочь Нина умерла от туберкулеза, когда он был в Алма-Ате). В Турции Троцкому было определено место пребывания на острове Принкипо (в Мраморном море). Несколько лет назад в Константинополь морским путем следовали сотни тысяч русских беженцев, которых гнали из Крыма армии, которыми он командовал. Теперь победитель белых армий следовал за побежденными.

В мире, куда прибыл Троцкий, было немало несправедливости. Крайнее имущественное неравенство и низкое развитие социального обеспечения были характерны в конце 20-х годов даже для развитой Европы и Северной Америки. Вскоре после начала его жизни в Принкипо в капиталистических странах разразился небывалый по своему размаху экономический кризис. Производство резко сокращалось, десятки миллионов людей потеряли работу и оказались обреченными на голод и нищету. Еще в более тяжелом положении хронически пребывала подавляющая часть населения стран Азии, Африки и Латинской Америки. Большинство латиноамериканских стран управлялось авторитарными режимами, сочетавшими бесчеловечную жестокость и фарсовую абсурдность, запечатленную позже пером Маркеса. Почти все страны Африки и значительная часть Азии находились под колониальным господством. В Италии господствовал фашистский режим бывшего социалиста Муссолини. В Германии набирала силу национал-социалистическая партия Гитлера.

Рискованные политические игры с воинствующими германскими националистами, которые вели в 1923 году Радек и Троцкий, не привели к созданию в Германии единого фронта сил, направленных против Версальских победителей. Оправившись после поражения «пивного путча» 8-9 ноября 1923 года, Гитлер и его сторонники быстро обретали

популярность в Германии по мере углубления экономического кризиса. Если на выборах в мае 1928 года за нацистов проголосовало 2,6% избирателей, то в сентябре 1930 года таких было уже 18,3%. Занесенный в Германию потерпевшими поражение белыми и петлюровцами миф о еврейской коммунистической власти в России, самым ярким олицетворением которой был Троцкий, стал идейно-политической основой нацизма. С этими кругами эмиграции из России и Украины вожди нацистов поддерживали самую тесную связь. Под предлогом освобождения России от этой власти и уничтожения ее угрозы всему миру разрабатывались планы установления мирового господства Германии. Через несколько лет жертвами гитлеризма стали миллионы евреев различных стран, не имевших ничего общего с Троцким, а также десятки миллионов русских, украинцев, белоруссов, сербов, поляков и других народов.

Казалось бы, от Троцкого, который постоянно говорил о необходимости мировой пролетарской революции, можно было ожидать самого активного участия в борьбе против угрозы фашизма и за ликвидацию различных форм угнетения трудящихся людей. Многие на Западе даже встретили приезд Троцкого в Турцию с тревогой, считая, что разногласия в ВКП(б) являются лишь удобным прикрытием для грандиозного коммунистического заговора. Они считали, что подлинной целью прибытия Троцкого в Принкипо была подготовка революции в какой-то стране.

Эти слухи усиливались по мере того, как с первых же дней своего пребывания на острове Мраморного моря Принкипо Троцкий сразу оказался окруженным вниманием мировой общественности. Не успел Троцкий обосноваться на новом месте, как в Принкипо, по словам Дейчера, «ринулись репортеры со всех континентов, чтобы проинтервьюировать его. Появились посетители и друзья… Молодые троцкисты прибыли, чтобы служить охранниками. Немецкие и американские издатели приезжали, чтобы подписать контракты на книги и предложить аванс. Отовсюду писали диссиденты-коммунисты, задавая вопросы о политике и идеологии… Воздействие Троцкого на воображение левой и радикальной интеллигенции было огромным. Когда Бернард Шоу писал о том, что он снова становится «вдохновителем и героем всех боевиков крайне левой части в любой стране», он был близок к истине».

Однако Троцкий, по-прежнему проявляя интерес к мировым проблемам, не прилагал никаких усилий к тому, чтобы поднять знамя борьбы в защиту трудящихся, демократии и социальной справедливости и, подобно Че Геваре, пойти сражаться за интересы угнетенных. В течение ряда лет Троцкий не покидал Принипо. Первый раз он выехал за пределы Турции в ноябре 1932 г., чтобы посетить Данию по приглашению местных социал-демократов для чтения лекции об истории Октябрьской революции. Эта короткая поездка показала, что к этому времени Троцкий оказался в политической изоляции. Правительства буржуазных стран видели в нем своего врага, который готовит против них заговор. Коммунисты же Западной Европы видели в нем раскольника Коминтерна. Советское правительство связывало приезд Троцкого в Копенгаген с подготовкой им очередной акции против СССР.

Когда Троцкий прибыл в Данию, то члены королевской семьи потребовали его выдворения, как лица, ответственного за убийство царя, который был сыном датской принцессы. Советское же посольство сделало представление социал-демократическому правительству о нежелательности присутствия в Дании человека, организующего подрывную деятельность против СССР. Датские коммунисты поддерживали это заявление.

Его лекция, которую он произнес на немецком языке, была последним выступлением Троцкого в массовой аудитории. Стараясь придать академический характер своему выступлению, Троцкий избегал обычных для него ораторских приемов. Однако он постарался придать своей лекции полемическую направленность против Сталина и «сталинизма».

О чем бы ни писал и ни говорил Троцкий теперь, он неизменно сворачивал на тему своего противостояния со Сталиным. Даже, когда в своем «Открытом письме» 1930 года Троцкий предупреждал об опасности фашизма в Европе и нацистской партии Гитлера, он

переносил акцент своего анализа на критику политики Коминтерна и руководства ВКП(б). Разумные призывы Троцкого к единому антифашистскому фронту отходили на второй план, уступая демагогическим требованиям, чтобы Красная Армия осуществила вооруженное вмешательство в Германию для предотвращения победы партии Гитлера на выборах в рейхстаг. Отказ Советского правительства провести мобилизацию Красной Армии после прихода Гитлера к власти был расценен Троцким как крупная ошибка Сталина. К заглавию статьи «Трагедия германского пролетариата», посвященной приходу Гитлера к власти, Троцкий добавил подзаголовок: «Германские рабочие поднимутся снова – сталинизм никогда!».

Атакуя «сталинизм», Троцкий терял чувство меры. Несомненные достижения советских людей, сумевших в кратчайшие сроки добиться превращения своей страны в одну из развитых стран мира и с одной из самых сильных и технически оснащенных армий, принижались им и объяснялись исключительно достоинствами марксистской теории. Он отказывался признавать высокие качества советских трудящихся, носителей традиций народной культуры. Он никогда не забывал высказаться по поводу хронической отсталости России, а также об утрате рабочим классом России тех замечательных свойств, проявленных им лишь в Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. Отрицая сильные стороны советских организаторов производства, выходцев из народа, он постоянно твердил о «термидорианском перерождении правящей советской бюрократии».

Как и князь Курбский, который, по свидетельству поэта А. К. Толстого, «от царского гнева бежал» и в «литовском стане» писал Ивану Грозному «послания полные яду», Троцкий большую часть своих сил посвятил сочинению работ, проклиная «сталинизм» и его творца – Сталина. В своих объяснениях причин победы Сталина и оценке его личности Троцкий терял даже остатки объективности. Говоря о своих впечатлениях от чтения первой статьи Сталина, Троцкий писал: «Статья останавливала на себе внимание главным образом тем, что на сером, в общем, фоне текста неожиданно вспыхивали оригинальные мысли и яркие формулы. Значительно позже я узнал, что статья была внушена Лениным и что по ученической рукописи прошлась рука мастера».

«Серый» Сталин был лишен главного, с точки зрения Троцкого, дара: он «не был оратором и терялся перед лицом массы». По словам Троцкого, он лишен был и других достоинств: «Ни теоретического воображения, ни исторической дальнозоркости, ни дара предвосхищения у него нет… В области познания, особенно лингвистики, малоподвижный ум Сталина всегда искал линии наименьшего сопротивления… Сила воли Сталина не уступает, пожалуй, силе воли Ленина. Но его умственные способности будут измеряться какими-нибудь десятью-двенадцатью процентами, если принять Ленина за единицу измерения. В области интеллекта у Сталина новая диспропорция: чрезвычайное развитие практической проницательности и хитрости за счет способности обобщения и творческого воображения».

Эта умственно ущербная личность, по мнению Троцкого, была наделена и множеством моральных изъянов: «Ненависть к сильным мира сего всегда была его главным двигателем как революционера, а не симпатии к угнетенным». Соединение злобной души и серого ума проявлялось и в поведении Сталина: «Он чувствует себя провинциалом, продвигается вперед медленно, ступает тяжело и завистливо озирается по сторонам… В Политбюро он почти всегда оставался молчаливым и угрюмым. Только в кругу людей первобытных, решительных и не связанных предрассудками, он становился ровнее и приветливее. В тюрьме он легче сходился с уголовными арестантами, чем с политическими. Грубость представляет органическое свойство Сталина».

Для подтверждения своих утверждений Троцкий сбивался на тон склочного соседа по подъезду. Он сообщал о том, как Сталин нарушал постановление и заставлял шофера въезжать под арку в Кремле после 11 часов вечера (что беспокоило Троцкого), подробно приводя свою перепалку с несчастным водителем. Троцкий повторял рассказы секретаря Сталина о поведении Генерального секретаря у себя дома и вводил читателей в курс тяжбы о

квартире Сталина в Кремле, в которой участвовала жена Троцкого, Седова.

Поскольку поверить в реальность столь однозначного описания Сталина было трудно, Троцкий объяснял, что столь неправдоподобное сочетание глупости и низости возможно лишь в искусственной конструкции: «Аппарат создал Сталина. Но аппарат есть мертвая машина, которая… не способна к творчеству… Сталин есть самая выдающаяся посредственность бюрократии».

Троцкий не желал замечать, что его собственное поражение объяснялось в том числе и многими сильными чертами Сталина, в частности, его терпением, его умением дотошно и глубоко изучать любой вопрос государственного значения, в том числе с помощью внимательного выслушивания мнений специалистов этого дела, его выдержкой и сдержанностью, то есть тех качеств, которых так не хватало самому Троцкому. Однако в своей критике Сталина Троцкий опирался на голословные утверждения, подкрепленные лишь бытовыми сплетнями и хлесткими фельетонными фразами.

Подобным же нападкам подвергались и люди из окружения Сталина. Вероятно, для ряда критических замечаний Троцкого в их адрес были основания. Многие из руководителей, поднявшиеся на волне Октябрьской революции и Гражданской войны, были далеки от совершенства. Однако, утверждая о непреодолимом водоразделе между «сталинской гвардией» и своими сторонниками по деловым, общекультурным, моральным и прочим качествам, Троцкий допускал неоправданное преувеличение. Ни образование, ни профессиональный и жизненный опыт, ни уровень общей культуры, ни их реальные достижения не позволяли Антонову-Овсеенко, И. Смирнову, Склянскому, Розенгольцу и другим вождям Реввоенсовета и Цектрана претендовать на более высокие качества, чем «сталинская гвардия» в лице Молотова, Ворошилова, Кагановича, Куйбышева и других деятелей политбюро. Проклятия в адрес «сталинской бюрократии» помогали Троцкому объяснить собственный провал. Троцкий старался убедить своих читателей, что лишь тупая и серая публика была не способна оценить его отвергнутый талант и восхищаться такой «посредственностью», как Сталин.

Но Троцкий был занят не только сочинением памфлетов в адрес Сталина и переписыванием истории с тем, чтобы доказать свою выдающуюся роль в революции и ничтожность своих соперников. Он хотел победить Сталина и его систему не только в прошлом, но и в настоящей жизни. Оказавшись за пределами СССР, он предпринимал попытки взять реванш в новой партии политической игры.

Уже в июле 1929 года зарубежные друзья Троцкого, прибывшие в Принкино, помогли ему организовать издание «Бюллетеня оппозиции», превратившегося в трибуну яростных нападок на Советское правительство. «Бюллетень» нелегально доставлялся в Москву.

Как утверждал Дейчер, ссылаясь на личный опыт, даже в коридорах аппарата ЦК ВКП(б) обсуждали последние номера «Бюллетеня»: «Члены партии, возвращавшиеся из загранкомандировок, особенно сотрудники посольств, контрабандой провозили «Бюллетень» и распространяли его среди друзей».

В «Бюллетене оппозиции» публиковались письма и статьи троцкистов, которые они направляли из СССР. Как отмечал Дейчер, «убежденные троцкисты, поддерживавшие переписку со своими лидерами из тюрем и исправительных колоний, направляли ему коллективные поздравления по случаю годовщины Октября и Первого мая; их имена появлялись под статьями и «тезисами» в «Бюллетене оппозиции»… Почти в каждом номере «Бюллетеня» Троцкий помещал публикации Раковского.

Л.Д. Троцкий поддерживал связь со своими сторонниками в СССР. Об этом свидетельствовали арест и расстрел летом 1929 года Я. Блюмкина – убийцы посла Германии в РСФСР Мирбаха, а затем начальника личной охраны Троцкого, задержанного при попытке доставить письмо от своего бывшего шефа его сторонникам в СССР. Известно также, что Л.Д. Троцкий установил регулярную связь с И.Н. Смирновым, который в 30-х годах работал директором Горьковского автозавода. Материалы, пересланные И.Н. Смирновым, публиковались в «Бюллетене оппозиции». По свидетельству И. Дейчера, «вплоть до конца

1932 года Троцкий поддерживал контакт со своими последователями в Советском Союзе, получал письма и бюллетени из многих мест ссылок и тюрем».

Находясь в Принкипо, Троцкий был занят не только перепиской. Здесь он написал свои наиболее крупные работы. В 1930—1932 годах в Берлине вышла его автобиография «Моя жизнь», первый том «Истории русской революции», «Сталинская школа фальсификации». Во всех этих произведениях Троцкий атаковал Сталина, других советских руководителей и сталинизм.

Литературная и политическая деятельность Троцкого стала предметом разбирательства соответствующих органов СССР, и 20 февраля 1932 года правительство СССР официально лишило Троцкого, его жену и всех его родственников, находившихся за границей, советского гражданства.

Тогда за границей, помимо Троцкого, Седовой и их сына Льва (Сергей оставался в СССР), находилась и дочь Троцкого от первого брака Зинаида, которая проходила лечение в Берлине (у нее была болезнь легких и одновременно существовали проблемы с психикой). Еще в июне 1932 года ее сводный брат Лев уговаривал ее выехать из Берлина ввиду обострившейся там политической обстановки и возможных преследований со стороны полиции. Он настоятельно рекомендовал Зинаиде переехать в Вену. Однако Зинаида не внимала этим советам. Между тем страхи перед нацистами и перед коммунистами заставляли берлинскую полицию принимать повышенные меры безопасности. Информация о том, что в столице Германии живет дочь Троцкого, всполошила берлинские власти, и в самом конце 1932 года они потребовали, чтобы Зинаида со своим маленьким сыном Всеволодом покинула Берлин. В ответ 5 января 1933 года психически неуравновешенная женщина, отведя ребенка к соседям, отравилась газом. В гибели своей дочери Троцкий обвинил… правительство СССР.

Он написал письмо «всем членам ЦК ВКП(б), всем членам ЦКК ВКП(б), президиуму ЦИК СССР», в котором утверждал, что берлинская полиция действовала по наущению советского посольства. Он называл «преследование… дочери моей» актами «обнаженной мести».

К этому времени борьба Троцкого против советского руководства приобрела откровенный характер деятельности по подготовке государственного переворота. В 1932 г. в «Бюллетене оппозиции» было опубликовано анонимное письмо из СССР (ее автор был И.Н. Смирнов), в котором говорилось: «Ввиду неспособности нынешнего руководства найти выход из нынешнего экономического и политического тупика, растет убеждение в необходимости сменить партийное руководство».

Троцкий знал о том, что осуществление первой сталинской пятилетки столкнулось с немалыми трудностями. Быстрый рост промышленного производства не поспевал за ростом сельскохозяйственной продукции. Поэтому правительство СССР взяло курс на ускоренную коллективизацию крестьянских хозяйств, видя в этом способ быстро осуществить их механизацию, а стало быть, и увеличение производства товарной продукции зерна и другого продовольствия. Однако ускорение коллективизации, проводившейся часто под грубым административным нажимом, вызвало массовое недовольство крестьян, переходившее в восстания в ряде мест. Крестьяне резали скот, чтобы он не стал колхозной собственностью. Темп коллективизации был снижен, но ущерб от ускорения коллективизации в конце 1929–начале 1930 годов был уже нанесен и долго напоминал о себе в последующие годы.

Перебои в снабжении сельскохозяйственной продукцией отразились на темпах выполнения первого пятилетнего плана. Сельскохозяйственная продукция из колхозов и частных крестьянских хозяйств изымалась с применением жестоких административных мер. Обычное для России чередование урожайных лет с неурожайными и периодическим возникновением голода в деревне обернулось в этих условиях тяжелым голодом в ряде больших районов страны и гибелью населения. Недовольство в стране росло. Не только члены разгромленных оппозиционных группировок, но и ряд политических деятелей, находившихся у власти, в своих распространявшихся тайно программных заявлениях все

острее атаковали Сталина и других руководителей страны и предлагали свои решения, как выйти из сложившейся острой ситуации. Как и в ходе дискуссий 20-х годов рецепты выхода из кризиса зачастую прикрывали стремление их авторов занять властное положение в стране.

Получая информацию из СССР о массовом голоде в деревне, трудностях в выполнении первого пятилетнего плана, брожении среди всех слоев населения, в том числе и среди членов партии, Троцкий решил, что момент реванша близок. При этом он делал ставку не столько на своих единомышленников, уже давно исключенных из партии и утративших государственные посты, а на тех амбициозных людей из советских верхов, которые стремились воспользоваться текущими трудностями для прихода к власти. В марте 1933 года он обратился с открытым письмом к работникам партийного аппарата, заявив: «Сила Сталина всегда была в механизме, а не в нем самом… В отрыве от механизма… Сталин ничего из себя не представляет… Настало время пересмотреть всю советскую систему и беспощадно очистить ее от всей грязи, которой она покрыта. Настало время воплотить в жизнь последний и настойчивый завет Ленина: «Убрать Сталина!»

Видимо, стремление быть ближе к центрам мировой политической жизни, откуда он мог воздействовать на события в СССР, заставило Троцкого покинуть Турцию и в июле 1933 года он переехал во Францию. Вскоре, вместе со своим сыном Львом, Троцкий развил энергичную деятельность по созданию IV Интернационала. Опираясь на своих сторонников, исключенных за троцкизм из различных партий Коминтерна, Троцкий попытался создать альтернативное международное коммунистическое движение. Хотя во второй половине XX века троцкистское движение во всем мире численно возросло и даже в ряде стран превратилось в значительную политическую силу, как отмечал НА. Васецкий, «в конце 30-х годов троцкистов было не более 3 тысяч». Было очевидно, что Троцкий сплотил вокруг себя не массовые партии, а ряд профессиональных политиков, которые в дальнейшем могли сыграть роль лидеров таких партий. Однако идея мировой революции под водительством Троцкого не захватывала умы широких масс в 30-х годов.

В то же время Троцкий пытался восстановить не только связи со своими сторонниками, исключенными из коммунистических партий, но и с руководителями социалистических и социал-демократических партий Западной Европы, которые могли снова ввести его в круг «большой политики», как это было до революции 1917 года. Среди них были те, кто в дальнейшем сыграл значительную роль в политической жизни западноевропейских стран: например, будущий премьер-министр Бельгии и генеральный секретарь НАТО Анри Спаак, видный писатель и будущий министр культуры в правительстве де Голля Анри Мальро, будущие видные деятели лейбористской партии Великобритании и другие. Менее заметным в окружении Троцкого была фигура Фреда Зеллера из Франции, который затем вошел в секретариат IV Интернационала. Сын видного деятеля французского масонства, Зеллер сам был масоном и затем достиг высших постов в иерархии «вольных каменщиков» Франции.

Казалось, что, как и 30 лет назад после своего возвращения «обратно» в Западную Европу из России, Троцкий устанавливал связи, которые могли ему помочь вернуться «туда» триумфатором. В октябре 1933 г. Троцкий объявил в «Бюллетене оппозиции» о необходимости создать подпольную партию. Он подчеркивал, что «не осталось нормальных конституционных путей для устранения правящей клики. Только сила может заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда».

Исходя из того, что «сталинизм слаб», потому что «у него корни в рабочем классе, а больше нигде», Троцкий строил свои планы на провоцировании выступлений рабочих против советского строя. В этом случае, считал Троцкий, «сталинский аппарат окажется в вакууме» и оппозиция при поддержке народного давления сможет победить даже без революции и Гражданской войны. Однако Троцкий отдавал предпочтение другому варианту действий: «Если Сталин и его сторонники, несмотря на их изоляцию, будут цепляться за власть, оппозиция сможет их устранить с помощью «полицейской операции».

В убийстве члена политбюро ЦК ВКП(б) С.М. Кирова в Ленинграде 1 декабря 1934 года Троцкий увидел начало конца Сталина. Л.Д. Троцкий уверял, что «прекращение

видимой политической борьбы» не означало «стабилизацию режима… Частые террористические акты против представителей власти имеют большое значение. Самым известным из них стало убийство Кирова, умного и безжалостного ленинградского диктатора, типичного представителя своей корпорации… Как и в царское время, политические убийства являются безошибочным симптомом грозовой атмосферы и предсказывают начало открытого политического кризиса».

Арест убийцы Кирова Николаева и установление связей между ним и сторонниками Зиновьева привели к аресту последнего, а также Каменева. Зиновьевцев, а затем и троцкистов стали обвинять в причастности к убийству Кирова и ведении подрывной антигосударственной деятельности. Между тем работники НКВД, которые задолго до 1 декабря 1934 года имели достаточно оснований, чтобы заподозрить Николаева в намерении убить Кирова, и не предпринимали никаких мер, оставались безнаказанными.

Многое свидетельствовало о том, что за убийством Кирова стояли лица, занимавшие видные государственные посты и стремившиеся к высшей власти. Убийство Кирова было, в частности, на руку руководителю НКВД Г.Г. Ягоде, который мог воспользоваться широкомасштабными репрессиями против «тайных врагов» для усиления своей власти. Один из бывших работников НКВД А. Рыбин в конце 80-х гг. привел убедительные свидетельства того, как Ягода вел подготовку к государственному перевороту, намеченному на 1 мая 1936 г. Другой сотрудник НКВД А. Орлов (Лев Фельбин), сбежавший из СССР в 1938 г., на страницах журнала «Лайф» в 1956 г. утверждал, что в недрах НКВД сложился заговор с целью свержения Сталина.

Вряд ли нарком внутренних дел действовал в одиночку. То обстоятельство, что Генрих Ягода был единственным подсудимым, который не был реабилитирован в 1988 году в ходе реаблитации остальных членов так называемого право-троцкистского антисоветского центра, косвенно свидетельствует о том, что обвинения, прозвучавшие во время московского процесса в марте 1938 г., о связях Ягоды с Троцким и его сторонниками имели основания. Не исключено, что фраза Троцкого о необходимости устранить Сталина с помощью «полицейской операции» исходила из участия Ягоды в заговоре Троцкого против советского руководства.

Возможно, что у Троцкого имелись связи и с участниками другого заговора, который сложился к этому времени в наркомате обороны. На основе сведений, которыми располагали в верхах нацистской Германии, Пауль Карелл (Пауль Шмидт) утверждал в своих книгах, что с начала 30-х гг. ряд крупных военачальников Красной Армии (Тухачевский, Гамарник, Блюхер и другие) стали предпринимать действия, направленные на изменение советского строя. Он писал, что «сфальсифицированное досье», которое гестапо передало через президента Чехословакии Э. Бенеша Сталину для компрометации видных военных руководителей, «не явилось причиной процесса и осуждения Тухачевского и его друзей… Корни трагедии уходили гораздо глубже. Они вели к настоящей и беспощадной борьбе за власть между двумя мощными противниками», завершившейся «жестоким поражением единственной силы, которая могла свергнуть Сталина».

Как утверждал П. Карелл, создание в 30-х годах Я.Б. Гамарником при поддержке М.Н. Тухачевского особых вооруженных сил на Дальнем Востоке численностью более 100 тысяч человек, основой которых являлись резервисты, расселенные в армейских сельских хозяйствах, «явилось идеальным орудием для любого генерала с политическими амбициями». «С 1935 года Тухачевский, – по словам Карелла, – создал своего рода революционный комитет в Хабаровске… В его состав входили высшее административное начальство и военные власти». При этом предполагалось, что в момент государственного переворота выступление в СССР будет поддержано адекватными действиями германских военных.

За 10 лет тайного сотрудничества с руководством рейхсвера в рамках тайного соглашения Секта – Радека 1923 г. (его действие было прекращено после прихода Гитлера к власти) многие видные деятели РККА установили дружеские отношения с немецкими

военачальниками. Это обстоятельство помогло Тухачевскому в ведении переговоров с германскими генералами в период подготовки им заговора. (Подробнее о заговорах Ягоды и Тухачевского автор писал в книге «Сталин. На вершине власти». М.: Вече, 2002).

Неизвестно, в какой степени Троцкий был осведомлен об этом заговоре, но не исключено, что его связи с руководящими деятелями Красной Армии позволяли ему быть хорошо осведомленным об этих событиях и даже быть соучастником их. Преувеличенное внимание к фигуре Троцкого в ходе московских процессов в 1936 году, с одной стороны, отбрасывание всех свидетельств о его причастности к заговорщической деятельности против советского руководства после реабилитации основных участников этих процессов, с другой стороны, ныне чрезвычайно затрудняет поиск истины.

Нелегко было разобраться в правде и в то время. Массовые исключения из партии и аресты бывших сторонников Троцкого в 1935—1936 годах лишь отвлекали внимание от тех, кто готовил государственный переворот. Словно соревнуясь друг с другом, руководители областных и республиканских комитетов партии докладывали о разоблаченных троцкистах.

Позже Сталин признавал, что многие из исключенных в ту пору из партии были обвинены в троцкистских взглядах огульно. Он замечал: «Мы за это время понаисключали десятки, сотни тысяч людей, …мы проявили много бесчеловечности, бюрократического бездушия в отношении судеб отдельных членов партии, …за последние два года чистка и обмен партбилетов – 300 тысяч исключили». Обращаясь к руководителям партии местного и высшего состава, Сталин заявлял: «Вот все эти безобразия, которые вы допустили, – все это вода на мельницу наших врагов… Все это создает обстановку для врагов – и для правых, и для троцкистов, и для зиновьевцев, и для кого угодно».

Сведения об исключении 10 тысяч троцкистов из Московской партийной организации, которые огласил первый секретарь МК и МГК ВКП(б) Н.С. Хрущев в докладе 30 декабря 1935 года, и другие подобные рапорты радовали Л.Д. Троцкого. В «Бюллетене оппозиции» Л.Д. Троцкий писал: «Среди 10—20 тысяч «троцкистов», исключенных за последние месяцы, не более нескольких десятков, а возможно, нескольких сотен… людей старого поколения, оппозиционеров образца 1923—1928 годов. Масса состоит из новобранцев».

Причины радости Троцкого И. Дейтчер объяснял так: «В течение десяти лет Сталин держал троцкистов за решеткой и колючей проволокой… и почти добился изоляции их от общества. Казалось, что к 1934 году троцкизм был выкорчеван. Однако… парадоксальным образом большие чистки и массовые высылки, которые прошли после убийства Кирова, дали новую жизнь троцкизму. Окруженные десятками и сотнями тысяч новых изгнанников, троцкисты больше не чувствовали себя изолированными. К ним присоединилась масса капитулянтов, которые с огорчением признавали, что дела не дошли до такого состояния, если бы они держались вместе с троцкистами. Оппозиционеры более молодого возраста, комсомольцы, которые повернули против Сталина много позже после разгрома троцкизма, «уклонисты» различного вида, обычные рабочие, высланные за мелкие нарушения трудовой дисциплины, недовольные и ворчуны, которые начали политически мыслить лишь за колючей проволокой, – все они образовывали огромную новую аудиторию для троцкистских ветеранов».

Троцкий продолжал внимательно следить за событиями в СССР, используя гласную и тайную информацию и продолжая готовить свержение Сталина и его сторонников. Однако деятельность Троцкого по подготовке государственного переворота в СССР и его пребывание во Франции оказались под угрозой после подписания в мае 1935 г. Советско-французского договора о взаимной помощи. Троцкий имел основание полагать, что после подписания этого договора французское правительство прислушается к просьбам Советского правительства и вышлет его за пределы страны. Выслать Троцкого могли в одну из ее африканских колоний, и он почему-то решил, что его сошлют на Мадагаскар. В этих условиях Троцкий решил весной 1935 года попросить убежища в Норвегии.

Несмотря на яростные протесты правых сил и коммунистов Норвегии, правящая Рабочая партия откликнулась положительно на просьбу Троцкого. Вскоре после его приезда

в конце июня в Норвегию его посетили три руководителя партии, включая будущего генерального секретаря ООН Трюгве Ли. Последний настойчиво объяснил Троцкому, что правительство Норвегии предоставило ему убежище на условии, что тот будет воздерживаться от политической деятельности, в том числе направленной против дружественных Норвегии держав. Троцкий это обещал. Позже он заявлял, что, делая это заявление, он имел в виду, что он не будет вмешиваться во внутриполитическую жизнь Норвегии. Однако он и не собирался прекращать свою политическую деятельность, главным в которой было стремление к захвату власти в СССР.

Троцкий прибыл в Норвегию не только с членами семьи, но и со своими секретарями, среди которых был и Фред Зеллер. Юный масон посетил СССР осенью 1935 года. Вернувшись из этой поездки в Норвегию, Зеллер затем направился в Париж, где представил секретариату IV Интернационала свое письменное предложение об организации убийства Сталина. Это предложение было рассмотрено на заседании секретариата и отвергнуто как «провокационное». Впрочем, мнение этой малочисленной и маловлиятельной организации, игравшей чисто символическую роль, мало что значило. Поскольку Зеллер прибыл с этим предложением в Париж из Норвегии после встречи с Троцким, то скорее всего оно уже получило одобрение его шефа. Вероятно, вынося это предложение на обсуждение секретариата IV Интернационала, Троцкий хотел получить одобрение своих единомышленников из других стран. В то же время отказ в таком одобрении вряд ли бы остановил Троцкого. Из этого также следует, что в организации заговорщической деятельности против Сталина активную роль играло международное масонство. Связным между «вольными каменщиками» и Троцким был Зеллер.

Тем временем подготовка заговора военных в СССР активизировалась. Пауль Карелл писал, что «весной 1936 года Тухачевский направился в Лондон в качестве главы советской делегации на похороны короля Георга V. Дорога туда и обратно вела его через Берлин. Он воспользовался этой возможностью для переговоров с ведущими немецкими генералами. Он хотел получить заверения в том, что Германия не воспользуется возможными революционными потрясениями в Советском Союзе в качестве предлога для похода на Восток. Для него главным было установление русско-германского союза после свержения Сталина».

В подтверждение этого П. Карелл приводит фразу, которую Тухачевский сказал министру иностранных дел Румынии Титулеску: «Вы не правы, что связываете судьбу своей страны с такими старыми и конченым державами, как Франция и Великобритания. Вы должны повернуться лицом к новой Германии. По крайней мере в течение некоторого времени Германия займет ведущее положение на европейском континенте».

Слухи о готовящемся заговоре военных в СССР стали распространяться в западноевропейских столицах. В этой обстановке в августе 1936 года состоялся процесс над участниками так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Зиновьев, Каменев, а также видные троцкисты, оказавшиеся на скамье подсудимых, обвиняли Троцкого в подготовке свержения существующего строя и террористических актов против Сталина и других членов политбюро.

Ряд показаний подсудимых вызывали сомнения. Так, подсудимые Гольцман, Давид и Берман-Юрин утверждали, что они получили инструкции от Троцкого о совершении террористических актов во время его пребывания в Копенгагене в ноябре 1932 года. Однако Троцкий мог без труда опровергнуть это заявление, обратив внимание на то, что отель «Бристоль», в котором Троцкий якобы давал эти инструкции, был давно снесен к 1932 году. В то же время много других обвинений в адрес Троцкого о его антигосударственной деятельности нельзя было так же легко опровергнуть.

После завершения процесса посол СССР в Норвегии Якубович потребовал немедленной высылки из страны Троцкого. Требовали удалить Троцкого и представители правых партий. Вопреки яростным протестам Троцкого в декабре 1936 года правительство Норвегии приняло решение выслать Троцкого. Принять Троцкого согласилась Мексика.

19 декабря 1936 года Троцкий покинул Норвегию на нефтеналивном танкере «Руфь», который 9 января 1937 года прибыл в мексиканский порт Тампико. Прежде всего Троцкий и его влиятельные друзья постарались сделать так, чтобы его пребывание в Мексике не стало столь же кратким, как и во Франции и Норвегии. Для этого надо было доказать беспочвенность обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских процессах.

В США, Великобритании, Франции, Чехословакии и других странах мира были созданы комитеты в защиту Троцкого. Эти комитеты сформировали в марте 1937 года объединенную комиссию. Помимо троцкиста А. Росмера в ее состав вошли лица, далекие от троцкизма, но имевшие немалый авторитет в западном обществе. Комиссию возглавил видный американский философ Джон Дьюи. Привлечение этих людей на защиту Троцкого свидетельствовало о наличии у него обширных связей с элитой ведущих стран Запада.

Комиссия приняла решение провести «контрпроцесс» для рассмотрения тех обвинений, которые были выдвинуты в ходе московских процессов 1936—1937 годов. Первоначально «контрпроцесс» было решено провести в большом зале в центре Мехико. Однако по соображениям безопасности заседания комиссии состоялись в доме, где жил Троцкий.

Правда, попытки Троцкого превратить заседания комиссии Дьюи в трибуну для собственного красноречия оказались неудачными. Обращаясь к людям, для которых привычные для него понятия марксистской философии, аргументы, понятные для советских революционеров, были глубоко чужды, Троцкий был вынужден отказаться от наиболее приемлемых ему приемов публичной речи. Кроме того, заседания шли на английском языке, которым Троцкий владел плохо. Дейчер писал: «Его словарный запас был ограниченным. Он путался в грамматике и словоупотреблении… День за днем, заседание за заседанием он искал нужное выражение и мучился, пытаясь преодолеть сопротивление чужого языка, часто останавливаясь или запинаясь, произнося невольно смешные фразы, а иногда заявляя нечто совершенно противоположное тому, что он хотел сказать, или не понимая вопросы, которые ему задавали. Казалось, что выступал Демосфен, который еще не излечился от заикания, но явился на суд, набив рот галькой».

Пытаясь подладиться под взгляды членов комиссии, Троцкий отмежевывался от своих планов мировой революции и объявлял, что он всегда исходил из того, что революция в той или иной стране может победить лишь в том случае, когда к этому есть объективные обстоятельства, но ее никогда не следует импортировать. В ответ на заявление члена комиссии профессора Карлетона Билса о том, что Троцкий направлял Бородина (М.М. Грузенберга) в 1919 году в Мексику для организации там революции, Троцкий стал энергично оправдываться. Поскольку такое обвинение могло быть чревато его очередной высылкой, он стал отрицать, что знал Бородина, хотя и слыхал о нем. Он заявлял, что ничего подобного он не планировал, а Бородин лгал. Он утверждал, что в это время он не покидал своего бронепоезда, что он изучал лишь карты фронтов и «почти даже забыл о географии мира». (Троцкий был уверен, что члены комиссии не знали о существовании его предложения 1919 года прорываться в Индию для развертывании там мировой революции и его других подобных планах.)

Комиссия заседала с 10 по 17 апреля и вынесла свой вердикт лишь в сентябре 1937 года. Члены комиссии признали необоснованными обвинения, выдвинутые против Троцкого в ходе московских процессов. Основная цель «контрпроцесса» была достигнута. Теперь в ответ на требования посольства СССР в Мексике о выдворении Троцкого правительство этой страны могло сослаться на доклад комиссии Дьюи. Однако расчет Троцкого на то, что материалы «контрпроцесса» получат широкий резонанс во всем мире, не оправдался. Дейчер признавал, что воздействие решения комиссии на мировое общественное мнение «было небольшим, если не ничтожным», поскольку в это время в мире, «за год до Мюнхена», люди «были больше озабочены судьбой Народного фронта во Франции и гражданской войной в Испании». Троцкий был этим раздражен и обвинял в «преступлении» и «политической слепоте» своего сына, который не слишком оперативно подготовил очередной номер «Бюллетеня оппозиции» с изложением решения комиссии Дьюи.

Несмотря на неудачу, Троцкий пытался доказать всему миру свою правоту. К этому времени вышла в свет его книга «Преданная революция. Что такое Советский Союз и куда он идет?», которая явилась последним крупным произведением Троцкого. Завершенная в начале августа 1936 года и содержащая ряд дополнений, написанных осенью 1936-го–весной 1937 года, эта книга, по оценке И. Дейчера, «занимала особое место в литературном творчестве Троцкого. В своей последней книге он сумел, по сути, завершить свое политическое завещание». В этой книге Троцкий наиболее полно изложил свою критику советского строя и правления Сталина. В то же время он постарался дать в книге ответ на обвинения, выдвинутые в ходе московских процессов 1936—1937 годов по делам «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и «параллельного» центра.

Как и обычно, Троцкий открывал свой анализ нынешнего состояния СССР проклятиями в адрес отсталого прошлого России:

«Историческая ответственность за это положение лежит, конечно, на черном и тяжелом прошлом России, его наследии темноты и бедности». Троцкий вновь подтверждал свою приверженность платформам оппозиции, в которых утверждалось, что, хотя СССР должен строить социализм и «систематически сокращать расстояние, отделяющее его от остального мира в области производительности труда», главная цель строительства – «ускорить пролетарскую революцию в Европе». Тогда «эта революция обогатит нас мировой техникой, и чем более истинным будет социалистический характер нашего строительства, тем больше мы продвинемся вперед как часть европейского и мирового строительства».

Отсутствию мировой революции, по мнению Троцкого, способствовали процессы, происходившие в массовом сознании Советской страны. «Классы, сформированные в варварских условиях царизма и отсталого капитализма», в том числе и «пролетариат, все еще отсталый во многих отношениях», не смогли долго выдержать напряжения революции. Усталость масс, «чрезвычайный взрыв надежд и доверия по отношению к мелкобуржуазным слоям города и деревни, вызванных к жизни нэпом», привели к ослаблению веры в мировую революцию. Настроения социальных слоев отразились и в социально-психологических переменах в руководстве страны. «На волне плебейской гордости поднялась «новая командная каста».

Этим Троцкий объяснял многие негативные стороны советской жизни. В этих объяснениях было немало демагогичности. Пока Троцкий стоял во главе «командной касты», он не находил ничего в ней порочного и готов был распространять наиболее жесткие формы административного контроля на все сферы жизни, включая быт людей. Перейдя в оппозицию, он сначала призывал преодолеть «чрезмерное усиление аппаратного централизма». Теперь же Троцкий призывал к свержению того режима, который он создавал и активно использовал для жестоких репрессий. Выдвигая программу «антибюрократической революции», которая должна была покончить с «термидорианской диктатурой», Троцкий не скупился на красивые лозунги и шел значительно дальше по сравнению с требованиями «писем», «заявлений» и «платформ» 1923—1927 годов.

Он, одним из первых выступивший за жесткое подавление политических соперников и прибегавший к беспощадным репрессиям, теперь обещал восстановить право на критику и истинную свободу выборов, возродить все «советские партии», «начиная с партии большевиков». Троцкий, выступавший за «милитаризацию труда» и «перетряхивание профсоюзов», призывал теперь дать простор для профсоюзной деятельности, ввести демократию в промышленности и радикально пересмотреть планы в интересах трудящихся. Троцкий провозглашал, что отныне экономические проблемы будут свободно обсуждаться. После антибюрократической революции, которую он предлагал осуществить, будут «строить жилье для рабочих вместо Дворцов Советов, новых театров и показных метро». Человек, с лихвой пользовавшийся своим привилегированным положением в советском обществе, когда подавляющая часть населения бедствовала, теперь заявлял, что «буржуазные нормы распределения» придут в соответствие с «лимитами строгой необходимости и уступят социалистическому равенству». Троцкий, никогда не возражавший против награждения его

орденами и принимавший многочисленные знаки его возвеличивания, теперь объявлял, что «звания будут немедленно упразднены, позолота украшений будет переплавлена».

Главной боевой силой в этой революции, считал Троцкий, должна стать молодежь. «Здоровым молодым легким, – писал Л.Д. Троцкий, – невыносимо дышать в атмосфере лицемерия, неотделимой от термидора, от реакции, которая все еще вынуждена носить одежды революции. Вопиющий разрыв между социалистическими лозунгами и реальной жизнью подрывает веру в официальные каноны. Значительная прослойка молодежи гордится своим презрением к политике, своей грубостью и хулиганским поведением. Во многих случаях, а может быть и в большинстве, индифферентность и цинизм – это первоначальная форма недовольства и скрытого желания к самостоятельности».

Получалось, что в планируемой революции, направленной против строя, Троцкого интересовала не вся молодежь, а та ее «прослойка», которая «гордилась» своей аполитичностью, грубостью и хулиганским поведением. Ориентируясь на настроения и стиль поведения этой прослойки, Троцкий предлагал программу перестройки общественной морали, позволяющей законсервировать незавершенность гражданского, морального, семейного состояния молодежи, превратив население страны в вечно незрелых, социально безответственных юнцов. В популярном в 40-е годы научно-фантастическом романе Лагина «Патент АБ» малолетние детишки с помощью гормонального препарата превращались в физически развитых людей, но сохранивших навеки инфантильный ум, и это делало чрезвычайно удобным их использование в армии и в сфере труда. Кажется, что Троцкий собирался проделать аналогичную операцию с молодым поколением страны, ликвидировав семью и уничтожив связь между поколениями.

«Термидорианская» бюрократия сурово осуждалась за меры, предпринятые в 30-е годы, по укреплению института семьи, который так упорно желали сокрушить ультрареволюционеры вроде Троцкого. «Революция предприняла героическое усилие разрушить так называемый семейный очаг– этот архаичный, затхлый, прогнивший институт, в котором женщина трудящихся классов выполняла свой труд как на галерах с детства до смерти», – утверждал Л.Д. Троцкий. Он огорчался, что работа не была доведена до конца. «К сожалению, – признавался он, – общество оказалось для этого слишком бедным и малокультурным». Справедливо отмечая недостатки в строительстве детских учреждений и сфере услуг, Л.Д. Троцкий переносил центр своей критики на «культ семьи», пропагандировавшийся в 30-х годах. Возмущаясь тем, что под лозунгом борьбы с левацкими искривлениями в вопросах семьи и морали, по его словам, сталинское руководство отвергло «азбучные основы» коммунизма, Л.Д. Троцкий иронизировал над «реставрацией седьмой заповеди» («не прелюбодействуй») в моральном кодексе советского общества.

Другим объектом его возмущения являлось то, что Л.Д. Троцкий называл «реставрацией пятой заповеди» закона Моисея («чти отца своего»). «Забота об авторитете старшего поколения» вызывала тревогу у Л.Д. Троцкого. Противопоставляя интересы молодежи задачам преемственности поколений, Л.Д. Троцкий писал о том, что бюрократия ведет «борьбу против молодежи».

Одновременно у Троцкого вызывала беспокойство «перемена политики в отношении религии». «Отрицание бога, его помощи и его чудес было острейшим клином, который революционная власть вбила между детьми и родителями», – подчеркивал Л.Д. Троцкий.

По мысли Л.Д. Троцкого, клин, отделивший молодежь от родителей и старшего поколения, должен был отколоть ее и от «переродившейся» власти. Эти задачи были связаны с решением важнейших политических задач, которые выдвигал Л.Д. Троцкий. Ориентируясь на аморальные и антиобщественные импульсы в поведении молодежи, Троцкий не скрывал своих надежд направить эти настроения в сферу политического терроризма. «Наиболее нетерпеливые люди с горячей кровью, неуравновешенные, чьи интересы и чувства задеты, поворачивают свои мысли к террористическому мщению» – так характеризовал Л.Д. Троцкий настроения советской молодежи середины 30-х годов. Троцкий прямо ставил

вопрос о том, что, встав в ряды движения за придание стране иного облика социализма, эти «нетерпеливые молодые люди» будут осуществлять новую революцию в стране.

В своей книге Троцкий разъяснял, кто будет идейным и политическим руководителем армии «нетерпеливых людей с горячей кровью». Троцкий приводил слова своего единомышленника Виктора Сержа, который, обращаясь к Западу, говорил: «Тысячи коммунистов первого часа, товарищи Ленина и Троцкого… защищают права рабочего класса. Я ничего не преувеличиваю. Каждое слово мое взвешено. Я могу подтвердить каждое из моих заявлений… доказательствами и именами… Мне ближе всего героическое меньшинство, …отличающееся энергией, глубиной, стоицизмом и верностью большевизму великой эпохи».

Из этих слов знающие читатели книги могли без труда догадаться, что речь идет о «большевиках-ленинцах», то есть членах оппозиции, которая уже в 1926 году стала создавать нелегальную организацию. Троцкий с очевидным удовлетворением сообщал «потрясающие новости», которые Виктор Серж «принес в Западную Европу». «Если это понадобится, они выдержат до конца. Даже если они не увидят новый революционный расцвет… революционеры Запада могут на них рассчитывать. Пламя будет гореть, хотя бы даже в тюрьмах. Они же рассчитывают на вас. Вы должны – мы все должны – защищать рабочую демократию… и когда-нибудь вернут Советскому Союзу его моральное величие и доверие рабочих». Эта группа «большевиков-ленинцев», опирающаяся на солидарность Запада, и должна была, по мысли Троцкого, стать политическим авангардом замышляемого им государственного переворота.

В своей книге Троцкий повторял: «Бюрократия может быть устранена только революционной силой». Он подчеркивал, что «возглавить ее и встать во главе масс в удобный исторический момент – вот задача советской секции IV Интернационала. Сегодня она еще слаба и загнана в подполье. Но нелегальное существование партии не означает, что ее нет. Просто это – тяжелая форма существования. Троцкий объявлял всему миру о том, что находящиеся в подполье его сторонники смогут в нужный момент действовать эффективно. «Чем смелее и решительнее будет атака, тем меньше будет жертв».

Троцкий старался убедить весь мир в том, что нелегальная троцкистская партия необыкновенно сильна и ничто не может сломить ее. Оправдывая исторической необходимостью организованные им массовые репрессии в период своего пребывания у власти, Троцкий объявлял, что носители государственной власти в СССР не могут ждать пощады от мщения троцкистов: «Репрессии могут оказаться полностью эффективными лишь в борьбе против класса, который исчезает со сцены, – это было полностью доказано революционной диктатурой с 1917 по 1923 год, но насилия против революционного авангарда не смогут спасти касту, которая, если только Советскому Союзу вообще суждено развиваться в дальнейшем, изжила себя».

В это время в СССР именно троцкисты признавались наиболее опасными внутренними врагами, ибо представляли собой наиболее реальную альтернативу сталинскому руководству внутри партии. По словам И. Дейчера, к 1936 году «троцкизм, даже не являясь организованной партией, как настроение, традиция и знамя был по-прежнему жив. И Сталин, и Троцкий знали, что при благоприятных условиях «настроение и традиция» могут легко превратиться в партию». Только троцкисты имели подполье внутри партии и, возможно, среди ее руководящих кадров. Троцкий руководил этим внутрипартийным подпольем. В своей книге и многочисленных статьях Л.Д. Троцкий уверял, что внутри страны созрели мощные силы, готовые под руководством законспирированной политической партии выступить против существующего строя.

Троцкий не ошибался относительно нарастания кризиса в руководстве. Книга Троцкого еще не вышла в свет, когда в январе 1937 года начался процесс по делу «параллельного» центра, среди участников которого находились лидеры многих оппозиционных групп 20-х годов. (Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Г.Я. Сокольников и другие). На этом процессе впервые было заявлено о связи «троцкистов» с военными. Давая свои показания, К.Б. Радек объявил,

что В.К. Путна был соучастником троцкистского заговора. Это напоминало о роли В. К. Путны и И.Э. Якира в июле 1927 года, поддержавших своими действиями оппозицию в тот момент, когда Троцкий выдвинул свой «тезис о Клемансо», фактическую заявку на государственный переворот в случае войны. На февральско-мартовском пленуме 1937 г. ЦК ВКП(б) Сталин заявил о том, что в рядах Красной Армии «имеются шпионы и враги государства».

Соперничавшие группировки, опираясь на административный аппарат, вели напряженную борьбу. По сведениям П. Карелла и А. Орлова, к заговорам военных и руководства НКВД присоединялись некоторые руководители областных и республиканских организаций. В их числе назывались Постышев, Косиор, Шеболдаев и другие. Самоубийство Г.Е. Орджоникидзе в разгар подготовки им доклада о вредительской деятельности троцкистов в промышленности могло убедить Сталина в том, что даже его старый друг оказался перед неразрешимой дилеммой: либо раскрыть миру правду о заговорах, либо спасти кого-то из близких ему людей и унести тайну о их заговорщической деятельности в могилу.

На февральско-мартовском пленуме Сталин обрушился с критикой на партийную верхушку, обросшую своими кланами, не желающую считаться с общегосударственными интересами и вольно или невольно скрывающую правду о подрывной деятельности. Сталин выдвинул программу перемен в партийном руководстве на основе широкого конкурса и переподготовки кадров. Хотя к этому времени Г. Г. Ягода уже смещен с поста наркома внутренних дел и заменен Н.Н. Ежовым, военно-политический заговор оставался нераскрытым, и эта программа встревожила заговорщиков.

По словам П. Карелла, «в марте 1937 года схватка между тайными агентами Тухачевского и Сталина приобрела особенно драматичный характер… На 1 мая 1937 года был назначен переворот против Сталина, главным образом потому, что первомайские парады позволяют передвигать существенные контингента войск в Москву, не вызвав подозрений. То ли по воле случая, то ли вследствие коварства Сталина, но произошла отсрочка планов. В Кремле было объявлено, что маршал Тухачевский возглавит советскую делегацию в Лондон для участия в церемонии коронации короля Георга VI 12 мая 1937 года. Тухачевский успокоился. Он отложил переворот на три недели. Это было его роковой ошибкой».

Есть и другие сведения о том, что переворот 1 мая 1937 года был предотвращен в последнюю минуту. П.Я. Мешик утверждал, что он был награжден первым орденом за то, что обезвредил террориста, готовившегося открыть огонь по трибуне Мавзолея Ленина 1 мая 1937 года. Очевидцы этого празднования на Красной площади запомнили напряженную обстановку. В какой-то момент на гостевых трибунах прошел слух, что вот-вот будет взорван Мавзолей. По словами английского журналиста Фицроя Маклина, присутствовавшего в этот день на Красной площади, «члены политбюро нервно ухмылялись, неловко переминались с ноги на ногу, забыв о параде и своем высоком положении». Лишь Сталин был невозмутим, а выражение его лица было одновременно «и снисходительным, и скучающе-непроницаемым».

4 мая документы на Тухачевского, направленные в посольство Великобритании в связи с его предполагаемым отъездом в Лондон, были отозваны. Вскоре маршал и ряд других видных военачальников, обвиненных в участии в заговоре, были арестованы. Вслед за ними последовали аресты Шеболдаева и других. Им инкриминировалась подготовка государственного переворота в союзе с Троцким и троцкистами.

Зачем же Троцкий объявлял в своей книге, вышедшей в свет в мае 1937 года, и в своих многочисленных выступлениях в печати до ее публикации о готовности партии троцкистов совершить государственный переворот? Если он готовил втайне выступление против И.В. Сталина и его руководства, зачем объявлять об этом во всеуслышанье? Если законспирированные троцкисты не представляли собой реальной силы, угрожающей советскому строю, правда могла легко раскрыться после разоблачения скоропалительных заявлений Троцкого. И все же создается впечатление, что эти заявления не были пустым

бахвальством авантюриста, запутавшегося в своих властолюбивых планах, а ходом опытного деятеля в безжалостной политической игре.

На что мог рассчитывать Л.Д. Троцкий, объявляя всему свету в конце 1936– начале 1937 года, что внутри Советского Союза сложилась революционная ситуация, что многие люди, в том числе члены комсомола и партии, стремятся к свержению существующего строя, а троцкисты готовы возглавить их борьбу против правительства Сталина? Троцкий прекрасно отдавал себе отчет о той обстановке, которая была характерна для Советской страны с первых же дней ее существования, когда непрекращавшиеся нападения извне и постоянные внутренние заговоры заставляли искать врагов в каждом подозрительном человеке. О том, как легко можно было убедить людей в том, что честные и преданные делу революции командиры и комиссары являются тайными врагами, он отлично знал по личному опыту: его многочисленные приказы о расстреле неугодных ему людей по надуманным или преувеличенным обвинениям обычно исполнялись без сомнений и приводились в исполнение.

Атмосфера всеобщей подозрительности особенно сгустилась в стране после убийства СМ. Кирова 1 декабря 1934 года. Тот факт, что Троцкий открыто выражал удовлетворение по поводу убийства популярного руководителя страны, лишь усиливал уверенность в том, что троцкисты направляли руку Николаева. Арест и осуждение в 1935—1936 годах наряду с рядом оппозиционеров лиц, не имевших никакого отношения к антипартийной и антигосударственной деятельности, ясно показывали Л.Д. Троцкому размеры подозрительности, беззаконий и возможные перспективы дальнейшего нагнетания обстановки.

Уверенность, с которой Троцкий в своих статьях объявлял о неминуемой победе тщательно законспирированного заговора оппозиционеров, даже после расстрела Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и других, обвиненных в августе 1936 года в связях с ним, должна была накалить обстановку подозрений до предела. Заявления Л.Д. Троцкого, который почти полтора десятка лет воспринимался руководителями Советской страны как главный руководитель заговора по подготовке государственного переворота, не могли не вызвать смятения в руководстве. Безумное рвение, которое проявляли новый нарком внутренних дел Н.И. Ежов и его сотрудники в поисках и «разоблачении» все новых и новых «троцкистов» и «троцкистских» центров, трудно объяснить лишь их личной жестокостью и жаждой орденов. Вероятно, над ними довлел страх оставить ненароком на свободе солдат тайной армии Троцкого, о боеготовности которой так уверенно объявлял ее командарм.

Атак как Троцкий в книге разоблачал явно фальсифицированные показания обвиняемых на процессах 1936—1937 годов о встречах с ним и его сыном, эти заявления возбуждали недоверие к органам безопасности, которых могли заподозрить в том, что, подсовывая грубые фальшивки, они пытались скрыть истинных троцкистов и их организации. Недоверие к органам безопасности вызывало лишь еще большую активность работников НКВД, над которыми нависала угроза последовать за своими жертвами.

Заявляя руководству Советской страны, что ее враги находятся внутри партии и в комсомоле, Л.Д. Троцкий провоцировал широкие репрессии, которые должны были ударить по наиболее преданным и активным членам общества. Став жертвами необоснованных репрессий, многие коммунисты могли превратиться на долгие годы во врагов правительства. Это способствовало бы тому, что в последующем активная часть общества с большей готовностью встала бы под знамена лидера, отвергнутого страной в 20-х годах.

Дейчер исходил из того, что массовые репрессии были на руку Троцкому. Он считал, что «лагеря становились школами и полигонами оппозиции, в которых троцкисты были бесспорными наставниками… Хорошо организованные, дисциплинированные и хорошо информированные в политическом отношении, они были настоящей элитой того большого слоя нации, который был брошен за колючую проволоку». Именно поэтому Троцкий был заинтересован в том, чтобы число политических заключенных множилось, в том числе и за счет жертв нелепых обвинений и необоснованных подозрений.

Словно следуя логике Ветхого Завета, троцкисты должны были провести своих новых последователей через муки и вывести их из плена для созидания нового, счастливого общества. В 1938 году в «Бюллетене оппозиции» Л.Д. Троцкий предрекал свержение Сталина и суд над ним: «Монументы, которые он воздвиг себе, будут свергнуты… А победоносный рабочий класс пересмотрит все процессы, публичные и тайные, воздвигнет памятники несчастным жертвам сталинского злодейства и позора на площадях освобожденного Советского Союза». Видимо, Троцкий не очень жалел те жертвы, которым затем воздвигались памятники, поскольку их число росло, в частности и благодаря ему.

Троцкий верно оценил последствия пересмотра многочисленных дел, осужденных в ходе репрессий 1936—1938 годов. Поскольку жертвами их стали представители политически влиятельного слоя советского общества, то к их судьбам отнеслись с гораздо большим вниманием и сочувствием, чем к жертвам «красного террора», творившегося при активном участии Троцкого. Бывшие организаторы массовых чисток реальных и мнимых троцкистов, такие как Хрущев, постарались укрепить свое политическое положение, спекулируя на судьбах репрессированных, а затем реабилитрованных людей. Стремясь же скрыть свою роль в этих репрессиях, они постарались свалить всю вину за них на Сталина, свергая монументы, созданные в его честь и заодно перечеркивая великие достижения Советской страны, совершенные под руководством Сталина.

Правда, постоянно предрекая крушение «сталинского режима», Троцкий исходил из того, что это событие произойдет скоро. Однако Троцкому не пришлось стать свидетелем этих событий. Не оправдались и другие его пророчества.

Активный пропагандист троцкизма Исаак Дейчер включил слово «пророк» в название каждой из своих трех книг, посвященных Л.Д. Троцкому. Сам Троцкий также высоко оценивал свою способность к прогнозированию, утверждая, что он и его сторонники «предложили гораздо более правильный анализ процессов, происходящих в стране, и гораздо более правильно предвидели их будущее развитие». Эти претензии на пророчество, умение верно предвидеть будущее можно легко проверить, сравнив прогнозы Троцкого о ходе мировой войны, сделанные им в 1936—1937 годах, и их реализацию.

Хотя Троцкий не верил в возможность СССР победить гитлеровскую Германию, он утверждал, что в случае такого почти невероятного исхода «поражение Германии в войне против Советского Союза неизбежно привело бы к крушению не только Гитлера, но и капиталистической системы». Как известно, поражение Германии и крах режима Гитлера не привели к гибели капитализма.

Оценивая же расстановку мировых сил накануне войны, Троцкий считал, что военный блок СССР с рядом ведущих капиталистических держав будет непрочным. По поводу договоров о взаимной помощи СССР со странами Запада он писал: «Они сохранят свою ценность в первый период военных операций, но нет сомнения в том, что группировка сил в решающей фазе войны будет определяться несравненно более значительными факторами, чем клятвы дипломатов, так как они являются лжесвидетелями по профессии… Империалистические противоречия, конечно, будут преодолены с помощью компромисса, чтобы воспрепятствовать военной победе Советского Союза».

На самом деле военно-политическое сотрудничество СССР с Великобританией, США, а затем и несколькими десятками капиталистических стран под флагом «Объединенных наций», несмотря на трения между союзниками, выдержало испытание мировой войной.

Если в чем-то Троцкий и оказался косвенно прав, так только в том, что военно-политическое сотрудничество СССР с другими странами не явилось решающим фактором в победе советского народа. Влиятельные силы на Западе старались сделать все, чтобы, как заявил 24 июля 1941 года будущий президент США, масон высшей 33-й ступени, Г. Трумэн, народы Германии и СССР убивали друг друга как можно больше. Однако, не веря в реальность союза СССР с державами Запада, Троцкий исходил из невозможности военной победы Советского Союза без внешней помощи.

Ошибся Троцкий и в других своих «пророчествах».

Прогноз Л.Д. Троцкого:

В случае войны «судьба Советского Союза будет решена в конечном счете не на картах генеральных штабов, а на карте классовой борьбы. Только европейский пролетариат… может защитить Советский Союз от разрушения или от удара в спину союзников… Война поможет революции».

Реальные события:

Судьба Советского Союза решилась прежде всего благодаря героическим усилиям советского народа. Революционные изменения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы произошли главным образом в результате освобождения значительной части этих стран Советской Армией.

Не веря в способность советских людей выдержать тяжелое испытание без помощи извне, Троцкий предрекал неизбежность разгрома советских армий.

Прогноз Троцкого:

«Трудно сомневаться в том, что военное поражение окажется фатальным не только для советской правящей прослойки, но и для социальных основ Советского Союза… Под влиянием острой нужды государства в предметах первой необходимости индивидуалистические тенденции крестьянской экономики получат существенную поддержку, и центробежные силы внутри колхозов будут возрастать с каждым месяцем… Другими словами, в случае долгой войны, если мировой пролетариат останется пассивным, внутренние социальные противоречия в Советском Союзе не только могут, но и должны привести к буржуазной бонапартистской контрреволюции».

«Если война будет лишь войной, поражение Советского Союза будет неизбежным. В техническом, экономическом и военном смысле империализм несравненно сильнее. Если империализм не будет парализован революцией на Западе, он сметет режим, который был порожден Октябрьской революцией».

Реальные события:

Несмотря на тяжелые человеческие потери, огромный ущерб, нанесенный хозяйству страны, ее экономическая, социальная и политическая структура выдержала испытания. Военная и экономическая помощь союзников не привела к подрыву позиций социалистического государства в экономике.

Из прогнозов Л.Д. Троцкого следует очевидный вывод: поскольку они являлись результатом не мистического озарения, а логично вытекали из всей суммы оценок, которые он давал положению СССР и других стран мира, очевидно, что и многие из этих оценок были изначально неверны. Его ошибочные прогнозы относительно возможных социальных взрывов Европы и Азии были связаны с преувеличением им революционного потенциала рабочего класса тех лет и недооценкой возможностей капиталистической системы.

Несостоятельность прогнозов Л.Д. Троцкого в отношении последствий войны для СССР свидетельствует и о его полном непонимании советского строя, его возможностей и воли советских людей к сопротивлению захватчикам. Убежденный в фатальной непрочности советской системы, полностью недооценивая силу советского патриотизма, Л.Д. Троцкий исключал возможность спасения СССР от гитлеровского порабощения без помощи восставшего пролетариата Европы. Он был не способен представить, что экономика страны, которая, несмотря на грандиозный рывок вперед в годы сталинских пятилеток, отставала по уровню производительности труда от капиталистических стран, смогла уже на третий год войны производить больше танков, самолетов, артиллерии, чем военная машина нацистской Германии, ее союзников и порабощенной Европы. Ослепленный своим презрением к «варварской» стране и его народам, он не сумел предвидеть того, что «отсталый» пролетариат и «дикое» крестьянство СССР смогли осуществить беспримерный в мире массовый воинский и трудовой подвиг. Вряд ли, не прибегая к обычным для него красивым демагогическим фразам и оскорбительным для народов СССР выражениям, он мог бы попытаться объяснить, почему советские люди проявили такой героизм на фронте и столько сознательной самоотверженности в тылу, отказывая себе во всем и работая до полного

истощения сил во имя победы над покорителями Западной Европы.

Преувеличивая «бунтарские» настроения советской молодежи, а тем более ее склонность к терроризму, Троцкий видел в ней лишь инструмент реализации своих властолюбивых планов. Те, кому было от 16 до 28 лет в 1936 году, принадлежали к поколению, подавляющая часть которого проявляла свою верность революционному идеалу совсем не в презрении к политике, хулиганском поведении, цинизме или террористических актах против руководителей страны. Свою преданность неразрывным для нее понятиям Родины и социализма молодежь выражала в беззаветной поддержке страны Советов, социалистического Отечества. При всех недостатках многих людей этого поколения, с типичными для их характеров категоричностью в суждениях, склонностью к некритичной вере в авторитеты, они выражали верность своим идеалам не в критике начальства, а в беспримерной требовательности к самим себе, в готовности к самоограничению и даже самопожертвованию.

Вопреки прогнозам Троцкого молодежь военных лет совершала террористические акции не против работников партаппарата, а против фашистских захватчиков и предателей Родины в тылу врага. Это молодое поколение составило основу Красной Армии и трудового фронта в советском тылу.

Пророчествуя о скором восстании советских людей против Сталина, Троцкий не понял роли своего антагониста в советском обществе. Он не признавал тот огромный авторитет, которым обладал Сталин среди советского народа. Он не сумел увидеть, что Сталин для подавляющего большинства советских людей был вождем, слово которого воспринималось как бесспорное суждение и неоспоримый приказ к действию. Великая Отечественная война, в ходе которой проявились лучшие качества Сталина как руководителя страны и полководца, лишь укрепила беззаветную веру и любовь миллионов советских людей к Сталину.

Анализ прогнозов Л.Д. Троцкого не только свидетельствует о порочности его концепций о советском обществе и мировом развитии, но и во многом объясняет причины его политического поражения. Выдающиеся достижения советского народа в мирном строительстве, его победа в годы Великой Отечественной войны продемонстрировали, что, несмотря на ошибки и провалы первых революционных лет, в стране был велик потенциал здоровых сил, который остановил приход к власти деятеля, открыто выдвигавшего программу полного подчинения интересов народов СССР авантюристическим расчетам на мировую революцию. Презрение Троцкого к народам СССР, их культуре плохо скрывалось им. Уже в 20-х гг. миллионы членов партии и беспартийных осознали, что программа Троцкого порочна и гибельна для страны.

Порочность расчетов Троцкого оказалась гибельной и для него самого. Не прекращавшаяся война против сталинского руководства, помимо прочего, свидетельствовала о фатальной переоценке Троцким собственных сил и недооценке своего противника. Нежелание признать свое поражение вынуждало Троцкого идти все дальше и дальше в безнадежной для него авантюристической игре, пытаясь свергнуть советский строй с помощью интриг и заговоров, «Бюллетеня оппозиции» и маломощного IV Интернационала.

Массовые обвинения советских людей в троцкизме, провоцируемые «Бюллетенем оппозиции», неизбежно должны были привести к тому, что и Троцкий станет жертвой этой «охоты». Уже 7 февраля 1935 года Троцкий записывает в своем дневнике, что, по-видимому, он будет убит агентами Сталина. Игра, которую вел великий комбинатор, уносившая тысячи жертв, становилась все более опасной и для него лично. Его последним прибежищем стал загородный дом его сторонника, художника Диего Ривера, в пригороде Мехико, Койоакане. Последний дом, в котором Троцкому довелось жить, пришлось превратить в настоящую крепость.

Объявленная Троцким антисталинская революция не состоялась. Многие его верные агенты исчезали в различных странах при таинственных обстоятельствах. Троцкий был убежден, что скончавшийся в Париже после операции аппендицита его сын Лева был убит его врагами. Младший сын Сергей, оставшийся в СССР и давно потерявший интерес к

политике, был арестован как «троцкист». По такому же обвинению была отправлена в лагерь и первая жена Троцкого – Александра Соколовская. Лишь внук Троцкого Сева, вывезенный по его настоянию в Койоакан, был живым напоминанием о его потомстве.

Вероятно, Троцкий ощущал дыхание смерти. Его обостренная интуиция подсказывала ему неизбежность скорого конца. После того как он покинул Принкипо и занялся заговорами против Сталина с той же энергией, с какой прежде организовывал оппозиционные платформы и блоки, лихорадки вновь стали преследовать его, как и во времена партийных дискуссий 20-х гг. Организм снова сигнализировал сознанию Троцкого, что он занят опасным делом.

В конце концов его физическое состояние стало внушать Троцкому тревогу за свою жизнь. Почти ровно за полгода до своей гибели, 27 февраля 1940 года, он составил свое завещание. В нем он исходил из того, что причиной его смерти будет не покушение, а естественная смерть. Он считал, что врачи ошиблись и его состояние значительно хуже, чем им кажется. Троцкий полагал, что скорее всего он скоро умрет от прогрессирующего атеросклероза. Он боялся, что его ждет судьба Ленина и у него будет развиваться паралич тела и органов речи. Как ни странно, но это интуитивное предвидение соответствовало физическим проявлениям долгой агонии Троцкого после нанесения ему рокового удара в голову 20 августа 1940 г.

Первое покушение на его жизнь произошло в ночь с 23 на 24 мая 1940 года. В тщательно охраняемую виллу ворвались люди с автоматами. В доме гремели автоматные очереди, взорвалась граната. Несмотря на то что террористам не было оказано сопротивления, ни Троцкий, ни Седова, ни внук Сева не пострадали. Инспектор мексиканской полиции, прибывший на место преступления, был поражен спокойствием Троцкого и собранной деловитостью, с которой тот объяснял детали покушения. У полисмена не было сомнений в том, что все, о чем ему сообщал Троцкий, было лишь имитацией покушения, так как никто в его многообразной практике не вел себя так спокойно, только что избежав смерти. Он был не прав. Причина спокойствия Троцкого объяснялась тем, что он был внутренне готов к смерти и, может быть, гораздо в большей степени, чем признавался в этом самому себе. Где-то помимо своего сознания он уже признал, что проиграл схватку со своим смертельным врагом, и поэтому спокойно ждал неминуемого исхода.

Не исключено, что, когда Троцкий писал в своем завещании о возможном кровоизлиянии в мозг как причине своей гибели, он подсознательно обратился к тем образам, которые давно засели в его сознании. Не исключено, что из глубин памяти всплыла прочтенная им в тюрьме масонская легенда о строителе Храма Соломона Адонираме, который был убит ударом кирки в голову. Возможно, что он вспомнил и те литературные образы, к которым прибегали он и его единомышленники в первые революционные годы. Тогда Бухарин провозглашал: «В революции побеждает тот, кто другому череп проломит». К подобному образу прибегал и Троцкий, который писал в «Известиях Петроградского Совета» от 30 октября 1917 года: «Врагу следует знать, что в любой момент на его череп может обрушиться железный прут». Троцкий вряд ли знал фразу Сталина, сказанную в начале 30-х годов иносказательно, о том, что «этого господина надо крепко стукнуть по голове», в октябре 1936 года в «Бюллетене оппозиции» было написано: «Сталину нужна голова Троцкого – это его главная цель». Позже в своем дневнике, 28 декабря 1938 года, он записал, что Сталин «пытается ударить не по идеям своего оппонента, а по черепу».

Но природная интуиция не дала Троцкому сигнала тревоги, когда он познакомился с Жаком Морнаром, другом его секретарши. Это не случайно. Жак Морнар, под именем которого скрывался испанский коммунист Рамон дель Рио Меркадер, не был профессиональным киллером, и наверное, этот человек менее, чем кто-либо, подходил для роли убийцы. По первоначальному сценарию покушения его роль была вспомогательной. Меркадер должен был лишь подробно описать дом Троцкого и типичный распорядок дня в доме. Однако после провала первого покушения на Троцкого агенты НКВД приказали

Меркадеру осуществить убийство.

Позже в окружении Троцкого вспоминали, что за неделю до убийства «Морнар» пришел в дом, судорожно сжимая в руке плащ, столь неуместный для августовского дня в Мексике. Потом стало известно, что в плаще были спрятаны различные орудия убийства. «Морнар» был бледен, и все считали, что он болен.

Вероятно, любая наигранность в поведении «Морнара» вызвала бы интуитивные подозрения у Троцкого. «Морнар» не скрывал отсутствия у него интереса к троцкизму, и ему поверили, потому что это было правдой. «Морнар» не скрывал, что у него секретные связи, и ему поверили, решив, что он – ограниченный человек, не способный проявлять интереса к учению Троцкого, имеет контакты с контрабандистами или спекулянтами. Когда «Морнар» все же заинтересовался троцкизмом и написал статью на темы мировой революции, Троцкий, прочитав его опус, убедился в его «серости» и лишь из добрых чувств к своей секретарше стал выправлять эту работу.

Между тем истории было угодно избрать убийцей Троцкого человека далеко не «серого». О нем осталось известно немного прежде всего потому, что он был необычайно скрытен. Ни побои, которым его подвергли охранники Троцкого, ни допросы в мексиканской полиции, ни 20 лет пребывания в тюрьме, ни даже представленные доказательства его личности не заставили его признаться, что он не Жак Морнар. Психологи зарегистрировали у него необычайно высокий уровень интеллекта и феноменальную память. Тюремные власти поражались его способности, увидев новый вид оружия, через минуту разбирать и собирать с завязанными глазами. Неизвестно, какие еще таланты скрывала эта натура, судьба которого была так же безжалостно исковеркана, как и у многих, попавших в водоворот войн и революций XX века. Но именно такая не актерствующая личность, умеющая скрывать свои достоинства, а не выставлять их напоказ, воспринималась Троцким как часть серого людского фона и не могла ощущаться как смертельная угроза. Не оценив вовремя достоинств, а поэтому и опасности того, кто отдал приказ о его уничтожении, он не увидел угрозы и в исполнителе этого приказа. Шахматная игра, в которой полем был весь земной шар, а люди – фигурами, была проиграна, а Троцкий не замечал, что рядом стоявшая пешка чужого цвета и ей достаточно было сделать один ход, чтобы поставить Троцкому мат.

20 августа 1940 года Меркадер снова появился в доме Троцкого. Он опять выглядел бледным и опять сжимал в руке плащ, столь неуместный для тропического лета. Он вошел в кабинет Троцкого, дал ему на прочтение свою рукопись и стал за спиной Троцкого. Затем, закрыв глаза и сжав в руке альпеншток, Меркадер нанес им сильный удар по голове Троцкого. Удар не был смертельным. Обливаясь кровью, Троцкий закричал. Позже этот крик долго мучил Меркадера в ночных кошмарах. Троцкий стал швырять в него первые попавшиеся ему под руку предметы. На крик Троцкого вбежали охранники. Они сбили с ног Меркадера и стали его избивать. Троцкий успел сказать: «Узнайте, кто его послал!»

Охрана попыталась выполнить приказ шефа до прибытия полиции, но, несмотря на жестокие побои, Меркадер молчал. Тем временем прибыли врачи, пытавшиеся спасти Троцкого. Он был помещен в больницу. В точном соответствии со своим предвидением у Троцкого отнялись конечности, затем он потерял дар речи. На следующий день 22 августа 1940 года в 7 часов 25 минут вечера по местному времени Троцкий умер.

ЖИВУЧИЕ МИФЫ

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Бурные события Второй мировой войны, а затем начавшаяся сразу после ее окончания «холодная война» надолго отвлекли внимание мирового общественного мнения от Троцкого, его деятельности и перипетий его жизни. Троцкизм и Троцкий, казалось, были забыты повсеместно, если бы преподаватели истории в нашей стране не заставляли школьников и

студентов запоминать названия оппозиций и заучивать имена тех, кто возглавлял разные «уклоны». Правда, за границей существовали различные троцкистские группировки, но они были малочисленными, враждовали друг с другом и казались обреченными на скорое исчезновение с исторической сцены.

Тем неожиданнее было возрождение популярности Троцкого среди студентов, взбунтовавшихся в 1968 году в более чем 50 странах мира. Портреты Троцкого замелькали на телеэкранах, изображавших баррикадные бои в Париже, волнения в Мехико, выступления в калифорнийском университете в Беркли. Казалось Троцкий вернулся, но не как реальная, а мифологизированная фигура.

Миф о Троцком начал складываться еще при его жизни, и сам Троцкий приложил немало усилий для его создания. Как и во всяком мифе реальные черты его личности, его жизни и деятельности подгонялись под законы этого жанра. Раздражительность, капризность, болезненная изломанность Троцкого, во многом обусловленные его хроническим нервным заболеванием, исчезали, уступая величественной монументальности. Дилетант в военных вопросах, допустивший немало крупнейших ошибок в стратегии и тактике и сочинявший фантастические планы боевых операций в далеких краях, превращался в талантливейшего полководца всех времен и народов, «красного Бонапарта». Троцкий, не получивший высшего образования и способный необыкновенным апломбом, высокомерным презрением и красным словцом прикрыть свое незнание предмета, становился в мифе олицетворением образованного интеллигента, на голову выше окружавших его «темных людей» в советском руководстве. Человек, повторявший расхожие в его среде русофобские шаблонные суждения и не сумевший найти ничего ценного в русской культуре, стал считаться олицетворением высокой культурности.

В мифе барские повадки, которые стали характерны для Троцкого после его прихода к власти, его упоение своим вельможным положением забылись, и он превратился в демократа, принципиального борца против привилегий. Человек, на совести которого было множество загубленных жизней, зачастую случайных жертв его эмоциональных решений, в мифе выглядел великим гуманистом. Прожженный политикан, посвятивший всю свою жизнь борьбе за власть и поднаторевший во всевозможных интригах, изображался как романтик революции. Все сомнительные связи с мировой закулисой, которые сыграли значительную роль в превращении Троцкого в заметную фигуру и во многом влияли на его деятельность, были преданы забвению. О Парвусе вспоминали лишь мимоходом.

Как во всяком мифе, здесь было свое мифологическое время, когда жизнь была идеальной, «не такой, как теперь». Мифологизированный Троцкий был вождем «чистой», «подлинной» революции, не имевшей ничего общего с той системой, которая восторжествовала после его поражения и изгнания. Такая идеализированная революция и ее романтизированный вождь не могли не привлекать симпатии юных сердец. Как и всякий миф, рассказ о Троцком был лишен неудобных сложностей и противоречий, а потому представлял собой простое, но в то же время яркое и эмоционально насыщенное объяснение прошлого.

В соответствии с особенностями жанра миф о Троцком имел не только героя, но и злого демона в лице Сталина. Как и всякий демон, он совершал все дела, присущие такому персонажу: скрывал завещание, в соответствии с которым власть должна была перейти к герою, узурпировал власть, преследовал героя с помощью коварства и обмана.

Подобно всякому мифу, в нем не только рассказывалось о прошлом, но с его помощью можно было объяснить настоящее. Поэтому, когда Н.С. Хрущев решил объяснить на XX съезде трудности, с которыми столкнулся он и его коллеги в решении государственных дел, он прибег к уже готовому троцкистскому мифу, хотя и не ссылаясь на подлинного автора. В точном соответствии с сюжетом троцкистского мифа о Сталине, Хрущев объяснял многие проблемы страны тем, что у власти 30 лет находился узурпатор, обладавший отталкивающими чертами характера. Такое изображение Сталина было почти буквально взято из сочинений Троцкого.

Как и всякий миф, рассказ о «преданной революции» Троцкого стал программой для движения в будущее. Возрождение «подлинной», «чистой» революционной идеи лежало в основе горбачевской перестройки. Во имя этого мифа перечеркивались все реальные достижения советских людей за 70 лет. Подвергалась сомнению ценность хозяйства, социальной сферы, культуры, образования, созданные усилиями советского народа и защищенные им в годы Великой Отечественной войны. Призыв к «возвращению» назад к мифологизированному «подлинному социализму» обернулся уничтожением всего, что было построено в реальной жизни.

Удивительным, но закономерным образом манящий миф о возврате к истокам революции соединился со своим антиподом – антисоветским мифом, во многом спровоцированным деятельностью Троцкого и рожденным еще в годы Гражданской войны. В ходе «холодной войны» этот антисоветский миф был вновь взят на вооружение внешними врагами нашей страны. Хотя в послевоенном варианте антисоветского мифа о «еврейской власти» уже не говорилось, но суть его была та же: советская история изображалась исключительно как период господства сил, враждебных народу, как годы разрушения и упадка. Разные «радиоголоса» транслировали на СССР книгу Солженицына, изображавшую всю советскую историю как период существования за колючей проволокой лагерей. Все достижения советских людей, подъем экономики, создание развитой системы социального обеспечения, расцвет науки и техники грубо перечеркивались и объявлялись «жизнью во лжи». Эта пропаганда сыграла огромную роль в победе США над Советским Союзом в ходе «холодной войны» и способствовала уничтожению великой державы.

С конца 80-х – начала 90-х годов антисоветский миф и миф Троцкого о «преданной революции» стали дополнять друг друга, работая на разрушение советской системы, предлагая в качестве альтернативы образцы западной цивилизации. Горбачевская перестройка органично соединилась с постсоветскими реформами, объявленными как путь нашей страны к мировому сообществу. «Перманентная революция» Троцкого нашла свое реальное воплощение в ломке Советского Союза и советской системы, а затем в последовательном уничтожении всего, что было создано советскими людьми за 70 лет. Превращение России в штат Соединенных Штатов Европы, о чем мечтал Троцкий, стало осуществляться по мере подчинения нашей страны ведущим монополиям Запада и его политическим интересам.

Удивительный симбиоз мифа о Троцком и его антимифа объясняется тем, что они имеют одну и ту же природу – глубокое презрение к народам нашей страны, их истории и культуре, их творческим возможностям. Исходя из второсортности нашей страны, и миф о Троцком и его антимиф предлагают в качестве единственного выхода для нее – присоединение нашей страны к «передовому» Западу в качестве сырьевого придатка, подчинение народов нашей страны западной цивилизации в качестве начинающих учеников.

В чем же причины живучести мифов и антимифов о Троцком? Известно, что ранние мифы человечества рождались в первобытном сознании, пытавшемся осмыслить мир на основе примитивных представлений о нем. Это сознание было не способно отличить естественное от сверхъестественного, было безразлично к противоречию и не владело абстрактными понятиями. Несмотря на колоссальный прогресс в области образования и информации подобные качества обнаруживаются и в сознании современных людей. Сложность и противоречивость современной жизни, лживость и лицемерие политических и государственных деятелей, а также обслуживающих их средств массовой дезинформации приводят к утрате прочных моральных и интеллектуальных критериев, позволявших адекватно воспринимать окружающий мир. Современный человек, даже получивший неплохое образование, запутывается в проблемах окружающей жизни, а потому нередко склонен принять яркий и простой миф в качестве удобного средства для объяснения прошлого, настоящего и будущего. Бесстыдно лживая байка, рассказанная с телевизионного экрана, крикливая ложь, растиражированная в газете, наглый обман, изложенный в книге, заменяют многим современным людям вдумчивый и правдивый поиск истины.

Средства же массовой манипуляции общественным сознанием постоянно творят и тиражируют мифы, позволяющие власть имущим управлять значительной частью планеты. Те же влиятельные мировые силы, которые вынесли Троцкого на политическую авансцену, вложили в его уста лозунг «перманентной революции», продвигали его всякий раз вперед, когда в России возникала очередная революция, помогали ему в его борьбе за власть, а затем ревниво заботились о нем и его репутации, теперь возрождают мифы и антимифы о Троцком как эффективные средства идейного порабощения людей.

Троцкий не случайно стал объектом мифологизации. Есть доля истины в заявлении И. Недавы, когда он называет Троцкого в своей книге «Вечный комиссар» «пророком (или лжепророком), издавна известным в еврействе». Надо лишь оговориться, что пророки и лжепророки бывали не только среди этого древнего народа. А поскольку почти все пророчества Троцкого оказались ложными, его следует отнести не к пророкам, а к лжепророкам.

В то же время подобные персонажи неизбежны в человеческой истории. Общественные потрясения и революции возникают постольку, поскольку развитие человеческого общества вступает в противоречие со сложившимися формами его организации. Борьба за изменение условий общественной жизни неизбежно вызывает стихию страстей, и на этой волне поднимаются люди, наиболее подходящие для их выражения. В наэлектризованной атмосфере революционной стихии на авансцену истории всегда поднимались личности, склонные выражать идеи разрушения старого строя и обещать быстрые пути к созданию новой, идеальной жизни.

Нет сомнения в том, что Троцкий обладал блестящим ораторским талантом. В то же время Троцкий выступал на темы мирной, созидательной жизни редко и не так ярко. Его красноречие процветало в разгоряченных аудиториях ожидания революции или в ее разгар. Его демагогические призывы к равному разделу всех личных вещей между людьми перед началом революции, его фантастические проекты создания высокоразвитого сельского хозяйства страны за пару лет, его популистские требования к государству немедленно решить сложные проблемы общества, его нигилистическое отношение к истории, культуре народа выражали настроения многих людей, склонных поверить простому и легкому решению сложных проблем. Троцкий оказывал гипнотическое воздействие на общество, находившееся в кризисном состоянии. Миф о Троцком рождался в среде, склонной поверить страстным речам тех, кто претендовал на роль пророков и вождей революции.

В пору, когда требовались вожди, способные поднять народ на восстание, повести солдат в Гражданскую войну, подавить сопротивление колеблющихся самым беспощадным образом, Троцкий мог сыграть свою историческую роль. В эти годы могли процветать люди, не склонные долго размышлять над сложными вопросами общественной жизни, прислушиваться к мнению других людей, уважительно относиться к чужому опыту, упорно работать над решением трудных проблем. Однако Троцкий оказался не способным к созидательной деятельности, требовавшей не только озарений, но и долгого, упорного труда, согласовывания своего мнения с другими людьми, уважения обычаев и культуры других народов. В жизни, далекой от революционных баталий, он оказывался пустоцветом.

По этой же причине миф о Троцком в той или иной форме возрождается всякий раз не во времена созидательного труда, а в пору общественных потрясений. И миф о Троцком, и его антипод – антисоветский миф разрушительны по своему происхождению и на их совести гибель многих стран и уничтожение многих миллионов людей. Поэтому лишь знакомство с реальной исторической фигурой Троцкого может стать противоядием от этих мифов и способствовать освобождению от их злых чар.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. (в 4 тт.). М., 1990.
Безыменский Лев. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.

Большая Советская Энциклопедия (1-е издание). Т. 24. М., 1927—1947.

Большая Советская Энциклопедия. (1-е издание). ВКП(б). Отдельный оттиск из XI тома. М., 1930.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963.

Буденный СМ. Пройденный путь. М., 1958.

Волкогонов Дмитрий. Троцкий. Политический портрет (в двух книгах). М., 1994.

Восьмой съезд РКП(б). Март – апрель 1919 года. Протоколы. М., 1959.

В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. (Вехи. Смена вех). М., 1992.

Второй съезд РСДРП. Июль– август 1903 года. Протоколы. М., 1959.

Гапон Георгий. История моей жизни. М., 1990.

Грациози Андреа. Большевики и крестьяне на Украине, 1918—1919 годы. М., 1997.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968.

Девятый съезд РКП(б). Март – апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Поход на Москву. Минск, 1991.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963.

Дикий Андрей. Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. М., 1994.

Дорошевич В.М. Рассказы и очерки. М., 1962.

Дубнов СМ. Краткая история евреев. Ростов н/Д., 2000.

Дюк Дэвид. Еврейский вопрос глазами американца. Мое исследование. М., 2001.

Земан З. и Шарлау В. Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991.

Зиновьев Г.Е. Лекции по истории РКП(б). Л., 1924.

Золя Эмиль. В защиту евреев. Сочинения. Т. 26. М., 1967.

Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 2001.

История дипломатии. М., 1958—1970.

История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967—1971.

История масонства. Смоленск, 2002.

Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного и советско-государственного работника. М., 1996.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. (В 2-х томах). М., 1990.

Кара-Мурза Сергей. Советская цивилизация. От начала до великой победы. (Книга первая.) М., 2002.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.

Кожинов Вадим. Россия. Век XX. 1901—1939. М., 1999.

КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1965.

Краснов Валерий, Дайнес Владимир. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М., 2000.

Кремнев Б. Красин. М., 1968.

Критика иудейской религии. М., 1964.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967—1972.

Малапарте Курцио (Зуккерт Карл Эрих). Техника государственного переворота. М., 1998.

Маркс К., Энгельс Ф. К еврейскому вопросу. Собрание сочинений. Т. 1.М., 1953—1965.

Матасов В.К. Белое движение на Юге России. 1917—1920. Монреаль, 1990.

Микоян А.И. Так было. М., 1999.

Недава И. Вечный комиссар (Троцкий и евреи). Иерусалим, 1989.

Никулин Лев. Тухачевский. М., 1964.

Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года. Стенографический отчет. М., 1963.

Октябрьская революция: Мемуары. М., 1999.

Олеша Ю. Ни дня без строчки. М., 1965.

Писемский А.Ф. Масоны. Собрание сочинений. Тт. 8—9. М., 1959.

Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956.
Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.-Л., 1933.
Полководцы Гражданской войны. М., 1969.
Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. В 2-х т. М., 1961.
Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. Апрель – май 1907 года. М., 1963.
Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М., 1991.
Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. Восставшая Мексика. Америка 1918. М., 1968.
Рид Дуглас. Спор о Сионе. М., 1993.
Роговин Вадим. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992.
Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962.
Селянинов. Тайная сила масонства. С. – Петербург, 1911.
Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795—1995). (В двух частях.) М., 2001—2002.
Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
Сталин И.В. Сочинения. М., 1946—1951.
Сталин И.В. Об оппозиции. Статьи и речи. 1921—1927 гг. М. – Л., 1928.
Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991
Третий съезд РСДРП. Апрель– май 1905 года. Протоколы. М., 1959.
Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963.
Троцкий Л.Д. История русской революции. Берлин, 1931.
Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М., 1923—1925.
Троцкий Л.Д. К истории русской революции. (Вступительная статья Н.А. Васецкого.) М., 1990.
Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001.
Троцкий Л.Д. Политические силуэты. М., 1990.
Троцкий Л.Д. Сочинения. М.-Л., 1925—1927.
Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаторов. М., 1990.
Уткин Иосиф. Стихи и поэмы. М., 1961.
Уэллс Герберт. Россия во мгле. М., 1970.
Фейхтвангер Лион. Сочинения. М., 1963—1969.
Форд Генри. Международное еврейство. Берлин, 1925.
Фроянов Игорь. Погружение в бездну. М., 2002.
Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. Апрель 1906 года. М., 1959.
Четырнадцатый съезд РКП(б). Декабрь 1925 года. Стенографический отчет. М.-Л., 1926.
Чехов А.П. Собрание сочинений. М., 1954—1957.
Шолом Алейхем. Тевье-молочник. Повести и рассказы. М., 1969.
Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.
Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится…». М., 1992.
Bullock Alan. Adolf Hitler. A Study in Tyranny. N. Y., 1961.
Campbell Josepeph. The Masks of God. Oriental Mythology. London, 1954.
Carell Paul. Hitler Moves East. New York, 1967.
Conquest Robert. The Great Terror. Harmondworth, 1971.
Deutscher Issac. The Prophet Armed. Trotsky. 1879—1921. Oxford. 1987.
Deutscher Issac. The Prophet Unarmed. Trotsky. 1921—1929. Oxford. 1987.
Deutscher Issac. The Prophet Outcast. Trotsky. 1929—1940. Oxford. 1987.
Deutscher Issac. Stalin. A Political Biography. London. 1966.
Goebbels Joseph. Diaries. Introduction by Louis P. Lochner. London. 1948.
Hitler Adolf. Mein Kampf. Cambridge. 1959.
Hough Jerry and Merle Fainsod. How the Soviet Union is governed. Harvard, 1979.

Kennan George. Russia and the West under Lenin and Stalin. N.Y., 1960.
Koestler Arthur. The Thirteen Tribe. London, 1976.
Smith Dennis Mac. Mussolini. New York. 1983.
Tachman Barbara. The Guns of August. New York, 1963.
Trotsky Leon. The Age of the Permanent Revolution. New York. 1964.
Trotsky Leon. The History of the Russian Revolution to Brest-Litovsk. London, 1919.
Trotsky Leon. In Defense of Marxism. (Against the Petty-Bourgeois Opposition.) New York, 1965.
Trotsky Leon. The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and where is it going? London, 1937.
Trotsky Leon. The Russian Revolution. New York. 1959.
Ulam Adam. Stalin. The Man and the Era. Boston, 1987.
Wilson Colin. New Pathways in Psychology. New York. 1972.
The Wisdom of Israel. Edited by Lewis Browne. New York, 1945.

Периодические издания

Бюллетень оппозиции.
Известия.
Известия ЦК КПСС.
Молодая гвардия.
Наш современник.
Правда.
Социальные науки (Социс).